

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории и археологии
Уральское отделение РАН

На правах рукописи

В.А. Журавлева

**ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ УРАЛА В 1920–1930-е гг.:
ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

**Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук
Специальность 07.00.02 – Отечественная история**

Научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор, заслуженный
деятель науки РФ
Г.Е. Корнилов

Екатеринбург

2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Историография темы и методология исследования	
§ 1. Историография темы	24
§ 2. Методология исследования	52
Глава 2. Источники данных о городском населении	
§ 1. Организация переписей населения в городах в 1920-е гг.	65
§ 2. Подготовка и проведение Всесоюзной переписи населения 1937 г. в городах	87
§ 3. Подготовка и проведение Всесоюзной переписи населения 1939 г. в городах	113
§ 4. Становление и развитие системы текущего учета населения в городах	142
Глава 3. Динамика численности городского населения	
§ 1. Городские поселения в 1920–1930-е гг.	172
§ 2. Городское население по переписям 1920-х гг.	202
§ 3. Городское население в период промышленной модернизации 1930-х гг.	218
§ 4. Городское население по данным всесоюзной переписи населения 1939 г.	239
Глава 4. Основные источники формирования городского населения Урала	
§ 1. Демографическая катастрофа в городах в начале 1920-х гг. и основные направления ее преодоления	254
§ 2. Естественное движение городского населения в 1924–1928 гг. и меры по его улучшению	287
§ 3. Естественное движение городского населения в условиях промышленной модернизации края (1929–1939 гг.)	334

§ 4. Младенческая смертность и состояние охраны материнства и младенчества	402
§ 5. Миграционное движение городского населения	444
Глава 5. Состав городского населения Урала	
§ 1. Социально-экономическая структура и занятия городского населения в годы новой экономической политики	468
§ 2. Социально-экономическая структура и занятия городского населения в 1930-е гг.	516
§ 3. Национальный состав, грамотность и отношение к религии	533
Заключение	554
Список источников и литературы	573
Приложения	
Приложение 1. Библиографический справочник	648
Приложение 2. Дата получения (лишения) официального статуса города населенными пунктами Урала в 1920–1930-е гг.	659
Приложение 3. Таблицы	664

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине XX в. демографические аспекты развития человечества превратились в одну из глобальных мировых проблем. Не стала исключением современная Россия, которая в ходе противоречивых трансформаций столкнулась с демографическим кризисом, связанным с падением рождаемости и ростом смертности, стойким абсолютным сокращением численности населения, с неконтролируемой миграцией жителей регионов в Москву и крупные областные центры. Неблагоприятная демографическая ситуация в нашей стране, сложившаяся к началу XXI в., сделала проблему актуальной и привлекла к ней внимание общественно-политических деятелей, средств массовой информации, ученых-демографов, экономистов, социологов, географов, историков и других специалистов.

Об особой значимости проблемы народонаселения для современной России свидетельствует утверждение Указом Президента РФ В.В. Путина от 9 октября 2007 г. Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года¹, нацеленной на улучшение демографической ситуации в стране. Впервые в отечественной государственной практике проблема демографии была названа ключевой, от решения которой зависит будущее России и ее потенциала. Документ сформулировал основные задачи демографической политики России: снижение уровня смертности граждан, прежде всего в трудоспособном возрасте; сокращение уровня материнской и младенческой смертности; сохранение и укрепление здоровья населения; регулирование внешней и внутренней миграции. Для понимания современных реалий демографического развития России требуется ретроспективное изучение ее народонаселения, главного компонента человеческого общества, понимаемого как совокупность людей, проживающих на определенной территории², и влияния на него социально-политических, экономических и культурных факторов.

В плане комплексного изучения проблем народонаселения особое значение

¹ См.: Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года: указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. URL: <http://www.protown.ru/information/doc/4291.html> (дата обращения 23.06.2015).

² Демографическая энциклопедия / редкол.: А.А. Ткаченко, А.В. Аношкин, М.Б. Денисенко и др. М., 2013. С. 501.

имеют 1920–1930-е гг. Эти два десятилетия минувшего века были насыщены важнейшими социально-политическими и экономическими событиями (новая экономическая политика, сталинская модернизация страны, урбанизация, коллективизация и т.д.), которые способствовали глубокой трансформации хозяйственных, политических и социальных сфер общества и ознаменовали крупнейшие в истории России за последние столетия демографические сдвиги. Россия из страны с преимущественно сельским населением быстро превращалась в страну с преобладанием горожан. В отмеченный период шла интенсивная работа по ликвидации неграмотности, снижению смертности населения, улучшению жизненного уровня трудящихся масс, что положительно отразилось на здоровье населения и продолжительности жизни людей. Вместе с тем все преобразования этого периода сопровождались огромными людскими потерями. За короткий период страна пережила две демографические катастрофы, негативные последствия которых Россия ощущает до сих пор. Исследование демографической истории страны этого периода позволяет использовать накопленный позитивный и негативный опыт в разработке научно-обоснованной демографической политики и решении современных проблем народонаселения России. Вместе с тем демографические процессы, протекающие в России, сопряжены с большим разнообразием жизни в пространственном отношении, поэтому особенно актуальным становится исследование их региональной специфики.

Актуальность темы определяется и первостепенным значением Урала в развитии СССР. В 1925 г. Уральская область была одной из крупнейших составных частей Советского Союза, ее площадь составляла 3,4 % от общесоюзной территории; по выпуску продукции крупной промышленности край занимал пятое место в стране. По уровню урбанизации область опережала многие административно-территориальные образования СССР. Уже в середине 1920-х гг. половину населения Горнозаводского Урала составляли горожане¹. 15 мая 1930 г. ЦК ВКП (б)

¹ Казанский Ф. Структура, динамика и удельный вес хозяйства Урала в общесоюзном хозяйстве // Хозяйство Урала. 1926. № 17. С. 24, 27–28.

принял постановление «О работе Уралмета»¹, определившем перспективы развития края в рамках промышленной модернизации Советского Союза. XVI съезд ВКП (б) указал, что «жизненно необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на востоке Второго основного угольно-металлургического центра СССР»². Широкая строительная программа обеспечила интенсивное индустриальное развитие края, резко повысила его роль и значение в экономической жизни страны. В 1936 г. Урал по производственным мощностям и выпуску промышленной продукции занял четвертое место в Советском Союзе после Московского, Ленинградского и Украинского районов³. Модернизационные процессы на Урале в годы довоенных пятилеток сопровождались ускоренной урбанизацией региона. Все это определило выбор темы настоящего исследования.

Объектом исследования выступает население, проживавшее в городских поселениях Урала в 1920–1930-е гг.

Предметом исследования являются историко-демографические процессы, протекавшие в городских поселениях Урала в 1920–1930-е гг., в частности изменения в численности, составе и размещении населения, особенности воспроизводства и миграции горожан.

Хронологическими рамками исследования являются 1920–1930-е гг. Начальный и конечный рубежи совпадают с важнейшими событиями демографической истории. Нижняя временная грань совпадает с Всероссийской переписью населения 1920 г., позволяющей оценить ситуацию с городским населением на момент начала новой экономической политики в крае. В качестве конечной точки работы выбран 1939 г. – время проведения Всесоюзной переписи населения, зафиксировавшей изменения в городском населении Урала за отмеченный период. Выбранные для исследования два десятилетия XX в. стали одним из переломных и наиболее драматичных периодов в истории России и региона. Они вобрали в себя период осуществления новой экономической политики и коренную перестрой-

¹ См.: КПСС В резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 14 т. / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. 9-е изд. М., 1984. Т. 5. С. 112–117.

² XVI съезд ВКП (б): стеногр. отчет. М.; Л., 1930. С. 1271.

³ Бакунин А.В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.). Свердловск, 1968. С. 373–374.

ку всех сфер жизни общества на социалистических началах, промышленную модернизацию края, приведшую к быстрому росту городов, что отразилось на развитии населения Урала, демографических характеристиках и составе горожан.

Территориальные рамки охватывают пределы Уральской области, образованной постановлением ВЦИК от 3 ноября 1923 г. «О введении в действие Положения об Уральской области». В ее состав вошли Екатеринбургская, Пермская, Тюменская и Челябинская губернии. Постановлением ВЦИК от 12 ноября того же года на территории Урала были упразднены губернии, область, по предложению УралЭКОСО, была разделена на 15 округов¹. Основанием для выделения Уральской области стали экономические мотивы и новые представления о крупном районе страны как производственном комбинате с четко выраженной специализацией. Вновь образованная область охватила почти весь горнозаводский Урал. К нему присоединили приуральские равнины, которые должны были стать продовольственной базой для промышленного населения региона. Включение Тобольского Севера в состав Уральской области было обусловлено задачами его быстрого культурно-хозяйственного развития на базе промышленной мощи края, а также проектами использования Северного морского пути для экспорта уральской продукции и перевозок леса из северной части Сибири для нужд металлургии Урала².

При образовании Уралобласти Уральское статистическое бюро по согласованию с Уралпланом и организационным отделом областного исполнительного комитета Совета разделило ее на четыре полосы: Предуралье, в состав которого включило Сарапульский, Кунгурский, Коми-Пермяцкий и Пермский (без Чусовского и Лысьвенского районов) округа; Горнозаводский Урал с Верхне-Камским, Тагильским, Свердловским, Златоустовским округами, Чусовским и Лысьвенским районами Пермского округа; Зауралье, в которое вошли Ирбитский, Ишимский, Курганский, Тобольский (кроме Севера), Троицкий, Тюменский, Челябинский и Шадринский округа; Тобольский Север с бывшими Березовским и Обдорским

¹ См.: Уральский торгово-промышленный справочник. 1924 г. / сост.: Н.Т. Балыков и др. Пермь, 1924. С. 71–73.

² Комар И.В. Урал: экономико-географическая характеристика. М., 1959. С. 10.

уездами Тобольской губернии¹. Зимой 1929–1930 гг. округа расположили уже по трем полосам. К Предуралью отнесли Верхне-Камский, Коми-Пермяцкий, Пермский, Сарапульский округа; к Горнозаводскому Уралу – Тагильский, Свердловский и Златоустовский; к Зауралью – Ирбитский, Ишимский, Курганский, Тобольский, Троицкий, Тюменский, Челябинский и Шадринский округа².

В 1934 г. было продолжено районирование Уральской области. Постановлением ВЦИК от 17 января 1934 г. она была разделена на Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую области³. В состав последней включили города Тюмень, Ишим, Тобольск, Ялуторовск, которые уже в декабре 1934 г. вошли во вновь образованную Омскую область⁴. Западная часть расформированной Уральской области (бывший Сарапульский округ) с Воткинском и Сарапулом была передана Удмуртской автономной социалистической республике, созданной постановлением ВЦИК от 28 декабря 1934 г.⁵ В связи с этими административно-территориальными изменениями к середине 1930-х гг. из состава Урала вышли города Воткинск, Ишим, Сарапул, Тобольск, Тюмень и Ялуторовск.

Указом Верховного Совета СССР от 3 октября 1938 г. Свердловская область была разделена на Свердловскую и Пермскую, в состав последней были включены города Пермь, Лысьва, Кизел и Чусовой. К Свердловской области отошел город Камышлов, ранее входивший в состав Челябинской области⁶.

Индустриальное развитие на Урале получило наибольшее развитие в Свердловской и Челябинской областях, в которых в 1937 г. было сосредоточено около 80 % основных промышленных фондов и свыше 80 % кадровых рабочих всего региона⁷. Поэтому здесь наиболее активно шел процесс урбанизации. Вот почему

¹ Лебедев Ф. Население Уралобласти // Хозяйство Урала. 1925. № 5–6. С. 123.

² Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Свердловск, 1930. Вып. I. С. V.

³ О разделении Уральской области: постановление ВЦИК от 17 января 1934 г. // СУ РСФСР. 1934. № 5. Ст. 35.

⁴ СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 мая 1940 г. М., 1940. С. 98.

⁵ О преобразовании Удмуртской автономной области в автономную социалистическую республику: постановление ВЦИК от 28 декабря 1934 г. // СУ РСФСР. 1935. № 2. Ст. 10; Бакунин А.В. Урал как единый промышленно-экономический район: препринт. Свердловск, 1991. С. 56.

⁶ О разделении Свердловской области РСФСР на Пермскую и Свердловскую области: указ Верховного Совета СССР от 3 октября 1938 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938–1944 гг. М., 1945. С. 76.

⁷ Черемных В.Г. Рабочий класс Урала в период социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (1928–1937 гг.): автореф. дис. ... д. ист. наук. Пермь, 1966. С. 7.

географию исследования вполне допустимо ограничить рамками Уральской области, с 1934 г. – Свердловской и Челябинской, с 1938 г. – Свердловской, Челябинской и Пермской областей. В современных административных границах Уральская область в изучаемый период – это Курганская, Пермская, Свердловская, Челябинская и частично Тюменская области, часть Удмуртской Республики. Перманентные административно-территориальные преобразования на Урале в 1920–1930-е гг., сопровождавшиеся изменением границ территорий, затруднили изучение объекта исследования и потребовали в конкретные периоды времени использовать сопоставимые данные, о чем неоднократно оговаривается в работе.

Цель исследования – изучить демографические процессы, протекавшие в городских поселениях Урала в 1920–1930-е гг.

В соответствии с этой целью определены **задачи исследования**:

- изучить процесс получения информации о городском населении Урала (организацию и проведение переписей и текущего учета населения);
- выявить факторы, влияющие на динамику городской поселенческой сети и расселение горожан Урала;
- проанализировать изменения численности городского населения региона, его половозрастные характеристики;
- исследовать процессы естественного движения в городских поселениях Урала, тип воспроизводства городского населения;
- определить причины и размеры естественной убыли городского населения региона в периоды демографических катастроф 1920–1922 гг. и 1933 – середины 1934 гг.;
- рассмотреть динамику и основные направления миграции, ее роль в формировании городского населения Урала в 1920–1930-е гг., демографические последствия принудительных миграций в города в 1930-е гг.;
- выявить изменения в социально-экономическом и этническом составе горожан, уровне их образования, религиозных убеждениях под воздействием политических и социально-экономических преобразований в стране и регионе.

Диссертационное исследование основывается на комплексном использовании широкого круга **источников**, что позволяет более детально изучить объект за счет привлечения данных из разных источников и перепроверки их. Источниковая база должна отражать предмет исследования во всем многообразии его структурных элементов и взаимосвязи, с учетом изменений во времени, то есть соответствовать принципам системности и динамичности.

Все используемые в исследовании источники, которые включают в себя опубликованные и неопубликованные, в соответствии с видовым принципом классификации делятся на законодательно-нормативные документы, делопроизводственную документацию, статистические документы, периодическую печать и источники личного происхождения.

Неопубликованные материалы содержат новую информацию и извлечены из 74 фондов 3 федеральных и 10 региональных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Курганской области (ГАКО), Государственного учреждения «Государственный архив общественно-политической документации Курганской области» (ГАОПДКО), Государственного архива Пермского края (ГАПК), Государственного архива Свердловской области (ГАСО), Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), Государственного краевого учреждения «Пермский государственный архив новейшей истории» (ПермГАНИ), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Государственного архива административных органов Свердловской области (ГААОСО), Архива Златоустовского городского округа (Архив ЗГО), Муниципального казенного учреждения «Городской архив» г. Магнитогорска (МКУ ГАМ). Значительная часть документов введена в научный оборот впервые.

Большое внимание в исследовании было уделено документам РГАЭ. В фонде 1562 Центрального статистического управления СССР представлены материалы

переписей (оп. 19, 336), механического (оп. 20) и естественного (оп. 329) движения населения СССР, РСФСР и Урала, которые позволили уточнить данные о ходе и итогах переписей, о рождаемости и смертности горожан, в том числе в половозрастном аспекте и по конкретным населенным пунктам, масштабах и особенностях миграции населения, сравнить их с союзными и общероссийскими данными. В этом фонде отложились обобщающие демографические сведения по Уралу первой половины 1930-х гг., которых не оказалось в архивах региона.

Фонды ГАРФ (Ф. Р-4041 – Главное управление коммунального хозяйства РСФСР; Ф. Р-5469 – Центральный Комитет союза рабочих металлистов; Ф. Р-7544 – Всесоюзный совет коммунального хозяйства при ЦИК СССР; Ф. Р-7952 – Государственное издательство «История фабрик и заводов» при ОГИЗе; Ф. А-314 – Народный комиссариат коммунального хозяйства РСФСР) содержат богатую информацию по санитарному состоянию уральских городов.

Ценным для диссертационного исследования стал личный фонд заместителя председателя СНК СССР и СТО В.В. Куйбышева в РГАСПИ (Ф. 79), включающий подготовительные материалы к его публичным выступлениям, отразившие отношение центральной власти к социальной сфере в начале индустриализации.

Значительный интерес представляют неопубликованные статистические материалы региональных архивов. Наиболее значимыми являются следующие фонды: в ГАСО – фонд Р-1812 (Уральское областное управление народнохозяйственного учета), фонд Р-1813 (Статистическое управление Свердловской области); в ОГАЧО – фонд Р-485 (Челябинское областное управление народнохозяйственного учета), фонд Р-1055 (Статистическое бюро Челябинского горисполкома); в ГАПК – фонд Р-493 (Пермское областное статистическое управление ЦСУ СССР); и др. В них содержатся итоги переписей, годовые сведения о численности городского населения, его естественном и механическом движении, причинах смерти горожан, в том числе младенцев, заболеваемости, брачности. Извлеченные из этих фондов документы позволили восстановить динамику численности горожан Урала, исследовать рождаемость, заболеваемость и смертность населения,

причины смерти по годам, возраст, пол и социальную принадлежность умерших, направленность миграционных перемещений горожан, сравнить демографические процессы в городской и сельской местности и в целом по Уралу. Вместе с тем из-за пробелов в текущем учете и плохой сохранности документов до нас дошли только отрывочные сведения о рождаемости и смертности горожан в начале 1920-х гг. За целый ряд лет 1930-х гг. статистические данные о естественном движении населения региона были неполными. В частности, в местных архивах не удалось найти сведения о причинах смерти горожан Свердловской области за 1934 и 1939 гг., Челябинской – за 1933–1936 гг., о половозрастном составе умерших жителей городов Челябинской области за 1933–1937 гг.

Следует выделить фонд Р–485 ОГАЧО. В нем отложились выборочные предварительные итоги переписи 1937 г. о численности верующих в городах Челябинской области и их возрасте. К сожалению, подобные материалы по городам Свердловской области не сохранились. В МКУ ГАМ в фонде 16 (Магнитогорское городское управление статистики) были обнаружены неопубликованные итоги переписи жителей Магнитогорска, проведенной в январе 1931 г., в том числе данные о численности населения, его половозрастном и национальном составе, социальном положении, грамотности.

Документы по динамике рождаемости и характеру родовспоможений, заболеваемости и смертности горожан Урала и мероприятиях по их снижению, количеству и характеру аборт, развитию сети лечебно-профилактических учреждений и их штатам, санитарному состоянию городов и предприятий отложились в фондах органов здравоохранения Урала. Извлеченные из них документы (справки, конъюнктурные отчеты, докладные записки, письма о ситуации на местах и проч.) помогли оценить состояние здравоохранения в городских поселениях и его влияние на естественное движение населения.

Не менее важное значение имеют фонды областных и городских партийных и советских органов власти Урала. Постановления и распоряжения Уральского обкома ВКП (б), с 1934 г. – Свердловского и Челябинского, а с 1938 г. – и Перм-

ского обкомов ВКП (б), горкомов ВКП (б), губернских, областных и городских исполкомов Советов и их отделов позволяют определить основные направления демографической и социальной политики Урала и меры по ее реализации; исследовать проблему становления, осуществления и совершенствования системы текущего учета населения; изучить процесс административно-территориальных преобразований в регионе. Сохранившиеся в указанных фондах отчеты, докладные записки, донесения, результаты обследований и прочие документы содержат разнообразный материал по теме исследования, в частности, как организовывались и проводились переписи населения в регионе, отношение к ним горожан, данные о санитарном состоянии городов, развитии здравоохранения и градостроительства в регионе. В 1930-е гг. широко практиковались секретные (не подлежащие оглашению) или только для служебного пользования аналитические записки по демографическим вопросам, они отличаются наибольшей полнотой и достоверностью.

Особый научный интерес представляют фонд Р467 (Управление ФСБ России по Челябинской области) ОГАЧО и фонд 1 (Управление ФСБ Российской Федерации по Свердловской области) ГААОСО. В них содержатся анкеты арестованных, протоколы допросов, выписки из заседаний особой тройки УНКВД по Свердловской и Челябинской областям, постановления Президиумов свердловского и челябинского областных судов, заявления осужденных в Управления КГБ по Свердловской и Челябинской областям. Эти документы позволили восстановить биографические данные работников статистических учреждений и органов народнохозяйственного учета Урала и проследить судьбу участников проведения переписи 1937 г. в крае. Более того, в Ф. 1 ГААОСО обнаружены акт от 15 мая 1940 г., составленный экспертной комиссией по проверке архивных материалов по переписи 1937 г., текущей отчетности и по лицам, проходившим по делу о переписи, и письмо заключенного Т.И. Величковского, бывшего начальника Бюро переписи населения Свердловского облУНХУ, направленное наркомуну внутренних

дел СССР Л.П. Берии и содержащее сведения об организации и проведении переписи 1937 г. в Свердловской области.

Важную группу источников составляют законодательно-нормативные документы. К ним относятся законодательные акты Советского государства. Они представлены в следующих публикациях: «Декреты Советской власти», «Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР» (СЗ СССР), «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР» (СУ РСФСР), «Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938–1944 гг.». Фронтальное изучение законов и постановлений ВЦИК и СНК РСФСР, а с декабря 1922 г. – ЦИК (с декабря 1936 г. – Верховного Совета СССР) и СНК СССР позволило реконструировать государственно-правовое регулирование социальных и демографических процессов в стране и на Урале в исследуемый период.

В нормативно-правовых актах СССР и РСФСР содержатся, во-первых, принципы упорядочения и регистрации поселенческой сети, даны четкие критерии городских поселений (постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках» 1924 г.; «О рабочих поселках» 1926 г., «О курортных поселках» 1927 г., «О дачных поселках» 1928 г. и др.). Во-вторых, регламентируется структура, полномочия и механизм деятельности статистических органов и органов народнохозяйственного учета (постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 23 мая 1927 г. «Об утверждении Положения о Центральном статистическом управлении РСФСР», постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 ноября 1927 г. «Об утверждении Положения о местных органах государственной статистики РСФСР», «Положение о республиканских, областных (краевых) и районных органах Центрального управления народнохозяйственного учета Союза ССР» от 10 марта 1932 г. и др.). В-третьих, определяется порядок сбора данных о народонаселении (постановление СНК СССР от 9 мая 1931 г. «Об организации учетно-статистических работ», постановление ЦИК и СНК СССР от 7 декабря 1933 г. «Об ответственности за предоставление неправильных учетных сведений и отчетных данных, а также за нарушение форм и сроков представления

учетно-отчетных материалов» и др.). В-четвертых, регламентируется процесс осуществления переписей населения (постановление ЦИК и Совнаркома СССР от 3 сентября 1926 г. «О производстве в 1926 году всесоюзной переписи населения», постановление СНК СССР от 28 апреля 1936 г. «О всесоюзной переписи населения 1937 года» и др.). В-пятых, регулируется социально-демографическая сфера (постановление СНК СССР от 26 декабря 1929 г. «О больничном строительстве в промышленных районах», постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» и др.).

Важную роль в выполнении законодательных решений Советского государства играли подзаконные акты. Особое значение имели решения Наркомата здравоохранения РСФСР¹. Они позволяют определить основные направления и конкретные меры демографической политики в сфере воспроизводства городского населения. Сборник «Советская власть и раскрепощение женщины» содержит декреты и постановления по охране материнства и является важнейшим источником для анализа мероприятий Советского правительства в этом направлении².

В основе законодательной и практической деятельности Советского государства в 1920-е и особенно 1930-е гг. лежали решения партийных съездов и ЦК ВКП (б), совместных постановлений ЦК ВКП (б) и СНК СССР. Они носили директивный характер и определяли курс деятельности государственных и хозяйственных органов, для их реализации принимались нормативные акты страны. В этом отношении особое значение имеют решения XVI съезда ВКП (б) и постановление ЦК ВКП (б) «О работе Уралмета» от 15 мая 1930 г., определившие стратегию развития региона, ставшей основой его урбанизации. Партийные решения содержатся в изданиях: «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», «Справочник партийного работника» и др.

¹ Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925–1940: сб. док. и мат-лов. / сост.: Л.И. Завалищенко, П.И. Гусев, П.П. Ковалев и др. М., 1973.

² Советская власть и раскрепощение женщины: сб. декретов и постановлений РСФСР. М., 1921.

Делопроизводственная документация в основном представлена следующими разновидностями¹: организационная документация (положения, правила, обязательства и проч.), распорядительная документация (решения, резолюции, приказы, инструкции, циркуляры, распоряжения, предписания и проч.), организационно-распорядительная или протокольная документация (протоколы и стенограммы заседаний руководящих работников областного и городского значения, собраний и совещаний, съездов и проч.), текущая деловая переписка (официальные письма, докладные записки и проч.), отчетные документы (отчеты, объяснительные и аналитические записки, демографо-статистические сводки, конъюнктурные обзоры, информационные сообщения, доклады). Делопроизводственная документация содержит огромный массив данных о демографической ситуации, здравоохранении, городском хозяйстве, быте местного и приезжего населения. Этот вид исторического источника позволяет определить направления деятельности областных и городских органов власти по решению проблем народонаселения. Практика публикации отчетов местных властей и материалов к ним характерна для 1920-х гг.², в 1930-е гг. это стало редкостью и касалось областных итогов³. Накануне переписей издавались всевозможные инструкции и информационные письма⁴, которые дают возможность изучить ход подготовки к ним. Часть делопроизводственной документации рассматриваемого периода вошла в региональные сборники доку-

¹ Классификация делопроизводственной документации дается по: Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пос. / И.Н. Данилевский и др. М., 1998. С. 572.

² Отчет Екатеринбургского губернского Экономсовещания Совету Труда и Обороне № 1 (июль–сентябрь). Екатеринбург, 1921; Краткие отчетные материалы Екатеринбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к VI губернскому съезду Советов. Екатеринбург, 1922; Отчет Красноуфимского уездного Экономического Совещания Екатеринбургскому Губэкономсовещанию № 2. Красноуфимск, 1922; Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6-му губернскому съезду Советов (декабрь 1922 г.). Челябинск, 1922; Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5-му съезду Советов Уральской области. Свердловск, 1925; Материалы к отчету Челябинского городского совета VIII созыва за 1926/27 и 1927/28 годы / под общ. ред. В. Трубочнинова. Челябинск, 1928; Материалы к отчету Пермского окружного исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов за 1927 и 1928 год. Пермь, 1929; Материалы к отчету Пермского окружного исполнительного комитета Советов Р.К. и К.Д. за 1928–29 год. Пермь, 1930; и др.

³ Четыре года борьбы за социализм: материалы к отчету Свердловского областного исполнительного комитета. Свердловск, 1934; Итоги хозяйственного и культурного строительства Челябинской области (II съезд Советов Челябинской области). Челябинск, 1936.

⁴ Всеобщая перепись населения 1920 года. Демографическо-профессиональная и сельскохозяйственная с учетом промышленных предприятий. М., 1920; Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информационное письмо № 5. Челябинск, 1936; Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информационное письмо № 10 о подборе кадров. Челябинск, 1936; и др.

ментов и материалов, которые стали публиковать с 1960-х гг.¹

Особую ценность в исследовательском плане имеют статистические документы, позволяющие определить основные тенденции социально-демографического развития страны и региона. К ним относятся статистические материалы ЦСУ СССР, ЦУНХУ и УНХУ РСФСР, статистических учреждений и органов народнохозяйственного учета Урала. В первую очередь это результаты Всероссийской переписи населения 1920 г., Всесоюзной городской переписи 1923 г., Всесоюзных переписей 1926, 1937 и 1939 гг.², апрельского (1931 г.) учета населения³. В целом ряде статистических сборников изучаемого периода, как общесоюзных⁴ и общероссийских⁵, так и региональных⁶, приведены данные переписей и текущей статистики по различным аспектам народонаселения, в том числе численности населения, его половозрастном и национальном составе, сословно-классовой принадлежности, естественном и механическом движении, количестве лечебно-профилактических учреждений, учебных заведений, состоянии городского хозяйства. В 1932 г. был опубликован статистический отчет «Магнитострой в

¹ Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919 – декабрь 1920 гг.): док. и матер. / ред.-сост. С.Н. Корнеенков. Челябинск, 1960; История индустриализации Урала (1926–1932 гг.): док. и матер. / гл. ред. В.Н. Зуйков. Свердловск, 1967; Из истории Свердловской области, 1917–1975: сб. док. и матер. / отв. сост. М.И. Туровец. Свердловск, 1982; Челябинская область. 1917–1945 гг.: сб. док. и матер. / под ред. П.Г. Агарышева. Челябинск, 1998; Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: сб. док. и матер. / сост. Е.Ю. Баранов, Г.Е. Корнилов / отв. ред. Г.Е. Корнилов. Оренбург, 2005. Т. 1; Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: док. и матер. (Пермская, Свердловская, Челябинская области): в 6 т. Т. 1: Общество и власть. Российская провинция. 1917–1941. Свердловская область: док. и матер. / отв. ред. А.А. Капустин, Г.Е. Корнилов. Екатеринбург, 2005; Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: док. и матер. (Пермская, Свердловская, Челябинская области): в 6 т. Т. 1: Общество и власть. Российская провинция. 1917–1945. Челябинская область: док. и матер. / отв. ред. Н.М. Рязанов, А.Н. Сахаров. Челябинск, 2005; Пермская область накануне Великой Отечественной войны: сб. док. / сост. В.Г. Светлаков. Пермь, 2005.

² Труды ЦСУ. Т. 1. Вып. 1. М., 1920; Вып. 3. М., 1921; Труды ЦСУ СССР. Т. XX. Ч. II. Вып. 1. М., 1924; Вып. 3. М., 1925; Вып. 4. М., 1925; Ч. III. Вып. 1. М., 1926; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IV. Отд. 1. М., 1928; Т. IX. М., 1929; Т. XXXVIII. М., 1930; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги / сост. Н.А. Араловец, В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. док. и матер. / сост. В.Б. Жиромская и Ю.А. Поляков. М., 2007; Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М., 1992; Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. Россия / сост. В.Б. Жиромская. СПб., 1999; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Уральский регион: сб. матер. / сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург, 2002; и др.

³ Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. Свердловск, 1933.

⁴ Труды ЦСУ СССР. Т. XVIII. М., 1924; Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1936; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): стат. сб. М.; Л., 1939;

⁵ Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства РСФСР за годы второй пятилетки. М.; Л., 1939;

⁶ Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. / под ред. К.И. Клименко. Челябинск, 1923; Статистический сборник на 1923 год. Оханск, 1923; Социалистическое строительство Урала за 15 лет (основные показатели). Свердловск, 1932; Свердловская область в цифрах. 1935: кратк. стат. справочник. Свердловск, 1936; Челябинск в цифрах. Челябинск, 1936; Челябинская область (кратк. стат.-эконом. справочник). Челябинск, 1941; и др.

цифрах»¹ с данными переписи горожан в Магнитогорске в 1931 г. Обилие статистических сборников, издававшихся на Урале в 1920-е гг. не только в губернских городах, а позже в областном центре, но и в отдельных городах края свидетельствовало о публикаторской активности местных статистиков. В 1930-е гг. их число сократилось, демографический материал в них сводился к численности населения, количеству объектов здравоохранения, образования и городского хозяйства.

Среди уральских статистических сборников исследуемого периода особое значение имеют «Уральский статистический ежегодник» в двух выпусках² и «Уральское хозяйство в цифрах», которое издавалось в течение шести лет³. Эти сборники имели специальный раздел «Территория и население», в котором публиковались итоги переписей, ежегодные данные о численности населения, в том числе городского, его естественном и механическом движении, смертности горожан по основным причинам смерти и возрастным группам, главным причинам детской смертности, браках и разводах на Урале. Все демографические сведения печатались в основном в абсолютном выражении. Такое единообразие в подаче статистической информации позволяет определить динамику демографических процессов, протекавших в регионе в 1926–1932 гг. Однако последний выпуск Уральского хозяйства в цифрах за 1931–1932 гг. уже не содержит прежнего объема сведений о населении. Под прямым влиянием политических изменений в стране исчезли данные о естественном и миграционном движении горожан.

Разнообразная и ценная информация о воспроизводстве населения, в том числе и на Урале, содержится в статистических сборниках «Естественное движение населения», издававшихся в СССР и РСФСР во второй половине 1920-х гг.⁴ На Урале медицинская статистика, в том числе сведения о рождаемости, смертности и заболеваемости горожан, сети лечебно-профилактических учреждений, их

¹ Магнитострой в цифрах. Стат. отчет за 1931 г. Магнитогорск, 1932.

² Уральский статистический ежегодник на 1923 г. / под ред. В.С. Немчинова, П.Ф. Неволина. Екатеринбург, 1923; Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. / под ред. В.С. Немчинова, П.Ф. Неволина. Свердловск, 1925.

³ Уральское хозяйство в цифрах. 1926 г.: кратк. стат. справочник. Свердловск, 1926; Уральское хозяйство в цифрах. 1927 г.: кратк. стат. справочник. Свердловск, 1927; Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г.: кратк. стат. справочник. Свердловск, 1928; Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г.: кратк. стат. справочник. Свердловск, 1929; Уральское хозяйство в цифрах. 1930 г. Вып. 1; Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг.

⁴ Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. М., 1928; Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. М., 1928; Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929.

штатах, представлена в ежегодных статистических изданиях, подготовленных Уральским областным отделом здравоохранения¹. В 1930-е гг. в регионе статистические сборники с такой тематикой уже не публиковались. Но данные по Уралу за конец 1930-х гг. есть в общесоюзном статистическом сборнике, посвященном здравоохранению, вышедшем в свет в 1946 г.² Статистические материалы позволяют сравнить демографические характеристики жителей уральских городов и аналогичных поселений в других регионах страны.

В качестве исторического источника в работе представлена периодическая печать. Она дает богатый материал, главным образом, фактического порядка. Материалы центральных («Большевик», «Вестник статистики», «Гигиена и эпидемиология», «План», «Плановое хозяйство», «Проблемы экономики», «Советская медицина», «Статистическое обозрение» и др.) и региональных «Медработник Урала», «Округ», «Пермский медицинский журнал», «Уральский медицинский журнал», «Хозяйство Урала», «Экономика» и др.) журналов и бюллетеней («Бюллетень бюро переписи населения Свердловского облУНХУ», «Бюллетень Уральского областного статистического управления», «Губерния в цифрах» и др.), дополняя архивные документы, позволяют полнее осветить развитие городского населения Урала в 1920–1930-е гг.

Региональные газеты «Уральский рабочий», «Красный Курган», «Магнитогорский рабочий», «Пролетарская мысль» и другие освещали ход подготовки и проведения переписей населения, проблемы быта горожан, жилищно-коммунальное и социально-культурное строительство городов. Как правило, данные материалы носили оперативный и субъективный характер, не содержали аналитической информации. Все это учитывалось при проведении исследования.

Таким образом, источниковая база исследования городского населения Урала в 1920–1930-е гг. довольно обширна и вполне репрезентативна. Изучение всей со-

¹ Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Свердловск, 1926. Вып. II; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Свердловск, 1928. Вып. III; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1927 год. Свердловск, 1929; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. Свердловск, 1929; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1929 год. Свердловск, 1931.

² Здравоохранение в Союзе ССР: стат. справочник / сост. М.Н. Преображенская. Рига, 1946.

вокупности названных выше источников позволило решить поставленные в исследовании задачи по избранной теме.

Научная новизна работы заключается в развитии нового историко-демографического направления – исследования региональных аспектов российской демографической модернизации. Проявлением новизны является следующее: это первое обобщающее историко-демографическое исследование городского населения в территориальных границах Уральской области (с 1934 г. – Свердловской и Челябинской, 1938 г. – Пермской, Свердловской и Челябинской областей); впервые указанные процессы на Урале рассмотрены в хронологических рамках 1920–1930-х гг.; предпринята первая попытка анализа демографических процессов на Урале в контексте модернизационных преобразований, выявлены особенности урбанизации региона; наряду с обобщением результатов, достигнутых предшественниками, в научный оборот введен большой корпус ранее не использованных общероссийских и региональных источников, а также изучен процесс получения информации о городском населении; впервые подробно и комплексно изучены итоги переписей и текущего учета городского населения Урала, в том числе региональной переписи в г. Магнитогорске (1931 г.), сделаны выводы об основных характеристиках горожан (численности населения, половозрастной структуре, естественном движении, миграциях, национальном составе, грамотности, социально-экономической структуре, религиозности), рассчитаны коэффициенты их рождаемости и смертности, в том числе младенческой, естественного прироста; определены масштабы и продолжительность демографических катастроф, размеры убыли населения в конкретных городских поселениях региона; опровергнуто существующее в исторической науке мнение о широкомасштабном использовании спецконтингента на промышленных предприятиях Урала в 1930-е гг.; в научный оборот введены имена работников органов статистики и народно-хозяйственного учета Урала; на основе критериев, характеризующих городское поселение, выявлен перечень городских поселений Урала накануне переписей 1920-1930-х гг., определены тенденции их развития. Наиболее существенные ре-

зультаты работы и их новизна позволили выработать целостное представление об историко-демографических процессах в городских поселениях Урала в 1920–1930-е гг.

Практическая значимость исследования. Работа позволяет понять истоки демографических проблем современной России и Урала и определить эффективные способы их решения. Материалы исследования могут быть использованы в обобщающих историко-демографических трудах по России и Уралу, в образовательной сфере – в курсах по истории, экономической истории, спецкурсах по краеведению и исторической демографии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В 1920-е гг. на Урале были созданы статистические органы, преобразованные в 1932 г. в органы народнохозяйственного учета (НХУ). Они наладили текущий учет городского населения, подготовили и провели в регионе переписи 1920–1930-х гг., тем самым собрав всестороннюю и системную информацию о горожанах. Итоги переписей достоверны; данные текущего учета, особенно миграций, при всех своих недостатках позволяют проанализировать основные изменения в естественном и миграционном движении городского населения.

2. Промышленная модернизация Урала в рассматриваемый период привела к ускоренной урбанизации региона, которая имела экстенсивный характер и проявилась в административном преобразовании населенных пунктов в городские и росте численности городского населения. В итоге изменилось соотношение городских и сельских жителей: в 1939 г. в Свердловской области удельный вес горожан в общем населении края превысил долю селян, к этому показателю вплотную подошли Челябинская и Пермская области. Но темпы урбанизации на Урале были выше, чем в СССР и РСФСР.

3. В 1920–1930-е гг. городские поселения Урала находились на этапе демографического перехода от традиционного типа воспроизводства населения к современному. Его региональная специфика проявилась в устойчивом снижении рождаемости при сохранении достаточно высокой смертности, уровень которой

превышал общесоюзный и общероссийский. На протяжении всего изучаемого периода сохранялась высокая младенческая смертность. Вместе с тем наметилась тенденция к неустойчивому снижению и смертности горожан. Естественное течение демографической транзиции в городских поселениях Урала прерывалось политическими и социально-экономическими катаклизмами. Они пережили две демографические катастрофы. В 1920–1930-е гг. горожане погибали в основном от экзогенных причин. Городские поселения края не смогли завершить первый этап эпидемиологического перехода.

4. Быстрый рост населения городов Урала осуществлялся за счет миграции, значение которой усилилось в годы промышленной модернизации. В условиях демографической катастрофы начала 1930-х гг. прирост населения был обеспечен только за счет мигрантов, прибывавших в города как добровольно, так и принудительно. Вместе с тем спецпереселенцы составляли незначительную часть жителей уральских городов. Основным источником пополнения горожан на протяжении всего изучаемого периода оставалась внутренняя миграция. В основном это были мужчины в трудоспособном возрасте. В годы индустриализации городские поселения региона вступили во вторую фазу миграционного перехода, в ходе которой массовые движения населения были обусловлены промышленной модернизацией страны.

5. Промышленная модернизация советского Урала привела к изменению социально-экономической структуры населения. Исчезли группы горожан, характерные для рыночного хозяйства периода нэпа. В 1939 г. подавляющее большинство экономически-активных городских жителей представляли рабочие (свыше двух третей) и служащие (около трети), которые были заняты, прежде всего, в тяжелой промышленности. В годы индустриализации в общественное производство активно вовлекались горожанки.

6. Материалы переписей 1920–1930-х гг. зафиксировали рост уровня грамотности горожан в результате осуществления Советским государством политики ликвидации неграмотности и введения обязательного начального образования.

Несмотря на численный рост умевших читать и писать не только среди школьников, но и взрослых, к концу 1930-х гг. не удалось достичь всеобщей грамотности. К тому же уровень образования оставался низким. Переписи 1920–1930-х гг. свидетельствовали о полиэтничности горожан, среди которых преобладали русские. Однако в годы индустриализации усилившаяся миграция изменила этнодемографическую структуру городских поселений. Выросла доля представителей других этносов в городском населении Урала. Сохранившиеся выборочные предварительные данные переписи 1937 г. по крупным городам Челябинской области выявили достаточно высокую религиозность населения.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы, трех приложений.

Глава 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ТЕМЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Историография темы

В изучении истории городского населения Урала в 1920–1930-е гг. можно условно выделить два основных периода: советский (1920–1980-е гг.) и постсоветский (с 1990-х гг. до наших дней). Внутри советского периода выделяется два этапа, которые различаются степенью полноты изученности темы, использования источников: 1920–1950-е гг. и 1960–1980-е гг.

Начало первого периода (1920-е гг.) характеризуется повышенным вниманием современников к демографическим проблемам, что обусловлено деятельностью Центрального статистического управления (ЦСУ) и его органов на местах, в задачу которых входили не только сбор данных текущего учета населения и проведение переписей, но и их разработка. К этому времени относятся и первые попытки изучения происходивших в обществе демографических процессов. В рамках нэпа восстанавливалось народное хозяйство страны, шел процесс возрождения городов и роста городского населения. В условиях же развернувшейся в СССР с конца 1920-х гг. индустриализации быстрыми темпами осуществлялась урбанизация со всеми вытекавшими для городских поселений последствиями. Требовалось прогнозировать развитие населения для решения социально-экономических и градостроительных проблем городов¹.

Важным стимулом для исследования демографических процессов стала Всесоюзная перепись населения 1926 г., материалы которой были широко опубликованы и оказались доступными к изучению в полном объеме. Не случайно сразу после переписи вышли и первые работы по ее результатам². В 1930 г. была издана

¹ Бабынин Б. Население РСФСР в 1926–1941 гг. // Бюллетень Госплана РСФСР. 1926. № 23–24. С. 20–38; Он же. Перспективы роста населения СССР в 1927/28–1932/33 гг. // Плановое хозяйство. 1928. № 10. С. 320–338; Он же. Перспективы естественного движения населения в РСФСР на ближайшие годы // Статистическое обозрение. 1930. № 6. С. 121–126.

² Квиткин О. Первые итоги переписи 1926 г. // Статистическое обозрение. 1927. № 1. С. 13–19; Население СССР (перепись 1926 г.) / сост. Р. Гринберг. М.; Л., 1928–1929.

монография Е.З. Волкова, посвященная динамике населения СССР за 80 лет. Однако Урал не стал объектом его изучения¹.

В центре внимания исследователей того времени были и вопросы естественного движения населения, так как первые годы нэпа характеризовались повышенным уровнем его смертности. Анализ общесоюзной научной демографической литературы 1920-х гг. по этой проблематике представлен в работах известных историков-демографов Д.К. Шелестова и В.З. Дробижева². Заслуга авторов первых публикаций по воспроизводству населения в том, что они подошли к проблеме как к целостному явлению, которое объединяет два основных процесса – рождаемость и смертность. Следует выделить работу П. Кувшинникова, который на основе двух изданий ЦСУ первой половины 1924 г. проанализировал естественное движение населения в 14 губерниях РСФСР. В отношении Екатеринбургской губернии он сделал важный вывод, что в начале 1920-х гг. рождаемость в этом регионе начала повышаться при сохранении высокой смертности³.

В 1928–1929 гг. были опубликованы статистические сборники о естественном движении населения СССР в 1923–1925 гг. и 1926 г. и РСФСР в 1926 г. Во вступительных статьях к ним, авторами которых были С.А. Бекунова, М.П. Красильников, А.Д. Кумм, Л.И. Лубны-Герцык, В.Г. Песчанский, А.Н. Шатерников⁴, дан подробный анализ состояния текущего учета демографических событий в стране и республике, естественного движения населения с выделением отдельных губерний, городского и сельского населения. В сборниках данные по городам Уральской области сравниваются с другими регионами, что позволило статистикам сделать вывод о высоком уровне рождаемости и смертности, в том числе

¹ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930.

² Шелестов Д.К. Демография: история и современность. М., 1983. С. 121–152; Дробижев В.З. У истоков советской демографии. М., 1987. С. 9–26.

³ Кувшинников П. Естественное движение населения РСФСР в 1920–1922 гг. // Вестник статистики. 1925. № 4–6. С. 99–135.

⁴ Красильников М.П. Введение // Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. С. III–XIII; Лубны-Герцык Л.И. Общие показатели естественного движения Европейской части СССР за 1924 и 1925 гг. // Там же. С. XIV–XXII; Песчанский В.Г., Бекунова С.А., Шатерников А.Н., Кумм А.Д. Естественное движение населения РСФСР в 1926 году // Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. С. XI–LIV; Лубны-Герцык Л.И. Естественное движение населения в СССР в 1926 году // Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. С. 7–34.

младенческой, на Урале. М.П. Красильников¹, опираясь на итоги переписи 1926 г., отметил низкий уровень урбанизации на Урале.

Уральские статистики М.П. Антонов, В. Кайгородов, А.И. Князев, В.Н. Смирнов, Р. Шубин на основе данных текущего учета и переписей населения оперативно выявляли причины изменения численности населения, анализировали рождаемость и смертность, социально-классовый и этнический состав, половозрастную структуру горожан². И.Н. Гридин обобщил материал по подготовке и проведению переписи 1926 г. на Урале, в том числе в городских поселениях³. Особо следует выделить работы заведующего отделом демографической статистики Уральского областного статистического управления Ф.Н. Лебедева по широкому кругу демографических проблем Урала и его городов⁴. Статистик пришел к важным для экономического развития края выводам. Из Первой мировой и Граждан-

¹ Красильников М.П. Население Урала и Северной Азии (Из итогов Всесоюзной переписи 1926 г.) // Северная Азия. 1929. Кн. 3. С. 55–82.

² Кайгородов В. Шадринский уезд в цифрах // Журнал Шадринского общества краеведения. 1923. № 1. С. 8–9; Смирнов В.Н. Предварительные итоги профессионально-демографической городской переписи 15 марта 1923 года по Екатеринбургской губернии // Губерния в цифрах. 1923. № 4. С. 15–23; Шубин Р. Всероссийская городская перепись 1923 г. Некоторые итоги переписи по Пермской губернии // Экономика. 1923. № 2–3. С. 61–63; Антонов М. Население города Перми (по данным переписей 1920 и 1923 годов) // Экономика. 1924. № 8. С. 43–44; Он же. Состав семей в г. Перми (по переписи 15 марта 1923 г.) // Экономика. 1924. № 9. С. 43–44; Он же. Итоги Всероссийской городской переписи 15 марта 1923 года по Пермскому округу (Демография) // Экономика. 1924. № 10. С. 63–64; Он же. Естественное движение населения за первую половину 1924 года (январь–июнь) в Пермском округе // Экономика. 1925. № 4 (23). С. 54–57; Князев А.И. Население и его состав // Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественно-историческом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган, 1925. С. 34–47; Смирнов В. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения по Свердловскому округу // Округ. 1927. № 3. С. 37–43; и др.

³ Гридин И.Н. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. в городах и городских поселениях Уральской области // Жилой и нежилой фонд городов и поселений городского типа Уральской области по данным разработки Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года. Свердловск, 1928. С. 1–8; Он же. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года в сельских местностях Уралобласти // Занятия населения Уральской области (по данным разработки Всесоюзной переписи населения 1926 г.). Свердловск, 1929. С. 81–119.

⁴ Лебедев Ф. Население Уралобласти // Хозяйство Урала. 1925. № 5–6. С. 121–128; Он же. К вопросу о семейной карте и системе разработки демографической переписи // Бюллетень Уральского областного статистического управления. 1926. № 1. С. 41–50; Он же. Предварительные итоги переписи городов и поселков Урала // Известия Уральского областного исполнительного комитета Советов РКК и К. 1927. № 2 (220). С. 15–16; Он же. Население Урала (Первые итоги переписи 1926 г.) // Хозяйство Урала. 1927. № 1. С. 136–141; Он же. Население Уральской области по переписи 1926 г. // Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Уральской области: справочник по округам, районам и сельсоветам Уральской области. Свердловск, 1927. С. 3–38; Он же. Народность и грамотность населения Уралобласти по переписи 1926 года // Хозяйство Урала. 1928. № 1. С. 160–167; Он же. Трудовые ресурсы Уралобласти // Хозяйство Урала. 1928. № 4. С. 150–155; Он же. Социально-экономическая структура населения Уралобласти (из итогов разработки переписи 1926 г.) // Хозяйство Урала. 1928. № 7. С. 117–134; Он же. Социально-экономическая структура и занятия населения Уралобласти // Занятия населения Уральской области (по данным разработки Всесоюзной переписи населения 1926 г.). Свердловск, 1929. С. 3–80; Он же. Смертность по социальным группам в городах // Хозяйство Урала. 1929. № 8–9. С. 210–220; Он же. Детская смертность на Урале в 1926–27 годах // Уральский медицинский журнал. 1930. № 1. С. 61–69; Он же. Семья и социальный состав уральского города // Население и жилищные условия городов Урала. Свердловск, 1929. С. 1–61; Он же. Возрастной состав населения Урала за 1927–38 гг. // Население и жилищные условия городов Урала. Свердловск, 1930. С. 62–89.

ской войн регион вышел с более сильным половозрастным составом населения, чем СССР. С 1924 г. возрастная группа в 5–16 лет, особо не потерявшая за предыдущий период, начала вступать в трудоспособный возраст, поставляя рабочую силу для народного хозяйства края. В дальнейшем проблема нехватки рабочих рук в городах должна была решаться за счет селян. Ф.Н. Лебедев одним из первых на Урале начал исследовать миграции горожан, которые, по его мнению, оказывали значительное влияние на социально-демографическую структуру населения. Вместе с тем статистик указывал на сложность изучения этой проблемы из-за плохой постановки механического учета горожан в рассматриваемый период¹.

Уральские врачи исследовали естественное движение горожан для выяснения причин высокой заболеваемости и смертности, особенно детской²; состояние искусственного прерывания беременности, влиявшего на рождаемость и здоровье женщин репродуктивного возраста³; профессиональную заболеваемость рабочих региона⁴. В 1926–1931 гг. были опубликованы статистические сборники о состоянии здравоохранения в регионе в 1925–1929 гг. с анализом динамики рождаемости и смертности, причин убыли населения, результативности мероприятий по улучшению воспроизводства жителей региона. Работники облздравотдела края свое повышенное внимание к естественному движению населения объясняли тем, что здоровье трудящихся являлось основным условием роста производительности труда и выполнения народнохозяйственных задач, вставших перед регионом⁵.

¹ Лебедев Ф. Механическое движение населения городов Урала // Хозяйство Урала. 1928. № 8–9. С. 150–161.

² Космодемьянский В.Н. Эпидемия сыпного и возвратного тифов среди гражданского населения гор. Перми во 2-ю половину 1921 года // Пермский медицинский журнал. 1923. № 1–2. С. 1–15; Моделевич М.С. Охрана здоровья трудящихся округа // Златоустовский округ 1917–1927 гг. (Десять лет работы Советов Р.К.К. и К.Д. Златоустовского округа). Златоуст, 1927. С. 91–98; Гаврилов К.П. Детская смертность на Урале // Уральский медицинский журнал. 1930. № 4. С. 57–67; № 5–6. С. 126–133; Курдов И.К. Заразные болезни в Уральской области в 1929 году // Уральский медицинский журнал. 1930. № 5–6. С. 118–125; Розет Г.И. Здравоохранение Пермского района на пороге 2-й пятилетки // Пермский медицинский журнал. 1932. № 5–6. С. 3–13; и др.

³ Каменева Н. Опыт социальной группировки данных об абортах (По материалам Уральской области) // Вестник статистики. 1928. № 1. С. 77–94; Накоряков Н.К. Статистические данные об абортах в г. Перми (1922–1926 гг.) // Уральский медицинский журнал. 1929. № 3. С. 81–95.

⁴ Щербина Г. Профессиональные отравления и заболевания в уральской промышленности // Уральский техник. 1928. № 4. С. 68–73; Виленский М.М. Болезни профессиональные // Уральская советская энциклопедия. Свердловск, 1933. Т. 1. С. 444–447; и др.

⁵ Иванов Н.И. Движение населения в Уральской области за 1925 год // Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 1–9; Серебренников В.С. Организация лечебного дела в Уральской области // Там же. С. 36–76; Курдов И.К. Общее состояние дела здравоохранения // Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 3–56; Он же. Краткая характеристика здравоохранения в 1927 году по сравнению с 1926 годов // Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1927 год. Свердловск, 1929. С. 3–9; Он же. Краткий очерк состоя-

На основе разработки данных Всесоюзной переписи 1926 г. и текущих материалов естественного движения населения были построены таблицы смертности и продолжительности жизни как для населения СССР¹, так и Уральской области, в том числе горожан².

Проблемы развития населения вообще и горожан в частности привлекали внимание краеведов³ и географов⁴. Они рассматривали специфику уральских городских поселений, большинство из которых представляли собой поселки при заводах. Многие из них, несмотря на численность, не имели статуса города.

В целом в 1920-е гг. авторами демографических работ являлись в основном статистики, экономисты, врачи и географы. Они анализировали объективные статистические данные о населении, в том числе и городов, часто в практических целях, для решения современных социально-экономических проблем, и не ставили перед собой задачу осветить демографические аспекты в общеисторическом плане. Но эти публикации, написанные современниками, отличаются точностью воспроизведения фактов и поэтому представляют собой не только историографический, но и источниковедческий интерес.

В 1930-е гг. в условиях нарастания негативных процессов в общественно-политической жизни страны резко сокращается число научной демографической литературы. Изучение демографических процессов было затруднено отсутствием систематических публикаций статистических сведений о населении, а также усилением идеологического давления на исследователей, не позволявшего им объективно освещать демографические процессы, происходившие в стране. В 1934 г. был закрыт Демографический институт АН СССР, учрежденный в 1930 г.⁵ Научные кадры периодически подвергались репрессиям. Резко сократилось число из-

ния здравоохранения на Урале в 1928 году по сравнению с 1927 годом // Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 3–21; Он же. Краткий очерк состояния здравоохранения на Урале в 1929 г. по сравнению с 1928 г. // Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1929 год. С. 3–21.

¹ Смертность и продолжительность жизни населения СССР, 1926–1927. Таблицы смертности. М.; Л., 1930.

² Смертность и продолжительность жизни населения Уральской области (Таблицы смертности по округам и половым группам). Свердловск, 1929.

³ Бирюков В.П. Природа и население Шадринского округа Уральской области. Шадринск, 1926.

⁴ Степанов П. Уральская область с приложением очерка Башкирской АССР. М., 1926.; Третьяков Б. Население Урала // Урал. Очерки физической и экономической географии Уральской области. Свердловск, 1926. С. 96–111; Уральская область и Башкирская АССР / под ред. С.С. Кривцова. Л., 1928. С. 37–45, 148.

⁵ Шелестов Д.К. Демография: история и современность. С. 135.

даний по народонаселению. Негативное влияние на демографические исследования оказала распространенная в эти годы точка зрения о постоянном возрастании в советском обществе численности населения, снижении заболеваемости и смертности людей. Постепенно в научных исследованиях демографическая тематика стала отходить на второй план, исчезать.

Определенный всплеск в демографических исследованиях связан с переписями населения 1937 и 1939 гг. Были предприняты первые попытки их изучения. Свое исследование проф. А.И. Гозулов¹ посвятил истории и организации переписей, их задачам и программам. Книга вышла накануне Всесоюзной переписи населения 1937 г. Ее ценность в том, что она не только обобщила мировой и советский опыт проведения переписей, но и позволяет понять представления управленческой элиты СССР о демографической статистике и оценить уровень ее амбиций. П.И. Пустоход² рассмотрел историю и организацию переписей населения 1920–1930-х гг., выделив специфику каждой из них. В его работе есть и материал о переписи 1937 г. В свете существовавших идеологических и политических установок автор констатировал, что она показала преуменьшенное количество населения СССР и искаженные данные о его составе. После проведения Всесоюзной переписи населения 1939 г. появились публикации, содержавшие ее итоги³. Однако, в отличие от 1920-х гг., в вышедших работах анализ демографических изменений, зафиксированных переписью, был подменен простой констатацией ее самых общих результатов. В Челябинской области в 1939 г. готовилось к печати трехтомное издание, посвященное Южному Уралу. Но был издан только первый том⁴, второй же со сведениями о населении региона так и не увидел свет.

¹ Гозулов А.И. Переписи населения СССР и капиталистических стран (опыт историко-демографической характеристики производства переписей населения). М., 1936.

² Пустоход П.И. Переписи населения в СССР // Воблый В.К., Пустоход П.И. Переписи населения (их история и организация). М.; Л., 1940. С. 104–148.

³ Бозин Д. Население страны социализма (К итогам Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г.) // Проблемы экономики. 1939. № 5. С. 35–46; Бозин Д., Дубровицкий Л. Первые итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г. // Плановое хозяйство. 1939. № 6. С. 18–33; Дубровицкий Л. Народонаселение Советского Союза (К итогам Всесоюзной переписи населения 1939 года) // Большевик. 1939. № 15–16. С. 109–123; Сулькевич С. Население СССР. М., 1939; Писарев И. Население страны социализма (К итогам переписи 1939 года) // Плановое хозяйство. 1940. № 5. С. 12–21; Он же. К итогам переписи населения СССР 1939 г. // Проблемы экономики. 1940. № 7. С. 82–90; Саутин И. Население страны социализма // Партийное строительство. 1939. № 12. С. 24–30; Он же. Население страны социализма // Большевик. 1940. № 10. С. 14–22.

⁴ Челябинская область: в 3 т. Т. 1: Природные богатства и их использование / сост. Н.Е. Борисов. Челябинск, 1939.

В последующие годы вплоть до конца 1950-х гг. изучение народонаселения было ослаблено. Демографию свели до уровня простого учета населения. Вместе с тем в 1948 г. вышла статья крупного советского демографа и экономиста А.Я. Боярского о естественном движении населения в России и СССР в 1915–1923 гг. Но во вступлении к работе автор оговорил территориальные рамки исследования – без Северного Кавказа и Урала. Статья А.Я. Боярского значима методикой расчетов, которая использовалась в последующее время¹.

Проблемами городской поселенческой сети и городского населения Урала продолжили заниматься ученые-географы. О.А. Константинов рассмотрел географическое положение городов края и выделил их характерные черты; И.В. Комар – динамику численности и состава городского населения региона². Но в целом в работах 1930–1950-х гг. численность горожан стала иллюстративным материалом для показа достижений в индустриальном развитии Урала в годы первых пятилеток³. Ученый-медик П. Тарасов⁴ рассмотрел историю здравоохранения на Южном Урале, в том числе в 1920–1930-е гг.

В послевоенный период, когда в СССР демографическая наука почти перестала существовать, вышла монография известного американского демографа и социолога Фрэнка Лоримера «Население Советского Союза: история и перспективы». Автор проанализировал итоги переписей 1926 и 1939 гг., дал достаточно объективную характеристику воспроизводства и миграции населения, оценил потери в ходе трагических событий в СССР в первой половине XX в. В книге приводятся статистические данные по Уральской области наряду с другими регионами, в том числе по городскому населению⁵.

¹ Боярский А.Я. К вопросу о естественном движении населения в России и в СССР в 1915–1923 гг. // Население и методы его изучения: сб. науч. тр. М., 1975. С. 225–238.

² Константинов О.А. Экономико-географическое положение больших городов СССР // Известия Всесоюзного географического общества. 1946. Т. 78. Вып. 2. С. 171–182; Он же. Городские поселения Урала // Вопросы географии, сб. 38. М., 1956. С. 78–103; Комар И.В. Урал: экономико-географическая характеристика. М., 1959.

³ См., к примеру: Пермь прежде и теперь (Материалы для докладчиков и беседчиков к XX годовщине Великой Октябрьской социалистической революции). Пермь, 1937; Наша область: прошлое и настоящее Свердловской области. Свердловск, 1938; Мещеряков П.В., Байдерин В.В. В помощь агитатору: материалы о прошлом и настоящем Челябинской области. Челябинск, 1939; Нейштадт А.И. Развитие городов Урала в годы сталинских пятилеток. Свердловск, 1951; Сержантов В.Г. Магнитогорск. Челябинск, 1955; и др.

⁴ Тарасов П. На страже здоровья трудящихся // Челябинская область за 40 лет Советской власти. Челябинск, 1957. С. 535–546.

⁵ Lorimer F. The population of the Soviet Union: History and prospects league of nations. Geneva, 1946.

Второй этап советской историографии темы начинается после XX съезда КПСС в условиях «оттепели» и охватывает период 1960–1980-х гг. Он характеризуется ростом научных кадров, оживлением исследовательской работы, введением в оборот большого количества документального материала. Интерес к демографической истории страны был стимулирован, во-первых, сложной демографической ситуацией в советском государстве (снижение рождаемости, распространение малодетной семьи, высокая миграция молодежи в города и пр.); во-вторых, первой послевоенной Всесоюзной переписью населения 1959 г. Этому способствовал и призыв известного историка В.К. Яцунского, прозвучавший в 1957 г., усилить исследования по истории населения¹. В 1963 г. в редакции журнала «Коммунист» состоялось совещание с участием ведущих демографов А.Я. Боярского, Д.И. Валентя, Б.Д. Петрова, Б.Ц. Урланиса и др., признавшее отставание в области демографической науки и необходимость его ликвидации².

В эти годы возникли научные центры по изучению проблем населения. В 1963 г. были образованы Отдел демографии НИИ ЦСУ СССР и Координационный совет по проблемам народонаселения при Минвузе СССР, а в 1965 г. – Проблемная лаборатория народонаселения в МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1980 г. начал работать отдел социально-демографических проблем в Институте социально-политических исследований РАН, в 1984 г. – Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии. Созданные научные подразделения способствовали углубленному изучению историко-демографической тематики. Показателем роста исследовательской деятельности в сфере исторической демографии стали регулярные научные конференции, совещания, симпозиумы по проблемам народонаселения СССР. Большое значение для историко-демографических изысканий имело появление в конце 1950-х гг. понятия «историческая демография», объектом исследования которой, по мнению Д.К. Шелестова, является демографическая история как органическая часть общественно-

¹ Яцунский В.К. О некоторых отстающих участках нашей исторической науки // История СССР. 1959. № 3. С. 17–36.

² Шелестов Д.К. Демография: история и современность. С. 156.

исторического процесса развития человечества¹.

Анализ общесоюзных научных публикаций по исторической демографии периода 1960-х – начала 1970-х гг. содержится в работах Д.К. Шелестова, В.З. Дробужева и Р.Н. Пуллата², что позволяет не останавливаться на их разборе. Отметим, что отечественные демографы А.Я. Боярский, А.Г. Вишневский, А.Г. Волков, А.И. Гозулов, М.Г. Григорьянц, И.Ю. Писарев, Р.И. Сифман и другие на основе опубликованных статистических данных изучали различные аспекты истории народонаселения СССР³. Л.Л. Рыбаковский, С.А. Ковалев, В.М. Моисеенко, Б.С. Хорев, В.Н. Чапек и другие исследовали проблемы миграции и размещения населения СССР⁴. Особо отметим фундаментальные работы сотрудника Института экономики АН СССР Б.Ц. Урланиса, которые оказали воздействие на многие исследования. Ученый проанализировал демографические процессы в стране в исторической ретроспективе. В работе «Рождаемость и продолжительность жизни в СССР» он впервые охарактеризовал воспроизводство населения, произвел расчеты рождаемости и смертности в Советской России в 1918–1922 гг., пересчитал коэффициенты рождаемости в СССР вплоть до Великой Отечественной войны⁵.

В этот период появились новые методологические концепции. Широкое распространение получила теория демографической революции, сформулированная

¹ Денисенко М.Б., Троицкая И.А. Предисловие // Историческая демография: сб. ст. / под ред. М.Б. Денисенко и И.А. Троицкой. 2-е изд. М., 2010. Вып. 14. С. 5.

² Шелестов Д.К. Демография: история и современность. С. 155–182; Он же. Основные этапы развития исторической демографии // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М., 1989. С. 15–28; Дробижев В.З. У истоков советской демографии. С. 154–174; Пуллат Р.Н. Тенденции развития и основные достижения исторической демографии в СССР на современном этапе // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 33–42.

³ Писарев И.Ю. Народонаселение СССР (социально-экономический очерк). М., 1962; Гозулов А.И., Григорьянц М.Г. Народонаселение СССР. Статистическое изучение численности, состава и размещения. М., 1969; Рождаемость и ее факторы: сб. ст. / под ред. А.Г. Волкова. М., 1968; Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974; Боярский А.Я. Население и методы его изучения: сб. науч. тр. М., 1975; Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР: сб. ст. / под ред. А.Г. Вишневского. М., 1977; и др.

⁴ Ковалев С.А. Изменения в размещении населения СССР за годы социалистического строительства // Вестник Московского ун-та. Серия V «География». 1968. № 3. С. 3–13; Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. М., 1973; Он же. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987; Миграционная подвижность населения в СССР / под ред. Б.С. Хорева и В.М. Моисеенко. М., 1974; Хорев Б.С., Моисеенко В.М. Сдвиги в размещении населения СССР. М., 1976; Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения (Стат.-геогр. очерки). М., 1978; и др.

⁵ Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963; Он же. Рост населения в СССР. М., 1966; Он же. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974; Он же. Народонаселение: исследования, публицистика: сб. ст. М., 1976; Он же. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР: сб. ст. / под ред. А.Г. Вишневского. М., 1977. С. 8–27; Он же. Эволюция продолжительности жизни. М., 1978.

А.Г. Вишневским¹. В коллективной монографии «Воспроизводство населения СССР»² рождаемость и смертность рассмотрены с точки зрения демографической революции. По мнению авторов, в СССР она началась в 1920-е гг. В ходе становления нового типа смертности к концу 1930-х гг. благодаря развитию медицины и повышению уровня жизни населения были достигнуты значительные успехи в борьбе с экзогенными причинами смерти, удалось поднять среднюю продолжительность жизни, особенно в городах, но этот процесс был прерван Великой Отечественной войной.

В 1960–1980-е гг. расширилась тематика историко-демографических исследований. Микробиолог и эпидемиолог О.В. Бароян рассмотрел историю борьбы с инфекциями в СССР³, основатель медицинской демографии М.С. Бедный предпринял медико-демографическое исследование народонаселения⁴. Врачи Е.И. Данилишина и А.П. Шишкин изучали меры, направленные на снижение детской и материнской смертности, а Е.И. Лотова, Х.И. Идельчик и И.В. Венгрова – развитие социальной гигиены в 1920–1930-е гг. не только в стране, но и на Урале⁵; медик Л.Е. Поляков выяснял, какова демографическая цена войны⁶. Проблемы правового регулирования демографических процессов были в центре внимания ученого-юриста Г.И. Литвиновой⁷.

В историко-демографические исследования включились историки. А.Г. Максимов на основе опубликованных данных выявил воздействие социально-экономических и политических изменений в советском обществе на численность и состав населения⁸. В.П. Данилов с помощью методов археографического и историко-демографического анализа реконструировал демографический процесс в стране в

¹ Вишневский А.Г. Демографическая революция. М., 1976.

² Воспроизводство населения СССР / под ред. А.Г. Вишневского и А.Г. Волкова. М., 1983.

³ Бароян О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М., 1968.

⁴ Бедный М.С. Продолжительность жизни в городах и селах. М., 1976; Он же. Медико-демографическое изучение народонаселения. М., 1979.

⁵ Лотова Е.И., Идельчик Х.И., Венгрова И.В. Место и роль социально-гигиенических исследований в изучении здоровья рабочих в СССР в 20–30-е годы // Советское здравоохранение. 1981. № 12. С. 51–54; Шишкин А.П. Борьба с детской смертностью в первые годы Советской власти // Там же. С. 46–50; Данилишина Е.И. Развитие охраны материнства и детства в СССР // Советское здравоохранение. 1983. № 1. С. 61–64.

⁶ Поляков Л.Е. Цена войны. Демографический аспект. М., 1985.

⁷ Литвинова Г.И. Право и демографические процессы в СССР. М., 1981.

⁸ Максимов Г.М. Движение и состав населения СССР // История СССР. 1961. № 1. С. 28–48.

1917–1929 гг.¹ В.З. Дробижев рассмотрел основные изменения в численности и структуре населения СССР, вопросы естественного и миграционного движения масс за 50 лет, выявил последствия демографических процессов, протекавших в стране². Ю.А. Поляков на основе разнообразных источников и подсчетов, осуществленных им по собственной методике при помощи ЭВМ, изучил численность, половозрастной и национальный состав, социальную структуру населения советских республик в 1918–1921 гг.³

Появились работы по истории городского населения СССР. А.Г. Рашин на материалах переписей 1926–1959 гг. проследил изменения в численности городского населения СССР под воздействием промышленного развития, подчеркнув, что особенно высокий рост горожан наблюдался на Урале и в Сибири⁴. Л.И. Васькина на основе итогов переписи 1926 г. охарактеризовала численность и состав городского населения СССР накануне индустриализации⁵. Началось изучение горожан в 1920–1930-е гг. на региональном уровне. В Сибири вышли работы А.С. Московского и В.А. Исупова по данной проблематике⁶.

В 1987 г. была издана монография В.З. Дробижева «У истоков советской демографии», ставшая заметным явлением в исторической демографии. Автор впервые рассмотрел процесс становления органов учета населения в стране в 1917–1927 гг., утверждение нового типа семейно-брачных отношений, роль государства в охране материнства и младенчества и укреплении здоровья трудящихся. В результате проведенного исследования В.З. Дробижев пришел к выводу, что социально-демографическая политика Советского государства стала одним из важных факторов восстановления численности населения в 1920-е гг., в том числе

¹ Данилов В.П. Динамика населения СССР за 1917–1929 гг. (Опыт археографического и источниковедческого отбора данных для реконструкции демографического процесса) // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 242–253.

² Дробижев В.З. Движение населения СССР и социальный прогресс. М., 1974.

³ Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1986.

⁴ Рашин А.Г. Рост городского населения в СССР (1926–1959 гг.) // Исторические записки. 1960. № 66. С. 267–277.

⁵ Васькина Л.И. Городское население СССР в канун социалистической индустриализации (По материалам Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 г.) // Вестник Московского ун-та. Серия IX «История». 1971. № 4. С. 3–19.

⁶ Московский А.С. Рост городского населения Сибири в годы первой пятилетки // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. Вып. 2 (№ 5). Новосибирск, 1966. С. 73–79; Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984; Исупов В.А. Динамика численности городского населения Сибири в период строительства социализма // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 28–45.

и городов, накопления трудовых ресурсов накануне вступления СССР в период социалистической реконструкции народного хозяйства¹.

Отечественные историки обратились к изучению социальной структуры советского общества, отдельных его классов и слоев². Особый интерес представляет работа В.Б. Жиромской, посвященная практически неизученной проблеме – исследованию социальной структуры горожан в период введения и интенсивного развития нэпа. Автор на основе материалов переписей населения 1920 и 1926 гг., а также Всесоюзной городской переписи 1923 г., результаты которой она ввела в научный оборот, показала, как менялся социальный облик городов. В.Б. Жиромская проследила изменение соотношения классовых сил в структуре городского населения и пришла к выводу, что социальная структура городского населения оставалась сложной и типичной для переходного периода на протяжении всей эпохи нэпа, однако сложившаяся система ограничения и вытеснения частного капитала создавала предпосылки для дальнейших коренных социальных преобразований в городе. Ценность работы В.Б. Жиромской и в том, что она рассмотрела социальную структуру городов не только на уровне страны, но и регионов. Однако Урал не стал объектом ее изучения³.

В 1980-х гг. появились и обобщающие работы, которые подвели итог изучению народонаселения СССР. В коллективной монографии «Население СССР за 70 лет»⁴ на основе большого фактического материала дан ретроспективный анализ демографического развития СССР за годы Советской власти. Авторы исследования отмечали высокие темпы роста городского населения, в том числе на Урале, в годы индустриализации. Быстрое снижение смертности в 1920-е гг. они объясняли социальной политикой государства – ликвидацией послевоенной разрухи, безработицы, нищеты и детской безнадзорности, оживлением хозяйствен-

¹ Дробижев В.З. У истоков советской демографии.

² Дробижев В.З. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1966; Сенявский С.А. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938–1970. М., 1973; Степин А.П. Социалистическое преобразование общественных отношений городских средних слоев. М., 1975; Трифионов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975; Дробижев В.З., Лельчук В.С. Наш советский рабочий класс (1917–1977). М., 1979; Изменения социальной структуры советского общества (1921 – середина 30-х годов) / отв. ред. В.М. Селунская. М., 1979; Васькина Л.И. Рабочий класс СССР накануне социалистической индустриализации (численность, состав, размещение). М., 1981; и др.

³ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 годах: проблемы социальной структуры. М., 1988.

⁴ Население СССР за 70 лет / отв. ред. Л.Л. Рыбаковский. М., 1988.

ной жизни страны, мероприятиями по охране материнства и младенчества. Собственно медицинские меры, по их мнению, имели относительно меньшее значение.

В целом научной литературы по демографии стало так много, что Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова с 1971 г. начал публиковать информационно-библиографический бюллетень литературы «Демография и социально-экономические проблемы народонаселения». В настоящий момент вышло 12 выпусков, охвативших научные труды по данной проблематике вплоть до 2010 г.

На Урале, несмотря на значительный интерес к историко-демографической тематике со стороны общесоюзных ученых, исследованием народонаселения занимались экономисты¹; медики, всесторонне исследуя развитие здравоохранения на Урале в 1920–1930-е гг., поднимали проблемы заболеваний и летальности от них²; городскую поселенческую сеть изучал географ Е.Г. Анимича³. Историки же, опираясь на марксистско-ленинскую идеологию и формационный подход к историческому познанию, свое основное внимание сосредоточили на социально-классовой структуре населения⁴. В работах уральских историков также изучалась

¹ Вагина Г.Н. Некоторые закономерности естественного движения населения городов Урала // Тр. первой научной сессии по проблемам развития городских поселений Уральского экономического региона. Пермь, 1968. Вып. 3. Т. 2. С. 24–29; Кузовлев П.М. Особенности механического движения населения городов Урала // Там же. С. 17–23; Он же. К истории формирования населения Урала // Проблема формирования и развития населения Урала. Свердловск, 1977. С. 5–24; Особенности воспроизводства и миграции населения на Урале: сб. науч. тр. / отв. ред. И.П. Мокеров. Свердловск, 1986; и др.

² Селезнева В.Т. Здравоохранение Урала «лицом к производству» (1930–1934) // Советское здравоохранение. 1963. № 4. С. 23–29; Она же. Здравоохранение Пермской губернии в годы перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Тр. Пермского гос. мед. ин-та. Пермь, 1963. Т. 43. Вып. 2. С. 338–345; Она же. Здравоохранение в Пермском округе в 1926–1929 годах // Там же. С. 346–353; Тарасенков П.Н. Развитие здравоохранения на Урале в 1928–1937 годах // Там же. С. 354–361; Гудошников Ф.Ф., Новоселов Р.С. Из истории становления советского здравоохранения на Урале // Советское здравоохранение. 1968. № 1. С. 66–69; Становление охраны здоровья народа на Южном Урале / Д.К. Соколов, Р.С. Алексеева, Г.Ф. Еремин и др. Челябинск, 1970; Гаврилова В.А., Гликштейн М.Д. Из истории развития гигиены труда на Урале после Великой Октябрьской социалистической революции // Гигиена и санитария. 1973. № 7. С. 58–61; Розенфельд Л.Г., Мещерякова Г.П. Итоги здравоохранения Южного Урала за 60 лет Советской власти – вклад в выполнение программы охраны здоровья советского народа. Челябинск, 1978; Они же. Здравоохранение Южного Урала за годы Советской власти // Советское здравоохранение. 1978. № 1. С. 14–19; и др.

³ Анимича Е.Г. Вопросы формирования сети городов Свердловской области // Вопросы экономической истории и экономической географии: сб. ст. Свердловск, 1964. С. 136–151; Он же. Формирование системы городских поселений Свердловской области // Тр. кафедры экономической географии СИНХ, вып. 2. Свердловск, 1970. С. 66–113; Он же. Города Среднего Урала. Свердловск, 1975; и др.

⁴ См.: Главацкий М.Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926–1937 гг.). Свердловск, 1974; Захарова Е.Г., Фельдман В.В. Изменения численности и состава рабочего класса Урала в 1921–1928 гг. // Рабочий класс Урала в период строительства социализма: сб. ст. / отв. ред. А.В. Бакунин, А.А. Антупьев. Свердловск, 1982. С. 26–42; Щербакова Н.М. Рабочий класс Урала в годы первой пятилетки // Там же. С. 43–56; Бакунин А.В. Количественные и качественные изменения в составе рабочего класса Урала (1933–1937 гг.) // Там же. С. 57–

деятельность партийно-советской власти по развитию здравоохранения и народного образования, улучшению бытовых условий жизни трудящихся масс, составлявших значительную часть горожан¹. А.В. Бакунин, В.А. Цибульникова, И.М. Яскина показали, что недооценка градостроительства в условиях быстрого роста населения Урала в период индустриализации привела к повышенной заболеваемости и смертности горожан². В 1982 г. вышла небольшая статья В.Г. Айрапетова³, в которой автор на основе материалов Всесоюзной переписи 1939 г. проанализировал не только численность рабочих и служащих Урала, но и население региона в целом. Появились историко-демографические исследования по сельскому населению региона в 1920–1930-е гг.⁴

Между тем власть усилила внимание к проблемам народонаселения и управлению демографическими процессами в регионе, о чем свидетельствует факт издания сектором трудовых ресурсов Института экономики Уральского научного центра АН СССР статистического справочника «Население Уральского экономического района» под грифом «Для служебного пользования»⁵, в котором содержатся статистические данные за 1926–1972 гг., характеризующие демографическую ситуацию в регионе.

80; Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900 (Численность, состав, положение). М., 1985; Куликов В.М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы на Урале. 1925–1932. Свердловск, 1987; и др.

¹ См., к примеру: Бакунин А.В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.); Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.). Свердловск, 1970; Зуйков В.Н. Создание тяжелой индустрии на Урале (1926–1932 гг.). М., 1971; Тертыйшный А.Т. Забота Советской власти о развитии здравоохранения и народного образования на Урале после разгрома колчаковщины (1919–1920 годы) // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1973. Сб. № 12. С. 62–72; Вожева Л.Б. Деятельность партийных организаций Урала по улучшению жилищно-бытовых условий рабочего класса в годы второй пятилетки // Борьба партии за социалистический быт (1921–1937 гг.): сб. науч. тр. Волгоград, 1985. С. 14–28; Цепилова В.И. Деятельность партийных организаций по укреплению материальных предпосылок социалистического быта рабочих (1928–1932 гг.) // Там же. С. 3–13; Фельдман В.В. Восстановление промышленности на Урале (1921–1926 гг.). Свердловск, 1989; и др.

² Яскина И.М. Партийное руководство строительством социалистических городов в промышленных центрах Урала в годы первой пятилетки: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1980; Бакунин А.В., Цибульникова В.А. Градостроительство на Урале в период индустриализации: препринт. Свердловск, 1989.

³ Айрапетов В.Г. Численность населения, рабочих и служащих Урала по материалам Всесоюзной переписи 1939 г. // Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938–1958): информ. мат-лы. Свердловск, 1982. С. 27–29.

⁴ Корнилов Г.Е. Социальная структура уральской деревни накануне Великой Отечественной войны // Население и трудовые ресурсы уральской советской деревни: сб. науч. тр. Свердловск, 1987. С. 33–44; Шеврин И.Л. Всесоюзная перепись населения 1926 г. как исторический источник по изучению доколхозного крестьянства Урала // Там же. С. 16–23.

⁵ Косяков П.О., Кузовлев Н.М., Гаврилова Л.И. Население Уральского экономического района: стат. справочник. Свердловск, 1972.

В целом в 1960–1980-е гг. проблемы народонаселения Урала все еще не стали объектом специального изучения историков. Не случайно авторы статьи по историографии истории Урала, написанной для Уральской исторической энциклопедии, сделали вывод, что с конца 1980-х гг. вопросы исторической демографии в регионе выдвинулись на передний план и требовали изучения¹.

Таким образом, второй этап историографии характеризовался усилением интереса к историко-демографическим проблемам. Ученые изучали динамику численности населения страны, в том числе и городского, его воспроизводство, проблемы миграции, социальный состав, влияние войны на демографическое развитие страны. Но все еще оставались недоступными для исследования статистические материалы, особенно 1930-х гг. Большинство работ по историко-демографической проблематике, появившихся с конца 1950-х гг., в определенной степени несло на себе печать идеологической схемы, многие негативные демографические процессы просто замалчивались. Требовалось совершенствование методики обработки массовых статистических источников². Но именно тогда был накоплен методологический опыт анализа историками статистических материалов, созданы труды, авторы которых сумели так поставить исследуемые проблемы, что глубина их решения стала понятна только спустя годы.

С 1990-х гг. начинается второй (постсоветский) период в разработке истории городского населения. В 1992 г. в Институте российской истории РАН был сформирован Центр изучения истории территории и населения России. В этот период открываются архивы, в научный оборот вводятся ранее засекреченные материалы Всесоюзных переписей 1937 и 1939 гг., текущего учета населения. Началось изучение подготовки и проведения переписей, ученые подвергли сомнению их результаты³. Итоги научной дискуссии о достоверности переписи 1937 г. были под-

¹ Историография истории Урала / А.В. Бакунин, Д.В. Гаврилов, В.Д. Камынин, И.В. Побережников // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 244.

² Дробижев В.З. Некоторые вопросы источниковедения историко-демографических исследований советского общества // Проблемы исторической демографии СССР: сб. ст. Таллин, 1977. С. 67–72.

³ Волков А.Г. Из истории переписи населения 1937 г. // Вестник статистики. 1990. № 7. С. 45–56; Он же. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда // Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. Экспресс-информация, сер. «История статистики». Вып. 3–5 (часть III). М., 1990. С. 6–63; Лившиц Ф.Д. Перепись населения 1937 года // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. М., 1990. С. 174–208; Жиромская В.Б. Всесоюзные

ведены В.Б. Жиромской. Проанализировав все точки зрения по этой проблеме, она пришла к обоснованному выводу, что все исследователи определяли недоучет населения в переписи в пределах 0,3–0,5 %, что не расходилось с данными начальника ЦУНХУ Госплана СССР А.И. Кравалю (0,4–0,5 %). Таким образом, итоги переписи отличались высокой точностью, выдвигавшиеся против нее обвинения были беспочвенны¹.

В 1990-х гг. в научной литературе был поставлен вопрос о достоверности итогов переписи 1939 г. В.Б. Жиромская изучила организацию, проведение, результаты переписи 1939 г., проанализировала все публикации по проблеме надежности ее итогов и выделила три точки зрения на проблему. Одни ученые (Ю.Б. Симченко, М.С. Тольц и др.) считали, что перепись фальсифицирована настолько, что использовать представленные в ней данные нецелесообразно. Большинство же исследователей (С.И. Брук, В.А. Исупов и др.), признавая факт фальсификации численности населения в 1939 г., считали ее незначительной и пользовались этой цифрой без каких-либо поправок. Третья группа ученых (В.В. Цаплин, В.Б. Жиромская, Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова), также признавая факт фальсификации итогов переписи, полагала, что ими можно пользоваться при внесении соответствующих поправок. При этом ученые второй и третьей группы сходились во мнении, что фальсификация была допущена в незначительных размерах². Процент неоправданной приписки к результатам переписи у них колебался от 0,9 до 1,4 % от всего населения. По мнению В.Б. Жиромской, преднамеренная фальсификация населения СССР во время переписи 1939 г. составила 1,7, а России – 1,6 %, поэтому она считала, что материалами переписи можно

переписи населения 1926, 1937, 1939 годов: история подготовки и проведения // История СССР. 1990. № 2. С. 84–104; Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Репрессированная перепись // Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М., 1991. С. 4–21; Жиромская В.Б. Возвращенные цифры (Всесоюзные переписи населения 30-х годов как исторический источник) // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. С. 385–396; Она же. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: сб. науч. тр. М., 1994. С. 27–49; Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996; Исупов В.А. Живая цифра: к истории переписей населения // ЭКО. 2001. № 11. С. 149–165; Батырбаева Ш.Д. К вопросу о достоверности материалов переписи населения 1926 года // Историческая демография. М.; Сыктывкар, 2007. С. 121–124; Поляков Ю.А. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: историческая обстановка // Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. док. и мат-лов. М., 2007. С. 5–9; Алсуфьев А.А. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: итоги и проблемы достоверности // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2010. Т. XXXI. С. 429–435; и др.

¹ Жиромская В.Б. История подготовки и проведения переписи населения 1937 года // Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. док. и мат-лов. М., 2007. С. 23.

² См.: Жиромская В.Б. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины. С. 29–30.

пользоваться, но при условии их коррекции¹.

Значительно увеличившаяся источниковая база стала основой для понимания происходивших в 1920–1930-е гг. демографических процессов, способствовала расширению круга изучаемых демографических проблем. Научная общественность обратилась к проблеме людских потерь, понесенных СССР и РСФСР в 1930-е гг. под воздействием индустриализации и коллективизации². Исследователи уделили особое внимание насильственным переселениям и спецпоселенцам³, семейно-брачным отношениям, в том числе в городе⁴, воздействию государства на демографические процессы в СССР в 1920–1930-е гг.⁵, религиозности граждан⁶, естественному движению населения страны и ее горожан⁷, младенческой смертности⁸, борьбе с эпидемиями в России в XX в.¹, состоянию советской стати-

¹ Жиромская В.Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г. в историографии: оценка достоверности // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 469–477; Она же. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: история проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. С. 4–12; Она же. Население России в переписи 1939 г. // Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. Россия. С. 8–19.

² Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е гг. // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175–181; Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 18–26; Араловец Н.А. Изучение людских потерь советского общества в 30-е гг. // Население России и СССР: новые источники и методы исследования: сб. науч. ст. Екатеринбург, 1993. С. 45–51; Она же. Потери населения России и СССР в конце 20-х–30-е годы в историографии // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: сб. науч. тр. М., 1994. С. 68–81; Она же. Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. № 1. С. 135–146; Жиромская В.Б. Голод 1932–1933 гг. в России: оценка людских потерь // Преподавание истории и обществоведения в школе. 2009. № 6. С. 13–18; Она же. Голод 1932–1933 годов в России и современные международные отношения // Вестник Российского государственного университета. 2009. № 14. С. 92–101; Денисенко М. Демографический кризис в СССР в первой половине 1930-х годов: оценки потерь и проблемы изучения // Историческая демография: сб. ст. М., 2010. С. 106–142; и др.

³ Полян П. Не по своей воле...: история и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17; Он же. Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 74–75; Он же. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003; и др.

⁴ Араловец Н.А. Городская семья в России 1897–1926 гг.: историко-демографический аспект. М., 2003; Она же. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009; Греус П. Межнациональные браки на территории Российской Федерации в 30-е годы XX века // Историческая демография: сб. ст. С. 94–105; и др.

⁵ Поляков Ю.А. Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920–1930-е годы) // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 122–128.

⁶ Жиромская В.Б. Верующие и неверующие в 1937 г.: демографическая характеристика (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Население России и СССР: сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993. С. 24–28; Она же. Религиозность народа в 1937 году (По материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. 2000. № 5. С. 46–54; Чумакова Т. «Карта религий» для неудавшейся Всесоюзной переписи 1937 г.: забытая страница советского религиоведения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 106–133; и др.

⁷ Кириллова Д.А. Рождаемость, смертность и прирост населения СССР в 1933–1939 гг. Чебоксары, 1994; Киселев И.Н. Естественное движение населения в 1930-х годах // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: сб. науч. тр. С. 50–67; Араловец Н.А. Смертность городского населения России в 90-е годы XIX в.–20-е годы XX в.: социально-экологический аспект // Историческая экология и историческая демография: сб. науч. ст. М., 2003. С. 115–124; Жиромская В.Б. Экология и смертность населения в РСФСР в 1930-е годы // Там же. С. 103–114.

⁸ Андреев Е.М., Кваша Е.А. Особенности показателей младенческой смертности в России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2002. № 4. С. 15–20; Кваша Е.А. Младенческая смертность в Рос-

стики в довоенный период².

На рубеже XX–XXI вв. появились работы, комплексно рассматривающие демографическое развитие СССР и России как в отдельные периоды их истории в прошлом веке, так и за столетие в целом. Интерес представляют труды демографов Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковской, в которых на основе итогов переписей и архивных материалов сделана попытка восстановить динамику численности населения и его естественного движения в 1920–1940 гг., поставив под сомнение данные за указанный период, таблицы смертности 1938–1939 гг., при расчете которых, по мнению ученых, было занижено число смертей и завышена численность населения СССР и РСФСР³. Работы Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковской основывались на изучении общесоюзного и общероссийского материала и не содержали данных по регионам.

В авторской монографии А.Г. Вишневого⁴ и коллективном труде под его редакцией⁵ демографическая история России XX в. рассматривается с позиций демографической модернизации, которую ученый определил как консервативную. По его мнению, консервативно-революционная стратегия развития СССР, продиктованная обстоятельствами, предопределила противоречивый, ограниченный характер модернизационных перемен и невозможность их завершения в рамках экономической и политической системы, созданной в советское время, но они в корне изменили частную и публичную жизнь россиян⁶.

В.Б. Жиромская в своих монографиях⁷ впервые в отечественной историогра-

сии в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 46–55; Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: сб. ст. С. 13–72; и др.

¹ Васильев К.Г. История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. М., 2001.

² Исупов В.А. «Это была фантастика, если не хуже»: методы фальсификации статистических источников в 1930-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Отечественная история». 2008. № 2. С. 32–36; Он же. Текущая статистика населения как источник по демографической истории Западной Сибири: проблемы становления // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 86–94; Фомин Д.А. Какой была довоенная советская статистика? // Вопросы статистики. 2008. № 11. С. 73–86; и др.

³ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Опыт оценки численности населения СССР 1926–1941 гг. (краткие результаты исследования) // Вестник статистики. 1990. № 7. С. 34–46; Они же. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993; Они же. Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998.

⁴ Вишневский А. Серп и рубль: консервативная модернизация в России. М., 1998.

⁵ Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006.

⁶ Вишневский А. Серп и рубль: консервативная модернизация в России. С. 7–8.

⁷ Жиромская В.Б. После революционных бурь: население России в середине 1920-х годов. М., 1996; Она же. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

фии охарактеризовала демографическое развитие России в 1920–1930-е гг. по самому широкому кругу малоизученных проблем: демографической компенсации 1925–1928 гг., деформации половозрастного состава, воспроизводству населения, брачности, структуре занятий, изменению размещения народностей, уровню грамотности, вероисповеданий. Демографические вопросы рассматривались как относительно россиян в целом, так и городского населения. Ученый на основе разработанной ею методики раскрыла механизм переучета городского и сельского населения страны в ходе переписей 1937 и 1939 гг., определила величину приписки в 1939 г. не только к городскому населению Российской Федерации (14 %), но и ее регионов, в том числе к горожанам Пермской и Челябинской областей (2 %). Проведенное исследование позволило В.Б. Жиромской уточнить численность жителей РСФСР и ее субъектов. Автор монографий коснулась и проблемы демографического перехода в России, сделав вывод, что в середине 1920-х гг. можно было говорить о начальных стадиях демографического перехода лишь у славянских народов страны, в 1930-е гг. по-прежнему преобладал традиционный способ воспроизводства населения с его высокой рождаемостью и смертностью¹.

Одна из последних работ В.Б. Жиромской посвящена специфике российской демографической модернизации². Ученый-историк выделила особенности демографического перехода в России, признаки которого проявились в центральных и западных индустриально развитых районах Российской империи еще в 1890-е гг., а позже он охватил всю страну. Во-первых, демографический переход отличался своим прерывистым характером. Его естественное течение неоднократно прерывалось войнами, политическими и социально-экономическими катаклизмами и кризисами 1930-х гг., репрессиями и проч. Во-вторых, на демографические процессы воздействовали факторы экзогенного порядка. В результате сознательное ограничение рождаемости основывалось не столько на внутренних психологических потребностях семьи в малодетности, сколько на результатах воздействия

¹ Жиромская В.Б. После революционных бурь: население России в середине 1920-х годов. С. 25; Она же. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 109.

² Она же. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012.

внешних факторов (участие населения в войнах, насильственные миграции, репрессивная политика государства и проч.). В-третьих, демографический переход в России развивался в условиях глубокой деформации возрастно-половой пирамиды – дисбаланса полов в пользу женщин и так называемых «демографических ям» в возрастной структуре населения. Все эти особенности наложили отпечаток на длительность первой фазы демографического перехода, которая затянулась до середины XX в.¹

Знаковой стала работа В.А. Исупова, попытавшегося отойти от выявления количественных параметров потерь советского населения и обратившегося к изучению связи «государственная власть и демографическая сфера» в ее хронологически-последовательном развитии, анализу зависимости пертурбационного развития демографической сферы СССР от функционирования тоталитарного государства². Автор, опираясь на обширную и разноплановую источниковую базу, пришел к выводу, что на протяжении исследуемого им периода напряженность демографической подсистемы российского общества была столь велика, что демографический кризис стал хроническим явлением истории. В 1920–1930-е гг. он дважды перерастал в катастрофы, совпадавшие по времени с крупнейшими социальными потрясениями в стране. Многомиллионные потери населения тесно переплетались с деятельностью государства, пришедшей на смену природной стихии – главному источнику демографических бедствий досоветской России. По мнению В.А. Исупова, в структуре населения страны в ходе демографических кризисов и катастроф образовывались глубокие провалы, сгладить их было уже невозможно³.

Среди обобщающих работ постсоветского периода имеет значение коллективная трехтомная монография «Население России в XX веке: исторические очерки». Первый том ее посвящен населению России в 1900–1939 гг.⁴ Авторы рассмотрели демографические процессы в органической связи с историческими событиями и социально-политическими катаклизмами, которые переживала стра-

¹ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. С. 11, 19, 21.

² Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в.: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.

³ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в. С. 234.

⁴ Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. Т. 1 / отв. ред. В.Б. Жиромская. М., 2000.

на, в том числе и в 1920–1930-е гг., уточнили численность населения в связи с переписями 1937 и 1939 гг., представили демографическую характеристику горожан. Исторические очерки носят проблемный характер. На основе обширных статистических материалов исследованы городская семья, безработные, миграционно-депортационные процессы в 1930-е гг. Вместе с тем в общероссийских работах по историко-демографической проблематике Урал не рассматривался.

В постсоветский период широкому кругу отечественным ученым стали доступны работы зарубежных исследователей, изучавших демографические процессы в СССР. Если раньше их изучали с целью критики¹, то теперь – для осмысления их достижений в этой сфере². Демограф и социолог С. Максудов (А. П. Бабенышев), профессор Гарвардского и Бостонского университетов, выяснял масштабы потерь населения Советского Союза в результате коллективизации и индустриализации, он считал одной из причин повышенной смертности на Магнитострое тяжелые жилищно-бытовые условия горожан³. Историк и советолог Шейла Фицпатрик, профессор Чикагского университета, свое исследование посвятила изучению социально-классовой структуры Советской России в 1920–1930-е гг.⁴, а М. Руф – социальной структуре советского общества по материалам переписи 1939 г.⁵ Сфера научных интересов Стивена Уиткрофта, профессора Мельбурнского университета, – демографические кризисы 1918–1922 гг. и 1930–1933 гг. в СССР⁶, С. Розефилда – влияние индустриализации на население страны¹, Г.

¹ См., к примеру: Сосенский И. Проблемы народонаселения в буржуазной литературе // Плановое хозяйство. 1937. № 3. С. 211–215; Багдасаров В.К., Дробижев В.З. Новые книги американских демографов о движении населения в СССР // История СССР. 1981. № 2. С. 219–225.

² См., к примеру: Демографические процессы в СССР: 20–80-е годы (современная зарубежная историография) / отв. ред. В.З. Дробижев. М.: ИНИОН АН СССР, 1991; Маньковский В.И. Дискуссии о масштабах репрессий 1930–1950-х гг. в англо-американской историографии // Историческая демография. М.; Сыктывкар, 2007. С. 143–147.

³ Максудов С. Потери населения СССР в годы коллективизации // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 65–112; Он же. Некоторые проблемы изучения потерь населения в годы коллективизации // Проблемы народонаселения в зеркале истории: Шестые Валентеевские чтения: сб. докл. М., 2010. С. 371–400.

⁴ Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 16–31; Она же. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город; пер. с англ. Л.Ю. Пантина. 2-е изд. М., 2008.

⁵ Kulischer E., Roof M. A new look at the soviet population structure of 1939 // American Sociological Review. Jun56. Vol. 21. Issue 3. P. 280–290; Roof M. Supplementary note concerning the soviet population structure of 1939 // American Sociological Review. Oct57. Vol. 22/ Issue 5. P. 581–582.

⁶ Wheatcroft S. Famines and factors affecting mortality in the USSR: The demographic crises of 1918–1922 and 1930–1933 // Famine in history newsletter: An occasional publication for participants in the session on famine in history to be held at the Eighth international economic history congress. Budapest, 1982. P. 1–30.

Кесслера – государственный контроль над гражданами Советского Союза². Ведущий научный сотрудник французского национального института демографических исследований А. Блюм и Мартина Меспуле рассмотрели историю статистического управления СССР для выяснения взаимоотношений науки и власти³.

В последние десятилетия стало особенно ясно, что в такой огромной стране, какой является Россия, без разработки и анализа специфики региональных демографических процессов невозможно правильно определить исторические законы развития народонаселения. Не случайно в постсоветский период усилилось изучение городского населения в 1920–1930-х гг. в регионах. В Сибири продолжил свои изыскания по самому широкому кругу историко-демографических проблем горожан в указанный период В.А. Исупов⁴. Ученый также обратился к проблеме демографического перехода в Западной Сибири. На основе предпринятого исследования В.А. Исупов пришел к выводу, что демографический переход в сибирской провинции носил прерывистый, мерцающий характер, до Великой Отечественной войны было три попытки его начала, прекращавшиеся в связи с мощным воздействием событий социально-политического характера⁵. В Поволжье аналогичные исследования ведет В.А. Чолахян, на Дальнем Востоке – С.А. Головин, на Северном Кавказе – М.Ю. Макаренко⁶; и др. Активно защищаются диссертации по истории городского населения регионов⁷.

¹ Rosefield S. Excess mortality in the Soviet Union: a reconsideration of the demographic consequences of forced industrialization 1929–1949 // *Soviet Studies*. 1983. Vol. 35 (3). Pp. 385–409.

² Kessler G. The passport system and state control over population flows in the Soviet Union, 1932–1940 // *Cahiers Du Monde Russe*. 2001. Vol. 42 (2–4). Pp. 477–503.

³ Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине / пер с франц. М.В. Володина. М., 2006.

⁴ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х–конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991; Он же. Численность населения Западно-Сибирского края в расчетах сибирских статистиков 1930-х гг. // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Сер. «История, филология». 2010. Т. 9. Вып. 1. С. 188–200; Он же. Население Западной Сибири 1934–1937 годах // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Сер. «История, филология». 2014. Т. 13. Вып. 1. С. 85–96; и др.

⁵ Исупов В.А. К вопросу о начале процесса демографического перехода в Западной Сибири // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2010. № 1. С. 12–16.

⁶ Головин С.А. Изменение социальной структуры населения на Дальнем Востоке РСФСР в 1920–1930-е гг. М., 2008; Чолахян В.А. Социально-демографические последствия индустриального развития Нижнего Поволжья (конец XIX в.–1930-е гг.). Саратов, 2008; Макаренко М.Ю. Население Северного Кавказа в конце XIX – первой четверти XX века: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2009.

⁷ Убеева О.А. Формирование и развитие городского населения Бурятии (1923–1959 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006; Бельков А.В. Городское население Кузбасса в 20-е гг. XX в. – начале XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007; Войнаровская Ю.В. Население малых городов Поволжья в 1921–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук, 2009; Крутова М.В. Миграция рабочих Верхневолжья в годы первых пятилеток (1928–

С начала 1990-х гг. и на Урале вырос интерес к историко-демографической проблематике. А.Г. Оруджиева исследует динамику численности населения Урала в советский период, фрагментарно касаясь и горожан в 1920–1930-е гг.¹ А.И. Кузьмин, С.В. Голикова и М.С. Жулева изучают семью²; Е.Ю. Баранов, Е.Г. Богданова, М.И. Мирошниченко, Н.В. Степанова – проблемы естественного движения населения, материнства и младенчества³; Г.Е. Корнилов, В.П. Мотревич, А.Г. Оруджиева, В.В. Кругликов, О.В. Павлова, М.Ю. Тараканов – вопросы миграции населения⁴, М.А. Фельдман – рабочий класс Урала⁵; М.И. Мирошниченко – структуру женского социума⁶; В.П. Мотревич, Е.В. Москвина, Е.В. Безбородова, Т.Л. Приходько – данные переписи 1939 г. по областям региона⁷; Л.Н. Мазур,

1940 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2009; Курмакаева Д.Ю. Урбанизационные процессы в Нижнем Поволжье в конце XIX в. – 1930-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012; и др.

¹ Оруджиева А.Г. Динамика численности населения Урала в советский период // *Население России и СССР: новые источники методы исследования*: сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993. С. 29–38.

² Кузьмин А.И. Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). Екатеринбург, 1993; Голикова С.В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков: демографические процессы и традиции. Екатеринбург, 2001; Жулева М.С. Семейная политика советского государства в 20–30-е гг. и основные проблемы курганской семьи // VI Зырянские чтения: мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. Курган, 2008. С. 91–93; и др.

³ Богданова Е.Г. Военное поколение детей: демографические характеристики (по материалам Южного Урала) // *Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «История»*. 2009. Вып. 39. № 10 (191). С. 87–94; Мирошниченко М.И. Роженицы Урала в начальный период формирования сети родовспомогательных учреждений // *Вестник Южно-Уральского государственного университета, сер. «Социально-гуманитарные науки»*. 2010. Вып. 15. № 28 (204). С. 39–43; Баранов Е.Ю. Годовые таблицы движения населения 1920–1930-х гг.: информативные ресурсы исторического источника (на материалах Урала) // *Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения*: сб. мат-лов IV Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург, 2013. С. 240–247; Степанова Н.В. Динамика основных показателей естественного движения населения Пермской области (1941–1945 гг.) // Там же. С. 312–316; и др.

⁴ Корнилов Г.Е. Миграции сельского населения Уральского региона в годы войны // *Отечественная история*. 1993. № 3. С. 62–82; Оруджиева А. Одни – на Запад, другие – на Восток: миграционные процессы на Урале // *Родина*. 2001. № 11. С. 81–83; Кузьминова О.В. Принудительные миграции на Урале в 1930-е гг. // Четвертые Татищевские чтения: тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 2002. С. 168–170; Корнилов Г.Е., Павлова О.В. Миграционные связи Уральской области (по материалам Всесоюзной переписи 1926 года) // *Уральский исторический вестник*. 2003. Вып. 9. С. 210–226; Тараканов М.Ю. Миграционное движение населения города Нижнего Тагила в годы Великой Отечественной войны // *Роль исторического образования в формировании исторического сознания общества*: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2007. Ч. 1. С. 247–264; Кругликов В.В. Миграции населения Свердловской области в годы Великой Отечественной войны // *Воспитательный потенциал исторического образования*: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2008. Ч. 1. С. 165–170; Мотревич В.П. Плановое сельскохозяйственное переселение на Урал в 1939–1953 гг. // III Емельяновские чтения: Миграционные процессы и межэтнические взаимодействия в Урало-Сибирском регионе: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Курган, 2008. С. 42–44; и др.

⁵ Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001.

⁶ Мирошниченко М.И. Женщины на Урале в 1920–1935 гг. Челябинск, 2013.

⁷ Мотревич В.П. Национальный состав сельского населения Урала накануне Великой Отечественной войны (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.) // *Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: История, историография*: сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 108–117; Он же. Население Курганского района Челябинской области накануне Великой Отечественной войны (по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г.) // II Емельяновские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган, 2007. С. 155; Приходько Т.Л. Уровень грамотности и образования населения города Свердловска (по материалам переписей населения 1926 и 1939 гг.) // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра: мат-лы науч.-практ. конф.: в 2 ч. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 133–134; Безбородова Е.В. Численность и национальный состав населения Свердловска (по материалам Всесоюзной переписи населения СССР 1939 года) // Там же. С. 135–136; Москвина Е.В. Национальный состав

Л.И. Бродская и О.В. Валитова – поселенческую сеть Среднего Урала в XX в.¹ Объектом научных интересов В.М. Кириллова и А.В. Сулова является спецконтингент региона². И.В. Евсеев и Т.И. Евсеев выясняют влияние осужденных на количественный и качественный состав горожан Южного Урала в период индустриализации³. Г.Е. Корнилов, И.В. Нарский и Е.Ю. Баранов исследуют масштабы и последствия демографических кризисов начала 1920-х и начала 1930-х гг. на Урале⁴. Медиками и историками региона было продолжено изучение состояния и достижений здравоохранения края в 1920–1930-е гг. как важнейшего условия снижения смертности населения⁵. Ученые обратились к истории становления статистических органов Урала⁶.

В постсоветский период значительно расширился круг работ, посвященных населению отдельных городов Урала в 1920–1930-е гг.⁷ Следует выделить труды Н.Н. Макаровой, М.Ю. Тараканова и А.В. Чашина. Н.Н. Макарова рассмотрела основные источники формирования населения Магнитогорска в 1920–1930-е гг. – естественное движение и миграции, в том числе пополнение горожан спецпересе-

населения Урала накануне Великой Отечественной войны (По материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 6. Екатеринбург, 2006. С. 226–235; и др.

¹ Мазур Л.Н., Бродская Л.И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006; Валитова О.И. Рабочие поселки Свердловской области в 1920–1990-е гг.: проблемы и перспективы развития // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2006. Вып. 6. С. 54–69.

² Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала в 1920-е–начало 50-х гг. Нижний Тагил, 1996. Ч. I; Сулов А.В. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург; Пермь, 2003.

³ Евсеев И.В., Евсеев Т.И. Политико-правовые варианты решения экономических проблем развития Южного Урала в 1920–1950-х годах // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Экономика». 2013. Вып. 42. № 32 (323). С. 121–126.

⁴ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; Корнилов Г.Е. Голод 1932–1933 гг. на Урале: факторы и масштабы // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 65–69; Баранов Е.Ю. Население и общественные трансформации в СССР: демографические кризисы в условиях «социалистических» преобразований 1930-х гг. (на материалах Урала) // Известия Уральского федерального университета. Сер. «Проблемы образования, науки и культуры». 2012. Т. 104. № 3. С. 219–227; и др.

⁵ Селезнева В.Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь, 1997; Жулева М.С. Состояние медицины и санитарно-гигиенические условия в г. Кургане в 20–30-е годы XX в. // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей Курганского государственного университета (гуманитарные науки). Курган, 2003. С. 13–17; Финикова И.Г. Спутники голода и нищеты (из истории областного противотуберкулезного диспансера 1920–1980-е гг.) // Зырянские чтения: мат-лы межрегиональной науч.-практ. конф. Курган, 2003. С. 77–79; и др.

⁶ Белкина И.В. Деятельность В.С. Немчинова на Урале в 20-е годы XX в. // Деятели социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни Урала и Зауралья XVII–XX вв.: сб. мат-лов межрегиональной науч. конф. Курган, 2004. С. 60–62; Кутина Е.А. История становления органов государственной статистики Свердловской области. URL: http://old.nsaem.ru/Science/Publications/Science_notes/Last_ (дата обращения 06.08.2015); и др.

⁷ Корнилов Г.Е. Население Верхотурья в последние сто лет // Верхотурский край в истории России: сб. ст. Екатеринбург, 1997. С. 144–147; Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 9. С. 95–100; Корчагин П.А. История Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург, 2001; и др.

ленцами, и проанализировала отношение жителей нового города к религии¹. М.Ю. Тараканов в своих статьях проследил динамику численности населения Нижнего Тагила и факторы, влиявшие на нее². А.В. Чашин всесторонне исследует развитие населения городов Свердловской области³.

Важное значение для понимания историко-демографических процессов Урала имеют работы Г.Е. Корнилова. В своих монографиях на основе разнообразных документов он исследует динамику численности, причины и факторы снижения рождаемости и повышения смертности селян, брачно-семейные отношения, миграционные процессы в уральской деревне в годы Великой Отечественной войны. Ценность трудов ученого и в том, что он привлекает данные за предвоенный период, сравнивая показатели по уральскому селу с городскими⁴.

В последние десятилетия уральские ученые обратились к осмыслению демографических процессов в регионе. В статье В.В. Алексеева и А.И. Кузьмина⁵, посвященной особенностям демографического перехода к современному типу воспроизводства населения на Урале, отмечается, что в силу исторических причин демографическая революция в регионе началась на четверть века позже, но за-

¹ Макарова Н.Н. Демографическая характеристика Магнитогорска: анализ причин смертности и рождаемости (1930–1935) // Социум и власть. 2009. № 3 (23). С. 96–100; Она же. Механизмы формирования населения нового города в условиях форсированной индустриализации (по Материалам Магнитогорска) // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 71–76; Она же. «Город без церквей»: религиозность в Магнитогорске в 1930-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 158–180; и др.

² Тараканов М.Ю. Население Нижнего Тагила в конце XIX–первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2008. № 1 (18). С. 26–29.

³ Чашин А.В. Население Свердловской области: естественное движение и миграционный прирост в 1933–1939 гг. // Платоновские чтения: материалы и доклады XIV Всерос. конф. молодых историков. Самара, 2008. С. 28–44; Он же. Миграция в Свердловской области в 1935–1940 гг. // III Емельяновские чтения: Миграционные процессы и межэтнические взаимодействия в Урало-Сибирском регионе: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Курган, 2008. С. 40–44; Он же. Смертность и ее причины в Свердловске в 1927–1939 гг. // IV Емельяновские чтения: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Курган, 2009. С. 148–150; Он же. Демографическая ситуация в Свердловске в начале 1930-х гг. // Платоновские чтения: мат-лы и докл. XV Всерос. конф. молодых историков. Самара, 2009. С. 53–55; Он же. Городское население Урала во второй половине 1920–1930-х гг. (историко-демографический анализ) // Вестник Самарского государственного ун-та. 2010. № 5 (79). С. 116–121; Он же. Воспроизводство населения Свердловска в 1923–1940-х годах // Вестник Новосибирского государственного ун-та, сер. «История, филология». 2010. Т. 9. Вып. 1. С. 277–281; Он же. Воспроизводство населения Перми в 1920–1940 гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». Тамбов, 2010. Вып. 1 (81). С. 272–278; Он же. Историко-демографическая характеристика города Кушвы в 1920–1930-е гг. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: мат-лы X юбилейной Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2011. Т. 2. С. 213–218; Он же. Историко-демографическая характеристика города Березовска в 1920–1930-е гг. // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: мат-лы Всерос. науч. конф. «VI Емельяновские чтения». Курган, 2012. С. 160–193; и др.

⁴ Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990; Он же. Уральское село и война: проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993.

⁵ Алексеев В.В., Кузьмин А.И. Особенности демографического перехода на Урале // Население России и СССР: новые источники методы исследования: сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993. С. 8–18.

вершилась в сжатые сроки – в полувековой период, будучи «внутренне подготовленной» интенсивной индустриализацией, урбанизацией края и усилением миграционных потоков. Она прошла четыре классические фазы, две из которых пришлись на 1920–1930-е гг. Первая фаза, по мнению ученых, связана с резким снижением уровня смертности в результате стабилизации жизни в 1925–1928 гг., улучшения системы здравоохранения, ликвидации неграмотности, сохранения принципа деления земли по едокам и «компенсаторного пика» рождаемости, своеобразного демографического взрыва. Вторая фаза демографической трансформации была связана с падением уровня рождаемости вслед за снижением смертности почти до 1933 г., когда под влиянием голода и недоедания резко увеличилась убыль населения, она привела к депопуляционному «провалу» почти на половине территории Урала. С 1933 г., отмечают авторы статьи, начался рост коэффициента смертности, объяснить который невозможно чисто политическими факторами и репрессиями, на фоне достаточно высоких показателей рождаемости вплоть до Великой Отечественной войны. Данная флюктуация трендов полностью противоречит генеральной тенденции демографического перехода и отражает результаты воздействия миграционных волн, помимо влияния экономических и политических факторов. Только в предвоенные 1938–1941 гг. величина общего коэффициента рождаемости упала, а смертность выросла. Таким образом, до войны Урал так и остался на второй фазе демографического перехода¹.

Итогом демографических исследований в регионе стало появление обобщающих работ. Коллективная монография, посвященная населению Урала в XX в.², основана на теории демографического и миграционного переходов. А.И. Кузьмин вновь обратился к проблеме особенности демографического перехода на Урале, подтвердив выводы, сделанные ранее в совместной с В.В. Алексеевым статье. При этом ученый отметил, что в предвоенные и военные годы окончательно завершается эпидемиологический переход, среди причин смертности уральцев начинают преобладать не экзогенные, а эндогенные факторы – поте-

¹ Алексеев В.В., Кузьмин А.И. Особенности демографического перехода на Урале. С. 12, 14.

² Население Урала. XX век. История демографического развития / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 1996.

ри от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний¹. А.Г. Оруджиева рассмотрела осуществление миграционного перехода на Урале. В соответствии с периодизацией его, предложенной американским географом В. Зелинским, первая фаза, характеризовавшаяся низкой миграционной активностью населения, длилась в регионе вплоть до первой четверти XX в. При этом в начале 1920-х гг. край испытал значительную убыль населения. Вторая фаза миграционного перехода, совпадающая с демографическим, связана с индустриализацией и массовым движением населения из села в город. Она длилась на Урале с конца 1920-х до конца 1950-х гг. За указанный период наблюдались три волны миграций: первая была связана с раскулачиванием. За 1926–1937 гг. миграция в города в три раза превысила величину естественного прироста. Вторая волна миграции совпала с началом репрессий и ее величина за 1937–1940 гг. приблизилась к размерам естественного прироста, а третья связана с расширением границ СССР в довоенный период². Авторский коллектив монографии в составе Е.Ю. Алферовой, С.В. Голиковой, Г.Е. Корнилова, А.И. Кузьмина, А.Г. Оруджиевой проанализировал основные тенденции в численности, рождаемости, смертности и миграции населения, брачно-семейных отношениях, в том числе и горожан в 1920–1930-е гг.

В последующие годы уральские ученые уточняли и конкретизировали особенности демографического и миграционного переходов на Урале. С.В. Голикова включает XVIII–XIX вв. в демографическую транзицию в горнозаводских районах Урала и выделяет ее особенности – рост смертности, которая включала мужскую сверхсмертность, при сохранении высокой рождаемости³. Г.Е. Корнилов считает, что первая фаза миграционного перехода обусловлена социально-политическими факторами – военными действиями и распадом Российской империи. В 1914–1924 гг. через Урал прошло три потока беженцев. Первые два были связаны с Первой мировой и Гражданской войнами, а третья волна их пришлась на 1921–1922 гг. и включала так называемых «голодобеженцев». Вторую фазу,

¹ Население Урала. XX век. История демографического развития. С. 12–13.

² Там же. С. 16–18.

³ Голикова С.В. Начало демографического перехода: вариант горнозаводского Урала // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: сб. мат-лов IV Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург, 2013. С. 261–266.

связанную с индустриализацией, урбанизацией и коллективизацией, которые вызвали массовое движение селян в города, ученый датирует серединой 1920-х–концом 1950-х гг. По мнению исследователя, две фазы миграционного перехода на Урале опережали развертывание первой фазы демографического перехода¹. Изучая эволюцию младенческой смертности на Урале в первой половине XX в., Г.Е. Корнилов отмечает, что начавшийся в регионе демографический переход связан с почти с двукратным сокращением смерти детей до одного года только за первую треть XX в. Но ухудшение демографической ситуации в 1930-е гг. затормозило этот процесс².

М.Ю. Тараканов считает, что в 1923–1926 гг. в Нижнем Тагиле четко проявились признаки первой фазы демографического перехода. Второй этап его, начавшийся со второй половины 1920-х гг., оказался более длительным, так как естественное развитие демографических процессов в городе дважды прерывалось – голодом 1932–1933 гг. и Великой Отечественной войной³.

Этнодемографическое развитие Урала представлено в двух монографиях. В коллективной монографии⁴ в главе, написанной Г.Е. Корниловым, анализируется национальный состав населения региона в первой половине XX в. без деления его на городское и сельское. Монография М.В. Сумачевой посвящена этническим процессам в крае во второй половине XX в.⁵

Значимость и востребованность демографической тематики на Урале проявилась в том, что с 2008 г. в Сыктывкаре издается научный журнал «Историческая демография» (главный редактор И.Л. Жеребцов); с 2010 г. в Екатеринбурге ежегодно проводится Уральский демографический форум, в составе которого действует секция исторической демографии

¹ Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 51, 55.

² Корнилов Г.Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 87.

³ Тараканов М.Ю. Влияние демографического перехода на естественное движение населения Нижнего Тагила в XX в. // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: сб. мат-лов IV Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург, 2013. С. 302–307.

⁴ Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. (Историко-социологический подход) / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2000.

⁵ Сумачева М.В. Этнические процессы на Урале во второй половине XX в. Екатеринбург, 2009.

Отдельные историко-демографические проблемы городов Урала в 1920–1930-е гг. рассматривались в ряде диссертаций¹. Особый интерес представляют кандидатские диссертационные исследования В.В. Кругликова, М.Ю. Тараканова и О.В. Павловой². В.В. Кругликов охарактеризовал городское население Свердловской области не только в годы Великой Отечественной войны, но и накануне нее. М.Ю. Тараканов проанализировал динамику численности и состав населения Нижнего Тагила в XX в., основные показатели естественного движения и миграций горожан, брачно-семейные отношения, выделил основные этапы демографического перехода в городе. О.В. Павлова изучила основные направления внутренней и внешней миграции, ее этапы, роль государства в регулировании миграционного движения, что позволило ей определить значение миграции в формировании населения Урала.

Анализ историографии темы показывает, что история народонаселения России и ее регионов привлекает все больше внимание ученых. Прделана большая работа по всестороннему и глубокому изучению как населения СССР и России в целом, так и горожан. Значительный вклад в разработку историко-демографической проблематики внесли и уральские историки. Вместе с тем многие вопросы по-прежнему остаются малоизученными. До сих пор нет обобщающего исследования по городскому населению Урала в 1920–1930-е гг.

§ 2. Методология исследования

В современной науке о народонаселении утвердился междисциплинарный подход, который стал основой для синтеза концепций, моделей, категорий и понятий различных отраслей знаний. В России идея системности знаний о народо-

¹ Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. (численность, состав, социальный облик): автореф. дис. ... д. ист. наук. Екатеринбург, 2001; Жулева М.С. История повседневности жителей Кургана в 1929–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2004; Макарова Н.Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010.

² Павлова О.В. Миграции населения на Урале в 1914–1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004; Кругликов В.В. Городское население Свердловской области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007; Тараканов М.Ю. Население Нижнего Тагила в XX веке: историко-демографический анализ: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010.

населении была выдвинута основателем кафедры народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и Центра по изучению проблем народонаселения Д.И. Валентеем и поддержана представителями его научной школы в 1960–1980-х гг. Суть концепции системы знаний о народонаселении состоит в систематизации и субординации наук и научных направлений, занимающихся проблематикой народонаселения.

Исследование основывается на комплексе теоретических представлений макро-, мезо- и микроуровней. Представление макроуровня составляют принципы теории модернизации. Она была сформулирована на Западе в середине XX в. в значительной степени под влиянием эволюционизма и функционализма и прошла длительный путь совершенствования. С самого начала для объяснения и обоснования общественного развития представители модернизационной парадигмы использовали междисциплинарный подход.

В современной науке существуют различные интерпретации дефиниции «модернизация». И.В. Побережников, проанализировав их, пришел к выводу, что большинство исследователей подразумевают под модернизацией «рациональный контроль над природным и социальным окружением человека, тесную интеграцию в мировую культуру, осуществление научной революции, распространение рационального взгляда на жизнь, строительство либерально-демократического государства»¹. В современном понимании модернизация – это процесс, в ходе которого традиционные, аграрные общества трансформируются в современные, индустриальные². По мнению российских ученых, модернизацию характеризуют длительность, вариативность и стадийность происходящих изменений³. Модернизация – это сложный, многосторонний процесс. Он включает в себя социальные,

¹ Цит. по: Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 58–59; Он же. Модернизация: определение понятия, параметры и критерии // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX–XXI столетий: Четвертые всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2000. С. 113.

² Побережников И.В. Модернизация: определение понятия, параметры и критерии. С. 113.

³ Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / отв. ред. В.В. Алексеев. М., 2000. С. 28–31.

экономические, политические, культурные, экологические, психологические изменения, направленные на формирование новых типов социальных систем¹.

На основе теории модернизации современные ученые сформулировали регионально-ориентированную модель анализа исторических изменений. Суть ее в том, что она не требует рассматривать общество как единое целое, функционирующее по одним и тем же механизмам в любой точке своего пространства и временной протяженности. Наоборот, она позволяет рассматривать общество как реальное, живое, неоднородное, вариативно реагирующее на вызовы модернизации². Применительно к данному диссертационному исследованию регионально-ориентированная модель модернизации означает, что городское население Урала – это часть общероссийского социума и подвержено влиянию общероссийских факторов. Вместе с тем оно имеет свои особенности и по-своему реагирует на вызовы модернизации. Таким образом, эта модель анализа исторической действительности позволяет увидеть региональную специфику в развитии городского населения Урала.

Важными составляющими модернизационных преобразований России стали урбанизационный, демографический и миграционный переходы.

Урбанизационный переход, по мнению А.С. Синявского, наиболее «продвинутая», «высшая» стадия урбанизационного процесса», он ведет к радикальному преобразованию всего общества на «городских началах», то есть происходит переход от сельского к городскому обществу. Важнейшими показателями урбанизационного процесса стали рост численности горожан и распространение поселений городского типа. Урбанизационный переход характеризуется, помимо универсальных, новыми качественными признаками: возрастанием удельного веса городского населения за счет сельского, распространением городского образа жизни

¹ Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (в прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194–207.

² Россия в XVIII–XX в.: региональные аспекты модернизации / отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург, 2006. С. 73–75.

ни, радикальным изменением места и роли города в обществе, усиливающимся влиянием на деревню в техническом, технологическом и культурном отношении¹.

А.С. Снявский определил и особенности урбанизационного перехода в России. Во-первых, основная масса российских городских поселений возникла «сверху», обеспечивая функцию государственного освоения и управления территориями. При советской власти эта сущностная сторона городского развития не только сохранилась, но и усилилась. Развитие экономики стало почти монопольной функцией государства, а урбанизация – побочным продуктом индустриализации. Во-вторых, в России переход к городскому обществу происходил в сжатые сроки и пришелся в основном на XX в. Таким образом, урбанизация, по мнению А.С. Снявского, сыграла роль ускорителя темпов российского исторического процесса в XX в. и во многом стала основным его содержанием².

Теория демографического перехода обосновывает демографические изменения в обществе в рамках процесса модернизации и является теоретико-методологической базой для объяснения смены типов воспроизводства горожан. Термин «демографический переход» был предложен американским демографом Ф. Ноутстайном в 1945 г., но разработка первой концепции демографического перехода осуществлена французским демографом А. Ландри еще в 1909–1934 гг. Он использовал дефиницию «демографическая революция»³.

В России универсальную теорию демографических изменений разработал А.Г. Вишневский. Согласно предложенной им концепции демографическое развитие человечества – это история последовательной смены трех типов воспроизводства населения – архетипа, традиционного типа и современного (рационального) типа, которым свойственны определенные демографические отношения, и двух демографических революций, в результате которых совершается переход от одного типа к другому. Заслуга отечественного демографа и в том, что он дал

¹ Снявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003. С. 35.

² Снявский А.С. Российский путь к городскому обществу: история и современность. Екатеринбург, 1998. С. 4–7.

³ Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д.И. Валентей. М., 1985. С. 115.

теоретическую характеристику выделенным им режимам воспроизводства поколений¹.

Для данного диссертационного исследования особое значение имеет демографический переход от традиционного, неразрывно связанного с аграрной экономикой и соответствующими ей общественными отношениями и культурой, к современному типу воспроизводства населения, которое характерно для индустриального общества. По меткому замечанию А.Г. Вишневого, в ходе него демократические перемены «в корне меняли поведение людей в самых интимных областях их существования, их отношение к вопросам жизни, продолжения рода, любви, смерти, требовали пересмотра ценностей, моральных норм, всего мировосприятия. Они охватили матримониальное, прокреативное, сексуальное, семейное, жизнеохранительное, миграционное поведение людей, чрезвычайно сильно повлияли на становление нового типа личности, его интеллектуального и эмоционального мира, на его индивидуальный жизненный путь»². Совокупность этих перемен составляет содержание демографической модернизации как составной части общей модернизации общества.

В процессе становления индустриального общества традиционный режим воспроизводства населения с характерным для него аграрным типом демографического равновесия (высокой смертностью и высокой рождаемостью) сменяется современным с новым демографическим равновесием (низкой смертностью и низкой рождаемостью) и новым демографическим механизмом. Трансформируется и структура причин смерти населения. В традиционном обществе большинство людей погибало от экзогенных причин, при которых смертность не вытекает из самого развития организма человека, поэтому экзогенная смертность устранима. Более того, для смертности традиционного типа свойственна катастрофическая смертность, то есть катастрофический подъем ее под воздействием голода в неурожайные годы, эпидемий и войн. В индустриальном обществе вследствие дос-

¹ Вишневский А.Г. Демографическая революция // Вишневский А.Г. Избранные демографические труды: в 2 т. Т. 1. М., 2005. С. 7.

² Цит. по: Демократическая модернизация России. 1900–2000. С. 9.

тижений медицины и улучшения социально-гигиенических условий жизни населения под воздействием научно-технического и культурного прогресса резко снижается экзогенная смертность, на первый план выходят эндогенные причины смерти, связанные со старением организма, т.е. с естественным снижением его жизнеспособности, или с поздно проявившимися наследственными пороками. В связи с отмеченными переменами снизилась половозрастная смертность и выросла продолжительность жизни людей¹.

В традиционном обществе высокая смертность компенсировалась высокой рождаемостью, что и обеспечивало популяционное воспроизводство или самосохранение населения. В современном обществе в условиях снижения смертности и продолжительности жизни населения сокращается и рождаемость благодаря утверждению малодетного образа жизни и обособления массового репродуктивного поведения людей от полового и брачного и превращения его в объект непосредственного социально-культурного контроля. Это проявляется в планировании семьи и брака, осознанном подходе к рождению и числу детей².

Таким образом, демографический переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения способствовал становлению новых форм зависимости естественного движения населения от социально-экономических, культурологических, информационных факторов.

Составной частью демографической модернизации общества является эпидемиологический переход, иногда используется термин «санитарный переход». Концепция эпидемиологического перехода была предложена в 1971 г. американским ученым А. Омраном³. Она, по словам А.Г. Вишневого, «помогает понять «анатомию» исторических изменений смертности как ключевого механизма, запускающего весь демографический переход. В этом смысле эпидемиологический переход «вмонтирован» в общую теорию демографического перехода»⁴. Данная концепция объясняет причины и закономерности исторического процесса изме-

¹ Вишневецкий А.Г. Демографическая революция. С. 31, 34, 42–45, 60–61, 66, 69.

² Вишневецкий А.Г. Демографическая революция. С. 136.

³ Омран А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения: о демографических проблемах стран Запада / отв. ред. Д.И. Валентей, А.П. Судоплатов. М., 1977. С. 57–91.

⁴ Цит. по: Вишневецкий А.Г. Время демографических перемен. С. 25.

нения заболеваемости и распределения смертности по причинам смерти в различных группах населения.

Сущность эпидемиологического перехода заключается в том, что в разные исторические эпохи существовал свой тип патологии, определяющий характер заболеваемости и смертности населения. По достижении обществом определенного, достаточно высокого уровня развития начинается быстрая, по историческим меркам, смена одной структуры болезней и причин смерти другой. В структуре «старой» патологии важное место занимали инфекционные и паразитарные болезни, туберкулез, болезни, связанные с недоеданием, и т.п. Они вызывались, прежде всего, экзогенными факторами. В структуре «новой» патологии на первое место выходят заболевания и причины смерти, обусловленные преимущественно онтобиологическими или эндогенными факторами, связанными с естественным старением человеческого организма, возрастным снижением его жизнеспособности, сопротивляемости неблагоприятным внешним воздействиям¹. В последнее время в смертности стали выделять не две, а три составляющие: чисто экзогенную, чисто эндогенную и квазиэндогенную смертность, под которой понимают смертность в результате накопленных экзогенных воздействий.

Обычно выделяют четыре стадии эпидемиологического перехода, соответственно роли причин экзогенной и эндогенной природы: «заболевания и голод», «снижающаяся пандемия инфекционных заболеваний», «дегенеративные и профессиональные заболевания» и «отложенные дегенеративные заболевания». Для настоящего диссертационного исследования особенно важны первые две стадии. На первой стадии эпидемиологического перехода снижается и даже ликвидируется заболеваемость и смертность от особо опасных инфекционных заболеваний, принимавших характер массовых эпидемий или даже пандемий (чума, холера, оспа и т.п.), а также голода. На второй стадии снижается заболеваемость и смертность от таких заболеваний как туберкулез, желудочно-кишечные инфекции, детские инфекции и т.п. Положительный результат был достигнут благодаря массо-

¹ Демократическая модернизация России. 1900–2000. С. 257.

вой вакцинации и другим профилактическим мероприятиям, улучшению родовспоможения, повышению гигиенической культуры населения, расширению сети лечебно-профилактических учреждений, созданию фармацевтической промышленности. Наиболее существенно улучшаются характеристики здоровья и смертности детей и молодых женщин.

Вместе с тем на второй стадии эпидемиологического перехода начинается рост заболеваемости и смертности от квазиэндогенных причин: болезней системы кровообращения, новообразований, несчастных случаев, прежде всего, на производстве. Этот рост был вызван издержками индустриализации – загрязнением окружающей среды, увеличением физических и психологических нагрузок, ведущим к стрессам и нервным срывам.

Концепция миграционного перехода существенно дополнила концепцию демографического перехода, так как миграция наряду со смертностью и рождаемостью также играет важную роль в демографическом развитии. Она была предложена в 1971 г. профессором географического факультета Пенсильванского университета В. Зелинским в работе «Гипотеза мобильного перехода»¹. В российских научных публикациях главная идея В. Зелинского о «мобильном переходе» была представлена как «миграционный переход». Значимость концепции в том, что она раскрывает историческую эволюцию миграции населения. Миграционный переход рассматривается как закономерность перехода от малоподвижного («сидячего») образа жизни в условиях традиционной экономики к нарастанию территориальных перемещений населения по мере утверждения индустриального общества, связанного с прогрессом в области транспорта и средств коммуникации, расширением информационного пространства, формированием единых национальных, затем мировых рынков труда и капитала².

Согласно концепции миграционного перехода развитие миграций проходит пять фаз, примерно соответствующих фазам демографического перехода и харак-

¹ Zelinsky W. The hypothesis of the mobility transition//Geographical Review 61, 1971, 219–249 URL: <http://jstor.org/journals/00167428.html> 08.11.2007 (дата обращения: 11.08.2015).

² Народонаселение: энциклопедический словарь / под ред. Г.Г. Меликьян. М., 1994. С. 230.

терных для традиционного, раннего и позднего переходных (мобильных) обществ, развитого и сверхразвитого обществ. Для настоящего диссертационного исследования важна характеристика начальных трех фаз.

На первой фазе, характерной для традиционного общества, миграция ограничена и связана в основном с землепользованием, общественной жизнью, торговлей, военными делами или религиозными обрядами. На второй фазе, соответствующей переходному обществу на ранней стадии, осуществляется колонизация сельским населением неосвоенных земель в пределах своей страны, происходят массовые миграции из сельской местности в города и массовый отток эмигрантов в доступные и привлекательные страны, зарождается иммиграция квалифицированных специалистов в более развитые страны мира, усиливаются различного вида циркуляции населения (сезонные, маятниковые и проч.). Третья фаза присуща позднему переходному обществу. В этот период ослабляется, но все еще преобладает миграция из сельской местности в города, уменьшается миграция с целью колонизации окраин, идет на спад или даже прекращается эмиграция, происходит дальнейший рост циркуляции населения с усложнением структуры циркуляции¹.

В последней трети XX в. российские ученые Л.Л. Рыбаковский, Т.И. Заславская и другие предложили концепцию трех стадий миграционного процесса². Исследователи рассматривали миграцию как массовый процесс, состоявший из совокупности отдельных убытий из одних местностей, непосредственных перемещений и прибытий в другие местности. Поэтому миграция населения могла анализироваться как со стороны ее участников (мигрантов), так и тех территориальных сообществ, которые получали и отдавали мигрантов. В соответствии с таким представлением о миграционном процессе в нем выделяются три взаимосвязанные стадии: исходная, на которой формируется миграционная подвижность населения, принимается решение о миграции; основная, включающая в себя собственно миграцию, переселение людей; третья стадия связана с адаптацией мигрантов

¹ Василенко П.В. Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. С. 39–40.

² См.: Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом виде // Социс. 1978. № 1. С. 56–72; Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Прогнозы, факторы, политика; Он же. Миграция населения. Вып. 5: Стадии миграционного процесса / под общ. ред. О.Д. Воробьевой. М., 2001.

на новом месте или приживаемостью новоселов. Рассматривая миграционный процесс как трехстадийный, ученые отмечали, что только безвозвратная миграция имела законченный вид. Другие виды миграции не имели конечной стадии приживаемости новоселов, так как они не ставили цель сменить постоянное жительство. В соответствии с этой концепцией процесс миграции составляет единичный акт для отдельно взятого человека. Но миграция как массовый процесс состоит из крупных потоков населения, которые относятся к определенному времени и территории¹. В связи с чем теория трехстадийности позволяет исследовать миграционные процессы во всем их объеме.

Синтез концепций модернизации, урбанизации, демографического, эпидемиологического и миграционного переходов позволяет всесторонне изучить развитие городского населения Урала в 1920–1930-е гг.

Методология мезоуровня сформирована на основе теории народонаселения, которая изучает взаимосвязи и взаимодействие между социально-экономическим развитием в целом и развитием народонаселения как его органической части, между отдельными сторонами развития общества и различными демографическими процессами, а также систему связей между последними. Она позволяет определить и объяснить закономерности развития народонаселения и демографических процессов². Методологическая роль общей теории народонаселения заключается в том, что она дает возможность для интеграции в единое целое разрозненных знаний о развитии городского населения Урала и построения модели его формирования на региональном уровне в 1920–1930-е гг., которая согласуется с базовыми теориями модернизации и урбанизации.

Методология микроуровня позволяет исследовать группы, составляющие городское население Урала, по половозрастному, образовательному, национальному, религиозному и прочим признакам, а также население конкретных городских поселений Урала.

¹ Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Прогнозы, факторы, политика. С. 38, 42.

² Валентей Д.И. Политика народонаселения и ее составляющие // Демографическая политика: сб. ст. / под ред. В.С. Стешенко и В.П. Пискунова. М., 1974. С. 8–10.

Методология исследования основана на междисциплинарном синтезе. Он предполагает объединение комплексного, сравнительного, критического и других принципов познания, необходимых для решения поставленных в диссертации проблем. Междисциплинарный подход требует использования единого понятийного аппарата на всех этапах диссертационного исследования.

Основополагающими принципами работы явились принципы научной объективности, историзма и системности. Принцип научной объективности обязывает рассматривать объект исследования целостно и непредвзято, в его многогранности и противоречивости, с изучением объективных закономерностей, с привлечением всей совокупности фактов в их истинном содержании, с учетом всего корпуса источников, в которых отражен предмет исследования. Этот принцип позволяет реконструировать действительную картину развития городского населения Урала в 1920–1930-е гг. и дать ей объективную оценку. Но историк – не простой созерцатель событий прошлого. Он, занимая активную позицию, должен уметь давать свою оценку им. Поэтому в работе автором делаются собственные выводы.

Принцип историзма предусматривает рассмотрение объекта исследования как единого целого с точки зрения его внутренней структуры в его саморазвитии, с учетом конкретно-исторической обстановки, во взаимосвязи и взаимообусловленности событий.

Принцип системности (системного анализа) предполагает, что демографическая подсистема общества – это многосоставной объект, составными элементами которого являются рождаемость, смертность, брачность, половозрастная и прочие структуры. Элементы системы различаются по своим внутренним функциям и месту в системе, но между ними существуют и связи. Поэтому изменения в одной подсистеме вызывает изменения в остальных и в системе в целом. Особое значение имеет выявление общих закономерностей в изучаемом объекте как системы и создание о нем целостного представления на основе данных исторических источников. В свою очередь демографическая подсистема общества является надстройкой над социально-экономическими, политическими и социокультурными процессами, протекавшими в советском обществе.

Диссертация строится по проблемно-хронологическому принципу. 1920–1930-е гг. были выделены в отдельный этап развития городского населения Урала. Одновременно были определены основные направления изучения объекта, которые рассматривались в строгой хронологической последовательности.

Методическая база исследования носит комплексный характер и включает в себя как традиционные методы исторического познания, так и специальные. К основным или традиционным относятся историко-генетический, сравнительно-исторический (компаративный), историко-системный (структурно-функциональный), историко-динамический метод.

В основе историко-генетического метода лежат преимущественно описательные технологии, но он позволяет объяснить исторические факты, выявить причины их появления, особенности развития и последствия, то есть проанализировать причинно-следственные связи изучаемого явления. С помощью этого метода удалось воссоздать процесс социально-демографического развития уральских городов, определить и объяснить динамику численности, рождаемости и смертности, миграций их жителей, изменения в социальной структуре городов, национальном составе и состоянии грамотности горожан.

Сравнительно-исторический метод также нашел широкое применение в работе в силу необходимости сравнивать и сопоставлять изучаемые события. Синхронный метод способствовал выделению общих закономерностей и специфики в формировании городского населения Урала как неотъемлемой части населения СССР, РСФСР и региона в целом в изучаемый период. Более того, он позволил изучить особенности в развитии жителей городов отдельных полос края, а также разных типов городских поселений (окружные города и прочие поселения городского типа, индустриальные и неиндустриальные города). Дихронный метод дал возможность сравнить развитие городского населения Урала на разных исторических этапах – в годы нэпа и промышленной модернизации края – и определить его специфику в указанные периоды.

Историко-системный подход основывается на понимании системы как совокупности взаимосвязанных элементов и предполагает, во-первых, вычленение элементов, которые входят в систему; во-вторых, анализ характера отношений между элементами; в-третьих, рассмотрение взаимодействия системы с внешней средой. В диссертации изучение развития городского населения Урала включало в себя исследование источников его формирования, социальной и национальной структур, отношения к религиозным воззрениям, уровня грамотности. Особое внимание было уделено рассмотрению влияния политических и социально-экономических событий на объект нашего изучения.

В связи с тем, что в диссертации рассматриваются демографические процессы, использовался и метод историко-динамического анализа. Он позволил систематизировать и упорядочить статистический материал с помощью составления динамических рядов показателей, характеризующих численность, рождаемость и смертность, миграции горожан и проч. Анализ динамических рядов способствовал выявлению направленности и интенсивности демографических изменений в уральских городах.

Кроме общеисторических, применялись специальные методы, заимствованные из демографии, – статистико-демографические методы. Их использование было необходимо при работе с данными текущей статистики населения. В частности, при проведении расчетов применялся упрощенный вариант системы коэффициентов рождаемости, смертности, в том числе и детской, естественного прироста. Общие коэффициенты позволили проследить основные изменения в демографической сфере уральских городов. Материалы переписей и текущего учета населения, сведенные в таблицы на основе метода описательной статистики, дали возможность систематизировать процессы развития городского населения Урала.

Общеисторические методы использовались во взаимодействии с общенаучными методами: анализом, синтезом, дедукцией и индукцией. Их сочетание позволило вывести закономерности в развитии городского населения Урала.

Таким образом, предпринятое исследование базируется на сочетании общенаучных, традиционных и специальных методов обработки источников.

Глава 2. ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ О ГОРОДСКОМ НАСЕЛЕНИИ

§ 1. Организация переписей населения в городах в 1920-е гг.

Большое значение в прогнозировании социально-экономического развития страны имеют переписи, позволяющие получить разнообразные сведения о населении. Они же являются одним из основных источников данных о населении. С начала своего образования в октябре 1918 г. отдел демографии Центрального статистического управления (ЦСУ) возбудил вопрос о производстве всероссийской переписи населения. Весной 1919 г. план ее проведения был готов и одобрен коллегией ЦСУ, но Советское правительство признало перепись преждевременной ввиду чрезвычайных обстоятельств переживаемого времени. В начале 1920 г. СНК (13 января) и ВЦИК (3 февраля) приняли постановления о скорейшем производстве переписи¹. Но она вновь была отложена из-за материальных затруднений. Только 22 апреля 1920 г. Совнарком окончательно решил вопрос о ней². ЦСУ было поручено произвести перепись населения в августе текущего года. Критическим днем наметили 28 августа. В городах на производство переписи отводилось 7 дней (с 28 августа по 3 сентября)³. Она должна была учитывать наличное население, то есть лица, находившиеся в критический момент переписи на конкретной территории⁴.

Подготовительные работы к переписи в ЦСУ начались еще в апреле 1920 г. К середине июня были разработаны необходимые материалы. На конференции, состоявшейся в Москве 17–28 июня, приехавшие с мест работники губернских статистических бюро и представители заинтересованных центральных статистических учреждений были ознакомлены с организационным планом переписи, инструкциями и бланками⁵. В регионы была спущена Инструкция ЦСУ о производстве

¹ См.: Предварительные итоги переписи населения 1920 года по Екатеринбургской губернии. Екатеринбург, 1920. С. 4.

² О производстве профессиональной и сельскохозяйственной переписи населения с учетом промышленных предприятий: декрет СНК от 22 апреля 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 32. Ст. 154.

³ Попов П.И., Михайловский В.Г. Введение // Труды ЦСУ. Т. 1. Вып. 1. С. 4–5.

⁴ Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1957. С. 7, 15.

⁵ Попов П.И., Михайловский В.Г. Указ. соч. С. 5.

переписи¹. Все это способствовало успешной подготовке к ней.

Общее руководство по проведению демографической переписи 1920 г. на местах возлагалось на губернские статистические бюро и их заведующих. В Екатеринбургской губернии эту должность занимал П.Ф. Неволин², Челябинской – В.С. Немчинов, Пермской – В. Сумароков, Тюменской – Е. Иванов³.

Перепись 1920 г. на Урале проводилась в сложных условиях, в обстановке формирования статистических органов, которым предстояло за короткий срок провести большую работу по ее подготовке и осуществлению. В соответствии с Инструкцией ЦСУ требовалось составить списки городских поселений, подготовить картографический материал, сформировать переписные районы с переписным персоналом, обеспечить их всем необходимым⁴. Председатель СНК В.И. Ленин и управляющий ЦСУ П.И. Попов в телеграмме от 29 мая 1920 г. рекомендовали губисполкомам Урала оказать всяческое содействие губстатбюро в организации переписи⁵.

Успех и своевременность проведения переписи зависели от энергии и настойчивости губернских и уездных руководителей статбюро, безукоризненно честной работы счетного персонала (районных руководителей, участковых инструкторов и счетчиков). Работники губернских и уездных статбюро Урала включились в организацию переписи. На время ее подготовки и проведения все работники статистических органов были прикреплены к месту своей службы. Уход с работы разрешался в исключительных случаях и при условии обязательного замещения отсутствовавшего работника его коллегой⁶.

Во всех уральских губерниях на основе общероссийского плана⁷ были составлены организационные планы переписи, в соответствии с которыми в мае–июле 1920 г. статистики провели работы по технической подготовке к ней в горо-

¹ Всеобщая перепись населения 1920 года. Демографическо-профессиональная ... С. 9–25.

² О персоналиях см.: Приложение 1.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 19. Д. 110. Л. 2.

⁴ ГАКО. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 6. Л. 72–72 об.

⁵ Там же. Л. 64.

⁶ ГАКО. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 6. Л. 61.

⁷ Всеобщая перепись населения 1920 года. Демографическо-профессиональная ... С. 3–8.

дах и прочих городских поселениях¹. Работники статбюро по возможности использовали архивы бывших городских управ и городских продовольственных комитетов, в которых хранились материалы переписи 1916 г. Были составлены планы и списки кварталов для поселков с населением 3–5 тыс. жителей, на их основе уездные статбюро разработали схемы переписных участков².

Особое значение для предстоявшей переписи имели переписные кадры. 21 мая 1920 г. Совет Труда и Оборона принял постановление, в соответствии с которым под страхом привлечения к ответственности по всей строгости революционных законов подлежали обязательному учету все статистики и лица, принимавшие участие в статистических работах³.

В июне–июле началось формирование переписных кадров – заведующих переписными отделами и счетчиков. В Челябинской и Пермской губерниях были составлены списки лиц из участников предыдущих переписей 1916 и 1917 гг., работников просвещения и политотделов, служащих учреждений, землемеров и т.п. Все они уже в августе были привлечены к переписи в порядке гражданской мобилизации⁴. В Екатеринбургской губернии переписной персонал состоял в основном из работников просвещения⁵. Одновременно повсеместно уездные статбюро выяснили, кто из местных статистиков был мобилизован в Красную Армию. По ним немедленно были возбуждены ходатайства об их откомандировании из действующей армии на время проведения переписи⁶. Всего же только в Челябинской губернии в проведении переписи приняли участие 28 районных работников, 185 инструкторов и 2044 счетчика⁷. Для качественной подготовки переписных кадров в губерниях были проведены губернские, уездные и районные инструкторские совещания. Для координации подготовительных работ и общего хода переписи ЦСУ командировал во все губернии Урала особых уполномоченных, энергичная

¹ Попов П.И., Михайловский В.Г. Указ. соч. С. 5.

² ГАКО. Ф. Р–14. Оп. 1. Д. 6. Л. 61 об.

³ Об обязательном учете статистических сил РСФСР: постановление Совета Труда и Оборона от 21 мая 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 49. Ст. 217.

⁴ ГАКО. Ф. Р–14. Оп. 1. Д. 6. Л. 61, 68; ГАПК. Ф. Р–19. Оп. 1. Д. 15. Л. 50–50 об.

⁵ Предварительные итоги переписи населения 1920 года по Екатеринбургской губернии. С. 3.

⁶ ГАКО. Ф. Р–14. Оп. 1. Д. 6. Л. 61.

⁷ Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919–декабрь 1920 гг.): док. и мат-лы. С. 182–184.

работа которых помогла ее проведению¹.

В целом в городских поселениях Урала перепись 1920 г. состоялась в установленные ЦСУ сроки. В Пермской губернии только в некоторых поселениях городского типа она началась с опозданием из-за несвоевременной поставки для нее отдельных форм бланков, которые срочно пришлось печатать в Перми². В Екатеринбургской губернии из-за неблагоприятных условий работы не были выдержаны сроки окончания переписи в Красноуфимском уезде³.

На съезде статистиков Челябинской губернии (апрель 1921 г.) заведующий губстатбюро В.С. Немчинов отметил, что выявленные недочеты (центр демографической переписи должен был быть не только в городах, но и в сельской местности, требовалось более четкое отнесение поселения к городскому или сельскому и т.п.) мало повлияли на «в общем удачное выполнение переписи»⁴. Предварительные ее результаты по Уралу были опубликованы уже в 1920–1921 гг. как в губернских изданиях⁵, так и общероссийских⁶. Но обнародование окончательных итогов задерживалось в связи с изменением административных границ уездов и губерний региона. Их публикация состоялась только в 1923 г.⁷, однако вскоре итоги Всероссийской переписи населения 1920 г. были пересчитаны применительно к существовавшему на июнь 1924 г. новому, окружному делению Уральской области⁸.

Перепись 1920 г. проводилась в момент, когда в стране еще не закончилась Гражданская война, а на Урале не были ликвидированы последствия Первой мировой и Гражданской войн: еще не вернулись мобилизованные в различные (царскую, Белую и Красную) армии, не репатриировались военнопленные, не возвратились беженцы. В уральских городах действовали многочисленные учреждения,

¹ Попов П.И., Михайловский В.Г. Указ. соч. С. 5.

² ГАПК. Ф. Р–19. Оп. 1. Д. 15. Л. 50 об.

³ Предварительные итоги переписи населения 1920 года по Екатеринбургской губернии. С. 3.

⁴ ГАКО. Ф. Р–14. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.

⁵ Итоги всероссийских переписей 1920 года по Пермской губернии. Вып. II: Перепись населения (демографическая). Пермь, 1921; Итоги Всероссийских переписей 1920 г. по Уфимской губернии: итоги демографической переписи. Уфа, 1921; Предварительные итоги переписи населения 1920 года по Екатеринбургской губернии; Предварительные итоги переписи населения 1920 г. по Тюменской губернии. Вып. 1. Тюмень, 1920.

⁶ Труды ЦСУ. Т. 1. Вып. 1. С. 11, 16–18, 21, 23; Вып. 3. С. 7–8, 16.

⁷ Уральский статистический ежегодник на 1923 г.; Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг.

⁸ Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. 1925. С. 21–66.

обслуживавшие нужды недеобилизованной Красной Армии. Наблюдался приток населения из голодавших губерний Европейской России¹. К тому же в переписи 1920 г. участвовало не все население региона. В частности, только 94,5 % жителей Тюменской губернии было охвачено этим важным демографическим событием. Не были переписаны проживавшие в малодоступных в летнее время местностях по рекам Пелыму и Конде и их притокам в Туринском и Тобольском уездах; в Березовском и Сургутском уездах было переписано только население городов Сургута и Березова и села Обдорского. Лишь в Тюменском, Ялуторовском и Ишимском уездах перепись прошла полностью².

Специфика и неполный охват населения переписью привел к значительному недоучету мужчин в трудоспособном возрасте³. Это же относится и к строению населения по профессиональному составу и социальной принадлежности. Во время «военного коммунизма» и принудительной трудовой повинности в городах почти все были рабочими и служащими, при этом большинство трудилось не по своей профессии. К тому же Советская Россия не сразу вступила в полосу нормальной жизни. Голод 1921 г. внес еще одну пертурбацию в картину численности и распределения населения. Таким образом, по меткому выражению уральского статистика Ф.Н. Лебедева, перепись напоминала «моментальный снимок состояния народонаселения в момент после пожара», ее результаты «давали картину, характерную только для того далеко не нормального времени»⁴.

Следующая перепись из-за нехватки средств должна была касаться только горожан. Решение о ней принял СНК 16 декабря 1922 г. ЦСУ телеграммой от 4 февраля 1923 г. известило губернские статистические бюро о предстоявшей переписи в городах и поселках городского типа. Всероссийская статистическая конференция критическим днем назначила 15 марта 1923 г., на производство переписи отводилось 7 дней⁵. Городская перепись так же, как и предыдущая 1920 г., учи-

¹ Лебедев Ф. Трудовые ресурсы Уралобласти. С. 150.

² Предварительные итоги переписи населения 1920 г. по Тюменской губернии. Вып. 1. С. 3.

³ Лебедев Ф. Население Урала (Первые итоги переписи 1926 г.). С. 136.

⁴ Цит. по: Лебедев Ф. Трудовые ресурсы Уралобласти. С. 150.

⁵ ГАСО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

тивала только наличное население¹. Она должна была отразить глубокие изменения в жизни городского населения под воздействием неурожая и голода 1921 г., закрытия одних и укрепления других предприятий, выявить влияние нэпа на социальный состав горожан².

Городская перепись 1923 г. в части организации и проведения во многом опиралась на опыт предыдущей переписи. Ее организация вновь возлагалась на региональные статистические органы. В рассматриваемый период заведующим Екатеринбургским статбюро был В.Н. Смирнов, Челябинским – К.И. Клименко, Пермским – Н.А. Меглицкий. Для успешной подготовки и проведения переписи на местах были созданы переписные комиссии. В Екатеринбургской губернии ее возглавил помощник заведующего губстатбюро В.И. Образцов. В состав комиссии вошли ответственные работники губстатбюро: заведующий секцией общественной статистики А.К. Молчанов, заведующий промышленной секцией С.И. Пережигин, заведующий экономической секцией Д.А. Антонов и заведующий демографической секцией И.Н. Гридин³. Руководителем переписи в Пермской губернии был назначен Р. Шубин, его помощником – Филин⁴. В работе переписной комиссии в Челябинской губернии активно участвовал заведующий секцией демографии Челябинского статбюро М.Н. Сперанский⁵. Руководителем переписи в Екатеринбурге стал заведующий демографо-хозяйственной статистикой города Г.С. Кириллов, Златоусте – А.И. Поздняков⁶.

Для оперативного решения всех вопросов, связанных с предстоявшим демографическим событием, коллегия Екатеринбургского губстатбюро 7 февраля 1923 г. приняла решение организовать комиссию содействия переписи из представителей губисполкома, губфинотдела, губкомхоза и губстатбюро. Екатерин-

¹ Воробьев Н.Я. Указ. соч. С. 17.

² Пермская губерния. Администрирование. Экономика. Культурная работа. Отчет Губисполкома за 1922–23 хозяйственный год. Пермь, 1923. С. 153; Предварительные итоги Всероссийских городских переписей 15 марта 1923 г. по Челябинской губернии / ред. К. Клименко, М. Сперанский. Челябинск, 1923. С. 2.

³ ГАСО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 19. Л. 37.

⁴ Шубин Р. Указ. соч. С. 61.

⁵ Предварительные итоги Всероссийских городских переписей 15 марта 1923 г. по Челябинской губернии. С. 2.

⁶ ГАСО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 19. Л. 92; Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 202. Л. 27 об.

бургский и Челябинский губисполкомы обязали все местные органы власти обеспечить ей всемерную помощь и поддержку¹.

Перепись должна была проводиться по твердому списку городов и поселений городского типа, установленному ЦСУ, однако впоследствии было разрешено корректировать его. В циркулярном письме заведующего отделом городской статистики ЦСУ О.А. Квиткина от 21 февраля 1923 г. содержался механизм внесения изменений в список. Во-первых, включение новых пригородов, возникших после 1920 г. или пропущенных при прежних переписях, производилось только по решению губернских статбюро; во-вторых, о таковых следовало уведомить отдел городской статистики ЦСУ².

Екатеринбургская губернская статистическая конференция, состоявшаяся 28 февраля – 2 марта 1923 г.³, при обсуждении предложенного ЦСУ списка городских поселений увеличила их число с 92 до 100⁴. Свое обоснование внесенных изменений делегаты конференции направили в Москву⁵. Губстатбюро Пермской губернии также скорректировало список городов и поселений городского типа, установленный ЦСУ. В окончательный его вариант вошло 57 населенных мест⁶. В Челябинской губернии переписью было учтено 31 городское поселение.

Одновременно с составлением списка городских населенных мест в феврале уездные статбюро провели работу по подбору и выверке планов городских поселений, в которых должна была состояться перепись. Для уездных населенных пунктов наличие таких планов было обязательно, а для остальных – желательно. Для крупных городов (Кургана, Златоуста, Миасса, Верхне-Уральска и т.п.) требовалось составить еще и квартальные списки жилых и нежилых домовладений. На подобные работы губстатбюро отвели всего три дня, но повсеместно они были выполнены в срок при содействии милиции⁷.

¹ ГАСО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 19. Л. 37, 46–46 об.; Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 119. Л. 45–46.

² ГАСО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 19. Л. 29.

³ Там же. Л. 66, 69.

⁴ Смирнов В.Н. Предварительные итоги профессионально-демографической переписи 15 марта 1923 года по Екатеринбургской губернии. 15.

⁵ ГАСО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 19. Л. 86.

⁶ Шубин Р. Указ. соч. С. 62.

⁷ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 119. Л. 9.

Успех предстоявшей переписи, как и предыдущей 1920 г., во многом зависел от качества переписных кадров и их работы, тем более что времени на подготовку к ней было крайне мало. Председатель Екатеринбургской переписной комиссии В.И. Образцов циркулярным письмом от 13 февраля 1923 г. потребовал немедленного перевода персонала уездных статотделов «на ударное, боевое положение» и принятия всех мер к обеспечению уездов регистраторским и инструкторским персоналом из числа местного населения, «не рассчитывая на присылку их из Екатеринбурга». Для формирования массовых переписных кадров предлагалось открыть предварительную запись всех желавших принять участие в переписи. При этом особо подчеркивалось, что работа переписного персонала должна была быть возмездной¹. Челябинское губстатбюро в своем инструктивном письме от 12 февраля 1923 г. предлагало уездным статбюро при формировании переписных кадров обратить особое внимание на участников предыдущих переписей, уже имевших опыт подобной работы².

23 февраля 1923 г. Челябинское губстатбюро провело инструктивное совещание с участниками переписной кампании³. В Екатеринбургской губернии 28 февраля – 2 марта этого же года состоялась губернская статистическая конференция, на которой присутствовали заведующие статотделами и часть инструкторского персонала. На ней обсудили все организационные вопросы предстоявшей переписи и подробно проинструктировали по всем ее материалам, полученным из Москвы⁴. По городам были разосланы наставления о том, как заполнять личные листки, семейные и квартирные карты, подворные ведомости⁵. Подобная работа была проделана и в Пермской губернии.

Для привлечения широких масс к генеральному счету горожан переписная комиссия Екатеринбургской губернии поручила заведующему экономической секцией губстатбюро Д.А. Антонову подготовить для печати информационный

¹ ГАСО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

² Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 119. Л. 9.

³ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 119. Л. 9 об.

⁴ ГАСО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 19. Л. 1 об., 66, 69.

⁵ Там же. Л. 24–25 об.

материал о предстоявшей переписи¹. Накануне нее председатель Екатеринбургского губисполкома С. Новоселов и завгубстатбюро В.Н. Смирнов обратились к горожанам с воззванием, в котором говорилось, что перепись не преследует никаких целей, кроме статистических, и ее успех зависит от доверия к ней и содействия ей граждан. Они также подчеркнули, что перепись проводится исключительно по показаниям опрашиваемых, которым не надо предъявлять никаких документов. Регистраторы, наоборот, обязаны были иметь при себе соответствующие удостоверения и предъявлять их по первому требованию граждан².

Проведенная подготовительная работа способствовала успешному проведению городской переписи в уральских губерниях. В течение 1923–1924 гг. были опубликованы предварительные³ и окончательные ее результаты по регионам и Уралу в целом. Данные по Уральской области представлены и в общесоюзных итогах городской переписи 1923 г.⁴

Наиболее значительной по масштабу и тщательно подготовленной стала Всесоюзная перепись 1926 г., работа по которой началась еще в 1925 г.⁵ Тогда была сформирована программа переписи. При подготовке к ней ЦСУ не ограничилось наработками центрального аппарата, а использовало опыт и знания работников местных органов государственной статистики, в том числе и губернских статистических бюро⁶.

Задолго до принятия закона о переписи в Москве 1–10 февраля 1926 г. состоялся Всесоюзный статистический съезд, в работе которого приняли участие с правом решающего голоса управляющий Уралоблстатуправления В.С. Немчинов, его заместитель М.А. Сигов, заведующие отделами С.И. Пережигин, Ф.Н. Лебедев и П.Ф. Неволин. С совещательным голосом на форум в столицу делегировались за-

¹ ГАСО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 19. Л. 91.

² ГАСО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 19. Л. 39.

³ Уральский статистический ежегодник на 1923 г. С. 28–29, 32–33; Смирнов В.Н. Предварительные итоги профессионально-демографической переписи 15 марта 1923 года по Екатеринбургской губернии. С. 15–23; Шубин Р. Указ. соч. С. 61–63; Предварительные итоги Всероссийских городских переписей 15 марта 1923 г. по Челябинской губернии; Предварительные итоги городской переписи 1923 г. по Пермской губернии. Пермь, 1923.

⁴ Труды ЦСУ СССР. Т. XX. Ч. II. С. 12–14, 27–29, 40–41; Вып. 3. С. 11, 270–278; Вып. 4. С. 9–10, 20–21, 28–29, 36; Ч. III. Вып. 1. С. 2–13.

⁵ Воробьев Н.Я. Указ. соч. С. 17.

⁶ Там же. С. 19.

ведущие отделами А.В. Воробьев и Г.С. Кириллов¹. Съезд был посвящен предстоявшей в конце года всесоюзной статистической переписи. На нем была рассмотрена программа 4-х переписей, которая включала демографическую, сельскохозяйственную, промышленную и перепись торговли и кооперации. Как подчеркивалось на съезде, на основании сведений переписи государство получало истинные данные о современном состоянии народного хозяйства, его достижениях за годы нэпа, что позволяло осуществить более точное планирование строительства социалистического хозяйства СССР².

В обращении к союзным статистическим органам от 20 августа 1926 г. управляющий ЦСУ СССР В.В. Оболенский (Осинский) отмечал, что ни в одной отрасли статистического познания нет такой неясности, как в области статистики населения. Если в целом по стране погрешность в исчислении достигала 5–10 %, то по отдельным местностям она доходила до нескольких десятков процентов, обесценивая выводы, основанные на этих данных. Советской стране требовалась новая перепись. К тому же предыдущая перепись, состоявшаяся в 1923 г., затронула, по словам Оболенского, только небольшую часть «нашей, по-прежнему крестьянской страны, – только население города». СССР нужна была новая перепись. При этом, отмечал В.В. Оболенский, если перепись 1920 г. была первым опытом для молодой советской статистики, то перепись 1926 г. должна стать делом уже выросшей и окрепшей государственной статистики³.

Постановлением ЦИК и Совнаркома СССР от 3 сентября 1926 г. ЦСУ поручалось провести в декабре 1926 г. перепись населения в стране. Критическим днем переписи объявлялось 17 декабря 1926 г.⁴ Закон обязывал все органы власти СССР оказать ей всемерное содействие. Во исполнение данного закона ВЦИК в своем постановлении от 27 сентября 1926 г. наметил конкретные меры по успешному проведению демографической переписи. Они включали подбор кадров работников, обеспечение персонала необходимыми помещениями для хранения и

¹ Архив ЗГО. Ф. Р–118. Оп. 1. Д. 202. Л. 107.

² Смирнов В. Всесоюзная перепись 1926 г. // Округ. 1926. № 13. С. 4–7.

³ Архив ЗГО. Ф. Р–118. Оп. 1. Д. 205. Л. 36–36 об.

⁴ О производстве в 1926 году всесоюзной переписи населения: постановление ЦИК и Совнаркома СССР от 3 сентября 1926 г. // СЗ СССР. 1926. № 59. Ст. 438.

разработки материалов переписи и транспортными средствами. Местные власти нацеливались на проведение агитационной кампании по подготовке и ознакомлению населения с целями и задачами переписи и порядком ее проведения¹.

На основании вышеуказанных нормативных актов Уральский облисполком 25 октября 1926 г., рассмотрев вопрос «О производстве на территории Уральской области всесоюзной переписи населения», постановил провести ее в регионе в указанные законом сроки и оказать ей всемерное содействие. Горожане за отказ давать регистраторам указанные в программе переписи сведения должны были подвергаться административному наказанию в виде предупреждения и штрафа в размере 100 руб.² Во исполнение данного решения Малый президиум Уралоблисполкома 25 октября 1926 г. наметил план мероприятий по успешному осуществлению переписи. Во-первых, на Уралстатуправление и его местные органы возлагалась ответственность за ее проведение, но одновременно статистики получали право привлекать к работе персонал статорганизаций отдельных ведомств и другие категории работников на условиях дополнительной оплаты. Во-вторых, на местах предлагалось создать комиссии содействия переписи³. В-третьих, все органы власти обязывались оказывать помощь и поддержку организаторам этого важного демографического события⁴.

Вопрос о предстоявшей переписи обсуждался президиумами Златоустовского (13 ноября 1926 г.) и Курганского (17 ноября и 17 декабря 1926 г.)⁵ окрисполкомов. VI сессия Пермского окрисполкома, 6 декабря 1926 г. рассмотрев вопрос о Всесоюзной демографической переписи, обратилась к населению округа оказать работникам статбюро свою поддержку и содействие⁶. Подобные решения приняли и другие окружные исполкомы Уральской области.

Еще 8 июля 1926 г. коллегия Уралстатуправления, заслушав доклад заместителя управляющего М.А. Сигова об организации на Урале Всесоюзной переписи

¹ О мерах содействия успешному проведению всесоюзной переписи населения: постановление ВЦИК от 27 сентября 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 64. Ст. 504.

² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 848. Л. 9.

³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 848. Л. 1; Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 205. Л. 96.

⁴ ГАПК. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 24. Л. 497; Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 225. Л. 24.

⁵ ГАКО. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 47. Л. 75, 128, 131; Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 205. Л. 105-105 об.

⁶ ГАПК. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 24. Л. 482, 484.

1926 г., ввиду сложности подготовительных работ приняла решение создать специальный отдел переписей во главе с областным руководителем переписями. Руководителями отдельных переписей должны были стать специально назначенные управляющим Уралстатуправления лица по представлению областного руководителя переписями. Эти работники должны были подчиняться областному руководителю и работать на правах его помощников. Руководство переписями в округах возлагалось на окружных руководителей, назначенных управляющим Уралстатуправления по представлению областного руководителя переписями¹. Для обсуждения и решения общих принципиальных вопросов образовывалась переписная комиссия из руководителей отдельных переписей под председательством областного руководителя. Разработка отдельных переписей возлагалась на специальный аппарат при соответствующих отделах Уралстатуправления, их работу также объединял областной руководитель².

Во исполнение данного решения уже 14 июля 1926 г. при Уральском областном статистическом управлении была образована областная переписная комиссия во главе с заведующим переписным отделом П.Ф. Неволиным, он же стал и областным руководителем переписями. В ее состав вошли заведующие отделами Ф.Н. Лебедев (помощник областного руководителя по демографической переписи), С.И. Пережигин, Г.И. Исупов (помощник областного руководителя по торговой переписи), Г.С. Кириллов, Д.Н. Мерхалев (помощник областного руководителя по сельскохозяйственной переписи) и Д.М. Бобылев (заведующий отделом статистики народного образования). Секретарем областной переписной комиссии стал И.Н. Гридин. Однако в связи с исключением из программы переписных работ на 1926/27 г. промышленной, торговой, кооперативной и сельскохозяйственной переписей 27 августа 1926 г. коллегия Уралстатуправления изменила систему руководства переписями. Был упразднен переписной отдел, а в переписной комиссии осталось пять человек. Все руководство демографической переписью было возло-

¹ ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 22. Л. 85-85 об.; Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 205. Л. 26-26 об.

² Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 205. Л. 26 об.

жено на заведующего отделом демографической статистики Ф.Н. Лебедева¹.

В процессе подготовки к переписи произошли кадровые перестановки. В связи с переводом В.С. Немчинова на работу в Москву управляющим Уралстатуправления временно стал М.П. Антонов², а 6 сентября 1926 г. Малый президиум Уралоблисполкома назначил на эту должность члена президиума Уралплана М.М. Мудрика³. 20 октября того же года вместо уволившегося П.Ф. Неволина во главе областной переписной комиссии встал Г.С. Кириллов, руководивший разработкой повлажденной переписи⁴.

Уральская областная комиссия по переписи 1926 г. утвердила кандидатуры окружных руководителей демографической переписи. Ими стали заведующие окружных статбюро, в том числе в Верхне-Камском округе М.Д. Антипин, Златоустовском – Г.Н. Рыков, Ирбитском – А.М. Азиатцев, Ишимском – А.Ф. Адельфин, Кунгурском – И.Н. Филин, Курганском – А.И. Князев, Коми-Пермяцком – О.И. Коровин, Пермском – М.Н. Сперанский, Сарапульском – В.П. Лобанов, Свердловском – В.Н. Смирнов, Тагильском – В.А. Маргунов, Тобольском – Е.М. Иванов, Тюменском – Е.П. Стрельников, Троицком – В.Ф. Крохин, Челябинском – Н.П. Котельников, Шадринском округе – П.Т. Простак. С учетом специфики подготовительных работ и производства переписи вводилась должность помощника окружного руководителя переписи. На нее были назначены в Верхне-Камском округе Денисов, Златоустовском – Ховрин, Кунгурском – Сергеев, Свердловском – Славкин, Троицком – Н.В. Поздняков, Тобольском – Афанасьев⁵. При окружных руководителях по Пермскому, Свердловскому, Тюменскому и Челябинскому округам за месяц до начала переписи и вплоть до ее окончания учреждалась должность второго помощника окружного руководителя для проведения подготовительных работ и самой переписи в бывших губернских центрах⁶.

¹ ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 22. Л. 80; ГАПК. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 24. Л. 728; Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 205. Л. 23, 48–48 об.

² ГАПК. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 24. Л. 97.

³ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 3249. Л. 1.

⁴ ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 18. Л. 139; Д. 35. Л. 50; Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 205. Л. 87.

⁵ ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 35. Л. 50; ГАПК. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 24. Л. 98, 676; Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 205. Л. 49–49 об., 59 об.

⁶ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 205. Л. 49 об.

Уральская областная статистическая конференция, состоявшаяся 13–14 апреля 1926 г., обсудила и приняла план организации всесоюзных переписей на Урале. На его основе все окружные города, за исключением Коми-Пермяцкого округа, и прочие города с населением от 15 тыс. чел. и выше выделялись в самостоятельные переписные районы и подчинялись непосредственно окружным статбюро. В остальных городских поселениях перепись производилась под руководством соответствующих районных инструкторов-руководителей¹.

26 июля 1926 г. Уральская областная переписная комиссия одобрила программу и план подготовительных работ по Всесоюзной переписи населения 1926 г. в городах и поселениях городского типа². Уральская областная статистическая конференция, состоявшаяся 25–26 ноября 1926 г., утвердила организационный план переписи³. Данные документы были направлены в окружные статбюро и стали основой деятельности местных статистиков. Подготовительные работы к предстоявшей переписи, помимо составления списка городов и поселений городского типа, включали в себя установление территории городских поселений, подготовку планового материала по ним, переписное районирование, формирование переписного персонала и пропаганду переписи.

Установление территорий городских поселений заключалось в определении городской селитебной⁴ черты в современном ее виде с примыкавшими к ней пригородами, предместьями, слободами и т.п. Эта проблема была особенно актуальной для городов, не обладавших юридически оформленным территориальным составом, чьи границы селитебности имели неясные очертания. Согласно директиве ЦСУ территория городских поселений определялась на основе принципа населенного пункта как совокупности лиц, проживавших на территории, объединенной непрерывностью застройки. Это означало, во-первых, что в городах, имевших утвержденную городскую черту, перепись по городскому типу распространялась на все население, проживавшее в пределах городской черты, и на население при-

¹ ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 18. Л. 139, 146–146 об.

² Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 205. Л. 4–17.

³ ГАПК. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 24. Л. 335–340 об.

⁴ Селитебная территория – это основная часть города, на которой сооружаются жилые дома, общественные здания, устраиваются парки, сады и скверы, создаются транспортные магистрали и подземные коммуникации.

городов, лежавших вне нее, но связанных с городом сплошной застройкой. Во-вторых, в городах, не имевших городской черты, граница переписи по городскому типу определялась границей сплошной застройки. Но на Урале принцип сплошной застройки, положенный ЦСУ в основу определения границ городских поселений, из-за пересеченной местности оказался трудно осуществимым. Поэтому переписная комиссия Уралстатуправления, учитывая особенности распланирования городских поселений в Уралобласти, рекомендовала окрстатбюро при установлении территории городских поселений исходить из фактической распланировки каждого населенного пункта и территориальной совокупности его состава. Особое внимание обращалось на правильное включение в состав городских поселений пригородов, слобод и т.п. Относительно них неукоснительно действовал принцип непрерывности застройки. Переписная комиссия Уралстатуправления обязала окрстатбюро устанавливать территории городских поселений для переписи 1926 г. только решением междуведомственной комиссии в составе представителей окрместхоза, окрфо, окрзу, окрторготдела и окрстатбюро¹. На основе критериев ЦСУ и с учетом особенностей распланирования городских поселений Урала была определена городская черта городских поселений края, от которой зависело правильное определение численности горожан во время переписи.

Полнота и качество предстоявшей переписи зависели от полноты и качества планового материала. Но в середине 1920-х гг. за исключением нескольких поселений Златоустовского округа, представлявших заводы бывшего Южно-Уральского горного округа, ни одно городское поселение не имело современных планов. У местхозов были планы на некоторые крупные города, но они были выполнены до 1880-х гг. и не отражали реального положения дел. Поселки городского типа, за исключением нескольких крупных заводов, не обладали даже схематическими планами. Предстояла огромная работа по подготовке планового материала, но ЦСУ плохо профинансировало ее. В итоге из-за недостатка денежных средств переписная комиссия Уралстатуправления сочла необходимым изгото-

¹ Гридин И. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. в городах... С. 2–3.

вить планы только для 39 из 159 городских поселений¹. Это: Алапаевск, Верхне-Уральск, Верхний Уфалей, Воткинск, Госкопи, Златоуст, Ирбит, Ишим, Камышлов, Касли, Кизел, Красноуфимск, Кунгур, Курган, Куса, Кушва, Кыштым, Лысьва, Миасс, Мотовилиха, Надеждинск, Невьянск, Нижняя Салда, Нижний Тагил, Нязепетровск, Оса, Оханск, Пермь, Сарапул, Сатка, Свердловск с Верх-Исетским заводом, Тобольск, Троицк, Тюмень, Усолье, Челябинск, Чердынь, Чусовая, Шадринск. Составление планов городов окрстатбюро поручили специалистам, а для изготовления схематических планов были выделены сотрудники статистических органов, знакомые со съемкой².

По большинству указанных населенных мест планы были составлены. Так, районное совещание окружных руководителей переписи населения 1926 г. четырех южных округов Уралобласти (Златоустовского, Курганского, Троицкого, Челябинского) с представителями Уралстатуправления, состоявшееся 27 октября 1926 г., констатировало, что планы городов южных округов полностью подготовлены³. По остальным городским поселениям, для которых составление планов не являлось обязательным, были изготовлены схематические планы, и только по 41 поселению разработка даже схематических планов оказалась невозможной. Но это не повлияло на перепись. Эти населенные пункты были небольшими по своим размерам, их разбили на регистрационные участки и без наличия планов⁴.

Переписное районирование в городских поселениях Уральской области было произведено в соответствии с постановлением Уралоблисполкома от 30 сентября 1925 г.⁵ и завершено к 15 ноября 1926 г. В полном объеме оно было выполнено в окружных городах, а также в Кизеле, Мотовилихе и Надеждинске. Все окружные города в организационном отношении были выделены в самостоятельные пере-

¹ Гридин И. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. в городах... С. 4; Лебедев Ф. Население Урала (Первые итоги переписи 1926 г.). С. 141.

² Гридин И. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. в городах... С. 4.

³ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 205. Л. 80 об.

⁴ Гридин И. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. в городах... С. 4.

⁵ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 205. Л. 19.

писные районы. Прочие городские поселения вошли в состав переписных районов переписи в сельской местности¹.

Территория городского населенного пункта была разделена на инструкторские и счетные участки. В дальнейшем каждый инструктор получил подробный план территории своего инструкторского участка, выверенные квартальные карты предварительного учета объектов переписи, список счетных участков и жилых строений, находившихся на них².

Успех переписи во многом зависел от правильного подбора кадров. Не случайно Уральское статистическое бюро в своем циркулярном письме окрстатбюро от 26 октября 1925 г. указывало на тщательный подбор кадров для предстоявшей переписи, особенно руководящего персонала, и выявления возможности использования для этого собственных статистических сил. При этом рекомендовалось обращать внимание на наличие опыта участия в подобных мероприятиях³. В список переписных кадров по Златоустовскому округу были включены заместитель заведующего окрстатбюро, статистик-инструктор по сельской статистике А.И. Поздняков, статистики-инструкторы по экономической и промышленной статистике Ф.И. Жуков и А.К. Кириллов. Все они участвовали во всех переписях и статистических обследованиях в округе, а А.И. Поздняков еще и руководил проведением переписи 1923 г. в Златоусте⁴. В Перми из постоянных сотрудников окрстатбюро к переписи были привлечены статистик-инспектор А.И. Оборин, участник сельскохозяйственных переписей 1916, 1917 и 1920 гг., уездный руководитель двух земских переписей, губернский руководитель переписи 1922 г.; статистик-инспектор В.Г. Русинов, работавший старшим инструктором во время городской переписи 1923 г.; статистик-инспектор П.М. Кожевников, участвовавший в разработке материалов переписи 1923 г.; статистик-инструктор А.В. Юферев, бывший инструктором во время переписей 1916, 1917 и 1920 гг.⁵ Такие же опытные кадры статистиков участвовали в переписной кампании 1926 г. и в других городах края.

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 225. Л. 12 об.

² Гридин И. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. в городах... С. 5.

³ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 202. Л. 24.

⁴ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 205. Л. 27 об.-28.

⁵ ГАПК. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 24. Л. 40 об.

Важным источником массовых переписных кадров, по мнению уральских статистиков, должны были стать работники народного образования, комсомольцы и студенческая молодежь, учащиеся старших групп техникумов и рабфаков. Кампания по привлечению переписного персонала началась с информации в местной печати о целях и задачах предстоявшего демографического события с одновременным обращением к учительству и другим культурным работникам принять участие в нем. В частности, заместитель заведующего Уральским отделом народного образования Константинопольский 29 октября 1926 г. на основании постановления Малого президиума Уралоблисполкома от 25 октября 1926 г. призвал заведующих окрОНО принять меры к привлечению к переписи учительского персонала при условии временного освобождения их от основных обязанностей. Он также потребовал запретить на время переписи учительские съезды, конференции и курсы переподготовки педагогов¹. Курганский окрисполком 17 ноября 1926 г. предложил окрОНО выделить необходимое число работников образования для переписи². Был открыт прием заявлений от лиц, изъявивших желание принять участие в ней³. Однако для переписи требовалось большое количество переписчиков. ЦСУ и ЦК профсоюза совторгслужащих предложили использовать в качестве регистраторов безработных, имевших конторско-канцелярскую квалификацию⁴.

25–29 ноября 1926 г. в Свердловске при Уралстатуправлении состоялась областная конференция по вопросам переписи населения в Уральской области. На ней подробно рассматривались все инструкции и указания ЦСУ по производству переписи, адаптированные к местным условиям региона. Сразу после областной конференции в округах прошли окружные конференции с аналогичной повесткой. К примеру, на основе решения пленума Златоустовского окрисполкома (30 ноября – 1 декабря 1926 г.) 11 декабря состоялась окружная конференция по переписи в

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 205. Л. 91.

² ГАКО. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 47. Л. 81.

³ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 225. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 109.

Златоусте, на которой присутствовали ее участники. Для обеспечения явки учителей им с 10 декабря был предоставлен отпуск¹.

После окружных конференций инструкторы получили заранее подготовленные окрстатбюро материалы переписи и инструкции к ним. ЦСУ СССР специально разработало наставления о том, как отвечать на вопросы личного листка². В помощь будущим участникам переписи были изданы рекомендательные материалы как союзного³, так и регионального⁴ уровня. На своих участках каждый инструктор перед переписью провел инструктирование своих регистраторов, снабдил их всеми необходимыми материалами по переписи. Подготовительная работа регистратора состояла в детальном ознакомлении со своим участком путем его обхода. При этом производилась сверка распланирования территории с выданным ему схематическим планом участка⁵.

28 октября 1926 г. председатели Уралоблисполкома и Уралпрофсовета, управляющий Уралстатуправления обратились к региональным властям и статистическим органам с предложением создать в округах комиссии содействия переписи в составе руководителей окрисполкома, окрпрофбюро и окрстатбюро под председательством представителя окрисполкома⁶. Они должны были корректировать деятельность отдельных ведомств и учреждений в период подготовки и в момент проведения переписи, содействовать подбору переписного персонала и обеспечению его всем необходимым для нормальной работы. Одновременно на комиссии содействия возлагалась задача организации разъяснительной кампании о целях и задачах предстоявшего демографического события⁷. 17 ноября 1926 г. Президиум Курганского окрисполкома утвердил состав комиссии содействия переписи под председательством кандидата в члены президиума окрисполкома Ер-

¹ Гридин И. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. в городах... С. 6; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 848. Л. 22; Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 225. Л. 37, 98-98 об.

² Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 225. Л. 20-22 об., 116-116 об.

³ Михайловский В. Г. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1926.

⁴ Альтшуллер М. К Всесоюзной статистической переписи // Хозяйство Урала. 1925. № 5-6. С. 109-115; Красильников М. Всесоюзная перепись 1926 года // Хозяйство Урала. 1925. № 7. С. 83-90; Лебедев Ф. К демографической переписи 1926 года // Хозяйство Урала. 1926. № 17. С. 136-140.

⁵ Гридин И. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. в городах... С. 6.

⁶ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 205. Л. 89.

⁷ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 225. Л. 3.

молаева. В нее вошли заведующий окрстатбюро Князев и председатель окрпрофбюро Уфимцев¹. Подобное решение было принято президиумами Тобольского и Златоустовского окрисполкомов², местными властями других городов. Комиссии содействия переписи сыграли важную роль в подготовке и проведении переписи.

Успех предстоявшей переписи во многом зависел от отношения к ней горожан. Не случайно комиссия по переписям в Уральской области уже 2 августа 1926 г. поручила областному руководителю переписями П.Ф. Неволину разработать и представить на рассмотрение комиссии организационный план пропаганды переписи³. Важное значение для развертывания агитационно-массовой работы среди населения по пропаганде переписи имела III Уральская областная краеведческая конференция, состоявшаяся в августе 1926 г. На ней с информационным докладом о целях и плане организации переписи в городских населенных пунктах края выступил областной руководитель переписями П.Ф. Неволин. Он отметил, что перепись будет проведена в 159 городах и поселениях городского типа, в которых проживало 17 % населения региона⁴.

Кампания по популяризации переписи включала в себя использование периодической печати, листовки, наглядную агитацию в виде лозунгов, призывов и плакатов, устную пропаганду (вопросы переписи обсуждались на всевозможных совещаниях, конференциях и съездах), обращения ко всем советским, партийным и профсоюзным организациям о содействии предстоящему событию⁵. 25 ноября 1926 г. в газете «Труд» были опубликованы обращения Я. Гиндина (Народный комиссариат труда СССР), А. Догадова (ВЦСПС) и управляющего ЦСУ СССР В.В. Осинского (Оболенского) к профсоюзам, отделам труда и статистическим органам страны с призывом оказать всемерное содействие переписи⁶. Накануне

¹ ГАКО. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 47. Л. 75, 81.

² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 848. Л. 3, 16.

³ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 225. Л. 102 об.

⁴ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 225. Л. 102 об.

⁵ ГАПК. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 24. Л. 500-500 об.

⁶ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 225. Л. 44.

нее Уральский обком ВКП (б) призвал членов партии помочь в качественном осуществлении ее и в намеченные правительством сроки¹.

Перепись началась во всех городских поселениях Уральской области в назначенный ЦСУ СССР день – 17 декабря 1926 г. Но уже накануне, в ночь с 16 на 17 декабря, прошла перепись респондентов в постоянных и ночлежных домах, в местах скопления беспризорников. Ее оперативному проведению способствовала значительная подготовительная работа сотрудников социальных инспекций и местных органов народного образования, членов общества «Друзья детей» и женотделов, комсомольцев, которые заранее изучили места скопления беспризорников и особенно места их ночного пребывания, а в ночь проведения переписи оказали помощь и содействие особо назначенным для этой цели регистраторам².

Уже в первые дни переписи возникли трудности в городских поселениях. Окрстатбюро телеграфировали, что регистраторы не выполняли нормы, назначенные на один человеко-день, из-за низкой оплаты они отказывались от работы переписчиками. К примеру, в Лысьве первоначально в мероприятии участвовало 34 регистратора, то есть по одному человеку на счетный участок. Но в первые два дня переписи выяснилось, что переписчик заполнял в день всего 50–70 листков, вместо 100–200 по плану. Регистраторы были набраны из учителей не по их желанию, а по профсоюзной разрядке³. В Златоусте также не все учителя приняли участие в переписи⁴. Все это сказывалось на качестве работы переписчиков.

Уралстатуправление, исходя из сложившейся ситуации в городах, распорядилось увеличить штат регистраторов за счет привлечения безработных с Биржи труда. Но большинство окрстатбюро, не дожидаясь указаний сверху, по собственной инициативе и при поддержке окрисполкомов и профсоюзов увеличили штат переписчиков, мобилизуя даже учащихся техникумов. Благодаря своевременно принятым мерам в отношении низового переписного персонала перепись в ураль-

¹ См.: Уральский рабочий. 1926. 3 дек.

² Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 225. Л. 39.

³ ГАПК. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 24. Л. 296–296 об.

⁴ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 225. Л. 27.

ских городах и поселениях городского типа была завершена в определенные правительством сроки, за исключением единичных случаев¹.

В целом, как свидетельствовали отчеты переписного персонала, уральцы доброжелательно отнеслись к переписи, только небольшая часть их проявила равнодушие. Горожане охотно отвечали на все вопросы ее формуляров и только в некоторых случаях на вопросы личного листка о побочном занятии и владенной ведомости о наличии во владении скота и о площадях бывали уклонения от правдивого ответа. Сразу обнаружить случаи сокрытия информации было сложно, но иногда регистраторам удавалось узнать о них совершенно случайно от соседей. Обычными ответами уличенных во лжи респондентов были: «Работаю только на своих знакомых» или «Корова уже мне не принадлежит, она продана». Вместе с тем в уральских городах было отмечено и нескрываемое неудовольствие переписью, но таких случаев оказалось крайне мало².

Сразу после завершения переписи были подведены ее предварительные итоги по городским поселениям Урала. Уже 31 декабря, как и предусматривал план ЦСУ СССР, они были направлены в Москву. Уральские статистики считали их удовлетворительными, так как разница между ними и окончательными итогами оказалась незначительной – всего 2084 чел. или 0,15 %³.

Результаты переписи в городах были обсуждены на заседаниях горсоветов и окрисполкомов, в частности, на заседании Пермского горсовета 17 января 1927 г. был заслушан доклад заведующего статбюро М.Н. Сперанского⁴. В 1927 г. на Урале были опубликованы предварительные⁵, а в 1928 г. – окончательные⁶ итоги переписи. Опыт, приобретенный в организации переписей городского населения в 1920-е гг., был использован во время переписей 1930-х гг.

¹ Гридин И. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. в городах... С. 6.

² Там же.

³ Там же. С. 7.

⁴ ГАПК. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 28. Л. 388.

⁵ Лебедев Ф. Предварительные итоги переписи городов и поселков Урала. С. 15–16; Смирнов В. Предварительные итоги всесоюзной переписи населения по Свердловскому округу. С. 37–43; Предварительные итоги переписи по Тагильскому округу Уральской области. Нижний Тагил, 1927.

⁶ Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г.: кратк. стат. справочник. С. 2–46.

§ 2. Подготовка и проведение Всесоюзной переписи населения 1937 г. в городах

В условиях утвердившейся в СССР планово-распределительной экономики демографические данные приобрели особое значение. Они были необходимы для прогнозирования населения, выработки различных социально-экономических планов и программ. После первой Всесоюзной переписи населения, состоявшейся в 1926 г., в Советском Союзе произошли крупные социально-экономические преобразования, которые отразились на демографических характеристиках страны и требовали изучения. Прежде всего значительные изменения численности и состава населения коснулись городских поселений. Как и в 1923 г., возникла необходимость в переписи городского населения. Она прошла в 1931 г. в форме регистрации горожан и была связана с выдачей продовольственных документов. Поэтому ее проведение было возложено не на статистические учреждения, а на органы потребкооперации. Последние, вынужденные заняться не свойственными им функциями, не понимали значения общих вопросов опросного списка (о поле, возрасте, занятии и проч.) и не имели подготовленных кадров. Они растянули сроки регистрации, к тому же учет населения производился в разное время, установленное решениями местных исполкомов. Все отмеченные выше упущения не позволили получить точные данные надлежащего качества о городском населении как страны в целом, так и Урала¹. Итоги апрельского (1931 г.) учета населения Уральской области были опубликованы в статистическом сборнике «Уральское хозяйство в цифрах»².

Огромная потребность в точных демографических данных о горожанах была особенно ощутимой на новостройках. Здесь остро встал вопрос о численности населения, без решения которого невозможно было решить проблемы снабжения работников строительства и членов их семей, улучшить их жилищно-бытовые, коммунальные и социально-культурные условия. Не случайно 27 декабря 1930 г.

¹ Гозулов А.И. Указ. соч. С. 288–289.

² Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. С.292–315.

Магнитогорский горсовет принял решение провести 5 января 1931 г. перепись всего населения города и его района. Осуществление переписи было возложено на специально созданную 24 декабря 1930 г. переписную комиссию. В ее состав вошли председатель горсовета Бусыгин, член горсовета Туркеев, представитель Магнитостроя Ерасов, сотрудник статистического бюро Магнитостроя Пушкин, работники Коммуноотдела Марголис и Сушон, член Постройкома Майоров, член ЦРК Чернышев¹.

Переписная комиссия осуществила все организационные работы по переписи: разработала личный листок переписи и Инструкцию районным уполномоченным, инструкторам и регистраторам по ее проведению, разбила территорию города и строительства на переписные участки, подобрала переписной персонал, состоявший из работников Магнитостроя и учебных заведений².

1 января 1931 г. горсовет, горпрофсовет и Управление Магнитостроя обратились ко всем трудящимся Магнитогорска с призывом оказать переписи самую активную помощь, чтобы она «прошла быстро, правильно и охватила все население, проживающее на строительстве»³.

Перепись в Магнитогорске прошла организованно благодаря высокой сознательности населения. С 7 по 11 января состоялась контрольная проверка работы счетчиков. Она показала, что в трех из 12 переписных отделах пропуски отсутствовали вообще, в остальных не было переписано всего 64 чел. Все ошибки счетчиков были оперативно исправлены инструкторами-контролерами. За время контрольной проверки в городское бюро и переписные отделы обратилось еще 25 не переписанных регистраторами граждан⁴. Разработка материалов переписи была завершена к марту 1931 г.⁵

Общесоюзная перепись была назначена на 1932 г. и должна была отразить итоги первой пятилетки. Но в дальнейшем сроки ее неоднократно переносились

¹ МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 5.

² Там же. Л. 1–3, 32, 44–45 об.

³ Там же. Л. 15–15 об.

⁴ Магнитогорский рабочий. 1931. 9, 16 янв.

⁵ МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.

сначала на 1935 г., а затем на 1936 г.¹ Постановление СНК СССР от 28 апреля 1936 г. «О всесоюзной переписи населения 1937 года» определило окончательную дату переписи (6 января 1937 г.) и установило порядок ее проведения. Предстоявшая перепись должна была быть однодневной и учитывать только наличное население². По меткому выражению начальника Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана СССР И.А. Кравалья, она являлась «как бы фотографией населения по состоянию на один определенный день, называемый критической датой переписи»³. Опыт проведения подобной переписи не имел аналогов в истории советской статистики⁴.

Предстоявшей переписи придавалось исключительное значение. Передовая газеты «Правда», органа ЦК ВКП (б), определила ее главную идеологическую цель как учет невиданной в истории «перекройки страны и отношений между десятками миллионов людей, ее населяющих»⁵. Перепись должна была, по словам И.А. Кравалья, «дать всестороннюю характеристику населения социалистического государства, отразить главные сдвиги, происшедшие в нашей стране»⁶, для «построения планов дальнейшего экономического и культурного строительства»⁷. Из-за важности задач перепись объявлялась общегосударственным и партийным делом и, как отмечал в информационном письме И.А. Краваль, «должна была быть организована как всенародная операция», потому что «широчайшие массы населения вовлекутся в активную работу по переписи»⁸. Эта работа не могла быть проведена только силами органов НХУ. Требовалась помощь партийных, советских и общественных организаций⁹. На Урале с удовлетворением восприняли решение о предстоявшей переписи. 3 мая 1936 г. состоялся митинг сотрудников УНХУ Челябинской области, участники которого заверили руководство ЦУНХУ

¹ См.: Жиромская В.Б. История подготовки и проведения переписи населения 1937 года. С. 10.

² СЗ СССР. 1936. № 25. Ст. 237.

³ Краваль И. Всесоюзная перепись населения 1937 г. // Плановое хозяйство. 1936. № 12. С. 34.

⁴ См.: Жиромская В.Б. История подготовки и проведения переписи населения 1937 года. С. 10.

⁵ Правда. 1936. 29 апр.

⁶ Краваль И. Указ. соч. С. 17.

⁷ Всесоюзная перепись населения // План. 1936. № 10. С. 1.

⁸ Цит. по: Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информационное письмо № 5. С. 12–13.

⁹ Краваль И. Указ. соч. С. 34.

СССР и УНХУ РСФСР, региональные власти, что справятся с поставленными задачами и будут в числе передовых в стране¹.

Советское правительство постановлением от 28 апреля 1936 г. возложило ответственность за проведение переписи на начальника ЦУНХУ Госплана Союза ССР И.А. Кравая. На Урале ответственными за нее стали областные УНХУ и их органы в городах. В этот период начальником Свердловского областного УНХУ был А.П. Бобров², его заместителем – Л.П. Валинчус; Челябинского – В.К. Строковский, его замом – Н.П. Котельников. Городские инспектуры НХУ возглавляли М.П. Гладких (Златоуст), П.Д. Козлов (Магнитогорск), Т.Ф. Щелупинин (Нижний Тагил) и др.³ При областных УНХУ еще в декабре 1935 г. были созданы Бюро переписи населения во главе с Т.И. Величковским (Свердловская область) и Д. Бубновым (Челябинская область)⁴. В крупных городах численностью свыше 50 тыс. чел. (Свердловск, Челябинск, Пермь, Березники, Кабаковск, Нижний Тагил, Молотово, Лысьва, Магнитогорск и др.) также создавались подобные органы. В Челябинске бюро переписи населения возглавил Яшкевич⁵. В города с населением от 20 тыс. чел. и выше назначались городские уполномоченные по переписи. В Соликамске им стал член ВКП (б) с 1927 г. И.Я. Ивашев, сменивший Давыдычева на этом посту⁶, в Лысьве – Наугольных, Троицке – Моржаров⁷.

В целом на Урале подготовка к переписи началась еще в конце 1935 г. Но особенно интенсивной она стала с весны 1936 г. после выхода постановления СНК СССР с точной датой этого демографического события. В мае Челябинский обком ВКП (б) специально рассмотрел вопрос «О подготовительных работах к переписи населения», наметив конкретные мероприятия⁸. Подобное решение было принято и в соседнем регионе. Вся подготовительная работа велась в соответ-

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информ. письмо № 5. С. 25.

² См. о персоналиях: Приложение 1.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 81; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 17; ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 3. Д. 11. Л. 393; Ф. 1842. Оп. 1. Д. 2. Л. 31, 32 об.; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 84.

⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 9; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 502. Л. 11.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 502. Л. 4; ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 66. Л. 20.

⁶ ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 211.

⁷ ГАПК. Ф. Р-645. Оп. 2. Д. 62. Л. 171 об.; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 32.

⁸ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 2.

ствии с организационным планом, утвержденным УНХУ РСФСР для Челябинской области в мае, Свердловской – сентябре 1936 г.¹

В уральских городах также были разработаны организационные планы переписи. Свердловское областное совещание по переписи рассмотрело их, высказав замечания Пермскому, Свердловскому, Чусовскому горсоветам и ряду районов, которые они своевременно устранили². В Челябинской области оргпланы были одобрены на заседании областного Бюро переписи населения с участием райинспекторов НХУ³. Городские организационные планы переписи были утверждены президиумом Лысьвенского горсовета (15 ноября), пленумом Златоустовского горкома ВКП (б) (29 ноября) и властями других городов⁴.

Подготовка к переписи включала в себя несколько направлений. Прежде всего, в рамках технических подготовительных работ требовалось составить список городских поселений и определить их территории. Для качественного проведения этой работы ЦИК и СНК СССР своим постановлением от 28 апреля 1936 г. запретили все изменения в административно-территориальном делении страны с 1 сентября 1936 г. по 15 января 1937 г., то есть на период подготовки и проведения переписи⁵. ЦИК СССР приостановил переименования городов и других населенных мест с 1 июня 1936 г.⁶ Все списки городских поселений, подготовленные статистическими органами Урала, были рассмотрены на президиумах горсоветов и райисполкомов областей⁷ и утверждены ЦУНХУ Госплана СССР.

Одновременно УНХУ уральских областей осуществили пересчет итогов переписи населения 1926 г. в современных границах своих административно-территориальных образований. Большую помощь в этом оказали копии поселенных карт предыдущей переписи, присланные Ленинградским облУНХУ⁸.

¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 9; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 105; Д. 502. Л. 12.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 105.

³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 9.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информационное письмо № 13 о массово-разъяснительной работе и социалистическом соревновании. Челябинск, 1936. С. 16.

⁵ О прекращении с 1 сентября 1936 г. по 15 января 1937 г. производства изменений в административно-территориальном делении: постановление ЦИК и СНК СССР от 28 апреля 1936 г. // СЗ СССР. 1936. № 25. Ст. 234.

⁶ О прекращении переименований городов, районных центров, местечек и железнодорожных станций: постановление ЦИК СССР от 27 мая 1936 г. // СЗ СССР. 1936. № 31. Ст. 275.

⁷ См.: ГАПК. Ф. Р-645. Оп. 2. Д. 62. Л. 171 об.; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 104.

⁸ Пролетарская мысль. 1936. 27 мая.

Одной из важнейших задач переписи населения 1937 г. стало установление численности, прежде всего, городского населения. Для ее решения органам НХУ следовало точно определить территорию каждого городского поселения в соответствии с его границами, определенными постановлениями ВЦИК или облисполкома. Не случайно особое внимание обращалось на оформление планового и картографического материала по населенным пунктам. Этот вопрос был поставлен перед районными инспекторами НХУ еще в декабре 1935 г. Планы городов должны были отражать современные границы поселения. На них следовало нанести все застроенные участки как временного, так и постоянного характера, с указанием улиц и переулков и всех отдельно стоявших строений, особенно на окраинах населенных пунктов. Подготовленные планы необходимо было выверить путем обхода всех районов городов¹.

В мае 1936 г. Челябинский облУНХУ проверил выполнение работы по составлению планов городских поселений. Оказалось, что сотрудники НХУ Троицка, Сатки и Камышлова представили старые копии планов без нанесения на них новых застроек. Новые городские поселки Еманжелинка, Коркино, Пласт, Карталы и другие вообще не имели их. В плановых материалах Троицка, Камышлова, Миньяра, Сатки, Уфалея, Катава, Шумихи, Юдино, направленных в Челябинск-облУНХУ, отсутствовали указания масштабов, наименования отдельных районов, улиц и переулков поселений². Все это затрудняло определение границ горпоселений и могло породить неточности в подсчете горожан³. Городские власти, понимая важность данной работы, взяли ее под особый контроль. К примеру, президиум Златоустовского горсовета на заседании, состоявшемся 10 мая 1936 г., акцентировал внимание собравшихся на уточнении плана города, названий его улиц, номеров домов, своевременном нанесении на план всех возведенных строений⁴.

Благодаря вмешательству областных и городских властей в процесс составления картографического материала к концу сентября 1936 г. в Свердловской об-

¹ ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 50. Л. 31, 40.

² Пролетарская мысль. 1936. 27 мая.

³ Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информ. письмо № 5. С. 22.

⁴ Там же. С. 23.

ласти были изготовлены планы по всем 25 городам. Из 76 рабочих поселков их имели 39 поселений, по 26-ти работы подходили к концу, однако по 11 населенным пунктам (Артемовский, Бисер, Боровск, Верхне-Чусовские Городки, Изумруд, Средне-Уральск и др.) они так и не были начаты¹.

К ноябрю того же года 67 из 84 городских поселений Челябинской области уже имели планы и схематические чертежи своих населенных мест, но у 17-ти пунктов (г. Карабаш, городские поселения Пласт, Коркино, Трудовой поселок, Аргаяш, агломераты г. Каменска и г. Магнитогорска и др.) их по-прежнему не было². К тому же качество планов целого ряда городских поселений оказалось достаточно низким. В итоге ни один из городов Челябинской области не имел точного плана. Это затруднило установление границы городской черты Челябинска, Магнитогорска, Аши, Копейска, Карабаша, Кыштыма. Имевшиеся планы Шадринска, Троицка и Златоуста устарели и требовали уточнения³. Но устранять отмеченные недостатки пришлось уже после переписи 1937 г.

На основании планов и схематических чертежей городских поселений были составлены списки домовладений в них.

В период подготовки к переписи следовало упорядочить городское хозяйство, в том числе присвоение наименования улицам и номеров домам. Проблема стояла достаточно остро, так как нередко в одном городе было несколько одноименных улиц (Челябинск, Карабаш и др.), в пределах одной улицы имелись случаи повторения номеров домов, не соблюдался порядок нумерации зданий⁴.

Президиум Свердловского облисполкома обязал городские власти к 30 декабря 1936 г. привести в исправное состояние и установить указатели улиц и проулков на каждом доме, оборудовать доски с указанием улиц, номеров домов, владельцев дома, номера квартир и фамилии ответственных съемщиков⁵. Все это могло положительно сказаться на качестве переписных работ. Подобная работа была проведена и в Челябинской области.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 502. Л. 12.

² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 9, 11.

³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 685. Л. 1-2; Р-274. Оп. 3. Д. 961. Л. 50-51.

⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 685. Л. 2.

⁵ Бюллетень бюро переписи населения Свердловского облУНХУ. 1936. № 3 (21 дек.). С. 2.

Областные УНХУ все городские населенные пункты разбили на переписные отделы, инструкторские и счетные участки¹. Каждый регистратор получил на руки выкопировку своего участка с точным указанием названия улиц и переулков, номеров домов, в пределах которых он должен был проводить перепись. Без таких подробных данных по своему участку регистратор мог пропустить отдельные кварталы города или же, наоборот, допустить двойной учет населения со стороны соседних регистраторов².

Важнейшей особенностью переписи 1937 г. явилось то, что она была однодневной. Поэтому кадровый вопрос приобрел особую значимость и актуальность. Предстояло привлечь к учетно-статистической операции множество людей. Только для трех крупных городов Челябинской области (Челябинска, Златоуста и Магнитогорска) требовался переписной персонал в 4781 чел.³ Начальник ЦУНХУ Госплана СССР И. А. Краваль подчеркивал, что успех переписной операции во многом зависел от подготовки низовых кадров и качества их работы⁴.

26 сентября 1936 г. президиум Челябинского облисполкома, выполняя решение обкома ВКП (б) от 10 сентября того же года о подборе кадров для Всесоюзной переписи населения⁵, рассмотрел этот вопрос и обязал райисполкомы и горсоветы региона ускорить комплектование переписного персонала на основе персонального утверждения кандидатур городскими органами власти. Он особо подчеркнул, что «подбор кадров является серьезной политической работой, и со стороны президиума облисполкома будут приниматься самые решительные меры против бюрократизации этой работы»⁶. На том же заседании президиум облисполкома наметил инструктивные совещания районных инспекторов НХУ и руководителей переписных отделов по проведению переписи⁷. 13 сентября 1936 г. комиссия по подготовке Всесоюзной переписи населения в составе начальника УНХУ РСФСР М.М. Мудрика, начальника Бюро переписи населения ЦУНХУ

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 502. Л. 4.

² Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информ. письмо № 5. С. 22.

³ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 713. Л. 136; Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 444. Л. 79.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информ. письмо № 5. С. 13.

⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 2.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 713. Л. 132-133.

⁷ Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информ. письмо № 10 о подборе кадров. С. 7.

О.А. Квиткина и Нечаева под председательством начальника ЦУНХУ Госплана СССР И.А. Кравая одобрила ход подготовки к переписи в Челябинской области¹.

В Свердловской области первоначально существовала недооценка политического значения переписи, ее рассматривали как рядовую счетно-техническую операцию. Создалась реальная угроза, что в некоторых районах региона не удастся вовремя сформировать переписной состав. Сентябрьская проверка выполнения Свердловской областью решений ЦК ВКП (б) от 20 апреля 1936 г. и СНК СССР от 28 апреля 1936 г. «О Всесоюзной переписи населения 1937 года», осуществленная уполномоченным Комитета партийного контроля при ЦК ВКП (б), выявила существенные недостатки в подборе кадров для переписи. В нарушение решения ЦК ВКП (б) об утверждении горкомами (райкомами) ВКП (б) и горсоветами (райисполкомами) счетчиков и контролеров облУНХУ возложил эти обязанности на инструкторов народнохозяйственного учета².

Свердловский обком ВКП (б) после указаний в планфинторготделе ЦК ВКП (б) постановлением от 3 октября 1936 г. обязал секретарей бюро горкомов и райкомов ВКП (б) к середине октября утвердить счетчиков и контролеров-инструкторов по переписи. Было проведено областное совещание всех секретарей горкомов и райкомов ВКП (б), председателей горсоветов и райисполкомов по вопросу переписных кадров. Однако 20 ноября областной партийный орган вынужден был констатировать, что партийные власти Соликамска и Ивделя формально подошли к подбору кадров для переписи и утверждали переписной персонал списками без обсуждения и тщательной проверки кандидатур. В ряде городов горкомы и райкомы ВКП (б) самоустранились от этой работы, переложив ее на горсоветы и райисполкомы, как в Ирбите и Красноуфимске, или сотрудников НХУ, как в Нижнем Тагиле. В Свердловске, Перми, Чусовой и Первоуральске горкомы ВКП (б) так и не приступили к формированию переписного персонала³. Неудовлетворительное положение с подбором массовых кадров для переписи стало предметом обсуждения специального совещания секретарей горкомов и райкомов

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информ. письмо № 10 о подборе кадров. С. 4–5.

² О подготовке к проведению всеобщей переписи населения в области // Партработник. 1936. № 8–9. С. 90.

³ ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 211. Л. 51; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 110–112; Д. 502. Л. 47.

ВКП (б) и председателей горсоветов и райисполкомов, проведенного 21 ноября Свердловским обкомом ВКП (б)¹.

Аналогичная ситуация сложилась и в Челябинской области. Некоторые районы вместо персонального рассмотрения кандидатуры каждого счетчика и инструктора-контролера утверждали переписчиков списком. В итоге проверка подобранных кадров показала, что на долю учащихся средних учебных заведений приходилось в Челябинске 93 % будущих счетчиков, Магнитогорске – 43 %, многие из них были несовершеннолетними. Среди инструкторов-контролеров и счетчиков было мало коммунистов и комсомольцев. В Магнитогорске доля членов ВКП (б) и ВЛКСМ среди них составила всего 14,8 %. Такой состав переписчиков стал результатом формального отношения к утверждению кадров со стороны горкомов ВКП (б) данных городов². В Челябинске, Магнитогорске и Копейске медленно шел процесс подбора кадров руководителей переписных отделов³.

Областные и городские власти Урала взяли под особый контроль подбор кадров для переписи. Бюро Свердловского обкома ВКП (б) в ноябре – декабре 1936 г. четыре раза обсуждало этот вопрос. В отстававшие районы, где особенно слабо осуществлялась подготовка к переписи, было командировано 28 членов областного партийного актива, в начале декабря им в помощь направили еще 14 чел.⁴ В октябре вопрос о переписных кадрах стоял на повестке дня президиума Лысьвенского горсовета; в ноябре президиум Челябинского облисполкома обсудил доклад председателя Курганского райисполкома Фоминых о комплектовании переписных кадров в городе; в декабре президиум Свердловского облисполкома дважды обращал внимание председателей горсоветов и райсоветов региона на необходимость тщательного подбора массовых переписных кадров, их обучения и закрепления на переписных участках⁵. Подобные действия были предприняты и руководством других городов Урала.

Работники областных управлений народнохозяйственного учета активно

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 118.

² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 22–22 об.

³ Там же. Л. 9.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 119, 136.

⁵ ГАПК. Ф. Р-645. Оп. 2. Д. 62. Л. 171 об.; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4329. Л. 1–1 об.; ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 735. Л. 36.

включились в дело комплектования кадров. По предложению ЧелябинблУНХУ горкомы ВКП (б) Челябинска и Магнитогорска решили пересмотреть списки уже утвержденных кадров. Также ЧелябинблУНХУ направило 10 своих сотрудников в помощь местным НХУ¹. И в деле подбора массовых переписных кадров произошел положительный перелом. Кандидатуры будущих участников переписи стали рассматриваться и утверждаться на заседаниях горкомов и райкомов ВКП (б), горсоветов и райисполкомов², а руководители переписных участков и уполномоченные по переписи проверялись и утверждались обкомами ВКП (б)³. В Нижнем Тагиле будущих переписчиков приглашали для беседы в горком ВКП (б), после которой они заполняли специальные анкеты, проверявшиеся лично первым секретарем горкома ВКП (б) Ш.С. Окуджавой⁴. В Кировском районе Челябинска все кандидатуры для переписи рекомендовались треугольниками предприятий и учреждений в составе партийного, профсоюзного и хозяйственного руководителей и утверждались райсоветом. В итоге был сформирован работоспособный состав инструкторов-контролеров и счетчиков⁵.

В ходе оперативного контроля подбора кадров и помощи в этой работе областных и городских партийных и советских органов удалось ускорить подбор переписного персонала и улучшить его качественный состав, приемлемый для власти. Были отведены кандидатуры бывших белогвардейцев и недостаточно надежных в политическом отношении лиц и приняты меры к подбору квалифицированных работников в качестве счетчиков и инструкторов-контролеров. В частности, горкомы ВКП (б) Свердловской области не утвердили кандидатуры 495 инструкторов-контролеров и 721 счетчика⁶. Среди них были лица, не достигшие совершеннолетия, как в Алапаевске, Кабаковске, Красноуфимске и Чердыни, либо бывшие дворяне и белогвардейцы, как в Кунгуре⁷. В Челябинске из 1622 учащих-

¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 2, 10, 22 об.

² См.: ГАОПДКО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 828. Л. 36-37; ГАПК. Ф. Р-645. Оп. 2. Д. 62. Л. 225-231; ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 211. Л. 2-3, 21-23, 58; ОГАЧО. Ф. П-288, Оп. 1. Д. 810. Л. 2, 17, 22; ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 3. Д. 11. Л. 443.

³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 4, 17; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 106, 112, 136.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 502. Л. 47 об.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 68. Л. 7.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 110-111.

⁷ Бюллетень бюро переписи населения Свердловского облУНХУ. 1936. № 4 (22 дек.). С. 3; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 112-113; Д. 502. Л. 46.

ся средних учебных заведений, подобранных и утвержденных райсовета́ми города в качестве счетчиков и инструкторов-контролеров, в ходе тщательной проверки осталось всего 340 чел., в том числе 70 учащихся школ. Отведенные были заменены более квалифицированными людьми из числа служащих и студентов вузов¹. Свердловский обком ВКП (б) отклонил 14 участковых уполномоченных, оказавшихся исключенными из партии и осужденными за должностные и иные преступления². Ворошиловский горком ВКП (б) при обсуждении деловых характеристиках переписного персонала отвел кандидатуры заведующих переписными отделами в Березниках Наборщикова и Халманского, Соликамске – Тетерина, как не утвержденных Свердловским обкомом ВКП (б)³.

В итоге в ноябре 1936 г. в городах Свердловской области свыше половины переписных кадров имело высшее образование; удельный вес членов и кандидатов в члены ВКП (б) среди городских уполномоченных по переписи был равен 76,9 %, инструкторов-контролеров – 21,6 %, счетчиков – 3,1 %; комсомольцев соответственно – 10,3; 20,3 и 22,9 %⁴. В Магнитогорске доля коммунистов и комсомольцев среди счетчиков и инструкторов-контролеров составила 20,2 %, учителей – 30 %, студентов высших и средних учебных заведений – 14,3 %; в Златоусте соответственно – 23,4; 31,8 и 31,2 %⁵. В Челябинске около трети инструкторов-контролеров и счетчиков были членами ВКП (б) и ВЛКСМ⁶.

В результате тщательного подбора кадров был сформирован корпус переписчиков в уральских городах. Райуполномоченными в Челябинске были назначены коммунисты Б.М. Гуревич, председатель облРОКК, П.Н. Беспалов, ответственный секретарь Тракторозаводского райсовета, Г.В. Кунилова, ответственный секретарь Ленинского райсовета; руководителями переписных отделов стали члены и кандидаты в члены ВКП (б) А.Ф. Коржиков, начальник областной конторы технико-экономического учета, И.А. Глухов, начальник райздравотделом, А.И. Немелков,

¹ ОГАЧО. Ф. П-288, Оп. 1. Д. 810. Л. 3.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 112.

³ ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 211. Л. 2.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 109.

⁵ Рассчитано по: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 3, 22.

⁶ Рассчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 66. Л. 26.

начальник гаража ЧТЗ и др. В Магнитогорске инструктором-контролером утвердили Недорезова, участвовавшего в качестве счетчика в переписях 1897 и 1926 гг. В Каменске счетчик Пабуловский имел опыт подобной работы в период предыдущей переписи. В Березниках заведующими переписными отделами были утверждены члены ВКП (б) И.Я. Егоров и Д.И. Каменщиков, а Соликамске – беспартийный П.Е. Елькин, в качестве инструкторов-контролеров в Березниках – беспартийные счетчик ТЭУ горсовета Е.А. Ваганова, счетовод горкомхоза А.А. Бугрышева, заведующая общим отделом Ленвенского райсовета Е.С. Балабанова, участник переписи 1926 г.¹; и др.

Вместе с тем президиум Свердловского облисполкома отмечал 11 декабря 1936 г., что в области не был выдержан установленный СНК СССР срок подбора и утверждения переписных кадров из-за затягивания этого процесса Пермским, Кабаковским и Нижнетагильским горсоветами². В итоге из-за несвоевременного включения городских властей в работу по подбору массовых кадров в Нижнем Тагиле, Лысьве, Кабаковске, Кунгуре, Верхотурье она была завершена только в середине декабря 1936 г.³

В целом в Свердловской области для участия в переписи было подобрано 38,8 тыс. чел., из которых 6,5 тыс. чел. числились в резерве⁴. В Челябинской области было утверждено инструкторами-контролерами 3288 чел., что составило 116 % к плану, счетчиками соответственно – 18 392 чел. и 114 % к плану⁵.

Подобранные кадры следовало обучить. В Челябинске с 7 по 20 октября, а в Свердловске с 14 по 22 октября 1936 г. работники облУНХУ провели групповые инструктивные совещания для инспекторов нархозучета и утвержденных обкомами ВКП (б) районных уполномоченных по вопросам организации и проведения переписи, после которых все их участники сдали технический экзамен. В Свердловской области из 68 чел. 45 отчитались по нему на «отлично» и «хорошо», 20 –

¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 338. Л. 2, 53; Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 66. Л. 7-20; ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 211. Л. 2, 21-23.

² Бюллетень бюро переписи населения Свердловского облУНХУ. 1936. № 3 (21 дек.). С. 1; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4328. Л. 308.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 114.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 136.

⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 15.

на «удовлетворительно» и только 3 чел. не справились с ним. 21 райинспектор области прошел переподготовку на более длительных курсах¹. С 20 октября по 10 ноября в Златоусте, Магнитогорске, Челябинске, Кургане и Шадринске и с 16 октября по 9 ноября в Свердловске, Перми, Красноуфимске, Ирбите, Березовске и Кудымкаре состоялись кустовые инструктивные совещания с руководителями переписных отделов и участковыми уполномоченными, проведенные опытными работниками областных УНХУ и городских бюро переписи населения². После них участники совещаний в качестве отчетности заполнили переписные листы.

В декабре 1936 г. началось обучение массовых переписных кадров. Городские партийные и советские организации оказали в этом значительную помощь работникам НХУ. Так, Ворошиловский горком ВКП (б) в декабре командировал своих членов Чудинова и Федоренко, а также партийных работников Самонскую и Катаева в Березники, Соликамск и пос. Усть-Боровая для проведения инструктивных совещаний инструкторов-контролеров и счетчиков³. В Златоусте к каждому переписному отделу в помощь его руководителю был прикреплен член президиума горсовета, в обязанность которого входило руководство инструкторскими совещаниями и обеспечение явки на них будущих переписчиков⁴. Нередко в данном городе инструктаж счетчиков проводился силами партгруппы горсовета⁵.

Областные власти также контролировали процесс подготовки массовых кадров для переписи. Уполномоченный Челябинского обкома ВКП (б) по проверке подготовки Троицкого района к переписи за время своего пребывания в Троицке (с 7 ноября по 1 декабря) лично проинструктировал 12 инструкторов-контролеров и 17 счетчиков, а 13 декабря совместно с райкомом ВКП (б) провел инструктивное собрание начальников переписных отделов, инструкторов-контролеров и счетчиков⁶. Для проверки хода инструктажа массовых кадров в декабре Челябин-

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информ. письмо № 10. С. 7; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 114–115.

² Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информ. письмо № 10. С. 7; ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 1. Д. 810. Л. 4; Ф. Р–1055. Оп. 2. Д. 68. Л. 7; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 109; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 71. Л. 16.

³ ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 211. Л. 3.

⁴ Архив ЗГО. Ф. Р–35. Оп. 11. Д. 17. Л. 253 об.–254.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информ. письмо № 13. С. 17.

⁶ ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 1. Д. 810. Л. 32.

ский обком ВКП (б) и облУНХУ направили в районы 20 чел.¹ К тому же в данном регионе была подготовлена и проинструктирована по вопросам переписи группа из 25 работников облУНХУ, часть которой командировали в районы со слабым или новым составом райНХУ на весь период переписи².

Инструктаж массовых переписных кадров по 60 районам Свердловской области был завершен к 10 декабря, а полностью по региону – к 24 декабря; Челябинской области – в установленный ЦК ВКП (б) срок – к 20 декабря³. По данным проверки в Свердловской области неудовлетворительную оценку получили 18 инструкторов-контролеров и 139 счетчиков. В городах Челябинской области инструктаж проводился до тех пор, пока массовые кадры переписчиков не сдали экзамены на положительную оценку. Таким образом, отсев переписных кадров по причине технической неграмотности был небольшим⁴.

В начале ноября 1936 г. в Челябинской области были напечатаны материалы для инструкторов-контролеров и счетчиков. ОблУНХУ издало 5 номеров информационных писем для аппарата НХУ, посвященные вопросам переписи⁵. Подобные материалы были изданы и в соседней Свердловской области. В этом регионе выходил Бюллетень бюро переписи населения Свердловского облУНХУ.

В определенные СНК СССР сроки в уральских городах началось освобождение участников переписи от основной работы с сохранением заработной платы⁶. На основании постановления СНК СССР от 29 августа 1936 г. к переписи были приурочены школьные зимние каникулы, что было важно для учителей, принимавших в ней участие⁷. Но были случаи негативного отношения хозяйственных руководителей к переписным кадрам. Директор образцовой школы в Кировском районе Челябинска не отпустила с занятий пятерых утвержденных инструкторов-контролеров, их пришлось заменить новыми из числа счетчиков; в Каменске управляющий Уралалюминия задержал освобождение от работы счетчиков; ди-

¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 4.

² Там же. Л. 10.

³ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26977.2. Л. 71; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 4.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 68. Л. 7 об.; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 115.

⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 9.

⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 4; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 115.

⁷ Бюллетень бюро переписи населения Свердловского облУНХУ. 1936. № 3 (21 дек.). С. 1.

ректор Кушвинского завода Лебедев и директор Егоршинской электростанции Архипов отказались откомандировать своих работников на перепись¹. Президиум Свердловского облисполкома 29 декабря 1936 г. потребовал принять решительные меры к таким руководителям². А президиум Кабаковского горсовета даже поручил прокурору Корицыну привлечь виновных в срыве подготовки к переписи к ответственности³. Принятые меры помогли решить кадровую проблему.

Большую роль в успешной подготовительной работе к переписи сыграло социалистическое соревнование. Участковые инспекторы НХУ Ленинградской области вызвали на социалистическое соревнование «на образцовое проведение переписи населения 1937 г.» участковых инспекторов Свердловской области⁴. В свою очередь Свердловское областное УНХУ соревновалось с Челябинским, а то еще и с Башкирским, Оренбургским, Омским, Западно-Сибирским, Восточно-Сибирским и Горьковским облУНХУ. Договор о социалистическом соревновании по качественному проведению переписи заключили Курганский и Шадринский райисполкомы⁵. Троицкая районная инспектура НХУ и руководители переписных отделов соревновались с работниками Увельской, Кочкарской и Верхне-Уральской райинспектур, Сталинский районный переписной отдел Челябинска – с Ленинским. Соревновались между собой переписные отделы городов, инструкторы и счетчики. На переписных участках были установлены специальные доски, на которых отражался ход соцсоревнования⁶.

Успех Всесоюзной переписи населения во многом зависел от степени участия в ней советских граждан. 19 октября 1936 г. состоялась Всесоюзная радиопереключка по вопросам переписи с участием начальника Госплана СССР И.А. Краваля⁷. 23 октября 1936 г. он обратился с письмом ко всем УНХУ страны с призы-

¹ Уральский рабочий. 1936. 31 дек.; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 338. Л. 2; Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 68. Л. 8.

² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4329. Л. 1-1 об.

³ Бюллетень бюро переписи населения Свердловского обл УНХУ. 1936. № 6 (30 дек.). С. 2.

⁴ Письмо участковых инспекторов нархозучета Ленинградской области инспекторам Московской и Свердловской областей // План. 1936. № 11. С. 55.

⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 16-17.

⁶ Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информ. письмо № 13. С. 9-10; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 32; Ф. П-2061. Оп. 1. Д. 66. Л. 27; Д. 68. Л. 8 об.-9; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 71. Л. 9.

⁷ ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 5. Д. 498. Л. 95.

вом развернуть массово-разъяснительную работу среди населения¹. Работники НХУ Свердловской области в телеграмме от 16 октября заверили И.А. Кравая, что доведут до сознания каждого трудящегося информацию о задачах переписи². Челябинский облУНХУ для ознакомления местных инспекторов и переписного персонала с массовой разъяснительной работой, проводимой на местах, и обмена опытом выпустило специальное информационное письмо о массово-разъяснительной работе³.

14 ноября 1936 г. Челябинский обком ВКП (б) принял специальное постановление по данному вопросу. Выполняя его, президиум Челябинского облисполкома 28 ноября рекомендовал горсоветам и райисполкомам для наибольшего вовлечения населения в подготовительные работы по переписи и лучшего ее проведения организовать на предприятиях, в учебных заведениях, при домоуправлениях бригады содействия переписи из числа активистов профсоюзной и комсомольской организаций, членов горсоветов, работников народного образования⁴. Подобные решения были приняты Свердловским обкомом ВКП (б) (3 октября) и Свердловским облисполкомом (11 декабря)⁵. В декабре 1936 г. состояние агитационно-массовой работы по вопросам переписи стало предметом специального обсуждения Ворошиловским горкомом ВКП (б), руководящим составом бюро переписи населения Магнитогорска⁶ и других городов.

В городах Свердловской и Челябинской областей при всех инструкторских участках были созданы бригады содействия. В их комплектовании приняли участие депутаты горсоветов, профсоюзы, ЖАКТы, уличные комитеты, жены инженерно-технических работников, переписной персонал участков. Главной целью бригад содействия стало проведение массовой работы среди горожан на участках, а во время предварительного обхода и производства переписи – контроль работников переписи. Большую роль бригады содействия сыграли также при проведе-

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информ. письмо № 10. С. 3–5.

² Бюллетень бюро переписи населения СвердблУНХУ. 1936. № 6 (30 дек.). С. 5.

³ Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информ. письмо № 13.

⁴ ОГАЧО. Ф. П–288. оп. 1. Д. 810. Л. 4; Ф. Р–274. Оп. 3. Д. 747. Л. 110–111.

⁵ ГАСО. Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 4328. Л. 308–309; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 107.

⁶ ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 211. Л. 3; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 71. Л. 10–10 об.

нии контрольных обходов. В период переписи в Свердловске они в составе депутатов горсовета выявляли непереписанных жителей, опрашивали население о проведенной переписи путем обхода домов. Многие бригады содействия города украсили здания областного центра плакатами с переписными лозунгами¹. Всего только в городах Свердловской области действовало 400 бригад содействия, актив которых насчитывал 2098 чел.²

Разъяснительная работа о задачах и порядке проведения переписи велась разными способами. Во-первых, через общие собрания и массовые митинги на предприятиях и в учреждениях, школах и ЖАКТах, единые профсоюзные дни, беседы с рабочими, служащими, домохозяйками, родителями учеников, а также путем обхода квартир горожан бригадами содействия. Только в Челябинске, по неполным данным, провели 4 пленума райсоветов, 44 партийных собрания, 34 собрания с депутатскими группами и уличными комитетами, 224 собрания на предприятиях города³. Во всех цехах заводов рабочих поселков Усть-Катав, Катав-Ивановск и Юрюзань прошли рабочие собрания по предстоявшей переписи⁴. В Свердловской области провели 908 пленумов горсоветов, райисполкомов и сельсоветов, 1074 собрания на заводах и фабриках, 1798 – в цехах⁵.

Во-вторых, через областную, городскую и районную печать, стенгазеты. По неполным данным, в печати Свердловской области было опубликовано 1160 статей и заметок, выпущено 7 информационных писем и 6 бюллетеней областного УНХУ. Только в Пермском районе, по неполным сведениям, стенгазеты посвятили вопросам переписи около 500 заметок. В-третьих, через радио. С 11 по 31 декабря 1936 г. Свердловская радиовещательная станция им. Свердлова организовала 19 радиопередач о переписи⁶. Ежедневно в последних известиях освещалась подготовка, а позже ход переписи в городах Урала.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 120, 122.

² Там же. Л. 116.

³ ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 66. Л. 25.

⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 338. Л. 58.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 116.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 116, 123, 139.

В-четвертых, массово-разъяснительная работа осуществлялась и через учреждения культуры. По заказу СвердлоблУНХУ Уральская контора Союзкинохроники выпустила в пяти экземплярах специальный короткометражный кинофильм, который показывали во всех кинотеатрах области¹. В кинотеатрах «Пролетарий» и «Мюд» Челябинска на киноплёнке демонстрировали лозунги о Всесоюзной переписи². Это же было характерно и для других городов. Были организованы короткие сообщения о предстоявшей переписи перед постановками в городских театрах и цирках. В-пятых, через плакаты, листовки и объявления. В целом Свердловским облУНХУ было опубликовано 250 тыс. экземпляров листовок. Подобная продукция печаталась не только в области, но и в отдельных городах. К примеру, на Уралмашзаводе заводская газета «За тяжелое машиностроение» подготовила листовки-клише, которые были розданы рабочим при выходе их с завода. В Нижнем Тагиле было отпечатано 50 тыс. листовок. В Кабаковске для распространения листовок использовали аэроплан³.

Из всех многообразных форм массово-разъяснительной работы наиболее эффективной и доходчивой была устная агитация. Она приняла невиданные размеры. По неполным данным, в городах Свердловской области состоялось 23962 бесед и докладов на предприятиях, в учреждениях, школах, клубах, театрах и проч.⁴ Широкое распространение получили индивидуальные беседы, агитационная работа в бараках, квартирах и на улицах. В одном только Кировском районе Челябинска в декабре 1936 г. состоялось 8977 различных бесед и собраний, на которых присутствовало свыше 90 тыс. чел. Орджоникидзевский райком ВКП (б) Свердловска в конце декабря для более полного охвата трудящихся выделил 200 активистов. Они должны были обойти квартиры рабочих для разъяснения им задач переписи. В Тагильском районе в подобной работе приняло участие свыше 3 тыс. чел. Переписной персонал активно включился в эту деятельность. Местная инициатива породила и необычные формы пропаганды переписи. В Первоуральске на

¹ Бюллетень бюро переписи населения Свердловского облУНХУ. 1936. № 6 (30 дек.). С. 5; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 123.

² ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 68. Л. 8.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 124.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 139.

бале-маскараде один из костюмов его участника был посвящен предстоявшему генеральному счету населения. На нем были отображены лозунги переписи и все 14 вопросов переписного листа¹.

Разъяснительная кампания обеспечила ознакомление каждого горожанина с предстоявшей переписью, о чем свидетельствовала проверка степени осведомленности населения о ней, проведенная облУНХУ в рабочих районах Свердловска. На Уралмаше все опрошенные знали о предстоявшем событии из газет, бесед на предприятии, собраний жильцов. Жена служащего заводоуправления, домохозяйка, даже обиделась, когда ей задали вопрос, знает ли она о переписи. Двое рабочих с Верх-Исетского завода ответили, что ничего не слышали о ней на своем предприятии, но знали о переписи из газеты «Известия» и сообщений по радио².

В декабре 1936 г. Свердловский и Челябинский облисполкомы, президиумы Лысьвенского, Пермского, Златоустовского и других горсоветов, бюро Нижнетагильского горкома ВКП (б), совещание секретарей райкомов ВКП (б) при Челябинском обкоме ВКП (б), совещание руководящего состава переписных отделов Магнитогорска и совещание руководителей секций при Нижнетагильском горсовете, партийные собрания трудовых коллективов обсудили готовность городов к переписи. Было решено, что партийно-советский актив примет в ней непосредственное участие для оперативного решения всех возникших в ходе нее проблем³.

В Свердловской области во втором номере «Бюллетеня бюро переписи населения Свердловского облУНХУ» была напечатана статья «Проверьте свою готовность к переписи», в которой содержался порядок проведения проверочной работы переписчиков. Особое внимание обращалось на техническую подготовленность регистраторов и степень осознания горожанами важности переписи⁴.

¹ ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 68. Л. 8; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 117, 124, 140.

² Бюллетень бюро переписи населения Свердловского облУНХУ. 1936. № 6 (30 дек.). С. 5; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 124.

³ См.: Бюллетень бюро переписи населения Свердловского облУНХУ. 1936. № 4 (22 дек.). С. 2; ГАПК. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 760. Л. 97-97 об.; Ф. Р-645. Оп. 2. Д. 62. Л. 283; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4329. Л. 1-1 об.; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 541. Л. 1; Р-485. Оп. 5. Д. 498. Л. 132-133; ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 3. Д. 11. Л. 459-460; Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 17. Л. 280; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 71. Л. 16-17.

⁴ Бюллетень бюро переписи населения Свердловского облУНХУ. 1936. № 3 (21 дек.). С. 2.

27 декабря 1936 г. Свердловский обком ВКП (б) организовал радиоперекличку со всеми районами области с отчетами секретарей горкомов и райкомов ВКП (б) о готовности к переписи. Было решено, что горкомы и райкомы ВКП (б), горсоветы и райисполкомы установят ежедневный контроль за работой каждого учетного участка на период переписи¹. Облпрофсовет и обкомы союзов госучреждений, политпросветработников, учителей средних и низших школ выработали конкретные меры помощи профсоюзам переписи².

Накануне Всесоюзной переписи ЦК ВКП (б), ЦК ВЛКСМ и Президиум ВЦСПС обратились с призывами к своим членам принять активное участие в ней и оказать ей всемерную помощь³. С подобными призывами к облисполкомам, горсоветам и райисполкомам обратились председатель ВЦИК М.И. Калинин и председатель СНК РСФСР Д.Е. Сулимов⁴. В ответ на эти обращения участники городского слета в Магнитогорске 1 января 1937 г. обязались «превратить перепись населения во всенародный смотр гигантских успехов социализма в СССР»⁵.

Перепись должна была быть однодневной. Но с 1 по 5 января 1937 г. каждый счетчик должен был обойти все дома и квартиры своего участка и предварительно заполнить переписные листы. Но это – только подготовка к переписи. 2 этап – решающий – приходился на 6 января. Все переписывались по фактическому месту нахождения. 3 этап (с 7 по 11 января) включал проверку правильности переписи. Инструкторы-контролеры вместе со счетчиками должны были вновь обойти все квартиры и дома и проверить полноту и правильность учета населения⁶.

Подготовительная работа к переписи дала свои положительные результаты. 1 января 1937 г. в Свердловской области свыше 99 % счетчиков (24 935 из 25 132 чел.) приступили к предварительному заполнению переписных листов. Не вышедший на участки персонал немедленно заменили счетчиками из резерва⁷. В Челябинской области на свои участки вышли 150 23 счетчика, 2 602 инструктора-

¹ Бюллетень бюро переписи населения СвердловоблУНХУ. 1936. № 6 (30 дек.). С. 1–2.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 118–119.

³ См.: Пролетарская мысль. 1937. 3 янв.

⁴ См.: Уральский рабочий. 1936. 29 дек.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 5. Д. 498. Л. 252–252 об.

⁶ Уральский рабочий. 1936. 31 дек.

⁷ Уральский рабочий. 1937. 5 янв.; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26977.1. Л. 142 об.

контролера и 278 участковых уполномоченных¹. Этот день стал показателем организованности и подготовленности городов Урала к переписи.

Уже в ходе предварительного заполнения переписных листов 4 января 1937 г. Бюро переписи населения Свердловской области выпустило специальный бюллетень (№ 7), в котором наряду с материалами о переписной работе особое внимание уделило контрольным обходам².

В уральских городах предварительное заполнение переписных листов прошло в целом на высоком организационном уровне. Сказались хорошая подготовка переписного персонала и правильная расстановка сил. Но были выявлены и недостатки. В Кургане 29 счетчиков явились на работу с опозданием, что вызвало необходимость созыва собраний по вопросу дисциплины участников переписи. Для предотвращения подобных случаев Курганский райком ВКП (б) ввел повседневные наблюдения партийного актива за ходом переписи. В рабочем поселке Касли в первый день предварительной переписи обнаружилось 9, а в Шадринске – 8 неправильно заполненных анкет из-за слабой подготовки счетчиков. В Златоусте были случаи небрежного заполнения переписных листов, неправильных записей ответов на вопросы. Для ликвидации выявленных недостатков в городах оперативно провели дополнительный инструктаж регистраторов, технически неподготовленных счетчиков заменили резервными³.

Успех переписи во многом зависел от помощи и поддержки городских властей и общественных организаций, которые постарались создать переписчикам наиболее приемлемые условия для работы. Все переписные участки и регистраторы были обеспечены помещениями, всеми необходимыми техническими средствами, в том числе круглосуточной связью, и канцелярскими принадлежностями. Всем участникам переписной кампании было предоставлено право бесплатного проезда на общественном транспорте и право внеочередной посадки в него. При каждом инструкторском участке дежурили автомашины или гужевой транспорт. Управление Свердловского трамвая в период проведения переписи согласовало

¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 338. Л. 86 об.

² ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 133–134.

³ Пролетарская мысль. 1937. 3 янв.; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 338. Л. 3–5, 86–86 об.

свою работу с ее потребностями. По предложению Свердловского городского бюро переписи, 1 января 1937 г., несмотря на сильные морозы, трамвайное движение не прекращалось в течение суток, а 6 января трамвайные вагоны доставили счетчиков к счетным участкам¹. В Нижнем Тагиле, Ирбите и других городах среди переписного персонала была организована взаимопомощь по пользованию теплой одеждой. При переписных отделах функционировали буфеты и здравпункты. В Свердловске на все время переписи был организован специальный пост горсовета для оперативной помощи переписчикам. В Златоусте с каждым переписчиком ходили депутаты для оказания ему необходимой помощи. В Нижнем Тагиле впереди счетчиков по квартирам респондентов шли депутаты горсовета, предупреждая население о переписи, а пионеры на коньках выполняли роль связных².

6 января стало днем счета населения и проверки правильности заполнения переписных листов. Утром счетчики и контролеры Свердловска явились на сборные пункты и ровно в 8 часов начали обход квартир горожан. В 12 часов дня подавляющее большинство их, закончив работу, вернулось в свои отделы. На свердловских вокзалах и в поездах, где работало 555 счетчиков и контролеров, перепись была проведена за 2 часа³. И так было во всех городских поселениях Урала. С 7 по 11 января прошли контрольные обходы. В Магнитогорске для более полного охвата населения переписью на страницах городской газеты уже 8 января 1937 г. было размещено объявление под заголовком «Если счетчик не пришел...», в котором говорилось, что в таком случае надо заявить об этом в ближайший переписной отдел, приводились их координаты⁴.

Челябинская область досрочно, 9 января, отправила в Москву первую телеграфную сводку о предварительных результатах переписи, а вторую – в срок, 20 января 1937 г. 19 января в ЦУНХУ Госплана СССР и Бюро переписи населения УНХУ РСФСР ушло и подобное секретное донесение из Свердловской области⁵.

В целом городского населения Урала с пониманием и ответственностью от-

¹ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 713. Л. 133; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 132–133, 137–138.

² Пролетарская мысль. 1937. 5, 10 янв.; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 133.

³ Уральский рабочий. 1937. 8 янв.

⁴ Магнитогорский рабочий. 1937. 8 янв.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 50; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 338. Л. 86–86 об.

неслось к переписи. Райуполномоченный по Орджоникидзевскому району Перми указывал, что «счетчики являлись желанными гостями», их принимали «очень радушно и хорошо». По общему заявлению переписного персонала, 1 и 6 января большинство населения специально было дома и ожидало счетчиков. В Ревде трое рабочих, уходя из дома, на случай прихода счетчика оставили письменные ответы на все вопросы переписного листа. Гражданин Бадин, бывший красный партизан, специально приехал в Бюро переписи населения Свердловска с просьбой переписать его, так как во время переписи он находился в пути. Всего же в Свердловский горсовет к уполномоченному по переписи обратилось 212 чел. как не прошедших перепись¹. В Златоусте население сознательно давало заранее подготовленные и продуманные ответы на вопросы, выявляя случаи ошибочных записей. Граждане требовали немедленного исправления ошибок через инструктора-контролера. Везде счетчики были долгожданними гостями, им предоставляли лучшее место для работы². Счетчик Недорезов из Магнитогорска отмечал: «Перепись эта для нас прошла радостно, даже дети встречали и просили, если не записали, то запишите. Люди, которые были пропущены, приходили и говорили: «Запишите». К переписи относилось население с уважением и хорошо благодаря тому, что была проведена разъяснительная работа как со стороны комитета ВКП (б), так и горсовета, так и самой нашей работой, так как у нас было проведено несколько собраний в клубах со счетчиками»³.

Но были случаи негативного отношения к переписи. В Чусовой распространялись слухи, что перепись проводилась с целью возвращения карточной системы. Райуполномоченный по Кировскому району Челябинска Б.М. Гуревич доносил, что в бараке Медсанстроя бывший член ВКП (б) заменил лозунг «Кто был никем, тот станет всем» на антисоветский «Кто был никем, тот остался никем». В Свердловске во время переписи пассажиров в поезде № 86 врач железнодорожной амбулатории утверждал, что счетчики не знали инструкции, поэтому результаты

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 123, 142–143.

² Пролетарская мысль. 1937. 5 янв.

³ Цит. по: ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 2. Д. 338. Л. 54.

переписи будут заведомо лживы¹. Но в целом в городах, в отличие от сельской местности Урала, подобных случаев было крайне мало.

Полученные в ходе переписи данные не соответствовали ожиданиям властей. Все это послужило основой для принятия 26 сентября 1937 г. СНК СССР специального постановления, в котором организация переписи признавалась неудовлетворительной, ее материалы объявлялись «дефектными», все ее итоги засекречивались². Организаторов переписи стали называть вредителями и даже врагами народа. Начались аресты статистиков в центре и на местах. В мае 1937 г. был арестован заместитель начальника Челябинского областного УНХУ Н.П. Котельников. Его обвинили в принадлежности к нелегальной эсеровской группе, проводившей контрреволюционную деятельность. В ее состав также включили начальника сельскохозяйственного сектора облУНХУ П.Ф. Неволина, консультанта Челябинблплана Г.И. Исупова и др. Всех приговорили к высшей мере наказания³. Такая же участь постигла начальника сектора населения ЧелябинблУНХУ И.А. Сперанского, арестованного в ноябре 1937 г. и расстрелянного в январе 1938 г.⁴ С весны 1937 г. резко ухудшилось положение начальника Челябинского облУНХУ В.К. Строковского. Его обвинили в членстве в троцкистской организации. В январе 1938 г. он был арестован, признан виновным в антисоветской деятельности и уже в феврале того же года расстрелян⁵.

Во вредительской деятельности в статистических органах Челябинской области, помимо названных лиц, были обвинены Яшкевич, бывший начальник бюро переписи населения Челябинска, Л.А. Алексин, бывший экономист по учету ЧелябинблУНХУ, Д.И. Ржанников, бывший экономист бюро переписи населения, Золотарев, Поскребышев, Шенберг и Тюнин⁶.

Подобные репрессии прошли и в статистических органах Свердловской области. По итогам переписи 1937 г. было сфабриковано дело о контрреволюцион-

¹ ОГАЧО. Ф. П-2061. Оп. 1. Д. 68. Л. 10; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 117, 153.

² О дефектности Всесоюзной переписи населения 1937 г.: постановление СНК СССР от 26 сентября 1937 г. // Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. док. и мат-лов. С. 288.

³ ОГАЧО. Ф. П-2061. Оп. 1. Д. 2. Л. 42; Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 184. Л. 283-284.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 204. Л. 400 об.; Д. 200. Л. 122.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 184 Л. 194; Д. 199. Л. 205; 37, Д. 2. Л. 26 об.

⁶ ОГАЧО. Ф. П-2061. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.

ной вредительской группе в Свердловском областном управлении народнохозяйственного учета. В нее включили начальника Бюро переписи населения облУНХУ Т.И. Величковского, консультанта начальника облУНХУ Л.П. Валинчуса, начальника учетной инспекции облУНХУ Л.А. Николаева и работника облУНХУ С.Н. Алексеева. Их обвинили в преднамеренном преуменьшении численности населения во время переписи и срыве подготовки к ней. По приговору Особой Тройки при Управлении НКВД Свердловской области от 11 сентября 1937 г. все участники так называемой вредительской группы были приговорены к 10 годам исправительно-трудовых лагерей¹.

Начальник СвердблУНХУ А.П. Бобров решением партийного собрания СвердблУНХУ от 29 июня 1937 г. был исключен из рядов ВКП (б) «за потерю большевистской бдительности, политическую слепоту, ротозейство». Он был снят с должности без предоставления ему другой работы, хотя уже с ноября этого же года трудился экономистом в аппарате областного УНХУ. 4 марта 1938 г. закрытое партийное собрание СвердблУНХУ, учитывая добросовестную профессиональную и общественную работу А.П. Боброва и признание им своих политических ошибок, «выразившихся в дружеских связях с врагами народа», ходатайствовало перед Свердловским горкомом ВКП (б) о восстановлении его в партийных рядах². Таким образом, бывшему начальнику СвердблУНХУ А.П. Боброву удалось избежать более суровых репрессий, которым подверглись его подчиненные.

В мае 1940 г. решением УНКВД по Свердловской области была создана экспертная комиссия под председательством Е.Ф. Разницыной, в состав которой вошли В.П. Васильев, И.Д. Шаравьев, М.К. Гиреева и С.М. Панкратова. Она проверила лица, прошедшие по делу о контрреволюционной вредительской группе в Свердловском облУНХУ, и не установила вредительства в их профессиональной деятельности. Недоучет населения комиссия объяснила, во-первых, недостаточной подготовкой руководящих переписных кадров вследствие проведения кустовых совещаний, а не централизованного инструктажа; во-вторых, недостаточной

¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26977.1. Л. 137–138.

² ЦДОСО. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 4. Л. 9 об., 17.

массово-разъяснительной работой среди населения о значении переписи, что сказалось на полноте охвата населения; в-третьих, из-за вычеркивания из переписных листов лиц, не оказавшихся на месте во время контрольных обходов¹. Однако, несмотря на выводы комиссии, все осужденные по данному делу работники СвердловУНХУ продолжили отбывать наказание.

Благодаря значительной и целенаправленной подготовительной работе, проведенной под жестким контролем областных и городских партийных и советских органов власти, Всесоюзная перепись населения 1937 г. в уральских городах прошла организованно и позволила получить достоверные результаты. Но они не удовлетворили советское руководство, что определило печальную судьбу переписи. Но опыт ее подготовки и проведения был использован областными и городскими властями при организации переписи населения 1939 г.

§ 3. Подготовка и проведение Всесоюзной переписи населения 1939 г. в городах

Решением СНК СССР от 26 сентября 1937 г. новая перепись была назначена на январь 1939 г.² 26 июля 1938 г. Совет Народных Комиссаров СССР определил ее день – 17 января³. В период подготовки и проведения переписи вопрос о численности населения и особенно горожан приобрел более значимый и политический характер, чем в 1937 г. Для получения ожидаемых центральной властью демографических данных требовалось вовлечь в перепись все население страны и исключить его недоучет. Был выдвинут лозунг: «Не пропустить ни одного человека!». Он постоянно повторялся на страницах печати и стал девизом социалистического соревнования за проведение переписи 1939 г. на «отлично»⁴. Вместе с тем впервые в практике советских переписей предусматривались репрессивные

¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26977.2. Л. 16, 71–71 об., 213.

² См.: О дефектности Всесоюзной переписи населения 1937 г.: постановление СНК СССР от 26 сентября 1937 г. // Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. док. и мат-лов. С. 288.

³ См.: О Всесоюзной переписи населения 1939 г.: постановление СНК СССР от 26 июля 1938 г. // СЗ СССР. 1938. № 35. Ст. 211.

⁴ Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов... С. 90; Она же. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: история проведения, оценка достоверности. С. 5.

меры по отношению к респондентам. В постановлении СНК СССР «О Всесоюзной переписи населения 1939 г.» от 26 июля 1938 г. указывалось, что граждан, уклонявшихся от дачи сведений или дававших заведомо неверные сведения, следует привлекать к уголовной ответственности. Передовая газеты «Правда» разъясняла, что «эта мера совершенно необходима, ибо каждый, кто по вражескому наущению или собственной несознательности мешает безукоризненному проведению переписи, тем самым наносит ущерб интересам нашей родины»¹.

Подготовка к переписи 1939 г. заняла более длительный период, чем к предыдущей переписи. ЦУНХУ Госплана СССР уже с октября 1937 г. развернуло подготовительные работы. На Урале они начались с ноября того же года. При областных УНХУ во главе с А.Ф. Луковниковым (Свердловская обл.) и И.И. Ясюковым (Челябинская обл.) были созданы Бюро переписи населения. В Свердловской области его возглавил Мешавкин, в ноябре 1938 г. смененный Г.М. Иткиндо², Челябинской – А.Н. Бубнов³. В городах подготовкой к переписи занимались начальники Бюро переписи населения Рупасов (Свердловск), Полковин (Челябинск), А.И. Лысаков (Магнитогорск), В.М. Шаронов (Березники); городские и районные инспекторы НХУ М.П. Гладких (Златоуст), М.П. Шаркунов (Шадринск), С.Т. Горковенко (Березники), Колегов (Курган), Зуев (Пермь) и Радостев (Коми-Пермяцкий округ); уполномоченные по переписи населения П.Д. Козлов (Магнитогорск) и Наротнев (Челябинск)⁴ и др.

Подготовка к Всесоюзной переписи 1939 г. совпала с формированием на Урале нового административно-территориального образования (Пермской области) и его областных структур. Только 19 ноября 1938 г. вновь созданное Пермское облУНХУ во главе с Мешавкиным взяло на себя руководство подготовкой к

¹ Цит. по: Правда. 1938. 27 июля.

² Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. Свердловск, Б.г. С. 11; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1323. Л. 155.

³ ОГАЧО. Ф. П-2061. Оп. 1. Д. 3. Л. 67.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 17; Уральский рабочий. 1939. 6 янв. С. 4; ГАОПДКО. Ф. 351. Оп. 1. Д. 581. Л. 90; ГАПК. Ф. Р-762. Оп. 3. Д. 46. Л. 252; ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 102. Л. 44; ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 5. Л. 16; Ф. 59. Оп. 1. Д. 335. Л. 43; Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 22. Л. 129 об.-130; Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 112. Л. 52; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 25; Д. 105. Л. 20 об.

предстоявшему генеральному счету населения¹.

Областные Бюро переписи населения сразу же начали приводить в порядок материалы предыдущей переписи. Непосредственно в городах Челябинской области подготовительные работы начались с письма облУНХУ райинспекторам НХУ от 29 октября 1937 г., в котором ставились конкретные задачи по предстоявшему демографическому событию². В Свердловской области старт подобным работам был дан совещанием райинспекторов НХУ, проведенным облУНХУ 28–29 ноября 1937 г.³

Областные и городские власти Урала по примеру предыдущей переписи взяли под особый контроль подготовку к переписи, который не ослабевал вплоть до сдачи материалов в ЦУНХУ и УНХУ РСФСР. Уже 26 декабря 1937 г. Свердловский облисполком обязал городские власти и облУНХУ немедленно развернуть предварительные работы по переписи, а Челябинский облисполком 21 января 1938 г. призвал председателей горсоветов и райисполкомов уделить им исключительное внимание⁴. В январе 1938 г. вопрос о предстоявшей переписи рассмотрели президиумы Челябинского и Златоустовского горсоветов, Кыштымского райисполкома⁵; мае – Березниковского горсовета; августе – Магнитогорский и Нижнетагильский горкомы и Каменский райком ВКП (б)⁶, Златоустовский и Челябинский горсоветы⁷; ноябре и декабре – Нижнетагильский горком ВКП (б)⁸, объединенное заседание президиума Челябинского облисполкома и бюро обкома ВКП (б), пленум Челябинского горсовета, январе 1939 г. – объединенный пленум горкома ВКП (б) и горсовета Челябинска⁹, а также президиум Златоустовского горсовета¹⁰ и т.д. На президиумах и пленумах горсоветов и райисполкомов только

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1313. Л. 5; ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 97.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 1.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1323. Л. 1; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 280. Л. 7.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 2; Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 100. Л. 71.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 97. Л. 4; Д. 98. Л. 21–20; Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 22. Л. 31–32.

⁶ ГАПК. Ф. Р-762. Оп. 3. Д. 46. Л. 252; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 685. Л. 62; ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 3. Д. 29. Л. 11; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 55.

⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 98. Л. 29–31; Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 23. Л. 59–60.

⁸ ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 3. Д. 11. Л. 392–393, 459–460; Д. 29. Л. 110.

⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 74–76; ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 98. Л. 14, 18.

¹⁰ Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 22. Л. 31–32; Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 101. Л. 4.

Свердловской области данный вопрос стоял 438 раз¹. В Челябинской области проблемы переписи обсуждались трижды на бюро обкома ВКП (б), президиуме облисполкома, 342 раза на пленумах райкомов ВКП (б) и райисполкомов, 138 раз на городских партактивах, 162 раза на активах комсомола и 230 – профактивах². Неоднократно ход подготовки к переписи был предметом обсуждения на партийных собраниях первичной организации УНХУ Челябинской³ и других областей.

На начальном этапе подготовка к переписи включала в себя формирование списков населенных мест и домовладений, составление и уточнение картографического материала. В Свердловской области уже к 15 апреля 1938 г. с помощью землемеров и работников Бюро технического контроля были выверены планы городов и рабочих поселков с нанесенными на них домовладениями, все участники предстоявшей переписи были снабжены выкопировками своих участков⁴. Подобная работа была успешно проведена и в Пермской области. Однако план Березников имел неточности, которые пришлось устранять весь 1938 г., а план рабочего поселка Теплая Гора был забракован, вместо него пришлось подготовить новый схематический план⁵.

В Челябинской же области положение с картографическим материалом оказалось еще сложнее. Планы Карабаша, Троицка, Кургана и ряда других городов региона были составлены до 1930 г., рабочие поселки Пласт, Ново-Троицк и Балканы их не имели вообще. У Каменска и Горняка, образовавшихся вследствие застройки своей основной части и слияния ее с прилегавшими к ней поселками, не было общих планов поселков. Планы городских поселений, изготовленные к переписи 1937 г., так и остались невыверенными⁶. 10 февраля президиум Челябинского горсовета специально обсудил вопрос об изготовлении плана областного центра. Челябинский облисполком, проанализировав сложившуюся в регионе ситуацию, 22 февраля 1938 г. обязал горсоветы и райисполкомы региона и работни-

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1323. Л. 160.

² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 2. Л. 2.

³ См.: ОГАЧО. Ф. П-2061. Оп. 1. Д. 3. Л. 55, 70; Д. 4. Л. 9.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 10.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1313. Л. 20, 118; ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 102.

⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 9.

ков НХУ уточнить планы городских поселений к 25 марта того же года. Выполняя данное решение, работникам Бюро технико-экономического учета пришлось заново сделать планы Челябинска, Магнитогорска, Златоуста и других городов¹.

Благодаря этой работе каждый участник переписи в городах Урала получил точную схему своего участка с нанесенными на нее домовладениями.

Техническая подготовка к переписи включала также составление квартальных списков домовладений в городах и рабочих поселках Урала. К этой работе были привлечены в основном сотрудники НХУ, активисты горсоветов и учащиеся техникумов и ВУЗов. Они посетили каждый дом и квартиру, что позволило максимально учесть горожан. В течение 1938 г. трижды проверили списки домовладений и городских жителей и обнаружили недочеты. Так, в Челябинской области в ходе апрельской выборочной проверки полноты списков домовладений установили, что в Троицке пропущено 2500 чел., Кургане – 225. В целом по области выявили 5822 недоучтенных горожан². В Свердловской области в результате подобных мероприятий, проведенных силами общественности в мае–июне, также обнаружили пропуск квартир, домовладений и свыше 400 мелких населенных мест³.

В ноябре 1938 г. ЦУНХУ Госплана СССР обязал городские власти провести в декабре тщательную проверку полноты учета населения в городах и рабочих поселках и на ее основе окончательно уточнить списки населенных мест и домовладений. 26 ноября 1938 г. начальник Управления милиции Пермской области провел специальное совещание начальников городских и районных отделов милиции с подробным инструктажем о проведении проверки состояния учета населения в домовых книгах⁴. На следующий день президиум Магнитогорского горсовета объявил о начале проверки списков домовладений и домовых книг в городе⁵. Такие же решения были приняты и в других городах.

В городских населенных пунктах Челябинской области проверка домовладений шла достаточно трудно, а в областном центре она началась с опозданием и

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 18–19; ОГАЧО. Ф. Р–274. Оп. 3. Д. 960. Л. 7; Ф. Р–1055. Оп. 2. Д. 98. Л. 22.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1313. Л. 118; Д. 1328. Л. 7, 10–11.

³ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 5.

⁴ ГАПК. Ф. Р–564. Оп. 4. Д. 56. Л. 112.

⁵ МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 24.

завершилась только к 25 декабря¹. В ходе нее было установлено, что в Челябинске, Кургане, Сатке, Троицке, Аргаяше, Пласте, Каргалах и других городских поселениях записи в домовых книгах велись с перебоями или отсутствовали вообще. В Кургане, Троицке, Миассе, Кыштыме, Каргалах и Шумихе в течение двух–трех месяцев не было регистрации горожан из-за несвоевременного обеспечения их талонами прописки и выписки Управлением милиции. Выявленные в ходе проверки недостатки свидетельствовали о плохой постановке учета механического движения населения. Это, в свою очередь, грозило срывом предстоявшей переписи². Челябинский облисполком и обком ВКП (б) совместным постановлением от 13 ноября 1938 г. обязали городские власти в кратчайшие сроки ликвидировать недочеты в регистрации горожан и возложили на органы НХУ контроль за правильностью учета населения в городах. Но в ходе декабрьской проверки домовых книг только в Челябинске обнаружили 270 пропущенных домовладений³. В городах Пермской области было дополнительно выявлено 19 961 чел., а в целом по Свердловской области – около 50 тыс. чел.⁴

Существенным тормозом в подготовке к переписи стало безобразное состояние городского хозяйства в городах и рабочих поселках Урала. Особенно это касалось самовольно и беспланово застроенных поселков крупных городов и новостроек. В Челябинске некоторые улицы не имели названий, в рабочем поселке Балканы улицы отсутствовали вообще, а в рабочем поселке Пласт было несколько улиц с одинаковыми наименованиями⁵. Нередко в уральских городах отсутствовала нумерация домов, в то же время у некоторых зданий были одинаковые номера. В итоге тысячи горожан Урала не имели почтовых адресов.

Состояние городского хозяйства на местах вызвало тревогу у центральной власти. Не случайно заместитель наркома коммунального хозяйства РСФСР своим приказом от 28 февраля 1938 г. обязал областные и городские коммунальные

¹ ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 3. Д. 2. Л. 3; Ф. Р–1055. Оп. 2. Д. 98. Л. 104.

² ОГАЧО. П–288. Оп. 2. Д. 685. Л. 56; Ф. Р–1055. Оп. 2. Д. 97. Л. 113.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 11–12, 71; ОГАЧО. Ф. Р–1055. Оп. 2. Д. 98. Л. 106.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 5; ГАПК. Ф. Р–564. Оп. 4. Д. 56. Л. 113.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 13; ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 2. Д. 685. Л. 37; Ф. Р–1055. Оп. 2. Д. 102. Л. 6

хозяйства к маю закончить упорядочение городского хозяйства¹. И местные власти вынуждены были заняться этой проблемой. ЧелябинблУНХУ еще в октябре 1937 г. поставил перед работниками НХУ вопрос об упорядочении наименования улиц и нумерации домовладений. Но городские власти не смогли сразу добиться существенных перемен, в связи с чем Челябинский облисполком 22 февраля 1938 г. обязал горсоветы и райисполкомы привести в порядок городское хозяйство. Президиум Челябинского горсовета, выполняя данное решение, уже 10 марта утвердил наименование улиц в областном центре. Троицкий горсовет четыре раза возвращался к проблеме состояния городского хозяйства, пытаясь добиться в нем положительных изменений².

Аналогичная ситуация складывалась и в соседних регионах. В Свердловской области работу по уточнению названия улиц и нумерации домов планировалось завершить к 10 января 1938 г., но из-за недостатка средств она шла крайне медленно. Даже в Свердловске не хватало железа для новой нумерации домов и аншлагов обозначения улиц. Президиум Пермского облисполкома дважды выносил постановления по данной проблеме³.

Несмотря на все усилия властей, в Кировграде, Сысерти, Нижней и Верхней Салде, Новой Ляле, Троицке и других городах Свердловской и Челябинской областей работы по приведению в порядок наименования улиц и нумерации домов завершились только к началу переписи; в пяти городах и рабочих поселках Пермской области так и не удалось полностью устранить недочеты в городском хозяйстве. Незавершенность работы по упорядочению городского хозяйства привела к тому, что, к примеру, в ряде городов Челябинской области отсутствие порядковой нумерации домовладений вызвало затруднения при сопоставлении данных переписи с приложениями к организационному плану⁴.

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 6.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 10, 13; ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 98. Л. 23.

³ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 5; ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 103; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 280. Л. 12-13.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 6; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 10, 14; ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 103.

Данные технической подготовки к Всесоюзной переписи населения 1939 г. стали основой для составления организационных планов проведения переписи. Челябинское облУНХУ приступило к составлению этого документа уже в апреле 1938 г. Одновременно подобная работа развернулась и в городах региона. Организационный план для Свердловской области был утвержден УНХУ РСФСР 26 сентября 1938 г., однако в дальнейшем его пришлось корректировать с учетом новых границ края в связи с выделением Пермской области в самостоятельное административное образование. Организационный план Пермской области был утвержден 10 ноября 1938 г.¹

Одним из решающих направлений подготовки к переписи стал подбор, утверждение и обучение массовых переписных кадров, от которых во многом зависел ее успех. Областные УНХУ Урала стремились привлечь к этому важному демографическому событию прежде всего хорошо зарекомендовавших себя участников проведения переписи 1937 г. и выборов в Верховные Советы СССР и РСФСР, активистов и лучших людей своих регионов². В марте 1938 г. при Челябинском облУНХУ под председательством его начальника И. Ясюкова была создана комиссия для контроля хода комплектования переписных кадров³. Но в полном объеме работа по подбору участников переписи на Урале развернулась только с июля 1938 г. после соответствующих решений областных облисполкомов⁴.

В целом городские власти с пониманием и ответственностью подошли к кадровой проблеме. В Челябинске, Березниках, Лысьве, Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Перми, Златоусте и других городах массовые переписные кадры подбирались совместно с партийными и профсоюзными организациями. В Свердловской области инспекторы НХУ, их помощники, заведующие переписными отделами дополнительно проверялись органами НКВД⁵. Все руководящие работники буду-

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 20, 22; ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 104; ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 97. Л. 28.

² Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 112. Л. 84.

³ ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 97. Л. 29.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 14; Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 100. Л. 35.

⁵ ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 335. Л. 43, 45, 48-49, 53-54, 55-55 об., 134, 150; ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 98. Л. 63; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 284. Л. 1; Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 112. Л. 53; Д. 135. Л. 58.

щей переписи утверждались на заседаниях обкомов ВКП (б) и облисполкомов, массовые же переписные кадры – горкомов ВКП (б) и горсоветов с обязательным присутствием обсуждавшихся кандидатур¹. В результате, по данным на 1 ноября 1938 г., в процессе тщательной проверки переписных кадров в Пермской области был отведен 21 кандидат на должность заведующих переписными отделами и 18 – их помощников, 101 инструктор-контролер и 709 счетчиков. Из них не утвердили по политическим мотивам 194 чел. или 23 %². В Челябинской области соответственно – 26, 14, 97, 579 и 368 чел. (51 %)³. Среди отведенных лиц были инспектор НХУ Еремин (Челябинск), четыре дяди которого являлись священнослужителями и двое из них были арестованы органами НКВД; инспектор Курганского района Кузьминых, женатый на дочери врага народа; райинспектор Каменского района Стариков, сын кулака и сам бывший кулак⁴; инструктор-контролер Хватов (Челябинск), у которого органами НКВД был арестован отец⁵; и т.д.

Вместе с тем в уральских городах были случаи, когда инструкторы-контролеры и счетчики утверждались заочно или достаточно формально, в итоге переписчиками должны были стать лица, которым нельзя было доверить перепись населения. Сталинский райсовет Челябинска одобрил кандидатуры Новикова и Синельникова на должность помощников начальника переписного отдела, но они оказались неграмотными. В Березниках, Челябинске и Магнитогорске в качестве счетчиков планировали использовать несовершеннолетних и даже детей ссыльных⁶. В Златоусте же, наоборот, к переписи предполагалось привлечь 248 работников народного образования⁷. Начальник Бюро переписи населения УНХУ РСФСР Миркин в письме инспектору НХУ Златоусте от 27 августа 1938 г. указал на нецелесообразность отвлечения в таком количестве учительских кадров от ос-

¹ См.: ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 104–105; Ф. Р-645. Оп. 2. Д. 87. Л. 2, 18; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 685. Л. 28 об.; ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 335. Л. 43, 45, 48–49, 53–54, 55–55 об., 134, 150; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 284. Л. 1; Ф. 483. Оп. 3. Д. 11. Л. 443; Д. 29. Л. 69; Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 23. Л. 81–81 об., 83, 87 об.–88, 93–99 об., 104, 106–107 об., 189 об., 213, 231, 239; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 17.

² ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 105.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 25.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 20–21.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 102. Л. 10.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 98. Л. 105; Д. 102. Л. 10; ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 335. Л. 106; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 16.

⁷ Пролетарская мысль. 1938. 5 авг.

новой работы, так как перепись должна была проводиться не в дни школьных каникул¹. Подобные примеры были типичными для всех уральских городов.

Были и случаи, когда руководители предприятий из хозяйственных соображений невольно противодействовали формированию переписных кадров. В сентябре 1938 г. в Златоусте установленные правительством сроки подбора кадров переписчиков оказались на грани срыва. Ряд городских предприятий (горторг, абразивный завод, хлебозавод и др.) не выделил ни одного работника для участия в переписи. Только предупреждение горсовета о привлечении их руководителей к уголовной ответственности помогло исправить положение². Аналогичная ситуация сложилась в Березниках, Кургане, Каменске, Уфалее и других городах и рабочих поселках³. Неукомплектованность кадров тормозила их своевременную подготовку к переписи. Все выявленные недочеты оперативно устранялись городскими властями и работниками народнохозяйственного учета. Вместе с тем из-за большой текучести кадров, особенно руководящих, подбор участников переписи продолжался почти до самого ее начала.

Все переписные кадры прошли обучение в определенные СНК СССР сроки. Руководство облУНХУ было командировано на инструктивное совещание по переписи, состоявшееся в ЦУНХУ Госплана СССР. Сотрудники областных бюро переписи и работники облУНХУ прошли обучение на 6-дневном семинаре (Свердловск) и 5-дневных курсах (Челябинск) или в порядке техминимума по изучению вопросов переписи⁴. Курсы для райинспекторов, их помощников, участковых инспекторов и заведующих переписными отделами были организованы в областных центрах при облУНХУ. Инструктаж массовых переписных кадров проводился в районных центрах с последующей проверкой полученных знаний. В Свердловской области выдержали испытание на «отлично» 27 % участников будущей переписи, «хорошо» – 51, «удовлетворительно» – 20 и «плохо» – 2 %, в

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 112. Л. 86.

² Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 100. Л. 48–48 об.

³ ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 335. Л. 59 об.; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 685. Л. 35–36.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 17; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 26–27.

том числе в Свердловске соответственно – 35, 40, 15, 10 %¹. В Челябинске из 1023 обученных счетчиков 39 % показали отличные знания, 48 – хорошие и 13 % – удовлетворительные, не выдержал испытания всего 21 чел. В Златоусте большинство счетчиков и инструкторов-контролеров сдали техминимум на «хорошо» и «отлично», испытания не выдержали 10 чел. В целом в Челябинской области проверка качества усвояемости материалов по предстоявшей переписи показала, что 77 % переписных кадров усвоили их на «отлично» и 23 % – на «хорошо»². Все не прошедшие испытания были отстранены от переписи и заменены лицами из резерва. В Пермской области также успешно была проведена работа по обучению и закреплению переписных кадров. Здесь особую помощь облУНХУ в решении данного вопроса оказали оргбюро ЦК ВКП (б) по Пермской области и оргкомитет Президиума Верховного Совета РСФСР по Пермской области, в городах – работники горкомов ВКП (б)³.

Городские власти постоянно контролировали ход подготовки переписных кадров. В октябре 1938 г. горком ВКП (б) Нижнего Тагила провел совещание работников горинспекции НХУ и горкомхоза об итогах подбора переписных кадров и организации их учебы⁴; в ноябре в Челябинске прошло городское собрание переписных кадров совместно с партийным, профсоюзным и комсомольским активами города по вопросу образцовой подготовки к переписи⁵; в Каменске только в декабре состоялись совещание счетчиков и инструкторов-контролеров, районный слет переписных кадров и комсодов, партийные собрания на предприятиях по предстоявшему важному демографическому событию⁶.

В начале января 1939 г. на Урале был завершен подбор и утверждение переписного персонала⁷. В его состав вошли лучшие горожане. Среди переписчиков в Челябинске было 44 % коммунистов и комсомольцев, 45 % участвовали в переписи-

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 280. Л. 1; Д. 284. Л. 2.

² ОГАЧО. П-288. Оп. 3. Д. 2. Л. 3-4; Р-1055. Оп. 2. Д. 102. Л. 11; Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 135. Л. 58.

³ ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 107-108; ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 335. Л. 181; Ф. 85. Оп. 26. Д. 40. Л. 1.

⁴ ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 3. Д. 29. Л. 11.

⁵ ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 396. Л. 56; Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 98. Л. 66-67.

⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 685. Л. 62.

⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 2. Л. 4; ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 5. Л. 16; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 284. Л. 1.

си 1937 г. и выборах в Верховные Советы СССР и РСФСР¹; в Златоусте соответственно – 46 и 44 %². В Березниках в переписной кампании должны были участвовать 21 стахановец и 3 орденоносца. В Каменске только городская комсомольская организация выделила для переписи 88 чел.³ В Свердловской области большинство массовых переписных кадров ранее было задействовано в выборах в Верховные Советы СССР и РСФСР⁴. Все будущие участники переписи прошли обучение и индивидуальную проверку знаний.

Накануне переписи в уральских городах были проведены вторичные однодневные инструктажи с целью уяснения всех неясных вопросов и повторной проверки знаний переписного персонала по технике переписи⁵.

Важную роль в качественной подготовке к переписи населения сыграло социалистическое соревнование. Договоры о социалистическом соревновании на лучшую подготовку и образцовое проведение переписи заключили между собой Челябинская и Чкаловская области⁶; Челябинский, Уфимский и Казанский горсоветы⁷; Курганский и Шадринский райисполкомы, райкомы ВКП (б) и НХУ⁸; Каменский и Шадринский горсоветы и райкомы ВЛКСМ; Каменский и Катайский райисполкомы; Нижнетагильский, Надеждинский и Свердловский районы⁹. Свердловское облУНХУ соревновалось с управлениями НХУ Челябинской, Омской, Донецкой и Пермской областей¹⁰, а работники Магнитогорской городской инспектуры НХУ – с челябинскими и златоустовскими органами народнохозяйственного учета. Социалистическое соревнование развернулось и между переписными кадрами внутри городов. Только в Магнитогорске было заключено 360 по-

¹ Подсчитано по: ОГАЧО. Р-1055. Оп. 2. Д. 102. Л. 21.

² Подсчитано по: Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 135. Л. 58.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1313. Л. 120 об.; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 685. Л. 62 об.

⁴ Уральский рабочий. 1939. 6 янв.

⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 2. Л. 4; Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 102. Л. 11; ПермГАНИ. Ф. 85. Оп. 26. Д. 40. Л. 1; Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 132. Л. 16.

⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 79; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 40–42.

⁷ Обращение депутатов Челябинского городского Совета ко всем городским, поселковым, сельским советам, ко всему населению Челябинской области (22 дек. 1938 г.) // Информационное письмо Челябинского областного управления народнохозяйственного учета о Всесоюзной переписи населения 1939 г. Челябинск: Изд. ЧелябиноблУНХУ, 1939. С. 7–8; ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 102. Л. 8.

⁸ Красный Курган. 1939. 16 янв.

⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1323. Л. 165; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 685. Л. 62 об.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1313. Л. 48; Д. 1323. Л. 156.

добных договоров¹. В целом в Свердловской области социалистическим соревнованием было охвачено свыше 93 % участников переписи². Оно помогло выявить недостатки в работе и оперативно их устранить.

Областные и городские власти особое внимание уделили материальной стороне подготовки к предстоявшей переписи 1939 г. Данный вопрос неоднократно обсуждался на президиумах Свердловского и Челябинского облисполкомов, Березниковского, Златоустовского, Лысьвенского, Магнитогорского и других горсоветов³. В итоге все переписные участки были обеспечены оборудованными и телефонизированными помещениями, канцелярскими принадлежностями⁴. В период проведения переписи ее участникам было предоставлено право бесплатного проезда в городском общественном транспорте⁵.

Для достижения успеха в предстоявшей переписи требовалось вовлечь в нее все население. В специальном письме начальника ЦУНХУ Госплана СССР И.В. Саутина от 19 ноября 1939 г. перед органами НХУ всех уровней ставилась цель разъяснения трудящимся огромной политической и народнохозяйственной важности предстоявшей переписи⁶. Областные, городские и районные партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации Урала взяли на себя задачу – ни одного гражданина, не знавшего о значении переписи населения и порядке ее проведения. Челябинский обком ВКП (б) 9 августа 1938 г. обязал горкомы и райкомы ВКП (б) развернуть массово-разъяснительную работу среди жителей региона⁷. Свердловский обком ВКП (б) 10 ноября того же года рассмотрел и одобрил план массовых мероприятий по проведению переписи и призвал городские власти к немедленной реализации его⁸. На заседаниях Сталинского райкома ВКП (б) Челябинска (9 августа), Магнитогорского горкома и Каменского райкома ВКП

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 112. Л. 53 об., 56–57; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 106. Л. 1, 87–88; 111–112.

² Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 135.

³ См.: ГАПК. Ф. Р-645. Оп. 2. Д. 87. Л. 7–8, 20; Ф. Р-762. Оп. 3. Д. 47. Л. 406, 330, 360; Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 23. Л. 164; Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 100. Л. 4; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 31.

⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 2. Л. 3; ПермГАНИ. Ф. 85. Оп. 26. Д. 40. Л. 1; Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 132. Л. 16; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 59.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 98. Л. 8; Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 100. Л. 166.

⁶ МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 3.

⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 685. Л. 36.

⁸ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 73–74.

(б) (17 августа), Златоустовского (4 октября) и Нижнетагильского (5 октября) горкомов ВКП (б) и других были утверждены планы массово-разъяснительной работы среди горожан¹. Вместе с тем, как отмечалось на заседании Нижнетагильского горкома ВКП (б) 20 ноября 1938 г., первоначально массовая работа велась неудовлетворительно, от нее самоустраились комсомольские организации и депутаты горсовета. На ряде крупных предприятий города (завод им. Куйбышева, завод № 63 и др.) к ней даже не приступали². Аналогичная ситуация сложилась и в городах Челябинской области. В этом регионе коренной перелом наступил только после принятия 13 ноября 1938 г. обкомом ВКП (б) второго решения о массово-разъяснительной работе³.

Но особенно большие трудности были во вновь образованной Пермской области. Подготовка к переписи совпала с формированием областной власти и УНХУ нового региона. В итоге осенью 1938 г. бывший областной центр Свердловск уже, а новый Пермь еще не контролировал ход подготовки к переписи населения в полном объеме. Березниковский горсовет 10 октября и 28 ноября 1938 г. констатировал слабую массово-разъяснительную работу среди горожан, к которой было привлечено всего 85 агитаторов и беседчиков. Из 100 агитаторов партийной организации Пермского медицинского института приступили к работе только 38 чел. Лысьвенский горком ВКП (б) обратил особое внимание завкома и парткома металлургического завода на то, что вплоть до декабря на предприятии не был проведен инструктаж с рабочими специальных цехов о неразглашении государственной тайны во время переписи⁴. Подобное положение наблюдалось почти во всех городских поселениях новой области. По-настоящему в крае массовая агитация по переписи развернулась только с декабря 1938 г. и то под сильным нажимом оргбюро ЦК ВКП (б) и оргкомитета Президиума Верховного Совета РСФСР по Пермской области⁵. К примеру, в Березниках план массово-

¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 685. Л. 28 об., 62; Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 96. Л. 323; ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 3. Д. 29. Л. 11; Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 112. Л. 53; Д. 135. Л. 59; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 21.

² ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 3. Д. 29. Л. 128.

³ РГАЭ. Ф. 1532. Оп. 336. Д. 1328. Л. 53.

⁴ ПермГАНИ. Ф. 1. оп. 22. Д. 5. Л. 16; Ф. 59. Оп. 1. Д. 335. Л. 106, 149, 181; Ф. 85. Оп. 26. Д. 40. Л. 8.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1313. Л. 39.

разъяснительной работы был утвержден Ворошиловским горкомом ВКП (б) лишь 28 ноября 1938 г.¹

Формы массово-разъяснительной работы были самыми разными. Однако среди них наибольший удельный вес по охвату населения имела устная агитация. В ее проведении важную роль играли работники органов народнохозяйственного учета. В Свердловской области для различных областных совещаний при облУНХУ были подготовлены специальные квалифицированные докладчики из руководящих работников облУНХУ. Они выступили с докладами на областном совещании политпросветработников, областном активе комсомола, пленуме ЦК строительных работников, областных курсах руководящих партийных работников и других подобных мероприятиях². Челябинское облУНХУ направило 16 своих работников в различные поселения для оказания помощи в развертывании массово-разъяснительной работы среди населения. Бюро переписи населения Магнитогорска совместно с секретарями райкомов ВКП (б) провело совещание с секретарями парткомов предприятий и учреждений по организации подготовительной работы к переписи. Начальник бюро переписи населения данного города А.И. Лысаков выступил на учительской конференции, на которой были намечены конкретные мероприятия массовой работы среди детей и родителей, и активе работников коммунального хозяйства. Работниками инспектуры НХУ и заведующими переписными отделами Златоуста было проведено 23 семинара о переписи³.

Для проведения агитационной работы среди населения особое значение имели подбор кадров агитаторов и беседчиков и их подготовка. Кадры агитаторов комплектовались из представителей всех слоев горожан. В Магнитогорске уже 26 августа 1938 г. состоялось инструкторское совещание агитаторов города по переписи населения, на котором присутствовало 300 чел. В Каменске в декабре с населением уже работало 470 агитаторов, прошедших соответствующий инструк-

¹ ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 335. Л. 181 об.

² Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 79.

³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 685. Л. 54; Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 112. Л. 53-54; Д. 135. Л. 59.

таж¹. В Кургане 2 января 1939 г. парткабинет райкома ВКП (б) провел очередное совещание 60-ти агитаторов по переписи, а на следующий день – 30-ти докладчиков из числа коммунистов и комсомольцев². В целом к февралю 1939 г. массовую работу среди населения вели в Свердловской области свыше 24 тыс. агитаторов и беседчиков, Пермской – 14 тыс. Только в Свердловске цели, задачи и порядок проведения переписи горожанам разъясняло 2685 агитаторов. На начало января 1939 г. они охватили различными беседами 57 827 чел.³ В Магнитогорске подобную работу осуществляли около 2 тыс. специально подготовленных агитаторов и 400 участников переписи. Они организовали 6808 бесед и собраний для горожан⁴. В Краснокамске 598 агитаторов провели 262 собрания и 429 бесед, на которых присутствовало свыше 27,7 тыс. чел.⁵ Подобная работа осуществлялась в Златоусте, Нижнем Тагиле, Оханске и других городах⁶. Значительная часть горожан неоднократно принимала участие в беседах. До середины декабря в массовой работе среди населения основной упор делался на массовые собрания, а после – в основном на беседы с небольшим кругом слушателей.

Подготовка к переписи 1939 г. имела свою специфику. Во-первых, особое значение приобрел инструкторский участок. Он стал не только штабом технической переписной работы, как в предыдущие переписи, но и центром массовой работы среди населения. Сюда приглашались горожане для бесед, здесь они получали необходимые консультации. Не случайно все агитаторы и беседчики были закреплены за переписными отделами, инструкторскими и счетными участками, распределены по конкретным улицам и домам. Во-вторых, массовая работа среди населения не была свернута, как раньше, с началом переписи, а продолжалась весь период переписи и контрольных обходов.

На местах использовались самые разные формы и методы устной агитации:

¹ ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 2. Д. 685. Л. 28 об., 62 об.

² Красный Курган. 1939. 4, 5 янв.

³ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 83; ГАПК. Ф. Р–564. Оп. 4. Д. 56. Л. 131; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 280. Л. 1.

⁴ МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 59.

⁵ ПермГАНИ. Ф. 85. Оп. 26. Д. 40. Л. 1.

⁶ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 4. Д. 71. Л. 97; ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 3. Д. 29. Л. 128; Архив ЗГО. Ф. Р–242. Оп. 1. Д. 135. Л. 58.

митинги, слеты, партийные, комсомольские, профсоюзные собрания и собрания трудовых коллективов по вопросам переписи, единые политдни среди горожан, кружки по изучению переписного листа, лекции, громкие читки агитационных материалов, консультации по вопросам переписи при переписных отделах и инструкторских участках, клубная работа среди домашних хозяек и другого неорганизованного населения, беседы с небольшими группами горожан, индивидуальные беседы, столы справок и т.п. Городские власти стремились вести агитацию на родном языке жителей, в связи с чем в населенные пункты уральских областей были направлены агитационные материалы на башкирском и татарском языках, специально подготовленные в Уфе¹.

Важнейшей формой массово-разъяснительной работы была печать. Вопросы переписи населения широко освещались в областной, городской и районной прессе. В Свердловской области на страницах газет за период подготовки и проведения переписи было помещено 1278 статей и 1591 заметок², Челябинской соответственно – 632 и 446³, Пермской – 1466 подобных материалов⁴. При этом значительная часть их была написана агитаторами, счетчиками и инструкторами переписи. На страницах «Нижнетагильского рабочего» было напечатано 29 материалов, подготовленных домохозяйками города, принимавших участие в массовой работе по переписи. Районные газеты выпустили специальные номера, посвященные переписи, только в Нижнетагильском районе таких номеров было 8⁵. В Челябинской области лучше всех подготовку к переписи освещали «Магнитогорский рабочий» и «Челябинский рабочий». Активно участвовала в массово-разъяснительной работе «Пролетарская мысль» (Златоуст), на страницах которой было опубликовано 112 статей, 29 очерков, 8 передовых материалов о переписи⁶. В двух газетах Березников («Березниковский рабочий» и «Ударник») было напе-

¹ См.: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 81; ОГАЧО. Ф. Р–1055. Оп. 2. Д. 97. Л. 106; Архив ЗГО. Ф. Р–242. Оп. 1. Д. 112. Л. 34.

² Всесоюзная перепись населения 1939 г. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 84.

³ ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 3. Д. 2. Л. 2.

⁴ ГАПК. Ф. Р–564. Оп. 4. Д. 56. Л. 131.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 84–86.

⁶ Архив ЗГО. Ф. Р–242. Оп. 1. Д. 135. Л. 59 об.

чатано 76 заметок и статей, 22 снимка лучших участников переписи, два номера газет полностью содержали материалы о переписи¹. Но были и негативные примеры. Городская газета Красноуфимска за всю кампанию по переписи напечатала всего 9 заметок².

В крупных промышленных центрах материалы по переписи размещались и в многотиражных газетах. В 14 многотиражках Свердловска была напечатана 301 статья. 16–17 января 1939 г. 9 заводских многотиражек Челябинска выпустили специальный номер, посвященный началу переписи, а газета ЧТЗ – даже два³. В трех многотиражных изданиях Магнитогорска («Горняк», «Гудок» и «Магнитострой») было опубликовано 48 статей и 9 фотографий⁴.

В начальный период подготовки к переписи (октябрь–ноябрь 1938 г.) газеты помещали в основном руководящие материалы для агитаторов и беседчиков. Многие из них перепечатывались из «Блокнота агитатора» и центральных газет. При недостатке агитационной литературы, особенно в первый период работы, размещение такого рода материалов в местной печати оказало большую помощь агитаторам. Много внимания на страницах уральских газет уделялось развертыванию массовой работы. Критика лиц, не обеспечивших необходимый размах агитационной работы, сыграла не последнюю роль в резком усилении массовой работы накануне переписи.

Большую роль в деле ознакомления населения с целями и задачами переписи сыграла стенная печать. За время подготовки и проведения Всесоюзной переписи 1939 г. в Свердловской области было выпущено 1988 стенгазет, специально посвященных этому событию. В переписных отделах и инструкторских участках Свердловска было подготовлено 243 газеты и 133 специальных газет по предприятиям и учреждениям⁵, Магнитогорска соответственно – 35 и 48⁶. Переписные от-

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1313. Л. 120.

² Всесоюзная перепись населения 1939 г. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 85.

³ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 87; ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 102. Л. 30.

⁴ МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 106. Л. 2.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 87.

⁶ МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 106. Л. 1.

делы и инструкторские участки Челябинска выпустили 169 стенгазет¹. Такая работа проводилась и в других городах Урала.

Многие редакции областных и городских газет организовали помощь и консультации для работников стенгазет. 1 сентября 1938 г. в редакции газеты «Магнитогорский рабочий» партийные власти города провели совещание с редакторами многотиражных и стенных газет, работниками радиовещания о формах и содержании пропаганды переписи². Коллектив редакции городской газеты Ирбита провел два совещания с членами редакций стенной печати, а журналист редакции «Тагильский рабочий» Шмаков регулярно консультировал редколлегии стенгазет переписных отделов Нижнего Тагила³.

В подготовку к переписи населения активно включились и уральские радиостанции. В Свердловской области было организовано 900 радиопередач, в Пермской прозвучало 467, а Челябинской – 100 радиовыступлений⁴. Заведующий Алапаевским радиоузлом Рассадникова ежедневно лично обходила в городе все инструкторские участки для сбора информации. Она отслеживала эффективность радиопередач, особенно в отношении лиц, противодействовавших переписи⁵.

Одной из форм массово-разъяснительной работы стало кино. Во всех городах и рабочих поселках Урала демонстрировался фильм «Великий счет», посвященный переписи. Только в Магнитогорске за три дня его посмотрело 3700 чел., а в Березниках за 6 дней – 4198 чел.⁶ Перед киносеансами и мероприятиями в клубах выступали агитаторы о значении переписи. В кинотеатрах также демонстрировались лозунги, размещенные на киноплёнке. В Свердловске был снят фильм о работе 17-го городского переписного отдела. Эта кинохроника демонстрировалась в течение полумесяца во всех кинотеатрах областного центра⁷.

¹ ОГАЧО. Ф. Р–1055. Оп. 2. Д. 102. Л. 29.

² ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 2. Д. 685. Л. 28 об.

³ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 87.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 88; ГАПК. Ф. Р–564. Оп. 4. Д. 56. Л. 131; ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 3. Д. 2. Л. 2.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 89.

⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1313. Л. 120; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 106. Л. 2.

⁷ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 89–90.

Широкое распространение получили агитационные лыжные походы. Всего в Свердловской области их было организовано 139, в них приняло участие 2387 чел., Пермской соответственно – 88 и 890¹. В Каменске была сформирована бригада лыжников из 40 чел., а в Магнитогорске – два подобных коллектива². Школьники Златоуста устраивали лыжные и конькобежные пробеги по городу с лозунгами на груди, посвященными переписи³.

При подготовке к переписи активно использовали наглядную агитацию. К 17 января 1939 г. улицы городов и здания были украшены флагами, транспарантами, портретами лидеров страны, лозунгами, плакатами, панно, увеличенными копиями переписных листов. По населенным пунктам ездили агитационные машины, распространявшие листовки с Обращением ЦК ВКП (б) и СНК СССР к гражданам страны по поводу переписи. Красочно были оформлены и счетные участки.

Большую помощь в организации и проведении Всесоюзной переписи населения 1939 г. оказали комиссии содействия. Они были организованы при городских и поселковых Советах депутатов трудящихся, на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, при домоуправлениях, уличных и квартальных комитетах. Всего в Свердловской области было создано 4446 подобных образований, в которых насчитывалось 18 984 членов⁴, Пермской соответственно – 4048 и 18 593⁵, Челябинской – 2256 и 10 243⁶. В Свердловске действовало 346 комиссий содействия, в них принимали участие 1532 чел., Магнитогорске соответственно – 104 и 442 чел., Березниках – 99 и 370, Златоусте – 80 и 496, Асбесте – 45 и 225⁷.

В задачу комиссий содействия входила не только массово-разъяснительная работа, но и помощь в подготовке и проведении переписи. Члены комиссий помогали проверять списки населенных мест и домов, а во время переписи обеспечи-

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 91; ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 132.

² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 685. Л. 62 об.; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 106. Л. 2.

³ Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 132. Л. 17 об., 20.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 99; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1323. Л. 160.

⁵ ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 131.

⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 2. Л. 3.

⁷ ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 335. Л. 181; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 280. Л. 1; Оп. 34. Д. 284. Л. 28 об.; Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 132. Л. 17; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 77, Д. 106. Л. 1.

вали полноту учета населения¹. В Свердловске они участвовали в составлении маршрутов переписчиков, проводили собрания домохозяек и беседы по квартирам о значении переписи, организовывали художественное обслуживание горожан, дежурили на переписных участках, выпускали стенгазеты².

подавлявшее большинство городов и рабочих поселков Урала сумело организовать и провести массово-разъяснительную работу среди населения на высоком политическом уровне, с широким охватом городского населения. Это обеспечило организованное и успешное проведение переписи населения в крае.

В последние дни повсеместно горожане активно обсуждали предстоявшее событие. Один из участников переписи в Челябинске рассказывал: «Я решил 14 января стоять около большой толпы народа, чтобы узнать, о чем говорят люди в эти дни. Я пришел и заключил, что $\frac{3}{4}$ своих разговоров они посвящают переписи. Одни из них ведут разговор о посещении их квартиры счетчиками, другие говорят по вопросам переписного листа. Я решил побывать в другом месте, чтобы там посмотреть правильность моих убеждений. И что ж, то же самое, только тут я встретил горячий спор двух граждан о правильности заполнения переписного листа и других вопросах переписи»³.

Накануне переписи в Свердловской области прошли совещания партийно-советского актива с заведующими переписными отделами, инструкторами-контролерами и счетчиками о готовности края к проведению переписи⁴. В Березниках, Челябинске и Кургане состоялись городские собрания, а в Магнитогорске и Златоусте – слеты переписных кадров совместно с советским, партийным, комсомольским и профсоюзным активом, депутатами Верховных Советов СССР и РСФСР⁵. Их участники призвали горожан провести перепись на «отлично». Магнитогорцы приняли обращение к И.В. Сталину, заверив генерального секретаря

¹ Лабутова Т.С. Основные организационные и методологические вопросы Всесоюзной переписи населения 1939 г. // Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. С. 18.

² Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 101; Уральский рабочий. 1939. 4 янв.

³ Цит. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 57–58.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 19, 37; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1323. Л. 160–161.

⁵ ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 335. Л. 183–185; Архив ЗГО. Ф. Р–242. Оп. 1. Д. 135. Л. 58 об.; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 106. Л. 13–15; Красный Курган. 1939. 9 янв.

ЦК ВКП (б) в том, что готовы провести перепись «в точном соответствии с установленным правительством порядком» и не повторить «ошибок прошлой, забракованной правительством, переписи»¹.

Перепись повсеместно началась 12 января 1939 г. с предварительных обходов. В Пермской области вышло на участки 3754 из 3769 счетчиков. Все заболевшие регистраторы были оперативно заменены резервом². В Свердловской области в первый день предварительного обхода подавлявшая масса счетчиков пришла на работу раньше 8 часов утра. Опоздание на 5–10 мин. считалось нарушением переписной дисциплины и отмечалось в стенной и районной печати³. Такая высокая организованность переписного персонала говорила о тщательной подготовке к переписи и высокой сознательности и ответственности переписчиков за порученное дело. Качество предварительных обходов, как отмечал и.о. начальника Пермского облУНХУ Мешавкин в докладной записке председателю Президиума Верховного Совета РСФСР Семенову и оргбюро ЦК ВКП (б) по Пермской области от 9 февраля 1939 г., было удовлетворительным, они закончились в срок⁴.

В городах Челябинской области каждый счетчик до предварительного обхода был ознакомлен с каждой семьей респондента в период проведения бесед о переписи. В дни предварительного обхода счетчики, обходя квартиры, вновь разъясняли населению о значении переписи с тем, чтобы каждый гражданин сам прошел ее и помог счетчику учесть все население⁵.

В Челябинской области во время предварительных обходов счетчиками своих участков были обнаружены серьезные недостатки: переписчики заполняли не все разделы записной книжки переписчика, были пропуски домовладений. 13 января 1939 г. облУНХУ потребовал от инспекторов НХУ прекратить спешку и обратить внимание на разъяснительную работу среди респондентов о задачах и значении переписи. 16 января в регионе состоялись совместные совещания участни-

¹ МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 23–23 об.

² ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 119.

³ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 32.

⁴ ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 120.

⁵ Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 135. Л. 58–58 об.

ков переписи с представителями райкомов и горкомов ВКП (б), райисполкомов и горсоветов, на которых обсудили начало переписи¹.

На Урале Всесоюзная перепись населения началась 16 января 1939 г. в 23.00 в поездах и на вокзалах². Накануне переписи повсеместно типичной ситуацией стала та, о которой рассказал заведующий 3-м переписным отделом Челябинска Чихачев: «В ночь с 16 на 17 января вряд ли кто из нас мог спокойно спать. Этот день мы ждали с большим нетерпением. Многие счетчики не хотели расходиться с переписного участка по своим домам. Вечер был уже поздний, кое-кого из счетчиков пришлось уговаривать идти домой, чтобы мог поспать и чтобы завтра, то есть 17 января явиться без опозданий на работу»³.

В первый день участники переписи пришли на инструкторские участки задолго до 8-ми часов утра, чтобы еще раз проверить свои знания и получить консультацию по оставшимся неясным вопросам. Заведующий 1-м переписным отделом Магнитогорска сообщал: «Часы показывали 7.00, а счетчики уже с папками спешат на свои места. В переписном отделе ежеминутно звонит телефон. Это инструктора сообщают со своих участков о готовности приступить к работе. Все 76 счетчиков аккуратно явились на участки, все 10 инструкторов-контролеров раньше, чем полагается, вышли на работу. Перепись началась с большим подъемом и организованностью»⁴. В Пермской области для максимального организованного выхода на работу в городских поселениях области счетчики сначала были собраны на инструкторских участках, откуда разошлись по своим участкам⁵. В 8 часов утра все счетчики уральских городов и рабочих поселков организованно приступили к заполнению переписных листов. Во время проведения переписи и контрольных обходов не было ни одного случая опоздания или невыхода на работу.

Работа счетчиков протекала под строгим контролем инструкторов и других руководящих кадров. Каждый счетчик имел красный флажок, по которому можно было видеть, в каком доме он находился, и быстро проверить его работу инструктором.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 41–42.

² ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 120–121.

³ Цит. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 45.

⁴ Цит. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 46.

⁵ ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 122.

тором и другим руководящим лицом. В первый день переписи работа каждого счетчика в городах была проверена непосредственно в квартирах. В остальные дни переписи инструкторы переключились на проверку переписных материалов. В случае обнаружения недочетов счетчики повторно направлялись в конкретные квартиры и дома для уточнения неясностей¹. В городах Челябинской области работу счетчиков проверяли райинспекторы НХУ и заведующие переписными отделами и их помощники, инструкторы и командированные работники облУНХУ². В Пермской области для контроля за ходом переписи и оперативной помощи переписчикам уполномоченные облУНХУ и оргбюро ЦК ВКП (б), руководящий состав облУНХУ и облБюро переписи населения, члены гор(рай)комов ВКП (б) и горсоветов и райисполкомов, оргбюро ЦК ВКП (б) по Пермской области и оргкомитета ВС РСФСР были раскреплены по счетным участкам³.

Ход переписи показал безусловную организованность всего переписного персонала Пермской области⁴. В Магнитогорске работники переписи отнеслись к порученному делу со всей серьезностью. На протяжении всех дней переписи и контрольной проверки не было ни одного случая замены основных переписчиков резервными. В Златоусте во время проведения переписи и контрольных обходов не было ни одного случая опоздания или невыхода на работу⁵. Подобное положение было и в других городах⁶.

Вместе с тем уже в первые дни переписи были выявлены недочеты в работе переписчиков. Некоторые счетчики Челябинской области не заполняли подворные списки и сводные ведомости по домовладениям после окончания переписи в квартире, а делали это у себя дома или в инструкторском участке. Это усложняло работу и могло привести к неточностям. Не все записывалось в записные книжки счетчика, в которой отмечался ход переписи. Неправильно заполнялась адресная часть в переписном листе. Но все эти недостатки были устранены в первый же

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 135. Л. 58 об.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 44-45.

³ ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 122.

⁴ Там же. Л. 122.

⁵ Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 135. Л. 58 об.; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 59.

⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 44.

день переписи. С этой целью в полдень на инструкторских участках городов области были проведены совещания счетчиков с обсуждением выявленных ошибок¹.

В ходе переписи отдельные счетчики допустили спешку. К примеру, при хорошем качестве работы в среднем счетчик мог переписать 50–70 чел., а он опрашивал по 120–125 жителей. В итоге за 4 дня переписи в городских поселениях Пермской области было внесено в переписные листы 73,3 % населения, в том числе в рабочих поселках Верх-Чусовские Городки – 79,8 и Нытве – 79,7; в Кунгуре – 78,2 %. Только в одном Лысьвенском районе число лиц, внесенных в переписные листы, оказалось меньше, чем в других городских поселениях области, в частности, в Лысьве – 61,7 % горожан². Гонка за темпами отрицательно сказывалась на качестве заполнения переписных листов. В области были приняты меры к ее ликвидации. В переписных отделах состоялись совещания счетчиков и инструкторов. И спешка в заполнении переписных листов в основном прекратилась³.

В городах переписчики столкнулись с трудностями, которых не было в сельской местности, – с более подвижным населением, чем на селе. Счетчикам пришлось посещать одну и ту же квартиру по 2–3 раза. Иногда они вынуждены были идти на работу к респонденту, чтобы узнать, когда тот будет дома⁴.

В городах и рабочих поселках Урала перепись завершилась 23 января 1939 г. По распоряжению облУНХУ накануне контрольных обходов в переписных отделах городских поселений были проведены совещания инструкторов-контролеров с участием райинспекторов. На совещаниях были рассмотрены обязанности инструктора-контролера во время контрольных обходов. Особое внимание обращалось на проверку правильности записей в переписных листах, порядок приема материалов от счетчиков⁵. Главной задачей инструкторов-контролеров стало не допустить ни одного человека, не охваченного переписью⁶. Особое беспокойство вызывали временно проживавшие и случайно ночевавшие в ночь с 16 на 17 янва-

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 44.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1313. Л. 31; ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 123–124.

³ ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 123.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 47.

⁵ ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 125; ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 102. Л. 18.

⁶ Архив ЗГО. Р-242. Оп. 1. Д. 135. Л. 3.

ря, а также временно отсутствовавшие, особенно временно выехавшие с постоянного места жительства целыми семьями. Следовало обратить внимание и на проверку прохождения переписи лицами, приехавшими после 16 января и оказавшимися в конкретной квартире только в момент контрольных обходов¹.

Вечером второго дня контрольных обходов в городских поселениях Пермской области прошли повторные совещания инструкторов-контролеров по итогам контрольных обходов за два дня. Были проанализированы допущенные ошибки, еще раз заострено внимание инструкторов-контролеров на недопустимость спешки в проверке работы переписчиков².

Однако и во время контрольных обходов были зафиксированы случаи спешки. В горпоселениях Пермской области к концу 26 января, т.е. через 3 дня после их начала контрольные обходы были завершены на 45,7 % счетных участков. В итоге в Перми уже после контрольных обходов был обнаружен пропуск 5 семей. В результате своевременно принятых мер спешка в областном центре и других городах была ликвидирована. К концу 28 января 1939 г. контрольные обходы были завершены только в 68 % участков. Неторопливая проверка работы счетчиков дала свои положительные результаты. Если за первые три дня контрольных обходов было дополнительно внесено в переписные листы 456 чел., то за последующие два дня – уже 400 чел. Всего в городской местности Пермской области контрольными обходами было выявлено 1662 незаписанного в переписные листы населения, а в сельской – 2986, что составило 0,2 % ко всем жителям области³.

В городах и рабочих поселках Челябинской области было пропущено 4047 чел. против 3733 чел. в сельской местности. Это были в основном временно проживавшие и временно отсутствовавшие лица. В Магнитогорске и Златоусте при контрольных обходах оказалось пропущено по одному домовладению. В Магнитогорске также не учли одну водонапорную будку, в которой проживали люди⁴. В

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1313. Л. 50.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1313. Л. 51.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1313. Л. 52; ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 126–127, 141.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 49.

Челябинске выявили 507 пропущенных и 91 ошибочно записанного человека, Златоусте соответственно – 144 и 39 чел.¹

Неточности при переписи произошли, прежде всего, по халатности самих граждан. Так, в Челябинске лица, не имевшие постоянного местожительства и прописки, скрывали от счетчика постоянное проживание в данном месте. В результате счетчики составляли на них контрольные бланки, а при контрольном обходе записывали их в переписные листы². В Златоусте одиноко проживавший гражданин 15 января, то есть еще накануне переписи, выбыл на постоянное место жительства в сельскую местность. Однако, не устроившись на работу, он в период контрольных обходов вернулся обратно. На селе он прошел перепись как временно проживавший, а в городе счетчик, согласно инструкции, его не учел³. Подобные случаи были и в других городах.

Перепись, по мнению областных и городских властей, прошла с большим подъемом и организованностью. Население благодаря массово-разъяснительной работе в целом повсеместно встречало счетчиков приветливо и радушно, как дорогих гостей. Челябинец Н.И. Сысолятин ждал счетчика с накрытым столом и не давал себя переписывать до тех пор, пока переписчик с ним не пообедал. Десятилетний Леня Березевский (Челябинск) не выходил из дома, чтобы счетчик лично его переписал, а семилетний Толя Касьянов составил список всех детей своего подъезда, чтобы переписчик никого не пропустил⁴. В Березниках жители ряда домов встречали счетчиков с пирогами, предлагали им чернильные приборы и стулья, ставили на окна керосиновые лампы, чтобы осветить дорогу переписчикам. В рабочем поселке Нытва на некоторых домах были вывешены лозунги: «Добро пожаловать, товарищ счетчик!»⁵.

Однако были и факты уклонения от прохождения переписи. В Свердловске, Нижнем Тагиле и других городах были случаи отказа от переписи по мотивам не-прописки паспортов в органах милиции и опасений штрафа за это. В Новой Ляле

¹ ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 102. Л. 18; Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 1. Л. 1 об.

² ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 102. Л. 19.

³ Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 135. Л. 58 об.

⁴ ОГАЧО. Р-1055. Оп. 2. Д. 102. Л. 35-36.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1313. Л. 120 об., 126 об.

супруги, на которых счетчик начал заполнять переписной лист, срочно уехали в соседний город. В Свердловске Юферов при первом посещении счетчика не открыл ему дверь своей квартиры. Были факты и хулиганского отношения к переписи. В Нижнем Тагиле гражданин Мозкуренок изорвал переписной лист¹. Гражданка М. Косовских (Челябинск) заявила счетчику: «Нечего ходить бедных переписывать, переписывайте богатых»². В Кургане недавно освободившийся из заключения отказался от переписи, мотивируя это тем, что «не желает Советской власти»³. Но подобных инцидентов, как свидетельствуют сохранившиеся в архивах документы, было меньше, чем во время переписи 1937 г. Одна из причин в целом лояльного отношения населения к ней была в том, что в переписном листе 1939 г. отсутствовал вопрос о религии, на базе которого во многом формировалось неприятие переписи в 1937 г. В большинстве случаев горожане оказывали активную помощь в проведении переписи. Недаром счетчик Кушвинского района в своей записной книжке отмечал: «Мы ожидали, что встретим затруднения в своей работе, но в действительности вышло наоборот, нам было очень легко работать, так как само население помогало нам проводить перепись»⁴.

Прием материалов переписи во всех городах Урала был осуществлен точно в срок. В докладных записках начальника Пермского облУНХУ Мешавкина, адресованных в оргкомитет Президиума Верховного Совета РСФСР по Пермской области и Бюро переписи населения ЦУНХУ и УНХУ РСФСР, отмечалось, что перепись в крае прошла организованно и качественно, на высоком политическом уровне, в точном соответствии с инструкцией СНК СССР. Ее успех был обусловлен большой подготовительной работой, четкой ее организацией и жестким контролем хода ее проведения, помощью со стороны УНХУ РСФСР. По заключению Мешавкина материалы переписи, представленные в облУНХУ с мест, были пол-

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 116–120.

² ОГАЧО. Р-1055. Оп. 2. Д. 102. Л. 38.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 28.

⁴ Цит. по: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 120.

ными¹. Такую же высокую оценку проведению переписи дали президиумы Челябинского облисполкома и Магнитогорского горсовета (8 февраля 1939 г.)². Горинспектор НХУ Златоуста докладывал в облУНХУ, что «перепись проведена в точном соответствии с постановлением СНК СССР и инструкциями ЦУНХУ. Материал при приемке горинспектурой сплошь проверен и является хорошего качества. Сама перепись проведена на высоком политическом уровне с привлечением к этой работе широких масс партийных и беспартийных большевиков»³.

После окончания переписи в городах региона прошли итоговые совещания по ней, на которых были отмечены отличившиеся. В частности, 19 апреля 1939 г. подобное совещание состоялось в Магнитогорске. На нем была объявлена благодарность горуполномоченному по переписи населения П.Д. Козлову, начальнику городского бюро переписи населения А.И. Лысакову, райуполномоченным Ф.Н. Святову и А.А. Головину, их помощникам Н.В. Кочетову и А.С. Новокрещенных, заведующим переписными отделами А.И. Заболотновой, М.Я. Хейфицу, А.М. Михеевой, А.И. Сафронову, Н.Д. Горбунову, их помощникам А.Е. Кушко, Д.С. Лазареву, В.Я. Антонову, А.Т. Демину, Ф. Филимоненко и уполномоченному по переписи населения в особом порядке Ф.Ф. Соколовскому и проч.⁴ В целом в Челябинской области во время переписной кампании лучших показателей достигли горинспектор НХУ М.П. Гладких (Златоуст) и райинспекторы М.Т. Степанов и И.И. Ренев (Челябинск). Инспектор НХУ г. Магнитогорска П.Д. Козлов был удостоен правительственной награды – ордена «Знак Почета»⁵.

В Свердловске особо отличились счетчики Н.И. Чепурко и А.А. Великанова; Нижнем Тагиле – заведующий переписным отделом № 7 Н.И. Лукин, инструктор-контролер Г.Е. Половинкин, счетчики Л.Г. Шакирова и А.П. Хмелев; Красноуральске – помощник райинспектора НХУ Н.А. Королев, инструктор-контролер

¹ Пермская область накануне Великой Отечественной войны: сб. док. С. 21; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1313. Л. 59–60.

² МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 59.

³ Архив ЗГО. Ф. Р–242. Оп. 1. Д. 135. Л. 59.

⁴ МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 47–54.

⁵ О награждении работников Всесоюзной переписи населения 1939 года. URL: <http://sammler.ru/index.php?s=4f7b2aeec7cd0b8cc9a893252594dbc4&act=Print&client=printer&f=315&t=386/> (дата обращения 15.08.2015).

А.И. Дорофеева и др. В Перми счетчики Мелентьева, Каменских, Петрова, Посохин, Сюзева работали без ошибок¹. Врач Березниковского химкомбината Е.Н. Кузнецова была инструктором-контролером второго переписного отдела Ворошиловского района. Она организовала разъяснительную работу среди населения так, что каждый житель ее участка не менее двух раз побывал на беседах по вопросам переписи. Вполне закономерно, что материалы переписи по всему ее инструкторскому участку были признаны отличными².

СНК СССР, заслушав сообщение Госплана СССР о результатах переписи населения 1939 г., отметил, что она проведена ЦУНХУ «правильно, в соответствии с указаниями Правительства и требованиями статистической науки». Совнарком по итогам переписи объявил всем ее работникам благодарность³.

Таким образом, вследствие необычайно жесткого и всеобъемлющего контроля со стороны областных и городских партийно-советских властей хода подготовки к переписи все подготовительные работы к ней были выполнены в исключительно короткий срок – всего в течение одного года. Перепись была проведена с максимальным охватом всех жителей Урала, что обеспечило высокую точность учета всего населения региона, в том числе горожан.

§ 4. Становление и развитие системы текущего учета населения в городах

Переписи населения, несмотря на их достоинства, дают как бы моментальный снимок населения, его неподвижное, застывшее изображение на конкретный момент времени, но они не отражают динамику собственно демографических явлений. Поэтому переписи дополняются данными еще одного источника сведений о населении – текущим учетом населения. Он включает текущий учет демографических событий или сбор сведений о случаях рождения, смерти, заключения и расторжения брака при государственной регистрации этих событий в органах записей актов гражданского состояния (загсах), а также текущий учет миграций или

¹ ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 125.

² Бозин Д., Дубровицкий Л. Указ. соч. С. 21.

³ О Всесоюзной переписи населения 1939 г. // Плановое хозяйство. 1939. № 6. С. 11.

системы государственного статистического наблюдения за процессами перемещения населения¹. Текущий учет населения имеет свою специфику. Она состоит в том, что демографические события попадают в поле зрения статистики только после их юридического оформления, то есть после регистрации в государственных учреждениях. Однако, несмотря на то, что закон обязывает граждан регистрировать рождения и смерти, браки и разводы, прописку и выписку при смене постоянного места жительства, добиться полноты сведений текущего учета достаточно сложно. За годы советской власти программа текущего учета неоднократно менялась в соответствии с требованиями того или иного периода развития страны.

В Российской империи текущий учет демографических событий осуществлялся духовенством. Полученные в результате церковной регистрации актов крещения и отпевания материалы доставлялись в местные губернские и областные статистические комитеты в виде готовых сводок по единой форме, установленной Центральным статистическим комитетом. После проверки их достоверности на местах они направлялись в Центральный статистический комитет, который производил окончательную проверку и сводку полученных данных².

Октябрь 1917 г. провозгласил отделение церкви от государства, логическим следствием которого стало изъятие у служителей культа дела регистрации актов гражданского состояния. 18 декабря 1917 г. СНК утвердил декрет «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния», который заменил церковную регистрацию актов гражданского состояния гражданской регистрацией. Закон предусматривал обязательную фиксацию браков, рождений и смертей в специальных книгах отделов записей браков и рождений³. Декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 23 января 1918 г., отделивший церковь от государства, особо подчеркивал, что все акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью, отделами записи браков и рождений⁴. На основании этого декрета постановлением Наркомата юс-

¹ Демографическая энциклопедия. С. 463, 853–855.

² Дробижев В.З. У истоков советской демографии. С. 35–36.

³ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 247–249.

⁴ Там же. С. 371–373.

тиции от 24 августа 1918 г. изымались метрические книги у духовных консисторий, духовных правлений, городских управ и передавались в губернские отделы загсов¹. Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, принятый ВЦИК 16 сентября 1918 г., предусматривал регистрацию рождений и смертей исключительно местными отделами загсов, образованными при Советах (ст. 7), и особо подчеркивал, что заявления о рождении или смерти должны подаваться в трехдневный срок, в них следовало указывать причину смерти человека (ст. 19 и 32). Ст. 37 определяла санкции для лиц, виновных в непредставлении или несвоевременном представлении данных сведений в виде штрафа в размере не ниже 50 руб.² Специальный закон, принятый 27 сентября 1921 г., нормировал формы и порядок книг записей актов гражданского состояния в масштабах всей страны. Книги изготавливались по образцу, установленному Центрозагсом НКВД, и рассылались местным органам власти³. 30 марта 1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР внесли изменения в Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, удлинив срок регистрации рождения до двух недель со дня события и введя административные и уголовные санкции за несвоевременную подачу заявления о рождении в установленном порядке⁴. Принятые советскими органами власти решения создали правовую основу для статистики естественного движения населения.

Процесс создания светской системы регистрации демографических событий на территории Урала был прерван Гражданской войной. Только после восстановления в крае Советской власти стало возможным наладить работу отделов загсов. Так, уже 29 ноября 1919 г. Уфимский губернский исполнительный комитет Советов предложил всем волостным исполкомам Златоустовского уезда приступить немедленно к организации местных волостных подотделов записи актов гражданского состояния, а также изъять все метрические книги у священнослужителей

¹ Красильников М.П. Введение. С. III.

² Хрестоматия по истории отечественного государства и права (послеоктябрьский период) / под ред. О.И. Чистякова. М., 1994. С. 35–36, 38–39.

³ Красильников М.П. Введение. С. IV.

⁴ Об изменении ст. ст. 19 и 37 Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 марта 1925 г. // СУ РСФСР. 1925. № 21. Ст. 153.

всех вероисповеданий¹. Однако новый порядок регистрации актов гражданского состояния налаживался с большим трудом. Как отмечалось на одном из декабрьских (1920 г.) заседаний Челябинского губисполкома, работа отделов загсов затруднялась «несознательностью населения». Горожане уклонялись от регистрации рождений и смертей в них, предпочитая по старинке делать записи в церкви. Приходилось принимать специальные решения, запрещавшие духовенству проводить подобные регистрации без соответствующих выписок государственных органов. Иногда местная власть вынуждена была прибегать и к крайним мерам – изъятию метрических книг у духовенства². Игнорирование горожанами светской системы регистрации естественного движения населения сохранялось и в последующие годы. Случалось, что новорожденного крестили в церкви, пренебрегая необходимостью регистрации факта рождения в загсе. Это же касалось и смерти³.

В первые месяцы и даже годы Советской власти отделы загсов испытывали две главные трудности. С одной стороны, не хватало грамотных специалистов не только в уездных⁴, но и губернских городах. В Перми в соответствии с численностью горожан должно было быть три загса, а функционировал только один, к тому же его из-за нехватки работников объединили с уездным. С другой стороны, не хватало регистрационных книг и бланков, что периодически приводило к временной приостановке регистрации актов гражданского состояния⁵. Однако в течение 1920-х гг. ситуация с данными государственными учреждениями постепенно выправлялась. На 1 апреля 1926 г. в Уральской области насчитывалось уже 3218 загсов, из них 16 были в окружных, а 207 – в прочих городских поселениях⁶. Улучшился и кадровый состав работников городских загсов. Как показало обследование, проведенное административным отделом Уралоблисполкома в июне 1926 г., все работники загсов в окружных городах трудились в данных учреждениях более трех лет. При этом 38 % руководителей и 42 % рядовых сотрудников имели сред-

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 3. Л.152.

² Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919 – декабрь 1920 гг. С. 198.

³ ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 56. Л. 4-4 об.

⁴ ГАКО. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 6. Л. 36.

⁵ ГАКО. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 18. Л. 20; ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 199. Л. 95 об.

⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 385. Л. 39 об.

нее и незаконченное высшее образование, а остальные – низшее или были грамотными самоучками. В загсах прочих городских поселений менее года работало 62 % руководителей, от 1 до 3 лет – 15 и свыше 3-х лет – 23 %. Рядовые сотрудники по стажу работы распределялись соответственно – 58, 29 и 13 %. Большинство их имело низшее образование или было самоучками¹. Все эти позитивные изменения в кадровом составе работников городских загсов положительно сказались на качестве их работы, которое значительно улучшилось.

Революция и Гражданская война нанесли уральской статистике непоправимый урон. Часть метрических книг была уничтожена, что затруднило выявление динамики естественного движения населения региона в последние предреволюционные годы² и сопоставление ее с последующими периодами. Но с начала 1920 г. на основании данных, полученных от отделов загсов, на Урале стало возможным наладить работу по демографической статистике. В Пермской губернии естественное движение населения начали исследовать со времени Всероссийской переписи населения 1920 г., а с сентября того же года его изучали на основании записей гражданского состояния (бывших метрик). Более того, в Пермском уезде уже в этот период отдельно разрабатывали смертность (по Перми и 32 волостям уезда) и рождаемость (в уездном городе и по 28 волостям) населения³. Собранные статистиками сведения по Екатеринбургской губернии, единственному из уральских административно-территориальных образований, были представлены в исследовании естественного движения населения РСФСР за 1920–1922 гг.⁴

В Челябинской губернии еще в марте 1920 г. с целью унификации работ по демографической статистике, в том числе по естественному движению населения, были созданы формы статистических таблиц, по которым местные статистические бюро должны были вести разработку материалов по основным демографическим событиям (рождение, смерть, брак, развод) по времени, полу и возрасту. Внимание статистиков обращалось на то, что умершие до года должны были раз-

¹ Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 550. Л. 42.

² Красильников М.П. Введение. С. V–VI.

³ ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 199. Л. 6 об.–7.

⁴ См.: Кувшинников П. Указ. соч. С.100.

рабатываться по месяцам, с одного года до 8 лет – по годам, а старшие возрастные группы – по пятилеткам. Важно было учитывать и причины смерти. Разработку статистических таблиц по естественному движению населения в городах рекомендовалось по возможности начать с 1915 г. и использовать для этого сохранившиеся в горниле революции и Гражданской войны церковно-метрические книги¹. По заданию губисполкома статистические бюро Челябинской губернии произвели учет смертности от голода и истощения².

С февраля 1920 г. берет начало уральская статистика труда, проводившая учет трудящихся, а с июня – статистика народного здравоохранения, которая включала в себя основную статистику, в том числе статистику смертности и заболеваемости горожан в связи с экономико-социальными условиями жизни³. С февраля 1921 г. постановлением ЦСУ и НКВД была введена статистика самоубийств. Сведения об этом поступали в статистические органы из подотделов загсов. Их обобщение губстатбюро возложили на демографические секции⁴.

В 1920-е гг. уральские статистики столкнулись с серьезными проблемами при сборе демографических материалов. В частности, в Кургане при городских церквях, помимо горожан, состояли и жители близлежащих деревень, которые до 1918 г. не входили в состав города. Они венчались и отпевали своих родственников в городских приходах, о чем свидетельствовали записи в метрических книгах. Более того, многие выходцы из близлежащих деревень постоянно проживали в Кургане, хотя числились селянами по месту приписки⁵. Такая ситуация была характерна и для других городских поселений и порождала неточности в учете естественного движения населения. В марте 1920 г. Челябинское губстатбюро обязало Курганское уездное статбюро включить в разработку статистического материала

¹ ГАКО. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 6. Л. 20–20 об.

² Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6-му губернскому съезду Советов ... С. 10.

³ Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6-му губернскому съезду Советов ... С. 11; ГАКО. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 6. Л. 82–83; ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 15. Л. 13.

⁴ ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 199. Л. 7.

⁵ ГАКО. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 6. Л. 35–35 об.

по естественному движению населения всех внесенных в городские метрические книги, независимо от их места приписки¹.

Другой существенной проблемой этого периода было нерегулярное поступление в губстатбюро особых статистических карточек со сведениями об актах гражданского состояния, которые должны были заполнять городские загсы на основе майского решения НКВД 1919 г.² Не случайно во второй половине 1923 г. Осинский уисполком потребовал от уездного статбюро регулярно собирать карточки о рождении, смерти, браках и разводах, которые заполняли местные загсы³. Этот вопрос был на особом контроле и у Уральского областного статистического бюро. В циркулярном письме окружным статбюро региона от 3 января 1924 г. заведующий Уралоблстатбюро В.С. Немчинов и заведующий демографическим отделом П.Ф. Неволин призвали статистиков края обратить особое внимание на текущий учет естественного движения населения⁴.

Нередко сами работники загсов невнимательно заполняли карточки естественного движения населения, забывая или неверно проставляя дату рождения ребенка, его пол⁵. Все это в конечном итоге влияло на полноту и достоверность данных о воспроизводстве горожан Урала.

Для полноты регистрации демографических событий с августа 1924 г. постановлением Уралоблисполкома были введены книги записей актов гражданского состояния⁶. Но проверка 39 городских загсов региона показала, что только за первую декаду 1926 г. было 40 случаев незарегистрированных рождений и 4 – смерти⁷. Вместе с тем демографические материалы были настолько важны для развития всех сфер жизни Урала, что Первый областной съезд по охране материнства и младенчества (ОММ) и охране здоровья детей, состоявшийся в Свердловске 14 декабря 1924 г., обратил внимание своих секций на необходимость сбора стати-

¹ ГАКО. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 6. Л. 36.

² Красильников М.П. Введение. С. IV; ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 199. Л. 6 об.-7.

³ ГАПК. Ф. Р-454. Оп. 1. Д. 65. Л. 13.

⁴ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 5. Л. 3-3 об.

⁵ ГАКО Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 56. Л. 4-4 об.

⁶ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 5. Л. 347.

⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 550. Л. 47.

стических материалов по рождению, смерти, бракам, разводам, количеству родовспоможений и аборт¹.

Особое значение при разработке материалов естественного движения населения имели причины смерти горожан. По мере расширения и качественного улучшения здравоохранения для совершенствования диагностики возникла острая необходимость уточнения существовавшего в стране перечня причин смерти населения. Однако в 1925/1926 г. со стороны ЦСУ по данному вопросу не было получено никаких указаний. Исходя из создавшейся ситуации, Уральское статистическое бюро совместно с областным отделом здравоохранения самостоятельно расширило существовавшую классификацию причин смерти населения².

Для упорядочения учета горожан в феврале 1925 г. Уралстатбюро обратило внимание окрстатбюро на необходимость точного выполнения инструкции при разработке статистических карточек естественного движения населения. Документ требовал, во-первых, выделения окружных городов в общих цифрах по городам; во-вторых, строгого разделения показателей по городским и сельским поселениям³. Данный порядок ведения записей актов гражданского состояния использовался в РСФСР до июля 1926 г.⁴

5 июля 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР внесли изменение в ст. 13 Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Новелла заключалась в том, что книги записей актов гражданского состояния теперь велись в двух экземплярах. Один предназначался для хранения в соответствующем местном органе, а второй представлялся в установленные сроки в губернские органы загсов и использовался для статистики естественного движения населения⁵. На основании данного постановления НКВД РСФСР издал циркуляр, упразднивший статистическую карточку. С этого времени областным и окруж-

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 385. Л. 8 об.

² ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 10. Л. 32.

³ ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 10. Л. 28-28 об.

⁴ Вострикова А.М., Подъячих П.Г. Статистика населения // История советской государственной статистики. М., 1969. С. 361.

⁵ Об изменении и отмене отдельных статей Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 5 июля 1926 г // СУ РСФСР. 1926. № 41. Ст. 314.

ным загсам вменялось в обязанность направлять вторые экземпляры книг в органы статистики для получения сводных данных¹.

Уральская областная статистическая конференция, состоявшаяся 7–8 апреля 1927 г., для улучшения текущей демографической статистики приняла решение просить ЦСУ восстановить с 1928 г. статистическую карточку к записям актов гражданского состояния². ЦСУ СССР, в свою очередь, учитывая ущерб, который наносился делу статистики населения исключением статистической карточки, попыталось ходатайствовать о ее восстановлении. Но эти его действия совпали с кампанией по сокращению всякого рода отчетности, в том числе и первичной, поэтому просьба ЦСУ была отклонена. С уничтожением статистической карточки единственным источником для статистики населения в РСФСР остались вторые экземпляры книг записей демографических событий³.

Всесоюзное статистическое совещание, состоявшееся в Москве в январе 1927 г.⁴, проанализировав ситуацию с регистрацией актов гражданского состояния на местах, сделало вывод, что в подавляющем большинстве городских поселений СССР при всех недочетах текущий учет позволял составить представление о воспроизводстве населения⁵. Этот вывод был применен и к уральским городам. Основная масса демографических событий стала попадать в статистическую отчетность. Текущий учет естественного движения населения в 1920-х гг., несмотря на все трудности, давал возможность уловить основные тенденции в динамике воспроизводства горожан. На основе полученных статданных в Уралобласти в 1926–1933 гг. было опубликовано 6 выпусков статистического справочника «Уральское хозяйство в цифрах» с разделом о естественном движении населения.

В связи с ликвидацией ЦСУ СССР и реорганизацией учетных органов президиум Уральского облисполкома 20 сентября 1931 г. принял постановление «О порядке регистрации актов гражданского состояния и отсылки вторых экземпляров

¹ Красильников М.П. Введение. С. V.

² ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 38. Л. 66.

³ Красильников М.П. Введение. С. V.

⁴ ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 38. Л. 29.

⁵ Дивногорцев Д. Вопросы учета естественного движения населения в сельских местностях на Всесоюзном совещании по социальной статистике // Вестник статистики. 1927. № 4. С. 331.

записей в плановые комиссии», в котором оговаривался порядок регистрации актов гражданского состояния отделами городских загсов. Они обязаны были регулярно, в определенные сроки направлять вторые экземпляры записей рождения, смерти, браков и разводов в горстатпланы и далее в Уралплан. Полученные сведения Уралплан мог использовать в течение года для статистических разработок¹.

Форсированная индустриализация и массовая коллективизация негативно отразились на демографических процессах. В начале 1930-х гг. была зафиксирована убыль населения, в том числе и городского, что противоречило официально насаждавшейся политико-идеологической мифологии. Поэтому всякая информация, контрастировавшая с генеральной линией ВКП (б), была опасна для власти. 1 февраля 1933 г. Политбюро ЦК ВКП (б) запретило публикацию каких-либо статистических данных до обнародования официальных сведений. Это, в свою очередь, стало возможным лишь с разрешения Госплана². А так как конечные результаты социально-экономической политики государства проявлялись в естественном движении населения, то открытая публикация этих данных в стране, в том числе и на Урале, была практически полностью прекращена.

Основную причину повышения смертности и снижения рождаемости власти видели в недобросовестной работе статистиков, в связи с чем были предприняты новые шаги к наведению элементарного порядка в статистическом учете. 20 марта 1933 г. Президиум ВЦИК утвердил новую инструкцию о порядке регистрации актов рождения, которая требовала подачи заявления в органы загса не позднее 15-дневного срока со дня рождения³. Однако в феврале 1934 г. Политбюро ЦК ВКП (б) выразило сомнение в правильности регистрации рождений и смертей в 1933 г. и поручило Комиссии партийного контроля выявить причины их недоучета. На протяжении года было проведено несколько проверок ЦУНХУ. Комиссии партийного и советского контроля целенаправленно искали недостатки в работе

¹ Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уралоблисполкома (приложение к журналу «Известия Уралоблисполкома»). 1931. № 28–29 (25 мая). С. 783–784.

² См.: История России, 1917–1940: хрестоматия / сост. В.А. Мазур и др.; под ред. М.Е. Главацкого. Екатеринбург, 1993. С. 273.

³ Об утверждении инструкции о порядке регистрации актов рождения: постановление Президиума ВЦИК от 20 марта 1933 г. // СУ РСФСР. 1933. № 22. Ст. 74.

ЦУНХУ, которое прямо обвинялось в плохой постановке учета, недорегистрации рождений, явном преувеличении смертности¹.

Для усиления административного давления на статистиков в июле 1934 г. загсы как органы первичных данных о народонаселении были изъяты у местной администрации, переданы в ведение общесоюзного НКВД и поставлены под его контроль². Но загсы распространяли свою деятельность только на гражданское население. Они не фиксировали рождения и смерти среди спецпереселенцев и заключенных. Эти функции возлагались на комендатуры НКВД и учетно-распределительные части (УРЧ) мест лишения свободы. Данные комендатур и УРЧ были строго секретными. Таким образом, из поля статистического наблюдения выпало огромное число жителей СССР, в том числе и Урала³. Но именно с середины 1934 г. НКВД начало формировать эффективную систему текущей регистрации населения. По данным В.Б. Жиромской, уже в начале 1935 г. текущий учет охватывал более 95 % жителей РСФСР и больше уже не снижался⁴.

С середины 1934 г. учетные органы обязаны были получать информацию о естественном движении населения от структур НКВД. Челябинское облУНХУ в письме местным органам народнохозяйственного учета от 16 февраля 1935 г. определило порядок получения данных о работе загсов от органов НКВД. Но между местными органами НХУ и НКВД складывались непростые отношения. В циркуляре начальника ЧелябоблУНХУ В.К. Строковского, направленного на места 27 июля 1935 г., прямо указывалось на это как на одну из причин, отрицательно влиявших на разработку естественного движения населения в области, наряду с недостаточным вниманием самих гор(рай)инспекторов НХУ к работе по исчислению населения⁵. Однако главными виновниками в недоучете населения и сокрытии достижений в народонаселении по-прежнему считались только работники органов народнохозяйственного учета. В местные УНХУ страны был спущен приказ по ЦУНХУ Госплана СССР от 28 июля 1935 г., подписанный и.о. начальника

¹ Демографическая модернизация России. 1900–2000. С. 453.

² Исупов В.А. «Это была фантастика, если не хуже»: методы фальсификации... С. 34.

³ Он же. Демографические катастрофы... С. 25.

⁴ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 11.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р–1055. Оп. 2. Д. 50. Л. 65–65 об.

ЦУНХУ И.А. Кравалем. Он был издан на основании проведенной начальником сектора учета населения и здравоохранения ЦУНХУ тов. Сикра и начальником сектора учета населения и здравоохранения УНХУ РСФСР тов. Гуревичем проверки сектора учета населения и здравоохранения Западной области. В приказе содержалась прямая угроза применения строжайших мер взыскания вплоть до привлечения к судебной ответственности при обнаружении нарушений порядка работ по учету естественного движения населения, установленного ЦУНХУ¹.

19 октября 1935 г СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли совместное постановление «О постановке учета естественного движения населения». В нем вновь указывалось на неудовлетворительное состояние работы по учету естественного движения населения из-за отсутствия должного внимания к ней со стороны местных партийных и советских организаций и особенно ЦУНХУ. Вина за создавшееся положение возлагалась на так называемых классовых врагов (бывших священников, белогвардейцев, кулаков), якобы, использовавших органы учета для умышленного сокрытия роста населения путем недоучета рождаемости и преувеличения смертности населения вследствие регистрации по несколько раз смертей одних и тех же лиц². Данное постановление стало роковым для советской статистики. Она навсегда потеряла остатки былой самостоятельности и стала производить информацию под жестким контролем властей, что сказалось на ее объективности. В создавшейся крайне неблагоприятной политической обстановке для демографической статистики правомерен вывод сибирского историка В.А. Исупова, что реставрировать полную картину динамики численности и воспроизводства населения СССР в первой половине 1930-х гг. из-за погрешностей учета не удастся уже никогда. Возможны лишь оценки, позволяющие определить самые общие тенденции развития демографической сферы в стране³.

СНК СССР и ЦК ВКП (б) для улучшения учета естественного движения населения ввели с первого января 1936 г. обязательную выдачу загсами НКВД сви-

¹ ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 50. Л. 64 об.

² СЗ СССР. 1935. № 53. Ст. 432.

³ Исупов В.А. Демографические катастрофы... С. 25.

детельства о рождении по специальной форме¹. 2 ноября 1935 г. СНК СССР утвердил форму свидетельства о рождении, представленную НКВД².

Во второй половине 1930-х гг. были приняты меры к улучшению сбора данных для демографической статистики. Еще 10 апреля 1936 г. циркуляром № 33, подписанным начальником отдела актов гражданского состояния НКВД СССР майором госбезопасности Алиевским, НКВД СССР изменил сроки передачи вторых экземпляров актов гражданского состояния в органы НХУ. По нему города областного значения должны были представлять сведения к 10-му, а все остальные городские поселения – к 20-му числу месяца, следовавшего за отчетным. На Урале исключение было сделано только для Коми-Пермяцкого округа, который представлял отчетность к 25-му числу³.

27 июля 1936 г. ЦИК и СНК СССР узаконили порядок и сроки регистрации рождений и смертей⁴. Регистрация рождений и смертей должна была производиться в городах городскими отделами (бюро) записей актов гражданского состояния не позднее месяца со дня рождения и трех дней после наступления смерти. Регистрацию мертворожденного требовалось осуществить не позднее 24 часов с момента родов. Такой же короткий срок устанавливался относительно насильственной смерти, самоубийства и смерти от несчастного случая, но он считался с момента наступления события или обнаружения трупа. Ответственность за правильность и своевременность регистрации актов гражданского состояния возлагалась в городах лично на заведующих загсами. За несоблюдение определенных законом сроков регистрации актов гражданского состояния граждане подвергались административной ответственности в виде денежного штрафа от 25 до 100 руб. Должностные же лица за необоснованный отказ или несвоевременную регистрацию смерти и рождения, за непредставление сведений в установленном порядке или неправильные сведения по учету естественного движения населения несли

¹ Исупов В.А. Демографические катастрофы... С. 25.

² Об утверждении формы свидетельства о рождении: постановление СНК СССР от 2 ноября 1935 г. // СЗ СССР. 1935. № 58. Ст. 477.

³ ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 50. Л. 27.

⁴ О порядке и сроках регистрации рождений и смертей: постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1936 г. // СЗ СССР. 1936. № 44. Ст. 369.

уголовную ответственность в виде лишения свободы на срок до 3-х лет.

Важный шаг в сторону улучшения системы учета естественного движения населения был сделан в конце 1939 г., когда в соответствии с приказом НКВД СССР смертность заключенных стала учитываться общегражданскими загсами. Правда, как отмечает В.А. Исупов, руководители УРЧ мест заключения крайне неохотно и со значительными нарушениями выполняли этот приказ. Материалы о смерти заключенных направлялись в загсы с большим опозданием. В итоге сведения об умерших в конце 1930-х гг. заключенных поступали в гражданские регистрационные органы даже в 1943 г.¹

Если учет естественного движения населения стал развиваться уже с начала 1920-х гг. и к середине этого десятилетия в уральских городах был поставлен достаточно хорошо, то учет миграций горожан долгое время находился в зачаточном состоянии, хотя приток населения в города требовал налаживания правильной регистрации прибывших и убывших людей. Без учета миграций горожан, который наряду с учетом естественного движения населения также являлся основой демографической статистики, невозможно было правильно исчислить городских жителей. А это, в свою очередь, было необходимо как для решения задач городского хозяйства, так и в интересах самого населения.

В середине 1920-х гг. для полноты исчисления горожан назрела необходимость надлежащей организации учета механического движения (миграций) населения. Основой для него стало постановление «О прописке граждан в городских поселениях», принятое СНК РСФСР 28 апреля 1925 г.² в развитие постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июня 1923 г. «Об удостоверении личности»³. Оно утвердило следующие правила прописки горожан. Во-первых, все лица, находившиеся в пределах городских поселений свыше 3-х дней, должны были заявить о своем пребывании домовому управлению дома, гостиницы или меблированных комнат. Во-вторых, административные лица обязаны были зарегистрировать за-

¹ Исупов В.А. Демографические катастрофы... С. 26.

² СУ РСФСР. 1925. № 28. Ст. 197.

³ СУ РСФСР. 1923. № 61. Ст. 575

пись в домовую книгу в отделении милиции; в-третьих, для прописки требовался документ, удостоверявший личность.

Учет и регистрация городского населения возлагалась на адресные столы. Они должны были заполнять адресные листки на всех граждан, достигших 16 лет, прибывавших и убывавших из города или сменявших местожительство в пределах одного и того же города. В деталях прописки и выписки населения в конкретных городских поселениях должна была производиться на основании обязательных постановлений местных исполкомов¹.

Уральское статистическое бюро обратилось в административный отдел обл-исполкома с просьбой создать во всех окружных городах адресные столы, на основе работы которых можно было организовать учет миграции населения. Одновременно было высказано пожелание производить механический учет горожан и в возрасте до 16 лет. Уралоблисполком, сообразуясь с реалиями времени и идя навстречу пожеланиям статистиков, 29 июня 1925 г. принял постановление «Об установлении в городах и поселениях городского типа Уральской области точного учета механического движения населения», в котором рекомендовал во всех городских населенных пунктах организовать адресные столы. Уралоблисполком установил и срок перехода на единую систему учета механического движения населения – 1 августа 1925 г.² Руководствуясь данным постановлением, областной административный отдел для упорядочения процедуры прописки и введения единообразных форм учета и регистрации населения обязал начальников административных отделов и милиции округов к началу августа того же года организовать в городах адресные столы и бюро, которые должны были заниматься учетом механического движения населения. Прописка возлагалась на органы милиции³.

Уральское статистическое бюро решило начать осуществлять учет миграций населения в окружных городах, в которых имелись адресные столы, уже с начала 1926 г., а в остальных городских поселениях – не позднее первого июля того же года. Для этого в составе сектора социальной статистики Уралстатуправления

¹ Дворяченко И. Удостоверение личности и прописка граждан // Известия Уральского областного исполкома Советов РКК и К. 1927. № 13. С. 6.

² Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 230. Л. 12.

³ ОГАЧО. Ф. Р-11. Оп. 3. Д. 51. Л. 1-2, 15.

(ранее Уралстатбюро) был образован отдел статистики социального состава и движения населения. В окружных статистических бюро были созданы секции социальной статистики¹.

Но, несмотря на принятые решения, не во всех городах в срок был организован должный учет миграции населения. Во-первых, часть горожан отказывалась от прописки, являвшейся основанием для учета населения². Во-вторых, в ряде городов, например, в Челябинске, прописка и выписка горожан производилась по адресным листкам одинаковой формы, без указания, приехал ли человек в город или собирался покинуть его. В итоге технически было невозможно разделить прибытие и выбытие, а это не позволяло контролировать миграции горожан³.

Для правильной постановки учета механического движения населения в городах НКВД своим циркуляром от 11 ноября 1926 г. рекомендовал к исполнению новое «Положение об адресных бюро и адресных столах в РСФСР». Оно точно определяло порядок прописки и организацию адресных столов и бюро. Вместе с тем техника прописки и отчетности по-прежнему не была согласована со статистическими органами, которые вели разработку миграций населения на основе сведений о прописке. Для упрощения и улучшения учета механического движения горожан административный отдел Уралоблисполкома по согласованию с областным статистическим управлением дополнил листки прибывавших и убывавших отрезной статистической карточкой специально для органов государственной статистики. Листок содержал сведения о количестве прибывших (убывших) горожан и их детях до 16-ти лет, их половозрастном составе, были и данные, откуда они прибыли или куда выбывали⁴.

Интересы статистики требовали расширения списка городских поселений, в которых осуществлялась прописка граждан, а значит и учет механического движения населения. В апреле 1927 г. Уралоблисполком поручил административному отделу края согласовать с областным статуправлением и его органами на мес-

¹ ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 10. Л. 32 об.; Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 205. Л. 26.

² Дворяченко И. Указ. соч. С. 6.

³ ОГАЧО. Ф. Р-11. Оп. 3. Д. 51. Л. 14.

⁴ ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 10. Л. 36-36 об.; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1237. Л. 18.

тах вопрос о введении прописки и организации учета миграций граждан в 17 неокружных городах (Алапаевске, Верхне-Уральске, Камышлове, Кизеле, Красноуфимске, Кушве, Лысьве, Миассе, Мотовилихе, Надеждинске, Невьянске, Осе, Оханске, Соликамске, Туринске, Чердыне, Ялуторовске) и 17 крупных заводских поселениях, не входивших в списки городов области, (Верхне-Уфалейском, Каслинском, Катав-Ивановском, Кусинском, Салдинском, Саткинском, Нижне-Сергинском, Нязе-Петровском, Перво-Уральском, Бисертском заводах; Воткинске, Каменске, Кыштыме, Ревдинском, Чермозе, Чусовой, Березовском)¹. 19 января 1928 г. Тагильский окрисполком обратился в Уралоблисполком с просьбой о присоединении к этому списку Верхне-Шайтанского, Ново-Лялинского и Нижне-Салдинского заводов².

Введение прописки в целом ряде уральских городских поселений способствовало улучшению учета и разработки миграций горожан. Но в целом данная работа по-прежнему находилась в зачаточном состоянии. В середине 1928 г. на Урале разработка материалов миграции населения по данным адресных столов по программе ЦСУ велась только в Свердловске (с апреля 1927 г.), Перми, Тюмени и Челябинске (с января 1928 г.). Уралстатуправление также располагало подобными материалами еще по 22 городам области с населением свыше 10 тыс. чел. При этом список этих населенных мест был составлен не благодаря сознательному отбору, а в результате лучшей работы адресных столов. В него вошли областной центр (Свердловск с Верх-Исетским заводом), 11 окружных городов (Пермь с Мотовилихой, Усолье, Ирбит, Ишим, Кунгур, Курган, Сарапул, Тобольск, Троицк, Челябинск, Шадринск) и 10 прочих поселений городского типа (Верхне-Уральск, Камышлов, Кизел, Красноуфимск, Кыштым, Невьянск, Туринск, Чердынь, Чермоз, Чусовая). Таким образом, статистика миграций охватывала всего около 14 % населенных пунктов Уральской области, но так как это были наиболее крупные города, то в них проживало до 42,5 % горожан края³.

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1237. Л. 1-2, 16-17.

² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1272. Л. 51.

³ Лебедев Ф. Механическое движение населения городов Урала. С. 152-153.

Но, несмотря на все усилия уральских статистических органов улучшить учет миграции горожан, он и в конце 1920-х гг. в ряде городов региона оставался достаточно слабым. В итоге сложно было правильно исчислить население городов. К примеру, в Кургане, по данным окрстатбюро, на 1 июля 1929 г. насчитывалось 37 381 чел., а по переписи окружного отдела народного образования на 1 сентября того же года – 30 341 чел. Разница составила 7040 чел.¹ Были факты небрежного отношения к сохранности документов из-за непонимания их важности для статистики. В начале 1930 г. в Кургане был зафиксирован случай, когда во время транспортировки карточек механического учета из городского адресного стола в сектор статистики лопнула веревка, в итоге учетные карточки рассыпались². Подобные казусы затрудняли работу статистиков.

В конце первой пятилетки власти перешли к административно-полицейским методам по отношению к мигрантам. 27 декабря 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об установлении единой паспортной системы Союза ССР и обязательной прописке паспортов»³ для усиления административного учета, контроля и регулирования передвижения населения. А 28 апреля 1933 г. СНК СССР ввел паспортную систему для жителей городов, рабочих поселков и новостроек. При городских отделениях милиции создавались паспортные столы⁴. Еще раньше, 3 февраля 1933 г., СНК СССР в силу особой важности постановил включить Магнитогорск в число городов с первоочередным введением паспортной системы⁵.

В уральских городских поселениях под руководством партийно-советской власти развернулась работа по введению паспортов. К примеру, 5 июня 1933 г. Нижнетагильский горком ВКП (б), специально рассмотрев вопрос «О паспортизации», утвердил представленный Управлением милиции города план паспортизации и дислокацию паспортных пунктов и призвал организовать на предприяти-

¹ ГАКО Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 56. Л. 4 об.

² Там же. Л. 4.

³ СЗ СССР. 1932. № 84. Ст. 516.

⁴ О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории Союза ССР: постановление СНК СССР от 28 апреля 1933 г. // СЗ СССР. 1933. № 28. Ст. 168.

⁵ О введении паспортной системы в г. Магнитогорске: постановление СНК СССР от 3 февраля 1933 г. // СЗ СССР. 1933. № 11. Ст. 60.

ях и учреждениях разъяснительную работу о значении паспортной системы¹.

Колоссальная смертность горожан в 1933 г. заставила власти вновь обратить пристальное внимание на учет миграций населения. ЦИК и СНК СССР своим постановлением от 7 декабря 1933 г. «Об ответственности за предоставление неправильных учетных сведений и отчетных данных, а также за нарушение форм и сроков представления учетно-отчетных материалов» ввели уголовное наказание в виде лишения свободы на срок не ниже шести месяцев за умышленное искажение информации и до трех лет за систематическое или злостное нарушение установленных сроков и форм отчетности². Массовый отток граждан из сельской местности в города, превратившийся в бегство крестьян из деревни, обусловил принятие 17 марта 1934 г. Президиумом ЦИК СССР решения об обязательной выборке годичных паспортов в местных районных управлениях милиции жителями сельской местности при их выезде на длительное время или постоянное жительство в города, где была введена паспортная система³. Это требовалось для того, чтобы избежать им отказов в прописке и удаления их из нового места жительства. Таким образом, началось формирование системы паспортно-визовых служб.

С начала 1935 г. облУНХУ Урала поручили местным органам НХУ разработку материалов по механическому движению горожан, особенно населения крупных индустриальных центров, в которых остро стоял вопрос об исчислении населения. Приказом начальника Челябинского облУНХУ В.К. Строковского от 23 июня 1935 г. были установлены сроки и формы ежемесячной разработки миграции жителей городов региона. Эта работа возлагалась на инспектуры Челябинска, Магнитогорска, Златоуста, Копейска, Кургана, Троицка, Кыштыма, Миасса, Сатки, Каменска, Камышлова, Кочкара, Шадринска, Шумихи, Петухово, Катав-Ивановска, Аши, Верхнего Уфалея. Одновременно начальник сектора населения УНХУ Челябинской области И.А. Сперанский обязал инспекторов НХУ произво-

¹ ЦДОСО. Ф. 483. Оп. 8. Д. 396. Л. 2.

² СЗ СССР. 1933. № 70. Ст. 417. С. 736.

³ Об обязательной выборке паспортов гражданами, переезжающими на длительное или постоянное жительство в местности, где введена паспортная система: постановление Президиума ЦИК СССР от 17 марта 1934 г. // СЗ СССР. 1934. № 16. Ст. 119.

дить разработку материалов миграции населения с обязательным выделением городов и поселений городского типа¹.

Несмотря на предпринятые усилия по организации качественного учета миграций горожан, на Урале в преддверии Всесоюзной переписи 1937 г. по-прежнему сохранялись существенные недостатки в этой сфере деятельности органов НХУ. Во-первых, качество заполнения адресного листка и сводных таблиц иногда было настолько неудовлетворительным, а результаты этого учета далеки от действительности, что практическое использование данных органами НХУ представлялось совершенно нецелесообразным. В ряде городских поселений Челябинской области и даже в Магнитогорске гор(рай)инспекторы НХУ по халатности в сводках писали одни цифры, а в препроводительных документах – другие. Курган вообще высылал в область материалы по миграции граждан без общих сводок. В Троицке и ряде других городов среди прибывших и выбывших граждан не указывалось число детей до 16 лет².

Во-вторых, в городах существовал значительный недоучет граждан из-за отсутствия единых критериев учета различных групп мигрантов. К примеру, не было твердо установленных правил учета временно прибывавших. Каждый город, даже каждая гостиница руководствовались своими правилами учета. Нередко прибывавшие на 1–2 дня не регистрировались вообще или, наоборот, всякий кратковременный приезд, даже на сутки, обязательно фиксировался адресным бюро. В результате значительно обесценивался материал о механическом движении населения, так как удельный вес временно прибывавших людей в общей массе мигрантов был достаточно велик. Очень часто при регистрации мигрантов не разграничивались переехавшие из одного населенного пункта в другой и переменившие адреса внутри города. Все они регистрировались на одних и тех же бланках и нередко были случаи смешения данных об этих двух совершенно разных группах мигрантов. Итогом подобных упущений стало несовпадение сведений о числе лиц, переменивших адрес в конкретном городе по прибытию, с данными по

¹ ОГАЧО. Ф. Р–1055. Оп. 2. Д. 50. Л. 55, 66, 69.

² Там же. Л. 66.

выбытию. В целом ряде городов, к примеру, в Троицке, по-прежнему был налажен учет детей мигрантов до 16 лет. В итоге этого недоучет был особенно велик. Не всегда указывалась местность, откуда прибыли приезжие¹. Все отмеченные упущения в учете миграции горожан, особенно в крупных индустриальных центрах Урала, не позволяли достаточно точно исчислить городское население.

Всесоюзная перепись населения 1937 г. выявила несоответствие между данными переписи и исчислением горожан накануне нее. Среди причин этого начальник ЦУНХУ Госплана СССР И.А. Краваль назвал недостатки в самом учете миграций и отсутствие должного контроля за ним со стороны инспекторов НХУ². На эти же причины ссылались начальники облУНХУ А.П. Бобров (Свердловская область) и В.К. Строковский (Челябинская область), пытаясь объяснить несоответствие итогов переписи с исчислениями населения 1936 г.³

Для упорядочения учета миграции населения И.А. Краваль обязал всех начальников республиканских и областных УНХУ обеспечить проведение инструктажа работников городской милиции и адресных столов, домоуправлений и ЖАКТов, владельцев домов по правильному учету прибывших и убывших горожан, ведению домовых книг. Он еще раз обратил внимание на необходимость разъяснения всем заинтересованным лицам значения полной и своевременной регистрации мигрантов. И.А. Краваль призвал усилить контроль за состоянием учета механического движения населения путем систематической проверки правильности его ведения в городах и рекомендовал органам НХУ ежемесячно проводить совместные с милицией выборочные проверки правильности ведения домовых книг. В духе политических реалий 1930-х гг. он потребовал подвергнуть виновных в несвоевременной регистрации горожан административному взысканию в виде штрафа и привлечению к ответственности работников НХУ за недобросовестные сведения о механическом движении населения⁴. Эти меры должны были улучшить постановку учета миграций в городах.

¹ Вейцблит И. О некоторых недостатках учета механического движения населения в системе ЦУНХУ // План. 1936. № 10. С. 24; ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 50. Л. 17.

² МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 72. Л. 10.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 125 об., 132 об.

⁴ МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 72. Л. 10 об.

После переписи 1937 г. основными задачами гор(рай)инспекторов НХУ Урала в части разработки материалов миграции горожан стали своевременный сбор сведений и контроль полноты и качества их с тем, чтобы свести процент неизвестных и расхождение по внутригородскому движению между прописанными и выписанными до минимума. Для этого горинспектуры НХУ должны были по получении отрывных талонов из городских отделений милиции сверить их число с количеством полученных карточек, указанных в сопроводительных документах. Карточки с незаполненными вопросами следовало оперативно исправить. Только после этих контрольных процедур горинспектор составлял сводку по установленным формам и отсылал ее в областное УНХУ. Проверка прироста взрослого населения производилась путем сопоставления роста рабочих и служащих на предприятиях и учреждениях данного города¹. Принятые меры позволили улучшить учет миграции горожан на Урале, сделать исчисления населения более точными.

Важную роль в учете народонаселения, в том числе и горожан, играли статистические органы. Декретом СНК от 25 июля 1918 г. «О государственной статистике»² в Советской России было создано Центральное статистическое управление (ЦСУ), которое должно было поставлять объективную, в том числе и демографическую информацию, необходимую, по неоднократным заявлениям представителей власти, для научного управления строительством нового общества. В соответствии с декретом СНК от 17 сентября 1918 г. «О местных статистических учреждениях» в целях объединения мелких статорганизаций в каждой губернии страны учреждалось особое губернское статистическое бюро как самостоятельный отдел исполкома губернского Совета³. Оно делилось на секции, среди которых была и секция основной демографической статистики.

На Урале статистические органы стали создаваться после восстановления советской власти в регионе. Постановлением Екатеринбургского губернского военно-революционного комитета от 9 сентября 1919 г. было создано губернское ста-

¹ ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 50. Л. 17.

² СУ РСФСР. 1918. № 55. Ст. 611.

³ СУ РСФСР. 1918. № 67. Ст. 729.

тистическое бюро, подчиненное исполкому Екатеринбургского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов¹. Постановлением Челябинского губревкома от 4 ноября 1919 г. было образовано Челябинское губернское статистическое бюро на правах самостоятельного отдела сначала Ревкома, а с сентября 1920 г. – Челябинского губисполкома². Аналогичные статистические бюро были организованы в Пермской и Тюменской губерниях. Заведующим Челябинским губернским статистическим бюро в 1919–1922 гг. был В.С. Немчинов, впоследствии его сменил на этом посту К.И. Клименко³. В Екатеринбургской губернии губернское статистическое бюро возглавил П.Ф. Неволин⁴, а с января 1922 г. – В.Н. Смирнов⁵. Первым заведующим Пермского губстатбюро стал В. Сумароков, в 1922 г. им был Я.А. Айзенберг, а в 1923 г. этот пост занимал Н.А. Меглицкий⁶.

В обязанности губстатбюро входили проведение и разработка материалов специальных переписей населения, наблюдение за экономической жизнью губернии, составление карты региона, освещение всех особенностей строения его местной жизни. Для учета населения в структуру всех губстатбюро вошла секция демографии⁷. Чтобы разгрузить секцию демографической статистики, коллегия Екатеринбургского губстатбюро 21 сентября 1922 г. создала секции общей статистики для ведения работы по городской статистике, статистике коммунального хозяйства и прочих подобных работ⁸. Для сбора статсведений и организации первичного учета при уездных исполкомах Советов были созданы уездные статистические бюро с аналогичными губернским статорганам функциями и структурой.

В связи с образованием Уральской области возник единый областной статистический орган – Уральское статистическое управление, которое окончательно сформировалось в августе 1922 г. на базе Управления уполномоченного ЦСУ РСФСР по Уралу, созданного еще в конце марта 1922 г. В состав Уралстатуправ-

¹ Кутина Е.А. Указ. соч.

² Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919 – декабрь 1920 гг.). С. 182.

³ Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6-му губернскому съезду Советов (декабрь 1922 г.). С. 7; Немчинов В.С. Избранные произведения: В 6 т. М., 1967. Т.1. С. 8.

⁴ Предварительные итоги переписи населения 1920 года по Екатеринбургской губернии. С. 3.

⁵ Кутина Е.А. Указ. соч.

⁶ Шубин Р. Указ. соч. С. 62; ГАПК. Ф. Р–19. Оп. 1. Д. 15. Л. 45; Ф. Р–866. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁷ Кутина Е.А. Указ. соч.; ГАПК. Ф. Р–19. Оп. 1. Д. 15. Л. 28.

⁸ Губерния в цифрах. 1922. № 6. С. 24–25.

ления вошли уполномоченный ЦСУ по Уралу В.С. Немчинов и заведующие отделами экономической статистики М.А. Сигов (одновременно он был и заместителем уполномоченного ЦСУ по Уралу), статистики потребления и баланса П.Ф. Неволин, промышленной статистики С.П. Сигов, сельскохозяйственной статистики А.В. Воробьев, статистики транспорта и редакционно-издательского отдела А.В. Комаров. Обязанности Уралстатуправления включали в себя, с одной стороны, инспекторские функции по отношению к органам государственной статистики в губерниях Урала, с другой стороны, сбор, сводка и разработка статистических материалов в уральском масштабе. Уральское статистическое управление работало в тесном контакте с Уральским экономическим советом и Уральской областной плановой комиссией¹.

В связи с новым районированием Урала (образованием Уральской области и созданием округов в 1923 г.) ликвидировались губернские статистические бюро, их функции перешли к окружным статистическим бюро. В частности, Челябинское окружное статистическое бюро было образовано 19 ноября 1923 г. на основе постановления Первого окружного съезда Советов. В его функции входило планирование хозяйственного и культурного строительства, статистика и ведение ведомственного учета и отчетности. Окрстатбюро работало под руководством и по заданию окрисполкома, областных и центральных органов. Во главе окрстатбюро стоял заместитель председателя окрисполкома, руководивший деятельностью бюро, его помощник занимался вопросами статистики, оперативного учета и отчетностью. Такую же структуру и функции имели и другие окружные статистические бюро, образованные в Уральской области.

Накануне Всесоюзной переписи населения Президиум ЦИК СССР усилил значимость статистических органов в стране, 19 марта 1926 г. предоставив ЦСУ СССР все права объединенных наркоматов СССР².

¹ Губерния в цифрах. 1922. № 6. С. 24.

² О предоставлении Центральному статистическому управлению СССР всех прав, присвоенных объединенным комиссариатам Союза ССР: постановление Президиума ЦИК СССР от 19 марта 1926 г. // СЗ СССР. 1926. № 21. Ст. 138.

В связи с подготовкой к Всесоюзной переписи населения на заседании коллегии Уралстатуправления, состоявшемся 8 июня 1926 г., была уточнена структура местных органов государственной статистики. В рамках Уралстатуправления образовывались 6 секторов, в том числе и сектор социальной статистики. В его составе выделялись отделы статистики социального состава и движения населения, статистики народного образования и отделение моральной статистики. Такие же секции были созданы и в окружных статбюро¹.

Повышение значимости и расширение функций уральских статистических органов привело к росту их численности. Если в конце 1923 г. в Уралстатуправлении насчитывалось 83 работника², в начале 1925 г. – 90, то на 1 апреля 1926 г. – уже 207 чел., однако по штату было положено 220 работников. Из них 23,2 % (48 чел.) принадлежали к руководящему, а остальные 76,8 % – техническому персоналу. Статистическая деятельность – это не только сбор, но и обработка огромного массива информации. Она требовала соответствующего уровня образования. Если в начале 1925 г. высшее образование имели 7 чел. (7,8 % всего состава), среднее – 70 (77,8 %), 2 работника (2,2 %) были неграмотными, а остальные имели низшее образование или были малограмотными, то в апреле 1926 г. высшее образование было уже у 23 статистиков (11,1 %), среднее – у 165 (79,7 %), низшее – у 16 (7,7 %), остальные 3 чел. были неграмотными³. В приложении 1 приводятся биографические данные работников статорганов Урала, они свидетельствуют о достаточно высоком их профессиональном уровне, что позволило им качественно выполнять свои обязанности.

В 1926 г. Уральское статистическое управление начало издавать ежемесячный статистический бюллетень, в котором публиковались результаты исследований государственной статистики и разрабатывались методические темы статистической практики⁴.

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп.1. Д. 205. Л. 26.

² Кутина Е.А. Указ. соч.

³ Рассчитано по: Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5-му съезду Советов ... С. 10; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 549. Л. 11.

⁴ Немчинов В. Предисловие // Бюллетень Уральского областного статистического управления. 1926. № 1. С. 1.

23 мая 1927 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение о Центральном статистическом управлении РСФСР», возложив на него общее руководство ведением всей статистики на территории республики с присвоением ему всех прав объединенных наркоматов РСФСР и подчинением его непосредственно ВЦИК, его Президиуму и СНК РСФСР. ЦСУ РСФСР обязано было выполнять все директивы союзного ЦСУ¹. Чуть позже (28 ноября 1927 г.) ВЦИК и СНК РСФСР приняли «Положение о местных органах государственной статистики РСФСР»², на основе которого стали действовать уральские статорганы.

Форсированная индустриализация и насильственная коллективизация оказали негативное влияние на демографические процессы в стране и на Урале. Статистический аппарат оказался не в состоянии справиться с фиксацией нараставшего вала негативных демографических событий. К тому же началась реорганизация статистических органов. В январе 1930 г. ЦСУ СССР перестало существовать как самостоятельный наркомат³. Вместо него в составе Госплана СССР был создан Экономико-статистический сектор, урезанный в правах и штатах. В своем постановлении от 9 мая 1931 г. «Об организации учетно-статистических работ» СНК СССР указал, что руководящим органом всего дела учета и статистики является Госплан СССР в лице сектора народнохозяйственного учета, работавшего на правах самостоятельного управления. Госплан СССР в области учета и статистики самостоятельно выполнял учетно-статистические работы общехозяйственного, межотраслевого и межрайонного характера, а также работы специального назначения (переписи, монографии и т.п.). Его постановления по вопросам учета и статистики объявлялись обязательными для всех ведомств и организаций. С целью укрепления учета и статистики в составе Наркоматов и общественных организаций образовывались специальные секторы учета и статистики, в структуре районных исполкомов сохранялись планово-статистические части⁴.

19 декабря 1931 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление об организации Центрального управления народнохозяйственного учета СССР при Госплане

¹ СУ РСФСР. 1927. № 67. Ст. 456.

² СУ РСФСР. 1927. № 122. Ст. 827.

³ Исупов В.А. «Это была фантастика, если не хуже»... С. 33.

⁴ См.: Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уралоблисполкома. 1931. № 28–29. С. 418–419.

СССР¹. 10 марта 1932 г. СНК СССР утвердил Положение о ЦУНХУ при Госплане СССР². Таким образом, в системе государственной иерархии ЦУНХУ располагалось на ступень ниже, чем ЦСУ СССР, входившее непосредственно в структуру СНК, оно подчинялось Госплану СССР и выполняло его задания и директивы. Тогда же 10 марта 1932 г. СНК СССР утвердил «Положение о республиканских, областных (краевых) и районных органах Центрального управления народнохозяйственного учета Союза ССР»³, в соответствии с которым при республиканских и областных плановых комиссиях, при горсоветах и т.п. образовывались органы народнохозяйственного учета, подчиненные ЦУНХУ СССР. Положение четко определяло структуру, задачи и функции всех органов народнохозяйственного учета. Они должны были выполнять учетно-статистические работы, предусмотренные планом, и задания, исходившие от вышестоящих органов НХУ.

7 февраля 1933 г. ЦИК И СНК СССР внесли изменения в вышеуказанные постановления от 19 февраля 1931 г. и 10 марта 1932 г. Новации касались полного подчинения ЦУНХУ СССР Государственной плановой комиссии СССР и переименования его в Центральное управление народнохозяйственного учета Госплана СССР с сохранением за ним самостоятельности в административно-финансовом отношении и строгой централизации учета сверху донизу⁴. Во исполнение данного постановления 21 мая 1933 г. СНК СССР утвердил органами ЦУНХУ Госплана СССР в союзных республиках областные управления народнохозяйственного учета и городские инспектуры⁵.

Реорганизация центральных статистических органов совпала с новым районированием Урала. В 1930 г. были ликвидированы округа и упразднены окрисполкомы. Вследствие этих изменений окружные статистические бюро были пре-

¹ Об организации Центрального управления народнохозяйственного учета Союза ССР при Госплане Союза ССР: постановление ЦИК и СНК СССР от 17 декабря 1931 г. // СЗ. 1931. № 73. Ст. 488.

² Об утверждении Положения о Центральном управлении народнохозяйственного учета Союза ССР при Госплане Союза ССР: постановление СНК СССР от 10 марта 1932 г. // СЗ СССР. 1932. № 19. Ст. 108а, б.

³ СЗ СССР. 1932. № 19. Ст. 108в.

⁴ Об изменении постановления ЦИК и СНК СССР от 19 декабря 1931 г. об организации Центрального управления народнохозяйственного учета СССР и постановления СНК СССР от 10 марта 1932 г. об утверждении Положения о Центральном управлении народнохозяйственного учета при Госплане СССР: постановление ЦИК и СНК СССР от 7 февраля 1933 г. // СЗ СССР. 1933. № 11. Ст. 52.

⁵ Об изменении законодательства Союза ССР об органах народнохозяйственного учета: постановление СНК СССР от 21 мая 1933 г. // СЗ СССР. 1933. № 33. Ст. 196.

образованы в секторы статистики при плановых отделах горисполкомов и подчинены Уральской областной плановой комиссии. В 1933 г. в соответствии с правительственными решениями на Урале возникли областные УНХУ.

В целях совершенствования учетно-статистической работы в низовых административно-территориальных единицах СНК СССР постановлением от 27 апреля 1933 г. ввел штатные должности статистиков при районных инспектурах по здравоохранению в крупных промышленных районах, где городское население превышало 10 тыс. чел.¹ В дальнейшем для укрепления городских органов НХУ и улучшения дела государственной статистики в городах СНК СССР 4 августа 1934 г. постановил увеличить общий штат городских органов народнохозяйственного учета на 500 единиц и ввести в крупнейших городах должности участковых инспекторов НХУ в каждом городском районе. На эти должности предполагалось назначить политически проверенных и квалифицированных работников, обучив их в течение текущего года на краткосрочных курсах для подготовки участковых инспекторов при ЦУНХУ Госплана Союза ССР². Однако уже 11 ноября 1934 г. СНК СССР значительно увеличил число участковых инспекторов по СССР. В частности, в городах Свердловской области должно было быть 45 участковых инспекторов, Челябинской – 25³.

17 августа 1934 г. СНК СССР утвердило Положение об участковых инспекторах народнохозяйственного учета. Участковый инспектор НХУ становился первичным звеном централизованной системы НХУ и в пределах обслуживаемого им участка проводил учетно-статистическую работу. На него возлагались задачи организации и проведения работ по сплошным и выборочным переписям и другим учетно-статистическим операциям⁴.

Слияние плановых и статистических органов отрицательно сказалось на те-

¹ Об установлении штатных должностей статистиков в районном аппарате: постановление СНК СССР от 27 апреля 1933 г. // СЗ СССР. 1933. № 29. Ст. 176.

² Об укреплении районных и городских органов народнохозяйственного учета и создании участковой инспектуры народнохозяйственного учета: постановление СНК СССР от 4 августа 1934 г. // СЗ СССР. 1934. № 41. Ст. 326.

³ Об увеличении числа участковых инспекторов народнохозяйственного учета: постановление СНК СССР от 11 ноября 1934 г. // СЗ СССР. 1934. № 62. Ст. 448.

⁴ Положение об участковых инспекторах народнохозяйственного учета: постановление СНК СССР от 17 августа 1934 г. // СЗ СССР. 1934. № 42. Ст. 331. С. 616–617.

кущей статистики и ослабило внимание к ряду важных статистических работ. Произошло свертывание государственной статистики, резко ухудшились ее достоверность и полнота. Возникла теория об «отмирании» статистики при социализме и слиянии ее с учетом, которую обосновывал бывший управляющий ЦСУ СССР (1926–1928 гг.) и первый начальник ЦУНХУ при Госплане СССР (1932–1935 гг.) Н. Осинский (В.В. Оболенский). Он писал, что статистика играла преобладающую роль до построения фундамента социалистического хозяйства. А далее на первый план вышел народнохозяйственный учет, под которым понимали «качественный охват сознательно намечаемых нами самими действий и их результатов. Ибо ... мы теперь начали сами вполне сознательно творить историю. Выдвинувшийся на первый план учет оказывается понятием, неразрывно связанным с понятием «план». Оба они суть способы сознательно творить свою историю»¹.

Вместе с тем статистика и учет различались по сбору материалов. ЦСУ старалось самостоятельно собирать материал, а ведомственную статистику считало вспомогательным источником. ЦУНХУ же являлось органом, объединившим, регулировавшим и контролировавшим учетную работу всех хозяйственных организаций. Для него ведомственный учет стал основным источником данных, а базой учета явилась оперативная отчетность². В итоге статистика превратилась в орудие контроля выполнения плана, хотя осуществлять его она фактически не могла. Аналитические же функции ее, выявление закономерностей в развитии общества, прогнозирование исчезли совсем. Органы НХУ стали обрабатывать и обобщать регулярно поступающие годовые отчеты предприятий и учреждений, осуществляли проведение социальных переписей и разработку переписных материалов.

Нарастанию статистического хаоса в немалой степени способствовало принятое в феврале 1933 г. решение Политбюро ЦК ВКП (б), запрещавшее публикацию любых статистических данных до обнародования официальных сведений Госпланом СССР. Отныне статистическим публикациям придавалось особое политическое значение. Этим решением власть создала основу для появления по-

¹ Осинский Н. Что значит учет. М.; Л., 1932. С. 9.

² Там же. С. 13.

грешностей в определении численности населения, в том числе и горожан, хотя плановая экономика требовала точных данных о населении в целом и трудовых ресурсах в частности. Все недостатки системы учета, наметившиеся в начале 1930-х гг., проявились в период переписей населения 1930-х гг.

Таким образом, в 1920-е гг. в городах Урала была создана система статистических органов, преобразованных в 1930-е гг. в органы народнохозяйственного учета, входившие в общесоюзную и общереспубликанскую системы данных органов. Статистические органы были укомплектованы достаточно квалифицированными кадрами, которые разрабатывали демографический материал на основе данных переписей населения и текущего учета. В рассматриваемый период в целом был налажен текущий учет естественного движения и миграций горожан, позволявший (при всех его недостатках) отслеживать динамику демографических событий. Уральские статистики и работники НХУ смогли качественно организовать проведение переписей, получив в ходе них достаточно полный и достоверный материал.

Глава 3. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

§ 1. Городские поселения в 1920–1930-е гг.

XX век в России отмечен небывалой урбанизацией населения, ставшей составной частью модернизационных преобразований страны. Урбанизация, прежде всего, связана с развитием городской системы расселения. Для точного учета численности горожан важно четко определить круг городских поселений, их городскую черту.

В период первой советской переписи населения 1920 г. на Урале к городским населенным пунктам было отнесено 239 поселений, включавших 28 губернских и уездных городов, 11 безуездных и заштатных городов, 200 пригородов, заводов, фабрично-заводских поселков и поселков городского типа¹.

По цензу Всесоюзной городской переписи населения 1923 г. в 4-х губерниях, впоследствии вошедших в состав вновь образованной Уральской области, насчитывалось 205 поселений городского типа, состоявших из 47 городов, 19 пригородов и 139 заводских, фабрично-заводских и станционных поселений, отнесенных к поселениям городского типа². Города были представлены 15 окружными (Екатеринбург, Златоуст, Ирбит, Ишим, Кунгур, Курган, Нижний Тагил, Пермь, Сарапул, Тобольск, Троицк, Тюмень, Усолье, Челябинск, Шадринск), 17 бывшими уездными (Алапаевск, Березов, Верхне-Уральск, Верхотурье, Каменск, Камышлов, Красноуфимск, Куртамыш, Миасс, Надеждинск, Оса, Оханск, Соликамск, Сургут, Туринск, Чердынь, Ялуторовск), 6 безуездными и заштатными (Воткинск, Далматов, Дедюхин, Кушва, Кыштым, Невьянск) городами и заводами с городскими Советами (Каслинский, Кизеловский, Кусинский, Саткинский, Лысьвенский, Мотовилихинский, Чусовской заводы, Челябинские Госкопи) и селом Обдорское³. При этом официальный статус города имело всего 27 населенных пунк-

¹ Уральский статистический ежегодник на 1923 г. С. 4.

² Третьяков Б. Указ. соч. С. 98.

³ Уральский статистический ежегодник, 1923–1924 г. С. 19.

тов¹, хотя численность населения, к примеру, Воткинска, Кыштыма, Лысьвы, Миасса, Мотовилихи, Надеждинска, не являвшихся официально городами, превышала 10 тыс. чел. Небольшое число официально признанных городов было обусловлено следующими историческими причинами. Во-первых, уральские промышленники, за редким исключением, были не местными, а «всероссийскими» магнатами. Они проживали в столицах или за границей, изредка появляясь на Урале, и не были заинтересованы в создании городов в регионе. Во-вторых, сами заводы были мало связаны с жизнью уральских городов. Поэтому промышленное население края концентрировалось не в городах, а фабрично-заводских поселениях².

Разное количество городских поселений на Урале в начале 1920-х гг., когда еще не было крупномасштабных социально-экономических преобразований, способных вызвать кардинальные изменения в структуре поселенческой сети региона, объясняется отсутствием четких критериев городского поселения, что в конечном итоге сказывалось на численности городского населения. По данным переписи 1920 г., опубликованной в 1923 г., непосредственно в городах Урала проживало 702 132 чел.³, а в издании 1925 г., в котором применялся городской ценз 1923 г., этот показатель уже составлял 814 649 горожан⁴.

В период переписи населения 1897 г. к городским поселениям были отнесены только губернские и уездные города, городское население в официальных ее итогах представляло собой сумму лиц, проживавших в них⁵. Во время первой советской переписи 1920 г. круг городских поселений был значительно расширен. К ним отнесли, во-первых, не только губернские и уездные города, но и поселки, имевшие городские и поселковые Советы, а также прочие поселения, признанные городами в законном порядке. Во-вторых, пригороды, не включенные в состав городских территорий, но примыкавшие к их черте и связанные с ними тесными экономическими узлами. В-третьих, поселки при фабриках и заводах, железнодоро-

¹ См.: приложение 1.

² Степанов П. Указ. соч. С. 35.

³ Уральский статистический ежегодник на 1923 г. С. 8–9.

⁴ Уральский статистический ежегодник, 1923–1924 г. С. 21.

⁵ Подъячих П.Г. Всесоюзная перепись населения 1939 г. (Методология и организация проведения переписи и разработка итогов). М., 1953. С. 51.

рожных станциях и речных пристанях и в полосе отчуждения железной дороги, не находившиеся в пределах селитебной черты других поселений, если население их составляло не менее 500 чел. (по сведениям 1916–1919 гг.). В-четвертых, дачные поселки и курорты, не находившиеся в черте других поселений и имевшие не менее 500 жителей. В исключительных случаях к городским поселениям относили и прочие населенные места, фактически находившиеся в ведении сельских Советов, но при условии, что в них проживало не менее 2 тыс. чел. и их население занималось преимущественно торговлей и промышленностью, а не сельским хозяйством¹. Для получения точных сведений о численности горожан в инструкции ЦСУ «О подготовительных работах губстатбюро к производству переписи», поступившей на места в июне 1920 г., указывалось на недопустимость смешения в одном счетном участке городских и сельских поселений².

В период проведения Всесоюзной городской переписи населения 1923 г. при отнесении конкретного населенного пункта к городскому переписчики руководствовались критериями 1920 г., что и отмечалось в инструкции ЦСУ о производстве демографической переписи³. Перепись 1923 г. должна была проводиться в городах и поселениях городского типа по твердому списку, установленному ЦСУ. В Екатеринбургской губернии в него вошло 92 поселения. Но во время обсуждения данного списка Екатеринбургская губернская статистическая конференция пришла к выводу, что некоторые из значившихся в нем поселений по условиям данного времени и критериям, предъявлявшимся к городским населенным пунктам, не подходили под категорию городских поселений, и внесла в него следующие коррективы. Во-первых, из списка городских поселений губернии были исключены Сухогорский завод и Богословские копи Верхотурского уезда, железнодорожная станция Юшала с прилегавшим поселком Камышловского уезда и Асбестовые государственные копи Нижнетагильского уезда. Во-вторых, одновременно в него было внесено 31 поселение, не значившееся таковым в предыдущей

¹ Всеобщая перепись 1920 года: Демографическо-профессиональная ... С. 12; Труды ЦСУ. Т. 1. Вып. 1. С. 8.

² ГАКО. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 6. Л. 72 об.

³ Архив ЗГО. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 119. Л. 42.

переписи. В Верхотурском уезде это рудник Ауэрбаховский; Екатеринбургском – села Уктус и Шарташ, являвшиеся пригородами Екатеринбурга, Атигский, Березовский, Быньговский, Верхне-Тагильский, Мариинский, Пышминский, Сылвинский, Уткинский, Шайтанский и Шуралинский заводы, железнодорожная станция Кузино; Ирбитском уезде – пригородные деревни Грязнуха, Мельникова и Подкорытова; Камышловском – пригородные деревни Бараба и Насонова и село Закамышловское; Красноуфимском – завод Сарс и железнодорожная станция Чад; Тагильском – пригородная деревня Фотиева, Коноваловский, Лаиский и Николо-Павловский заводы и прииск Песчанка; Шадринском – пригородные деревни Ершова, Осеева, Туманова и Хлызова. Из 31 поселения, вошедшего в список городской переписи 1923 г., 13 представляли собой пригороды, которые обеспечивали жителей городов продуктами питания и жильем. Таким образом, обновленный список городских поселений Екатеринбургской губернии включал уже 100 населенных пунктов, то есть на 27 больше, чем во время переписи 1920 г. В него вошли 13 городов (Екатеринбург, Алапаевск, Верхотурье, Далматов, Ирбит, Каменск, Камышлов, Красноуфимск, Кыштым, Надеждинск, Невьянск, Нижний Тагил, Шадринск). И этот список был утвержден ЦСУ¹.

Аналогичная работа по корректировке списка городских поселений, выработанного ЦСУ, была проведена и в других губерниях. Обновленный список их в Пермской губернии, впоследствии утвержденный ЦСУ, включал 57 поселений, в том числе 9 городов (Пермь, Дедюхин, Кунгур, Оса, Оханск, Сарапул, Соликамск, Усолье, Чердынь)². В Челябинской губернии перепись 1923 г. должна была проводиться в 31 городском населенном пункте, в том числе в 7 городах (Челябинске, Верхне-Уральске, Златоусте, Кургане, Куртамыше, Миассе, Троицке)³. В Тюменской губернии – в 17 городских поселениях, из которых 7 были городами (Тюмень, Тобольск, Туринск, Ишим, Березов, Сургут, Ялуторовск)⁴.

¹ Пережигин С.И. Предварительные итоги профессионально-демографической переписи 15 марта 1923 года по Екатеринбургской губернии // Губерния в цифрах. 1923. № 4. С. 15–16.

² Шубин Р. Указ. соч. С. 61–62.

³ Предварительные итоги Всероссийских городских переписей 15 марта 1923 г. по Челябинской губернии. С. 3.

⁴ Подсчитано по: Уральский статистический ежегодник, 1923–1924 г. С. 59–66.

В 1923 г. как горожане были переписаны не только жители собственно городских поселений, но и население пригородных местностей, лежавших за пределами городской чертой, но тесно связанных с городом и составлявших с ним единое целое в экономическом отношении¹. Так были переписаны в Екатеринбургском округе села Уктус и Шарташ, Атигский, Быньговский, Верхне-Тагильский, Мариинский, Полевской, Сылвинский, Уткинский и Шуралинский заводы, железнодорожная станция Кузино; Ирбитском – пригородные деревни Грязнуха, Мельникова и Подкорытова; Ишимском – пригороды Алексеевский, Жилияковский и Ново-Серебрянский; Кунгурском – заводы Сарс и железнодорожная станция Чад; Курганском – Боровлянский завод и железнодорожная станция Макушино; Пермском – заводы Юго-Камский и Юговской; Сарапульском – Бикбардинский и Михайловский заводы; Тагильском – Коноваловский, Лайский и Нижне-Павловский заводы, прииск Песчанка и пригородная деревня Фотиева; Тобольском – село Самаровское и предместье Завальное; Троицком – Полтаво-Брединские копи и Балканский прииск; Тюменском – Петровский завод; Челябинском – железнодорожные станции Шумиха, Юргамыш и Полетаево; Шадринском – пригороды Закамышловское, Бараба, Ершова, Насонова, Осеева, Туманова и Хлызова; Златоустовском округе – рудник Бакальский, железнодорожные станции Бердяуш, Вязовая, Жукатау и Кропачево, Никольский и Петропавловский заводы².

Результаты переписи 1923 г. показали, что, несмотря на произведенную чистку перечня городских поселений, в качестве поселков городского типа было переписано немало чисто сельских поселений, особенно в категории местечек и торгово-промышленных сел. Большинство их уже утратило характер бойких торговых центров и превратилось в села. Однако в 1923 г. при составлении списка торгово-промышленных сел, подлежащих переписи в качестве городских поселений, не было еще достаточно материала для точного определения, удовлетворяли ли они установленному городскому цензу³.

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 119. Л. 42.

² Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. С. 67.

³ Квиткин О. Указ. соч. С. 13–14.

В последующий период центральные органы власти свои основные усилия направили на выработку принципов упорядочения и регистрации городской поселенческой сети. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках» от 15 сентября 1924 г. определило четкие критерии городского поселения. Им считался населенный пункт, в котором взрослое население насчитывало не менее 1000 чел. и сельское хозяйство являлось основным занятием не более чем для 25 % его жителей¹. В дальнейшем этот нормативно-правовой акт был дополнен постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР «О рабочих поселках» (1926 г.), «О курортных поселках» (1927 г.) и «О дачных поселках» (1928 г.)². Таким образом, в соответствии с новыми правилами учета городские поселения стали делиться на две категории: города и поселки городского типа (рабочие, курортные, дачные).

В рассматриваемый период было положено начало процессу упорядочивания территории города. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 марта 1925 г. особо подчеркнуло, что включение в городскую черту сельских и иных поселений допускалось только с разрешения ВЦИК³. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 августа 1926 г. «О порядке регистрации и наименования возникающих поселений»⁴ и инструкция «О порядке регистрации, наименования и учета населенных пунктов», утвержденная Административной комиссией при Президиуме ВЦИК 30 декабря 1926 г.⁵, определили порядок учета населенных пунктов. Малый президиум Уралоблисполкома, руководствуясь данными нормативно-правовыми актами, в октябре 1926 г. возложил регистрацию вновь возникавших поселений на территории Уральской области на административные отделы окружных исполнительных комитетов Советов. Она осуществлялась на основании Инструкции о порядке прохождения дел по изменениям в административном со-

¹ СУ РСФСР. 1924. № 73. Ст. 726.

² О рабочих поселках: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 27 сентября 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 65. Ст. 509; О курортных поселках: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 6 июня 1927 г. // СУ РСФСР. 1927. № 56. Ст. 384; О дачных поселках: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июня 1927 г. // СУ РСФСР. 1928. № 8. Ст. 70.

³ О порядке включения в городскую черту сельских и иных поселений: постановление ВЦИК и СНК РСФСР // СУ РСФСР. 1925. № 21. Ст. 155.

⁴ СУ РСФСР. 1926. № 60. Ст. 460.

⁵ См.: Мазур Л.Н., Бродская Л.И. Указ. соч. С. 100.

ставе Уральской области, утвержденной 7 декабря 1926 г. административно-финансовой комиссией Уралоблисполкома¹.

В соответствии с принятыми нормативными документами были пересмотрены и объявлены новые списки городов регионов. Список городов Уральской области был утвержден Президиумом ВЦИК 5 апреля 1926 г.² В него были внесены существенные коррективы. Во-первых, официальный статус города получили Кизел, Кушва, Лысьва, Миасс, Мотовилиха и Надеждинск³. Во-вторых, такие города, как Березов, Дедюхин, Далматов, Куртамыш и Сургут, были преобразованы в сельские населенные пункты. В список разжалованных городов попал и один из старейших уральских городов Верхотурье, получивший статус города еще в 1598 г., но к середине 1920-х гг. утративший свое былое экономическое значение. В-третьих, города Воткинск, Каменск и Кыштым, равно как Нижне-Салдинский завод и Чусовую по статусу отнесли к рабочим поселкам. В итоге на Урале в законодательном порядке признавалось 32 города, вместо 27-ми в 1923 г. Это: Свердловск, Алапаевск, Верхнеуральск, Златоуст, Ирбит, Ишим, Камышлов, Кизел, Красноуфимск, Кунгур, Курган, Кушва, Лысьва, Миасс, Надеждинск, Невьянск, Нижний Тагил, Оса, Оханск, Пермь, Мотовилиха, Сарапул, Соликамск, Тобольск, Троицк, Туринск, Тюмень, Усолье, Челябинск, Чердынь, Шадринск, Ялуторовск.

Одновременно с уточнением официального списка городов началась работа по подготовке к новой переписи. По цензу предстоявшей Всесоюзной переписи населения 1926 г. городские поселения, как и в 1920 и 1923 гг., включали не только города, признанные таковыми в законодательном порядке, но и так называемые поселки городского типа. К ним относились фабрично-заводские, станционные и дачные поселки и местечки с населением не менее 500 чел. при условии, что не менее половины их самодеятельных лиц занимались не сельским хозяйством, а также торгово-промышленные села с числом жителей не менее 2 тыс. чел.⁴

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 832. Л. 3, 5, 6 об., 53 об.

² Об утверждении списка городов Уральской области: постановление Президиума ВЦИК от 5 апреля 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 21. Ст. 170.

³ См.: приложение 2.

⁴ Всесоюзная перепись населения 19 дек. 1926 года. Предварительные итоги. 2-й вып.: Города и поселения городского типа (Европейская часть РСФСР, Белорусская ССР, Украинская ССР и Закавказская СФСР). М., 1927. С. 3.

Но в 1926 г., в отличие от 1923 г., при отнесении населенного пункта к городскому условию, чтобы не менее половины самодеятельного населения занималось не сельскохозяйственной деятельностью, требовалось и фабрично-заводским, станционным и дачным поселкам, а не только торгово-промышленным селам.

В целом, начиная с переписи 1920 г., при производстве всех последующих переписей советские статистики понимали термин «городское население» в статистическом плане гораздо шире, чем в повседневной жизни. Обычно к городскому населению относили жителей городов, фабрично-заводских, рабочих, дачных и курортных поселений, утвержденных ВЦИК в качестве таковых. Но в статистическом смысле основными признаками, на основании которых населенные пункты делились на городские и сельские, служили численность и занятие населения. Все эти поселения, не числившиеся официально городскими, в административном отношении входили в сельские Советы и подлежали обложению сельскохозяйственным налогом. Но по занятиям большинства своих жителей они статистикой условно относились к городским и подлежали переписи как таковые. В дальнейшем все города и поселки городского типа были объединены одним термином «города», под «прочими городами» стали понимать города и городские поселения не окружного значения¹.

Еще с осени 1925 г. Уральское областное статистическое бюро начало работу по составлению списка населенных пунктов региона², а уже 4 декабря того же года его переписной отдел направил в окружные статбюро проекты списков городских поселений округов для их проверки и доработки³.

С учетом ценза городского поселения комиссия по проведению Всесоюзной переписи 1926 г., созданная при ЦСУ, утвердила список городских поселений Урала. В него не вошли 38 поселений, которые значились городскими по цензу 1923 г. Это: в Верхне-Камском округе поселки Усть-Усолка и Березники; Златоустовском – железнодорожная станция Жукатау, Никольский и Петропавловский заводы; Ирбитском – деревни Грязнуха, Мельникова, Подкорытова; Кунгурском –

¹ Лебедев Ф.Н. Семья и социальный состав уральского города. 1930. С. 2–3.

² ГАКО. Ф. Р–13. Оп. 1. Д. 22. Л. 49.

³ Архив ЗГО. Ф. Р–118. Оп. 1. Д. 202. Л. 56.

Сарсинский и Суксунский заводы; Курганском – железнодорожные станции Чад, Макушино и Юргамыш; Сарапульском – Бикбардинский завод и Ножавка, Частинские торфоразработки; Свердловском – Быньговский, Сылвинский и Шайтанский заводы; Тагильском – деревня Фотиева, Коноваловский завод, поселок и железнодорожная станция Кын, Верхотурье; Тобольском – села Обдорское и Самаровское; Троицком – Антрацитовые Копи; Челябинском – железнодорожная станция Полетаево; Шадринском – деревни Ершова, Осеева, Туманова, Хлызова, Бараба, Насонова, села Закамышловское и Далматова, железнодорожная станция Богданович, Черемшанские копи. Из 38 перечисленных поселений 11 значились пригородами по городскому цензу 1923 г. В результате более точного определения понятия «пригород» они вновь стали сельскими поселениями¹. 12 населенных пунктов (Жукатау, Никольский, Сарсинский, Чад, Частинские торфоразработки, Коноваловский, Кын, железнодорожная станция Верхотурье, Антрацитовые копи, Богданович, Черемшанские копи и Березники), имея чисто рабочее население, по числу своих жителей не соответствовали городскому цензу 1926 г., в каждом из них проживало менее 500 чел. В остальных поселениях по разным причинам большинство жителей стало заниматься в основном сельским хозяйством².

Одновременно в список городских поселений Урала было включено 6 населенных пунктов, не значившихся таковыми в 1923 г. Это: поселки Левшино и Теплая Гора Пермского округа, рабочие поселки Усть-Зырянка и Усьва Верхнекамского округа, рабочий поселок Пласт (Екатеринбургский) Троицкого округа и Трудовой поселок Златоустовского округа. При этом Левшино и Теплая Гора уже числились таковыми в 1920 г., но затем, как потерявшие городской ценз, были исключены из списка 1923 г. Накануне переписи 1926 г. они благодаря развитию своей промышленности снова стали городскими поселениями.

В период подготовки к переписи 1926 г. ряд городских населенных пунктов Уральской области был объединен в одно поселение под общим названием. Так, Ленинские копи, копи Володарского и Троцкого вошли в состав Кизела; Верхняя

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 205. Л. 56–58 об.

² Гридин Н. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. в городах... С. 2.

Губаха (пос. Калининский), Нижняя Губаха (пос. Крупской), пос. Рыкова и пос. Кизел-Строй объединились под общим названием «Губаха»; пос. Старо-Половинка, копи Труда и Урицкого и железнодорожная станция Половинка составили единое городское поселение под названием «Половинка»¹.

Окончательный список городских населенных пунктов Урала для Всесоюзной переписи населения 1926 г. включал 159 городских поселений², в том числе 31 город (Пермь и Мотовилиха рассматривались как единое целое) и 128 поселков городского типа³. Городская поселенческая сеть Уральской области оказалась больше, чем Ленинградско-Карельского района (113 городских населенных пунктов), Средне-Волжского (79), Башкирской АССР (23), но меньше, чем Центрально-Промышленного района (332)⁴. Удельный вес городских поселений Уралобласти составил в СССР, в котором насчитывалось 1929 городских населенных мест, 8,2 %, РСФСР (1240 подобных поселений) – 12,8 %⁵.

При подготовке к переписи 1926 г. важнейшее значение придавалось установлению территории городских поселений. Формальным признаком для признания городской территории обычно являлась официально установленная и нанесенная на городской план так называемая городская черта. Однако целый ряд уральских городов имел юридически оформленную городскую черту с неясными очертаниями, которая вызывала сомнения и разноречивые толкования. Директива ЦСУ для определения территорий городских поселков была основана на принципе населенного пункта как совокупности лиц, проживавших на территории, объединенной непрерывностью застройки⁶. В итоге для определения территории и состава городского поселения были приняты следующие основания. Во-первых, по городам с утвержденной городской чертой в перепись включалась вся территория в ее пределах. Пригороды, находившиеся вне городской черты и подчиненные сельскому управлению, но связанные с городом сплошной застройкой, также вхо-

¹ Гридин Н. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. в городах... С. 2.

² Лебедев Ф. Население Урала (Первые итоги переписи 1926 г.) С. 141.

³ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 19 дек. 1926 года. Предварительные итоги. С. 28–32.

⁴ Население России в XX веке. Т. 1. С. 219.

⁵ Там же.

⁶ Гридин Н. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. в городах... С. 2–3.

дили в его состав. В результате к Свердловску было отнесено 4 пригорода, Челябинску – 6, Перми и Красноуфимску – по 9¹. Во-вторых, по городам, не имевшим утвержденной городской черты, и поселениям городского типа в перепись включалась территория в границах сплошной застройки². При этом при решении вопроса о присоединении пригорода к городскому поселению, в отличие от городской переписи 1923 г., необязательно было исходить из наличия экономических связей между ними³.

Для Урала принцип сплошной застройки, положенный ЦСУ для определения границ территории городских поселений, оказался неосуществимым из-за пересеченной местности. Большинство горпоселений располагалось по склону Уральского хребта. Усадьбы были разбросаны по горам, а вершины и глубокие лоцины представляли собой пустые пространства. Поэтому считать пригородами отделенные несколькими десятками или сотней шагов составные части одного и того же поселения, приняв центральную часть за поселок, не было никаких оснований. Более того, в большинстве случаев эти части не носили отдельных названий. В экономическом и административном отношении они представляли собой одно целое, а занятия и быт их жителей были однородными. Кроме того, на Урале имелись и такие поселки, которые не входили в пределы установленной городской черты и даже отстояли от города на несколько километров. Но они настолько были тесно связаны с городом в экономическом, бытовом и жилищном плане, что составляли часть его, хотя по директиве ЦСУ и не подходили под понятие «пригород». Вот почему переписная комиссия Уральского статуправления рекомендовала окружным статистическим бюро при установлении территории конкретного городского поселения исходить из его фактической планировки и территориальной совокупности его частей и не принимать во внимание наличие небольших пустырей между его районами.

¹ Красильников М.П. Население Урала и Северной Азии. С. 60.

² Воблый В.К., Пустоход П.И. Переписи населения (их история и организация). М.; Л., 1940. С. 118.

³ Подъячих П.Г. Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 52–53.

В тех же случаях, где это не нарушало фактической распланировки городского поселения, для установления городской территории основным признаком ее должна была считаться непрерывность застройки между образующими городское поселение отдельными его частями. Особое внимание обращалось на правильное включение в состав городских поселений пригородов, слобод и т.п. Это допускалось только при соответствии основному требованию – непрерывности застройки. При установлении городской территории не допускалось включение в ее состав изолированных от города населенных пунктов, находившихся за городской чертой, и представлявших обособленные населенные пункты (бойни, отдельно стоявшие промышленные заведения и т.п.).

Переписная комиссия Уралстатуправления особо подчеркивала, что территории городских поселений для переписи 1926 г. следовало оформлять постановлениями межведомственной комиссии в составе представителей окрместхоза, окрфо, окрзу, окрорготдела и окрстатбюро. Решения комиссии по каждому городскому поселению должны были быть мотивированными и четко определять состав конкретной городской территории. В отношении городов, где существовала официально установленная городская черта, в протоколе межведомственной комиссии следовало привести ее описание и указать, какая именно территория заключалась в пределах городской черты. Уралстатуправление считало вышеизложенное правильным выходом из сложного положения с определением городских территорий в крае, так как оно позволяло учесть и принципы, разработанные ЦСУ, и особенности планировки городских поселений в регионе¹.

Работа по определению городской черты была длительной. Президиум ВЦИК своим решением от 7 декабря 1925 г. установил предельный срок ее – первое января 1929 г. Малый президиум Уралисполкома 11 января 1926 г. поручил окрисполкомам установить очередность исполнения городами работ по оформлению городской черты. Тюменский окрисполком, выполняя данное решение, 19 февраля 1926 г. определил срок для установления городской черты Тюмени (пер-

¹ Гридин Н. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. в городах... С. 3.

вое октября этого же года) и Ялуторовска (первое января 1928 г.). Тагильский окрисполком 30 марта 1926 г. постановил провести работы по отводу городских земель в течение двух лет. Ирбитский окрисполком 19 апреля 1928 г. решил оставить городские владения в прежних границах из-за отсутствия вторжения сельских поселений в городскую черту¹. Заседания с подобной повесткой провели и другие окрисполкомы области. Малый президиум Уралоблисполкома 26 апреля 1926 г., опираясь на решения окружных исполкомов, утвердил окончательный календарный план работ по установлению границ городов и прочих городских поселений области². В дальнейшем межведомственные комиссии при окрисполкомах Урала утвердили селитебную черту поселений региона, в рамках которой должна была пройти перепись городского населения в декабре 1926 г.³ Проведенная накануне переписи работа по определению городской черты поселений позволила более точно определить численность горожан в Уральской области.

Между переписями 1926 и 1937 гг. на Урале значительно изменился список городских населенных пунктов. Во-первых, в ходе развернувшегося в крае промышленного строительства возникли новые города и рабочие поселки. 16 октября 1929 г. Уралоблисполком постановил создать первого января 1930 г. в поселке Магнитогорском поселковый Совет⁴, а уже 10 июня 1931 г. Президиум ВЦИК преобразовал поселок на территории строительства Магнитогорского металлургического завода в город и присвоил ему наименование «Магнитогорск». Одновременно к категории рабочих поселков был отнесен созданный на территории строительства Красноуральского медеплавильного комбината «Уралмедьстрой» населенный пункт с наименованием «Красноуральск»⁵.

Во-вторых, расширился список городов, признанных таковыми в законодательном порядке. Официальный статус города получили 13 населенных пунктов, в том числе в 1931 г. – Магнитогорск, 1932 г. – Березники, Калата, Красноуральск;

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 875. Л. 1, 5, 9–10, 13.

² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 875. Л. 23 об.

³ См., к примеру, ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 848. Л. 17–18 об.; Архив ЗГО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 205. Л. 95–95 об.

⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2155. Л. 1.

⁵ Об изменениях в составе городов, рабочих поселков и районов Уральской области: постановление Президиума ВЦИК от 10 июня 1931 г.// Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уралоблисполкома. 1931. № 35. С. 501.

1933 г. – Асбест, Аша, Карабаш, Копейск, Первоуральск, Чусовой; 1934 г. – Кыштым; 1935 г. – Каменск и Ревда¹.

В-третьих, продолжилась работа по изменению статуса ряда городских населенных пунктов. Административная комиссия ВЦИК по поручению Президиума ВЦИК направила в регионы циркуляр № 3 от 19 февраля 1927 г. за подписью заместителя председателя Административной комиссии ВЦИК Егорова. Он обязывал местные власти не позднее первого апреля указанного года представить свои соображения о целесообразности отнесения городов, имевших менее 100 тыс. жителей и значительный процент сельского населения, к категории сельских поселений². В Уралобласти подобные изменения должны были коснуться городов Верхнеуральска, Камышлова, Осы, Оханска, Соликамска, Туринска, Усоля, Чердыни и Ялуторовска. Однако окружные исполкомы отстояли их право быть городами. Так, Троицкий окрисполком в письме в Уралоблисполком от 20 мая 1927 г. справедливо отмечал, что уменьшение населения Верхнеуральска в 1923 г., по сравнению с 1920 г., вызвано послевоенной разрухой и последствиями голода 1921 г., что было свойственно всем районам южной части округа. Но позже, несмотря на ликвидацию в 1924 г. в городе уездного центра (что также сказалось на его демографическом состоянии), общего уменьшения населения уже не наблюдалось, наоборот, наметилась тенденция к его увеличению. Сарапульский окрисполком в письме в Уралоблисполком от 7 июля 1927 г. указывал, что по социальному составу и своим основным занятиям население Осы соответствовало городскому³.

В-четвертых, шел процесс укрупнения городов. Президиум Уралоблисполкома первого июля 1927 г. поддержал просьбу Пермского окрисполкома о слиянии Перми с Мотовилихой. Учитывая положительное заключение Административной комиссии ВЦИК о целесообразности данного процесса⁴, Президиум ВЦИК 14 октября 1927 г. утвердил объединение Перми и Мотовилихи в единый

¹ См.: приложение 2.

² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1239. Л. 5.

³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1239. Л. 15, 20.

⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1248. Л. 5, 56, 59.

город с присвоением ему наименования «Пермь»¹. Однако уже 23 июля 1931 г. секретариат Уралобкома ВКП (б) принял решение о восстановлении административной самостоятельности города Молотово (бывшей Мотовилихи) и выделении его из состава Перми². Президиум ВЦИК 17 сентября 1928 г. включил в черту города Ишима Алексеевский и Ново-Серебрянниковский поселки Жиликовского района³. 16 декабря 1931 г. секретариат Уралобкома ВКП (б) утвердил постановление фракции ВКП (б) Уралоблисполкома об объединении Березников и Усоля в единый город⁴, а 17 августа 1933 г. Президиум ЦИК СССР переименовал г. Усолье, объединенный с рабочими поселками Веретея, Дедюхино, Ленва, Усть-Зырянка и Чуртан, в город Березники⁵.

Одновременно с уточнением списка уральских городов шел процесс упорядочения перечня рабочих поселков региона. Это было необходимо в связи с ликвидацией одних промышленных предприятий и созданием других. К осени 1927 г. были ликвидированы Сосьвинский, Усть-Александровский, Бисерский, Палазнинский, Черноисточенский, Верхне-Шайтанский, Верхне-Уткинский, Выйский, Ильинский, Ново-Уткинский, Верхнейвинский, Никольский, Верхне-Тагильский и Шуралинский заводы⁶. С ними потеряли свое былое значение и поселки при них. В области при организационном отделе Уралблисполкома была создана специальная комиссия под председательством Плешкова по установлению поселений, которые могли быть отнесены к категории рабочих поселков. По ее представлению президиум Уралоблисполкома на своих заседаниях 5 января и 18 апреля 1927 г. одобрил список рабочих поселков в регионе⁷.

Президиум ВЦИК в дополнение к уже утвержденному 5 апреля 1926 г. перечню рабочих поселков края (Чусовой, Воткинск, Кыштым, Нижне-Салдинский

¹ Об объединении городов Перми и Мотовилихи, Пермского округа, Уральской области, в один город: постановление Президиума ВЦИК // СУ РСФСР. 1927. № 110. Ст. 739.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 67. Л. 1.

³ О включении в черту города Ишима, Уральской области, Алексеевского и Ново-Серебрянниковского поселков, Жиликовского района: постановление Президиума ВЦИК от 17 сентября 1928 г. // СУ РСФСР. 1928. № 123. Ст. 776.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 86. Л. 6.

⁵ О переименовании г. Усолье, объединенного с рабочими поселками: Веретея, Дедюхина, Ленвой, Усть-Зырянка и Чуртан, в город Березники: Постановление Президиума ЦИК СССР от 17 августа 1933 г. // СЗ СССР. 1933. № 53. Ст. 311.

⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1571. Л. 51.

⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1240. Л. 10, 22–25.

и Каменск) 27 августа 1928 г. добавил еще 55 населенных пунктов Уральской области данной категории. В Верхне-Камском округе это Александровский, Всеволодо-Вильва, Губаха (в составе копей им. Калинина, им. Рыкова, Крупской, Кизелстрой, железнодорожной станции Губаха), Половинка, Веретя, Дедюхино, Ленва, Чуртан, Ивака; Златоустовском – Вязовая, Катав-Ивановский, Усть-Катавский, Юрюзань, Куса, Миньяр, Аша, Бакал, Бердяуш, Сатка; Ирбитском – Верещагино, Добрянка, Левшино, Нытва, Чермоз, Бисер, Теплая Гора; Свердловском – Нижне-Исетский, Уктус, Асбест, Березовский, Артемовский (Егоршино, Ключевск, Бурсульские копи), Карабаш, Верх-Нейвинский, Калата, Нейво-Рудянка, Кузино, Перво-Уральский, Полевской, Северский, Нижние Серьги, Сысерть, Верхний Уфалей, Нижний Уфалей; Тагильском – Верхняя Синячиха, Баранчинский, Верхняя Тура, Лобва, Новая Ляля, Богословский, Турьинский; Тюменском – Троицкий; Челябинском – Копи¹.

Процесс образования новых рабочих поселков продолжался и позже. Первого февраля 1929 г. президиум Верхне-Камского окружного исполкома выделил Чуртан из состава Веретийского рабочего поселка в самостоятельное административное образование. 25 февраля 1929 г. Президиум ВЦИК отнес к категории рабочих поселков Верхнюю Салду Свердловского округа. Общее собрание граждан, проживавших на Вишерских заводах, 3 октября 1930 г. постановило организовать на Вишере поселковый Совет и утвердить название поселка «Красновишерск»².

В целом, благодаря процессу преобразования населенных пунктов в городские, активно протекавшему во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг., выросло число городских поселений. Если на первое января 1932 г. в Уральской области существовало 35 городов и 78 рабочих поселков³, то к началу 1933 г. соответственно – 35 и 103⁴. В 1934 г. в результате расформирования Уральской области из состава вновь сформированных областей региона вышли города Ишим, Тюмень, Воткинск, Сарапул, Тобольск и Ялуторовск.

¹ Об утверждении списка рабочих поселков Уральской области: постановление Президиума ВЦИК от 27 августа 1928 г. // СУ РСФСР. 1928. № 120. Ст. 755.

² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1571. Л. 1; Д. 2682. Л. 25; Д. 4643. Л. 17.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 276. Л. 76.

⁴ Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. С. 293–296.

Накануне Всесоюзной переписи населения 1937 г. в уральских областях по-прежнему действовало два списка городских поселений. Во-первых, список городских поселений, которые ВЦИК утвердил в законодательном порядке. В основу данного списка был положен принцип административной принадлежности. Во-вторых, вдвое больший переписной перечень, принятый еще при переписи 1926 г., когда населенные пункты были разделены на городские и сельские по принципу численности и занятия большинства населения¹. Во время переписи 1937 г. основным признаком городского поселения стало признание в законодательном порядке населенного пункта городом или поселком городского типа. Одновременно к городским отнесли и поселения по прежним критериям: количеству жителей и их занятию несельскохозяйственным трудом. Правда, в отличие от переписи 1926 г., в дачных и курортных поселках принимали во внимание их население в зимнее время².

Таким образом, в основу списка поселений городского типа для переписи 1937 г. был положен перечень городских населенных пунктов, составленный для переписи 1926 г., с добавлением новых городских поселений, возникших в 1927–1936 гг. на основе промышленного строительства.

За период между переписями 1926 и 1937 гг. произошли важные изменения в городской поселенческой сети Челябинской области. Во-первых, помимо утвержденных ВЦИК новых городов и поселков городского типа (Магнитогорск, Еманжелинск, Коркино, Горняк и ст. Карталы), в крае на базе строительства небольших предприятий местного значения возникли самостоятельные поселения. Во-вторых, население ряда старых поселков сельского типа изменило характер своей деятельности. В силу этих реалий отмеченные населенные пункты должны были получить городской статус. Бюро переписи населения при ЧелябиноблУНХУ представило в ЦУНХУ Госплана СССР дополнительный список на 38 поселков, которые, согласно переписному цензу 1937 г., можно было отнести к городским. Из данного перечня Всесоюзная переписная комиссия ЦУНХУ утвердила 25 но-

¹ Уральское хозяйство в цифрах. 1930 г. Вып. 1. С. 216.

² Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информ. письмо № 5. С. 18.

вых поселков городского типа. Одновременно она разукрупнила часть их и включила в близлежащие города на положении агломератов, так как эти поселки были связаны с ними сплошной застройкой. Агломераты возникли при Магнитогорске, Каменске и Копейске¹. В итоге в период переписи 1937 г. в Челябинской области насчитывалось 15 городов (Челябинск, Аша, Верхнеуральск, Златоуст, Каменск-Уральский, Камышлов, Карабаш, Копейск, Курган, Кыштым, Магнитогорск, Миасс, Троицк, Шадринск), 24 рабочих поселка (Аргаяш, Бакал, Балканы, Бердяуш, Верхний Уфалей, Вязовая, Горняк, Еманжелинск, Карталы, Касли, Катав-Ивановский, Коркино, Кропачево, Куса, Миньяр, Нижний Уфалей, Нязепетровск, Пласт, Сатка, Сим, Талица, Троицкий, Усть-Катавский, Юрюзань)², помимо прочих поселков городского типа.

Аналогичная работа по приведению в порядок поселенческой сети была проделана и в Свердловской области. Еще в феврале 1936 г. Бюро переписи населения при СвердблУНХУ своим циркулярным письмом определило порядок составления списка населенных пунктов, в основу которого был положен перечень населенных мест для переписи 1926 г.³ Тогда на территории будущей Свердловской области насчитывалось 18 городов и 88 поселений городского типа. Однако к середине 1930-х гг. одни из них уже утратили городской характер (Марьинский завод и др.), другие – самостоятельность, став пригородом или частью соседнего города (Березники, например, были образованы, как уже отмечалось ранее, из Усоля и шести поселков). В результате быстрого роста промышленности в регионе значительно увеличилось число рабочих поселков. По подсчетам О.И. Валитовой, в Свердловской области с 1928 по 1937 гг. было организационно оформлено 45 рабочих поселков. Многие из них в течение нескольких лет были реорганизованы в города⁴. Накануне переписи 1937 г. в крае существовало 154 городских населенных пунктов, в том числе 25 городов, 76 рабочих поселков и 53 посе-

¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 810. Л. 11.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 113. Л. 178–179.

³ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26977.2. Л. 70.

⁴ Валитова О.И. Указ. соч. С. 55–56.

ления городского типа¹. В перечень городов включили Свердловск, Алапаевск, Асбест, Березники, Ирбит, Кизел, Кировград, Красноуральск, Красноуфимск, Кунгур, Кушва, Лысьва, Молотово, Надеждинск, Невьянск, Нижний Тагил, Оса, Оханск, Первоуральск, Пермь, Ревда, Соликамск, Туринск, Чердынь, Чусовой. К рабочим поселкам отнесли Александровский, Кудымкар, Артельный, Артемовский, Арти, Атек, Баранчинский, Белоречка, Березовский, Билимбай, Бисер, Богданович, Боровск, Валериановск, Верещагино, Верх-Нейвинский, Верхне-Чусовские городки, Верхняя Салда, Верхняя Тура, Висим, Всеволодо-Вильва, Губаха, Дегтярка, Добрянка, Закамск, Ивака, Изумруд, Ис, Карпуха, Ключевск, Косья, Красновишерск, Краснокамск, Критановск, Кузино, Кытлым, Левиха, Левшино, Лобва, Луньевка, Малочанский, Монетный, Нейво-Рудянский, Нейво-Шайтанский, Нижняя Салда, Нижние Серьги, Нижняя Тура, Новая Ляля, Новоасбест, Новоуткинский, Нытва, Очер, Павловск, Пашня, Полевской, Половинка, Пышма, Реж, Рудничий, Сарана, Северский, Среднеуральск, Староуткинский, Суксун, Сухой Лог, Сысерть, Теплая Гора, Туринский, Угольный, Уралец, Усьва, Цементный, Чермоз, Черноисточенский, Юго-Камский².

В период между переписями 1926 и 1937 гг. происходил рост территории старых городов и городских поселений за счет строительства новых кварталов в порядке застройки и слияния с близлежащими деревнями и селами, расположенными по направлению развернувшегося нового городского строительства. В связи с этим особое значение приобрела проблема определения территории отдельного городского поселения. Еще 11 февраля 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР своим постановлением определили критерии городской и поселковой черты вновь образованных городов, рабочих, дачных и курортных поселков³. В соответствии с ними в состав городской черты включались все застроенные кварталы вместе с площадями, улицами, переулками и местами общественного пользования, а также примыкавшие к ним земли, необходимые для нормального функционирования насе-

¹ Величковский Т. Свердловская область готовится к переписи населения // План. 1936. № 18. С. 55; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 104.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 113. Л. 142–147.

³ Об определении городской или поселковой черты вновь образованных городов, рабочих, дачных и курортных поселков: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 11 февраля 1929 г. // СУ РСФСР. 1929. № 17. Ст. 178.

ленного пункта. Постановление обязало городские поселения, образованные до издания данного нормативного акта, произвести определение городской черты в трехлетний срок со дня события, а поселения, образованные после выхода его, – в течение трех лет с момента их образования.

Во время переписи 1937 г. ЦУНХУ Госплана СССР для определения территории городского поселения приняло единственный чисто формальный признак – черту сплошной застройки, хотя, по мнению статистика П.И. Пустохода¹, это не всегда совпадало с действительными границами города. Более того, в результате такого подхода села и деревни, примыкавшие к нему, в отдельных случаях даже отделенные от него оврагом или рекой, включались в его состав и, следовательно, неиндустриальное их население причислялось к городскому.

В то же время в состав городов не были включены официально входившие в городскую черту и подчиненные юрисдикции горсоветов обособленные рабочие поселки, возникшие при новостройках или вокруг уже действовавших промышленных предприятий, построенных в некотором отдалении от основного массива города. Эти поселки, если количество населения в них не отвечало формальным требованиям городского ценза, относились к сельским поселениям, хотя их население не имело связи с сельским хозяйством. Следствием такого определения границ городских поселений явилось то, что при переписи во многих случаях были получены данные о численности населения не только реально существовавшего городского поселения, которым управлял данный городской или поселковый Совет, а искусственно составленного, иногда не имевшего ничего общего с фактическим составом городского населенного пункта.

Таким образом, и в период переписи 1937 г. по-прежнему сохранялось два перечня городских поселений – список, утвержденный в законодательном порядке, и вдвое больший переписной список. Границами городских поселений органы власти считали официально утвержденную городскую черту, совпадавшую, как правило, с территорией Советов городских поселений, но часто не охватывавшей

¹ См.: Воблый В.К., Пустоход П.И. Указ. соч. С. 129.

их в целом, как они сложились к этому времени. В статистике же в основу городских поселений был положен формальный признак сплошной застройки, еще больше искажавший их истинный состав¹.

Во время переписи 1939 г. органы НХУ всех уровней, учитывая уроки 1937 г., особое внимание обязаны были уделить численности городского населения. Не случайно начальный этап подготовки к переписи включал составление списка городских населенных мест и определение их территорий в соответствии с важными изменениями: впервые он состоял только из городов и рабочих поселков, утвержденных таковыми в законодательном порядке. Все городские населенные пункты должны были переписываться в административных границах, которые с 1939 г. стали полностью совпадать с переписными².

С января 1938 г. Бюро переписи населения Свердловской области развернуло работу по уточнению административных границ городских поселений, завершившуюся к апрелю 1938 г. На каждый город и рабочий поселок были получены специальные справки горсоветов и райсоветов об их составе и административных границах, которые впоследствии были уточнены на планах³.

Для Челябинской области вопрос о границах городских территорий приобрел особое значение, так как большинство городов и рабочих поселков региона либо не имело утвержденной городской черты, либо данные о ней в условиях ускоренного роста городов устарели. Даже по таким крупным населенным пунктам, как Магнитогорск, Аша, Карабаш, Копейск, Кыштым и др., не удалось установить границу городской черты, утвержденную постановлением ВЦИК⁴.

Проблема границ городских территорий еще больше осложнялась тем, что часто смешивались понятия городской черты и административного подчинения территорий, а ЦУНХУ первоначально не вносил ясности в этот вопрос. Более того, он четко не определял границы городского поселения, в составе которого должна была разрабатываться перепись. В итоге относительно целого ряда горо-

¹ Подъячих П.Г. Указ. соч. С. 53.

² Подъячих П.Г. Указ. соч. С. 57.

³ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 9.

⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 685. Л. 1; Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 961. Л. 50.

дов Челябинской области возникла путаница в определении их переписной территории, так как большинство их (Аша, Златоуст, Кыштым, Уфалей и др.) имело в своем административном подчинении десятки населенных пунктов, отстоявших от основного массива на 40 и более км. По мнению И. Ясюкова, начальника Челябинского облУНХУ, городская черта не должна была включать поселения, находившиеся от города на расстоянии 5–10 и более км, только на том основании, что они обслуживались горсоветом¹.

Первоначально местные органы народнохозяйственного учета в своих справках в Челябинское облУНХУ не указывали, какие поселки и их части входили в городскую черту, а какие – только в административное подчинение. К примеру, городская черта Челябинска была утверждена ВЦИК еще в 1930 г. и уточнена Челябинским облисполкомом в 1932 г. из-за присоединения к городу ряда поселков. Но и это решение быстро устарело. В 1932 г. началось строительство новых промышленных объектов, вокруг которых возникли поселки Бакалстрой, Стальсбыт и др., часть которых оказалась фактически в управлении Сталинского райсовета Челябинска. Однако об их административной принадлежности городу не было ни постановления ВЦИК, ни Уральского (позже Челябинского) облисполкома². Более того, Челябинский горсовет отказывался от данных территориальных образований, а это в период переписи 1939 г. грозило уменьшением численности населения областного центра³, что не соответствовало директивам центральной власти накануне переписи. Президиум Челябинского горсовета 29 января 1938 г. обязал земельный планировочный отдел города уточнить городскую черту. Работа шла трудно. Городскому бюро переписи населения пришлось дважды возвращать земельному планировочному отделу планы на доработку, но полной точности так и не было достигнуто⁴. Только 27 декабря 1938 г. президиум Челябинского облисполкома рассмотрел вопрос об изменении и уточнении границ областного центра. Решение было направлено на утверждение Президиума Верховного Совета

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 14; ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 2. Д. 685. Л. 2; Ф. Р–274. Оп. 3. Д. 961. Л. 51.

² ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 2. Д. 685. Л. 5; Ф. Р–1055. Оп. 2. Д. 98. Л. 2.

³ ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 2. Д. 685. Л. 37.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р–1055. Оп. 2. Д. 102. Л. 4–5.

РСФСР¹. Аналогичная ситуация была и в других городах. Челябинское облУНХУ поставило вопрос об уточнении границ горсоветов перед Административной комиссией Верховного Совета РСФСР, в результате чего в область выезжали ее представители. Так, в феврале 1938 г. специальная комиссия по установлению городской черты работала в Магнитогорске². На основе заключений представителей Административной комиссией Верховного Совета РСФСР президиум облисполкома Челябинской области решениями от 25 марта и 15 мая 1938 г. изменил границы 12 городов и поселковых Советов региона³. В свою очередь Челябинское облУНХУ стал требовать от своих райинспекторов наличия договоров с горсоветами о границах их поселений и официальных справок от городских властей о правильности этих границ⁴. В целом к началу переписи 1939 г. в Челябинской области была решена проблема определения городской черты городов и рабочих поселков.

Для увеличения численности городского населения накануне переписи 1939 г. развернулась большая работа по пересмотру статуса рабочих поселков и сел. По традиции она проводилась перед каждой переписью, но на этот раз ей уделили особое внимание. В основу этой работы легли нормативные документы 1924–1925 гг., в которых определялся статус города, но в них внесли коррективы. В частности, при определении города учитывалось не только единство застройки, но и подчинение поселения городскому Совету.

Очень скоро проявилась погоня за определенной цифрой городского населения. СНК СССР требовал максимально форсировать работу по переводу рабочих поселков и сел в города. По действующему порядку местные органы власти с подобной просьбой обращались в Верховный Совет СССР. Однако для ускорения этой работы на заседании у М.И. Калинина было решено обратиться в Верховные Советы союзных республик, чтобы они сами провели обоснованный перевод сельских поселений в городские на своих территориях. При этом вся работа по изменению статуса поселений осуществлялась в спешке и в одностороннем по-

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 16.

² МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 105. Л. 83, 85.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 14–15.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 7–8; ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 97. Л. 23.

рядке: обратного перевода городов в села, как это было при других переписях, не производилось. Погоня за определенной, явно завышенной цифрой, привела к тому, что и с городскими границами обращались довольно свободно, часто нарушая критерии принадлежности поселений к городским¹.

В марте 1938 г. Челябинская область подняла вопрос о переводе в категорию рабочих поселков 11 сельских поселений. В отношении Магнитки Златоустовского горсовета и Кузнечихи Кыштымского района Верховный Совет РСФСР уже 8 марта 1938 г. вынес положительное решение. По остальным населенным пунктам облУНХУ вынуждено было вторично поставить данный вопрос перед областными властями в июле того же года. Одновременно материалы с просьбой о преобразовании сельских поселений в рабочие поселки были направлены в Административную комиссию Верховного Совета РСФСР и ЦК ВКП (б). Указами Президиума Верховного Совета РСФСР Шумиха (27 ноября 1938 г.), станция Миасс и Мелентьевское (26 декабря 1938 г.) были преобразованы в рабочие поселки. Всего же к моменту переписи в Челябинской области в категорию рабочих поселков было переведено 6 сельских населенных пунктов².

В Свердловской области аналогичная работа началась с июля 1938 г. К 20 ноября административная комиссия Свердловского облисполкома рассмотрела материал по 26 из 28 ходатайствовавших населенных пунктов в новых границах региона (после выделения из состава Свердловской Пермской области). По 9 поселениям облисполком отклонил ходатайства, по остальным материал был направлен на утверждение в Верховный Совет СССР. Президиум Верховного Совета СССР, рассмотрев представленные материалы, перевел в разряд городских 8 крупных сельских населенных пунктов, в том числе Ирбитский (Красногвардейский) завод Егоршинского района, Петропавловский и Сосьву Надеждинского района, Басьяновский Нижнесалдинского района, Арамилы Арамилевского района, Верхотурье Верхотурского района, Дружинино Нижнесергинского района, Зюзельский рудник Полевского района. По шести поселениям Верховный Совет от-

¹ Жиромская В.Б. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины. С. 38–39.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 15–16.

клонил ходатайство, а по трем запросил дополнительные материалы. Также Свердловский облисполком рассмотрел материалы по 8 из 25 поселений вновь образованной Пермской области и направил их в Президиум Верховного Совета СССР. Остальные передал организационному комитету Пермского облисполкома. В целом в Свердловской области вся работа по переводу сельских поселений в городские завершилась к декабрю 1938 г.¹

Одновременно на Урале развернулась работа по преобразованию рабочих поселков в города. В 1937 г. статус города получили Сатка и Тавда². 11 ноября 1938 г. президиум Свердловского облисполкома направил в Президиум Верховного Совета РСФСР материалы еще на 5 рабочих поселков: Артемовский, Березовский, Нижнюю Лялю, Верхнюю Салду и Нижнюю Салду³, которые вскоре получили статус города. В декабре 1938 г. в Пермской области городами стали Краснокамск и Кудымкар. Таким образом, накануне переписи 1939 г. на Урале появилось 9 новых городов. Благодаря переводу ряда населенных мест в города и рабочие поселки в уральских областях выросло их число. Если в Челябинской области на март 1938 г. насчитывалось 14 городов и 22 рабочих поселка⁴, а в Свердловской на сентябрь того же года их было соответственно 27 и 76⁵, то в момент проведения переписи 1939 г. в уральских областях было 47 городов и 109 рабочих поселков, в том числе в Пермской соответственно – 12 и 26; Свердловской – 21 и 56; Челябинской – 14 и 27⁶. Удельный вес городов Урала среди аналогичных поселений РСФСР составил 8,2 %, рабочих поселков – 14,7 %⁷.

Накануне переписи 1939 г. на Урале произошли новые административно-территориальные преобразования. При выходе Пермской области из состава Свердловской в октябре 1938 г. в нее включили города Пермь, Лысьву, Кизел и

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 7.

² О преобразовании рабочего поселка Тавда в город: постановление Президиума ВЦИК от 20 июля 1937 г. // СУ РСФСР. 1937. № 9. Ст. 77. С. 88.

³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4641. Л. 1; Д. 4642. Л. 1; Д. 4643. Л. 14, 17

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 14.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 20; ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 99.

⁶ Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства РСФСР за годы второй пятилетки. С. 9.

⁷ Подсчитано по: Население России в XX веке. Т. 1. С. 222.

Чусовой. К Свердловской области отошел город Камышлов, ранее входивший в состав Челябинской области.

Во время переписи 1939 г. впервые список городских поселений состоял исключительно из городов, рабочих поселков и поселков городского типа, утвержденных таковыми в законодательном порядке. Все городские поселения переписывались в административных границах. Это означало, что границы их территорий, управлявшихся непосредственно Советами данных населенных пунктов, и их переписные границы стали полностью совпадать¹.

После переписи 1939 г. продолжился процесс преобразования населенных пунктов в городские. К маю 1940 г. на Урале было уже 49 городов, из них 20 областного подчинения, и 107 рабочих поселков и поселений городского типа, в том числе в Свердловской области соответственно – 21, 7 и 57; Челябинской – 16, 5 и 25; Молотовской (Пермской) – 12, 8 и 25. В РСФСР насчитывалось 593 города, из них 216 областного подчинения, и 795 рабочих поселков и поселений городского типа². Удельный вес уральских городов среди аналогичных поселений РСФСР составил уже 8,3 %, рабочих поселков и поселений городского типа – 13,5 %.

В целом на Урале в границах Свердловской, Пермской и Челябинской областей за период между переписями 1926 и 1939 гг., как показывают данные приложения 2, было законодательно оформлено 22 новых города, в том числе в Свердловской области – 11, Челябинской – 7, Пермской – 4. Подавляющее большинство городов, по мнению уральских ученых-географов И.В. Комара и Е.Г. Анимицы, возникло на базе бывших горнозаводских поселков. Огромное влияние на развитие большинства новых городов оказала тяжелая индустрия. Ей обязаны своим развитием $\frac{4}{5}$ новых городов, в которых размещались предприятия различных производств³. При этом города, расположенные в Горнозаводском Урале, где изначально концентрировалась промышленность края, росли быстрее, чем в Предуралье и Зауралье, менее охваченных процессом индустриализации конца 1920-х –

¹ Подъячих В.Г. Указ. соч. С. 57.

² СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 мая 1940 года. С. 6–9.

³ Комар И.В. Указ. соч. С.163–164; Анимица Е.Г. Города Среднего Урала. С. 16.

1930-х гг. Но и в старых городах этих полос Урала, бывших когда-то административно-торговыми центрами (Ирбит, Камышлов, Красноуфимск, Туринск), также выросла роль промышленности¹.

Данные табл. 1 показывают, что в первой четверти XX в. основная масса городского населения Урала (90 %) проживала в окружных городах и фабрично-заводских городах и заводах, в прочих поселениях (торговые пункты, железнодорожные станции и т.п.) – примерно 10 %. При этом в административных центрах было сосредоточено меньше половины всех горожан Урала, примерно столько же, сколько в фабрично-заводских городах и заводах.

Таблица 1²

Распределение городского населения Урала по типам населенных пунктов
(по списку городских поселений на 17 декабря 1926 г.)

Типы населенных пунктов	Численность населения			
	1897 г.	1920 г.	1923 г.	1926 г.
Окружные города	<u>342 582*</u> 40,9	<u>583 003</u> 45,0	<u>492 325</u> 45,0	<u>594 259</u> 42,2
Фабрично-заводские города и заводы	<u>409 162</u> 48,8	<u>584 869</u> 45,2	<u>488 681</u> 44,9	<u>673 379</u> 47,9
Прочие города и городские поселения	<u>86 048</u> 10,3	<u>126 366</u> 9,8	<u>110 169</u> 10,1	<u>139 436</u> 9,9
Итого	<u>837 792</u> 100	<u>1 294 238</u> 100	<u>1 091 175</u> 100	<u>1 407 074</u> 100

* В числителе – численность населения в чел., в знаменателе – в %.

Вместе с тем на примере итогов переписи 1926 г., как показывает табл. 2, в рамках территориальных полос региона распределение городского населения по типам населенных пунктов было иным. Если в Зауралье резко преобладало число жителей окружных городов, то в Горнозаводском Урале, наоборот, больше было жителей прочих городов и поселений городского типа. Предуралье стояло между Горнозаводским Уралом и Зауральем, тяготея к Горнозаводскому Уралу. Таким образом, городское население Зауралья носило преимущественно торгово-

¹ Комар И.В. Указ. соч. С. 166–167; Анимица Е.Г. Города Среднего Урала. С. 17.

² Таблица составлена по: Лебедев Ф. Население Урала (Первые итоги переписи 1926 г.). С. 139; Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г. С. 28–33.

административный характер, а Горнозаводского Урала – фабрично-заводской. Отмеченная особенность Горнозаводского Урала проявлялась и в том, что из четырех окружных городов этой полосы три (Златоуст, Нижний Тагил и Свердловск с Верх-Исетским пригородом) были промышленными центрами. Для сравнения: из восьми городов Зауралья только Челябинск имел промышленные объекты, из четырех окружных городов Предуралья заводским центром была Пермь с Мотовилихой¹. В целом же городское население Урала уже в 1920-е гг. носило промышленный характер.

Таблица 2²

Распределение городского населения по типам населенных пунктов и по полосам по данным переписи 17 декабря 1926 г., на 1000 чел.

Область и полосы	Окружные города	Прочие города и поселения городского типа
Уральская область	424	576
В том числе:		
Предуралье	406	594
Горнозаводский Урал	303	697
Зауралье	725	275

Под воздействием промышленной модернизации ситуация изменилась. Уральские города в соответствии со списком городских поселений, составленным Госпланом СССР в апреле 1931 г., стали делиться на индустриальные и неиндустриальные центры и новостройки.

Данные табл. 3 показывают, что большинство горожан Урала проживало в индустриальных центрах. Их доля в общей численности городского населения постоянно увеличивалась, достигнув 74,4 % по исчислению на начало 1932 г.

Одновременно за 1897–1931 гг. удельный вес жителей неиндустриальных центров уменьшился в два раза, составив в 1931 г. чуть больше 18 %. В период индустриализации появилась такая категория городских поселений, как новостройки. На Урале к ним относились Верхне-Чусовские городки, Красноуральск, Пласт, Сухой Лог и Магнитогорск. Если в 1926 г. в них проживало всего 0,6 % го-

¹ Лебедев Ф. Население Урала (Первые итоги переписи 1926 г.). С. 140.

² Таблица составлена по: Лебедев Ф. Население Уральской области по переписи 1926 г. С. 6

рожан, то на начало 1932 г. – уже 7,5 %. При этом только за 9 месяцев (с апреля по декабрь) 1931 г. численность наличного населения этой категории городских поселений увеличилась с 108 000 до 212 100 чел., то есть на 196,4 % или почти в два раза. Для сравнения: за период с декабря 1926 г. по апрель 1931 г. число жителей здесь выросло всего на 99 885 чел. или на 7,5 %¹.

Таблица 3²

Распределение населения по категориям городских поселений по номенклатуре Госплана СССР на апрель 1931 г.³

Категории городов и городских поселений	1897 г.	1920 г.	1923 г.	1926 г.	На начало 1932 г.
Уральская область	<u>787 969*</u> 100	<u>1 151 488</u> 100	<u>1 029 189</u> 100	<u>1 359 115</u> 100	<u>2 807 400</u> 100
В том числе: индустриальные центры	<u>500 923</u> 63,6	<u>800 309</u> 69,5	<u>706 164</u> 68,6	<u>970 521</u> 71,4	<u>2 085 800</u> 74,4
новостройки	–	–	–	<u>8 115</u> 0,6	<u>212 100</u> 7,5
неиндустриальные центры	<u>287 046</u> 36,4	<u>351 179</u> 30,5	<u>323 025</u> 31,4	<u>380 479</u> 28,0	<u>509 500</u> 18,1

* В числителе – человек, знаменателе – %.

В соответствии с фабрично-заводским характером городских поселений Урала находился и их размер. Данные табл. 3.1 в приложении 3 свидетельствуют, что в первой половине 1920-х гг. в крае не было городов с населением 100 и выше тыс. чел. и всего три города (Екатеринбург, Пермь и Челябинск) насчитывали от 50 до 100 тыс. жителей. В период переписи 1926 г. только Свердловск перешагнул рубеж в 100 тыс. чел., он насчитывал 136 420 горожан. Бывшие губернские города Пермь, Тюмень и Челябинск входили в категорию населенных пунктов с численностью 50–100 тыс. чел. В целом в этот период в крупных городах проживало 23,6 % горожан. В регионе насчитывалось 9 городов с числом жителей от 20 до 50 тыс., на них приходилось 20,2 % горожан. Подавлявшее же большинство жителей

¹ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. С. 293.

² Таблица составлена и рассчитана по: Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. С. 293.

³ По городскому цензу 1931 г.

(от 61,1 % в 1920 г. до 56,2 % в 1926 г.) проживало в населенных пунктах численностью менее 20 тыс. чел. В первой половине 1920-х гг. большинство городских поселений Урала существовало при не особенно крупных по величине заводах.

В условиях промышленной модернизации края произошли значительные изменения в размерах городских поселений и в расселении городского населения. Градостроительство региона пошло по пути развития крупных городов вокруг промышленных гигантов. В 1926 г., по данным табл. 3.1 в приложении 3, на Урале не существовало городов с населением свыше 200 тыс. чел., а в 1939 г. их было уже три; в 1926 г. только один город насчитывал от 100 до 200 тыс. чел, а в 1939 г. – два; если в 1926 г. в городах с числом жителей от 100 тыс. и выше было сосредоточено 9,8 % всех горожан Урала, в 1937 г. – 33,4, то в 1939 г. – 35,8 %%. Однако этот показатель оказался ниже, чем в Сибири. По переписи 1939 г. в городах с числом жителей свыше 100 тыс. чел. этого региона проживало 47 % горожан¹.

Одновременно на Урале шел процесс сокращения числа небольших городских населенных пунктов. За 1933–1939 гг. количество городов с числом жителей от 20 до 50 тыс. чел. уменьшилось с 27 до 24; доля городского населения, которая была сосредоточена в них, упала с 25,5 до 21,5 %. Перепись 1939 г. выявила, что на городские поселения края с населением менее 20 тыс. чел. приходилось уже меньше трети горожан Урала.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. уточнялось содержание понятия «городское поселение», от него зависело количество городских населенных пунктов и их численность. В эти годы, особенно в условиях промышленной модернизации края, шел активный процесс развития городской поселенческой сети. Эти изменения осуществлялись на фоне укрупнения городов, в которых сосредотачивалось все больше городских жителей. Все это, в конечном счете, способствовало быстрому росту численности городского населения.

¹ Московский А.С., Исупов В.А. Указ. соч. С. 40.

§ 2. Городское население Урала по переписям 1920-х гг.

По данным Всероссийской переписи 1897 г., на Урале проживало 4811,3 тыс. чел., из них в городах и поселках городского типа – 837,8 тыс. чел. или 17,4 %¹. Доля горожан в регионе была выше, чем в целом по стране. В дореволюционной России городское население составляло всего 15 %². Основная часть городских жителей Урала (56 %) была сосредоточена в Горнозаводском Урале, на Зауралье приходилось 22,9, а Предуралье – 21 % их. При этом удельный вес горожан в общей численности населения Горнозаводского Урала составил 46,6 % и намного превысил аналогичный общеуральский показатель, а также данные по Зауралью (8,6 %) и Предуралью (11,2 %)³.

Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали и столыпинская аграрная реформа привели к быстрому росту населения Урала, которое в 1913 г. насчитывало 6335,0 тыс. чел. В Зауралье проживало 2981,1 тыс. чел., Предуралье – 2040,6 тыс. чел., Горнозаводском Урале – 1313,2 тыс. чел.⁴

Первая мировая и Гражданская войны также повлияли на население Урала. Но отсутствие статистических сведений не позволяет проследить изменения в численности городских и сельских жителей региона в 1913–1920 гг. по годам. Однако цифры по Златоустовскому уезду, крупному горнозаводскому району края, дают возможность выявить основные тенденции динамики народонаселения Урала в этот период. Данные табл. 4 показывают, что в годы Первой мировой войны выросла численность населения уезда. Причем среднегодовые темпы прироста горожан оказались выше, чем селян и в целом жителей рассматриваемого региона, за исключением 1914 г. В связи с этим доля горожан в населении Златоустовского уезда выросла с 13,4 % в 1913 г. до 17 % в 1917 г.

Быстрый рост городов связан с расширением военного производства, что способствовало притоку мигрантов в них⁵. В годы революции и Гражданской

¹ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1927 г. С. 5.

² Население СССР: справочник / под общ. ред. Л.М. Володарского. М., 1983. С. 19.

³ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1927 г. С. 5.

⁴ Там же.

⁵ Архив ЗГО. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 194. Л. 5 об.

войны происходит уменьшение численности населения Златоустовского уезда, причем городское сокращается больше (на 21,5 %), чем сельское (на 15,5 %). В итоге удельный вес горожан в 1920 г. упал до 15,9 %, что связано с военными потерями, голодом, эпидемиями, уменьшением рождаемости и проч.

Таблица 4¹

Численность населения Златоустовского уезда Уфимской губернии
в 1913–1920 гг.

Год	Все население		В том числе:			
	абс., чел.	в % к предыдущему году	городское		сельское	
			абс., чел.	в % к предыдущему году	абс., чел.	в % к предыдущему году
1913	264 261	100	35 521	100	228 740	100
1914	269 795	102	36 140	101	233 655	102
1915	284 992	106	42 229	117	242 763	104
1916	283 112	99	48 318	114	234 794	97
1917	320 628	113	54 409	113	266 219	113
1920	267 742	83	42 685	78	225 057	84

Первая советская перепись 1920 г. показала, что в городах Урала проживало 1 117 815 чел., в том числе в Екатеринбургской губернии – 531 220 чел., Пермской – 307 350, Тюменской (без непереписанных Березовского и Сургутского уездов) – 96 260, Челябинской – 182 985 чел. На долю Урала приходилось 7 % городского населения Советской России². Однако и до этой публикации официальных итогов переписи 1920 г. и после нее в статистической литературе приводятся иные данные переписи по Уралу (табл. 5).

Объясняется это не только частым районированием края в этот период, но и отсутствием четких критериев городского поселения, о чем уже говорилось ранее. В результате с изменением городского ценза менялось городских поселений, происходил пересчет итогов переписи с учетом новых реалий. Тем не менее, сохранившийся статистический материал позволяет выявить тенденции в развитии городского населения Урала в рассматриваемый период.

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской Советской Социалистической Республике. Уфа: Изд. Башнаркомзема, 1923. С. 40.

² Рассчитано по: Труды ЦСУ. Т. XVIII. С. 18, 24.

Численность городского населения Урала в рамках Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской губерний (по данным Всероссийской переписи населения 20 августа 1920 г.), чел.

Все население Урала	В том числе:		В том числе:		
			городское население	В том числе:	
	мужчины	женщины			мужчины
6 409 917 ¹	2 860 419	3 549 498	702 132	322 814	379 318
			1 313 277* ²	600 549	712 728
6 427 217** ³			1 218 046	558 112	659 934
6 573 879*** ⁴	2 868 962	3 558 255	1 243 197		
			1 151 488 ⁵		

* Данные переписи пересчитаны по городскому цензу 1923 г.

** Данные переписи пересчитаны на окружные итоги по состоянию границ области и округов на 1 июня 1924 г.

*** Данные переписи пересчитаны с учетом городского ценза 1926 г.

Как показывают данные табл. 3.2 в приложении 3, в период переписи 1920 г. 19 % населения Урала проживало в городах. Основная масса горожан (53,6 %) была сосредоточена в Горнозаводском Урале, включавшем Верхне-Камский, Тагильский, Свердловский и Златоустовский округа⁶. Это не случайно. Промышленность края размещалась неравномерно. Наибольшее количество промышленных предприятий было сосредоточено недалеко от Екатеринбурга, Нижнего Тагила и Надеждинска. Здесь располагались самые крупные в тот период на Урале металлургические заводы (Надеждинский, Нижнетагильский, Алапаевский, Ревдинский и др.), в этих же районах добывались медная руда, золото, платина, асбест. На Западном Урале, кроме крупного Пермского оружейного завода (Мотовилиха), имелись металлургические и металлообрабатывающие предприятия (Лысьвенский, Чусовской, Чермозский, Нытвенский, Добрянский заводы), издавна разви-

¹ Уральский статистический ежегодник на 1923 г. С. 8–9.

² Уральский статистический ежегодник 1923–24 г. С. 28–29.

³ Уральский статистический ежегодник 1923–24 г. С. 21.

⁴ Уральское хозяйство в цифрах, 1926 г. С. 6.

⁵ Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. С. 293.

⁶ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1926 г. С. 6.

валась соляная промышленность, работали небольшие химические заводы, строились речные суда и баржи. В районе Кизела находился самый большой по значению угольный бассейн Урала. На Южном Урале действовали крупные для того времени заводы (Златоустовский, Саткинский, Миньярский и др.), имелась горно-рудная промышленность (Бакал, Магнит)¹. В Горнозаводском Урале благодаря развитию промышленности процесс урбанизации был наиболее высоким. В 1920 г. (см. табл. 3.2 в приложении 3) удельный вес горожан в общем населении этой полосы составил 47,7 %, а в Предуралье – 14,7, Зауралье – 9,1 %.

Переход Урала от войны к мирному хозяйственному строительству осуществлялся в тяжелейших условиях, что отрицательно сказалось на численности населения края. К началу 1924 г., по данным табл. 3.2 в приложении 3, число жителей сократилось на 444,8 тыс. чел. или 6,8 %, по сравнению с 1920 г. Особенно значительной убыль населения была в Челябинской губернии, жители которой наиболее пострадали от неурожая 1921 г. В среднем число проживавших здесь уменьшилось на 20,2 %, в том числе в Верхне-Уральском уезде – на 31,2 %, Троицком – 25,9, Златоустовском – 21,8, Челябинском – 20,4, Курганском – 11 %. Наибольшие потери понесли жители Горнозаводского Урала (10 %), население Предуралья сократилось на 6 %, Зауралья – 5,8 %².

Всесоюзная городская перепись 1923 г. также зафиксировала уменьшение численности населения городов Урала, как показывают данные табл. 6 (в нее вошли сопоставимые итоги переписей населения 1920 и 1923 гг. по городскому цензу, действовавшему во время Всесоюзной городской переписи 1923 г.), за два мирных года на 12,4 %. Наибольшее сокращение наблюдалось в Челябинской губернии (16,5 %), наименьшее – в Тюменской (0,9 %).

При этом на Урале уменьшение численности горожан было значительнее, чем в соседней Сибири, в которой наибольшее сокращение городского населения было зафиксировано в Томской губернии и составило 7,2 %³.

¹ Фельдман В.В. Восстановление промышленности на Урале (1921–1926 гг.). Свердловск, 1989. С. 64–65.

² Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1926 г. С. 6, 28.

³ См.: Московский А.С., Исупов В.А. Указ. соч. С. 28.

Численность городского населения по уральским губерниям по данным переписей 28 августа 1920 г. и 15 марта 1923 г.

Регион, губернии	Численность городского населения, чел.		1923 г. в % к 1920 г.
	1920 г.	1923 г.	
Урал	1 313 277	1 151 016	87,6
В том числе:			
Екатеринбургская губерния	592 716	514 723	86,8
Пермская губерния	320 773	289 432	90,2
Челябинская губерния	302 129	252 144	83,5
Тюменская губерния	94 717	93 827	99,1

Уральские статистики при разработке городской переписи 1923 г. отмечали следующие причины снижения численности жителей городских поселений. Во-первых, в период переписи 1920 г. в состав общегражданского населения были включены военнослужащие и работники многочисленных учреждений, расквартированные по частным домам горожан. К 1923 г. часть их была демобилизована из рядов Красной Армии и отправилась к месту постоянного проживания². Во-вторых, в ряде городов, в частности, Перми, население сократилось по причине перевода некоторых учреждений в Екатеринбург, куда переехали и их работники с семьями³. Две следующие причины сыграли основную роль в падении численности городского населения Урала. В-третьих, тяжелейшее положение народного хозяйства Урала, разрушенного в годы Гражданской войны. Объем продукции крупной промышленности Урала в 1920/21 г. составил всего лишь 12,8 % довоенного уровня⁴, в том числе выпуск чугуна – 8,7 %, мартеновских слитков – 11,6, прокатки – 11,3 %⁵. Сложным было положение и в сельском хозяйстве. Только прямой ущерб от войны исчислялся в 232 млн. руб. золотом⁶. В поисках

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Труды ЦСУ. Т. XX. Ч. II. Вып. 1. С. 12, 15, 40; Вып. 3. С. 11; Уральский статистический ежегодник на 1923 г. С. 28–29.

² Лебедев Ф. Предварительные итоги переписи городов и поселков Урала. С. 16.

³ Шубин Р. Указ. соч. С. 63.

⁴ Уральское хозяйство в цифрах, 1926 г. С. 225.

⁵ Подсчитано по: Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. С. 473.

⁶ История народного хозяйства Урала / отв. ред. М.А. Сергеев. Свердловск, 1988. Ч. I: 1917–1945. С. 57.

работы и пропитания население городов вынуждено было уходить в деревню. В четвертых, тяжелую ситуацию на Урале усугубили засуха и неурожай 1921 г., повлекшие за собой голод и рост эпидемической заболеваемости населения, что привело к повышенной смертности горожан в начале 1920-х гг.

Тяжелое состояние народного хозяйства, голод, инфекционные болезни, нехватка предметов первой необходимости, обезлюдивание городских поселений отрицательно повлияли на последующую динамику численности горожан Урала. В 1923 г. из 6 442 826 чел., составлявших население Урала (в границах Екатеринбургской, Пермской, Челябинской и Тюменской губерний), в городах проживало 1 146 726 чел. Удельный вес горожан в общем населении региона упал до 17,8 %¹, что оказалось на 1,2 % ниже аналогичного показателя 1920 г. Сокращение жителей Урала продолжилось и дальше, к началу 1924 г. (в пересчете на окружную систему), как показывают данные табл. 3.2 в приложении 3, в городах Уральской области осталось всего 1 134 517 чел., но удельный вес горожан в общем населении региона поднялся до 18,5 % только за счет более значительного сокращения численности селян. Наибольшие демографические потери были в городах Горнозаводского Урала, население которых сократилось на 65 065 чел. или 9,8 %, в то время как в Предуралье численность горожан уменьшилась на 22 108 чел. или 8,1 %, Зауралья соответственно – 21 507 чел. или 7,1 %.

Итоги переписи 1923 г. свидетельствовали о снижении числа жителей в подавлявшем большинстве уральских городских поселений. Данные табл. 7 показывают, что наибольшее сокращение горожан произошло в Верхнеуральске (на 35 %), Троицке (на 33,6 %), Нижнем Тагиле (на 29,4 %), Миассе (на 25,7 %), Кургане (на 21,7 %), Златоусте (на 21,4 %), Кушве (на 21,1 %). Значительное уменьшение населения Нижнего Тагила (почти на треть) екатеринбургские статистики объясняли тем, что во время переписи 1920 г. население деревни Фотиева и других мелких поселений, расположенных вблизи города, вошло в общую численность жителей Нижнего Тагила. В 1923 г. эти населенные пункты, за исключением деревни Фотиева, лишились статуса пригорода, их население не было переписано

¹ Рассчитано по: Труды ЦСУ. Т. XVIII. С. 2–5.

как городское. С учетом этих корректив убыль населения в Нижнем Тагиле, по мнению статистиков, должна была составить около 13 %¹. Тяжелым было положение и в целом ряде фабрично-заводских поселениях. К примеру, население Карабашского завода уменьшилось на 57,6 %, Серебрянского – 42,6, Уткинского – 41,5, Михайловского – 40,7, Верхне-Сергинского – 38,5 %, Нижне-Туринского – 38,1, Бисерского – 34,2, Северского завода – на 33,3 %².

Вместе с тем на фоне уменьшения населения в подавлявшем большинстве городских населенных пунктов были и такие, которые увеличили число своих жителей из-за сравнительно благоприятных условий для жизни. Данные табл. 7 показывают, что за период между переписями 1920 и 1923 гг. выросла численность Свердловска на 10,6 %, Усолья – на 7,1, Ирбита – на 6,6, Ялуторовска – на 4,8, Соликамска – на 4,2, Оханска – на 2,3, Алапаевска – на 1,5 %.

Уральские статистики объясняли рост численности жителей Свердловска ростом его административного значения, а Ирбита тем, что перепись 1923 г. пришлась на период ярмарки, население города увеличивалось за счет приезжих³.

Положительная динамика была и в целом ряде небольших городских поселений. В два раза выросло население Калатинского завода, наполовину – Асбестовых и Бакальских рудников. В целом из 57 городских населенных пунктов Пермской губернии в 19 увеличилось население, из 100 городских поселений Екатеринбургской губернии это отмечалось также в 19 поселениях⁴.

С 1924 г. началось постепенное оживление экономики Урала. Только за 1924/25 г. годовое производство промышленности региона увеличилось на 71,3 %. Такой рост был достигнут впервые за все послевоенное время. При этом уровень восстановления крупной промышленности края составил в 1924/25 г. 61,1 % довоенного, правда, он оказался ниже, чем в целом по СССР (71 %) ⁵.

¹ Лебедев Ф. Предварительные итоги переписи городов и поселков Урала. С. 16; Предварительные итоги профессионально-демографической городской переписи 15 марта 1923 года по Екатеринбургской губернии // Губерния в цифрах. 1923. № 4. С. 17.

² См.: Уральское хозяйство в цифрах, 1926 год. С. 12–17.

³ Хозяйство Урала в 1924 году: сб. материалов для агитаторов и пропагандистов / под ред. С. Бессонова. Свердловск, 1925. С. 112.

⁴ Рассчитано по: Предварительные итоги профессионально-демографической городской переписи 15 марта 1923 года по Екатеринбургской губернии. С. 19–23; Предварительные итоги городской переписи 1923 года по Пермской губернии. С. 1; Уральское хозяйство в цифрах, 1926 г. С. 12–17.

⁵ Хозяйство Урала в 1924–25 г.: конъюнктурный обзор. Свердловск, 1925. С. 16–17.

Численность населения городов и городских поселений Урала
(по данным переписей 1920 г. и 1923 г.), чел.

Город	28 августа 1920 г.	15 марта 1923 г.	1923 г. в % к 1920 г.
Свердловск	88 400	97 759	110,6
Пермь	70 045	67 986	97,1
Челябинск	60 777	54 298	89,3
Тюмень	43 134	42 492	98,5
Алапаевск	9 762	9 910	101,5
Верхнеуральск	14 948	9 719	65,0
Златоуст	42 685	33 558	78,6
Ирбит	9 457	10 085	106,6
Ишим	11 265	9 747	86,5
Камышлов	10 066	8 921	88,6
Красноуфимск	9 467	9 296	98,2
Кунгур	17 594	15 496	88,1
Курган	27 739	21 710	78,3
Кушва	12 393	9 900	79,9
Лысьва	13 381	11 013	82,3
Миасс	23 727	17 624	74,3
Наеждинск	18 765	16 732	89,2
Невьянск	13 865	11 516	83,1
Нижний Тагил	37 799	26 682	70,6
Оса	8 285	7 195	86,8
Оханск	3 001	3 070	102,3
Сарапул	24 311	19 928	82,0
Соликамск	3 470	3 617	104,2
Тобольск	14 554	14 521	99,7
Троицк	37 515	24 915	66,4
Туринск	5 546	4 825	87,0
Усолье	6 649	7 124	107,1
Чердынь	4 575	4 333	94,7
Шадринск	16 978	16 596	97,8
Ялуторовск	5 143	5 388	104,8

¹ Таблица составлена по: Уральское хозяйство в цифрах, 1926 г. С. 12-17.

Позитивные сдвиги в экономике положительно сказались на динамике численности населения Урала. Только с 1924 г. начался постепенный численный рост жителей региона, в том числе и горожан, хотя на Европейской части РСФСР процесс восстановления человеческой массы начался с 1921 г. За 1920–1923 гг. прирост городского населения здесь составил 18,3 %¹.

По данным табл. 3.2 в приложении 3, темпы прироста городских жителей Урала были выше, чем населения области. Если за 1924 г. численность населения края увеличилась на 3 % или на 183572 чел., то городов – на 6,4 % или 72360 чел., в течение этого года удельный вес горожан вырос до 19,1 %. Таким образом, городское население Уральской области восстанавливалось быстрее, чем сельское.

Как показывают данные табл. 8 и 3.2 в приложении 3 (с учетом городского ценза 1926 г.), за период между двумя переписями (1920 и 1926 гг.) численность всего населения Уральской области увеличилась на 212 460 чел. (3,2 %), в то время как городского – на 163 877 чел. (13,2 %). В результате в период Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. в городах Уральской области уже проживало 20,8 % населения, вместо 19 % в 1920 г., что было выше общесоюзного (17,9 %) и российского (18 %) уровней. Однако регион уступал ряду районов, где процент городского населения был значительно выше. В Ленинградско-Карельском районе он составил 34,5, Центрально-Промышленном – 25,6, Крымской АССР – 46,3 %². Но Уралобласть превосходила по уровню урбанизации Сибирский край (13 %) ³, Западный (11,9 %), Центрально-Черноземный (9,5 %) и Вятский (6,8 %) районы, Башкирскую АССР (8,7 %) и другие территории⁴. В городских поселениях Уральской области, по данным табл. 8, уже проживало 5,3 % городского населения СССР и 8,4 % – РСФСР.

Итоги переписи 1926 г. (см. табл. 8) свидетельствуют о том, что к началу индустриализации подавляющая часть населения Урала по-прежнему проживала в сельской местности (79,2 %). Это объяснялось тем, что в крае преобладало сель-

¹ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 44–45.

² Население России в XX веке. Т. 1. С. 220–221.

³ Красильников М.П. Население Урала и Северной Азии. С. 65.

⁴ Население России в XX веке. Т. 1. С. 220.

ское хозяйство. В 1924/25 г. его валовая продукция составила 532,4 млн. руб., или 64,3 % общей продукции промышленности и земледелия региона¹.

Таблица 8²

Численность городского населения СССР, РСФСР и Уральской области
(по данным Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г.)

Территория	Все население		В том числе:			
			городское		сельское	
	абс., чел	%	абс., чел.	%	абс., чел	%
СССР	147 027 915	100	26 314 114	17,9	120 713 801	82,1
РСФСР*	93 457 996	100	16 785 189	18,0	76 672 807	82,0
Уральская область	6 786 339	100	1 407 074	20,8	5 379 265	79,2

* Данные по РСФСР приведены без Казахской и Киргизской автономий, впоследствии преобразованных в самостоятельные республики.

Вместе с тем в середине 1920-х гг. экономика Урала представляла собой сложное и многоотраслевое хозяйство. Край уже в то время являлся крупным промышленным районом страны. На его долю приходилась шестая часть валовой продукции крупной промышленности РСФСР или 5 % общесоюзного промышленного производства³. Но подавляющая часть промышленных предприятий (до 60 %) и рабочих (77,5 %) была сосредоточена в четырех промышленных округах края (Екатеринбургском, Златоустовском, Пермском и Тагильском)⁴, три из которых (за исключением Пермского) входили в состав Горнозаводского Урала. К концу 1926 г. городское население здесь, по данным табл. 3.2 в приложении 3, превысило сельское и составило 50,7 %. Эта полоса Урала еще до советской промышленной модернизации стала превращаться в преимущественно индустриальный регион. Предуралье и особенно Зауралье по-прежнему оставались в основном сельскохозяйственными полосами. По уровню урбанизации они значительно уступали Горнозаводскому Уралу: доля городского населения здесь в декабре 1926 г. составила соответственно 17,0 и 9,5 %.

¹ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1926 г. С. 286, 292; Уральское хозяйство в цифрах, 1927 г. С. 308.

² Таблица составлена и рассчитана по: Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): стат. сб. С. 8–9; Всесоюзная перепись населения, 1926 год. Т. IX. С.8; Уральское хозяйство в цифрах, 1928 г. С. 4.

³ Немчинов В.С. Народное хозяйство Урала: его состояние и развитие. Екатеринбург, 1923. С. 3; Уральское хозяйство в цифрах, 1929 г: стат. справочник. С. 154.

⁴ Положение труда на Урале в 1923 г. / под ред. В.С. Овсянникова. Екатеринбург, 1924. С. 10.

В период, предшествовавший первой пятилетке, существенных изменений в численности городского населения Урала не было. За 1927 г. оно выросло на 115 921 чел., удельный вес его составил 21,7 %¹.

В конце XIX в. Урал принадлежал к территориям с преобладанием женского населения. По итогам Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., на 1000 мужчин в целом по региону приходилось 1079 женщин, но в городах – 1009, а сельской местности – 1082 женщины². Таким образом, накануне XX в. в городских поселениях края существовало вполне нормальное соотношение полов. Первая мировая и Гражданская войны оказали существенное влияние на демографическую структуру Урала и сильнее ударили по мужской половине населения края, резко повысив долю женщин в числе жителей региона. Данные табл. 9 показывают, что в 1920 г. в городах Урала удельный вес женщин составил 54,2 %, на 1000 горожан приходилось 1182 горожанок, тогда как в целом по региону эти показатели были хуже – 55,4 % и 1240 женщин.

Таблица 9³

Динамика соотношения полов в городском населении Урала
(по данным переписей 1920, 1923 и 1926 гг.), чел.

Дата проведения переписи	Все население	В том числе:		В том числе городское население		
				Всего горожан	В том числе:	
		мужчины	женщины		мужчины	женщины
1920 г.	6 427 217	2 868 962	3 558 255	1 218 046	558 112	659 934
1923 г.	–	–	–	1 151 016	532 386	618 630
1926 г.	6 786 339	3 167 763	3 618 576	1 407 074	664 774	742 300

Демобилизация Красной Армии и возвращение домой военнослужащих и беженцев немного улучшили соотношение полов в городах Урала. Всесоюзная городская перепись 1923 г. свидетельствовала, что на 1000 мужчин приходилось уже 1162 женщины, доля последних среди горожан снизилась до 53,7 % (рассчи-

¹ Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1928 г. С. 4; Уральское хозяйство в цифрах, 1929 г. С. 4–5.

² Лебедев Ф. Население Урала (Первые итоги переписи 1926 г.). С. 138; Он же. Предварительные итоги переписи городов и поселков Урала. С. 16.

³ Таблица составлена по: Труды ЦСУ. Т. XX. Вып. 1. С. 12, 15, 40; Вып. 3. С. 11; Всесоюзная перепись населения, 1926 год. Т. IX. С.8; Уральский статистический ежегодник 1923–24 г. С. 21.

тано по данным табл. 9). Наметившаяся тенденция к уменьшению разрыва между мужским и женским населением в городах Уральской области сохранилась и в последующие годы. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., удельный вес женщин сократился до 52,8 %, он по-прежнему был лучше общеуральского показателя (53,3 %) и данных по сельской местности (53,5 %). На 1000 мужчин-горожан приходилось 1117 горожанок, в то время как в целом по области – 1142, в сельской местности – 1149 (рассчитано по данным табл. 9). Уральские данные по соотношению полов оказались хуже, чем по РСФСР, где на 1000 мужчин приходилось 1094 женщины, а в городах – 1063¹.

Итоги переписи 1926 г. выявили существенные отличия в численности полов в городских населенных пунктах отдельных полос Уральской области. Наилучшая ситуация была в Горнозаводском Урале, где на 1000 мужчин приходилось 1103 женщины, что было ниже аналогичных общеуральских показателей. Соотношение полов в Предуралье и Зауралье было хуже, здесь на каждую 1000 мужчин было соответственно 1142 и 1125 женщин².

Таким образом, в городской местности Уральской области восстановление нормального соотношения полов шло быстрее, чем в сельской. Однако в целом этот демографический процесс всегда развивается крайне медленно, сохраняя разрыв между полами в конкретных возрастных когортах горожан. Поэтому недостаток мужчин еще долгое время отражался на естественном движении населения и на экономике региона, понижая общую сумму его трудовой энергии.

Перепись 1926 г. выявила продолжившийся отток мужчин из деревни в города. Данные табл. 9 показывают, что если в 1920 г. доля мужчин проживавших в городских поселениях, в общей численности представителей этого пола составляла 19,4 %, то в 1926 г. – 21 %; а женщин соответственно – 18,5 и 20,5 %, то есть характер городского населения Урала был чуть более мужским.

В 1920-е гг. меняется удельный вес мужчин и женщин трудоспособного возраста в общей численности мужского и женского населения Урала. Первая миро-

¹ Всесоюзная перепись населения, 1926 год. Т. IX. С. 2.

² Лебедев Ф. Трудовые ресурсы Уралобласти. С. 152.

вая и Гражданская войны основной удар нанесли по мужчинам призывных возрастов, которые приняли непосредственное участие в них. Всероссийская перепись 1920 г. (см. данные табл. 3.3 в приложении 3) выявила, что в уральских городах лиц трудоспособного возраста среди мужчин было меньше (56,2 %), чем среди женщин (58,9 %) и всего городского населения (57,7 %). Но, по мнению местных статистиков, край находился в более выгодном положении, чем страна: процент потери мужчин в возрасте 16–49 лет был ниже, чем в государстве в целом. В 1920 г., по подсчетам академика С.Г. Струмилина, для бывшей Российской империи в границах СССР они составили 29 %, для Урала же, согласно расчетам уральского статистика Ф.Н. Лебедева, – 21,4 %. Разница в 7,6 % пришлась на возрасты от 24 лет и выше. Это объяснялось, главным образом, отсрочками от военной повинности, которые широко практиковались в регионе во время мировой войны¹. Мнение статистиков края впоследствии подтвердили итоги переписи населения 1926 г. Она показала, что в Уральской области возрасты от 20 до 49 лет дали повышенные проценты для городского населения. В то же время в городских поселениях младенческие и детские возрасты имели пониженные проценты, по сравнению с сельской местностью, юношеский возраст от 15 до 19 лет показал приблизительно одинаковые проценты для города и села. С 50-ти лет сельское население вновь имело большие проценты, чем городское². Эта возрастная особенность края создала основу для быстрого восстановления населения в 1920-х гг.

Демобилизация военнослужащих в начале 1920-х гг. и возвращение мужчин домой способствовали быстрому росту среди городского населения мужского контингента трудоспособного возраста. В 1923 г. (см. табл. 3.3 в приложении 3) удельный вес их увеличился до 57,1 %, значительно сократив и практически ликвидировав отрыв от женщин (57,9 %).

Во время переписи 1926 г. под термином «население в трудоспособном возрасте» понимали мужчин 18–59 лет и женщин 16–54 лет. Подсчет этой категории

¹ Лебедев Ф. Население Уралобласти. С. 122.

² Лебедев Ф.Н. Возрастной состав населения Урала на 1927–1938 гг. С. 67–68.

населения впервые дал точную цифру трудовых резервов в уральских городах¹. По данным табл. 3.3 в приложении 3, в городских поселениях мужчины в трудоспособном возрасте составили 53,8 %, а женщины – 55,6 %. Таким образом, процент трудоспособного населения среди мужчин по-прежнему оставался ниже, чем среди женщин и горожан в целом (54,8 %). Но он был выше аналогичных показателей для мужчин и женщин в сельской местности (соответственно – 45,8 и 51,4 %) и всего населения уральского села (48,8 %)².

Вместе с тем в Уральской области существовали различия в строении городского населения отдельных полос. Данные табл. 10 показывают, что наиболее высокой доля трудоспособных возрастов была в Предуралье, наиболее низкой, ниже общеуральского уровня, – в Горнозаводском Урале. Но именно в городских поселениях Горнозаводского Урала разница между женщинами и мужчинами в трудоспособном возрасте была наименьшей (1,5 %). В Предуралье она составила 2,2, Зауралье – 2,1 %. Ф.Н. Лебедев, анализируя итоги переписи 1926 г. по области, выявил следующие причины более низкого показателя трудоспособного городского населения Горнозаводского Урала. Во-первых, высокий процент горожан Предуралья был обусловлен чрезвычайно высоким процентом населения в трудоспособном возрасте в городских поселениях Пермского округа (57,8 %). Это, в свою очередь, было связано с большим весом Перми с ее высоким процентом трудоспособного населения (60,1 %). Во-вторых, пониженным, по сравнению с Предуральем, процентом населения в трудоспособном возрасте в городских поселениях Свердловского (54,9 %), Тагильского (53,8 %) и Златоустовского (53,2 %) округов.

В-третьих, статистик вычислил для городов Урала процент самостоятельного населения по отношению к населению в трудоспособном возрасте и проанализировал полученные результаты. Оказалось, что для городов региона характерен чрезвычайно низкий процент женского занятого населения: в Предуралье – 30,6 %, Горнозаводском Урале и Зауралье – 32,6, в целом по области – 32,1 %. То

¹ Лебедев Ф. Трудовые ресурсы Уралобласти. С. 150.

² Там же. С. 152.

есть до 70 % горожанок в трудоспособном возрасте не принимало никакого участия в деятельности на производстве или по обслуживанию общества, а было занято домашней работой. Но и для мужчин процент самодеятельного населения оказался ниже общего числа трудоспособных горожан: в Предуралье – 93,1 %, Зауралье – 90,4, в целом по области – 96,3 %. Ф.Н. Лебедев объяснял это явление наличием среди мужского трудоспособного населения безработных, иждивенцев государства, деклассированного населения, учащихся, живших на средства родных и стипендию от государства. С другой стороны, средний процент мужского занятого населения в городах настолько высок по отношению к мужчинам-горожанам в трудоспособном возрасте (96,3 %), что, кроме населения в трудоспособном возрасте, в число занятого населения неизбежно должна была попадать и часть горожан, не достигших или уже вышедших из трудоспособного возраста.

Таблица 10¹

Строение городского населения полос Уральской области
(по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.)

Регион, полосы	Городское население в трудоспособном возрасте, в %		
	Оба пола	В том числе:	
		мужчины	женщины
Уральская область	54,8	53,8	55,6
В том числе:			
Предуралье	56,3	55,1	57,3
Горнозаводский Урал	54,0	53,2	54,7
Зауралье	55,1	54,0	56,1

Таким образом, городские поселения Зауралья и Предуралья показали примерно одинаковый процент самодеятельного и трудоспособного населения (около 90 % мужского занятого и около 30 % женского занятого населения), а Горнозаводской Урал дал повышенный процент мужского занятого населения (100 %) в них. На этом основании Ф.Н. Лебедев пришел к выводу, что в городах Горнозаводского Урала процент занятого нетрудоспособного населения был выше, чем в городах других полос. Возможно, часть этого не достигшего или уже вышедшего из трудоспособного возраста населения привлекалась из сельской местности, чем

¹ Таблица составлена по: Лебедев Ф. Трудовые ресурсы Уралобласти. С. 152.

и объяснялся несколько пониженный процент мужского населения в трудоспособном возрасте в городах Горнозаводского Урала и, наоборот, повышенный процент трудоспособных мужчин в его сельской местности. Этим же фактом отвлечения из сельской местности в города Горнозаводского Урала занятого мужского населения Ф.Н. Лебедев объяснял повышенный в городах и пониженный на селе этой полосы процент занятого населения. Переход части самодеятельного населения в нетрудоспособном возрасте из сельской местности в города понижал на селе процент занятого и повышал процент трудоспособного и, наоборот, повышал в городах процент занятого и понижал процент трудоспособного населения¹.

В целом, по данным табл. 3.3. в приложении 3, за годы нэпа в городских поселениях Урала увеличилась абсолютная численность населения в трудоспособном возрасте. Но их доля среди городского населения сократилась с 57,7 % в 1920 г. до 57,5 в 1923 г. и 54,8 % в 1926 г, хотя эти данные были выше общеуральских показателей. Удельный вес трудоспособных среди населения края составил в 1920 г. 46,1 %, 1926 г. – 50 %, а в 1897 г. – 51,7 %².

Рост числа трудоспособных за время между переписями 1920 и 1926 гг. в научной литературе объяснялось тем, что трудоспособного возраста достигли те когорты, на которых сравнительно мало отразились политические и экономические события рубежа 1910–1920-х гг. К концу восстановительного периода эти сильные своей численностью поколения пришли на смену малочисленным и наиболее пострадавшим от войн и разрухи возрастным группам³.

Таким образом, сравнительно короткий отрезок времени, вошедший в историю как период новой экономической политики, характеризовался положительными переменами не только в хозяйственной, но и демографической сфере. К середине 1920-х гг. в уральских городах наступило относительное демографическое благополучие, связанное, прежде всего, с успехами в восстановлении экономики, внедрением элементов рыночных отношений и медленным, но устойчивым повышением материального благосостояния городского населения. Позитивные

¹ Лебедев Ф. Трудовые ресурсы Уралобласти. С. 153–155.

² Там же. С. 150.

³ Там же.

тенденции в демографической ситуации в регионе и стране в целом нашли отражение в итогах Всесоюзной переписи 1926 г. по городским поселениям Уральской области.

§ 3. Городское население в период промышленной модернизации 1930-х гг.

В конце 1920-х гг. на смену ограниченным рыночным отношениям пришла форсированная индустриализация, которая была призвана ликвидировать стадильное отставание СССР от западных стран. Но большевики, в отличие от досоветской эпохи, когда решалась аналогичная проблема, придали индустриализации политическое значение. Они рассматривали ее не как средство преодоления экономической отсталости, а как важнейший этап на пути построения материально-технической базы социализма. В новых условиях человек превратился в средство достижения цели, что быстро сказалось на демографической ситуации в стране и регионе.

Важное значение для формирования городского населения Урала имела разработка научно-обоснованных перспектив развития крупного индустриального центра в регионе. К июлю 1927 г. Уралпланом был составлен и в целом одобрен Госпланом СССР «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия». В последующие годы план постоянно уточнялся, дополнялся, а в период форсированной индустриализации был подвергнут резкой критике, тем не менее, он дал возможность заложить в регионе единый индустриальный комплекс¹.

Большую роль в создании на Урале нового индустриального центра союзного значения сыграла первая пятилетка. За 1928–1932 гг. в крае было реконструировано 95 промышленных объектов, вновь построено и пущено в эксплуатацию полностью или частично 149 предприятий, в том числе первая очередь Магнитогорского металлургического комбината, Уральский завод тяжелого машиностроения, Челябинский тракторный завод и завод ферросплавов, Красноуральский медеплавильный, Березниковский и Соликамский химические комбинаты, ряд круп-

¹ Бакунин А.В. Урал как единый промышленно-экономический район. С. 49–50.

ных заводов строительных материалов и лесной промышленности. УЗТМ и ЧТЗ по производственной мощности, техническому вооружению и технологическим процессам являлись самыми передовыми в мире. За эти годы на Урале были созданы новые отрасли промышленности: авиационная, автотракторная, электротехническая, химическая и другие, освоено производство инструментальной, нержавеющей, быстрорежущей, шарикоподшипниковой, трансформаторной стали, ленты холодной прокатки ферросплавов¹. К концу первой пятилетки Уральская область превратилась в один из самых крупных и перспективных индустриальных центров в СССР с развитой структурой народного хозяйства.

Форсированное развитие производительных сил Урала в связи с созданием на востоке страны Второй угольно-металлургической базы, строительство новых заводов и фабрик и развитие сопровождавшей их инфраструктуры обусловили резкое увеличение городского населения. При этом темпы его роста были значительно выше, чем всего населения Уральской области. За 1928–1932 гг., как показывают данные табл. 3.4 в приложении, число жителей городов края выросло почти в 2 раза, а области в целом – всего в 1,1 раза. Для сравнения: для удвоения городского населения США потребовалось 30 лет, Англии – 60, а Франции – свыше 60 лет². Вместе с тем на Урале сократилась абсолютная (на 465,7 тыс. чел.) и относительная (доля селян в населении края упала с 78,3 до 63,1 %) численность сельского населения. В итоге удельный вес горожан в общей массе населения региона поднялся с 21,7 (начало 1928 г.) до 27 (июль 1931 г.) и 36,9 (1932 г.) % (см. табл. 3.4 в приложении 3). Уровень урбанизации Урала был значительно выше, чем СССР и РСФСР. Доля горожан среди населения Советского Союза составила 18,3 % (начало 1928 г.), 20,7 (июль 1931 г.) и 24,3 (1932 г.) %; Российской Федерации – 20,8 (июль 1931 г.) и 25,1 (1932 г.) %.

Резкий рост городского населения Уральской области, как показывают данные табл. 3.4 в приложении 3, изменил его долю среди горожан СССР с 5,5 (нача-

¹ История народного хозяйства Урала (1917–1945). С. 112.

² Писарев И.Ю. Народонаселение СССР (социально-экономический очерк). С. 95.

ло 1928 г.) до 6,3 (июль 1931 г.) и 7,3 (начало 1933 г.) % и РСФСР с 9,1 (июль 1931 г.) до 10,3 (начало 1933 г.) %.

Анализ данных табл. 3.5 в приложении 3 показывает, что наибольший рост городского населения Уральской области приходился на начало 1930-х гг., когда в крае развернулось масштабное строительство новых предприятий. Если прирост жителей городских населенных пунктов составил в 1928 г. 4,7 %, 1929 г. – 15,1, 1930 г. – 18,3, то в 1931 г. – уже 29,3 %, но в 1932 г. он упал до 5 %.

Данные табл. 3.6 в приложении 3 говорят о том, что за годы первой пятилетки увеличилась численность горожан во всех полосах Уральской области. Этот процесс происходил на фоне роста и сельских жителей, однако с 1931 г., за исключением Горнозаводского Урала, проявилась тенденция к постепенному сокращению численности селян. Шел естественный процесс перераспределения населения между городом и деревней в пользу города. Вместе с тем различались темпы прироста городских жителей в разных полосах области. Если за 1928–1931 гг. численность горожан Предуралья выросло в 2,1, Горнозаводского Урала – в 1,9 раза, что было выше общеуральских данных (в 1,8 раза), то Зауралья – в 1,5 раза. Все это привело к увеличению удельного веса горожан в населении полос. Даже в Зауралье, где накануне промышленной модернизации края горожане составляли менее 10 % от всех жителей полосы, к 1932 г. их доля поднялась до 16,7 %. Но это по-прежнему было ниже общеуральских показателей (соответственно – 21,7 и 35 %). В Предуралье удельный вес горожан поднялся с 18,1 (начало 1928 г.) до 29,2 (начало 1932 г.) %. Но самой урбанизированной полосой оставался Горнозаводский Урал, где была сосредоточена основная часть уральской промышленности. Здесь было сконцентрировано не менее половины горожан области (в начале 1928 г. – 54,1, 1930 г. – 49,8, начало 1932 г. – 54,9 %). Доля городских жителей в общей массе населения этой полосы всегда значительно превышала аналогичные цифры по Уралу в целом и составила 52,3 % (на начало 1928 г.), 54,4 (на начало 1930 г.) и 65,2 % (на начало 1932 г.).

Промышленная модернизация Урала была связана с развитием, прежде всего, тяжелой индустрии, в которой был востребован мужской труд. С началом индустриализации Урал вступил во второй этап резкого роста мужского населения городов (первый этап пришелся на начало 1920-х гг. и был связан с окончанием Гражданской войны). Как показывают данные табл. 3.5 в приложении 3, за 1928–1931 гг. число мужчин в городских населенных пунктах региона выросло почти в 2 раза, женщин – в 1,7, тогда как в области представителей каждого пола стало больше в 1,1 раза. Это способствовало ликвидации диспропорции между полами в городских поселениях Уральской области. Горожанки составили на начало 1928 г. 1107, 1929 г. – 1069, 1930 г. – 1025, 1931 г. – 1016, 1932 г. – 1000 чел. на 1000 мужчин, по области соответственно – 1137, 1129, 1124, 1120, 1112. В результате удельный вес мужчин-горожан поднялся с 47,5 на начало 1928 г. до 50 % на начало 1932 г., что было выше общеуральских показателей (46,8 и 47,4 %). По предварительным данным, на начало 1933 г. доля мужчин среди жителей городов края составила 49,9 %, в то время как по области – 47,5 %.

В сельской местности обозначилась противоположная тенденция. Если на начало 1928 г. на 1000 мужчин приходилось 1146 сельенок, то на начало 1932 г. – 1179¹, уральская деревня отдавала в города, прежде всего, мужчин.

Данные табл. 11 показывают, что в 1928–1932 гг. в городах отдельных полос Уральской области шел процесс выравнивания полов. На 1000 мужчин насчитывалось в Предуралье на начало 1928 г. 1132 женщин, на начало 1930 г. – 1100, на начало 1932 г. – 1038; в Горнозаводском Урале соответственно – 1094, 1088, 1004; в Зауралье – 1112, 1095, 934. Таким образом, в годы первой пятилетки в Горнозаводском Урале соотношение полов было лучше, чем в целом по области. В Зауралье и Предуралье эти показатели превышали общерегиональные. К 1932 г. в Зауралье мужчин уже было больше, чем женщин, что объясняется крупномасштабным промышленным строительством на его территории. Вместе с тем к концу первой пятилетки больших диспропорций между полами не образовалось, что

¹ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1929 г. С. 4–5; Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. С. 281.

было обусловлено, во-первых, вовлечением в промышленное производство представителей обоих полов, во-вторых, деревня все-таки не стремилась отдавать только мужское население.

Таблица 11¹

Динамика численности полов в городах полос Уральской области
в 1928–1932 гг. (на начало соответствующего года), тыс. чел.

Полоса	Пол	1928 г.	1930 г.	1932 г.
Предуралье	мужчины	164,3	234,0	367,0
	женщины	186,0	257,5	381,0
Горнозаводский Урал	мужчины	394,1	436,1	769,4
	женщины	431,2	474,6	772,8
Зауралье	мужчины	164,5	203,6	267,4
	женщины	182,9	223,0	249,8

Следует отметить, если в начале первой пятилетки процент мужчин и женщин, проживавших в городских поселениях Урала, в общей численности полов области был примерно одинаковым (соответственно 22 и 22,4 %), то к 1932 г. население городов вновь, как и в период переписи 1926 г., стало чуть более мужским. Здесь концентрировалось до 37 % всех представителей этого пола области против 33,2 % женского (рассчитано по данным табл. 3.5 в приложении 3).

Промышленная модернизация Урала оказала существенное влияние на возрастной состав городского населения области. По данным апрельского учета 1931 г., удельный вес трудоспособных горожан составил 62,6 %. При этом на новостройках доля лиц в возрасте 16–59 лет превзошла общеуральский показатель и достигла 73,3 %, в индустриальных центрах она была чуть ниже – 62,3, а в неиндустриальных городах – всего 57,9 %. Особенно много трудоспособных было среди мужчин-горожан. В целом по городам области они составили 64,2 %, новостройкам – 78,4, индустриальным центрам – 63,8, неиндустриальным городам – 57,9 %. Доля женщин в возрасте 16–59 лет была соответственно – 60,9; 66,7; 60,9

¹ Таблица составлена по: Уральское хозяйство в цифрах, 1929 г. С. 4–5; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 1. С. 3; Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. С. 281.

и 57,9 %¹. Для сравнения: в начале 1931 г. удельный вес населения в трудоспособном возрасте среди граждан СССР был на порядок ниже, чем на Урале, и составил 55,3 %. Доля мужчин среди трудоспособных в СССР была всего 47,7 %².

К концу 1931 г. доля жителей в возрасте 16–59 лет в уральских городах выросла до 64,1 % против 54,3 % в целом по области и 49,1 % по сельским населенным пунктам. При этом удельный вес трудоспособных горожан среди мужчин был выше, чем среди женщин – 66,2 против 62,1 %. Для сравнения: аналогичные показатели составили по области 53,1 и 55,4 %, селу – 45,6 и 52,1 %³. Таким образом, город, особенно новостройки и индустриальные центры, притягивал к себе людей в трудоспособном возрасте и, прежде всего, мужчин. Эту тенденцию подтверждал и соседний Сибирский регион. В 1931 г. среди его городского населения преобладали лица в рабочем возрасте (63,2 %), поскольку демографическая структура контингентов горожан формировалась под непосредственным влиянием миграционного движения людских масс. А интенсивность миграции населения в возрасте 15–59 лет была весьма высокой⁴.

Во второй пятилетке (1933–1937 гг.) городское население Урала (в 1934 г. Уралобласть была разделена на Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую области) продолжало увеличиваться. Данные табл. 12 показывают, что за 1933–1936 гг. численность горожан выросла в Свердловской области в 1,3, а Челябинской – в 1,5 раза.

Среднегодовые темпы прироста жителей городов были неодинаковыми и колебались иногда в значительных пределах. Так, число горожан Свердловской области приросло за 1933 г. на 15,7 %, но за 1934 г. – всего на 3 %, а за 1935 г. – на 11,9 %; Челябинской области соответственно – 14,2, 12,7 и 10,7 %. В результате доля горожан в населении Свердловской области только за 1933 г. поднялась с 42,7 до 47,7 %, Челябинской – с 35,8 (начало 1933 г.) до 47,3 (июль 1936 г.) %. По-прежнему сохранялся тренд на сокращение жителей сельской местности и их удельного веса в населении областей.

¹ Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. С. 304–305.

² Рассчитано по: Народное хозяйство СССР. Стат. справочник 1932 г. С. XXII–XXIII.

³ Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. С. 312.

⁴ Московский А.С., Исупов В.А. Указ. соч. С. 113.

Динамика численности городского населения Свердловской
и Челябинской областей в 1933–1936 гг.

Область	Период	Все население		В том числе:			
				городское		сельское	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Свердлов- ская область	1 янв. 1933 г.	4201,3	100	1793,1	42,7	2408,2	57,3
	1 янв. 1934 г.	4351,5	100	2074,0	47,7	2277,5	52,3
	1 янв. 1935 г.	н. св.		2136,4		н. св.	
	1 янв. 1936 г.	н. св.		2390,6		н. св.	
Челябин- ская область	1 янв. 1933 г.	2630,4	100	940,5	35,8	1689,9	64,2
	1 янв. 1934 г.	2590,4	100	1073,9	41,5	1516,5	58,5
	1 янв. 1935 г.	2641,8	100	1210,0	45,8	1431,8	54,2
	1 июля 1935 г.	2722,7	100	1278,5	47,0	1444,2	53,0
	1 янв. 1936 г.	2940,5	100	1339,8	45,6	1600,7	54,4
	1 июля 1936 г.	2945,5	100	1393,1	47,3	1552,4	52,7

Архивные данные дают возможность определить половой состав городского населения Челябинской области. На 1000 мужчин-горожан приходилась в 1933 г. 1041 женщина, 1934 г. – 1020, 1935 г – 1004, 1936 г. – 1004. В 1933–1936 гг. удельный вес горожанок колебался в пределах 49–49,9 %². Таким образом, исчисление, произведенное работниками облУНХУ накануне переписи 1937 г., показывало нормальное соотношение полов в городах Челябинской области.

Всесоюзная перепись населения 1937 г. должна была подтвердить быстрый рост городского населения Урала вследствие развернувшейся в крае индустриализации. Однако первые ее итоги вызвали тревогу у руководства областных УНХУ. В секретном сообщении, отправленном 19 января начальником Свердловского облУНХУ А.П. Бобровым и начальником бюро переписи населения края Т.И. Величковским в ЦУНХУ Госплана СССР и Бюро переписи населения УНХУ

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Челябинская область в цифрах. Челябинск: Изд. ЧелябоблУНХУ, 1934. С. 144; Четыре года борьбы за социализм. С. 121; Итоги хозяйственного и культурного строительства Челябинской области. С. 14; Свердловская область в цифрах. 1935: кратк. стат. справочник. С. 154–163; Социалистическое строительство в Челябинской области в 1936 году (краткие итоги). Челябинск, 1936. С. 19; Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. С. XLVI–XLVII; Хозяйство Свердловской области, 1935–1936: основные показатели. Свердловск: Изд. СвердблУНХУ, 1936. С. 23; ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 5. Д. 49 Б. Л. 87.

² Рассчитано по: ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 5. Д. 49 Б. Л. 87.

РСФСР, содержались предварительные данные переписи. В области в общем порядке было учтено 4 015 190 чел., что оказалось на 186,7 тыс. чел. или 4,4 % меньше исчисления на 1 января 1936 г. При этом руководитель регионального УНХУ пытался объяснить это расхождение тем, что в предварительные результаты переписи были включены пока только переписанные в особом порядке и в поездах, тогда как при исчислении на начало 1936 г. учитывались все особые контингенты. Он заверял Москву в том, что прибавка их численности должна была значительно уменьшить этот разрыв¹.

Аналогичная тревожная ситуация складывалась и в соседнем регионе. Начальник Челябинского облУНХУ В.К. Строковский в секретном донесении начальнику ЦУНХУ СССР И.А. Кравалю от 23 января 1937 г. сообщал, что по предварительным данным, без учета лиц, переписанных в особом порядке и в поездах, в области насчитывалось 2675,2 тыс. чел., в том числе в городской местности – 1132,5 тыс. чел. По его мнению, с учетом всех контингентов население области окажется на 170 тыс. чел. или 5,8 % меньше, чем по исчислению на 1 июля 1936 г. В городах этот разрыв будет больше и составит приблизительно 221 тыс. чел.²

В ЦУНХУ СССР на основе срочных донесений с мест не позднее 25 января 1937 г. были обобщены предварительные данные по отдельным территориям СССР. По Уралу приводились уже другие цифры. Без населения, переписанного в особом порядке наркоматами обороны (НКО) и внутренних дел (НКВД), а также пассажиров поездов и пароходов, в Челябинской области было учтено 2651,2 тыс. чел., что составило 103,4 % по отношению к данным переписи 1926 г., в Свердловской – 3985,5 тыс. чел. или 126,4 % к уровню 1926 г.³ Предварительные данные по итогам переписи 1937 г. постоянно уточнялись.

В секретной записке секретарю Челябинского обкома ВКП (б) К.В. Рындину от 31 января 1937 г. В.К. Строковский докладывал, что Управление народнохозяйственного учета региона закончило приемку материалов переписи от городских и районных уполномоченных. Предварительные расчеты с учетом ориенти-

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 50.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 123–123 об., 125.

³ Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. С. 27; Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. С. 31.

ровочных итогов переписи особых контингентов наркоматов обороны и внутренних дел и пассажиров в поездах показали, что в крае было переписано 2775 тыс. чел., из них в городской местности – 1218 тыс. чел. Но и эти цифры не соответствовали июльским (1936 г.) данным о количестве проживавших в регионе (см. табл. 12). В.К. Строковский отмечал преобладание женщин в структуре гражданского населения области. Их удельный вес (без особых контингентов и переписанных в поездах) составил 54,8 %. Вместе с тем он заверил К.В. Рындина, что эта диспропорция между полами выправится в сторону некоторого увеличения удельного веса мужчин при разработке итогов переписи по НКО и НКВД. Предварительные данные переписи также показали, что доля лиц старше 18 лет среди гражданского населения области составила 57,4 % (1535 тыс. чел.). Наличие значительного числа молодежи до 18 лет, по мнению статистика, свидетельствовало о больших возможностях для увеличения рождаемости населения в области¹.

В данных, представленных Свердловским облУНХУ в ЦУНХУ Госплана СССР 17 февраля 1937 г., вновь значилась та же самая цифра переписанных по области (4015,2 тыс. чел.), что и в сообщении в ЦУНХУ от 19 января. Из них в городской местности проживало 2068,6 тыс. чел. или 51,5 % всех жителей края, сельской – 1946,6 тыс. чел. (48,5 %). Доля мужчин в населении области была 46 % (1848,5 тыс. чел.), тогда как городов – 46,7 (965,4 тыс. чел.), а села – 45,4 % (883,1 тыс. чел.). На 1000 мужчин в городах было 1143 женщины, а в области – 1172, селе – 1204. В этом документе содержались и сведения о лицах, переписанных в особом порядке. Так, гражданское население, проживавшее на территории воинских частей, насчитывало 3,6 тыс. чел., контингент, переписанный органами НКВД, составил 98,1 тыс. чел., пассажиры поездов – 8 тыс. чел.²

В целом с учетом лиц, переписанных в особом порядке, за исключением воинских частей и учреждений наркоматов обороны и внутренних дел, на территории Свердловской области проживало 4126,6 тыс. чел. Расхождение между предварительными итогами переписи населения и исчислением на 1 января 1936 г. со-

¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 338. Л. 86–87.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 131.

ставило 76,8 тыс. чел. (1,9 %)¹. В городских населенных пунктах региона (без войсковых частей), по предварительным подсчетам облУНХУ, числилось 2115,7 тыс. горожан, среди них почти половину (994,0 тыс. чел. или 47 %) составляли мужчины². Для городского населения расхождение с исчислением накануне переписи составило 274,9 тыс. чел. (11,5 %)³.

Сохранившиеся в архивах материалы позволяют определить масштабы несоответствия между предварительными результатами переписи, рассчитанными местными облУНХУ, и исчислениями населения накануне нее по отдельным городам Урала. Данные табл. 13 показывают, что во время переписи 1937 г. практически во всех крупных городах Урала было зафиксировано гораздо меньшее число жителей, чем по исчислению 1936 г. (в Свердловской области исчисление населения произведено на 1 января 1936 г., Челябинской – на 1 июля 1936 г.). В городах Челябинской области разница достигала 13 (Челябинск) – 35,5 (Копейск) %, а в целом по городскому населению края – 12,6 %. В Свердловской области расхождение колебалось в пределах 5,3 (Чусовая) – 15,4 (Кабаковск) %, только в Ревде оно равнялось 40 %, в целом по городскому населению региона – 11,5 %.

Возможное несоответствие реальной численности горожан данным исчисления 1936 г. проявилось еще накануне переписи 1937 г. На заседании Челябинского облисполкома, состоявшемся 26 сентября 1936 г., в связи с определением потребности конкретных населенных пунктов в переписных кадрах была озвучена численность ряда городов области: в Челябинске проживало 293,1 тыс. чел., Магнитогорске – 223,6 тыс., Златоусте – 110,8 тыс. чел.⁴ Более того, адресный стол Челябинска 5 декабря 1936 г. представил в облУНХУ сведения о численности своих горожан, в ней фигурировала цифра в 240 тыс. чел., в нее вошло и военное население, проживавшее на гражданской территории города⁵. Сравнение этих величин с данными табл. 13 свидетельствует об их большей реалистичности. Однако накануне переписи им не придали особого значения.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 50.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 136.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 132.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3 Д. 713. Л. 136; Архив ЗГА. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 444. Л. 79.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2 Д. 66. Л. 26.

Численность населения городов Урала по предварительным итогам
Всесоюзной переписи населения 1937 г. и исчислению 1936 г.

Город	Исчисление 1936 г., тыс. чел.	Перепись 6.01.1937, тыс. чел.	Разница между 1937 г. и 1936 г.	
			тыс. чел.	%
Свердловск	445,0	387,0	– 58,0	13,0
Пермь	181,5	165,0	– 16,5	9,0
Нижний Тагил	168,9	145,6	– 23,3	13,8
Кабаковск (Надеждинск)	75,8	64,1	– 11,7	15,4
Лысьва	60,1	51,9	– 8,2	13,6
Чусовая	45,6	43,2	– 2,4	5,3
Ревда	40,0	24,0	– 16,0	40,0
Все городское население Свердловской области	2390,6	2115,7	– 274,9	11,5
Челябинск	304,9	265,0	– 39,9	13,0
Магнитогорск	220,1	152,0	– 68,1	30,9
Златоуст	113,8	95,0	– 18,8	16,5
Курган	56,0	48,0	– 8,0	14,3
Троицк	55,5	43,5	– 12,0	21,6
Миасс	31,9	38,6	+ 6,7	21,0
Копейск	76,0	49,0	– 27,0	35,5
Каменск	51,6	42,6	– 9,0	17,4
Все городское население Челябинской области	1393,1	1218,0	– 175,1	12,6

Вместе с тем в Челябинской области были городские населенные пункты, в которых численность населения во время переписи оказалась даже выше, чем по исчислению на 1 июля 1936 г. Например, Миасс (см. табл. 13) дал значительное увеличение населения (на 21 %). Кроме него, еще в 15 районах области перепись выявила хотя и незначительный, но рост жителей городских поселений, максимальная цифра (на 2,1 тыс. чел.) была зафиксирована в Брединском (новом угольном) и Кочкарском (золотоносном) районах. Это объяснялось тем, что населенные

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Социалистическое строительство в Челябинской области в 1936 году: краткие итоги. С. 19; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 125–125 об.; ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 2. Д. 338. Л. 88; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26977.1. Л. 143; Д. 26977.2. Л. 71.

пункты данных 15-ти районов стали рабочими поселками в период переписи 1937 г. Ранее они являлись селами, учет населения в них проводился в июне 1936 г. во время переписи скота, поэтому за основу исчисления была взята приблизительная цифра жителей данных поселений¹.

Еще во время переписи возник вопрос о причинах расхождения численности городского населения, как, впрочем, и всего населения уральских областей, между исчислением 1936 г. и предварительными данными, полученными в ходе переписи. Уже тогда уральские статистики отметили специфику базы для исчисления населения. В частности, в секретном сообщении начальника СвердблУНХУ А.П. Боброва и начальника бюро переписи населения края Т.И. Величковского, направленном 19 января 1937 г. в ЦУНХУ и Бюро переписи населения УНХУ РСФСР, указывалось, что исчисления на 1 января 1936 г. производились с учетом всех особых категорий населения. Впервые порайонное включение гарнизонов трудпереселенцев и прочих особых контингентов в демографические расчеты Уральской области было произведено в 1931 г.² Впоследствии Т.И. Величковский будучи уже заключенным Тайшет-Братского лагеря НКВД СССР в своем письме к наркому НКВД Л.П. Берия отмечал, что именно с этого времени трудпоселенцы автоматически попадали в общую численность населения Уральской области³.

Всего же при исчислениях на 1 января 1931–1933 гг. Уральским областным УНХУ к общегражданскому населению было добавлено, по данным ОГПУ, 232 тыс. трудпереселенцев, в том числе к горожанам – 135 тыс. чел. И от этой базы, которая оставалась неизменной с 1933 г., производились все дальнейшие ежегодные расчеты населения. При этом для указанной категории населения не производился учет их механического движения. По мнению работников СвердблУНХУ, для приведения данных исчислений в сопоставимый с переписью вид следовало исключить из городского населения области на 1 января 1935 и 1936 гг. 135 тыс. трудпереселенцев и выделить их в категорию населения, не распреде-

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 125 об.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 50.

³ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26977.1. Л. 143.

ленного по городским и сельским поселениям. При этом для 1935 г. работники СвердловоблУНХУ условно сохранили численность трудпоселенцев без изменения в 232 тыс. чел. На 1 января 1936 г. они предлагали взять то количество спецконтингента, какое УНКВД по Свердловской области считало на момент переписи населения, то есть в 189 тыс. чел. Учитывая все эти поправки, свердловские статистики произвели ориентировочные расчеты численности населения на 1 января 1937 г., по которым городское население должно было исчисляться в 2182,1 тыс. чел., что было гораздо ближе к реальности¹.

На эту же причину – неверная база исчисления, установленная Свердловским облУНХУ при выделении Челябинской области – указывал и начальник Челябинского облУНХУ В.К. Строковский в секретной записке начальнику ЦУНХУ И.А. Кравалю от 23 января 1937 г.² В докладной записке секретарю Челябинского обкома ВКП (б) К.В. Рындиному от 31 января 1937 г. он вновь называет эту же причину, приведшую к расхождению между предварительными данными переписи и исчислениями населения накануне нее. В качестве доказательства своей правоты В.К. Строковский приводил такие факты. По данным УралоблУНХУ, на 1 января 1933 г. в Магнитогорске уже проживало 155 тыс. чел., а перепись зафиксировала всего 152 тыс. чел.³ На начало 1935 г. в Златоусте числилось 104,5 тыс. чел., что оказалось гораздо ниже итогов переписи⁴.

В пользу правомерности причины расхождений данных исчислений накануне переписи 1937 г. с ее итогами, на которую указывали работники уральских органов НХУ, говорит тот факт, что, как показывают данные табл. 3.5 в приложении 3, действительно произошел резкий скачок в численности городского населения Уральской области в 1931 г., который сложно объяснить только естественным движением населения.

Вместе с тем в мае 1940 г. экспертная комиссия Управления НКВД по Свердловской области под председательством Е.Ф. Разницыной, призванная вы-

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 132–133.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 125 об.

³ ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 2. Д. 338. Л. 88–88 об.

⁴ Архив ЗГА. Ф. Р–242. Оп. 1. Д. 4. Л. 46 об.

явить причины расхождения итогов переписи и исчисления 1936 г., в качестве одной из них назвала пропуск населенных пунктов во время переписи¹. Однако в записке начальника Свердловского облУНХУ А.П. Боброва в ЦУНХУ СССР, датированной еще 17 февраля 1937 г., отмечалось, что в ходе проверки полноты охвата населения переписью не было обнаружено ни одного пропущенного поселения с общегражданским населением. Такая же проверка была проведена и органами НКВД, во время которой выявили неучтенный лесопункт Вотьма в Гаринском районе с 26 чел. и барак в Ворошиловском районе, в котором проживало 20 чел.²

Обобщающие итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г. в целом по стране и по отдельным регионам с включением спецконтингентов содержались в секретном письме начальника ЦУНХУ Госплана СССР И.А. Кравалю генеральному секретарю ЦК ВКП (б) И.В. Сталину и председателю СНК СССР В.М. Молотову, составленном не позднее 14 марта 1937 г. В численности населения были учтены спецконтингенты «Б» (штрафной и вольнонаемный состав аппаратов лагерей, управлений и отделов мест заключения, тюрем, колоний, трудовых поселков, строительства (по особому списку ГУЛАГа НКВД); состоявший на казарменном положении постоянный и переменный состав частей и школ милиции, военизированной пожарной охраны) и «В» (заключенные (осужденные и следственные) во всех тюрьмах, арестных помещениях, лагерях и трудовых колониях НКВД СССР, трудпоселенцы, проживавшие в зоне, трудпоселках ГУЛАГа НКВД, а также задержанные, содержащиеся на время переписи в арестных помещениях НКВД; воспитанники трудколоний, трудкоммун и приемников-распределителей отдела трудовых колоний для несовершеннолетних НКВД СССР)³. При этом следует учитывать, что значительная часть труд(спец)поселенцев проходила перепись в общем порядке⁴. Предварительные данные по областям Урала (без спецконтингента «А» и РККА) представлены в табл. 3.7 в приложении 3.

¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26977.2. Л. 16, 70 об.–71.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 131–132.

³ Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. С. 230–231.

⁴ Там же. С. 231.

Анализ данных табл. 3.7 в приложении 3 показывает, что за период между двумя переписями (1926 и 1937 гг.) городское население Свердловской области увеличилось в 2,5 раза, тогда как все население региона – в 1,3 раза; Челябинской соответственно – в 3,0 и 1,1. Как показывают расчеты, темпы прироста городского населения Челябинской области были выше, чем Свердловской. При этом цифры по Уралу либо превышали аналогичные общесоюзные и общероссийские показатели (городское население, Свердловская область в целом), либо были с ними на одном уровне (Челябинская область в целом). Число горожан в СССР увеличилось в 2 раза, тогда как все население страны выросло в 1,1, РСФСР соответственно – в 2,1 и 1,1. Но темпы роста горожан на Урале были ниже, чем в Западно-Сибирском, Красноярском и Дальневосточном краях, в которых число жителей городов выросло более чем в 3 раза¹. В итоге за 1926–1937 гг. удельный вес горожан в общей массе населения Свердловской области поднялся с 26,7 до 51 %, Челябинской – с 15,8 до 43,6 %, тогда как СССР – с 17,6 до 31,6 % и РСФСР – с 17,7 до 33,1 % (см. табл. 3.7 в приложении 3). Одновременно на Урале, ставшем крупным индустриальным центром страны, сократилась численность сельского населения, в том числе и за счет постоянного оттока рабочей силы из деревни на строительные и промышленные объекты городов региона. Аналогичный тренд был характерен также для Московской, Ленинградской, Калининской, Ярославской и Ивановской областей, Татарской АССР².

Официальные предварительные данные переписи 1937 г. свидетельствовали о высоком уровне урбанизации уральских областей. Более того, в Свердловской области численность горожан немного превзошла сельчан. Не случайно И.А. Краваль в уже упоминавшемся секретном письме И.В. Сталину и В.М. Молотову отнес Свердловскую область, наряду с Московской, Горьковской, Донецкой и другими областями, к первой из пяти выделенных им групп территорий. Она отличалась высокоразвитой индустрией и соответственно высокими показателями прироста населения, по сравнению с 1926 г. Большой прирост населения здесь

¹ Поляков Ю.А. Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920–1930-е годы). С. 124.

² Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. С. 50–51, 52–53, 56–57, 58–59.

И.А. Краваль объяснял успехами индустриализации и урбанизации, ничего не говоря о наличии в этих местах сосредоточения значительного контингента заключенных¹.

За период между двумя Всесоюзными переписями, как показывают данные табл. 3.7 в приложении 3, изменилось соотношение полов на Урале. В 1937 г. в городах Свердловской области на 1000 мужчин приходилось 1132 женщины, что было выше аналогичного показателя в 1926 г. (1122), но ниже, чем в целом по региону (1160). Не случайно, что в 1937 г. удельный вес мужчин среди горожан составил 46,9 %, по области чуть меньше – 46,3 %, в 1926 г. соответственно – 47,1 и 46,4 %. В Челябинской области в 1937 г. на 1000 мужчин-горожан приходилось 1085 женщин, в 1926 г. – 1139, а в целом по области соответственно – 1140 и 1139. Удельный вес мужчин здесь среди городского населения края был равен в 1937 г. 48, в 1926 г. – 46,7 %, по области он не изменился и соответствовал 46,7 %. Таким образом, в 1930-е гг. в городах Свердловской области шел процесс углубления несоответствия между полами. В Челябинской же области ситуация была более благоприятной, в крае, наоборот, сокращался разрыв между мужчинами и женщинами. При этом в 1937 г. цифры по городам Свердловской области оказались хуже аналогичных общесоюзных (1089 женщин на 1000 мужчин) и общероссийских (1101 женщин) показателей.

Данные табл. 3.7 в приложении 3 свидетельствуют о том, что в городах Урала по-прежнему население оставалось чуть более мужским. В Свердловской области в них проживали 51,7 % мужчин и 50,4 % женщин региона, в соседней Челябинской соответственно – 44,8 и 42,6 %, то есть в городских населенных пунктах Урала было чуть больше всех представителей сильного пола областей. В общесоюзных и общероссийских городах проживало примерно по трети всех мужчин и женщин СССР и Российской Федерации.

В результаты переписи 1937 г. вошли и лица, переписанные в особом порядке. Предварительные итоги переписи спецконтингентов «Б» и «В» НКВД по от-

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. С. 38; Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 43.

дельным областям СССР приведены в секретной записке главного руководителя переписи 1937 г. по НКВД СССР майора госбезопасности В. Цесарского. Данные по Уралу представлены в табл. 14. Следует учесть, что на долю городов Свердловской области приходилось 4,5 % всех общероссийских и 3,6 % общесоюзных спецконтингентов, находившихся в городах; Челябинской соответственно – 10,0 и 7,6 %¹. Анализ данных табл. 14 показывает, что удельный вес спецконтингентов НКВД среди горожан Свердловской области составил 1,6 %, по региону в целом – 2,4 %, а Челябинской соответственно – 6,0 и 3,1 %. При этом в Челябинской области подавляющее большинство их (84,3 %) пришлось на горожан, а в соседней Свердловской – селян (65,2 %). Обращает на себя внимание то, что среди особых контингентов «Б» и «В» НКВД, включенных в число горожан, большинство составляли мужчины. Их удельный вес в городах Свердловской области равнялся 62 %, Челябинской – 61,4 %. Доля спецконтингентов среди мужчин-горожан была выше, чем среди горожанок: в Свердловской области – 2,1 против 1,2 %, Челябинской – 7,7 против 4,5 %. Эти показатели в Свердловской области были ниже, чем соответствующие данные по региону в целом (2,8 против 2 %), а в Челябинской, наоборот, – выше (4 против 2,3 %).

В целом, как отмечали руководители облУНХУ (об этом говорилось выше), преобладание мужчин среди спецконтингентов в составе горожан должно было смягчить проблему соотношения полов в населении уральских городов. Большинство спецконтингента (в городах Свердловской области – 23756 чел. или 69,4 %; Челябинской – 50188 чел. или 68,8 %) – это лица в возрасте 18-ти и старше лет².

Сохранившиеся предварительные итоги Всесоюзной переписи 1937 г. позволяют определить величину спецконтингентов «Б» и «В» НКВД в конкретных городах Урала. Данные табл. 14 и 15 показывают, что 46 % всех их, проживавших в городских поселениях Челябинской области, приходилось на Магнитогорск. Доля спецконтингентов среди горожан в этом городе составила 22 %. В городах, где развернулось крупное промышленное строительство, удельный вес их колебался в

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. С. 168–169, 170–171, 172–173.

² Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. С. 168–169.

пределах 4–5,6 %, это: Челябинск, Нижний Тагил, Березники. В остальных крупных городах спецконтингент составлял процент или чуть больше процента (Молотово, Свердловск, Златоуст, Курган, Шадринск) или меньше него (Пермь, Кабаковск, Лысьва, Троицк, Кизел). Таким образом, данные переписи показывают, что спецконтингенты составляли незначительную часть городского населения Урала.

Таблица 14¹

Численность контингентов «Б» и «В» НКВД в Свердловской и Челябинской областях (по предварительным итогам Всесоюзной переписи населения 1937 г.)

Территория, категории населения	Численность населения, чел.	В том числе: численность контингентов «Б» и «В» НКВД, чел.	Удельный вес контингентов «Б» и «В» НКВД в различных категориях населения, %
Свердловская область:			
все население	4 126 450	98 299	2,4
из них: мужчины	1 909 614	53 836	2,8
женщины	2 216 836	44 464	2,0
в т. ч. городское	2 106 314	34 228	1,6
из них: мужчины	987 910	21 209	2,1
женщины	1 118 404	13 019	1,2
Челябинская область:			
все население	2 768 565	86 450	3,1
из них: мужчины	1 293 145	52 286	4,0
женщины	1 475 420	34 164	2,3
в т. ч. городское	1 207 259	72 898	6,0
из них: мужчины	578 959	44 730	7,7
женщины	628 300	28 168	4,5

Материалы переписи 1937 г. показывают, что подавляющая часть переписанных особым порядком спецконтингентов НКВД была сосредоточена в крупных городах Урала численностью свыше 50 тыс. чел. По подсчетам автора, в Челябинской области на 6 из 15 городов приходилось 63,1 % (45 995 чел.) всех контингентов «Б» и «В» НКВД в городских поселениях края; в Свердловской области на 9 из 25 городов – 52,3 % (17 926 чел.) спецконтингентов НКВД городов и рабочих

¹ Таблица составлена по: Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. С. 168–169; Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. С. 56–57.

поселков данного региона¹.Таблица 15²

Предварительные итоги переписи контингентов «Б» и «В» НКВД в 1937 г.
в крупных городах Свердловской и Челябинской областей

Название города	Всего		В том числе:			
	чел.	удельный вес в населении города, %	мужчины		женщины	
			чел.	%	чел.	%
Челябинск	10386	4,0	8796	84,7	1590	15,3
Магнитогорск	33524	22,0	20268	60,5	13356	39,5
Златоуст	1196	1,2	1027	85,9	169	14,1
Троицк	265	0,6	241	90,9	24	9,1
Курган	604	1,3	483	80,0	121	20,0
Шадринск	273	1,0	н. св.		н. св.	
Копейск	20	0,0	19	95,0	1	5,0
Свердловск	4584	1,2	3862	84,2	722	15,8
Пермь	1250	0,7	1102	88,2	148	11,8
Нижний Тагил	7709	5,3	4093	53,1	3616	46,9
Молотово	801	1,3	709	88,5	92	11,5
Березники	3500	5,6	1952	55,8	1548	44,2
Кабаковск	68	0,1	57	83,8	11	16,2
Лысьва	14	0,0	12	85,7	2	14,3
Кизел	163	н. св.	161	98,8	2	1,2
Первоуральск	1129	н. св.	923	81,7	206	18,3

Среди учтенных особой переписью спецконтингентов НКВД в городском населении Урала преобладали мужчины. Их удельный вес, по данным табл. 15, среди этой категории горожан превышал 80 %. Исключение составляли Магнитогорск (60,5 %), Березники (55,8 %) и Нижний Тагил (53,1 %).

Предварительные итоги переписи по отдельным городам уральских областей свидетельствуют об увеличении численности их жителей за период между переписями 1926 и 1937 гг. (табл. 16). Наибольший рост отмечался в Челябинске (более чем в 4 раза), Нижнем Тагиле и Березниках (более чем в 3 раза), Свердловске

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. С. 168; Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. С. 254–255.

² Таблица составлена и рассчитана по: Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. С. 63–64, 254–255; ГАОПДКО. Ф. 351. Оп. 1. Д. 486. Л. 56; ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 2. Д. 338. Л. 88.

(около 3 раз). В остальных крупных городах региона число жителей удвоилось. Вырос новый город Магнитогорск, который динамично развивался и к 1937 г. превзошел по численности такие города, как Златоуст и Нижний Тагил. Даже менее крупные города, к примеру, Шадринск, увеличили свое население.

Таблица 16¹

Численность населения крупных городов Урала в 1926 и 1937 гг.
(без контингентов РККА и погранохраны НКВД)

Название города	Всего населения по переписи 1926 г., чел.	Всего населения по предварительным итогам переписи 1937 г., чел.	1937 г. в % к 1926 г.
Челябинск	57 655	256 871	445,5
Магнитогорск	—	152 385	—
Златоуст	48 201	96 134	199,4
Шадринск	19 185	26 810	139,7
Свердловск	134 831	386 815	286,9
Пермь	82 249	165 825	201,6
Нижний Тагил	38 790	147 136	379,3
Молотово	34 993	63 436	181,3
Березники	19 744	62 293	315,5
Кабаковск	33 362	67 786	203,1
Лысьва	27 279	51 967	190,5

О высокой степени достоверности результатов переписи на Урале свидетельствуют срочные донесения областных УНХУ в Москву. 23 января 1937 г. начальник Челябинского облУНХУ В.К. Строковский докладывал начальнику ЦУНХУ СССР И.А. Кравалю, что перепись в крае проведена в соответствии с требованиями ВКП (б) и Советского правительства. Уполномоченный комиссии партийного контроля по Челябинской области в заключении, составленном для Бюро ЦК ВКП (б), положительно оценил ход переписи в области². На слете участников переписи в Магнитогорске 16 января 1937 г. секретарь горкома ВКП (б) Р.М. Хитаров также отметил, что она проведена на высоком организационно-техническом уровне³.

¹ Таблица составлена по: Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. С. 63–64; Уральское хозяйство в цифрах, 1928 г. С. 33; ГАОПДКО. Ф. 351. Оп. 1. Д. 486. Л. 56.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 126.

³ Там же.

Контрольные обходы в Челябинской области показали, что перепись не прошли единицы респондентов¹.

В информации в ЦУНХУ СССР и УНХУ РСФСР от 19 января 1937 г. начальника Свердловского облУНХУ А.П. Боброва и начальника бюро переписи населения края Т.И. Величковского указывалось, что по сравнению с данными срочных донесений население области увеличилось на 29 701 чел. за счет довыявленных респондентов при контрольных обходах, обращения в переписные пункты граждан, не переписанных по каким-либо причинам, и устранения просчетов, допущенных при составлении районных срочных сообщений о ходе переписи. В целом по 45 районам срочное донесение о ходе переписи было преуменьшено против действительно учтенного счетчиками населения на 0,3 %².

Секретная докладная записка от 17 февраля 1937 г. начальника Свердловского облУНХУ А.П. Боброва в ЦУНХУ СССР и УНХУ РСФСР, содержала информацию о нескольких способах проверки точности данных переписи в регионе. В частности, при приемке материалов в облУНХУ был организован тщательный контроль правильности подсчета сводных итогов. В зависимости от качества материалов производилась сплошная или выборочная проверка их. В целом по Свердловской области проверка охватила 70 % счетных участков. Комиссией партийного контроля и органами НКВД была проведена проверка полноты учета трудпоселенцев. В ходе нее были обнаружены единичные случаи пропуска респондентов в отдельных населенных пунктах области. Проведенная на этом основании 12 февраля 1937 г. сплошная повторная проверка трудпоселенцев, проходивших перепись по линии органов НХУ, дополнительно выявила еще 423 чел. на массив в 128 тыс. чел., что составило 0,3 %. Недоучет произошел, по мнению работников облУНХУ, из-за приезда уже после переписи новых лиц. Общий результат всех проверок показал, что, несмотря на чрезвычайную подвижность и разбросанность населения, перепись полностью охватила всех жителей, за исключением единичных случаев пропуска³.

¹ Население России в XX веке. Т. 1. С. 350.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 50 об.

³ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. С. 33; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 131–132.

Но в позднейших документах, когда судьба переписи была predetermined, давались другие оценки достоверности ее данных. В записке заведующего демографической статистикой ЦУНХУ Госплана СССР И.Ю. Писарева от 13 августа 1937 г. отмечалось, что недоучет по городам Свердловской области (без спецконтингентов) экспертно исчислен в 2,4 % (51,7 тыс. чел.), однако он был выше по региону – 3,1 % (129,3 тыс. чел.) и по сельской местности (3,2 %). Недоучет объяснялся тем, что в городах при повторном обходе было вычеркнуто 1,9 % респондентов, в сельской местности – 3,2 %¹.

Постановлением СНК СССР от 26 сентября 1937 г. материалы переписи были признаны «дефектными»², ее итоги засекретили. Но региональные власти в своей работе вынуждены были опираться на предварительные данные переписи 1937 г. На запрос заместителя председателя Госплана РСФСР Чадаева от 9 апреля 1938 г. исполнявший обязанности начальника Бюро Всесоюзной переписи населения И.Ю. Писарев сообщил ориентировочную численность ряда крупных городов Российской Федерации на конец 1937 г. По уральским городам им были названы следующие цифры: число жителей Свердловска составляло 400 тыс. чел., Челябинска – 260 тыс., Магнитогорска – 155 тыс. чел.³ Эти данные примерно соответствовали итогам переписи 1937 г. (см. табл. 16).

§ 4. Городское население по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.

Всесоюзная перепись населения 1939 г., как было показано выше, была подготовлена и проведена с особой тщательностью, под жестким контролем центральных, областных и городских властей. В реалиях конца 1930-х гг. трудно предполагать какой-либо недоучет населения. Однако сразу же вся работа по разработке материалов переписи была засекречена. Еще 26 января 1939 г. Бюро переписи населения Челябинской области предупредило инспекторов местных НХУ о секретности сведений о численности населения отдельных населенных мест,

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 151. Л. 185.

² О дефектности Всесоюзной переписи населения 1937 г.: постановление СНК СССР от 26 сентября 1937 г. // Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. С. 288.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 151. Л. 203–204.

полученных в ходе переписи. С итогами переписи было разрешено знакомить только городские и районные власти, особо предупреждая их о недопустимости разглашения данных¹. Подобные распоряжения были и в соседних регионах. Начальник УНХУ Пермской области Мешавкин 14 мая 1939 г. докладывал в оргкомитет Президиума Верховного Совета РСФСР по Пермской области, что направленные в Москву цифровые итоги переписи являлись секретными, не подлежали опубликованию до обнародования официальных данных и использовались только при планировании хозяйственных нужд края².

Под жесткий контроль были взяты все переписные материалы. Специальным распоряжением Бюро Всесоюзной переписи населения ЦУНХУ Госплана СССР от 3 февраля 1939 г., подписанным заместителем начальника ЦУНХУ Бозиным и инспектором по бланкоиздательству Бюро Всесоюзной переписи населения Сурковым, начальникам областных УНХУ предлагалось немедленно взять на учет все бланки переписной документации, оставшиеся после переписи. Местные переписные отделы должны были сдать данную документацию по счету одновременно с материалами переписи и оформлять эту процедуру специальным актом³.

Вместе с тем и в день появления в печати кратчайших итогов переписи (2 июня 1939 г.) начальником ЦУНХУ И.В. Саутиным в местные органы НХУ была дана телеграмма, запрещающая публикацию в печати результатов переписи сверх опубликованных кратких итогов без разрешения ЦУНХУ. Причиной этого, видимо, было опасение, что на местах могут быть оглашены сведения, противоречившие центральной публикации. Однако 29 июля 1939 г. ЦУНХУ разрешило начальникам УНХУ краев и областей предоставлять председателям плановых органов данные, в том числе и о численности населения по переписи, необходимые для разработки баланса рабочей силы. Еще через месяц СНК СССР своим специальным постановлением разрешил предоставлять партийным и советским органам и плановым комиссиям итоги переписи, но только для служебного пользования и

¹ ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 97. Л. 166.

² ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 53.

³ ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 97. Л. 163.

лишь по численности населения. Таким образом, все другие материалы переписи оказались фактически под запретом, были официально засекречены¹.

Уже первые предварительные итоги переписи показали обнадеживающие результаты. Исполнявший обязанности начальника Пермского облУНХУ Мешавкин 9 февраля 1939 г. докладывал председателю оргкомитета Президиума Верховного Совета РСФСР Семенову и оргбюро ЦК ВКП (б) по Пермской области, что в городских поселениях региона счетчики насчитали 772 941 чел., что оказалось на 3,2 % больше, чем во время декабрьской проверки списков домовладений и населенных мест². 19 апреля того же года Мешавкин в докладной записке в оргкомитет Президиума РСФСР по Пермской области сообщал, что с учетом выявленных при контрольных обходах в городской местности было переписано 810 767 чел., из них 797 788 чел. постоянного населения³. Горинспектор НХУ Гладких доносил в Челябинское облУНХУ, что в Златоусте переписано 97 196 чел.⁴, то есть респондентов оказалось больше, чем в 1937 г. В Магнитогорске было учтено 114 513 гражданских лиц, помимо них в учреждениях закрытого типа, на станциях и вокзалах, в гостиницах было переписано еще 2464 чел. Но в представленные в областное УНХУ предварительные данные не вошли переписанные особым порядком органами НКВД в спецпоселках и исправительно-трудовых колониях⁵.

СНК СССР постановлением № 775 от 1 июня 1939 г. «О Всесоюзной переписи населения 1939 года» разрешил Госплану СССР опубликовать в печати результаты переписи, касавшиеся численности населения страны, союзных республик и крупных городов⁶. В сообщении Государственной Плановой Комиссии Союза ССР об итогах Всесоюзной переписи населения 1939 г.⁷ содержались данные о численности населения уральских областей, в том числе и горожан (см. табл. 17). В официальные итоги переписи вошли и данные о населении 11 уральских городов, чья численность превышала 50 тыс. чел., в том числе Свердловска, Челябин-

¹ См. более подробно: Жиромская В.Б. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины. С. 10.

² ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 124.

³ Пермская область накануне Великой Отечественной войны: сб. док. С. 20; ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 140-141.

⁴ Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 1. Л. 1 об.

⁵ МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 105. Л. 236.

⁶ См.: ГАПК. Ф. Р-493. Оп. 1. Д. 842. Л. 119.

⁷ Правда. 1939. 2 июня.

ска, Перми, Нижнего Тагила, Магнитогорска, Златоуста, Надеждинска, Березников, Кургана, Лысьвы, Каменска-Уральского.

Таблица 17¹

Численность населения Пермской, Свердловской и Челябинской областей (по официальным данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.), чел.

Название области	Все население	В том числе городское население
Пермская	2 082 166	822 804
Свердловская	2 512 175	1 508 507
Челябинская	2 802 949	1 181 871

Итоги переписи по Челябинской области, представленные в табл. 17, содержались в докладной записке начальника Бюро переписи населения Челябинского облУНХУ А. Бубнова секретарю Челябинского обкома ВКП (б) Д.И. Антонову и председателю облисполкома М.П. Соболеву, датированной 13 июня 1939 г. В этом документе А. Бубнов отмечал, что результаты прошедшей переписи вполне приличные. За период между двумя переписями (1926 и 1939 гг.) численность жителей области увеличилось на 118,5 %, городов и рабочих поселков – на 303,5, а села – всего на 82 %. В итоге, если в 1926 г. удельный вес горожан в населении региона был 16,5 %, то в 1939 г. он составил 42,2 %². Эти же результаты переписи по Челябинской области фигурировали и в докладной записке А. Бубнова секретарю Челябинского обкома ВКП (б) от 14 августа 1939 г.³

Вместе с тем и после обнародования итогов переписи ее результаты продолжали уточняться. К примеру, уже после опубликования официальных итогов переписи в газете «Правда» 2 июня 1939 г. начальник Пермского облУНХУ Мешавкин в секретной докладной записке, адресованной в оргкомитет Президиума Верховного Совета РСФСР по Пермской области, прямо указывал на несоответствие представленных им цифр официальным итогам переписи, опубликованным в газете «Правда» 2 июня 1939 г., из-за того, что в них не вошли данные о лицах, пе-

¹ Таблица составлена по: Сообщение Государственной Плановой Комиссии Союза ССР об итогах Всесоюзной переписи населения СССР // Плановое хозяйство. 1939. № 6. С. 13–14.

² ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 3. Д. 158. Л. 3–4.

³ ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 3. Д. 158. Л. 9.

реписанных в особом порядке НКВД¹. 4 июля того же года в Бюро переписи населения ЦУНХУ было направлено секретное сообщение исполнявшего обязанности начальника Пермского облУНХУ Тульчинского. В нем говорилось, что в материалах по городской местности края, отправленных на Ленинградскую машиносчетную станцию, численность населения будет больше, так как в телеграмму о горожанах, поданную в ЦУНХУ 26 марта, ошибочно не включили 1043 чел. по Кизелу, переписанных особым порядком НКВД².

Официальные данные по переписи 1939 г. вошли в довоенные центральные³ и местные⁴ публикации и справочники.

В уральских архивах сохранились официальные данные о численности мужчин и женщин в городах региона, которые представлены в табл. 18. Они свидетельствуют о примерно одинаковом соотношении полов среди горожан Пермской и Челябинской областей.

В послевоенный период были внесены коррективы в итоги переписи 1939 г. В октябре 1945 г. Госплан СССР направил в Пермский облисполком материалы по области, по ним в 1939 г. численность населения края составила 2087,9 тыс. чел., горожан – 850,2 тыс. чел.⁵, что отличалось от ранее обнародованных данных. На рубеже 1950–1960-х гг. в уральских статистических сборниках вновь были опубликованы итоги переписи 1939 г. с учетом изменений в административно-территориальном делении Урала (в 1943 г. из Челябинской выделилась Курганская область). Они касались численности городского населения, распределения городов и поселков городского типа по числу жителей региона⁶.

¹ ГАПК. Ф. Р–564. Оп. 4. Д. 56. Л. 54.

² ГАПК. Ф. Р–493. Оп. 1. Д. 842. Л. 94.

³ Бозин Д., Дубровицкий Л. Указ. соч. С. 27; Саутин И. Указ. соч. С. 28; Сулькевич С. Население СССР. М., 1939. С. 31; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): стат. сб. С. 11–13; СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 мая 1940 года. С. 83, 116, 130.

⁴ Тиунов В. Молотовская область (Краткий экономический очерк). Молотов, 1940. С. 6; Челябинская область (краткий стат.-эконом. справочник). С. 7.

⁵ ГАПК. Ф. Р–564. Оп. 4. Д. 56. Л. 52.

⁶ См.: Народное хозяйство Свердловской области и города Свердловска: стат. сб. Свердловск, 1956. С. 12, 14; Народное хозяйство Челябинской области и города Челябинска: стат. сб. Челябинск, 1957. С. 14, 17–19; Народное хозяйство Челябинской области: стат. сб. Челябинск, 1961. С. 19, 25; Народное хозяйство Свердловской области: стат. сб. Свердловск, 1962. С. 11; Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти: стат. сб. Пермь, 1967. С. 10.

Таблица 18¹

Численность мужчин и женщин в городском населении Пермской и Челябинской областей (по официальным данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.)

Название области	Мужчины		Женщины	
	чел.	%	чел.	%
Пермская	387665	47,1	435139	52,9
Челябинская	561822	47,5	620049	52,5

В 1990-е гг. были введены в научный оборот обширные данные Всесоюзной переписи населения 1939 г., подготовленные к печати сотрудниками ЦУНХУ Госплана СССР еще в 1939–1940 гг. и долгое время скрытые в архивах. Итоги переписи по Уралу представлены в табл. 19, которые по необъяснимым причинам отличаются от итогов, опубликованных в конце 1930-х гг. и представленных в табл. 17.

Таблица 19²

Численность населения уральских областей
(по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.)

Показатель	Название области:		
	Пермская	Челябинская	Свердловская
Численность населения области, чел.	2 087 518	2 801 853	2 511 309
Приписка, чел.	44 891	60 245	–56 089
%	2,2	2,2	–0,5
Скорректированная численность населения, чел.	2 042 627	2 741 608	2 522 770
Численность городского населения, чел.	827 588	1 182 231	1 503 588
Приписка, чел.	16 552	23 645	н. св.
%	2,0	2,0	
Скорректированная численность городского населения, чел.	811 036	1 158 586	

¹ Таблица составлена по: ГАПК. Ф. Р–493. Оп. 1. Д. 842. Л. 21; ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 3. Д. 158. Л. 9; Архив ЗГА. Ф. Р–242. Оп. 1. Д. 139. Л. 8 об.

² Таблица составлена и рассчитана по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. матер. С. 126, 232, 288; Население России в XX веке. Т. 1. С. 361; Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. С. 54–56, 58–59.

В 1990 г. В.Б. Жиромская подняла вопрос о фальсификации численности городского населения страны во время переписи 1939 г.¹ и впоследствии рассчитала ее размер. Приписка к численности горожан СССР, по ее мнению, составила 8–10 %², чуть позже она подняла ее размер до 14 %³. В.Б. Жиромская также обратила внимание, что не вся приписка была необоснованной. Так, часть заключенных и военнослужащих находилась в городской местности и просто перераспределялась между городами. Но основная их масса была приписана к городам из деревень, так как к 1939 г. заключенных в городах, содержащихся в тюрьмах, было уже немного, большая часть их была переведена в лагеря и трудпоселения⁴.

Заслуга В.Б. Жиромской и в том, что она выявила механизм приписки по отдельным областям и городам, которая состояла из трех слоев. Первый включал собственно приписку к общему итогу по численности населения СССР, разложенную неравномерно по всем населенным пунктам. Второй слой приписки – это перераспределенные заключенные. В письме начальника ЦУНХУ Госплана СССР И.В. Саутина на имя В.М. Молотова и Л.П. Берия от 10 января 1939 г. говорилось, что органы ЦУНХУ полученные от НКВД переписные листы на заключенных объединяют с переписными материалами по общегражданскому населению и раскладывают условно по городам и селам страны. Так как это значительно изменит итоги численности населения (из-за контингента «В» – заключенных лагерей), то рекомендовалось значительную часть переписных листов, заполненных на заключенных лагерей, находившихся в Приморско-Хабаровском крае, Новосибирской, Свердловской областях и других районах, в которых сосредоточены места заключения, перераспределить между другими республиками, краями и областями. В Свердловской области, по результатам спецпереписи НКВД, перераспределению подлежало 677 50 чел.⁵ Третий слой приписки включал перераспределение военнослужащих, находившихся на военной службе, для сокрытия мест дислокации

¹ Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов: история подготовки и проведения. С. 92.

² Жиромская В.Б. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины. С. 39.

³ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 64.

⁴ Жиромская В.Б. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины. С. 40.

⁵ См. подробнее: Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 37, 44–45.

вооруженных сил¹. В связи с этим был отработан следующий механизм приписок. Сначала итоги переписи в нефальсифицированном виде из всех областей поступали в Бюро переписи ЦУНХУ. В центре подсчитывали общие итоги и определяли, какое количество спецконтингента подлежало перераспределению по другим районам, затем определялся общий коэффициент приписки. Эти данные сообщались в местные УНХУ, а их секретные отделы распределяли всю приписку по конкретным городам и селам. Затем эти конечные результаты сообщались в центр, где полученные таким путем сведения с мест еще раз корректировались².

В.Б. Жиромская, используя вскрытый ею механизм приписок и черновые материалы переписи, сохранившиеся в архивах, рассчитала процент приписки к итогам численности населения отдельных регионов страны в переписи 1939 г. Для населения Пермской и Челябинской областей этот показатель составил 2,2 %, а горожан – 2 %, что было гораздо меньше размеров приписки к городскому населению РСФСР (10 %³), так как регионы вошли в число областей без особых экстремальных условий 1930-х гг. Свердловская же область относилась к территориям с «избыточным» населением, то есть с обилием заключенных. Поэтому число ее жителей, наоборот, было уменьшено на 0,5 %⁴. Итоги переписи 1939 г. по Уралу и процент приписки к ее результатам позволили скорректировать численность городского населения Челябинской и Пермской областей, которая представлена в табл. 19. Очистить от фальсификации результаты переписи горожан Свердловской области невозможно из-за отсутствия сведений о размерах приписки.

Как установила В.Б. Жиромская, процент приписки к мужскому населению городов оказался выше, чем к женскому. К горожанкам Пермской (без Перми) и Челябинской областей было приписано 0,9 % женщин, а к горожанам-мужчинам – 3,1 (Челябинская область) – 3,2 (Пермская область без Перми) %⁵.

¹ Население России в XX веке. Т. 1. С. 359; Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 53.

² Население России в XX веке. Т. 1. С. 358–359; Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 52.

³ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 65.

⁴ Население России в XX веке. Т. 1. С. 360–362; Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 56.

⁵ Население России в XX веке. Т. 1. С. 361.

По данным табл. 20, во всех уральских областях преобладали женщины, их удельный вес превышал 53 %. В городах доля женщин колебалась в пределах от 52,3 (Челябинская область) до 53,2 (Свердловская область) %.

Таблица 20¹

Численность населения Пермской и Челябинской областей по полу
(по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.)

Название области	Пол	Население области		В том числе городское население	
		чел.	%	чел.	%
Пермская область	муж.	966 249	46,3	390 161	47,1
	жен.	1 121 269	53,7	437 427	52,9
Свердловская область	муж.	1 173 934	46,7	703 493	46,8
	жен.	1 337 375	53,3	800 095	53,2
Челябинская область	муж.	1 312 776	46,9	562 122	47,5
	жен.	1 489 077	53,1	620 109	52,5

В 1939 г. (по расчетам данных табл. 20) в Пермской области на 1000 мужчин приходилось 1160 женщин, а в городах – 1121; в Свердловской соответственно – 1139 и 1137; Челябинской – 1134 и 1103. Таким образом, повсеместно разрыв между полами в уральских городах был меньше, чем в целом по областям. Вместе с тем, по данным переписи 1926 г., на 1000 мужчин в городах Пермской области было 1102 женщины, Свердловской – 1112, то есть половой дисбаланс был ниже, чем в 1939 г.; и только в городах Челябинской области он был выше – здесь на 1000 горожан приходилось 1122 горожанки². В целом репрессированная перепись 1937 г. правильно отразила наметившийся в 1930-е гг. тренд к увеличению разрыва между мужским и женским населением городских поселений Урала в пользу последнего. Соотношение полов в городском населении Пермской и Свердловской областей с учетом приписки оказалось хуже аналогичных общесоюзных и общероссийских показателей, по переписи 1939 г. на 1000 мужчин в городах

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 126, 232, 288.

² Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 126, 232, 288.

СССР было 1087 женщин, а РСФСР – 1110¹. В городах Челябинской области этот показатель был лучше только по сравнению с аналогичными общероссийскими данными. Таков был негативный демографический результат политических и социально-экономических событий на Урале в годы сталинской модернизации.

В целом, как свидетельствуют данные табл. 3.8 в приложении 3, за период между двумя Всероссийскими переписями 1926 и 1939 гг. городское население Челябинской области выросло более чем в 3 раза, а Пермской и Свердловской – более чем в 2,5 раза, тогда как СССР и РСФСР – более чем в 2 раза. Вместе с тем по темпам роста городского населения регионы Урала уступали Новосибирской области, на территории которой развернулось строительство Кузнецкого металлургического комбината и других промышленных объектов. За 1926–1939 гг. численность ее городского населения увеличилась в 4,3 раза².

Темпы роста городского населения уральских областей были выше, чем населения регионов в целом (см. табл. 3.8 в приложении 3). За указанный период численность жителей Свердловской области увеличилось всего на 53,4 %, Пермской – 20,1, Челябинской – 18,5 %. Но показатели по Уралу все-таки превышали аналогичные данные по СССР и РСФСР: соответственно – 16 и 17 %. Опережающий рост городского населения привел к быстрой урбанизации Урала. За 1926–1939 гг. удельный вес горожан поднялся в Свердловской области с 33,7 до 59,9 %, Пермской – с 18,2 до 39,6 %, Челябинской – с 16,5 до 42,2 %, в то время как в СССР – с 17,9 до 32,9 %, РСФСР – с 18 до 33,7 %. Одновременно произошло абсолютное и относительное сокращение сельского населения.

Таким образом, за годы осуществления политики индустриализации на Урале значительно выросло городское население. По уровню урбанизации среди административно-территориальных образований региона выделялась Свердловская область, в которой к концу 1930-х гг. горожане составили уже около 59,9 % всего населения края. В РСФСР по доле горожан в составе населения ее опережали только Еврейская автономная (65,7 %) и Мурманская (84,3 %) области. Аналогич-

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. С. 23.

² Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. Россия. С. 25.

ный показатель по Челябинской области уступал еще и Иркутской и Московской (44,6 %), Ивановской (44,1 %), Читинской (44,0 %) и Ростовской (43,7 %) областям¹. Удельный вес городского населения в Новосибирской области оказался ниже, чем на Урале, – 41,1 %².

Данные табл. 3.8 в приложении 3 позволяют определить долю трех уральских областей среди городского населения Советского Союза и Российской Федерации. Она выросла с 4,8 (СССР) и 7,5 (РСФСР) % в 1926 г. до 6,2 (СССР) и 9,5 (РСФСР) % в 1939 г.

Перепись 1939 г. позволяет выявить специфику возрастной структуры городского населения уральских областей. Данные табл. 21 показывают, что население городов региона было молодым по своему возрастному составу. Доля детей и подростков до 14 лет включительно составила в городах Пермской области 31,4 %, Свердловской – 33,1 и Челябинской – 33,9 %, а в российских – всего 29,3 %, тогда как в сельской местности Урала соответственно – 37,7, 39,1 и 41 %; лиц от 15 до 29 лет среди горожан Пермской области было 32,5 %, Свердловской – 31,3, Челябинской – 30,6 %, а РСФСР – 32 %; в сельской местности Урала соответственно – 21,7, 23,8 и 23,4 %. Всего же удельный вес городских жителей до 30 лет составил в Пермской области 63,9 %, Свердловской – 64,4 и Челябинской – 64,5 %, что было выше аналогичных данных по РСФСР (61,3 %) и уральскому селу. За исключением Челябинской области, где удельный вес селян до 30 лет соответствовал городскому показателю (64,4 %), он составил в Пермской области 59,4 %, Свердловской – 62,9. Зато доля лиц зрелого возраста (30–49 лет) равнялась в городах Пермской области 25,7 %, Свердловской – 25,1 и Челябинской – 24,9 %, тогда как в российских городах она было значительно выше (27 %), но в сельской местности – ниже (соответственно – 23,5, 22,6 и 22,1 %). В городских поселениях Урала также была меньше, чем в городах Российской Федерации в сельской местности региона, и доля лиц пожилого возраста. Так, лица старше 50 лет составили в городах Пермской области 10,4 %, Свердловской – 10,5 и Челя-

¹ См.: Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. С. 23–25.

² Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. Россия. С. 25.

бинской – 10,6 %, а РСФСР – 11,7 %; старше 60 лет в уральских областях было соответственно – 4,6, 4,8 и 4,9 %, тогда как в городах РСФСР – 5,2 %; в сельской местности края соответственно – 17,1, 14,5 и 13,5 %; 9,7, 8 и 7,5 %¹.

Таблица 21²

Возрастной состав городского населения Пермской, Свердловской и Челябинской областей (по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.)

Возраст	Пермская область		Свердловская область		Челябинская область	
	Всего, чел.	%	Всего, чел.	%	Всего, чел.	%
До 7 лет	140 272	17,0	264 018	17,6	212 724	18,0
8–11 лет	64 904	7,8	126 113	8,4	100 290	8,5
11–14 лет	54 333	6,6	106 857	7,1	87 561	7,4
15–19 лет	82 996	10,0	138 925	9,2	104 732	8,8
20–29 лет	186 065	22,5	332 592	22,1	257 328	21,8
30–39 лет	139 201	16,8	249 258	16,6	196 847	16,6
40–49 лет	73 212	8,9	128 523	8,5	97 727	8,3
50–59 лет	48 316	5,8	85 512	5,7	67 350	5,7
60 лет и старше	38 173	4,6	71 531	4,8	57 506	4,9
Не указан	116	0,0	259	0,0	166	0,0
Итого	827 588	100	1 503 588	100	1 182 231	100

В целом, как показали результаты переписи 1939 г., свыше двух третьих горожан Урала были молодыми людьми до 30 лет, что являлось общероссийской спецификой, но их удельный вес в общем населении городов уральских областей был выше аналогичных общероссийских показателей. Доля же лиц в зрелом возрасте, составлявших четверть жителей городов, как, впрочем, и лиц преклонного возраста, в городах региона оказалась ниже, чем в городских поселениях РСФСР. В исследуемом регионе было больше горожан до 14 лет, чем в Российской Федерации. При этом в городской местности края было меньше, чем в сельской, детей и подростков до 14 лет, но гораздо больше молодежи от 15 до 29 лет и лиц зрело-

¹ Данные по городам РСФСР см.: Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 98–99; по уральскому селу см.: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 126, 232, 288.

² Таблица составлена и рассчитана по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 126, 232, 288.

го возраста. Это также соответствовало общероссийской тенденции и объяснялось более высокой рождаемостью в сельской местности и активной миграцией молодежи из села в города.

Таким образом, в 1930-е гг. интенсивный рост городского населения Урала происходил, прежде всего, за счет молодых людей. Однако, по данным табл. 21, если доля горожан трудоспособного возраста (15–59 лет) была в городах Пермской области 64 %, Свердловской – 62,1, Челябинской – 61,2 %, то РСФСР гораздо выше – 65,5 %¹. Вместе с тем в сельской местности Урала из-за оттока населения в города доля трудоспособных была на порядок ниже, чем в городских поселениях, соответственно – 52,6, 52,9 и 51,5 %².

Данные табл. 22 свидетельствуют о том, что в городах всех уральских областей удельный вес детей до 7 лет был выше среди мальчиков. Это же касалось и лиц до 30 лет. Доля же городского населения в зрелом (30–50 лет) и трудоспособном (15–59 лет) возрастах среди мужчин и женщин была примерно одинаковой. Явная диспропорция между представителями разных полов наблюдалась в преклонном возрасте. Удельный вес лиц старше 50 лет был значительно выше среди горожанок.

Таблица 22³

Половозрастной состав городского населения Пермской, Свердловской и Челябинской областей (по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.), в %

Возрастная группа	Пермская область		Свердловская область		Челябинская область	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
До 7 лет	33,0	30,0	35,8	31,3	35,4	32,5
До 30 лет	65,3	62,6	67,0	62,8	66,2	63,0
30–50 лет	25,9	25,4	25,3	25,0	25,2	24,6
15–59 лет	63,4	64,3	61,5	62,7	61,0	61,4
Старше 50 лет	8,7	12,0	8,5	12,2	8,6	12,3
Итого	100	100	100	100	100	100

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 98.

² Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 126, 232, 288.

³ Таблица составлена и рассчитана по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 126, 232, 288.

Половозрастная структура уральских городов имела особенности, которые выявила перепись 1939 г. Данные табл. 23 свидетельствуют, что в городах Урала в возрастной группе детей до 7 лет практически отсутствовала диспропорция между полами. Наблюдалось даже небольшое численное преобладание мальчиков в Пермской и Челябинской областях.

Таблица 23¹

Половозрастная структура городов Пермской, Свердловской и Челябинской областей (по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.), в %

Возраст, лет	Пермская область			Свердловская область			Челябинская область		
	Всего	В том числе:		Всего	В том числе:		Всего	В том числе:	
		муж.	жен.		муж.	жен.		муж.	жен.
До 7 лет	100	50,1	49,9	100	50,0	50,0	100	50,1	49,9
8–11 лет	100	48,7	51,3	100	53,7	46,3	100	49,1	50,9
11–14 лет	100	48,7	51,3	100	49,1	50,9	100	49,3	50,7
15–19 лет	100	46,9	53,1	100	47,7	52,3	100	48,4	51,6
20–29 лет	100	47,0	53,0	100	46,1	53,9	100	47,5	52,5
30–39 лет	100	49,1	50,9	100	48,5	51,5	100	49,5	50,5
40–49 лет	100	44,8	55,2	100	44,5	55,5	100	45,3	54,7
50–59 лет	100	43,1	56,9	100	41,2	58,8	100	42,1	57,9
60 лет и старше	100	34,8	65,2	100	34,1	65,9	100	34,8	65,2
Не указ.	100	64,7	35,3	100	60,2	39,8	100	69,9	30,1
Итого	100	47,1	52,9	100	46,8	53,2	100	47,5	52,5

Нарушение в соотношении полов наметилось уже в когорте лиц 8–11 лет и постепенно усиливалось вплоть до возрастных групп 15–19 лет в Пермской и 20–29 лет в Челябинской областях. В городах Свердловской области, наоборот, среди детей 8–11 лет было отмечено численное преобладание мальчиков, их удельный вес среди лиц этого возраста составил 53,7 %. Однако и в этом административно-территориальном образовании с возраста 11–14 лет проявился тренд к постепенно увеличивавшейся диспропорции полов в пользу девушек. Несоответствие между числом мужчин и женщин среди городского населения Урала в пользу последних

¹ Табл. составлена и рассчитана по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 126, 232, 288.

становится особенно резким в возрастной группе лица 40–59 лет. Вместе с тем среди городского населения трудоспособного возраста (15–59 лет) мужчины составляли в городах Пермской области 46,9 %, Свердловской – 46,3 и Челябинской – 47,4 %. Таким образом, диспропорции среди работающего населения сглаживались за счет более молодых трудоспособных возрастов. Удельный вес женщин среди городского населения в возрасте 60 лет и выше повсеместно превысил 65 %. В целом диспропорция между полами была связана с повышенной смертностью мужчин вследствие форсированной индустриализации и репрессивной политики государства, потерями в период Первой мировой и Гражданской войн.

Таким образом, под воздействием форсированной индустриализации в период между переписями 1926 и 1939 гг. значительно выросло городское население уральских областей, причем к концу 1930-х гг. в Свердловском административно-территориальном образовании горожане по численности превзошли селян. Уровень урбанизации Урала оказался выше, чем во многих регионах РСФСР. Вместе с тем политические и социально-экономические процессы, происходившие в стране в 1930-е гг., вновь обострили проблему соотношения полов среди горожан. Городское население уральских областей было молодым, большинство составляли дети и молодые люди до 30 лет.

В целом в 1920–1930-е гг. на Урале шел процесс разработки и уточнения понятия «городское поселение», расширения городской поселенческой сети, роста численности городского населения, что свидетельствовало об ускоренной урбанизации региона, носившей экстенсивный характер. В основе урбанизации лежало промышленное строительство, развернувшееся в годы индустриализации.

Глава 4. ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

§ 1. Демографическая катастрофа в уральских городах в начале 1920-х гг. и основные направления ее преодоления

Важную роль в формировании городского населения играет естественное движение. Это процесс непрерывного возобновления населения на основе рождаемости и смертности. Величина естественного прироста населения является основополагающим показателем его демографического развития и представляет собой разницу между числом родившихся и умерших за определенный промежуток времени, как правило, за год.

На Урале в начале XX в. сохранились высокие рождаемость и смертность населения, более того, они превышали аналогичные общероссийские данные. В Пермской губернии, которая по населению составляла почти две трети всей Уральской области 1920-х гг., смертность достигала в среднем 40,6 (1900–1910 гг.) и 41,4 (1911–1913 гг.) чел. на 1000 населения при средней по России в указанные периоды – 29,4 и 27,2 чел.; рождаемость равнялась 54,9 (1900–1910 гг.) и 44,1 (1911–1913 гг.) чел.¹ на 1000 населения, тогда как в Европейской части будущей РСФСР – 30,4 чел. в 1911–1913 гг.² Естественный прирост в Пермской губернии в обозначенные периоды времени составил 14,3 и 2,7 чел. на 1000 населения. Высокие смертность и рождаемость были характерны и для уральских городов начала XX в. В 1903–1904 гг. в Кургане смертность была в среднем 34,6 чел. на 1000 горожан, рождаемость – 48,4, естественный прирост составил 13,8³; Перми в 1911–1913 гг. соответственно – 42,9, 43,4 и 0,5 чел.⁴; Златоусте в 1912 г. – 58,2, 36,5 и 21,7 чел.; а 1913 г. – 49,4, 32,0 и 17,4 чел.⁵. В 1917 г. в Екатеринбурге коэффици-

¹ Труды ЦСУ. Т. XVIII. С. 39; Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 1.

² Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. Вып. 1. С. XXI.

³ Рассчитано по: Панишев Е.А. Естественный прирост населения города Кургана в конце XIX–начале XX вв. // Зыряновские чтения: мат-лы межрегионал. науч.-практ. конф. Курган, 2004. С. 95.

⁴ Рассчитано по: Антонов М. Естественное движение населения за первую половину 1924 г. ... С. 57.

⁵ Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской Советской Социалистической Республике. Уфа, 1923. С. 40.

ент рождаемости достигал $52,1^{0/00^1}$, смертности – 32,3, прироста населения – 19,8 $^{0/00^2}$. Таким образом, только благодаря высокой рождаемости, превышавшей высокую смертность, города Урала имели естественный прирост населения.

Изучение динамики естественного движения населения уральских городов в начале 1920-х гг., как и в целом Советской России, встречает определенные трудности. Данные текущей статистики отрывочны, не всегда достоверны, иногда отсутствуют вообще. Однако, как справедливо отмечалось в научной литературе³, несмотря на то, что сохранившиеся сведения о естественном движении населения не могут дать полной картины, они вполне способны охарактеризовать тенденции, определявшие демографическое развитие региона.

Переход от войны к мирному хозяйственному строительству для Урала был очень тяжелым. Народное хозяйство края оказалось основательно разрушенным в годы Гражданской войны, значительно ухудшились условия жизни населения. Положение еще больше обострилось в связи с засухой и неурожаем 1921 г. Все это, как уже отмечалось ранее, отрицательно повлияло на динамику численности городского населения региона. За период между переписями населения 28 августа 1920 г. и 15 марта 1923 г.⁴ оно сократилось на 12,4 %⁵. Основной причиной этого стала высокая смертность населения (хотя, как уже было отмечено выше, край и раньше выделялся повышенной смертностью), которая превысила рождаемость и привела к естественной убыли населения.

Данные табл. 24 свидетельствуют, что в 1920–1922 гг. как в губернском (Пермь), так и в провинциальных (Златоуст и Алапаевск) городах смертность была огромной. По подсчетам пермского статистика М. Антонова, в Перми она составила в 1920 г. 67,2 чел. на 1000 горожан, 1921 г. – 71,6 и в 1922 г. – уже 98,8⁶, т.е. за три года смертность выросла почти в 1,5 раза. Подобный тренд был и в

¹ $^{0/00}$ (промилле) – число демографических событий в расчете на 1000 чел.

² Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга. С. 99.

³ См.: Население России в XX веке. Т. 1. С. 99.

⁴ Итоги переписей даны по городскому цензу, действовавшему во время Всесоюзной городской переписи населения 1923 г., и в границах четырех губерний (Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской), вошедших в состав Уральской области.

⁵ Труды ЦСУ. Т. XX. Ч. II. Вып. 1. С. 12, 15, 40; Вып. 3. С. 11; Уральский статистический ежегодник на 1923 г. С. 28–29.

⁶ Антонов М. Естественное движение населения за первую половину 1924 г. ... С. 57.

других городах (см. табл. 24). Смертность превысила рождаемость и определила уменьшение населения в этих населенных пунктах. В Перми убыль горожан составила в 1920 г. 35,4 чел. на 1000 жителей, 1921 г. – 30,4, 1922 г. – 70,6¹, в Златоусте в 1921 г. – 2,9 чел.² Подобная ситуация наблюдалась и в других городах Урала. В декабре 1921 г. уездно-городской ЗАГС Екатеринбурга зарегистрировал 208 рождений и почти в три раза больше смертей (615 случаев), в апреле 1922 г. в городе родилось 144 чел., а умерло в 7 раз больше – 1037 чел., т.е. убыль городского населения составила соответственно 407 и 893 чел.³ В 1922 г. в Красноуфимске и его уезде родилось 7700, а умерло 8264 чел., убыль населения достигла 564 чел.⁴

Таблица 24⁵

Естественное движение населения городов Урала в 1920–1922 гг., чел.

Год	Пермь			Златоуст			Алапаевск		
	Родилось	Умерло	Естест. убыль насел.	Родилось	Умерло	Естест. убыль насел.	Родилось	Умерло	Естест. убыль насел.
1920	742*	1567*	825*	1454	2245	791	598	755	157
1921	2844	4942	2098	1830	1956	126	437	504	67
1922	1887	6624	4737	624	2572	1948	324	1074	750

* Данные по Перми приведены за сентябрь–декабрь 1920 г.

Сохранившиеся данные свидетельствуют, что ситуация с воспроизводством населения в городской местности была более тяжелой, чем в целом по регионам Урала. В Пермской губернии в 1921 г. родилось 47 056 чел. (27,9 ‰), умерло 44 257 чел. (26,2 ‰), т.е. был зафиксирован, хотя и незначительный, но прирост жителей в 2799 чел. (1,7 ‰)⁶. В Перми же в указанном году рождаемость соста-

¹ Антонов М. Естественное движение населения за первую половину 1924 г. ... С. 57.

² Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской Советской Социалистической Республике. С. 40.

³ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. С. 127.

⁴ Отчет Красноуфимского уездного Экономического Совещания Екатеринбургскому Губэкономсовещанию № 2. Красноуфимск: Изд. Красноуф. уэкономсовещания, 1922. С. 22.

⁵ Таблица составлена по: Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской Советской Социалистической Республике. С. 40; Статистический сборник на 1923 год. Оханск, 1923. С. 37; Чашин А.В. Историко-демографическая характеристика города Алапаевска в 1920–1930-е гг. // Исторические аспекты воспроизводства населения Урала (XVII–XX вв.): сб. науч. ст. Екатеринбург, 2011. С. 58; Архив ЗГО. Ф. Р–35. Оп. 1. Д. 22. Л. 20.

⁶ Шапшев К.Н. Убыль населения как следствие мировой войны // Экономика. 1923. № 2–3. С. 5.

вила 41,2 ‰, а смертность – 71,6 ‰, убыль горожан достигла 30,4 ‰¹. При этом, по данным табл. 24, с демографической точки зрения 1921 г. был более благоприятным для Перми, чем 1920 и 1922 гг., когда смертность пермяков превысила рождаемость соответственно на 35,4 и 70,6 ‰².

По данным табл. 25, в Екатеринбургской губернии, в отличие от Пермской, во все отмеченные годы наблюдалась естественная убыль населения. В 1921 г. ее величина была наименьшей за счет повышения рождаемости и уменьшения смертности жителей региона. Но в следующем году разница между числом умерших и родившихся достигла 22,6 чел. на 1000 населения губернии, превзойдя аналогичный показатель за предыдущие два года.

Таблица 25³

Естественное движение населения в Екатеринбургской губернии
в 1920–1922 гг.

Год	Родилось, чел.	Умерло, чел.	Естественная убыль населения	
			чел.	в т.ч. на 1000 чел., ‰
1920	72 135	92 497	20 362	10,1
1921	84 647	89 630	4 983	2,6
1922	63 516	106 551	43 035	22,6

По мнению работника ЦСУ П.А. Кувшинникова, проанализировавшего естественное движение населения в 20-ти губерниях РСФСР, на понижение рождаемости в 1922 г. повлияли социально-экономические катаклизмы, прежде всего, голод⁴. Отмеченную в Екатеринбургской губернии тенденцию в отношении рождаемости подтверждают и данные по Перми и Златоусту (см. табл. 24).

Резкое изменение в естественном движении населения в начале 1920-х гг. как в целом по Уралу, так и его городам Уралоблздравотдел в 1926 г. определил как демографическую катастрофу⁵. В отечественной литературе данный термин впервые был введен в научный оборот А.А. Чупровым еще в начале 1920-х гг. для ха-

¹ Антонов М. Естественное движение населения за первую половину 1924 года. С. 57.

² Там же.

³ Таблица составлена по: Труды ЦСУ. Т. XVIII. С. 40–41; Кувшинников П. Указ. соч. С. 125.

⁴ Кувшинников П. Указ. соч. С. 108–109.

⁵ Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 1.

рактеристики ситуации, сложившейся в России в период Первой мировой войны. В 1923 г. это понятие употребил и нарком здравоохранения Советской России Н.А. Семашко применительно к тому же временному отрезку¹.

В настоящее время российские ученые демографической катастрофой обозначают период 1918–1922 гг. Однако современный западный исследователь С. Уиткрофт характеризует этот период как демографический кризис². По мнению В.А. Исупова, демографическая катастрофа отличается от демографического кризиса. Демографическая катастрофа связана, прежде всего, с грубым и подчас неожиданным повышением смертности, а демографический кризис, как правило, обусловлен падением рождаемости. При кризисе уровень смертности может не повышаться или повышаться незначительно. Демографическая же катастрофа количественно характеризуется отчетливо выраженными депопуляционными процессами за счет резкого увеличения смертности. При демографическом кризисе происходит значительное сокращение естественного прироста населения вплоть до отрицательных величин вследствие снижения рождаемости. Таким образом, В.А. Исупов трактует демографическую катастрофу как мощное, но кратковременное событие, а кризис как бы растянут во времени и является вялотекущим процессом³. В 1920–1922 гг. на Урале произошло резкое повышение смертности городского населения, ставшее причиной его убыли. Все это позволяет констатировать демографическую катастрофу в городах региона в обозначенный период.

В начале 1920-х гг. основной причиной повышенной смертности горожан Урала были эпидемические заболевания. Они приняли такие размеры, что Уралздравотдел вынужден был направить на места специальную инструкцию об обязательном представлении еженедельных данных по основным инфекциям – тифу, дизентерии, оспе, холере, скарлатине, кори, дифтерите и проч., которая вступила в силу с начала 1921 г.⁴ Особую опасность представляли тиф, холера, дизентерия.

¹ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 3, 9.

² Wheatcroft S.G. Famines and factors affecting mortality in the USSR: The demographic crises of 1918–1922 and 1930–1933 // *Famine in history newsletter: An occasional publication for participants in the session on famine in history to be held at the Eighth international economic history congress. Budapest, 1982.* P. 1.

³ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 9.

⁴ Архив ЗГО. Ф. Р–17. Оп. 1. Д. 61. Л. 17.

В Златоусте эпидемия тифа началась с февраля 1920 г., болезнью были охвачены целые улицы города. В первый месяц эпидемии тифом заболели 1142 чел., летальность составила 14 %, но уже в марте ее удалось сократить в два раза – до 7 %¹. В Кургане в 1920 г. эпидемия паразитарного тифа получила такой широкий размах, что городские власти вынуждены были все усилия направить на борьбу с ней. В городе некому было вести статистический учет заболевших и умерших².

В Перми эпидемия тифа не прекращалась в течение 4-х лет и также приняла значительные размеры. Местные медики доктор В.Н. Космодемьянский и санитарный врач Н.Н. Горшков изучили ее и сделали важные выводы. Сыпной и возвратный тифы сезонов 1919–1920 гг. и осени 1921–1922 гг., свирепствовавшие в городе, имели разные источники происхождения. На рубеже 1919–1920 гг. заболевание горожан было связано с переброской в Пермь значительного воинского контингента. Длительный переезд в вагонах при большой скученности людей и в антисанитарных условиях привел к заражению сыпным тифом всех прибывших. Эпидемия с воинского гарнизона быстро распространилась на жителей Перми. Всего в 1920 г. в губернском городе было зарегистрировано 4420 заболеваний сыпным и 1693 – возвратным тифами. Заболевшими были в основном военные³.

Новая эпидемия паразитарных тифов в Перми началась в сентябре 1921 г. и имела свои особенности. Она развивалась при крайне неблагоприятных экономических условиях в крае. Неурожай из-за сильной засухи в ряде уездов Пермской губернии привел к дефициту продуктов питания и их удорожанию на местном рынке. По данным Пермского Губпотребсоюза, в Перми с начала ноября 1921 г. и по январь 1922 г. цены на мучные продукты и овощи увеличились до 400 %, картофель – на 650 %, молочные продукты – до 150 %, яйца – до 335 %, мясо – до 200 %, сахар – до 305 %. Дефицит и необычайная дороговизна продуктов привели к голоданию населения. Все это происходило на фоне повышения цен на мануфактуру и мыло (до 400 %) и нерегулярной работы бань из-за недостатка топлива,

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 27. Л. 1 об.

² Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественно-историческом, культурно-хозяйственном и административном отношении. Курган, 1925. С. 503–504.

³ Космодемьянский В.Н. Указ. соч. С. 1–2.

что привело к росту завшивленности населения. По данным В.Н. Космодемьянского и Н.Н. Горшкова, педикулез наблюдался почти у четверти горожан, 59 % которых составляли женщины. Но, по мнению врачей, цифра явно преуменьшена, так как большинство опрошенных отказывалось отвечать на этот вопрос¹.

Ситуация в Перми еще больше ухудшилась в связи с новым важным эпидемиологическим моментом рассматриваемого периода – передвижением переселенцев из голодных губерний Европейской России в Сибирь, начавшимся в июле 1921 г. и вскоре приобретшим массовый и стихийный характер. Пермь по своему географическому положению была узловым центром, связывавшим водную артерию бассейна рек Волги и Камы с железнодорожной магистралью в Сибирь. Переселенцы из голодных поволжских губерний должны были здесь пересаживаться с пароходов в поезда. Но железная дорога работала плохо. В результате в Перми скопилось огромное количество переселенцев. По данным врачебно-питательного пункта Пермского губернского управления по эвакуации населения (губэвак), в июле–октябре 1921 г. из 119 440 переселенцев, прошедших через Пермь, в городе осело 40 517 чел. Они были размещены в специально организованных пяти лагерях. Люди в них содержались скученно, в антисанитарных условиях, в полуголодном состоянии. Ежедневная средняя норма питания в лагере для взрослых состояла из 1–³/₄ фунта хлеба, 1 фунта картофеля, немного мяса и подболточной муки, что составляло всего 1500–1655 калорий. Для детей норма питания дополнялась маслом и яйцами. Но питание выдавалось не всегда регулярно. Среди приезжих было много тифозных и дизентерийных больных. Поэтому именно в лагерях переселенцев вспыхнула эпидемия тифа, достигшая своего пика в конце октября – начале ноября 1921 г. На каждую 1000 переселенцев приходилось 110 заболевших сыпным тифом и 151 – возвратным. На каждую 1000 переселенцев умирало от сыпного тифа 11 чел., возвратного – 32 чел.²

Эпидемия паразитарных тифов перекинулась с лагерей для переселенцев на население Перми. Распространение ее шло тремя путями: через рынки, расселе-

¹ Космодемьянский В.Н. Указ. соч. С. 2.

² Там же. С. 4–5.

ние одиночных переселенцев по частным квартирам, постоянным дворам и ночлежкам и хождение переселенцев по домам за подаванием. Всего в 1921 г. заболели сыпным тифом 2169 горожан, возвратным – 1189. Своего пика эпидемия достигла в январе 1922 г., когда были зарегистрированы 1390 случаев сыпного и 667 – возвратного тифа. В феврале 1922 г. кривая заболеваемости заметно снизилась – до 767 случаев сыпного и 549 – возвратного тифа. В.Н. Космодемьянский и Н.Н. Горшков обратили внимания на еще одну особенность эпидемии – преобладание сыпного тифа над возвратным. Соотношение заболеваемости сыпным тифом к возвратному выражалось как 2:1, но летальность населения от возвратного тифа была выше, чем от сыпного. Смертность от сыпного тифа в 1921 г. колебалась в пределах 4–20 %, достигнув в январе 1922 г. 10,5 % заболевших. Летальность же от возвратного тифа была в рамках 1–40 %, составив в январе 1922 г. 21,8 %. Такое прогрессирование смертности от возвратного тифа, по мнению В.Н. Космодемьянского, объяснялось усилением тяжести течения болезни из-за осложнения ее энтеритом, который истощал организм и вызывал вторичные инфекции. В целом в 1921–1922 гг. коэффициент общей смертности в Перми достиг $72,9 \text{ ‰}^1$.

Распределение заболевших тифом по полу среди пермяков выявило преобладание женщин над мужчинами. Врачи объясняли это большим общением женщин с инфицированными группами на рынках, пристани и железной дороге, что было связано с ведением домашнего хозяйства именно женщинами. Как и в прежние эпидемии, отмечалась высокая заболеваемость представителей зрелого возраста. Коэффициент пермяков в возрасте 19–45 лет, инфицированных сыпным тифом, достигал 23,7, возвратным – 13,8 ‰. Причина отмеченной особенности заключалась не только в биологических свойствах организма, подмеченных еще российским демографом С.А. Новосельским, но и в более активном участии взрослого населения в жизни города².

Курганские медики также исследовали специфику заболеваний различными видами тифа в своем регионе. В 1921 г. они разработали анкету, включавшую не

¹ Космодемьянский В.Н. Указ. соч. С. 6–7.

² Там же. С. 10.

только медицинские, но и демографические вопросы. Врачи пытались выяснить распределение больных по возрасту и полу и процент летальности пораженных тифом в зависимости от этих половозрастных характеристик¹.

Все особенности эпидемии тифа в Перми начала 1920-х гг. были свойственны и другим уральским городам. Большинство из них располагалось вдоль железнодорожной магистрали и представляло собой крупные узловые станции. В губернских городах действовали управления по эвакуации населения. В их функции входила регистрация иностранных беженцев и военнопленных и отправка их за границу. Кроме того, губэваки производили распределение рабочих по нарядам отделов труда и переселенцев из голодавших местностей Европейской части России. Если эвакуация рабочих и русских военнопленных протекала без каких-либо задержек, то с отправкой других контингентов дело обстояло значительно хуже. Так, в Екатеринбурге к марту 1922 г. было отправлено 48 % взятых на учет иностранцев и только 23 % переселенческого населения из-за задержки Центроэваком эвакуации беженцев. Особенно большие сложности возникали с переселенцами из голодавших губерний, направлявшихся на восток. Их невозможно было отправить из города из-за установления заграничной зоны для переезда в Сибирь².

Из-за отмеченных трудностей на крупных железнодорожных станциях Урала скапливались огромные массы людей. К примеру, за период с октября 1921 г. по март 1922 г. через изоляционно-пропускной пункт при ст. Екатеринбург-I прошли 31 680 чел., из которых 19 378 чел. проследовали транзитом, а 12 372 чел. выгрузились в городе. Среди них было много больных (1871 чел.), причем 1384 чел., составивших 74 % заболевших, болело эпидемическими болезнями, из них умерло 137 чел.³ По сведениям Челябинской базы Центроэвака, за 11 месяцев 1922 г. через ст. Челябинск только транзитом проследовали 30 850 чел.⁴ Подобная ситуация складывалась и в других городах. В Златоусте эпидемическая обстановка обострялась из-за постоянного притока в город эмигрантов из Томска, в Кургане раз-

¹ ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 1. Л. 76.

² Отчет Екатеринбургского губернского Экономсовещания Совету Труда и Обороне № 3 (октябрь 1921 г.–март 1922 г.). Екатеринбург, 1922. С. 79.

³ Там же.

⁴ Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6 губернскому съезду... С. 69.

носчиками тифа были базировавшие в городе красноармейцы¹. Эту зависимость эпидемического состояния конкретного города от близости основных транспортных артерий в 1922 г. отметило, в частности, Челябинское губернское экономическое совещание. Оно докладывало в Москву о более тяжелом положении Челябинска, Кургана, Миасса, расположенных на Транссибирской магистрали, по сравнению с Троицком и Верхнеуральском, лежавшими в стороне от нее².

Беженцы, военнопленные и переселенцы обострили и без того тяжелую эпидемиологическую ситуацию в уральских городах, вызванную ухудшившимся санитарным состоянием их из-за разрушения городского хозяйства в годы Гражданской войны³. Все это способствовало широкому распространению эпидемических заболеваний, прежде всего, тифа. С января по июнь 1921 г. в Екатеринбургской губернии различными тифами заболели 18331 чел., летальность составила 0,3 % (541 чел.)⁴. С октября 1921 г. по март 1922 г. эпидемия в этом регионе достигла своего пика, только госпитализированных насчитывалась 51 926 чел.⁵

Данные табл. 26 показывают, что в городах Челябинской губернии особая опасность также исходила от тифов. На их долю пришлось в 1921 г. 62 % всех заболевших опасными инфекционными заболеваниями горожан, 1922 г. – уже 83,7, первой половине 1923 г. – 94,6 %. При этом в названном административно-территориальном образовании в 1921 г. на долю жителей городов пришлось 60 % всех заболевших разными видами тифа в регионе. В дальнейшем этот показатель снизился до 38,1 (1922 г.) и 38,7 % (первая половина 1923 г.).

По данным табл. 27, в Челябинской губернии наиболее высокий уровень заболеваемости тифами был в городах Челябинского уезда. На долю данных населенных пунктов приходилось в 1921 г. 60 % всех заболевших тифами, в 1922 г. – около трети (30,6 %). Вместе с тем в 1922 г. вырос удельный вес заболевших и в

¹ ГАКО. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 1. Л. 29; Архив ЗГО. Ф. Р–17. Оп. 1. Д. 27. Л. 16.

² См.: Отчет Челябинского губернского экономического совещания Совету Труда и Обороне, апрель–сентябрь 1922 г. Челябинск, 1922. С. 246–247.

³ О состоянии городского хозяйства Урала в 1917–1922 гг. подробно см.: Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. С. 335–338; Он же. Канализация хаоса и хаос в канализации: Санитарное состояние уральских городов в послереволюционной России // Родина. 2001. № 11. С. 74–77.

⁴ Рассчитано по: Отчет Екатеринбургского губернского Экономсовещания Совету Труда и Обороне № 1 (июль–сентябрь). С. 50.

⁵ Рассчитано по: Отчет Екатеринбургского губернского Экономсовещания Совету Труда и Обороне № 3. С. 90.

городах других уездов губернии. Если на долю городского населения Курганского уезда в 1921 г. приходилось 7,3 % больных различными видами тифа, то в 1922 г. – 22,6; Троицкого соответственно – 13,5 и 20 %; Миасского – 12,4 и 13 %; Верхнеуральского – 6,5 и 11,9 %. В 1922 г. только в одном Кургане насчитывалось 3768 случаев заболевания тифом, из них умерли 482 чел. или 12,8 %. При этом возвратным тифом заболели 2878 курганцев, а скончались 424 чел. или 14,7 %¹.

Таблица 26²

Заболееваемость инфекционными болезнями в городах Челябинской губернии в 1921 – первой половине 1923 гг., чел.

Год	Территория	Всего заболевших	В том числе:				
			тифами			холерой	дизентерией
			брюшным	сыпным	возвратным		
1921 г.	Губерния	30 206	6028	1961	9151	9042	4024
	Города	16 587	2065	1549	6667	4214	2092
1922 г.	Губерния	43 223	4712	7263	24716	805	5727
	Города	16 719	484	2967	10542	160	2566
Первая половина 1923 г.	Губерния	8 816	687	1910	6043	0	176
	Города	1 225	45	260	854	0	66

В первой половине 1923 г. в городах Челябинской губернии, по данным табл. 27, эпидемия тифа пошла на спад. Но, как справедливо отмечает В.А. Исупов, цифры начала 1920-х гг. не точны, так как в статистические сводки попадали только официально зарегистрированные медиками случаи заболеваний. В действительности их было больше из-за того, что основная масса заболеваний из-за распада здравоохранения не фиксировалась³. Это подтверждают и уральские источники. В отчете Челябинского губернского экономсовещания Совету Труда и Оборона фигурировали другие сведения о числе заболевших, в сравнении с данными табл. 26: в 1921 г. в городах Челябинской губернии различными тифами бо-

¹ Рассчитано по: ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 40. Л. 121–122, 125–126.

² Таблица составлена по: Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. С. 382–386.

³ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 65.

лели 9845 чел., а только за 8 месяцев 1922 г. – уже 17 076 чел.¹ Несмотря на различия, все статистические сведения начала 1920-х гг. фиксировали крупномасштабную эпидемию инфекционных заболеваний.

Данные табл. 26 свидетельствуют, что в целом в городах Челябинской губернии за 1921–первую половину 1923 гг. наибольшую часть заболеваний тифами составил возвратный тиф. Только за 1921–1922 гг. им заболели 17 209 чел. или 70,9 % всех пораженных тифами горожан, летальность составила 8,6 %. В первой декаде 1922 г. убыль городского населения этой губернии от возвратного тифа поднялась до 15,7 % заболевших².

Таблица 27³

Заболееваемость тифом в городах Челябинской губернии
в 1921 г. – первой половине 1923 г., чел.

Заболевание, год	Города Че- лябинского уезда	Города Курганского уезда	Города Троицкого уезда	Города Миасского уезда	Города Верхнеураль- ского уезда
Брюшной тиф					
1921 г.	1275	171	217	274	128
1922 г.	118	99	34	170	63
Первая пол. 1923 г.	1	5	12	н.св.	5
Сыпной тиф					
1921 г.	904	99	110	249	187
1922 г.	897	518	412	618	502
Первая пол. 1923 г.	91	24	25	н.св.	53
Возвратный тиф					
1921 г.	3989	481	1058	755	384
1922 г.	3276	2543	2348	1035	1099
Первая пол. 1923 г.	305	65	130	н.св.	96

На втором месте по количеству заболевших жителей городов Челябинской губернии стоял сыпной тиф (см. табл. 26). В 1921–1922 гг. им было поражено 4516 чел. или 18,6 % от всех заболевших тифом горожан, удельный вес смертности от него составил в 1921 г. 6,8 % от заболевших, в январе–марте 1922 г. – уже

¹ Отчет Челябинского губэкономсовещания Совету Труда и Обороне на 1 апреля 1922 года. Челябинск, 1922. С. 177; Отчет Челябинского губернского экономического совещания Совету Труда и Обороне, апрель–сентябрь 1922 г. С. 246–248.

² Отчет Челябинского губэкономсовещания Совету Труда и Обороне на 1 апреля 1922 года. С. 178.

³ Таблица составлена по: Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. С. 382–386.

8,5 %. На долю брюшного тифа пришлось 10,5 % (2549 чел.) всех больных тифом горожан, но наибольшее число умерших было именно от него: в 1921 г. – 8,6 %, а в начале 1922 г. – уже 25,2 % от всех заболевших им¹. Подобная ситуация сохранилась и в первой половине 1923 г.

Другие инфекции, как показывают данные табл. 26, не получили такого размаха, как тиф, но они также стали причиной повышенной смертности городского населения Челябинской губернии. В 1921 г. особую опасность после тифа представляла холера, на ее долю пришлось 25,4 % всех заболевших острозаразными болезнями горожан, от нее умерло 45,4 % инфицированных². Первые случаи этого заболевания были выявлены на железнодорожной станции Челябинска, больными оказались пассажиры, приехавшие из Поволжья. В Златоуст болезнь также завезли мигранты – трудармейцы из Уфы. Они были расквартированы в одном из районов города³.

В Челябинской губернии наиболее сильные вспышки холеры были зафиксированы в городах Челябинского (1612 заболевших), Курганского (1055 чел.) и Троицкого (788 чел.) уездов⁴. Эпидемия холеры затронула города и других уральских губерний. С середины июля 1921 г. она началась в Шадринске (Екатеринбургская губерния) и приобрела значительные размеры. В этом городе и его уезде холерой заболели 173 чел.⁵ В этом же году в Пермской губернии было зарегистрировано 505 случаев холеры⁶. Распространению холеры в уральских городах способствовали недоброкачественная вода, антисанитария и недоедание населения. Летальный исход от холеры был достаточно высоким. В 1921 г. в Златоусте и его уезде из 1090 заболевших скончалось 492 чел. (45 %)⁷, в Кургане соответственно – 129 и 74 чел. (57,4 %)⁸. В Перми с мая по сентябрь 1921 г. холерой забо-

¹ Отчет Челябинского губэкономсовещания Совету Труда и Оборона на 1 апреля 1922 года. С. 178.

² Там же.

³ Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 69. Л. 146 об.

⁴ Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. С. 383.

⁵ Отчет Екатеринбургскому губернскому экономическому совещанию Шадринского уездного экономическому совещания о деятельности уездных хозяйственно-административных органов за время июль–сентябрь 1921 года № 1. Шадринск, 1921. С. 72.

⁶ Селезнева В.Т. Здравсохранение Пермской губернии в годы перехода на мирную работу... С. 339.

⁷ Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 69. Л. 149.

⁸ Рассчитано по: ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 40. Л. 123.

лели 228 чел., из которых более половины (126 чел.) умерли¹. В Екатеринбургской губернии с июля по сентябрь 1921 г. из 1622 заболевших данной болезнью скончалось 762 чел. (47 %)².

С сентября 1921 г. в уральских городах эпидемия холеры пошла на убыль и в 1922 г. уже не имела таких масштабов. К примеру, по данным табл. 26, в городах Челябинской губернии ею болело всего 160 чел. или 19,9 % больных этой инфекционной болезнью в регионе. В первой половине 1923 г. в этой губернии не было выявлено ни одного заболевания этой болезнью.

На Урале широкий размах получила и дизентерия. На ее долю (см. табл. 26) пришлось в 1921 г. 12,6 % всех заболевших инфекционными болезнями горожан Челябинской губернии, 1922 г. – 15,3 %. При этом удельный вес жителей городов, пораженных дизентерией, среди населения данного региона составил в 1921 г. 52, а в 1922 г. – 44,8 %. В первой половине 1923 г. в городах дизентерией болело всего 66 чел или 0,4 % от всех заболевших ею в губернии, так как заболевание получало особенно широкое распространение в летне-осенний период. В уральских городах были отмечены и случаи натуральной оспы³.

Ликвидация эпидемических заболеваний стала важнейшей задачей городских властей Урала. Основная тяжесть борьбы с эпидемиями легла на органы здравоохранения, переживавшие огромные трудности. В связи с новой экономической политикой учреждения здравоохранения в 1921 г. были переведены на финансирование из средств местного бюджета, возможности которого в условиях хозяйственной разрухи были ограничены. В силу тяжелого материального положения страны урезались и средства, поступавшие из Центра. Из-за недостаточного финансирования пришлось сократить штаты лечебно-профилактических учреждений и число коек в них. Только в Екатеринбургской губернии в 1922 г. численность медперсонала и количество коек в больницах уменьшились на 56 %⁴.

¹ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. С. 134.

² Отчет Екатеринбургского губернского Экономсовещания Совету Труда и Обороне № 1 (июль–сентябрь). С. 50.

³ Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.

⁴ Белостоцкий. Здравотделы в Екатеринбургской губернии за время существования Советской власти // Медработник Урала. 1922. № 3. С. 3.

В условиях массового заболевания остроинфекционными болезнями повсеместно создавались чрезвычайные комиссии по борьбе с тифом (Чекатифы)¹, а в тех городах, где была в этом необходимость, – по борьбе с холерой (Чекахолы)². Данные органы для решения поставленных перед ними задач наделялись диктаторскими полномочиями, их распоряжения имели обязательную силу для всех. О конкретных направлениях деятельности Чекатифов и Чекахолов можно судить по работе чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом Кургана в начале 1920 г. В городе не хватало кроватей для больных тифом, которых вынуждены были размещать прямо на полу. Чекатиф поручил горкомхозу изготовить топчаны для госпиталей. Он также обязал всех горожан под страхом строжайшей ответственности представить сведения об имевшихся у них частных ваннах, стиральных и гладильных машинах, катках, которые можно было использовать при санитарной обработке больных и больничных материалов. В это же время жителей Кургана привлекли к сбору золы для химического отдела совнархоза, из нее начали изготавливать мыло. Нехватку топлива в медицинских учреждениях Чекатиф решил путем использования в качестве дров городских заборов и ученических парт³.

Помимо Чекатифов и Чекахолов в уральских городах были созданы и другие чрезвычайные органы. В феврале 1920 г. Челябинский губздравотдел направил в лечебные учреждения политических комиссаров, делегированных местными организациями РКП (б) и исполкомами Советов. Они были зачислены в штаты госпиталей и больниц и способствовали поднятию трудовой дисциплины персонала⁴. Все чрезвычайные органы помогли централизовать борьбу с эпидемиями.

Наиболее эффективными способами борьбы с инфекциями стали изоляция больных в лечебных учреждениях, предохранительные прививки, дезинфекция помещений, белья и одежды. В стационарах выделялись специальные койки под острозаразных больных. В 1920 г. в Кургане в одном только госпитале № 316 под

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 58. Л. 83; ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 1. Л. 160.

² Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 69. Л. 7; ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 41. Л. 151.

³ ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 1. Л. 11, 24, 32, 56 и 58.

⁴ ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 1. Л. 75.

больных тифом было отдано 230 коек¹, в 1921 г. в больницах Златоуста были определены койки для больных холерой². Но их катастрофически не хватало. Тогда в уральских городах были развернуты временные медицинские учреждения, так называемые «заразные бараки», для максимально полной госпитализации острозаразных больных. Под них отдавали любые свободные помещения. В Кургане в начале 1920 г. в здании тюрьмы оборудовали 300 инфекционных коек, в помещении завода Брюля – еще 300³. В 1921–1922 гг. в Челябинске было организовано 11 тыс. дополнительных коек, Златоусте – 2,5 тыс., Троицке – 2 тыс.⁴ В конце 1921 г. в Перми функционировали 1515 заразных коек, их хватило для госпитализации всех больных тифом горожан⁵. В Екатеринбургской губернии к сентябрю 1922 г. 2300 временных инфекционных коек позволили госпитализировать 62,5 % нуждавшихся в лечении людей⁶. Подобная работа проводилась и в других уральских городах⁷. Вместе с тем нередко население уральских городов боялось ехать в лечебные учреждения, предпочитая оставаться дома, вне лечебных учреждений, усугубляя ситуацию с эпидемическими заболеваниями⁸.

Впоследствии по мере ликвидации эпидемий сокращался коечный фонд для острозаразных больных, часть временных инфекционных больниц закрывалась, а некоторые из них превращались в стационарные лечебные учреждения.

Важное значение в борьбе с острыми инфекционными заболеваниями имели массовые предохранительные прививки населения, которые во многом помогли ослабить, локализовать и преодолеть эпидемии⁹. Большую роль в прививочной кампании сыграл созданный в Екатеринбурге в 1921 г. химико-

¹ ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.

² Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 69. Л. 149.

³ ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

⁴ Тарасов П. Указ. соч. С. 537.

⁵ Селезнева В.Т. Здравосохранение Пермской губернии в годы перехода на мирную работу... С. 339.

⁶ Розенштейн, С. Здравосохранение в Екатеринбургской губернии за срок с 1 октября 1921 г. по 1 сентября 1922 г. // Медработник Урала. 1922. № 2. С. 3.

⁷ См.: Отчет Екатеринбургскому губернскому экономическому совещанию Шадринского уездного экономического совещания о деятельности уездных хозяйственно-административных органов за время июль–сентябрь 1921 года № 1. С. 72; ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 199. Л. 367 об.; Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 69. Л. 146.

⁸ ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.

⁹ См.: Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6-му губернскому съезду Советов (декабрь 1922 г.). С. 25; Отчет Екатеринбургского губернского экономсовещания Совету Труда и Оборона № 1 (июль–сентябрь). С. 50–51; ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 199. Л. 369; Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 27. Л. 2; Д. 69. Л. 154, 178.

бактериологический институт. За период с октября 1921 г. по сентябрь 1922 г. он изготовил 605 л дивакцины, 579 990 доз детрита; произвел 219 519 противохолерных и 50 059 противооспепных прививок¹. В конце марта 1922 г. была организована бактериологическая лаборатория в Челябинске. Ее сотрудники свои усилия направили на правильное определение заболевания, от этого во многом зависело дальнейшее лечение. Только за первые 9 мес. своего существования лаборатория провела 1983 исследования².

В условиях эпидемий инфекционных заболеваний в уральских городах катастрофически не хватало медицинского персонала. При отступлении белогвардейцы эвакуировали с собой почти всех медицинских работников, увезли и разграбили имущество большинства больниц, аптек и амбулаторий. К примеру, казачья больница Троицка была вывезена в Ачинск. В Челябинской городской больнице, переполненной больными, остался только фельдшер. Во всей Челябинской губернии было всего 8–10 врачей и несколько десятков фельдшеров³. К моменту взятия Красной Армией Екатеринбурга были разорены все больницы, из 120 врачей остались только 27, часть из которых сразу же вступила в Красную Армию⁴. Подобная ситуация была характерна для всех городских поселений Урала.

Для обеспечения населенных пунктов необходимыми кадрами медиков 5 октября 1920 г. Наркомат здравоохранения РСФСР на основании решения Совета Труда и Оборона от 14 июля 1920 г.⁵ принял постановление о трудовой повинности медперсонала. По нему лица, имевшие медицинское образование, обязаны были трудиться в отраслях, требовавших медицинских знаний. Выполняя данное постановление, Чекатиф Кургана в недельный срок провел регистрацию всего медицинского персонала города⁶. 2 ноября 1920 г. Екатеринбургский губисполком принял решение об обязательной регистрации всех медработников. Однако были

¹ Розенштейн, С. Указ. соч. С. 4; Белостоцкий. Указ. соч. С. 3.

² Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6-му губернскому съезду Советов (декабрь 1922 г.). С. 25.

³ Тарасов П. Указ. соч. С. 537.

⁴ Гудошников Ф.Ф., Новоселов Р.С. Указ. соч. С. 68.

⁵ См.: Об освобождении от трудовых мобилизаций медицинского персонала: постановление Совета Труда и Оборона от 14 июля 1920 г. // СУ РСФСР 1920. № 67. Ст. 307.

⁶ ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 1. Л. 35, 85.

случаи уклонения от нее медиков и фармацевтов, прибывших в губернию на постоянное место жительства или в длительный отпуск. В условиях острой нехватки медицинских кадров 27 апреля 1921 г. Екатеринбургский губисполком принял новое постановление о постановке на учет медицинского персонала региона. Более того, оно предусматривало суровые санкции по отношению к уклонистам: их объявляли дезертирами и привлекали к ответственности по всей строгости революционных законов. Постановление обязывало председателей домовых комитетов и домохозяев под угрозой наказания как укрывателей дезертиров немедленно сообщать в губернский военно-санитарный подотдел, а в уездных городах – в местные отделы здравоохранения о вновь прибывших медработниках¹.

Губернские и городские власти, используя такие суровые меры, смогли частично восполнить потери лечебно-санитарного персонала и восстановить медицинские учреждения, необходимые для лечения опасных инфекционных заболеваний. Осенью 1921 г. в Екатеринбургской губернии уже трудились 64 врача, 485 фельдшеров, 106 фармацевтов, 165 акушерок, 484 сестры милосердия и 2382 сиделки². К концу указанного года в Пермской губернии было 92 врача, 477 фельдшеров, 409 сестер милосердия и 126 акушерок, в городах соответственно – 70, 71, 250 и 35. Большинство медработников (40 врачей, 49 фельдшеров, 88 медсестер и 13 акушерок) работало в Перми, но в губернском центре врачей было меньше, чем в довоенный период (48 чел. в 1914 г.). В уездных городах в основном трудились по 3–4 врача, только в Сарапуле их было 7. В Кунгуре, Осе, Оханске, Сарапуле и Чердыне не было фельдшеров³. Но в целом медицинских работников не хватало даже в городах⁴. В марте 1922 г. заведующий уздравотделом отмечал, что за 18 лет своей работы в Златоусте он не наблюдал такого кадрового кризиса, вызванного отсутствием медперсонала, как в январе – феврале указанного года, когда в

¹ Общество и власть. Российская провинция. 1917–1941. Свердловская область: док. и мат-лы. Т. 1. С. 276–277.

² Отчет Екатеринбургского губернского Экономсовета Совету Труда и Обороне № 1 (июль – сентябрь). С. 51.

³ ГАПК. Ф. Р–19. Оп. 1. Д. 199. Л. 347, 351–352.

⁴ Отчет Екатеринбургскому губернскому экономическому совещанию Шадринского уездного экономического совещания о деятельности уездных хозяйственно-административных органов за время июль – сентябрь 1921 года № 1. С. 72.

двух самых больших городских больницах вообще не было врачей¹.

В 1920 г. из-за острой нехватки медперсонала Правление Челябинского губернского профсоюза медико-санитарных работников организовало краткосрочные курсы братьев и сестер милосердия и объявило набор горожан на них. При отборе слушателей предпочтение отдавалось учительскому персоналу, который был освобожден от занятий из-за эпидемии тифа, а также лицам, переболевшим тифом, и всем, кто имел опыт ухода за больными². Подобные курсы были созданы и в Екатеринбургской, Пермской и Тюменской губерниях³.

Благодаря всем этим мерам в уральских городах был воссоздан штат медработников и их помощников, на которых легло дело борьбы с эпидемиями начала 1920-х гг. Вместе с тем медицинский персонал нес на себе все тяготы периода. Медики голодали и болели тифом, испытывали трудности с дровами и денежными средствами. Но, как отмечалось на Втором губернском санитарном совете, состоявшемся 25–28 сентября 1921 г. в Челябинске, не было ни одного случая отказа врачей и фельдшеров работать во время эпидемии холеры⁴.

Особую роль в распространении острозаразных инфекций начала 1920-х гг., как уже отмечалось выше, играл транспорт. На железнодорожных станциях Урала были организованы изоляционно-пропускные пункты, дезинфекционные и противоэпидемические отряды, проводившие необходимые мероприятия по предотвращению заражения населения острыми инфекциями от приезжих. Только с июля по декабрь 1921 г. через врачебно-питательный пункт ст. Пермь прошли 120,5 тыс. чел., из них 40,6 тыс. остались в городе. Все прибывшие в город эшелоны подвергались санитарной обработке. В бане были перемыты 31,5 тыс. чел., привиты ди-вакциной – 34,7 тыс. чел. Дезинфекционная камеры обработала 180 тыс. пудов белья и 2350 пудов вещей, прачечная выстирала 570 пудов белья⁵. На станции постоянно дежурили фельдшеры, в их распоряжении находились амбулатории, парик-

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 108. Л. 14.

² Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: научное издание. Док. и мат-лы (Пермская, Свердловская, Челябинская области): в 6 т. Т. 1: Общество и власть. Российская провинция. 1917–1945. Челябинская область: док. и мат-лы. С. 125–126.

³ См.: Тертышный А.Т. Указ. соч. С. 64.

⁴ Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 69. Л. 149.

⁵ ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 199. Л. 100 об.–101.

махерская и стационар на 250 коек¹. Всех больных снимали с поездов, временно изолировали, а затем отправляли в госпитали. За октябрь 1921 – март 1922 гг. работники изопропункта при ст. Екатеринбург–I осмотрели 36 эшелонов с 31580 лицами, проследовавшими через станцию, продезинфицировали 2669 вагонов, 11622 куб. саж. помещений и 3036,5 пудов белья и одежды. В бане было вымыто 13738 чел. и выстирано 176 пудов белья. С середины января до конца марта 1922 г. при губэваке функционировал изолятор, через него за этот период прошло 436 больных, из них 309 было отправлено в больницу, а 60 умерло. Амбулаторную помощь оказали 5791 чел., прививку против оспы поставили 1053 чел.²

Большую помощь Уралу в борьбе с паразитарными тифами оказал Наркомат здравоохранения РСФСР. Только в январе 1920 г. на Урал было направлено 12 бань и 7 эпидемиологических отрядов, которые обслуживали не только военных, но и гражданское население³.

Городские власти Урала в борьбе против инфекционных заболеваний применяли посильные меры по улучшению эпидемиологической обстановки и ослаблению внешних неблагоприятных условий, питавших инфекции. Повсеместно развернулась борьба за чистоту, задачами которой стали распространение элементарных гигиенических навыков среди горожан и очистка населенных мест от грязи и мусора. В городах устанавливались специальные санитарные правила. Инструкция Троицкого уездного здравотдела от 17 июля 1920 г. содержала профилактические меры против эпидемий. Они включали очистку источников питьевой воды и жилья, кипячение воды, обязательное мытье рук и продуктов, немедленное обращение за медицинской помощью в случае появления больных тифом⁴. В Кургане вышли приказ-памятка «Борьба за чистоту» с перечнем необходимых санитарно-гигиенических мероприятий и «Наставление для истребления платяных вшей»⁵. Повсеместно городские власти строго следили за наличием кипяченой

¹ Селезнева В.Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии. С. 86.

² Отчет Екатеринбургского губернского Экономсовета Совету Труда и Обороне № 3 (октябрь 1921 г. – март 1922 г.). С. 79.

³ Селезнева В.Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии. С. 86.

⁴ Тертышный А.Т. Указ. соч. С. 105–106.

⁵ ГАКО. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 53. Л. 191, 193.

воды в местах скопления горожан¹.

В городских поселениях Урала активно проводились санитарно-гигиенические мероприятия: разворачивались бани с бесплатной выдачей мыла, открывались общественные прачечные, улицы и дома очищались от мусора и нечистот. В Екатеринбургской губернии за период с октября 1921 г. по сентябрь 1922 г. провели 9307 дезинфекций помещений и 18301 санитарных обследований. В рамках недели чистки в регионе с помощью населения проводилась работа по приведению в порядок источников водоснабжения, но результаты ее были незначительными, так как для капитального ремонта колодцев не хватало материальных средств². В Златоусте во время апрельской и июльской (1921 г.) недель чистки были промыты горячей водой с щелоком и мылом и побелены теплые помещения города, перемыты в бане, а мужчины еще и острижены, все пребывавшие в больницах, казармах, детском доме и общежитиях, их одежда была продезинфицирована, городские объекты и источники водоснабжения были очищены от грязи. В городах Пермской губернии неоднократно проходили «Недели чистки»³.

В городах был создан санитарный надзор. В Екатеринбургской губернии он осуществлялся выборными санитарными старостами, которые работали под руководством санитарно-эпидемических подотделов уездно-городских здравотделов⁴. Во всех городах Челябинской губернии уже летом 1922 г. работали санитарные инспекторы и санитарно-контрольные комиссии Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, следившие за чистотой на городских объектах⁵. Органы санитарного надзора могли привлекать к административной ответственности за антисанитарию любые организации и должностные лица. В Екатеринбурге только за 1921/22 г. за нарушение установленных правил чистоты к административной ответственности привлекли 372 чел.⁶ Санитарный надзор Челябинской губернии

¹ ГАКО. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 41. Л. 151; ГАПК. Ф. Р–19. Оп. 1. Д. 199. Л. 367; Архив ЗГО. Ф. Р–17. Оп. 1. Д. 69. Л. 138.

² Отчет Екатеринбургского губернского Экономсовета Совету Труда и Обороне № 1 (июль – сентябрь). С. 51; Розенштейн С. Указ. соч. С. 4.

³ ГАПК. Ф. Р–19. Оп. 1. Д. 199. Л. 367–367 об.; Архив ЗГО. Ф. Р–17. Оп. 1. Д. 58. Л. 83; Д. 69. Л. 126, 136.

⁴ Отчет Екатеринбургского губернского Экономсовета Совету Труда и Обороне № 1 (июль – сентябрь). С. 51.

⁵ Отчет Челябинского губернского экономического совещания Совету Труда и Обороне, апрель – сентябрь 1922 г. С. 247; ГАКО. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 1. Л. 53, 137; Архив ЗГО. Ф. Р–17. Оп. 1. Д. 69. Л. 4, 41–43.

⁶ Розенштейн С. Указ. соч. С. 4.

за антисанитарное состояние дворов и площадей Челябинска в апреле – сентябре 1922 г. взыскал штрафов на сумму в 441 850 руб. а в последнем квартале того же года – уже в 1 944 250 руб.¹

Наряду с санитарно-гигиеническими мероприятиями были приняты меры по препятствованию распространения эпидемий. В Шадринске и других городах при обнаружении больных холерой практиковали дезинфекцию жилищ с одновременным выселением из них жильцов в специальные изоляционные дома. В Златоусте при 1-й городской больнице было организовано особое дежурство врачей и фельдшеров для немедленного выезда к больным холерой. В городских поселениях Пермской, Челябинской и других губерний функционировал специальный транспорт для перевозки инфекционных больных².

В период эпидемий начала 1920-х гг. в городах развернулась санитарно-просветительная работа. В Екатеринбургской губернии с октября 1921 г. по сентябрь 1922 г. населению было прочитано 414 лекций, распространено 578 355 плакатов, листовок и лозунгов, 13 005 брошюр³. В Челябинской губернии за этот период было реализовано до 40 тыс. всевозможных листовок и лозунгов, почти повсеместно читались лекции на различные темы по санитарным вопросам, проводились санитарные минимумы⁴.

Одним из источников инфекций начала 1920-х гг. была продажа нечистых продовольственных товаров. Не случайно в городах Пермской и Челябинской губерний был установлен строгий надзор за пищевыми продуктами⁵. В Челябинске для этого на заводах фруктовых и минеральных вод учредили штат провизоров. Все работники, занятые в столовых, хлебопекарнях и других подобных заведениях и могущие стать рассадниками заболеваний, обязаны были регулярно прохо-

¹ Отчет Челябинского губернского экономического совещания Совету Труда и Оборона, апрель – сентябрь 1922 г. С. 247; Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6-му губернскому съезду Советов (декабрь 1922 г.). С. 25.

² Отчет Екатеринбургскому губернскому экономическому совещанию Шадринского уездного экономического совещания о деятельности уездных хозяйственно-административных органов за время июль–сентябрь 1921 года № 1. С. 72; ГАПК. Ф. Р–19. Оп. 1. Д. 199. Л. 367–367 об.; Архив ЗГО. Ф. Р–17. Оп. 1. Д. 69. Л. 146–146 об.; 148–148 об.

³ Розенштейн С. Указ. соч. С. 4.

⁴ Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к VI-му губернскому съезду Советов (декабрь 1922 г.). С. 26; ГАКО. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 1. Л. 135; Д. 28. Л. 153 об.

⁵ ГАПК. Ф. Р–19. Оп. 1. Д. 199. Л. 367.

дять освидетельствование в специальных санитарных амбулаториях. Только за последний квартал 1922 г. в городе было проведено 880 таких освидетельствований¹. В Кургане лица, занимавшиеся продажей продовольствия, должны были пройти обязательное прививание, отказ от которого влек за собой наказание². Подобные меры применялись и в других городах Урала и позволили пресечь этот важный канал распространения инфекций.

Все предпринятые городскими властями действия имели положительный результат. Как показывают данные табл. 26, уже в первой половине 1923 г. эпидемии в городах Челябинской губернии постепенно пошли на спад, что положительно сказалось на смертности горожан. Все это характерно и для городских поселений других уральских губерний.

Эпидемии острозаразных заболеваний имели такой большой размах и дали высокий процент смертности в связи с тем, что они, как уже отмечалось выше, были отягощены голодом 1921–1922 гг., вызванным засухой и неурожаем 1921 г. На эту зависимость эпидемий и голода, который ослаблял иммунитет и делал человека беззащитным перед инфекциями, неоднократно указывали как отечественные (Е.З. Волков), так и западные (Стивен Уиткрофт³) ученые.

Положение со снабжением населения продуктами питания было отчаянным даже в губернских городах. С сентября 1921 г. по февраль 1922 г. при норме в 3300–4500 кал. среднее потребление взрослого рабочего Перми сократилось с 2099 до 1769 кал., служащего – с 2189 до 1959 кал.; Челябинска соответственно – с 2660 до 2479 и с 2224 до 2267 кал.; Екатеринбурга – с 3328 до 2452 и с 2912 до 2737 кал.; Тюмени – с 2752 до 2168 и 2678 до 2466 кал.⁴

Пермское губернское экономическое совещание доносило Совету Труда и Оборона, что в первой декаде 1922 г. полной продовольственной нормой, согласно плану Комитета по продовольствию, утвержденному СТО, были удовлетворены только органы социального обеспечения и ВЧК. Остальные учреждения снаб-

¹ Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6-му губернскому съезду Советов (декабрь 1922 г.). С. 25.

² ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 41. Л. 151–152.

³ См.: Wheatcroft S.G. Famines and factors affecting mortality in the USSR. P. 1–14.

⁴ Труды ЦСУ. Т. XVIII. С. 378–379.

жались лишь основными продуктами питания. Но в марте указанного года работники промышленных предприятий губернии продовольствие не получили вообще. В целом с декабря 1921 г. по апрель 1922 г. число состоявших на государственном довольствии в Пермской губернии, согласно предоставленным пайкам, за исключением армии и транспорта, сократилось на 28 609 чел., то есть на 34,7 %¹.

В начале 1920-х гг. состав пищи городского населения Урала был груб и однообразен. Дневной рацион среднестатистического горожанина состоял из 400 г картофеля, 400 г ржаного хлеба, 98 г молока и 7 г мяса. Но при общем неудовлетворительном уровне питания в 1919–1922 гг. потребление мяса, молока и овощей в семьях служащих было существенно выше, чем в семьях рабочих. В структуре питания рабочих преобладали ржаной хлеб и картофель. Причем суррогатность хлеба, потреблявшегося рабочими Челябинска, к февралю 1922 г. достигла 45 %. Это был один из самых высоких (после Уфы) уровней содержания суррогатов в хлебе среди обследованных губернских городов не только на Урале, но и по стране в целом. Сравнительно более доброкачественный хлеб потребляли рабочие Екатеринбурга и Перми, его суррогатность составила соответственно 6 и 2 %². В целом рабочие потребляли больше углеводов, а служащие – жиров.

Данные выборочных обследований, производимых с 1919 г. Отделом статистики потребления и распределения ЦСУ, свидетельствовали о том, что с декабря 1919 г. по октябрь 1922 г. постоянный дефицит белков в рационе испытывало население Перми. Самый низкий уровень потребления белков в этом городе отмечен в сентябре 1921 г. – ниже нормы у рабочих на 50,2, служащих – 47,5 %. В Челябинске и Екатеринбурге потребление белков не падало ниже 80 % нормы. Дефицит жиров в пищевом рационе горожан Урала наблюдался на протяжении 1919–1922 гг. Исключение составил Екатеринбург, где в октябре 1922 г. потребление жиров служащими превысило норму на 1,1 %. Резкое падение потребления углеводов произошло в сентябре 1921 г. в Перми и Челябинске. Таким образом,

¹ Пермское губернское экономическое совещание. Отчет Совету Труда и Обороне за время с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Отчет второй. Пермь, 1922. С. 83.

² Пересторонина Л.И. Питание горожан Урала в годы продовольственного кризиса (1919–1922 гг.) // Парадигмы исторического образования в контексте социального развития: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2003. Ч. 1. С. 161–162.

совершенно неудовлетворительное потребление основных питательных начал населением Перми и Челябинска приходилось на сентябрь 1921 г. Энергетическая ценность дневного рациона у рабочих Челябинска составила 2660 кал., что было едва достаточно для умственного труда¹.

Неудовлетворительное питание стало основной причиной заболевания городского населения Урала цингой. Пик заболеваемости этой болезнью горожан Челябинской губернии пришелся на 1921 г., когда ею заболели 5067 чел. или 94 % от всех пораженных этой страшной болезнью в губернии. При этом подавлявшее число больных цингой было зарегистрировано в Челябинске (4011 чел.), Миассе (572 чел.) и Верхнеуральске (412 чел.). Особенно значительных масштабов цинга достигла во втором (2565 заболевших горожан) и третьем (1988 чел.) кварталах 1921 г. В дальнейшем болезнь пошла на убыль. В 1922 г. число заболевших цингой по губернии снизилось до 1146 чел., среди которых было 288 горожан или четверть от всех пораженных ею в регионе. Наибольшее число заболевших горожан было зарегистрировано в Миассе (154 чел.). В Челябинске же цингой болело всего 72 чел. В Челябинской губернии в 1923 г. уровень заболевания этой болезнью снизился до 74 чел., из них 42 чел. проживали в городских поселениях².

В период демографической катастрофы начала 1920-х гг. уральские города столкнулись не только с недоеданием, но и с голодом. О размерах голодной катастрофы на Урале жителям Европы поведал немецкий журнал, в котором была напечатана статья немецкого профессора Мюхленса «Русская голодная и эпидемическая катастрофа 1921/22 гг.». Ученый возглавлял экспедицию, посланную немецким Красным Крестом для помощи России. Мюхленс писал, что все шесть уездов Челябинской губернии были поражены голодом. Неурожай был в двух из десяти уездов Екатеринбургской губернии и в трех из семи уездов Пермской губернии. Но точных цифр о числе голодавших автор не знал³.

¹ Пересторонина Л.И. Питание горожан Урала в годы продовольственного кризиса (1919–1922 гг.) С. 163.

² Рассчитано по: Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. С. 382–386.

³ Шапшев К.Н. Немецкий ученый о русской голодовке // Экономика. 1923. № 5. С. 7.

К маю 1922 г. в Челябинской губернии голодало 896 050 чел. или 66,8 % всего населения¹. По неполным данным, с ноября 1921 г. по август 1922 г. здесь от голода умерло 35 630 чел. или 3,1 % всех жителей². В Екатеринбургской губернии, по неполным данным, к июлю 1922 г., когда голод достиг своего апогея, голодало 803 599 чел. или, по мнению губернского исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, половина населения края³. В Пермской губернии в марте 1922 г. число голодавших исчислялось в 426 138 чел.⁴ Голодавшие были и в городах. В 1922 г. в Златоусте в январе голодало 4,6 тыс. детей⁵, в Екатеринбурге в начале февраля, по данным председателя Екатеринбургской уездной комиссии помощи голодающим, – 10 742 чел., из них 5763 ребенка⁶. Нижнетагильский исполком сообщал 16 апреля 1922 г.: «Полное истощение, ужасы голода отпечатаны на лицах рабочих и детей, бродящих по улицам в поисках чего-либо съедобного. Жуть берет смотреть на эти опухшие от голода лица»⁷.

Особенно в тяжелом положении оказались дети. В Екатеринбургской губернии насчитывалось 13 тыс. круглых сирот, которые проживали в 280 детских домах. Несмотря на все усилия, предпринимаемые государством и Екатеринбургским губернским комитетом помощи голодающим, дети умирали от недостатка питания. Так, в Сысертском детском доме от истощения на почве голода умерло 2 ребенка⁸. Но беспризорные дети из голодавших местностей и особенно те, кого бросили родители, оказались в еще более тяжелых условиях. В Нижнем Тагиле вдоль улиц города с раннего утра и до позднего вечера бродили «как тени толпы голодных детей, напевая заунывные песни и прося кусок хлеба»⁹. Пермское губернское экономическое совещание, опираясь на данные на начало апреля 1922 г., констатировало, что в городские учреждения по охране материнства и младенче-

¹ Шашнев К.Н. Немецкий ученый о русской голодовке. С. 7.

² Челябинская область. 1917–1945 гг.: сб. док. и мат-лов. С. 258.

³ Краткие отчетные материалы Екатеринбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к VI губернскому съезду Советов. С. 38.

⁴ ГАПК. Ф. Р–19. Оп. 1. Д. 199. Л. 55 об.

⁵ Архив ЗГО. Ф. Р–17. Оп. 1. Д. 108. Л. 175.

⁶ Из истории Свердловской области: сб. док. и мат-лов. 1917–1975 гг. С. 57.

⁷ Цит. по: Краткие отчетные материалы Екатеринбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к VI губернскому съезду Советов. С. 39.

⁸ Там же. С. 39.

⁹ Цит. по: Там же. С. 39.

ства края отпускалась плохого качества овсяная крупа. Она вызывала у детей желудочно-кишечные заболевания. В детские учреждения почти не поступали овощи, сахар завозился в недостаточном количестве, а рис выдавался в ограниченных размерах как лекарственное средство. Отсутствовала манная крупа для прикармливания грудников. Практически не было средств на покупку молока¹.

Тяжелое положение в городах Урала из-за неурожая 1921 г. усугублялось большим количеством беженцев из голодавших губерний Европейской части РСФСР и из сельской округи. Особенно было много их в губернских центрах. В конце октября – ноябре 1921 г. в Перми скопилось до 11 тыс. беженцев². В это же время на улицах Челябинска были толпы голодавших башкир из соседних уездов (кантонов). Среди них были случаи голодной смерти³. В начале февраля 1922 г. в Екатеринбурге голодало до 5 тыс. не поддававшихся никакому учету беженцев⁴. Ситуация в городах Урала обострилась настолько, что Пермская губернская комиссия помощи голодающим вынуждена была просить Москву о запрете направлять беженцев в регион⁵. 5 августа 1921 г. аналогичное обращение во ВЦИК и Наркомпрод последовало и от Челябинского губисполкома⁶.

В уральских городах были зафиксированы и случаи смерти от голода. При этом врачи начала 1920-х гг. четко различали смерть на почве голода (к ней относилась смерть от инфекций, которые подстерегали ослабленный голодом организм) и смерть от голода, наступившую от длительного отсутствия пищи, в результате чего тело человека сначала отекало, а затем усыхало, превращаясь в скелет, обтянутый кожей⁷. По сведениям представителей Нижнетагильской уездной комиссии помощи голодающим, в мае 1922 г. на тротуарах Нижнего Тагила

¹ Пермское губернское экономическое совещание. Отчет Совету Труда и Обороне за время с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Отчет второй. С. 172.

² Там же. С. 203.

³ Общество и власть. Российская провинция. 1917–1945. Челябинская область: док. и мат-лы. Т. 1. С. 145.

⁴ Из истории Свердловской области: сб. док. и мат-лов. 1917–1975 гг. С. 57.

⁵ Пермское губернское экономическое совещание. Отчет Совету Труда и Обороне за время с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Отчет второй. С. 203.

⁶ Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: научное издание. Док. и мат-лы (Пермская, Свердловская, Челябинская области): в 6 т. Т. 1: Общество и власть. Российская провинция. 1917–1945. Челябинская область: док. и мат-лы. С. 138–139.

⁷ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. С. 128.

встречались трупы умерших от голода¹. Но в городах смертность от голода, как подчеркивало Челябинское губернское экономсовещание, была почти в пять раз меньше, чем в уездах². В целом, как справедливо отметил в 1922 г. Екатеринбургский губисполком, «смертность на почве голода по губернии чрезвычайно огромна, но ни губстатбюро, ни губздрав не вели у себя статистики смертности, а если иногда и попадался какой-либо материал, то настолько маловероятный, что строгому учету его подвергнуть нет сил»³.

Положение в городах было настолько тяжелым, что, к примеру, в Златоусте в январе 1922 г. был зафиксирован случай каннибализма⁴. В условиях нехватки питания горожане перешли на суррогаты. Ели лебеду, липовые и древесные опилки, мох, кору ели, старую гнилую солому, глину, озерный ил, домашних животных, падаль; кости, валявшиеся на улице в течение нескольких лет, перемалывали в муку⁵. Суррогаты плохо сказывались на здоровье. Так, лебеда после длительного употребления в пищу вызывала расстройство пищеварения и тяжкие желудочно-кишечные заболевания⁶. В Златоусте за весь 1921 г. на почве голода заболели 15 776 чел., из них умерли 670 чел. или 4,2 %, а только в январе 1922 г. – еще 4330 жителей, из которых умерли уже 495 чел. или 11,4 %. Но эти данные были неполными, так как многие заболевшие не обращались в лечебные учреждения⁷. В Челябинской губернии за первое полугодие 1922 г. общая заболеваемость составила 456 190 чел., а эпидемическая – 33 345 чел. Коечный фонд региона был загружен голодавшими людьми. Только в апреле 1922 г. таких больных насчитывалось 2115 чел.⁸ Случаи болезни летального исхода на почве питания суррогатами

¹ Краткие отчетные материалы Екатеринбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к VI губернскому съезду Советов. С. 38.

² Отчет Челябинского губэкономсовещания Совету Труда и Оборона на 1 апреля 1922 г. С. 178.

³ Цит. по: Краткие отчетные материалы Екатеринбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к VI губернскому съезду Советов. С. 41.

⁴ Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 108. Л. 179.

⁵ Отчет Каменского уездного Экономического Совещания Екатеринбургской губернии в Совет Труда и Оборона № 2 (октябрь–декабрь 1921 года). Каменск: Госуд. тип., 1922. С. 48; Отчет Красноуфимского уездного Экономического Совещания Екатеринбургскому Губэкономсовещанию № 2. С. 21; ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 41. Л. 156; Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 108. Л. 176–177.

⁶ Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6-му губернскому съезду Советов (декабрь 1922 г.). С. 69.

⁷ Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 108. Л. 176–177.

⁸ Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6-му губернскому съезду Советов (декабрь 1922 г.). С. 69, 73.

были и в других городах Урала.

В 1922 г. в Челябинской губернии была создана специальная научная комиссия по изучению голода и его последствий, в задачу которой входило и выявление воздействия суррогатов, употреблявшихся в пищу, на здоровье человека для предотвращения массовых отравлений¹. Подобные исследования были предприняты и в регионах Урала. В июле того же года в Екатеринбургской губернии по предложению президиума Губкомгола развернулась агитационная кампания за необходимость сбора суррогатов. Более того, на места были направлены плакаты с изображением наиболее распространенных в регионе их видов². В Кургане, Златоусте и других городах были составлены списки суррогатов, на основе которых населению рекомендовались рецепты суррогатных продуктов, уже опробованных практикой в Европейской России. Многие из этих рецептов были собраны и изданы петербургским огородником П. Штейнбергом³.

В поисках пропитания горожане уходили в сельскую местность. Для спасения городов от обезлюдивания и сохранения кадров рабочих в 1922 г. ВСНХ и СТО РСФСР приняли решение о государственном (продовольственном) снабжении оборонных, металлургических, металлообрабатывающих и других предприятий. Значительная часть уральских заводов оказалась на государственном снабжении⁴. Благодаря непрерывным государственным поставкам продовольствия в течение 1921–1922 гг. удалось поднять норму потребления продовольственных продуктов для горожан края. Если в сентябре 1921 г. на душу населения городов Урала приходилось 11,4 пудов зерна и картофеля в переводе на зерно, феврале 1922 г. – 11, то через год – 15 пудов⁵.

Если рабочих и служащих Урала предприятия и учреждения старались обеспечить хоть и скудным, но пайком, то неработающим членам семей горожан приходилось особенно трудно. Не случайно районный секретариат и представители

¹ Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6-му ... С. 24.

² Краткие отчетные материалы Екатеринбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к VI губернскому съезду Советов. С. 47.

³ Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 108. Л. 177; ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 41. Л. 424–426 об.

⁴ Фельдман В.В. Восстановление промышленности на Урале (1921–1926 гг.). С. 79.

⁵ Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. С. 325.

администрации всех учреждений Верхотурья, профсоюзные организации города на своем объединенном заседании 15 декабря 1921 г. обратили особое внимание на недопустимость исключения членов семей работников из общего снабжения и лишения пайка заболевших членов трудовых коллективов, рожениц и проч.¹ Аналогичные решения были приняты и в других городах. Екатеринбургская губвоенкомиссия организовала столовые в Екатеринбурге (на 105 чел.), Красноуфимске (на 100 чел.) и Каменске (на 100 чел.), в которых питались только нетрудоспособные члены семей красноармейцев. Тогда же в Екатеринбурге Губсобез и Упомгол открыли совместную столовую для нетрудоспособных².

Власти проявили заботу и о безработных с целью сохранения квалифицированной рабочей силы в городах. Специально для обеспечения безработных из Центра на Урал были направлены 30-фунтные пайки, но их число ежемесячно уменьшалось: в мае 1922 г. в Екатеринбургской губернии получили 1500 шт., июне – 1200, июле – всего 500 шт. Все они распределялись по городам губернии³.

Для оказания действенной помощи голодавшему населению Урала в городах начали открываться питательные пункты и столовые. С ноября 1921 г. по март 1922 г. через питательные пункты прошло в Осе 8370 чел., Оханске – 3007, Перми только в марте 1922 г. – 350 чел. Если в ноябре – декабре 1921 г. в Сарапуле было 6348 питавшихся, а Воткинске – 700, то в январе – марте 1922 г. их число в указанных городах выросло до 28 013 чел., то есть почти в четыре раза. В марте 1922 г. в Перми был открыт питательный пункт на 20 голодавших, требовавших немедленной помощи⁴. Весной 1922 г. прибывший в Екатеринбург врачебно-питательный поезд организовал общественное питание с ежедневным отпуском до 5 тыс. обедов⁵. В городе действовали 8 столовых на 2 тыс. чел., организованные Екатеринбургским губернским комитетом помощи голодающим. Подобные

¹ ГАСО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 35. Л. 10.

² Краткие отчетные материалы Екатеринбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к VI губернскому съезду Советов. С. 46.

³ Там же. С. 46, 48.

⁴ Пермское губернское экономическое совещание. Отчет Совету Труда и Обороны за время с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Отчет второй. С. 211.

⁵ Из истории Свердловской области: сб. док. и мат-лов. 1917–1975 гг. С. 57.

столовые и питательные пункты были открыты в Кургане¹ и других городах.

Особую заботу губернские и городские власти, уральская общественность проявили о детях, спасение которых стало главной задачей. Работа велась в нескольких направлениях. Во-первых, в городах стали открывать столовые для голодавших детей. Весной 1922 г. они уже работали в Екатеринбурге и Перми. Военные комиссии Помгола Екатеринбургской и Пермской губерний на денежные средства и продовольствие, собранные с красноармейцев, содержали детские дома и столовые имени Красной Армии. Детские дома были открыты в Ирбите (на 140 детей и 18 служащих), Сысерти (5 детских домов на 360 чел. и 60 служащих), Сарапуле (2 детских дома). Красноуфимский участковый комитет помощи голодающим при Учкпрофсоже 13-й Московско-Казанской железной дороге в течение 1921/1922 голодного года содержал 367 детей железнодорожников. Наиболее истощенные дети снабжались молоком, для этого приобрели 8 дойных коров. На каждого ребенка отпускали $\frac{3}{8}$ фунта хлеба и $\frac{1}{8}$ фунта мяса, а также молоко там, где имелись коровы. Во-вторых, повсеместно проводились недели ребенка для сбора средств голодавшим детям².

В-третьих, для спасения детей началась их эвакуация из районов, охваченных голодом. Только в Пермской губернии в сентябре 1921 г. в Соликамск и другие населенные пункты было вывезено 2500 чел. В Соликамске открылся специальный детский городок на 1200 мест, при нем была молочная кухня. В декабре 1921 г. в приемниках и детских домах Пермской губернии было собрано 12214 детей³. В мае 1922 г. 250 голодавших детей из Екатеринбургской губернии были отправлены в Минск и Семипалатинск⁴. Из Златоуста за указанный год на юг и в Дальневосточную республику вывезли 935 детей. В хлебные районы страны старались

¹ Краткие отчетные материалы Екатеринбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к VI губернскому съезду... С. 41–42; ГАКО. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 41. Л. 156.

² Из истории Свердловской области: сб. док. и мат-лов. 1917–1975 гг. С. 57; Краткие отчетные материалы Екатеринбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к VI губернскому съезду Советов. С. 46; Пермское губернское экономическое совещание. Отчет Совету Труда и Обороны за время с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Отчет второй. С. 202, 212.

³ Селезнева В.Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии. С. 82.

⁴ Краткие отчетные материалы Екатеринбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к VI губернскому съезду Советов. С. 41.

эвакуировать беременных женщин и грудных детей¹.

Значительную помощь голодавшему населению Урала оказали зарубежные общественные организации. В уральских губерниях работали представители Международного Рабочего Комитета помощи голодающим России, Американская Администрация Помощи (АРА), Чехословацкое отделение Миссии Нансена, главная штаб-квартира которого базировалась в Кургане. Они открывали общественные столовые, распределяли продукты, прежде всего рабочим². С конца декабря 1921 г. АРА организовала выдачу голодавшему населению Златоуста по 20 фунтов кукурузы на человека. Тогда же в городе было открыто 6 столовых на 2100 чел. К середине марта 1922 г. их было уже 8, они обслуживали 3450 чел. в день. Вскоре в городе открылось еще два питательных пункта. К июлю указанного года в Златоусте к специально оборудованным столовым было прикреплено 12 тыс. взрослых и 100 беременных женщин и младенцев³.

В Екатеринбургской губернии деятельность АРА началась в Кыштыме. А уже в мае 1922 г. ее представители прибыли в Екатеринбург и открыли первую столовую. Особое внимание данная организация уделила детям. 10 июня ею были отправлены первые 200 порций детского питания в Красноуфимск, чуть позже еще 1,5 тыс. порций в Каменск. К концу июня в губернии действовало уже 418 питательных пунктов, на которых питались 61,6 тыс. детей, 7 тыс. больных и беженцев, 72,7 тыс. взрослых. К середине октября 1922 г. АРА значительно сократила свою деятельность, выделяя только по 7 тыс. пайков, предназначенных для детских учреждений⁴.

В период разрухи и голода горожане Урала вынуждены были заниматься огородничеством, рыбной ловлей, рубкой дров и покосами, прирабатывать каким-нибудь несложным ремеслом⁵. В Пермской губернии в условиях хронических

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 108. Л. 188 об., 201.

² Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6-му губернскому съезду Советов (декабрь 1922 г.). С. 71–73.

³ Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 108. Л. 175, 180.

⁴ Краткие отчетные материалы Екатеринбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к VI губернскому съезду Советов. С. 48–49.

⁵ Урал: очерки физической и экономической географии Уральской области / под ред. С. Бессонова, Т. Каменева. Свердловск, 1926. С. 284.

продовольственных затруднений выросла общая площадь под огородами в городских и пригородных хозяйствах с 1960 (1920 г.) до 2302 (1921 г.) десятин. В итоге в 1921 г. на одного едока приходилось 37 кв. сажень огородной площади городских и пригородных хозяйств¹. Однако, несмотря на то, что огороды играли важную роль в смягчении продовольственного кризиса, заявки на предоставление земли под них были удовлетворены только на 25 % и касались в основном пустовавших земель вблизи городов и заводских поселков губернии. Только в Перми под огороды были использованы почти все свободные площади. Вместе с тем отвод земли под огороды на один год не удовлетворял горожан, так как земля была недостаточно удобренной, что сказалось на урожае, и требовала более тщательной обработки. В связи с отмеченными обстоятельствами самоснабжение продовольствием населения городских поселений Пермской области не получило широкого развития. В основном работники учреждений и предприятий состояли на государственном снабжении и не имели земледельческих хозяйств. В Пермской губернии не получили массового распространения и поездки рабочих в деревню за продовольствием. Были только единичные случаи, в основном это были поездки в сельскую местность за молочными продуктами, а не за хлебом².

Таким образом, переход от войны к мирному строительству в уральских городах осуществлялся в сложной эпидемиологической обстановке. И этот переход был усугублен неурожаем 1921 г., который повлек за собой голод. Голод, в свою очередь, отяготил эпидемии острозаразных заболеваний. Все эти факторы способствовали резкому росту смертности горожан. Урал оказался в состоянии демографической катастрофы. Меры, предпринятые городскими властями и органами здравоохранения региона, позволили уменьшить физические потери горожан. В 1923 г. работники здравоохранения Уральской области констатировали повсеместное резкое снижение смертности³. Наметилась положительная динамика в есте-

¹ Отчет Пермского губернского экономического совещания 1-го октября 1921 года. Отчет первый. Пермь, 1921. С. 79.

² Пермское губернное экономическое совещание. Отчет Совету Труда и Оборона за время с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Отчет второй. С. 83–84.

³ Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 1.

ственном движении городского населения. В частности, естественный прирост жителей Перми составил $11,6 \text{ ‰}$ ¹, Златоуста – $22,8 \text{ ‰}$ ².

В целом в 1923 г. города Урала преодолели демографическую катастрофу начала 1920-х гг. Но отголоском страшных предыдущих лет продолжала оставаться смерть от истощения из-за недоедания. По этой причине в Перми скончалось в первой половине 1923 г. 3 чел. (0,3 % от всех умерших), все они были в возрасте 0–9 лет; в 1924 г. – 27 чел. или 2,5 % всех умерших пермяков, подавлявшее большинство их (18 чел.) принадлежало к возрастной группе 30–59 лет³. В 1924 г. в городских поселениях Урала от истощения на почве недоедания скончалось 58 чел. или 0,18 % всех умерших; от цинги соответственно – 5 чел. и 0,02 %⁴. Обследование здоровья рабочих подростков, проведенное в Пермской губернии в 1922/23 хозяйственном году, выявило, что 60 % заболеваний было на почве малокровия и упадка питания⁵.

§ 2. Естественное движение городского населения в 1924–1928 гг. и меры по его улучшению

Восстановление разрушенного войнами и революциями хозяйства Уральской области, а также хорошие урожаи 1924–1925 гг.⁶ моментально сказались на воспроизводстве населения. Но достоверные данные о рождаемости и смертности горожан Урала есть только с 1924 г. Этим регион отличается от многих районов Европейской части РСФСР, в которых загсы начали регистрацию основных демографических событий с 1918 г., поэтому у них имелся хороший статистический материал уже за 1919–1920 гг. На Урале же только после восстановления Советской власти стало возможным наладить работу отделов загсов, но в начале 1920-х

¹ Антонов М. Естественное движение населения за первую половину 1924 года. С. 57.

² Архив ЗГО. Ф. Р–35. Оп. 1. Д. 22. Л. 20.

³ Антонов М. Естественное движение населения за первую половину 1924 года. С. 57.

⁴ Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 74.

⁵ Пермская губерния. Администрирование. Экономика. Культурная работа. С. 170.

⁶ Обзор хозяйства Урала за 1924–25 год / под ред. В.С. Немчинова, М.А. Сигова. Свердловск, 1926. С. 200.

гг. сбор ими демографических данных был затруднен голодом 1921–1922 гг. и эпидемиями, а также районированием края¹.

С 1924 г. демографическая ситуация в Уральской области заметно улучшилась. Наступил непродолжительный период компенсаторной рождаемости. Данные табл. 28 показывают, что наибольший пик рождаемости горожан пришелся на 1924 г., тогда же был зафиксирован и самый высокий уровень естественного прироста городского населения за весь период осуществления новой экономической политики. В 1925–1928 гг. сохранялись высокие показатели рождаемости, причем коэффициенты ее не опускались ниже 48,4 ‰.

В 1924 г., по данным табл. 29, было отмечено нехарактерное для этого периода развития региона превышение коэффициента городской рождаемости над сельской – 54,3 против 51,7 ‰. Причина была в том, что уральская деревня еще не оправилась от голодных 1921–1922 гг. Но уже в 1925 г. при повторном хорошем урожае в крае в уральской деревне на каждую 1000 чел. родилось на 3 младенца больше, чем в городе. Это превышение сохранилось и в последующие годы. Смертность селян на протяжении всего рассматриваемого периода была выше, чем горожан. Но в 1924–1925 гг. и 1927 г. коэффициенты прироста городского населения были выше, чем сельского, а в 1926 и 1928 гг., наоборот, уступали им.

Таблица 28²

Естественное движение городского населения Уральской области в 1924–1928 гг.

Год	Родилось		Умерло		Естественный прирост	
	Всего, чел.	в т.ч. на 1000 чел.	Всего, чел.	в т.ч. на 1000 чел.	Всего, чел.	в т.ч. на 1000 чел.
1924	61 618	54,3	32 331	28,5	29 287	25,8
1925	64 945	50,3	38 276	29,7	26 669	20,6
1926	70 367	51,4	36 421	26,6	33 946	24,8
1927	70 145	49,8	39 983	28,4	30 162	21,4
1928	73 676	48,4	37 867	24,9	35 809	23,5

¹ Смертность и продолжительность жизни населения Уральской области (таблицы смертности по округам и половым группам области). С. 10.

² Таблица составлена и рассчитана по: Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 66–67, 78; Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. С. 16–17; ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 27. Л. 22; Д. 29. Л. 5, 8, 156–157.

Коэффициенты естественное движение населения Уральской области
в 1924–1926 гг., ‰

Год	Демографическое событие	Уральская область	В том числе:	
			городские поселения	сельские поселения
1924	Рождаемость	51,2	54,3	51,7
	Смертность	28,2	28,5	32,8
	Естественный прирост	23,0	25,8	18,9
1925	Рождаемость	52,7	50,3	53,3
	Смертность	33,9	29,7	35,0
	Естественный прирост	18,8	20,6	18,3
1926	Рождаемость	55,6	51,4	56,7
	Смертность	27,3	26,6	27,5
	Естественный прирост	28,3	24,8	29,2
1927	Рождаемость	54,4	49,8	55,0
	Смертность	33,8	28,4	34,8
	Естественный прирост	20,6	21,4	20,2
1928	Рождаемость	55,8	48,4	57,2
	Смертность	27,0	24,9	27,2
	Естественный прирост	28,8	23,5	30,0

1924 г. характеризовался чрезвычайно высокой рождаемостью городского населения Урала при пониженном уровне смертности (см. табл. 28). Некоторое увеличение убыли горожан в 1925 г. по сравнению с 1924 г. советские статистики связывали, во-первых, с повышением рождаемости, которая привела к увеличению детской смертности, особенно младенческой; во-вторых, более полной регистрацией случаев рождений и смертей на местах². Коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста населения в городских поселениях Уральской области в 1924 г. оказались выше, чем в целом по региону (см. табл. 29). Но в 1925 г. коэффициент рождаемости всего населения Урала превысил аналогичный показатель по горожанам. Вместе с тем из-за более низкого, чем по области,

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 78; Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. С. 16–17; Социалистическое строительство Урала за 15 лет (Основные показатели). С. 5; ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 27. Л. 22, 26; Д. 29. Л. 5, 8, 156–157.

² Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. Вып. 1. С. XX.

уровня смертности на 1000 чел. величина естественного прироста населения в городах была выше, чем по области, – 20,6 против 18,8 чел. В последующие годы в городских поселениях при меньших коэффициентах рождаемости и смертности, чем по региону в целом, естественный прирост горожан либо уступал аналогичному показателю по области (1926 и 1928 гг.), либо превышал (1927 г.) его.

В целом в 1924–1925 гг. рождаемость в Уральской области, по данным табл. 29, превысила показатели как по Европейской части СССР, где коэффициент ее составил в 1924 г. 42,9, 1925 г. – 44,2 чел. на 1000 населения, так и РСФСР (соответственно – 43,5 и 44,9 чел.). Это позволило краю в 1924 г. при значительной смертности (в этот год по ее величине Урал опередил все территории Европейской части СССР) превзойти все регионы Европейской части СССР и РСФСР по естественному приросту населения – 23 чел. на каждую 1000 уральцев против 20,9 (Европейская часть СССР) и 19,5 (Европейская часть РСФСР) чел. Но в 1925 г. Урал оказался на 9-м из 14-ти возможных мест среди регионов Европейской части РСФСР по уровню естественного прироста населения¹.

Городские поселения Урала в 1925–1926 гг. превосходили аналогичные поселения Европейской части РСФСР по коэффициентам рождаемости и естественного прироста населения. Средний коэффициент рождаемости всего городского населения РСФСР в 1925 г. исчислялся в 36,1, в 1926 г. – 34,6 ‰², что было ниже аналогичных показателей по городским населенным пунктам Урала – соответственно (по данным табл. 29, соответственно – 50,3 и 51,4). В 1926 г. на 1000 женщин Уральской области в возрасте от 15 до 49 лет, проживавших в городских поселениях, приходилось 179 рождений. Это было больше, чем в среднем в городах Европейской части СССР (113,3) и РСФСР (115,1), а также аналогичных поселениях РСФСР (116,7) и выше, чем в других регионах Европейской части РСФСР. По данному показателю к Уралобласти примыкали Башкирский (152,5), Вятский (150,4) и Дагестанский (145,5) районы³. Коэффициенты рождаемости горожан

¹ Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. Вып. 1. С. XIX.

² Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. С. XXII.

³ Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. С. 13.

Урала на порядок были выше аналогичных показателей по городскому населению Сибирского края. В 1926–1928 гг. в указанном регионе они не выходили за рамки 41–42 ‰¹, на Урале, по данным табл. 28, за пределы 48,4–51,4 ‰⁰.

Рост рождаемости в 1924–1928 гг. стал следствием увеличения числа брачных союзов. За указанный период только в окружных городах Урала число официальных браков выросло с 6778 до 10 002² или почти в 1,5 раза, не считая фактических браков, не зарегистрированных в загсах и получивших распространение в 1920-е гг. Но выросло и число разводов. В окружных городах в 1924 г. распалось 994 брачных союзов, а в 1928 г. – 5676³. При этом, если в 1924 г. на 1000 браков в окружных центрах приходилось 147 разводов, то в 1928 г. – 567, то есть стал распадаться почти каждый второй брак. В.Б. Жиромская объясняет это тем, что в рассматриваемый период были частыми фиктивные браки, заключенные с целью трудоустройства, получения жилплощади при переезде из деревень в города и т.д. По мере достижения желаемой цели эти браки расторгались. Реальных же разводов было немного. Семья на данном этапе демографической модернизации обладала еще традиционно высокой устойчивостью⁴.

В 1925–1926 гг. уровень смертности в городских поселениях Уральской области превышал аналогичные показатели по Европейской части РСФСР. Коэффициент смертности горожан Урала, по данным табл. 29, составил в 1925 г. 29,7 и в 1926 г – 26,6 ‰⁰, а Европейской части РСФСР соответственно – 18,9 и 17,8 ‰⁰⁵. И в последующие годы сохранялась более высокая смертность горожан Урала, чем по стране в целом. В 1927 г. на 1000 населения в городах региона скончалось 28,4 чел. (см. табл. 29), СССР – в среднем 22,7 чел.⁶, Сибирского края – 23,3 чел.⁷

Уровень смертности в уральских городах был намного выше, чем, к примеру, в некоторых важнейших центрах США. В 1925 г. на каждую 1000 жителей в

¹ Московский А.С., Исупов В.А. Указ. соч. С. 45.

² Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 66; Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г.: кратк. стат. справочник. С. 7.

³ Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 66; Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г.: кратк. стат. справочник. С. 7.

⁴ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. С. 60.

⁵ Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. С. 20–21.

⁶ ГАСО. Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 2522. Л. 86.

⁷ Московский А.С., Исупов В.А. Указ. соч. С. 45.

Мемфисе умирало 19,3 чел., Новом Орлеане – 19,2, Бирмингеме – 17, Бостоне – 14,8, Балтиморе – 14,6, Вашингтон – 13,6, Нью-Йорке – 12,8. При этом в ряде городов Центрально-Черноземной области РСФСР в 1927 г. смертность городского населения была ниже или на уровне городов США в 1925 г. Так, в Ярославле коэффициент смертности исчислялся в 15,4, Туле – 14,1 чел. на 1000 горожан¹.

Обычно чем выше численность населения отдельных городов, тем ниже уровень рождаемости в них. На протяжении 1925–1928 гг. рождаемость в окружных городах Уральской области уступала аналогичному показателю в прочих городских поселениях края (табл. 30) и городской поселенческой сети региона в целом (см. табл. 28). Ее коэффициент колебался в пределах 39,8 (1928 г.) – 41,8 (1925–1926 гг.) ‰. В прочих городских поселениях уровень рождаемости, наоборот, превышал общегородской показатель Урала, достигнув в 1926 г. 58,7 и не опускаясь ниже 52 ‰.

Таблица 30²

Коэффициенты естественного движения населения в окружных и прочих городских поселениях Уральской области в 1925–1928 гг., ‰

Год	Окружные города			Прочие города и городские поселения		
	Родилось	Умерло	Естеств. прирост	Родилось	Умерло	Естеств. прирост
1925	41,8	26,4	15,5	56,8	33,5	23,2
1926	41,8	24,3	17,5	58,7	28,3	30,4
1927	41,6	25,7	15,9	52,6	28,5	34,1
1928	39,8	22,3	17,5	52,0	24,9	27,1

Смертность в окружных городах также была ниже, чем в целом в городской поселенческой сети Уралобласти и в прочих городских поселениях региона, не выходя за пределы 26,4 (1925 г.)–22,3 (1928 г.) ‰. Это объяснялось более развитой медицинской помощью населению в окружных центрах, а также более высокой культурой их жителей. Уровень культуры оказывает влияние и на рождаемость, снижая ее. В прочих городских поселениях коэффициент смертности был

¹ Волков Е.З. Социальное здоровье населения СССР в динамике // Статистическое обозрение. 1930. № 6. С. 133.

² Таблица составлена по: Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 14–15.

выше или примерно в пределах общегородского уровня по Уралу. Но и среди данной группы городских поселений имелись города с повышенным уровнем смертности. Так, в 1927 г. Лысьва дала смертность в 45,3, Надеждинск – 35,4 ‰¹.

Уже с середины 1920-х гг., по данным табл. 28, в уральских городах при общем, хотя и нестабильном росте абсолютных величин наметился устойчивый тренд к снижению рождаемости при сохранении высокой смертности населения. Это привело к постепенному уменьшению естественного прироста жителей городских поселений региона с 25,8 (1924 г.) до 21,4 (1927 г.)–23,5 (1928 г.) ‰. Естественный прирост населения в окружных городах (см. табл. 30) был стабильнее и колебался в пределах 15,5 (1925 г.)–17,5 (1928 г.) ‰. Изменения коэффициентов естественного прироста населения в прочих городских поселениях Урала были более значительными, но и здесь с 1927 г. обозначился тренд к их сокращению.

Данные табл. 31 свидетельствуют о повышенной смертности мужчин среди жителей городских поселений Урала. В 1924–1928 гг. их удельный вес среди умерших горожан равнялся 52,7–53,5 %. Этот показатель оказался выше аналогичных данных по сельской местности (51,8–52,9 %) и по области в целом (52–53,1 %). В указанный период на 1000 умерших мужчин-горожан приходилось от 847 (1927 г.) до 898 (1924 г. и 1925 г.) скончавшихся горожанок, что было ниже подобных величин по области и сельской местности, где в этот период женщин умирало чуть меньше, чем мужчин (кроме 1926 г.). Данные табл. 32 показывают более частые смертные случаи мужчин-горожан по сравнению с горожанками.

Уральские статистики под руководством Ф.Н. Лебедева составили таблицы смертности городского населения Уральской области для 1926–1927 гг. Они выявили низкую смертность горожан в промежутке 5–20 лет при повышенной смертности всех других возрастов, особенно детской (0–3 года). Вероятность умереть для женщин резко возрастала с 55 лет, мужчин – уже с 45 лет². В 1926 г. ожидаемая продолжительность жизни городского населения Урала была исчисле-

¹ Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета С.Р.К.К. и К.Д. VI созыва, апрель 1927 – апрель 1929. Свердловск, 1929. С. 194.

² Смертность и продолжительность жизни населения Уральской области. С. 23.

на для мужчин в 34,5 и женщин – 41,2 года. Примерно на одном уровне с уральцами по продолжительности жизни были горожане Башкирской АССР (34,9 и 40,6) и Сибирского края (34,9 и 40,6 лет)¹. Но жители уральских городов жили меньше, чем Европейской части РСФСР в целом. В 1925 г. здесь средняя продолжительность жизни исчислялась для мужчин в 42 года, женщин – 47 лет².

Таблица 31³

Смертность населения Уральской области по полу в 1924–1928 гг.

Год	Территория	Умерло, чел.	В том числе:		На 1000 умерших мужчин приходилось умерших женщин	Удельный вес мужчин среди умерших, %
			мужчины, чел.	женщины, чел.		
1924	Город	32 331	17 033	15 298	898	52,7
	Село	142 856	74 076	68 780	928	51,8
	Область	175 187	91 109	84 078	923	52,0
1925	Город	38 276	20 170	18 106	898	52,7
	Село	181 689	94 427	87 262	924	52,0
	Область	219 965	114 597	105 368	919	52,1
1926	Город	36 421	19 503	16 918	867	53,5
	Село	146 077	77 329	68 748	889	52,9
	Область	182 498	96 832	85 666	885	53,1
1927	Город	39 983	21 645	18 338	847	53,2
	Село	189 207	99 337	89 870	905	52,5
	Область	229 190	120 982	108 208	894	52,8
1928	Город	37 867	20 156	17 711	879	53,2
	Село	151 597	79 268	72 329	912	52,3
	Область	189 464	99 424	90 040	906	52,5

Улучшение демографической ситуации в городских поселениях Урала в 1924–1928 гг. не могло полностью компенсировать людские потери 1914–1922 гг. и преодолеть нарушения в развитии демографических процессов в регионе. Эти потери и нарушения имели долгосрочные негативные последствия. Они оставили глубокие «демографические ямы» в возрастной структуре мужского населения.

¹ Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926–1927 гг. Таблицы смертности. С. 16, 22, 86, 92, 136.

² Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 10.

³ Табл. составлена и рассчитана по: Здоровье населения Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 78; Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. С. 16–17, ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 27. Л. 22, 26; Д. 29. Л. 156–157.

Период компенсаторной рождаемости оказался непродолжительным. Уже в 1927 г. наметилась тенденция к снижению рождаемости.

Таблица 32¹

Число смертных случаев представителей разного пола на 1000 горожан Уральской области соответствующего пола в 1924–1927 гг.

Год	Число смертных случаев мужчин	Число смертных случаев женщин
1924	29,2	22,9
1925	33,4	26,2
1926	30,3	23,3
1927	31,3	23,8

Одним из двух главных подпроцессов воспроизводства населения является смертность. Высота показателей рождаемости и смертности населения, а также состав и динамика заболеваемости и причин смерти стали признаками, вобравшими в себя огромное количество элементов, характеризующих условия труда, быта и уровня социального здоровья населения. Процесс вымирания людей зависит от большого числа биологических и социальных факторов, которые делятся на две группы: эндогенные, порожденные внутренним развитием человеческого организма, и экзогенные, связанные с действием внешней среды. Смерть всегда есть результат взаимодействия факторов этих групп. Их соотношение выражается в структуре смертности по причинам смерти. Под причинами смерти демографы понимают болезни, патологические состояния или травмы, приведшие к смерти или способствовавшие ее наступлению; несчастные случаи, вызвавшие травму со смертельным исходом; насильственную смерть². Анализ причин смерти позволяет оценить относительный ущерб каждой из них, определить, на борьбу с какими заболеваниями следует направить основные усилия для снижения уровня смертности, а также оценить эффективность мероприятий по борьбе с ними.

Источником информации о причинах смерти являются записи в медицинских свидетельствах о смерти, составленные медиками, как правило, врачами, относительно заболевания, несчастного случая, самоубийства и другого внешнего воз-

¹ Таблица составлена по: Смертность и продолжительность жизни населения Уральской области. С. 12.

² Народонаселение: Энциклопедический словарь. С. 351.

действия, приведших к кончине конкретных людей. Они служили основанием для указания причин смерти в записях актов о смерти. Но, как отмечали работники ЦСУ СССР, в 1924–1925 гг. изучение причин смерти населения не могло быть проведено с достаточной глубиной, так как обычно сама причина смерти регистрировалась неправильно или вовсе отсутствовала в записи акта о смерти. В этот период в большинстве городских поселений страны, в том числе и Уральской области, закон о врачебном диагнозе причин смерти не выполнялся. Предусмотренные им свидетельские показания зачастую указывали причины смерти в форме, не позволявшей с медицинской точки зрения использовать записи для статистической разработки. Исключение составляли насильственные смерти, в том числе самоубийства, которые полностью учитывались судебно-медицинскими инстанциями. Через медицинский надзор проходило до 80–90 % случаев кончины от эпидемических заболеваний. Остальные же причины смерти на 30–40 % были представлены на основании свидетельских показаний¹.

Работники медицинского статистического бюро Уральского областного здравоотдела отмечали, что в 1920-е гг. регистрация причин смерти была далека от совершенства. Более того, до 1926 г. не было обязательной отметки о ней – так называемого медицинского свидетельства. В большинстве случаев отметки о причинах кончины делались со слов родственников, отсюда и невысокая степень их достоверности. Но с 1926 г. медицинские свидетельства были введены во всех городах и в тех крупных населенных пунктах, где имелся врачебный персонал². Только в 1930-е гг. все городское население СССР было охвачено статистическим учетом причин смерти.

Сохранившиеся статистические данные позволяют проанализировать структуру смертности горожан Уральской области, начиная с 1924 г.

В 1924 г. 15 % умерших жителей городов рассматриваемого региона погибло от желудочно-кишечных инфекций, среди которых особую опасность представляли желудочно-кишечный катар, дизентерия и гастроэнтерит, от них скончалось

¹ Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. Вып. 1. С. XXXII.

² Здравоохранение Уральской области за 1925 год. Вып. II. С. 6.

соответственно 6,4; 6,3 и 2,4 % населения. Значительной была и убыль горожан от заболеваний дыхательной системы. В 1924 г. от всех форм пневмонии скончалось 8,7, туберкулеза легких – 8,6 % всех умерших жителей городов края. 1925 г. не внес никаких изменений в основные причины смерти горожан Уральской области. Как и в предыдущий год, 10,6 % их скончалось от воспаления легких, 10,2 – всех форм туберкулеза, 9,2 % – дизентерии. В отношении летальности от тифа в 1924–1925 гг. уральские города закрепили свои достижения предыдущих лет. От различных видов тифа умерло в 1924 г. 0,9, 1925 г. – 1,1 % всех скончавшихся горожан¹. Все это позволило Уралоблисполкому уже в 1924 г. сделать вывод, что в регионе схлынула волна тифов. В отношении этих страшных эпидемических заболеваний установилась относительно благополучная обстановка. Однако, по мнению областной власти, в любой момент ситуация могла резко измениться².

Данные табл. 33 показывают, что в 1926–1928 гг. основная убыль населения (до четверти скончавшихся) происходила от группы эндемических, эпидемических и инфекционных болезней. При этом от туберкулеза легких погибло в 1926 г. 92,9, 1927 г. – 89,7, 1928 г. – 82,1 ‰ всех умерших горожан; от дизентерии – соответственно 21,1; 35,2 и 17,6 ‰.

На втором месте стояли заболевания органов дыхания (в разные годы – от 147,6 до 170,4 ‰ умерших), в том числе от воспаления легких – от 87,6 до 145 ‰, и пищеварения (в пределах 135,2–222 ‰ всех скончавшихся). Подобная структура смертности населения была характерна для всех городов РСФСР³.

Обращает на себя внимание такая группа причин смертности горожан, как внезапная смерть и смерть от неопределенной и неуказанной болезни. Во второй половине 1920-х гг. на ее долю приходилось от 119,4 (1926 г.) до 81,7 (1927 г.) и 100,2 (1928 г.) ‰ случаев смерти населения городов. Эти данные свидетельствовали о недостаточном уровне медицинской диагностики. Статистические сведения говорят о том, что точная причина смерти горожан Уральской области была

¹ Рассчитано по: Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. Вып. 1. С. 70–71; Здравоохранение Уральской области за 1925 год. Вып. II. С. 6–8, 74.

² Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5-му съезду Советов Уральской области. С. 219.

³ См.: Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. Вып. 1. С. 123.

установлена в отношении 39,8 % смертных случаев в 1924 г., 51,6 % в 1925 г. и 47,6 % в 1926 г.¹ Гибель горожан Уральской области от остальных причин была на порядок ниже указанных выше причин.

Таблица 33²

Смертность городского населения Уральской области по группам причин смерти в 1926–1928 гг. (на 1000 чел.)

Группы причин смерти	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Болезни эндемические, эпидемические, инфекцион.	231,5	232,2	250,0
Общие болезни (кроме указанных выше)	44,9	40,6	35,0
Болезни нервной системы и органов чувств	53,5	57,5	61,2
Болезни органов кровообращения	62,3	66,0	54,3
Болезни органов дыхания	163,8	147,6	170,4
Болезни органов пищеварения	135,2	222,0	151,4
Болезни мочеполовых органов и их придатков невенерического происхождения	11,1	13,1	17,0
Болезни кожи и подкожной клетчатки	2,7	3,1	3,6
Болезни костей и органов движения	3,3	1,5	0,9
Болезни новорожденных, пороки развития	93,2	55,2	65,2
Болезни беременных и осложнения родового акта	3,7	3,4	4,2
Старческая дряхлость	40,3	36,9	41,3
Смерть от внешних причин	35,1	39,2	45,3
Внезапная смерть, неопределенные и неуказанные болезни	119,4	81,7	100,2
Всего	1000	1000	1000

Смертность в значительной мере является свойством возраста. В силу чисто биологических причин для различных возрастов существуют свои коэффициенты смертности. В 1920-е гг., как справедливо отмечал уральский статистик Ф.Н. Лебедев³, высокую смертность давали младенческие и детские возрасты, но по мере увеличения возраста число скончавшихся детей резко уменьшалось. Переходные от детских к юношеским возрасты (14–16 лет) имели минимальную смертность.

¹ Рассчитано по: Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. Вып. 1. С. 70–71; Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. С. 58–59.

² Таблица составлена и рассчитана по: Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г. С. 36–39; Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г. С. 8–11; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 34, 37.

³ Лебедев Ф. Смертность по социальным группам в городах. С. 210.

До 40–45 лет смертность медленно росла, а далее начинала прогрессивно ускоряться, достигая максимума в старческих возрастах.

Почти всегда причиной смертности населения являются заболевания. Только относительно незначительное число людей погибает от так называемых внешних причин – травм, отравлений. Распределение по возрастным группам населения различных причин смерти и заболеваний отклоняется от средних величин для всего населения. Некоторые болезни чаще становятся причиной смерти детей и подростков, другие в основном поражают людей среднего возраста, а третьи свойственны преимущественно лицам пожилого и старческого возрастов¹. Сохранившиеся статистические данные позволяют выявить причины кончины городского населения Урала в конкретных возрастных когортах, начиная с 1924 г.

Как показывают данные табл. 34, в 1924–1928 гг. больше всего детей от года до 9 лет, проживавших в городах Уралобласти, умерло от недугов, входивших в группы эндемических, эпидемических и инфекционных болезней, болезней органов дыхания и пищеварения, что было свойственно и всем горожанам региона.

Большинство детей 1–9 лет с учетом конкретных причин смерти скончалось от воспаления легких (от 134,1 ‰ в 1924 г. до 273,2 ‰ в 1928 г.), детских инфекций (от 185 ‰ в 1924 г. до 258,5 ‰ в 1928 г.), диареи и энтерита (от 53,6 ‰ в 1926 г. до 114,7 ‰ в 1927 г.), воспаления мозговых оболочек (менингита), унесшего жизни 42,4–62,9 ‰ детей, туберкулеза, от которого погибло от 50,2 (1924 г.) до 67,6 (1927 г.) ‰ маленьких горожан, натуральной оспы, пик смертности от которой пришелся на 1924 г.

Особенно много детей в возрасте до 2-х лет умирало от диареи и энтерита. К основным детским инфекциям относились скарлатина, корь, коклюш, дифтерия. В 1924–1928 г. доля детей в возрасте 1–9 лет среди горожан Урала, умерших от кори, колебалась в пределах 53,9 (1926 г.)–67 (1927 г.) %, скарлатины – 70,3 (1924 г.)–82,2 (1928 г.) %, дифтерии – 54 (1924 г.)–76 (1928 г.) %².

¹ Бедный М.С. Медико-демографическое изучение народонаселения. С. 97.

² Рассчитано по: Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 74–75; Уральское хозяйство в цифрах, 1928 г. С. 37; Уральское хозяйство в цифрах, 1929 г. С. 8; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. I. С. 34.

Основные причины смерти городского населения Уральской области
в возрасте 1–9 лет в 1924–1928 гг. (на 1000 чел.)

Основная причина смерти	1924 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Болезни эндемические, эпидемические и инфекционные	н. св.	380,7	363,8	379,7
В том числе:				
• оспа натуральная	78,3	30,6	27,3	8,0
• корь	64,6	56,2	86,3	112,8
• скарлатина	76,8	139,0	79,6	109,1
• коклюш	24,5	25,6	11,7	17,0
• дифтерия	19,1	19,6	17,3	19,6
• бугорчатка (туберкулез) легких	38,0	45,5	50,1	35,6
• бугорчатка прочих органов	12,2	12,9	17,5	29,6
Общие болезни, кроме указанных выше	н. св.	29,2	14,7	9,9
Болезни нервной системы и органов чувств	н. св.	75,3	72,8	60,2
В том числе:				
• воспаление мозговых оболочек, геморагия, апоплексия	н. св.	62,9	55,7	42,4
Болезни органов кровообращения	н. св.	13,1	13,5	9,2
Болезни органов дыхания	н. св.	288,6	267,0	315,5
В том числе:				
• воспаление легких	134,1	260,6	234,6	273,2
Болезни органов пищеварения	н. св.	94,5	180,4	100,2
В том числе:				
• болезни желудка (кроме рака)	н. св.	17,8	22,2	5,9
• диарея и энтерит в возрасте до 2-х лет	н. св.	34,7	89,1	60,1
• диарея и энтерит в возрасте 2-х лет и старше	н. св.	18,9	25,6	14,2
Внезапная смерть, неопределенные и не-указанные болезни	н. св.	77,5	50,2	67,6

Детские инфекции в городах имели свою специфику. В частности, корь, коклюш и скарлатина отличались высокой контагиозностью, то есть свойством инфекционных болезней передаваться от больных людей к здоровым. Поэтому бороться с ними в условиях скученности горожан было крайне сложно. Не случайно

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 74–75; Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г. С. 37, 39; Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г. С. 8, 10; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. I. С. 34, 37.

больных данными болезнями в городской местности было больше, чем в сельской. Детское население при появлении первых случаев заболевания корью, коклюшем или скарлатиной быстро заражалось ими, возникала эпидемия, свирепствовавшая до тех пор, пока оставались дети, не переболевшие этими инфекциями¹.

Заболеваемость детскими инфекциями носила сезонный характер. Число больных корью увеличивалось в октябре – ноябре, а в феврале – мае болезнь шла на спад. Максимальная заболеваемость коклюшем наблюдалась в июле – сентябре, а скарлатиной – в декабре – январе. Эти инфекции в основном поражали детей до 5 лет. Наибольшее число умерших от кори приходилось на возраст до 4 лет. В 1926–1928 гг. они составили 96 % всех скончавшихся от этой инфекции горожан Европейской части РСФСР². По данным табл. 34, в 1924–1928 гг. по частоте случаев смерти коклюш на порядок уступал кори. К концу рассматриваемого периода наблюдалось даже некоторое снижение смертности от него. Наибольшую опасность для неокрепшего детского организма в возрасте 1–5 лет наряду с корью представляла скарлатина. По данным табл. 34, за 1925–1926 гг. число смертных случаев от нее на каждую 1000 горожан в возрасте 1–9 лет увеличилось в 1,8 раз. В 1927 г. произошло некоторое снижение летальности от нее, но за 1928 г. погибших от скарлатины детей стало в 1,4 раза больше, чем в предыдущем году. И это не случайно. После спада заболеваемости скарлатиной в годы Гражданской войны с 1923–1924 гг. на всей территории Европейской части РСФСР начался ее рост, достигший своего пика в 1929–1930 гг. В 1925–1926 гг. в Свердловске, Перми, Кунгуре, Тюмени и других уральских городах вспыхнула эпидемия скарлатины. Только в областном центре ею болело в 2,4 раза больше детей, чем в 1924 г., и в 4,8 раза больше, чем в 1923 г.³ В 1927–1928 гг. на 10 тыс. населения Уралобласти приходилось 16,4 заболевших скарлатиной⁴. Эта инфекция отличалась высокой летальностью. В 1920-е гг. в Европейской части РСФСР от нее умирало 4–8, а

¹ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 10–11.

² Васильев К.Г. Указ. соч. С. 124–125.

³ Зашанский. Скарлатина в Свердловском округе // Округ. 1926. № 6. С. 14–15.

⁴ Курдов И.К. Разные болезни в Уральской области в 1929 году. С. 121.

иногда и 10–12 % всех пораженных скарлатиной¹. В ряде городов Урала этот показатель был выше. В Перми и Мотовилихе погибло в 1924 г. 16,2 % заболевших скарлатиной детей, 1925 г. – 16,1, 1926 г. – 15,7 и только в 1927 г. – всего 11,6 %².

Опасным заболеванием для маленьких горожан была дифтерия. В 1924–1928 гг. летальность от нее держалась на уровне 19 чел. на 1000 всех умерших детей в возрасте 1–9 лет, за исключением 1927 г., когда этот показатель снизился до 17,3 чел. (см. табл. 34). Пермский врач Г.Ф. Ершов для привлечения внимания уральской общественности к угрозе со стороны данной инфекции проанализировал заболеваемость ею в окружном центре за 1909–1929 гг. и пришел к неутешительному выводу, что Пермь и Мотовилиха находились на пороге крупной эпидемии дифтерии. Причем свыше 80 % заболевших были детьми дошкольного возраста. Эта инфекция также давала высокий показатель летальности. В 1927 г. на 100 тыс. жителей Перми от нее скончалось 22,6 чел., в то время как в Москве – 15,6, Ленинграде – 14, а в Одессе – всего 5,5 чел. Специфика дифтерии была в том, что она давала высокий показатель смертности даже среди госпитализированных. Г.Ф. Ершов объяснял это тем, что, во-первых, болезнь слабо диагностировалась, во-вторых, заболевшие дети доставлялись в больницу с большим запозданием, только после проведения специальных лабораторных исследований. Пораженных недугом малолетних горожан могла спасти антидифтерийная сыворотка, но врачи помощи на дому ею не снабжались³.

Статистические данные (табл. 3.9 в приложении 3) показывают, что до 1928 г. смертность детей в возрасте 1–9 лет от натуральной оспы, коклюша, болезни желудка (кроме рака), диареи и энтерита была в целом выше в неокружных городах и городских поселениях Урала. Зато летальность горожан обозначенной возрастной когорты, проживавших в окружных центрах, от кори, скарлатины (за исключением 1926 г.), дифтерии превзошла аналогичные показатели по прочим городским поселениям региона.

¹ Васильев К.Г. Указ. соч. С. 125.

² Костромин Н.Е., Альтшуллер Э.И., Данилов Е.И. Опыт профилактической активной иммунизации против скарлатины комбинированной вакциной в г. Перми // Уральский медицинский журнал. 1929. № 4. С. 67.

³ Ершов Г.Ф. Дифтерия в гор. Перми // Уральский медицинский журнал. 1930. № 2–3. С. 81, 83.

Горожане Уральской области в возрасте 20–59 лет, по данным табл. 35, также в основном умирали от группы эндемических, эпидемических и инфекционных болезней. Среди них лидировал туберкулез (бугорчатка), особенно легких. По этой причине ежегодно умирало до трети всех скончавшихся трудоспособных горожан. Значительная убыль городского населения возрастной когорты 20–59 лет происходила также от болезней сердца – от 137,7 (1927 г.) до 98,4 (1928 г.) ‰ умерших, воспаления легких – от 68,4 (1924 г.) до 51,8 (1928 г.) ‰, рака и прочих злокачественных новообразований – от 42,7 (1924 г.) до 68,6 (1927 г.) ‰.

В рассматриваемый период наметилась тенденция к снижению летальности горожан от воспаления легких и, наоборот, к увеличению смертности трудоспособного населения вследствие онкологических заболеваний. Рост сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний был связан с развитием промышленного производства в городах и ростом загрязнения окружающей среды промышленными отходами, что осложняло биологическую адаптацию организма к новым условиям. Увеличились и психоэмоциональные перегрузки населения¹.

Достаточно высокой была смерть от внешних причин – от 57,5 (1924 г.) до 87,2 (1928 г.) чел. на каждую 1000 умерших, т. е. налицо был ее рост. Широкое распространение смерти от внешних причин (убийство, самоубийство, смерть от несчастного случая) говорило о некультурности населения и о повышенном травматизме на производстве. В 1927 г. результаты выборочного обследования показали: из каждых 100 промышленных рабочих Урала (в возрасте старше 15 лет) до 30 лет доживали 85,2 %, до 40 лет – 73,5 %; до 50 лет – 59,2 %; до 60 лет – 39,9 %. Таким образом, до пенсионного возраста могли дожить двое из пяти рабочих². В рассматриваемый период статистика зафиксировала рост самоубийств – с 5,9 ‰ в 1924 г. до 33,7 (1927 г.)–32,3 (1928 г.) ‰. В этом проявилась напряженная и нервная жизнь города.

Довольно значительной была убыль трудоспособного населения вследствие болезней органов пищеварения (см. табл. 35). На них приходилось от 54,1

¹ Араловец Н.А. Смертность городского населения России в 90-е годы XIX в ... С. 124.

² Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). Екатеринбург, 2006. С. 147–148.

(1926 г.) до 61,7 (1928 г.) ‰ всех смертных случаев трудоспособных горожан. Из заболеваний нервной системы и органов чувств наибольшую опасность представлял менингит, от которого в 1926–1927 гг. погибало около 30 чел. на каждую 1000 умерших жителей уральских городов в возрасте 20–59 лет.

Таблица 35¹

Основные причины смерти городского населения Уральской области
в возрасте 20–59 лет в 1924–1928 гг. (на 1000 чел.)

Основные причины смерти	1924 г.	1926 г.*	1927 г.	1928 г.
Болезни эндемические, эпидемические и инфекционные	н. св.	364,0	356,7	358,2
В том числе:				
• тиф брюшной, сыпной, паратиф	45,1	23,1	24,9	26,8
• бугорчатка (туберкулез) легких	277,0	303,9	285,9	250,9
• бугорчатка прочих органов	50,4	13,9	20,2	47,2
Общие болезни, кроме указанных выше	н. св.	80,0	94,2	80,8
В том числе рак и прочие злокачественные новообразования	42,7	51,8	68,6	н. св.
Болезни нервной системы и органов чувств	н. св.	55,3	63,9	61,4
В том числе воспаление мозговых оболочек, геморрагия, апоплексия	н. св.	30,6	29,5	7,9
Болезни органов кровообращения	н. св.	131,8	147,2	105,7
В том числе болезни сердца	н. св.	123,9	137,7	98,4
Болезни органов дыхания	н. св.	76,1	70,7	72,4
В том числе воспаление легких	68,4	59,6	52,4	51,8
Болезни органов пищеварения	н. св.	54,1	51,3	61,7
В том числе болезни желудка (кроме рака)	н. св.	15,0	8,3	10,6
Смерть от внешних причин	57,5	100,4	113,0	119,5
В том числе смерть от внешних причин	51,6	77,4	79,3	87,2
самоубийство	5,9	23,0	33,7	32,3
Старческая дряхлость	7,7	8,1	4,2	4,1
Внезапная смерть, неопределенные и неуказанные болезни	н. св.	86,0	57,7	92,3

* Данные за 1926 г. приводятся для возрастной группы 15–59 лет.

В рассматриваемый период основная убыль горожан вследствие заболевания различными видами тифов происходила в основном за счет трудоспособного на-

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 74–75; Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г. С. 36–39; Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г. С. 8–11; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. I. С. 35, 38.

селения. Доля городских жителей в возрасте 20–59 лет среди всех горожан края, умерших от тифа, составила в 1924 г. 57,2 %, 1926 г. – 65,3, 1927 г. – 61,6, 1928 г. – 63,7 %¹. Вместе с тем, по данным табл. 35, только за 1925–1926 гг. число случаев смерти трудоспособных горожан от тифа сократилось почти в два раза. В 1927–1928 гг. по этой причине умирало не более 26,8 чел. на каждую 1000 скончавшихся жителей городов Урала в возрасте 20–59 лет.

Уральская статистика 1924–1928 гг. выявила раннее наступление старости и как следствие – смерть от старческой дряхлости уже в возрастной когорте 20–59 лет. По этой причине в городах области скончалось в 1924 г. 7,7 ‰, 1926 г. – 8,1, 1927–1928 гг. – чуть больше 4 ‰ всех умерших в трудоспособном возрасте (см. данные табл. 35). При этом если в 1924 г. от старческой дряхлости скончалось примерно одинаковое число представителей обоих полов (27 мужчин и 28 женщин), то в 1926 г. на одного мужчину приходилось 1,4, 1927 г. – 1,2, а в 1928 г. – 2,3 женщин². То есть женщины раньше, чем мужчины, начинали погибать от старческой дряхлости. Их организм раньше изнашивался вследствие многочисленных и довольно ранних родов³ и тяжелой домашней работы.

В целом в рассматриваемый период городские поселения Урала были типичными подобными поселениями в РСФСР по причинам смерти своих жителей, о чем свидетельствовала общероссийская статистика. В 1924–1926 гг. около четверти всех умерших горожан в Европейской части РСФСР погибло от туберкулеза и воспаления легких⁴. Аналогичные данные характерны и для уральских городских поселений, в которых от этих болезней умерли в 1924 г. свыше 179 чел. на каждую 1000 скончавшихся горожан, в 1925 – 208, в 1926 г. – 246 чел.⁵

Таким образом, в середине и второй половине 1920-х гг. основными причинами смерти городского населения Уральской области оставались главным обра-

¹ Рассчитано по: Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 74–75; Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г. С. 37; Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г. С. 8; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. I. С. 35.

² Рассчитано по: Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 74–75; Уральское хозяйство в цифрах. 1928. С. 38–39; Уральское хозяйство в цифрах. 1929. С. 10–11; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. I. С. 38.

³ Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 5.

⁴ Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. Вып. I. С. 70–71; Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. С. 26.

⁵ Рассчитано по: Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. Вып. I. С. 70–71; Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 74–75; Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г. С. 36, 38.

зом экзогенные заболевания (инфекционные и паразитарные болезни, болезни органов дыхания и пищеварения), а также несчастные случаи, самоубийства и травмы. Эти две группы причин смерти характеризуют в основном уровень экзогенных (внешних) факторов непосредственного действия.

Данные переписи 1926 г. и текущий статистический материал позволили уральскому статистик Ф.Н. Лебедеву изучить уровень смертности по социальному составу и занятиям скончавшихся горожан региона в 1927 г. В результате сложных вычислений он пришел к следующим выводам. Если бы возрастной состав всех социальных групп был одинаковым, то максимум смертности давали бы рабочие (25,6 ‰). На втором месте стояли бы «прочие самодеятельные», которые включали в себя (наряду с рентьерами) пенсионеров, безработных, лиц, живших на алименты, заключенных, деклассированное население. Кроме того, к данной социальной группе были отнесены хозяева, жившие от доходов сельского хозяйства, в состав которых могли попасть хозяева-одиночки – это крестьяне, пришедшие в город на заработки, чем и объяснялись высокие коэффициенты смертности этой группы горожан. Повышенная смертность прочих самодеятельных (15,5 ‰) зависела от наличия среди них инвалидов и безработных с их высокой смертностью. Далее шло несамодетельное население, уровень смертности которого (13,3 ‰) объяснялся экономическими и бытовыми условиями того общественно-го класса, к которому они принадлежали. А так как они являлись сборной группой, отдельные части которой относились к различным социальным группам, то и смертность их шла по равнодействовавшей смертности различных социальных групп народонаселения уральских городов. Сравнительно низкая смертность младшего обслуживающего персонала и личной прислуги (12,7 ‰) объяснялась недостаточно полной регистрацией их смертности. Как правило, заболевшая прислуга, особенно в юношеском возрасте, в большинстве случаев возвращалась, вероятно, в деревню, и, таким образом, смертность ее оказывалась вне городской регистрации. В два раза более низкая смертность служащих (13,1 ‰), по сравнению со смертностью рабочих, была связана с условиями труда и быта этой социальной группы горожан. Этими же причинами, по всей вероятности, была обу-

словлена и сравнительно очень низкая смертность группы хозяев (9,2 ‰). Коэффициент смертности для всего городского населения Урала исчислялся в 15 ‰¹.

Ф.Н. Лебедев, имея наиболее полный материал с распределением горожан и смертных случаев по десятилетним интервалам для рабочих и служащих, построил для этих двух социальных групп краткие таблицы смертности для промежутков от 15 до 60-летнего возраста. В итоге из 100 тыс. рабочих в возрасте 15 лет до 60 лет при смертности, равной наблюдавшейся в 1927 г., должно было дожить 39,9 тыс. чел.; из 100 тыс. служащих – 62,9 тыс. чел. Таким образом, процент умерших у рабочих был бы равен 60,1, служащих – 37,1, то есть почти в два раза меньший. При этом смертность рабочих резко превышала смертность служащих в самом младшем возрасте и от 40 лет и старше. Очевидно, работа у станка была более разрушительной, чем работа служащего, она особенно негативно воздействовала на еще не окрепший (до 20 лет) и пожилой (старше 40 лет) организмы².

Высокая смертность горожан Урала в 1920-е гг. во многом объяснялась ограниченными организационными возможностями городской медицины и недостатком средств на здравоохранение. Так, в 1922/23 г. на дело здравоохранения Перми было отпущено средств, составивших всего 17 % от затрат на эти цели в довоенный период³. В 1924 г. бюджетные расходы здравоохранения Уральской области равнялись 50–55 коп. на человека в год⁴, в то время как в 1911 г. в Пермской и Тобольской губерниях они достигали 72,5 коп.⁵, а на одного жителя Пермского губернского земства в 1913 г. предусматривалось уже 89 коп.⁶ Из-за недостаточного финансирования здравоохранения в первой половине 1920-х гг. сокращалась лечебная сеть. Только за 1922–1924 гг. в Златоусте количество больниц уменьшилось с 6 до 3, число коек в них – с 435 до 176. За этот период в больнице Осы из

¹ Лебедев Ф. Смертность по социальным группам в городах. С. 215, 217.

² Там же. С. 217–219.

³ Пермская губерния. Администрирование. Экономика. Культурная работа. С. 166.

⁴ Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5-му съезду Советов... С. 214.

⁵ Серебренников В.С. Здравоохранение на Урале (итоги и очередные задачи). Свердловск, 1929. С. 14.

⁶ Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5-му съезду Советов ... С. 214.

150 коек осталось всего 30¹. Подобная ситуация была и в других городах².

В целом в мае 1924 г. лечебная помощь горожанам Урала оказывалась 39 больницами на 4105 лечебных коек и 78 амбулаториями, а к началу 1925 г. – всего 33 больницами с 3330 штатными койками и 61 амбулаторией. Если в начале мая 1924 г. на одну лечебную койку приходилось в среднем 112 горожан, то в конце указанного года – уже 140 чел.³ В результате курс на лечебную медицину оказался затрудненным, задачи же профилактики или предупреждения заболеваний, санитарии, охраны здоровья детей остались на втором плане⁴. Крайне отрицательным явлением в здравоохранении Урала первой половины 1920-х гг. стало введение городскими властями платности медпомощи для нетрудовых элементов, что противоречило принципам советской медицины. Экономия средств местного бюджета за счет введения платности была мизерной, так как имущие горожане предпочитали обращаться за медпомощью к врачам частной практики. Обращаемость же трудового населения в лечебно-профилактические учреждения снизилась: для получения бесплатной медпомощи требовалась справка о принадлежности к трудовым элементам. Наркомздрав и местные органы здравоохранения развернули упорную борьбу за бесплатную медпомощь для всего населения⁵.

1925 г. стал переломным для здравоохранения Уральской области. С ликвидацией напряженной эпидемической обстановки органы здравоохранения начали работу по перестройке своей деятельности в соответствии с новой задачей, вставшей перед здравоохранением, – «От борьбы с эпидемиями – к оздоровлению труда и быта». Стал закладываться фундамент основных отраслей здравоохранения, происходила его качественная перестройка. Серьезное внимание было уделено медико-санитарному обслуживанию преимущественно рабочих⁶.

Для решения новых задач выросло финансирование здравоохранения Ураль-

¹ ГАСО. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 47. Л. 64 об.; Архив ЗГО. Ф. Р–17. Оп. 1. Д. 149. Л. 10; Ф. Р–242. Оп. 2. Д. 188. Л. 2.

² См., к примеру: Пермская губерния. Администрирование. Экономика. Культурная работа. С. 166.

³ Уральский статистический ежегодник 1923–24 г. С. 113; Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5-му съезду Советов ... С. 216.

⁴ Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5-му съезду Советов С. 213.

⁵ Селезнева В.Т. Здравоохранение Пермской губернии в годы перехода на мирную работу... С. 341.

⁶ Селезнева В.Т. Здравоохранение Пермской губернии в годы перехода на мирную работу... С. 342; Серебренников В.С. Здравоохранение на Урале (итоги и очередные задачи). С. 19.

ской области с 9,3 млн. руб. в 1924/25 г. до 22,7 млн. руб. в 1927/28 г., что позволило поднять расходы на оздоровление на одного человека с 1,47 до 3,15 руб.¹ Но данные по Уралу значительно уступали аналогичным показателям по РСФСР и отдельным регионам республики. В 1926–1928 гг. средние расходы на душу населения по Российской Федерации были выше уральских на 95–96 коп.² Разница была еще значительнее при сравнении расходов в промышленных округах Урала с промышленными районами РСФСР. К примеру, средний расход на душу населения в Богородском уезде достигал 10 руб., Серпуховском – 8, Орехове-Зуеве – 7 руб., тогда как в промышленных округах Урала он равнялся 3,7 руб.³

Рост ассигнований на здравоохранение позволил не только остановить сокращение лечебной сети⁴, но и добиться ее роста. За 1925–1928 гг. только в окружных городах Уральской области количество больниц (без лечебных заведений в местах лишения свободы) увеличилось с 36 до 55. Но пятая часть больниц (11 единиц) располагалась в областном центре – Свердловске. К концу 1928 г. в городских поселениях Урала функционировали 108 больниц и 116 врачебных амбулаторий. Выросло и число больничных коек. За указанный период в окружных центрах их количество увеличилось с 4877 до 5768, то есть примерно в 1,2 раза. В конце 1928 г. в прочих городских поселениях насчитывалось 3815 больничных коек. Но, несмотря на рост объектов здравоохранения, в рассматриваемый период выросла нагрузка на единицу лечебной сети. Если в 1925 г. в окружных городах на одну больницу приходилось 14 632 чел., то в 1926 г. – уже 16 025; на одну лечебную койку соответственно – 115 и 126 чел.; на одну амбулаторию – 8230 и 8470 чел. В конце 1928 г. одна больница Свердловска обслуживала в среднем 13723 чел., прочих окружных центров – 12870, прочих городских поселений –

¹ Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета С.Р.К.К. и К.Д. VI созыва... С. 13; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 4; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 121.

² Серебренников В.С. Здравоохранение на Урале (итоги и очередные задачи). С. 21; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 4.

³ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 4.

⁴ Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. ... С. 214.

8016; одна врачебная амбулатория соответственно – 10 063, 9 935 и 7 800 чел.¹

Городское население Урала были обеспечены коечной помощью хуже, чем в целом жители городов РСФСР. В Российской Федерации на одну лечебную койку приходилось в 1925/26 г. 152 горожанина, 1926/27 г. – 155, 1927/28 г. – 157 чел.; в то время как на Урале соответственно – 183, 182 и 186 чел.² В наихудшем положении было население небольших городских населенных мест края. В 1927/28 г. на одного жителя прочих городских поселений приходилось 233 койки, а окружных городов – 164, Свердловска – 183 чел.³ В целом обеспеченность коечной помощью горожан Урала не соответствовала нормам, установленным Наркоматом здравоохранения, – 150 жителей городов на одну лечебную койку⁴.

По количеству больничных коек на 1000 горожан Уральская область значительно уступала как другим крупным промышленным центрам РСФСР, так и Российской Федерации в целом. В 1927/28 г. на 1000 жителей городов Урала приходилось в среднем 4,4 койки, в то время как Северо-Восточной области – 9,7, Ленинградской – 7,6, Центрально-Промышленной – 6,7, а РСФСР – 6 коек. Но регион превосходил по данному показателю Средне-Волжскую и Нижне-Волжскую области (5,5 и 5,7 коек) и Сибирский край (3,5 коек)⁵. Таким образом, рост сети лечебных учреждений отставал от роста населения городов Уральской области. Тем не менее, благодаря росту числа больниц и коек в них увеличилось число горожан, получивших возможность лечения в стационаре. Так, только в Перми в 1926–1927 гг. было госпитализировано 95 % больных скарлатиной и 45 % – корью⁶. В целом в 1928 г. в городских поселениях Уральской области было госпитализировано 6,5 % первичных больных, в то время как в окружных городах – 9,4, а сельской местности – всего 1,8 %. На больничной койке стационарные больные

¹ Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 36–37; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 24, 26–27.

² Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета С.Р.К.К. и К.Д. VI созыва... С. 201.

³ Величкин В.И. К вопросу о пятилетнем плане уральского здравоохранения // Уральский медицинский журнал. 1929. № 4. С. 9.

⁴ Материалы к отчету Пермского окружного исполнительного комитета Советов Р.К. и К.Д. за 1928–29 год. С. 136.

⁵ Величкин В.И. Указ. соч. С. 6; ГАСО. Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 2522. Л. 138.

⁶ Отчет о работе Пермского городского Совета 8-го созыва (за время март–декабрь 1926 года). Пермь, 1926. С. 46; Материалы о работе Пермского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 9-го созыва (февраль – сентябрь 1927 года). Пермь, 1927. С. 51.

проводили в среднем в больницах Свердловска 14,3 дней, окружных городов – 15,4, прочих городских поселений – 8,6 дней¹.

Однако коечный фонд, выделенный для острозаразных больных в Уральской области, не соответствовал потребностям. В 1926 г. заразные койки составляли всего 13,5 % ко всем койкам области. При этом обозначилась тенденция к их сокращению с 1823 (1924 г.) до 1520 (1926 г.) шт., хотя области требовалось 2200 подобных коек². В городах края только за 1927/28–1928/29 г. число заразных коек уменьшилось на 3,9 % – с 1084 до 1043 коек. Высвободившиеся койки стали использовать под госпитализацию больных неинфекционными заболеваниями³. В связи с отмеченным обстоятельством процент госпитализации острозаразных больных даже с такими высоко контагиозными болезнями (сыпной и возвратный тиф, оспа и др.) был крайне низким. В 1926 г. в целом по области наибольшее количество больных было госпитализировано при скарлатине и сыпном тифе (43–44 %), брюшном тифе (36,7 %), дифтерии (24 %), а возвратном тифе и оспе – всего 12–13 %, дизентерии – 6,5 %⁴. При таком уровне оперативной изоляции острозаразных больных создавались благоприятные условия для расползания инфекций и увеличения летальности от них.

Лечебные учреждения остро нуждались в медицинских кадрах. В 1924 г. в Уральской области была проведена всеобщая перерегистрация врачей и ротных фельдшеров. На начало октября указанного года в регионе числилось 636 врачей и 1051 лекарский помощник (сокращенно – лекпом, в дальнейшем – фельдшер), из которых 348 врачей (54,7 %) и 187 (17,8 %) лекпомов работали в городах. Большинство врачей проживало в Свердловске (102 чел. или 29,3 %) и Перми (75 чел. или 21,5 %). Городские поселения были обеспечены медицинскими кадрами лучше, чем сельские. В 1924 г. на одного врача в городах приходилось в среднем 1380 жителей, а в районах – 26739; на одного лекпома соответственно – 2483 и

¹ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 16–17.

² Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 37–38.

³ Материалы контрольных цифр хозяйства Урала на 1929–1930 год. Свердловск, 1930. С. 181.

⁴ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 38.

6871 чел.¹ В дальнейшем происходил рост врачебного персонала в уральских городах. За период с сентября 1924 г. по декабрь 1928 г. количество врачей увеличилось в 3,5 раза и составило 1235 чел. Но подавлявшее большинство их (852 чел. или 69 %) по-прежнему трудилось в окружных центрах. Вместе с тем за это время выросла и нагрузка на одного специалиста. В конце 1928 г. только в Свердловске она уступала аналогичному среднему показателю 1924 г. по уральским городам, в других окружных центрах и прочих городских поселениях превосходила его, достигнув соответственно 1613 и 2953 чел. на одного врача². Особенно остро ощущался недостаток детских врачей. В 1928/1929 г. в медицинских учреждениях охраны здоровья детей и подростков региона трудился всего 91 такой специалист³. Для повышения квалификации уральские врачи с 1924 г. регулярно направлялись на курсы усовершенствования⁴.

Увеличение числа врачей и расширение лечебной сети положительно сказались на состоянии здравоохранения в городах Урала и создали основу для становления новых видов медицинской помощи. В 1927 г. в Свердловске при областной хирургической больнице были открыты раковое отделение и патологоанатомическая лаборатория, которые совместно с радиорентгенологическими кабинетами стали центрами лечения онкологических заболеваний⁵. С ростом городского населения возникла необходимость в создании экстренной медицинской помощи, базой для которой стали пункты скорой помощи при городских больницах и амбулаториях. В 1925 г. только в окружных центрах Урала их насчитывалось 35⁶. Пункты скорой помощи начали открываться и в неокружных городах⁷. Режим работы экстренной медицинской помощи был разным. К примеру, при Пермской окружной больнице карета скорой помощи дежурила круглосуточно, а в Челябин-

¹ Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5-му съезду Советов ... С. 213, 218–220.

² Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5-му съезду Советов ... С. 218–219; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 22.

³ Материалы контрольных цифр хозяйства Урала на 1929–1930 год. С. 179.

⁴ ГАСО. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 47. Л 76.

⁵ Серебренников В.С. Указ. соч. С. 15; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 23.

⁶ Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 37.

⁷ Отчет Шадринского городского совета о работе за 1925–1926 хозяйственный год. Шадринск, 1926. С. 21.

ске и Мотовилихе – только в ночное время¹. В 1928 г. в городах Урала уже работали 16 станций скорой помощи, но 13 из них функционировали в окружных центрах². В медицинском обслуживании рабочих большое значение имели пункты первой помощи на заводах. В конце 1928 г. в окружных городах их было 21, из них 9 врачебных и 12 фельдшерских. На предприятиях прочих городских поселений действовало 44 пункта первой помощи, в том числе 17 – врачебных³.

В 1920-е гг. важную роль в борьбе со смертностью сыграла культурная революция. Она изменила само отношение людей к смерти. Пассивное, покорное принятие неизбежности конца уступило место совершенно иной, активной позиции. Горожане поняли, что со смертью можно бороться. Это проявилось в росте обращаемости населения в медицинские учреждения, что свидетельствовало о повышении внимания к своему здоровью. Начало формироваться самосохранительное поведение людей. В амбулаториях только окружных городов было зарегистрировано в 1926 г. 1 035 055 первичных посещений, в 1927 г. – 1 139 903, в 1928 г. – 1 235 435, но большинство посетивших амбулатории составили активно застрахованные и члены их семей. Их удельный вес равнялся в 1926 г. 75 %, в 1927 г. – 77 %, в 1928 г. – 68 %. Каждый обратившийся посетил амбулатории примерно 2,5 раза. В 1928 г. в прочих городских поселениях края впервые в амбулатории обратились уже 2 053 067 горожан, из них 55 % были активно застрахованными и членами их семей. Они побывали в этих лечебных учреждениях примерно 2,3 раза⁴.

Таким образом, в 1924–1928 гг. не только была восстановлена, но и расширена сеть медицинских учреждений, было увеличено количество больничных коек, выросла численность медицинского персонала, что способствовало созданию условий для снижения летальности от заболеваний.

¹ Материалы к отчету Челябинского городского совета VIII созыва за 1926/27 и 1927/28 годы. С. 104; Селезнева В.Т. Здравоохранение Пермской губернии в годы перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921–1925 гг.). С. 343.

² Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 24–25.

³ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 24–25.

⁴ Рассчитано по: Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 10; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1927 год. С. 22–23; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 40–41.

Как отмечалось выше, особую опасность для населения уральских городов представлял туберкулез. Он занимал второе место среди причин смерти горожан, уступая воспалению легких. Статистика 1926 г. показала, что интенсивность смертности от туберкулеза была выше в городах с населением свыше 50 тыс. чел. – 121,7 чел. на 1000 скончавшихся жителей против 94,6 в прочих городских поселениях, исключение составлял областной центр (116,5 чел. на 1000 умерших свердловчан)¹. Но в уральских городах ситуация с летальностью от туберкулеза была немного лучше, чем в аналогичных поселениях Европейской части РСФСР в целом и ее областных центрах. В 1926 г. в городах Урала по этой причине умер 101 чел. на 1000 скончавшихся жителей, а Европейской части РСФСР в целом – 107,2, ее областных центрах – 118,4². Но туберкулез лидировал среди причин смерти трудоспособного городского населения Уральской области (см. табл. 35). Особую опасность представлял туберкулез легких, от которого и погибала основная масса больных, пораженных палочкой Коха.

Широкое распространение туберкулеза и высокая летальность от него горожан Урала были обусловлены суровым климатом края и целым комплексом социально-экономических причин. Это: отсталое жилищно-коммунальное хозяйство, низкий уровень санитарной культуры населенных мест и их жителей, недостаточное развитие здравоохранения, крайняя техническая отсталость предприятий, вредные кустарные промыслы (различные виды обработки камней, пимокатное и прочие пыльные производства). Выдающийся отечественный демограф, основоположник санитарной статистики России С.А. Новосельский считал, что эта социальная болезнь в городской среде поражала преимущественно пришлое сельское население, хотя и физически более крепкое, чем горожане. Коренные жители городов благодаря городской жизни и как бы постоянной туберкулезной вакцинации выработали иммунитет к нему³.

В условиях реалий Урала середины и второй половины 1920-х гг. положительные изменения в смертности от туберкулеза были возможны при активном

¹ Рассчитано по: Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. С. 59, 108–111.

² Рассчитано по: Там же. С. С. 59, 61.

³ Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград, 1916. С. 185–186.

участии органов здравоохранения в решении этой проблемы. По предложению Наркомздрава еще при губернских здравоотделах были созданы секции по борьбе с туберкулезом. Подобная структура действовала и при Уральском областном отделе здравоохранения. Для уменьшения людских потерь от туберкулезной летальности еще в 1923 г. Второй всероссийский съезд по борьбе с туберкулезом принял решение создать в окружных городах специальные диспансеры для лечения туберкулезных больных, при них должны были функционировать советы социальной помощи. Съезд определил основные направления их деятельности: во-первых, социально-просветительная работа, состоявшая в организации выставок, бесед, лекций, экскурсий, распространении специальной литературы о туберкулезе; во-вторых, социальная деятельность, включавшая в себя мероприятия по борьбе с этой социальной болезнью, улучшение материально-жилищных условий трудящихся, изоляцию больных и проч.; в-третьих, индивидуальная помощь тубинфицированным в виде раздачи предметов первой необходимости и предметов ухода за больными, в улучшении питания больных туберкулезом, сокращении продолжительности рабочего времени для них. Съезд также рекомендовал создать туберкулезные ячейки на предприятиях¹.

В 1925 г. члены секции по борьбе с туберкулезом при Уральском областном отделе здравоохранения наметили широкую программу строительства противотуберкулезных диспансеров в крае². В результате ее реализации была расширена сеть подобных лечебных учреждений. Если в начале 1923 г. было всего два диспансера, которые работали в Свердловске и Перми³, то в конце 1928 г. – уже 20. Из них 2 диспансера функционировали в Свердловске, 15 – окружных городах, остальные – в прочих городских поселениях. Строились противотуберкулезные диспансеры в Надеждинске, Кизеле и Лысьве⁴. Данные лечебные учреждения оснащались медицинским оборудованием. Если в 1924 г. рентгеновские аппараты

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 193. Л. 35–36.

² Соколов Д.К., Алексеева Р.С., Еремин Г.Ф., Старицын А.С. Указ. соч. С. 36.

³ Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета С.Р.К.К. и К.Д. VI созыва ... С. 195; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 197.

⁴ Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета С.Р.К.К. и К.Д. VI созыва... С. 197; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 21; Материалы к отчету Пермского окружного исполнительного комитета Советов РК и КД за 1928–29 год. С. 139.

были всего в 6 уральских городах, то позже подобная аппаратура появилась и в других населенных пунктах¹. При тубдиспансерах Перми, Мотовилихи, Кургана, Челябинска, Шадринска открылись вспомогательные учреждения – дневные и ночные санатории, но с небольшим количеством коек (от 10 до 30 лечебных коек)². К октябрю 1927 г. на Урале было уже 6 ночных санаториев³. Они давали возможность рабочим, больным туберкулезом, находиться под постоянным наблюдением врачей. В них также обучали санитарно-гигиеническим навыкам, необходимым во время общения и ухода за тубинфицированными членами семьи⁴. В условиях нехватки тубдиспансеров с 1924 г. в участковых больницах Пермского, Челябинского и других округов был выделен специальный день для еженедельного приема больных туберкулезом⁵.

В середине 1920-х гг. в Свердловске, Кургане, Перми, Сарапуле и Тюмени функционировали 6 постоянных санаториев для детей, больных туберкулезом⁶. Всего же к концу 1928 г. в уральских городах было 16 ночных санаториев на 243 койки и 6 дневных детских санаториев на 107 коек. Также было создано 11 диагностических отделений на 122 койки, но они в основном действовали в окружных городах⁷. Ежегодно в Уральской области организовывались летние санаторные колонии и курорты для лиц, страдавших преимущественно легочным туберкулезом. Регион лечил своих больных туберкулезом и на южных курортах. Только в 1925 г. за счет страховых сумм в санаториях и курортах побывали 4 тыс. застрахованных и около 18 тыс. чел. отдохнули в домах отдыха⁸.

Помимо уже отмеченных специализированных медучреждений в Свердловске были открыты две туберкулезные больницы на 60 коек, а в окружных больни-

¹ Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5-му съезду Советов... С. 117; Отчет Шадринского городского Совета о работе за 1925–1926 хозяйственный год. С. 21; Отчет о работе Пермского городского Совета 8-го созыва... С. 42.

² Отчет Шадринского городского совета о работе за 1924–25 хозяйственный год. Шадринск, 1925. С. 14; Отчет о работе Пермского городского Совета 8-го созыва... С. 45; Селезнева В.Т. Здравсохранение Пермской губернии в годы перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства ... С. 344; Финикова И.Г. Указ. соч. С. 78.

³ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 41.

⁴ Материалы к отчету Челябинского городского совета VIII созыва за 1926/27 и 1927/28 годы. С. 102.

⁵ Селезнева В.Т. Здравсохранение Пермской губернии в годы перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства... С.344.

⁶ Здравсохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 37.

⁷ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 31.

⁸ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 42.

цах было создано 105 туберкулезных коек¹. Но этого катастрофически не хватало для госпитализации всех нуждавшихся в стационарном лечении туберкулезных больных. В 1926 г. в окружных городах было госпитализировано всего 8,1 % больных легочным туберкулезом и 4,9 % пораженных туберкулезом прочих органов, в 1928 г. соответственно – 5,7 и 6,2 %². Запоздавая госпитализация вела к высокой летальности больных. В 1928 г. в больницах умерло 25,5 % всех стационарных больных туберкулезом легких и 7,9 % – прочих органов³.

Одновременно с созданием и расширением сети лечебных заведений для больных туберкулезом увеличивался штат врачей-фтизиатров. К концу 1928 г. в городах работало 68 из 75 таких специалистов области, в том числе 16 – в Свердловске, 47 – окружных центрах и 5 – в прочих городских поселениях⁴. Это позволило быстрее выявлять лица, пораженные туберкулезом, и планомерно бороться с этой опасной социальной болезнью. По данным уральских диспансеров, если на учете в Свердловске состояло в 1924 г. 12 % скончавшихся от туберкулеза, 1925 г. – 37, то в 1926 г. – уже 53 % их. В 1926 г. только в Свердловске было выявлено 82,3 %, Мотовилихе – 75,3 и Сарапуле – 78,3 % больных туберкулезом легких. Вместе с тем даже в Свердловске из-за нехватки медработников сестры социальной помощи смогли взять на учет всего 67,8 % от общего числа заболевших открытыми формами туберкулеза. Вне внимания медицинского персонала остались горожане грудного возраста и старше 60 лет. Многие тубдиспансеры, имея всего по 2–3 врача-фтизиатра, не выделяли специально прием инфицированных туберкулезом детей. Были и такие лечебные учреждения, к примеру, в Кургане, Тобольске, Камышлове, в штате которых числилось всего по одному врачу и одной сестре социальной помощи⁵, что затрудняло работу с туберкулезными больными.

Работники тубдиспансеров стремились оказать своим пациентам всестороннюю помощь. Они обеспечивали инфицированных карманными плевательницами и теплыми вещами, помогали обустроить жилища форточками для проветривания

¹ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 27–28.

² Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 41.

³ Рассчитано по: Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 99–100.

⁴ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 22.

⁵ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 42–43.

помещений. Камышловский тубдиспансер выдавал своим подопечным брошюры-памятки с правилами для туберкулезных больных, Шадринский советовал, как проводить лечение на дому и уберечь окружающих от заражения туберкулезом¹.

Во второй половине 1920-х гг. выросла обращаемость населения в тубдиспансеры. В 1928 г. эти лечебные учреждения приняли 38 732 больных, сделавших 244 116 посещений или 6,3 посещения на одного инфицированного. По сравнению с предыдущим годом первичная посещаемость лечебного учреждения выросла на 22,6 %, а всех посещений – на 45,3 %. Сестры социальной помощи провели 43 495 патронажных обследований или на 44,3 % больше, чем в 1927 г.² Но на основе этих данных нельзя было говорить об увеличении заболевания туберкулезом. Цифры свидетельствовали, прежде всего, о росте обращаемости больных в тубдиспансеры. Однако в эти показатели вошли не только жители городской, но и сельской местности Урала.

Тубдиспансеры взяли на себя функцию исследования движения туберкулезной смертности. Они еженедельно получали из загсов списки умерших от туберкулеза с указанием их фамилий, возраста и адресов. Сестры социальной помощи немедленно обследовали жилище и членов семьи скончавшегося, заполняя карточку квартирной смертности³. Таким же обследованиям подвергались жилища заболевших туберкулезом. В Свердловском округе был выделен даже специальный штат сестер-обследовательниц. Велся и анкетный учет больных⁴. Но из-за нехватки медработников подобные обследования проводились только в окружных городах и касались пораженных легочным туберкулезом⁵.

На Урале повсеместно была развернута работа по привлечению внимания общественности к туберкулезу. Регулярно проводились трехдневники по борьбе с туберкулезом. В ходе них собирали денежные средства и продукты для инфици-

¹ Отчет Шадринского окружного исполнительного комитета Советов РК и КД Второму окружному съезду Советов за 1923–1924 хозяйственный год. Шадринск, 1924. С. 432.

² Курдов И.К. Обзор деятельности учреждений здравоохранения на Урале в 1928 году // Уральский медицинский журнал. 1929. № 9. С. 9; Материалы о работе Пермского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 9-го созыва... С. 53; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 54.

³ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 41.

⁴ Морозов. Здравоохранение в округе // Округ. 1927. № 6. С. 13.

⁵ Курдов И.К. Заразные болезни в Уральской области в 1929 году. С. 124.

рованных, перед горожанами с лекциями о данной социальной болезни и мерах борьбы с нею выступали медработники, комсомольцы и даже пионеры. В рамках трехдневников распространялась специальная литература, читались стихи, демонстрировались спектакли и кинофильмы¹. В Шадринске в 1924 г. в рабочих клубах прошли агитационные пьесы доктора Каннеля «Спасенный» и инсценировка «Суд над бациллой Коха»². Областная и городская печать выделяла специальные страницы для материалов по борьбе с туберкулезом³.

Советы социальной помощи, организованные при тубдиспансерах, основное внимание уделили улучшению условий труда и быта больных туберкулезом. Данная общественная организация в Свердловске вовлекала женщин-домохозяек в оздоровление быта, в Перми занималась жилищным кооперированием туберкулезных больных, в Мотовилихе – оздоровлением труда и улучшением санитарных условий на предприятиях, в Тюмени – созданием туберкулезных ячеек в школах. В Нижнем Тагиле члены советов социальной помощи участвовали в наделении больных земельными участками и предоставлении им семенного фонда для посева сельскохозяйственных культур⁴.

Принятые органами здравоохранения и общественностью Урала меры по борьбе с туберкулезом позволили заложить основу для снижения летальности населения от этой болезни. В 1928 г. коэффициент смертности горожан региона от туберкулеза легких составил 82,1, хотя в 1924 г. он был равен 86,5, а в 1926 г. – 92,9. Но при этом увеличилась смертность от туберкулеза прочих органов с 5,2 чел. на 1000 горожан в 1924 г. до 24,3 в 1928 г.⁵ Реально победить туберкулез без оздоровления промышленного производства, улучшения жилищно-коммунального и санитарного состояния городов было невозможно.

¹ См.: Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5-му съезду Советов... С. 223; Отчет Шадринского городского совета о работе за 1924–25 хозяйственный год. С. 14; ГАСО. Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 385. Л. 79 об.; Архив ЗГО. Ф. Р–17. Оп. 1. Д. 184. Л. 22 об., 162; Д. 193. Л. 155.

² Отчет Шадринского окружного исполнительного комитета Советов РК и КД Второму окружному съезду Советов за 1923–1924 хозяйственный год. С. 432.

³ См., к примеру, Пролетарская мысль. 1924. 27 окт.; Красный Курган. 1926. 17 июня.

⁴ Морозов. Указ. соч. С. 13; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 43.

⁵ Рассчитано по: Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. Вып. 1. С. 70–71; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 36–37.

Высокая летальность горожан от туберкулеза, болезней дыхательной системы и сердца была связана с характером основных промышленных производств Урала, которые представляли собой благоприятную почву для возникновения профессиональных болезней. В листовке Уральской областной комиссии по проведению туберкулезного трехдневника 1924 г. назывались причины, вызывавшие туберкулез. Во-первых, пыльное производство. Металлическая пыль отравляла рабочих и затрудняла вентиляцию легких. Негативно влияли на здоровье трудящихся печатная и растительная пыль. Часто кустарям-ремесленникам приходилось трудиться в плохо проветренных помещениях. Во-вторых, труд некоторых профессий требовал постоянного наклонного положения, особенно у сапожников, затруднявшего движение грудобрюшной преграды. В-третьих, резкий перепад температур в производственных помещениях, в которых трудились кочегары и литейщики, создавал предрасположенность к частым простудам, которые вели к туберкулезу¹. Не случайно в 1927 г. на возрастную группу в 30–59 лет приходились 41,2 % умерших от туберкулеза легких, 39 % – от болезни сердца; в 1928 г. соответственно – 44,2 и 34,5. При этом в 1927 г. горожане в обозначенном возрасте составили 61,2 % умерших от рака². Плохое техническое состояние предприятий и недостаточная механизация были причиной частых несчастных случаев на производстве. В 1927/28 г. только на заводах Пермского округа было зарегистрировано 8437 таких событий³.

В связи с колоссальным влиянием промышленного производства на уровень смертности городского населения с начала 1920-х гг. в стране под руководством специального отдела труда Наркомтруда РСФСР развернулась работа по изучению санитарного состояния предприятий и условий труда на них. Чуть позже в нее включился Ниаркомздрав РСФСР⁴. На Урале еще в ноябре 1919 г. на ряде предприятий появились инспектора по охране труда. Потребность в специали-

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 195. Л. 9, 13.

² Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г. С. 8–11; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 36–39.

³ Материалы к отчету Пермского окружного исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов за 1927 и 1928 год. С. 48.

⁴ Лотова Е.И., Идельчик Х.И., Венгрова И.В. Указ. соч С. 52.

рованных видах надзора была настолько велика, что в 1919 г. Народный комиссариат труда принял решение о создании санитарной инспекции. К концу 1920 г. на Урале было 5 санитарных инспекторов труда, а в 1923 г. в аппарате Уралоблтруда в 6 из 15 округов области насчитывалось уже 11 санитарных инспекторов труда. Они выявляли наиболее вредные производства и организовывали массовое медицинское освидетельствование рабочих химической и металлургической промышленности, что подготовило основу для планомерных исследований по гигиене труда и промышленной патологии на Урале¹.

Настоящее исследование профессиональных заболеваний и целенаправленная борьба с ними началась только с открытием специальных кабинетов по изучению профессиональных заболеваний. Первый был учрежден в начале 1926 г. в Свердловске при поликлинике Верх-Исетского металлургического завода под руководством врача В.А. Ляпустина² и был самостоятельным по отношению к органам труда. В соответствии с циркулярами Наркомздрава РСФСР об изучении и борьбе с профессиональными заболеваниями от 12 июля 1926 г. и усилении борьбы с профессиональными заболеваниями, промышленным травматизмом и активизации промышленной санитарии от 22 июля 1927 г.³ подобные кабинеты были созданы в Перми, Челябинске, Златоусте, Нижнем Тагиле и Усолье. В 1930 г. был образован Уральский государственный институт по изучению патологии, гигиены и научной организации труда по аналогии с Центральным институтом охраны труда Наркомтруда, Наркомздрава и ВСНХ. В 1931 г. он реорганизуется в три учреждения – Институт организации и оздоровления труда (в дальнейшем Институт охраны труда ВЦСПС), Институт гигиены труда и профессиональных заболеваний и Уральский филиал Всесоюзного института по безопасности горных работ⁴.

Сотрудники названных учреждений провели большую работу по исследованию влияния условий труда на здоровье рабочих на заводах Урала, результаты

¹ Гаврилова В.А., Гликштейн М.Д. Указ. соч. С. 58–59.

² Бидерман Б. 1-е Совещание по изучению и борьбе с профессиональными болезнями в Уральской области // Гигиена и эпидемиология. 1926. № 4. С. 78–79.

³ Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925–1940: сб. док. и мат. С. 37–38, 68–69.

⁴ Гаврилова В.А., Гликштейн М.Д. Указ. соч. С. 59–60; Материалы контрольных цифр хозяйства Урала на 1929–1930 год. С. 180.

которой были опубликованы в печатных изданиях. К примеру, доктора Гитерман и Луканин описали неизвестную тогда форму уплотнения легочной ткани под воздействием пыли хроматов. Врач М.Н. Карнаухов установил связь между течением туберкулеза у полиграфистов и действием свинцовых отравлений. М.М. Виленский изучил изменение сердечно-сосудистой системы под воздействием отравления организма окисью углерода у рабочих газо-генераторных печей Надеждинского завода и поражение верхних дыхательных путей на предприятиях сухой перегонки дерева. Г.М. Щербина исследовал влияние окиси углерода на органы кровообращения металлургов. Отравление угарным газом при пуске доменных печей, чистке газопроводов и при углежжении стало причиной нескольких смертельных случаев на уральских заводах в 1928 г.¹

В практику вошло обследование рабочих вредных производствах. В 1926 г. врачи Златоустовского окрздрава изучили состояние здоровья и физического развития трудящихся и пришли к выводу, что из рабочих 14 профессий златоустовских заводов только 25,2 % оказались здоровыми, 41,4 % из общего числа больных страдали катаром легких и туберкулезом². В 1927–1929 гг. кабинет по изучению профзаболеваний Перми обследовал рабочих ряда предприятий Перми, Мотовилихи и Лысьвы и взял их на диспансерное обслуживание³.

Проведенные в 1920-х гг. научные изыскания по профессиональным заболеваниям убедительно доказали, что без оздоровления производства невозможно было снизить заболеваемость и смертность горожан. Но оздоровление условий труда и быта возможно было только при активном участии рабочих в этом процессе. Не случайно неизменным руководством во всей деятельности медицинских учреждений 1920-х гг. стал лозунг «Охрана здоровья трудящихся есть дело самих трудящихся». Основными ячейками, через которые население участвовало в деле охраны здоровья, являлись городские секции здравоохранения местных Советов. Они осуществляли работу по разным направлениям. На предприятиях создавали

¹ Материалы контрольных цифр хозяйства Урала на 1929–1930 год. С. 180; Щербина Г. Указ. соч. С. 70–72; Виленский М.М. Указ. соч. С. 444–447.

² Материалы к изучению Златоустовского округа / под ред. В.Н. Зыкова, В.Г. Гаркунова. Златоуст, 1926. С. 77.

³ Материалы к отчету Пермского окружного исполнительного комитета Советов Р.К. и К.Д. за 1928–29 год. С. 139; Селезнева В.Т. Здравоохранение в Пермском округе в 1926–1929 годах. С. 350.

здравячейки, помогавшие медицинскому персоналу в проведении мероприятий по оздоровлению условий труда, организации медицинской помощи, в особенности при несчастных случаях на производстве¹. Но в целом во второй половине 1920-х гг. уральские городские власти и органы здравоохранения в деле преодоления профессиональных заболеваний как одной из причин смертности горожан делали только первые шаги.

В 1920-х гг. особую тревогу у медицинских работников Урала вызывала натуральная оспа. Край являлся одним из самых крупных очагов в РСФСР по заболеванию ею. Это было обусловлено близостью кантонов Башкирии, в которых нередко свирепствовала оспенная эпидемия². В 1926–1927 гг. на Урале регистрировалось в среднем по 4 случая заболевания оспой на 10 тыс. населения в год, а в РСФСР в 1926 г. – 1,3 и 1927 г. – 0,9³.

Натуральная оспа поражала, прежде всего, маленьких детей и имела высокую летальность. В 1924 г. удельный вес детей в возрасте 1–9 лет среди скончавшихся от нее горожан составил 62 %, в 1926 г. – 57,4 %⁴. По данным табл. 34, в 1924 г. от этой болезни погибли 78,3 чел. на каждую 1000 жителей городов возрастной когорты 1–9 лет. При этом частота смертности от оспы была выше в неокружных городах. По данным табл. 3.9 в приложении 3, в окружных центрах от нее погибло в 1925 г. 19,4 чел. на 1000 населения, в 1926 г. – 29,1, в то время как в прочих городских поселениях соответственно – 28 и 31,7 чел.

Самым действенным способом борьбы с натуральной оспой и предупреждения ее возникновения была вакцинация всех детей до 10 лет. Особое значение в этом направлении имело постановление СНК РСФСР от 18 октября 1924 г. «Об обязательном оспопрививании», которое установило обязательную вакцинацию против оспы в течение первого года жизни ребенка и ревакцинации в 10- и 20-

¹ Семашко Н.А. Десятилетие советской медицины и социальная гигиена // Социальная гигиена. 1928. № 4 (14). С. 12–13.

² Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5-му съезду Советов... С. 221.

³ Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета С.Р.К.К. и К.Д. VI созыва... С. 195.

⁴ Рассчитано по: Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 74–75; Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г. С. 36–37.

летнем возрасте¹. В циркулярах Наркомздрава РСФСР от 16 ноября 1924 г. и 13 июля 1926 г. конкретизировался порядок вакцинации. Масштабы заболевания натуральной оспой потребовали от Наркомздрава РСФСР издания 18 июля 1927 г. нового циркуляра «О мероприятиях по ликвидации оспы», обязавший местные исполкомы Советов ввести штатную должность оспопрививателя. Особое внимание обращалось на организацию контроля результатов прививок². На основании перечисленных нормативных актов Уралоблисполком 5 ноября 1928 г. принял постановление «Об обязательном оспопрививании»³.

Первоначально сложно было реализовать эти нормативные акты из-за недостаточности средств на оспопрививание и нехватки детрита⁴, низкого уровня культуры населения, часть которого считала прививку против оспы антихристовой печатью⁵, отсутствия плановости в работе. Решительный перелом в организации борьбы с натуральной оспой на Урале наступил с 1926 г., когда оспопрививание было объявлено ударной задачей всех органов здравоохранения области⁶. Все лечебно-профилактические учреждения городов стали выделять людей и время для проведения оспопрививания. В итоге в 1926 г. в Шадринске были вакцинированы от натуральной оспы все новорожденные, а остальные жители – на 75–80 %; в Тюмени в условиях эпидемии оспы были привиты 73 % горожан; в Перми в 1927 г. – около 40 %⁷. Эта работа проводилась и в других городах⁸. В целом на Урале за 1926–1928 гг. количество оспопрививаний увеличилось с 732 тыс. до 1572 тыс., то есть более чем в два раза, а число заболевших оспой сократилось с 3189 до 1266

¹ СУ РСФСР. 1924. № 83. Ст. 840.

² Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР, 1925–1940: сб. док. и мат. С. 66–68.

³ ГАСО. Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 2035. Л. 77–79.

⁴ Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5-му съезду Советов... С. 223.

⁵ Отчет Шадринского окружного исполнительного комитета Советов РК и КД Второму окружному съезду Советов за 1923–1924 хозяйственный год. С. 416.

⁶ Курдов И.К. Обзор деятельности учреждений здравоохранения на Урале в 1928 году. С. 11.

⁷ Селезнева В.Т. Здравоохранение в Пермском округе в 1926–1929 годах. С. 348; Отчет Шадринского городского совета о работе за 1925–1926 хозяйственный год. С. 20; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IV. М., 1928. С. 100; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 39.

⁸ См., к примеру: Материалы к отчету Челябинского городского совета VIII созыва за 1926/27 и 1927/28 годы. С. 101, 105; Архив ЗГО. Ф. Р–17. Оп. 1. Д. 149. Л. 21; и др.

чел. или более чем в 2,5 раза¹. Основной упор в прививочной кампании был сделан на горожан. В 1928 г. на долю жителей окружных центров пришлось 12,3 % всех вакцинированных в крае, прочих городских поселений – 30,3, а сельских – 57,4 %; тогда как удельный вес населения этих типов поселений в общем числе жителей края составил соответственно – 11, 12 и 77 %. На каждую 1000 жителей Свердловска было вакцинировано 28 чел. и ревакцинировано 215; окружных центров соответственно – 80 и 291; прочих городских поселений – 203 и 503; а сельских – всего 102 и 179 чел. Из всех вакцинированных по области 43,4 % приходилось на детей до года, из ревакцинированных 31,5 % – на учащихся².

Особое внимание было уделено качеству вакцины от натуральной оспы, потому что, помимо излишних расходов, плохое качество детрита дискредитировало идею оспопрививания в глазах населения. В Уральской области вакцину изготавливали при бактериологических институтах Перми и Свердловска и выпускали ее после тщательной проверки. Однако из-за неправильного хранения ее на местах прививаемость детрита в 1926 г. составила в среднем 72 %, в 1928 г. – 81,1, а при ревакцинации – всего 45,9 %³.

Систематические мероприятия по массовой иммунизации городского населения против натуральной оспы привели к резкому снижению заболеваемости и летальности от нее. За 1924–1928 гг. число скончавшихся от оспы горожан сократилось с 673 до 112 чел. или в 6 раз, а детей 1–9 лет – с 418 до 61, то есть в 7 раз. В 1928 г. на Урале от оспы умирало 3 чел. на каждую 1000 горожан, тогда как в 1924 г. – 20,8 чел.⁴ Наибольшие успехи были достигнуты в неокружных городах и городских поселениях. По данным табл. 3.9 в приложении 3, в 1928 г. в них умерло от оспы всего 2 чел. на 1000 жителей, а в окружных центрах – 11,3.

Уральские медики рассматривали предупредительные прививки как эффек-

¹ Материалы контрольных цифр хозяйства Урала на 1929–1930 год. С. 180.

² Курдов И.К. Обзор деятельности учреждений здравоохранения на Урале в 1928 году. С. 12.

³ Курдов И.К. Обзор деятельности учреждений здравоохранения на Урале в 1928 году. С. 12; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 39.

⁴ Рассчитано по: Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 74–75; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. I. С. 34–35.

тивное средство профилактики детских инфекций¹. Пермские врачи обобщили годичный опыт (с октября 1927 г. по октябрь 1928 г.) активной иммунизации маленьких горожан комбинированной вакциной против скарлатины и пришли к выводу, что летальных исходов среди заболевших, но вакцинированных детей не было вообще, при четырехкратных прививках заболеваемость скарлатиной снизилась в 8 раз². В итоге, если в 1926 г. по Уралобласти в целом было сделано всего 3156 прививок против скарлатины, при этом некоторые окружные здравотделы, не веря в них, уклонялись от массовой вакцинации детей³, то в 1928 г. – уже 37,8 тыс. Причем 65,7 % всех прививок было сделано в окружных городах, 10,4 – прочих городских поселениях, остальные (23,9 %) – в сельской местности⁴.

В борьбе с корью хорошо зарекомендовали себя серопрфилактика и введение больным и контактировавшим с ними детям сыворотки коревых реконвалесцентов, а дифтерии – прививки анатоксина, предложенные Рамоном в 1923 г. и постепенно ставшие в СССР обязательными для детей в возрасте 1–8 лет. Применение антитоксической сыворотки оказало косвенное влияние и на распространение дифтерии, так как сокращала продолжительность болезни и действие источника инфекции. Поэтому раннее применение сыворотки имело не только лечебное, но и противозидемическое значение⁵. Внедрение в медицинскую практику прививок против дифтерии способствовало организации производства дифтерийного токсина и анатоксина при Свердловском бакинституте⁶.

Предупредительные прививки как мера борьбы с другими острозаразными болезнями играли незначительную роль. Тем не менее, если в целом по Уральской области было сделано в 1926 г. 1933 брюшно-тифозных прививок, то в 1928 г. – уже 11,1 тыс. При этом 65,2 % всех вакцинаций приходилось на жителей окружных центров, 10,4 – прочих городских поселений и только 34,4 % – сельских⁷.

¹ Зашанский. Указ. соч. С. 16.

² Костромин Н.Е., Альтшуллер Э.И., Данилов Е.И. Указ. соч. С. 67, 70.

³ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 40.

⁴ Курдов И.К. Обзор деятельности учреждений здравоохранения на Урале в 1928 году. С. 11.

⁵ Васильев К.Г. Указ. соч. С. 124–125.

⁶ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 36–37.

⁷ Курдов И.К. Обзор деятельности учреждений здравоохранения на Урале в 1928 году. С. 11–12; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 40.

В целом предупредительные прививки сыграли свою положительную роль в борьбе с летальностью от детских и прочих инфекций, имевшей переменный успех, как свидетельствуют данные табл. 33 и 34. Вместе с тем оказалось невозможным добиться стойких результатов и решить эту проблему без изменения жилищно-коммунальных условий жизни горожан.

Смертность горожан во многом зависела от высокой заболеваемости населения острозаразными, социальными, профессиональными болезнями, которая, в свою очередь была обусловлена отсталым городским хозяйством Урала. В 1924 г. Уралоблисполком указал на зависимость высокой заболеваемости горожан туберкулезом и скарлатиной от жилищных условий и широкое распространение водных инфекций (дизентерии и брюшного тифа) из-за неразвитости коммунального хозяйства городов¹. В рассматриваемый период проблема влияния социально-экономических факторов на частоту смертности населения стала предметом специального изучения ленинградского врача Н.В. Красовской-Колосовой. Она пришла к выводу, что смертность горожан от туберкулеза легких, нервных болезней, брюшного тифа, скарлатины, дифтерии, кори возрастала по мере ухудшения социально-экономических условий их жизни².

Санитарное состояние городских поселений Урала было крайне неудовлетворительным. В 1922–1923 гг. в связи с введением налогов на квартиры и строения произошло уплотнение их жителей. В Кургане нередко в квартире из трех комнат проживали две семьи с 15-ю и более членами, на каждого приходилось всего 0,7–2,1 кв. м. Некоторые горожане заколачивали окна, так как с темных квартир налог не взимался, но при этом они лишали себя света и солнца³.

Восстановление промышленного производства сопровождалось привлечением на предприятия новой рабочей силы, что обострило жилищный вопрос и привело к еще большей перенаселенности и скученности жилищ. В большинстве городских поселений Уральской области жилая площадь была значительно ниже

¹ Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5-му съезду... С. 221.

² Красовская-Колосова Н.В. Влияние социально-экономических факторов на частоту отдельных причин смерти (по данным для б. Петербурга за 1909–1912 гг.) // Гигиена и эпидемиология. 1930. № 11–12. С. 61, 64.

³ ГАКО. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 54. Л. 103.

санитарно-жилищной нормы, установленной в 1919 г. Наркоматом здравоохранения РСФСР в размере 8,24 кв. м на чел.¹ По данным Уральского областного отдела коммунального хозяйства, за 1923–1926 гг. средняя жилплощадь на человека сократилась в Свердловске с 5,1 до 4,5 кв. м; Челябинске – с 5,4 до 5,1; Усолье – с 5,3 до 4,7; Златоусте – с 4,4 до 3,6; Шадринске – с 9,1 до 6,2 кв. м². Подобная и даже худшая ситуация сложилась в Троицке, Надеждинске, Сарапуле, Кизеле, Калате и других городских поселениях³. Районный санитарный врач, участник обследования жилья трудящихся края, проведенного Уральским облздравотделом летом 1926 г., писал по поводу жилищ рабочих на Карабашских рудниках Свердловского округа: «На 9 кв. м живет 7 человек (взрослых), им негде лечь даже на полу»⁴. На Урале перенаселение жилища достигло такой остроты, которой не было в других населенных пунктах РСФСР, за исключением быстро растущих городов (Новосибирска и др.). В Свердловске в 1923 г. на одно владение приходилось свыше 12 жителей, а через год – уже свыше 13 чел., то есть плотность населения на одно владение увеличилась на 10 %. Этот показатель был очень высоким, так как Свердловск не имел многоэтажных построек, в основном это были дома-особняки. В городах, где население проживало в жилищах подобного типа, как, например, в Англии и Бельгии, на один дом приходилось в среднем по 5–6 чел. Эти цифры свидетельствовали, что свердловчане жили в чрезвычайной тесноте⁵.

Жилища уральских рабочих нередко обладали санитарными и техническими дефектами. Часть бараков в Карабаше и Калате имела щели в стыках стен, одинарные рамы, холодные полы и потолки, не хватало печей, не было хозяйственных помещений, всюду были грязь и масса насекомых. Районный санитарный врач, обследовавший казармы в Карабаше в 1926 г., пришел к выводу, что большая часть их мало приспособлена к зимним условиям Урала⁶. Не случайно горо-

¹ Воспроизводство населения СССР. С. 69.

² Отчет Шадринского городского совета о работе за 1925–1926 хозяйственный год. С. 7–8; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 41; Архив ЗГО. Ф. Р–35. Оп. 1. Д. 48. Л. 8.

³ См.: Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета С.Р.К.К. и К.Д. VI созыва... С. 195; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 32–33, 41.

⁴ Цит. по: Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 32.

⁵ Отчет о работе Свердловского окружного исполнительного комитета за 1923–24 г.: обзор хозяйства округа / отв. ред. Н.П. Алексеев, И.Б. Беленький. Свердловск, 1925. С. 435.

⁶ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 32–33.

жане так часто болели и умирали от простудных заболеваний.

Городское жилье оставалось неблагоустроенным. В середине 1920-х гг. канализация имелась только в Екатеринбурге и Перми с ничтожным процентом домовых присоединений (2,3 %). Водопроводы были только в 6 городах (Екатеринбург, Пермь, Тюмень, Челябинск, Сарапул, Кизел) и обслуживали незначительную часть населения. К тому же источники, питавшие городской водопровод, по качественному составу воды не соответствовали санитарным требованиям, как это было в Кизеле. Типичной для Урала была ситуация с санитарным состоянием жилья, сложившаяся в Златоусте. Из 3467 обследованных в 1926 г. городских жилищ только 7 % имели выгребные ямы и 9 % – туалеты; в 96 % квартир производилась систематическая стирка белья, поэтому в 42 % помещений были отмечены признаки сырости. Обычная городская квартира включала кухню и комнату, в которой в среднем проживали 4–5 чел. 15 % квартир не имели кухонь, а 13 % состояли только из одной кухни. Теплых туалетов не было ни в одном жилье, всего 15 % квартир были оснащены примитивной вентиляцией¹.

В уральских городах нечистоты в основном вывозились ассенизационными обозами, количество которых у коммунальных служб городов было незначительным. В 1928 г. коммунальные обозы имелись только в 13 городах². Население вынуждено было обращаться к частным ассенизаторам, которые требовали высокую плату за свои услуги. По этой причине в Кургане в зимние месяцы ассенизационный обоз обычно бездействовал, а весной и летом он не успевал выполнить все заказы³. В уральских городах не было прачечных. В 1928 г. коммунальные бани удовлетворяли 10 % потребностей населения в них, на одного горожанина приходилось всего 5,3 посещения бани в год⁴.

Но настоящим бедствием для горожан Урала стал недостаток хорошей питьевой воды. В подавляющем большинстве городов основными источниками водоснабжения были открытые водоемы, колодцы, родники. Они постоянно подвергались загрязнению, что сказывалось на качестве воды. Так, жители Кургана поль-

¹ Материалы к изучению Златоустовского округа. С. 79.

² ГАСО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 63 об.; Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2522. Л. 86.

³ ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 54. Л. 103 об.

⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2522. Л. 86; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 479. Л. 177.

зовались водой из р. Тобол и колодцев. Река, как показали обследования ее еще в марте 1922 г., была заражена холерным вибрионом. Вода была особенно грязной весной, поэтому в это время года курганцы предпочитали пользоваться колодцами, но их было мало и они не отвечали санитарным требованиям. К тому же воду из колодцев черпали собственными ведрами, что вело к распространению эпидемий¹. Санитарное обследование питьевых источников Мотовилихи, проведенное летом 1926 г., выявило, что только 5,3 % колодцев имели годную и почти удовлетворительную воду, а 53,7 % колодцев – непригодную к употреблению воду². Такая же ситуация с водоснабжением горожан сложилась в Златоусте, Кизеле, Калате, Невьянске, Шадринске и других городах³. В 1928 г. из 109 городских поселений края только 10 (Свердловск, Пермь, Челябинск, Кунгур, Сарапул, Тобольск, Троицк, Оса, Чердынь и Воткинск) имели водопровод с крайне ограниченным потреблением воды – 16 л на чел. Только 3 % городских домовладений были присоединены к водопроводу⁴.

В 1920-е гг. скученные и малокомфортные условия жизни городского населения Урала, неразвитое коммунальное хозяйство, городская антисанитария сохраняли питательную почву для остроинфекционных и желудочно-кишечных заболеваний. Медицинское освидетельствование рабочих Златоуста, проведенное в 1926/27 г., показало, что 90 % больных желудочно-кишечными болезнями заболело ими из-за некачественной питьевой воды⁵. В начале 1928 г. неудовлетворительное водоснабжение стало причиной вспышки брюшного тифа в Мотовилихе, а осенью того же года – в Златоусте⁶. Сохранялся достаточно высокий уровень

¹ ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 54. Л. 103 об.

² Ершов Г.Ф., Попов С.П. Питьевые источники Мотовилихи // Уральский медицинский журнал. 1929. № 3. С. 64, 67–69; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1248. Л. 69 об.

³ Гаркунов В. К устройству водопровода в Златоусте // Хозяйство Урала. 1927. № 7. С. 117; Материалы к изучению Златоустовского округа. С. 78; Отчет Шадринского окружного исполнительного комитета Советов РК и КД Второму окружному съезду Советов за 1923–1924 хозяйственный год. С. 418; Отчет Шадринского городского совета о работе за 1925–1926 хозяйственный год. С. 16; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 34–35; Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 48. Л. 10.

⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2522. Л. 86.

⁵ Коцоурек В.В. Жилищное, дорожное и коммунальное строительство // Златоустовский округ 1917–1927 гг. (Десять лет работы Советов Р.К.К. и К.Д. Златоустовского округа). Златоуст, 1927. С. 116.

⁶ Рабинович Д.Б. Несколько слов о брюшно-тифозной эпидемии в г. Златоусте в 1928–29 г. // Уральский медицинский журнал. 1929. № 5. С. 65; Ершов Г.Ф. Вспышка брюшного тифа в Мотовилихе // Уральский медицинский журнал. 1929. № 6. С. 122.

смертности от водных инфекций. К примеру, в рассматриваемый период летальность от брюшного тифа колебалась в рамках 5,4 (1924 г.) до 8,6 (1928 г.) случаев на 1000 умерших горожан¹. Как уже отмечалось ранее, значительной была гибель горожан от желудочно-кишечных болезней.

Заболевание сыпным тифом также носило ярко выраженный эндемичный характер. Даже в 1928 г. ни один из окружных городов Урала не был свободен от сыпного тифа, который часто завозили сезонные рабочие². Но смертность от сыпного тифа постоянно снижалась. Если на 1000 населения умерло в 1924 г. 3,8 горожан, то в 1928 г. – 1,1³. Борьба с паразитарным тифом не представляла больших трудностей. Но каждый случай заболевания требовал особого внимания и быстрого реагирования. Однако и в городах края борьба с паразитами, источником заражения, велась в крайне ограниченных размерах⁴.

СНК РСФСР 11 июля 1928 г. на основании доклада наркома здравоохранения республики приняло постановление «О мероприятиях по предупреждению и борьбе с сыпным тифом», которое не подлежало опубликованию. В нем говорилось, что согласно Международной Конвенции паразитарные тифы наряду с оспой были отнесены к числу инфекций, по которым устанавливался особый международный контроль. В Западной Европе эти болезни были изжиты, но в СССР сохранялась неблагоприятная ситуация из-за постоянных передвижений населения, наличия сезонных рабочих, невысокого санитарного состояния населенных пунктов и т. п. В нормативном акте были определены меры по борьбе с сыпным тифом⁵. 17 августа 1928 г. на основании данного постановления СНК РСФСР Уральский облздравотдел провел межведомственное совещание по борьбе с сыпным тифом. На нем отмечалось, что в 1926–1928 гг. в одних окружных городах (Свердловске, Златоусте, Кунгуре, Нижнем Тагиле, Тобольске, Троицке, Усолье, Челябинске, Шадринске) произошло снижение заболеваемости этой инфекцией, в

¹ Рассчитано по: Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 74; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. I. С. 34.

² Курдов И.К. Заразные болезни в Уральской области в 1929 году. С. 120.

³ Рассчитано по: Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 74; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. I. С. 34.

⁴ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 10.

⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2035. Л. 45–53.

других (Ирбите, Ишиме, Перми, Сарапуле, Тюмени), наоборот, повышение. Такое положение с паразитарным тифом даже в окружных городах свидетельствовало о слабом развитии банно-прачечного дела, нехватке санитарных врачей и дезинфекционных камер, недостатке резервных эпидемических фондов. В итоге в регионе постоянно сохранялась угроза вспышки эпидемии сыпного тифа¹.

В течение сентября 1928 г. – января 1929 г. вопрос о мероприятиях по предотвращению эпидемии сыпного тифа трижды стоял на повестке дня Президиума Уралоблисполкома (17 сентября и 10 декабря 1928 г., 28 января 1929 г.)². Он также рассматривался в 1928 г. Свердловским (сентябрь), Тагильским, Златоустовским, Курганским, Пермским и Тобольским (октябрь), Челябинским и Коми-Пермяцким (ноябрь), Ишимским (декабрь) и в январе 1929 г. – Сарапульским окрисполкомами³. Окружные власти отмечали, что очагами заболеваний сыпным тифом являлись, прежде всего, вокзалы и исправительно-трудовые дома, санитарное состояние которых было неудовлетворительным. В некоторых городах, к примеру, в Мотовилихе и на рабочих окраинах Перми, не было бань, дезокамер, прачечных. Жилищный кризис и большая скученность способствовали распространению заболеваний сыпным тифом⁴.

Власти округов, выполняя принятые решения, выделили дополнительные средства для оборудования коек в очагах эпидемического распространения сыпного тифа; в середине октября 1928 г. туда направили 228 дезинфекционных аппаратов, 2250 кг серы для дезинсекции, 100 кг нафтализолы; для усиления медицинских кадров выделили 12 врачей-стажеров, выпускников Пермского медицинского института. Была развернута санитарно-просветительская работа: издавались листки и плакаты по предупреждению заболевания сыпным и возвратным тифами, в областной газете «Уральский рабочий» была напечатана статья на эту тему⁵. В очагах вспышки сыпного тифа старались своевременно изолировать больных и лиц, соприкасавшихся с ними; вводили карантин для детей и школьников; прово-

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2035. Л. 37–37 об., 39, 40 об., 41 об.–43, 49.

² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2035. Л. 14; 33–33 об., 60.

³ См.: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2035. Л. 8 об., 17, 19, 22, 30, 72, 83–85, 88.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 23.

дили дезинфекцию заразных помещений. Все эти профилактические меры позволили сократить летальность от сыпного тифа¹.

В 1920-е гг. в городах развернулась санитарно-профилактическая работа, которая должна была предупредить вспышки инфекционных болезней. В 1928 г. в целом по Уральской области санитарными и участковыми врачами было проведено 11,6 тыс. эпидемиологических обследований, из них 54,4 % – в окружных городах, 86,6 тыс. осмотров по пищевой и 38,9 тыс. жилищной санитарии, 8,5 тыс. проверок источников водоснабжения. Большинство санитарных осмотров и обследований прошло в окружных городах (62,2 %) и городских поселках (24,6 %). По их результатам было наложено 12,8 тыс. административных взысканий, в два раза больше, чем в предыдущем году, и возбуждено 402 дела².

Но санитарно-профилактическая работа затруднялась нехваткой санитарных врачей. В этих условиях сами горожане начали создавать из своей среды санитарный актив. Весной 1928 г. только в Перми и Мотовилихе действовало 60 здравячек. Они организовали силами самого городского населения очистку и ремонт источников водоснабжения в Мотовилихе, провели обследование домовладений и добились устранения санитарных недочетов в них. Здравячки Перми следили за заселением домов, не допуская их переуплотнения³ и проч. Санитарный актив был организован и действовал и в других уральских городах.

Среди населения городов проводилась санитарно-просветительная работа. Формы ее были разнообразными: организовывались лекции и беседы, издавались памятки, листовки и плакаты на медико-санитарные темы, ставились санитарные постановки, проводились киносеансы и санитарные суды. Если первоначально целью санитарно-просветительной работы была борьба с эпидемическими заболеваниями, то в дальнейшем – санитарно-гигиеническое просвещение горожан.

В 1924–1928 гг. в уральских городах была проведена значительная работа по снижению заболеваемости и смертности населения. Она строилась на основе об-

¹ Отчет о работе Пермского городского Совета 8-го созыва (за время март – декабрь 1926 года). С. 46.

² Курдов И.К. Обзор деятельности учреждений здравоохранения на Урале в 1928 году. С. 12–13.

³ Башкович П.В. Опыт привлечения к работе по жилсанназору санитарного актива и советской общественности в г. Перми // Уральский медицинский журнал. 1930. № 2–3. С. 36–37.

щедоступной, бесплатной, квалифицированной лечебной и профилактической помощи жителям городских поселений. Это не только коренным образом меняло прежнюю основу медицинского обслуживания, но и давало возможность принимать решительные меры борьбы с наиболее распространенными болезнями – туберкулезом, воспалением легких, холерой, малярией, тифом и проч. В городах выросла лечебная сеть, увеличилось число врачей, появились новые виды медицинской помощи, проводилась работа по улучшению санитарного состояния городов, санитарно-гигиеническому просвещению масс. Все это способствовало снижению смертности горожан. Как показывают данные табл. 28, в 1928 г. на 1000 горожан умерло 24,9 чел., то есть на 12,3 % меньше, чем в предыдущем году. При сохранявшейся на достаточно высоком уровне рождаемости удалось поднять естественный прирост до 23,5 чел. на 1000 горожан.

Вместе с тем в рассматриваемый период не удалось изменить структуру смертности городского населения. Требовалось больше усилий, времени и средств для улучшения состояния промышленности и городского хозяйства Урала. По-прежнему преобладали экзогенные причины смерти.

§ 3. Естественное движение городского населения в условиях промышленной модернизации края (1929–1939 гг.)

Промышленная модернизация Урала, развернувшаяся с конца 1920-х гг. и проводившаяся в рамках довоенных пятилеток, оказала значительное влияние на демографическую ситуацию в городах региона. Форсированное развитие производительных сил Урала в связи с созданием на востоке Советского Союза Второй угольно-металлургической базы, строительство новых заводов и фабрик и развитие сопровождавшей их инфраструктуры обусловили резкое увеличение городского населения. Но советская урбанизация, как отмечал А.С. Сенявский, несмотря на совпадение общего вектора ее с общемировым, имела свою специфику. Советские города вырастали не из экономических потребностей территорий, а являлись побочным продуктом индустриального строительства, которое инициирова-

лось, финансировалось и управлялось государством «из центра»¹. А это до предела обострило социальные проблемы горожан.

Первоначально советское руководство недооценивало развитие городской инфраструктуры в рамках реализации курса на индустриализацию. Председатель ВСНХ СССР Г.К. Орджоникидзе, выступая на Всесоюзной конференции работников промышленности в январе 1931 г., заявил: «Страна Советов будет строить и построит социалистические города. Но можем ли мы, и хватит ли у нас средств, чтобы сегодня же, одновременно со строительством наших заводов-гигантов, воздвигнуть и гиганты социалистических городов? Отвечаем – не можем. Надо, прежде всего, как можно быстрее закончить строительство заводов и пустить их в ход ... с тем, чтобы через 5–6 лет ... построить действительно социалистические города вокруг работающих заводов, социалистические города, достойные пролетариата нашего Союза»². В подготовительных материалах к докладу заместителя председателя СНК СССР и СТО В.В. Куйбышева на общегородском собрании московского партактива по итогам июньского (1931 г.) Пленума ЦК ВКП (б), состоявшегося 19 июня 1931 г., отмечалось: «Вопросы городского хозяйства, коммунального хозяйства, которые рассмотрел последний Пленум, до последнего времени считались вопросами второстепенными. Партии нужно было сначала поставить на социалистические ноги промышленность и сельское хозяйство»³. Недопонимание важности социальной сферы для человека проявилось в ухудшении демографической ситуации в городах Урала в годы индустриализации.

Данные табл. 36 показывают, что за 1929–1932 гг. при увеличении абсолютных величин сохранилась устойчивая тенденция к уменьшению коэффициента рождаемости горожан Урала, наметившаяся еще с 1927 г. Это закономерный процесс в условиях индустриализации. Но за такой короткий период времени резко упало число родившихся на 1000 чел. – на 19 %. В целом снижение коэффициента рождаемости не вызывает опасения, если оно сочетается с уменьшением уровня

¹ Сенявский А.С. Российская урбанизация: экологические последствия и их влияние на демографические процессы // Историческая экология и историческая демография: сб. науч. тр. / под ред. Ю.А. Полякова. М., 2003. С. 48.

² Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. М., 1957. Т. 2. С. 273–274.

³ РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 894. Л. 1.

смертности. Только в этом случае обеспечивается достаточный прирост населения, его жизненный потенциал. Однако в городах Урала в указанный период увеличились абсолютные и относительные показатели смертности. За 1929–1932 гг. коэффициент смертности горожан вырос на 27 %.

Статистические сведения начала 1930-х гг. были неполными и противоречивыми. В научной литературе встречаются и другие цифры, характеризующие воспроизводство населения края. По данным уральского исследователя Е.Ю. Баранова, в 1932 г. уровень рождаемости горожан региона достиг отметки 43,6 чел., а смертности – 39,8 чел. на 1000 населения, став самым высоким годовым показателем смертности в кризисный период 1932–1933 гг.¹ Несмотря на разность цифр, все они отражают общую тенденцию к падению естественного прироста горожан: за 1929–1932 гг. он сократился в 6 раз (рассчитано по данным табл. 36). Резкое снижение рождаемости при одновременном росте смертности свидетельствовало о демографическом кризисе в городах края.

Таблица 36²

Естественное движение городского населения Уральской области в 1929–1933 гг.

Год	Родилось		Умерло		Естественный прирост/убыль	
	Чел.	в т. ч. на 1000 чел.	Чел.	в т. ч. на 1000 чел.	Чел.	в т. ч. на 1000 чел.
1929	72 133	45,2	41 871	26,3	30 262	18,9
1930	75 869	41,4	53 259	29,1	22 610	12,3
1931	86 246	39,7	69 674	32,1	16 572	7,6
1932	102 936	36,7	93 965	33,5	8 971	3,2
1933	70 712	24,2	110 072	37,7	–39 360	–13,5

Отмеченная тенденция на уменьшение рождаемости и повышение смертности в уральских городах продолжилась и в 1933 г. (см. табл. 36). В основе сокра-

¹ Баранов Е.Ю. Население и общественные трансформации в СССР... С. 223.

² Таблица составлена и рассчитана по: Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: сб. док. и мат-лов. Т. 1. С. 257–258; Осокина Е.А. Указ. соч. С. 19; ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 30. Л. 2; Д. 33. Л. 30; Д. 170. Л. 2–3; Д. 171. Л. 1.

щения рождаемости в 1932–1933 гг., по мнению В.А. Исупова¹, а в какой-то степени и в 1934 г. лежало физическое истощение мужчин и женщин, что подрывало репродуктивную функцию, а также распад брачно-семейных отношений вследствие интенсивных миграций. Работники УралоблУНХУ обратили внимание на своеобразный состав городского населения региона уже в начале 1930-х гг. Среди жителей городских поселений края увеличился процент одиноких людей. Если их удельный вес среди горожан Уралобласти в 1926 г. составил 6 %, то в 1931 г. – уже 15,5 %. В крупных городах и на новостройках он был еще выше. В Свердловске в 1931 г. доля одиночек исчислялась в 29,6 % против 10,1 % в 1926 г., Перми соответственно – 19,8 и 8,3 %, Тагиле – 10,5 и 4,8 %. В Магнитогорске несемейные горожане составляли 41,5 % населения². Таким образом, разворачивавшаяся на Урале индустриализация привела в движение людские массы населения и отрицательно повлияла на семью и рождаемость.

Важное значение для воспроизводства горожан имели и факторы социально-демографического характера. Многие семьи сознательно отказывались от рождения детей из-за резкого падения уровня жизни. Вырастить здорового ребенка стало крайне трудно. Люди были озабочены личным выживанием и откладывали рождение детей на неопределенный срок, до лучших времен

Данные табл. 3.10 в приложении 3 позволяют выявить периоды скачкообразного роста смертности в уральских городах в начале 1930-х гг. Первый такой период был в марте – мае 1932 г., когда месячные показатели смертности населения оказались на самом высоком уровне за все неблагоприятные 1932–1934 гг. (50,5–59,9 чел. на 1000 горожан) при абсолютном и относительном снижении рождаемости. В марте – июне указанного года произошла естественная убыль населения уральских городов. С января 1933 г. начался новый скачкообразный рост смертности жителей городов, достигший своего апогея уже в апреле – мае этого года³. Всего же за декабрь 1932 – август 1933 гг. число умерших горожан выросло в 2

¹ См.: Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 102–103.; Он же. Сталинский демографический ренессанс: иллюзия или реальность (1934–1940 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Отечественная история». 1998. № 2. С. 33.

² ГАСО. Ф. Р–241. Оп. 2. Д. 3395. Л. 32.

³ Корнилов Г.Е. Голод 1932–1933 гг. на Урале: факторы и масштабы... С. 69.

раза¹. При этом, по данным табл. 36, в 1933 г. высокий годичный коэффициент смертности жителей городов региона (37,7 ‰) фиксировался на фоне очень низкой рождаемости (24,2 ‰). В итоге в области вновь произошла естественная убыль горожан в 39,4 тыс. чел. или 13,5 чел. ‰. Статистические данные свидетельствуют о перерастании демографического кризиса в демографическую катастрофу, которая длилась в уральских городах с января 1933 г. по июнь 1934 г.

На Урале депопуляция (превышение числа умерших над родившимися) горожан, по данным табл. 3.10 в приложении 3, началась раньше, чем по стране в целом, – уже в январе, а в городских поселениях СССР – в феврале 1933 г. Завершилась же она в регионе позже, чем в стране, – в июне 1934 г., тогда как в городах СССР – уже в марте 1934 г.² Таким образом, в уральских городах демографическая катастрофа приобрела более затяжной характер, чем в аналогичных поселениях страны. Более того, в городах региона она по времени длилась дольше по сравнению с сельской местностью края. Естественная убыль селян была зафиксирована в мае, июле – сентябре 1933 г. и в марте – мае 1934 г. Статистика края также свидетельствует, что в городах наивысший уровень смертности пришелся на март – май 1932 г., когда умирало от 50,5 до 59,5 чел. на 1000 горожан, а в сельской местности – на июль – август 1933 г., когда смертность селян составила 53,2–59,8 чел. на 1000 жителей³. В городах Урала в связи с демографической катастрофой создалась напряженная демографическая ситуация.

По данным табл. 37, в 1933 г. большие потери горожан были на территории будущей Челябинской области – 16,4 против 11,8 чел. в Свердловской области на 1000 населения. Но эти показатели оказались хуже, чем по регионам в целом и их сельской местности. В будущей Свердловской области убыль жителей составила 7,5 чел. на 1000 населения, в сельской местности – 3,3; в Челябинской – 2,6, а на селе сохранился небольшой прирост в 4,7 чел. на 1000 его жителей⁴.

В целом статистические данные показывают, что в 1933 г. естественная

¹ Баранов Е.Ю. Население и общественные трансформации в СССР... С. 223.

² Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 89.

³ См.: Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: сб. док. и мат-лы. Т. 1. С. 258.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 4–5.

убыль населения Урала произошла за счет горожан. В указанный год в Свердловской и Челябинской областях, на которые в 1934 г. распалась Уральская область, был зафиксирован самый высокий уровень смертности; а в Свердловской области еще и самый низкий показатель рождаемости за 1933–1940 гг.

Таблица 37¹

Естественное движение городского населения Свердловской и Челябинской областей в 1933–1940 гг.

Годы	Родилось		Умерло		Естественный прирост / убыль	
	Чел.	в т. ч. на 1000 чел.	Чел.	в т. ч. на 1000 чел.	Чел.	в т. ч. на 1000 чел.
Свердловская область						
1933	43 665	23,4	65 636	35,2	– 21 971	– 11,8
1934	52 639	24,8	46 641	22,0	5 998	2,8
1935	67 502	31,6	36 821	17,2	30 681	14,4
1936	75 622	31,6	49 956	20,9	19 278	10,7
1937	99 627	47,3	58 122	27,6	24 617	19,7
1938	61 168	н. св.	30 186	н. св.	30 982	н. св.
1939	61 311	40,8	33 682	22,4	27 929	18,4
1940	42 071	37,1	29 107	25,6	12 964	11,5
Челябинская область						
1933	23 763	25,6	38 966	42,0	– 15 203	– 16,4
1934	26 894	23,1	23 099	19,8	3 795	3,3
1935	40 125	33,1	20 650	17,0	19 475	16,1
1936	45 260	33,8	27 096	20,2	10 748	13,6
1937	54 620	45,2	31 008	25,7	12 804	19,5
1938	52 639	н. св.	26 112	н. св.	26 527	н. св.
1939	50 566	42,8	27 382	23,2	23 184	19,6
1940	44 176	37,3	26 620	22,6	17 556	14,7

Статистики 1930-х гг. считали, что в отчетах того времени смертность городского населения была несколько завышенной. Это объясняется тем, что в города, спасаясь от голода, устремились жители сельской местности. Многие беженцы

¹ Таблица составлена и рассчитана по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 4–5; Д. 53. Л. 3; Д. 188. Л. 97–98; ГАСО. Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 2–2 об.; Д. 100. Л. 5; Д. 101. Л. 3–4; Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 1313. Л. 17–18; ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 5. Д. 144. Л. 111; Д. 488. Оп. 6. Д. 789. Л. 130; Оп. 7. Д. 487. Л. 79; Оп. 17. Д. 5. Л. 27 об.; Ф. Р–1595. Оп. 1. Д. 26. Л. 158; Корнилов Г.Е. Уральское село и война. С. 46.

были физически ослаблены, смертность среди них была чрезвычайно велика, но она фиксировалась не сельсоветами, а городскими загсами¹.

Таким образом, в 1933 г. негативные явления в демографической сфере, обусловленные форсированной социально-экономической трансформацией, приобрели характер демографической катастрофы, нарушившей демографические процессы в городах на все последующие годы. Масштабы демографической катастрофы в уральских городах оказались значительно больше, чем в аналогичных поселениях РСФСР и сопредельных территорий. В 1933 г. убыль горожан в РСФСР составила 9,2 чел. на 1000 чел.; в Европейской части РСФСР – 9,7; Башкирской АССР – 8,1; Западно-Сибирском крае – 4,8; Восточно-Сибирском крае – 9,8 чел.²

На Урале в 1933 г. наибольшие людские потери испытали крупные промышленные центры. В городах свыше 50 тыс. чел. будущей Свердловской области они исчислялись в 13,8 чел. на 1000 горожан, Челябинской – 24,4, в том числе в Надеждинске – 43,6; Челябинске – 36,6; Перми – 20,2; Магнитогорске – 17,3; Златоусте – 13,7; Нижнем Тагиле – 12,5; Свердловске – 11,9; Молотове – 6,5; Усолье с Березниками – 2,3. Из крупных уральских центров только в Лысьве сохранился небольшой прирост населения в 0,5 чел. на 1000 горожан³. Естественная убыль жителей была отмечена и в средних и малых городах. В указанный год в Алапаевске скончалось на 376 чел. больше, чем родилось, в Чердыне – на 17 чел.⁴

На ряде новостроек союзного значения катастрофическая демографическая ситуация сложилась раньше, чем в городах Урала в целом. По данным Н.Н. Макаровой, в Магнитогорске убыль населения была зафиксирована уже в 1930 и 1932 гг.; ее коэффициенты составили соответственно 89,8 и 0,7 ‰. Но в начале 1930-х гг. учет населения в городе был поставлен не лучшим образом, поэтому в архиве Магнитогорска встречаются противоречивые цифры по воспроизводству горожан. Есть данные, что и в 1931 г. смертность была на 323 чел. выше, чем рождаемость,

¹ Жиромская В.Б. Голод 1932–1933 гг. в России... С. 15; Она же. Голод 1932–1933 годов в России и современные международные отношения. С. 97; Исупов В.А. Население Западной Сибири в 1934–1937 годах. С. 90; Осокина Е.А. Указ. соч. С. 20–21.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 5, 9, 10–12.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 4–5.

⁴ Чашин А.В. Историко-демографическая характеристика города Алапаевска в 1920–1930-е гг. С. 58; ГАПК. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 93. Л. 55 об.

зато в 1932 г., наоборот, рождаемость превысила смертность на 915 чел.¹ Можно спорить о достоверности цифр, но одно бесспорно – в начале 1930-х гг. демографическая ситуация в Магнитогорске была тяжелой. В Свердловске уже в 1931–1932 гг. также не было прироста населения. В 1931 г., как отмечает А.В. Чашин, коэффициент смертности превзошел коэффициент рождаемости на 2,3, в 1932 г. – 5,2². Аналогичная ситуация сложилась в Челябинске. В 1931 г. в городе родилось всего на 17 чел. больше, чем умерло, коэффициент естественного прироста населения составил 0,2 ‰³. В следующем году в городе скончалось на 1754 чел. больше, чем родилось, коэффициент убыли горожан был 11,1 ‰³. В Березовске в 1932 г. убыль населения исчислялась в 3,7 чел. на 1000 жителей⁴.

Как показывают данные табл. 3.10 в приложении 3, неустойчивое снижение числа умерших горожан началось с июня 1933 г., но в августе произошло вновь повышение. Только с сентября указанного года было зафиксировано медленное уменьшение числа скончавшихся жителей городских поселений. Но в целом убыль городского населения Урала сохранялась еще и все первое полугодие 1934 г., хотя с марта этого года рождаемость начала понемногу расти.

В 1934 г. в трех индустриальных центрах Урала людей умирало по-прежнему больше, чем рождалось. Коэффициент убыли составил в Перми 6,3, Челябинске – 2 и Нижнем Тагиле – 0,2 ‰⁵. Демографическая катастрофа продолжалась и в Березовске, в котором в указанном году на каждую 1000 горожан скончалось на 2,7 чел. больше, чем родилось⁶. Рост смертности привел к сокращению продолжительности жизни людей. За 1929–1931 гг. ожидаемая продолжительность жизни населения СССР уменьшилась на 2,4 года – с 37,4 лет до 35 лет⁷.

¹ Макарова Н.Н. Демографическая характеристика Магнитогорска. С. 97; Она же. Демографическая характеристика населения города Магнитогорска в 1930-е гг. // Исторические аспекты воспроизводства населения Урала (XVIII–XX вв.): сб. науч. ст. Екатеринбург, 2011. С. 77; МКУ ГАМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 118. Л. 25; Ф. 16. Оп. 1. Д. 40. Л. 54.

² Чашин А.В. Воспроизводство населения Свердловска в 1923–1940-х годах. С. 278.

³ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. С. 295; ОГАЧО. Ф. Р–1055. Оп. 1. Д. 107. Л. 1; Оп. 2. Д. 37. Л. 22.

⁴ Чашин А.В. Историко-демографическая характеристика города Березовска... С. 161.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 53. Л. 3.

⁶ Чашин А.В. Историко-демографическая характеристика города Березовска ... С. 161.

⁷ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 80.

Тяжелая ситуация, сложившаяся со смертностью, была проанализирована в сборнике материалов «Рождаемость и смертность населения Уралобласти за период 1924–1931 гг. и 8 месяцев 1932 г.», подготовленном работниками УралоблУНХУ и не подлежавшем разглашению. Сборник датирован 1 ноября 1932 г. В нем отмечалось, что с 1926 г. смертность горожан уже не показывала прямой зависимости от метеорологических условий, как в прежние годы, и вплоть до 1930 г. имела ярко выраженную тенденцию к своему снижению. Но в 1930–1931 гг. произошло резкое повышение ее уровня. Работники Уральского областного управления народнохозяйственного учета осторожно объясняли это массовым притоком населения в города и, как следствие этого, временным ухудшением жилищных условий и питания горожан¹.

Действительно, одной из основных причин увеличения смертности горожан в 1929–1933 гг. стал огромный приток мигрантов в промышленные центры и особенно на новостройки. Однако жилищно-коммунальное хозяйство уральских городов не могло обеспечить нормальные условия жизни населению. Темпы роста горожан обгоняли темпы прироста жилплощади. За 1928–1932 гг. число жителей Свердловска увеличилось на 300 %, а жилплощадь – на 232 %, Перми – соответственно 162 и 117 %., Челябинска – 338 и 168 %².

Жилищная проблема еще больше усугублялась тем, что ряд промышленных предприятий края с большими трудовыми коллективами, в частности, Магнитогорский металлургический комбинат, возник в необжитых местах, вдали от населенных пунктов. В крупных городах жилищный кризис обострили такие новостройки, как Уралмашстрой (Свердловск), Челябтракторострой (Челябинск), Уралвагонстрой (Нижний Тагил) и др. Именно здесь наблюдалась резкая диспропорция между жилищно-коммунальным и промышленным строительством. В новых городах и городских районах параллельно с возведением предприятий шло формирование городской инфраструктуры.

В условиях острой нехватки жилплощади градостроители основной упор сделали на возведение временного жилья. В 1930 г. на Магнитострое людей вы-

¹ ГАСО. Ф. Р–241. Оп. 2. Д. 3395. Л. 33.

² См.: Журавлева В.А. Градостроительство на Урале в 20–30-е гг. XX в. Челябинск, 2007. С. 52.

нуждены были размещать в палатках, землянках и бараках. Из-за недостатка нормального жилья части первостроителей Магнитогорска пришлось провести в палатках зиму 1930–1931 гг. Но переселение рабочих в бараки не только не улучшало, а даже ухудшило их жилищно-бытовые условия, так как нередко бараки не были приспособлены к холодам. В них отсутствовали печи, не были утеплены стены, протекали крыши¹. Всего же к 1933 г. только по четырем крупным городам Уральской области – Перми, Челябинску, Магнитогорску и городку УЗТМ (Свердловск) – бараки составляли в среднем 56 % жилого фонда². В остальных городских поселениях региона наблюдалась аналогичная картина.

Быстрый рост городского населения Урала и острая нехватка жилья обусловили колоссальную скученность населения. В 1931 г. в Магнитогорске 85 % горожан проживала в бараках, рассчитанных на 120 чел., а в них размещали по 300–500 чел. Перенаселение в городе было таково, что в среднем на одного человека приходилось от 2 до 0,75 кв. м при декретной норме для общежитий в 3,5 кв. м на чел.³ На Симском заводе в бараки с жилой площадью в 300 кв. м заселяли по 100 чел.⁴ В 1932 г. в большинстве городов и городских поселков Уральской области норма жилой площади на человека была в пределах 2–3 кв. м при санитарной норме в 9 кв. м. и декретной для квартир – 6 кв. м на чел.⁵

Архивные источники свидетельствуют о неудовлетворительном санитарном состоянии перенаселенных бараков. Как правило, помещения мылись два раза в месяц, постельное белье менялось редко, в некоторых бараках не было даже топчанов и кипяченой воды, отсутствовали специальные зоны для стирки и сушки белья, спецодежды и обуви. Стирали и сушили, готовили и ели в жилых помещениях. Вокруг бараков царил грязь, не было мусорных и выгребных ям. В марте 1932 г. чрезвычайная комиссия при обследовании бараков в Златоусте во время вспышки заболевания сыпным тифом констатировала завшивленность их обита-

¹ Макарова Н.Н. Демографическая характеристика Магнитогорска. С. 97; ГАСО. Ф. Р–245. Оп. 1. Д. 1233. Л. 3.

² Рассчитано по: ОГАЧО. Ф. П–234. Оп. 1. Д. 332. Л. 51; Ф. Р–485. Оп. 5. Д. 479. Л. 132–133; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 1134. Л. 1.

³ ГАСО. Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 3. Л. 351; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

⁴ ГАСО. Ф. Р–245. Оп. 2. Д. 20. Л. 46.

⁵ См.: Розет Г.И. Указ. соч. 1932. № 5–6. С. 4; ГАРФ. Ф. А–314. Оп. 1. Д. 3885. Л. 20; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 517. Л. 11; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 462. Л. 90; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.

телей. Проверка жилищно-коммунального хозяйства поселков при промышленных предприятиях, проведенная коммунально-бытовой группой Уральской областной комиссией РКИ в марте 1933 г., выявила крайнюю загрязненность территории вокруг бараков на Миньярском, Ашинском и Симском заводах, отсутствие в ряде общежитий умывальников, бань и прачечных¹. Такая ситуация была характерна для большинства временного жилья городских поселений региона².

Уральские города по-прежнему отличались своей коммунальной неблагоустроенностью. Несмотря на то, что в 1932 г. водопровод был уже в 14 городских поселениях края, он имел незначительное число домовых присоединений и небольшую пропускную способность. В итоге, если в среднем по Уральской области на одного горожанина в сутки приходилось в 1930 г. 10,8 л воды, 1931 г. 22,9, то в 1932 г. – всего 21,7 против 25,4 л в среднем по РСФСР³. По отдельным уральским городам ситуация была еще хуже. В 1931 г. один житель Златоуста потреблял 2 л водопроводной воды, Челябинска – 3,4, Перми – 16 и только Свердловска – 30 л, что было значительно меньше установленной нормы в СССР (100 л) и еще ниже потребления воды в крупных городах развитых капиталистических стран. В 1930 г. расход воды на одного жителя Берлина составил 153, Вены – 169, Парижа – 176 л⁴. Качество подававшейся воды в целом было удовлетворительным, за исключением Свердловска. Почти везде водопроводная вода хлорировалась, но фильтры не всегда были водопроводными⁵. В подавлявшем большинстве уральских городов основными источниками водоснабжения оставались открытые водоемы, колодцы, родники и даже как в Кизеле лужи⁶. Вода, которую пили горожане Урала, была загрязнена и служила источником остроинфекционных и желудочно-кишечных заболеваний.

Еще хуже обстояло дело с городской канализацией. В начале первой пятилетки она имелась только в Перми, но и здесь в 1931 г. ею было охвачено не более

¹ ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 2. Д. 20. Л. 47; Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 349; Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 324. Л. 28–28 об.

² См., к примеру: МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.

³ ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 2. Д. 20. Л. 61–62; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 462. Л. 90.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-4041. Оп. 3. Д. 629. Л. 2; Ф. Р-7544. Оп. 1. Д. 232. Л. 25; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 244. Л. 106 об.

⁵ ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 2. Д. 20. Л. 68.

⁶ См.: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2035. Л. 61; Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 1233. Л. 31; Д. 1236. Л. 9; ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 3094. Л. 40.

20 % домовладений города. В 1932 г. канализация была уже в четырех уральских городах, на горожанина Уральской области приходилось в среднем 3,2 куб. м канализации против 0,9 в 1930 г.¹ Однако удельный вес населения, пользовавшийся ею, оставался очень низким. Даже в 1935 г. только 16 % домов в городах Свердловской области были оснащены канализацией². В остальных городских поселениях действовала выгребная система ассенизации с вывозом нечистот примитивным способом – обозом. Но в 1930 г. коммунальные обозы действовали всего в 13 городах. В большинстве городов края для вывоза нечистот не могли, как раньше, использовать крестьянские обозы, так как лошади были задействованы на промышленных стройках. К тому же не хватало емкостей для ассенизации. К примеру, в 1931 г. Магнитогорск имел для этой цели всего 70 бочек и 3 цистерны, вместо требовавшихся по норме 500 бочек. Поэтому вывоз нечистот в Перми, Лысьве и других городах Урала не превышал 10–20 % от потребностей жителей региона³. Такое невнимание к санитарной очистке городов, как отметил в своем выступлении на июньском (1931 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) член Политбюро ЦК ВКП (б) Л.М. Каганович, объяснялось тем, что партийные и советские организации «считают позорным заниматься таким «нечистым» делом, как канализация, а между тем вопросы канализации являются вопросами охраны здоровья рабочих»⁴.

Сеть коммунальных бань в городах не могла удовлетворить даже десятой части потребности населения в них. В 1930 г. на одного горожанина Урала приходилось 5,6 помывок в год, в 1932 г. – 8,4 при норме в 36 помывок на человека в год⁵. Обследование промышленных районов региона, проведенное Уральской областной комиссией РКИ в 1931 г., выявило отсутствие городской бани в Лысьве, в Перми две бани обеспечивали не более 40 % потребностей горожан⁶.

Ситуация с коммунальным обслуживанием была особенно неблагоприятной на новостройках. 6 ноября 1931 г. Уральская областная комиссия РКИ доклады-

¹ Розет Г.И. Указ. соч. С. 4; ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 2. Д. 20. Л. 62.

² Хозяйство Свердловской области, 1935–1936: основные показатели. С. 215.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 462. Л. 90; ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 1235. Л. 4; Оп. 2. Д. 20. Л. 71; Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 214; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.

⁴ Цит. по: ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 2. Д. 98. Л. 11.

⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2522. Л. 86; Ф. Р-245. Оп. 2. Д. 20. Л. 62; Д. 98. Л. 11.

⁶ Розет Г.И. Указ. соч. С. 4; ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 1235. Л. 4.

вала в Наркомат РКИ РСФСР, что в Магнитогорске на 170 тыс. чел. действовало всего 9 бань с такой пропускной способностью, что каждый мог помыться один раз в 32 дня, что составляло 30 % эпидемиологической нормы. Но из-за частого отключения света и воды, недостатка топлива бани работали с перебоями. Из-за постоянной переполненности они находились в антисанитарном состоянии. Существовала и проблема с дезинсекцией одежды. Из имевшихся на строительстве 25 вошебоек работало всего 16, все они были устаревшего типа¹.

В 1930 г. на Урале не было коммунальных прачечных. Впоследствии они появились, но их сеть и мощность были такими, что в 1932 г. на одного горожанина приходилось всего 0,4 кг белья в год вместо установленной санитарной нормы в 4–5 кг на человека в месяц². На Магнитострое в 1931 г. прачечные удовлетворяли всего 12 % потребностей строителей в них³.

Санитарное состояние городов оставляло желать лучшего. Улицы Кыштыма, Магнитогорска, Красноуральска, городка Уралмашстроя и других поселений были завалены мусором, нечистотами, навозом, отбросами животных⁴. Ситуация на новостройках, к примеру, в Магнитогорске обострялась еще и тем, что на его окраинах стихийно выросли поселки из самовольно построенных переселенцами из соседних сельских районов землянок, юрт и шалашей. Они не поддавались никакому учету, в них отсутствовали элементарные коммунально-бытовые условия⁵.

Антисанитария царила и в столовых. К началу апреля 1931 г. общественным питанием, по неполным данным, было охвачено 35 % рабочих промышленных центров и 60 % трудящихся на новостройках Урала. Большинство столовых было перегружено, не хватало посуды. В Магнитогорске ложки обеспечивали менее 20 % потребностей в них, а вилок и ножей не было вообще. Повсеместно обычным явлением стала еда рабочих из общей или чужой посуды⁶. Персонал столовых был обеспечен спецодеждой на 20 %, рабочая форма их была грязной. Из-за не-

¹ ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 1233. Л. 3; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 20.

² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2522. Л. 86; Ф. Р-245. Оп. 2. Д. 20. Л. 62; Д. 98. Л. 11.

³ МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 20.

⁴ ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 2. Д. 98. Л. 11; ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 3094. Л. 42.

⁵ МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2035. Л. 6; Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 1233. Л. 4; Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 213.

достатка воды и мыла нечистыми были и руки работников столовых¹. В январе 1932 г. во время обследования столовой завода им. Дзержинского (Пермь) установили, что в обеды попадали тараканы, черви, мочала и проч. В некоторых столовых не было умывальников, рабочие обедали в верхней одежде, были случаи, когда хлеб доставляли в повозке, в которой только что вывозили мусор².

Тяжелое санитарно-эпидемическое состояние уральских городов и новостроек еще больше осложнилось ситуацией с санитарной обработкой новых контингентов рабочей силы. По постановлению Малого Президиума Уралоблисполкома от 10 декабря 1928 г. о борьбе с сыпным тифом для профилактики остроинфекционных болезней все прибывшие в промышленные центры края обязаны были пройти медосмотр и санитарную обработку, поставить прививку против оспы, выдержать временный карантин в специальных бараках изоляционно-пропускных пунктов³. Но это решение часто нарушалось, особенно на новостройках. В начале 1930-х гг. в Соликамске не было санитарной обработки прибывавших на строительство сезонных рабочих, хотя они контактировали с населением города. Осенью 1931 г. на Магнитострое из-за нехватки мест в бараках изоляционно-пропускного пункта новые рабочие нередко попадали в него уже после того, как переночевали в жилых бараках без предварительной санобработки. Но часто санобработка оказывалась бесполезной, так как на родственников вновь прибывших рабочих обязательные дезинфекционные процедуры не распространялись. К тому же прошедших санобработку рабочих могли поселить в один барак со вновь прибывшими и еще не прошедшими дезинфекционных процедур мигрантами. Часто в бараках изоляционно-пропускного пункта проживали вместе по несколько недель здоровые люди и недавно выписавшиеся из больницы после брюшного тифа⁴. В уральских городах изопроект стал настоящим рассадником инфекций.

В 1930–1931 гг. одним из основных источников занесения инфекций в Свердловск, Пермь, Соликамск и другие города был железнодорожный транс-

¹ ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 1233. Л. 4; Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 371.

² Чашин А.В. Воспроизводство населения Перми в 1920–1940 гг. С. 277.

³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2035. Л. 1.

⁴ ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 1233. Л. 3; Д. 1235. Л. 4; Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 350.

порт. Через городские вокзалы транзитом проходили огромные потоки людей, в том числе и беспризорники. Из-за отсутствия в населенных пунктах региона ночлежных домов и домов временного пребывания приезжие вынуждены были снимать жилье в городах, ухудшая эпидемиологическую обстановку в них¹. Более 15 % всех заболевших сыпным тифом в Миассе в январе–марте 1932 г. проживало в ночлежках в привокзальной части города².

Дополнительным фактором, негативно повлиявшим на сложную эпидемиологическую ситуацию в уральских городах, стало прибытие в регион спецпереселенцев³. В их состав вошли раскулаченные в ходе массовой коллективизации в стране. «Раскулаченных» размещали в спецпоселках, условия проживания в которых были очень тяжелыми. В 1932 г. в Известковом поселке Магнитогорска и спецпоселках Нижнего Тагила спецпереселенцы жили в шалашах, землянках или бараках с дырявыми крышами, не защищавшими от непогоды, с преимущественно земляными полами, семьи ютились на общих нарах или под ними, печей не хватало, в помещениях было сыро. В спецпоселках почти отсутствовала бытовая инфраструктура. В указанном году в Центральном поселке, в котором проживала основная масса спецпереселенцев Магнитогорска (30 тыс. чел.), из-за отсутствия воды в течение 1,5 мес. не работала единственная баня. Спецпереселенцы на строительстве Уралвагонзавода могли помыться в бане не более одного раза в течение 3–4 месяцев⁴. В Кизеле из-за нехватки воды для бытовых нужд использовали снег, а в Надеждинске воду брали из болотных речек. Повсюду в спецпоселках царили грязь и скученность. По данным на 1 июля 1934 г., на одного спецпереселенца в спецпоселках в Челябинской области приходилось всего 1,9 кв. м⁵.

Ситуация осложнялась проживанием в спецпоселках башкир, татар, марийцев и проч. Только в 1933 г. на Магнитострой с побережья Аральского моря были доставлены 4500 казахов-кочевников. В 1934 г. в Магнитогорске татары, казахи и

¹ ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 1235. Л. 25; Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 214; ОГАЧО. Ф. Р-386. Оп. 1. Д. 2. Л. 41; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 99.

² Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 324. Л. 6.

³ ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 1236. Л. 7.

⁴ Кириллов В.М. Указ. соч. С. 139–140; ОГАЧО. Ф. Р-386. Л. 16 об; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 189. Л. 139; Ф. 483. Оп. 8. Д. 395. Л. 95; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.

⁵ Челябинская область. 1917–1945 гг.: сб. док. и мат-лов. С. 272.

башкиры составляли 4 % всех жителей города¹. Они, исходя из своих религиозных представлений, отказывались убирать свое жилье, пользоваться туалетами и выгребными ямами, мыться в бане, ставить профилактические прививки². Не случайно спецпоселки стали основными очагами инфекционных заболеваний горожан. В 1931 г. в Магнитогорске на их долю приходилось до 70 % всех заболеваний брюшным и до 90 % сыпным тифом, в Надеждинске – 75 %³. Велика была и смертность от эпидемических заболеваний в них. Так, в спецпоселках Челябингля от различных инфекций скончалось в 1931 г. 35,4 % всех умерших спецпереселенцев, в 1932 г. – 36,8 и только в 1933 г. всего 3,4 %. В магнитогорской ссылке умерло в 1933 г. 3903 чел., а в 1934 г. – только 567 чел.⁴ Эпидемии в спецпоселках были опасны тем, что спецпереселенцы тесно контактировали с горожанами на производстве. Были случаи занесения инфекций из спецпоселков в районы проживания кадровых рабочих и их семей⁵.

Ухудшившееся санитарное состояние уральских городов, прежде всего промышленных центров и новостроек, создало основу для развития эпидемических заболеваний. На рубеже 1920–1930-х гг. регион вновь столкнулся с эпидемиями тифа, натуральной оспы и других остроинфекционных болезней, число которых удалось значительно сократить во второй половине 1920-х гг.

В 1929 г. эпидемиологическая ситуация в Магнитогорске обострилась настолько, что в июле заместитель начальника Магнитостроя Л.Г. Хращевский вынужден был предложить Троицкому окрздравотделу срочно провести медосмотр всех работников строительства и членов их семей. Весной 1930 г. началась эпидемия сыпного тифа в Молотове и на Уралмашстрое, а осенью того же года – в Челябинске, при этом 72,3 % заболевших приходилось на новостройки. Зимой 1930–1931 гг. эпидемия сыпного тифа охватила Пермь, Кизел, Надеждинск, Кушву, Березники, Тавду, Туринск; в мае 1931 г. – Свердловск, Соликамск, Асбест, Уралмедьстрой. Такое широкое распространение паразитарного тифа стало след-

¹ Челябинская область. 1917–1945 гг.: сб. док. и мат-лов. С. 272.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 189. Л.50.

³ ГАСО. Ф. Р–245. Оп. 1. Д. 1235. Л. 24; Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 3. Л. 214; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.

⁴ Рассчитано по: Челябинская область. 1917–1945 гг. Сб. док. и мат-лов. С. 167.

⁵ МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 73.

ствием антисанитарии и скученности в жилищах горожан. В 1930–1931 гг. была зафиксирована вспышка натуральной оспы в Магнитогорске, Челябинске, Березниках и Усолье¹. В первой половине 1931 г. в Перми, Молотове, Надеждинске, Кушве и Миассе, а также на новостройках увеличилось число заболевших брюшным тифом из-за напряженной обстановки с водоснабжением. Значительная часть эпидемических заболеваний падала на промышленные районы. В 1931 г. на них пришлось 66 % случаев заболевания сыпным и 69 % – брюшным тифом².

В августе 1931 г. эпидемия брюшного тифа в Магнитогорске приняла такие масштабы, что 18 августа стала предметом обсуждения СНК РСФСР, итогом которого было специальное постановление по данному вопросу. В порядке контроля за ходом выполнения этого решения в октябре того же года комиссия исполнения при СНК РСФСР под председательством Д.Е. Сулимова проанализировала медико-санитарное состояние Магнитостроя и пришла к неутешительному выводу: в городе не произошло коренного перелома в профилактике эпидемических заболеваний, несмотря на проделанную работу в этом направлении. И Магнитогорск, не успев до конца справиться с эпидемией брюшного тифа, в феврале 1932 г. столкнулся с ростом заболеваемости сыпным тифом³.

Зимой 1931–1932 гг. эпидемия сыпного тифа охватила все промышленные центры Урала и нарастала такими темпами, каких не было в регионе с 1921–1922 гг.⁴ Осенью 1932 г. эпидемия сыпного тифа повторилась в Магнитогорске, Златоусте и Надеждинске⁵, а в Перми, Челябинске и Свердловске – брюшного, но заболевших было в 2–3 раза меньше, чем в предыдущем году⁶. В начале 1933 г. Уралоблисполком с тревогой отмечал особое эпидемическое неблагополучие в Магнитогорске, Свердловске и Челябинске, в этих городах наблюдался резкий

¹ ГАСО. Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 3030. Л. 76, 110; Д. 2035. Л. 6; Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 3. Л. 214–215.

² ГАСО. Ф. Р–245. Оп. 1. Д. 1235. Л. 24; Д. 1236. Л. 7.

³ ГАСО. Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 3. Л. 351.

⁴ ГАСО. Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 3. Л. 334.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р–386. Оп. 1. Д. 1. Л. 16 об.; Архив ЗГО. Ф. Р–35. Оп. 1. Д. 324. Л. 28.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р–386. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

рост заболеваемости сыпным тифом. В некоторых районах края были зафиксированы случаи инфицирования натуральной оспой¹.

Постоянно повторявшиеся на протяжении 1930–1933 гг. эпидемии тифов привели к росту летальности от них. Если в 1928 г. в Уральской области от всех видов тифа погиб 1 % всех умерших горожан², то в 1933 г. только в рамках будущей Свердловской области – уже свыше 3 % (табл. 3.11 в приложении 3). При этом, если в 1928 г. от брюшного тифа и паратифа скончалось в 7,6 раз больше городских жителей Урала, чем от сыпного (326 чел. против 43 чел.), то в 1933 г., наоборот, от сыпного тифа умерло в 2,2 раза больше горожан, чем от брюшного тифа и паратифа, – 1397 чел. против 628 чел.³ Но были и города, где положение с летальностью от сыпного тифа было не таким катастрофическим. К примеру, в Перми в 1933 г., по подсчетам А.В. Чащина, по этой причине погибли 5,6 чел. на 1000 горожан⁴, тогда как в целом в городах будущей Свердловской области, по данным табл. 3.11 в приложении 3, смертность от сыпного тифа выросла до 9,7 чел.⁵ Аналогичная ситуация сложилась и в крупных городах будущей Челябинской области. Данные табл. 38 показывают высокую смертность горожан от тифов, а также многократное преобладание летального исхода от заболевания сыпным тифом над брюшным в 1932–1933 гг., за исключением Челябинска в 1932 г.

Выросло и число смертей от натуральной оспы. Только в Челябинске в 1932 г., по данным табл. 38, от этой инфекционной болезни погибало 15,6 чел. на каждую 1000 жителей. В дальнейшем произошло снижение летальности от оспы. В 1933 г. в Магнитогорске была зафиксирована смерть от нее в 1,8 чел. на 1000 умерших горожан, а в Челябинске – всего 0,6 чел. В городах будущей Свердловской области в указанный год от оспы погибло 164 чел. или 2,5 горожанина на 1000 скончавшихся жителей (см. табл. 3.11 в приложении 3). Все это свидетельствовало об ухудшении санитарного состояния уральских городов.

¹ МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 47. Л. 33.

² Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 34.

³ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 34; ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 172. Л. 1.

⁴ Чащин А.В. Воспроизводство населения Перми в 1920–1940 гг. С. 274.

⁵ Рассчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 172. Л. 1.

Причины смерти жителей Челябинска, Магнитогорска и Златоуста
в 1932–1933 гг. (на 1000 чел.)

Причина смерти горожан	Челябинск		Магнитогорск		Златоуст
	1932	1933	1932	1933	1933
Врожденная слабость (до 1 года)	н. св.	20,8	н. св.	21,2	43,6
Брюшной тиф	33,9	12,3	16,3	1,9	6,7
Сыпной тиф	25,9	27,3	23,1	16,1	36,9
Натуральная оспа	15,6	0,6	н. св.	1,8	0
Корь	52,4	55,2	75,2	26,2	73,5
Скарлатина	6,9	1,2	7,4	1,0	1,5
Коклюш	3,2	7,2	н. св.	7,1	9,9
Дифтерия	14,0	11,7	23,1	5,6	9,3
Грипп	21,8	13,9	н. св.	5,7	7,5
Дизентерия	9,7	11,7	12,1	8,3	11,6
Туберкулез	32,3	103,0	24,6	64,2	90,3
Малярия	0,6	1,4	0,6	2,5	1,2
Болезни сердца	49,8	69,0	н. св.	113,9	69,1
Болезни дыхательных путей (пневмония, бронхит)	229,3	133,0	н. св.	141,1	173,1
Рак	9,8	7,6	н. св.	1,9	11,9
Энтерит, диарея, колит	152,4	186,5	н. св.	263,4	124,3
Травмы	22,6	25,6	н. св.	25,5	25,3
Насильственная смерть	н. св.	15,4	н. св.	8,6	11,0
Старческая дряхлость	н. св.	34,9	н. св.	62,6	44,7
Прочие причины	319,8	261,7	н. св.	221,4	248,6
Всего умерло	1000	1000	1000	1000	1000

Данные табл. 3.11 в приложении 3 и 38 показывают значительную убыль горожан от детских инфекционных заболеваний. В 1932–1933 гг. в Челябинске от них погибло свыше 7 %, в Магнитогорске в 1932 г. – свыше 11 %, в Златоусте в 1933 г. – свыше 9 % скончавшихся горожан. В 1933 г. в городах будущей Свердловской области этот показатель был равен 7,8 %. Много детей погибало от энтерита и диареи. В 1933 г. в городах будущей Свердловской области удельный вес детей до 2-х лет, скончавшихся от этих болезней, составил 11 % всех умерших горожан (рассчитано по данным табл. 3.11 в приложении 3).

¹ Таблица составлена и рассчитана по: ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 107. Л. 1–1 об.; Д. 113. Л. 15–16 об.; 18–18 об.; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 40. Л. 54–54 об.

Детская смертность была особенно высокой на новостройках. За 8 мес. 1931 г. в Магнитогорске доля детей до 15 лет среди всех скончавшихся горожан составила 93 %. Ежемесячно в городе умирало до 10 % детей¹. На жизнеспособность маленьких горожан негативно влияли, во-первых, неблагоприятные жилищно-бытовые условия – жизнь во временном неблагоустроенном жилье с массой насекомых. Во-вторых, суровые климатические условия: холодная зима и жаркое лето. Многие дети, прибывшие из деревни, были плохо одеты, у них почти не было крепкой обуви. Это касалось, прежде всего, детей представителей нерусских народов. В-третьих, в Магнитогорске не было налажено детское питание. В-четвертых, катастрофически не хватало детских яслей и садов. Все перечисленные факторы способствовали высокой заболеваемости детей. Они страдали от малокровия, тяжелых форм рахита, которых не было в центральных регионах РСФСР, безбелковых голодных отеков как последствий тяжелых поносов при колитах и дизентерии и водяного рака (номы) как осложнения после кори и скарлатины. Были зафиксированы и случаи детской цинги (болезни Барлоу).

В условиях высокой заболеваемости и смертности маленьких жителей Магнитогорска система детского здравоохранения в городе была в стадии формирования. Только зимой 1930–1931 гг. в больнице Магнитостроя была выделена палата на 9 коек для детей с врачом-педиатром. Однако до апреля 1931 г. не было сестер по уходу за больными детьми. Первая амбулатория с детским приемом была организована в июле указанного года, через месяц в городе работало 5 педиатров. Но специальная педиатрическая помощь на дому была организована только для детей партийного актива, которых насчитывалось всего 150 чел. Все больные скарлатиной и дифтерией дети в обязательном порядке госпитализировались, им ставились профилактические прививки. А больных корью помещали в стационар только с тяжелыми осложнениями. Условия содержания детей в больнице оставляли желать лучшего. Из-за недостатка мест на железную койку для взрослых клали по два ребенка. Не было горшков, ванн, подкладочных клеенок, не хватало

¹ Рассчитано по: ГАСО. Ф. Р–245. Оп. 1. Д. 1233. Л. 6; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 57.

белья. С ростом инфекционной заболеваемости все больше больных детей оставалось в бараках без медицинской помощи. Ослабленный организм не мог сопротивляться болезни и дети, лишенные медицинской помощи, быстро погибали¹.

Опасная эпидемиологическая ситуация, сложившаяся в уральских городах в годы первой пятилетки, стала объектом пристального внимания властей всех уровней. СНК РСФСР в постановлении «О борьбе с эпидемиями» от 19 августа 1930 г. отмечал, что успех борьбы с ними зависел от темпов развертывания коммунального благоустройства населенных мест и сети противоэпидемических учреждений (заразных коек, дезинфекционных станций, бактериологических лабораторий и проч.). Не случайно российское правительство предложило субъектам, в том числе и Уральской области, обеспечить своевременное и полное больничное обслуживание сыпнотифозных и прочих острозаразных больных, а также выполнение санитарного обслуживания населения в районах, не благополучных в отношении паразитарных тифов. Для этого СНК РСФСР потребовал максимально обеспечить население коммунальными учреждениями и развернуть через средства массовой информации широкую пропаганду мероприятий по оздоровлению быта и борьбе с эпидемиями². 9 сентября 1931 г. СНК СССР, рассмотрев вопрос «О мероприятиях по улучшению санитарного состояния рабочих районов и поселков, рабочих общежитий и учреждений питания», предложил создать в системе органов здравоохранения специальную инспектуру по надзору за санитарным состоянием населенных мест и установить штраф за антисанитарное содержание поселков, общежитий и учреждений общественного питания³.

Президиум Уралоблисполкома 13 июля 1930 г., заслушав доклад облздравотдела «О состоянии дела здравоохранения на Урале», потребовал приспособить работу лечебно-профилактических учреждений к производственным условиям предприятий. Для этого организовать вечерние приемы трудящихся медицинскими работниками, расширить сеть пунктов первой помощи на предприятиях и яс-

¹ ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 1233. Л. 5–6; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 9, 57–60.

² Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925–1940: сб. док. и мат-лов. С. 141–145.

³ Там же. С. 170–171.

лей, устранить очереди в лечебных учреждениях. Особое внимание следовало уделить медико-санитарному обслуживанию районов новостроек – Уралмашстрою, Тракторострою, Магнитострою, Химстрою. Управления крупных новостроек обязаны были выделить здания для лечебных учреждений¹.

Областные власти, выполняя правительственные решения, взяли под особый контроль эпидемиологическую ситуацию в крае. По неполным данным, только с мая 1930 г. по февраль 1933 г. вопросы состояния здравоохранения и борьбы с эпидемиями в крае Уралобком ВКП (б) рассмотрел 5 раз (16 мая и 29 декабря 1930 г.; 27 июня, 14 августа и 17 октября 1931 г., 9 февраля 1933 г.)², Уралоблисполком – 4 раза (13 декабря 1930 г., 21 января, 6 и 18 ноября 1931 г., 8 января 1933 г.)³. 30 августа 1931 г. Уральская областная КК-РКИ обсудила вопрос о профилактических и санитарных мероприятиях на Магнитострое и обязала облздравотдел и Магнитогорский райКК-РКИ представлять в Президиум облКК-РКИ информацию о подекадном движении эпидемической заболеваемости в городе и принятых мерах по ее снижению⁴. 28–30 ноября 1931 г. состоялось областное партийное совещание, посвященное борьбе с эпидемией сыпного тифа. На нем особое внимание уделили проведению противоэпидемической работы в Магнитогорске, Надеждинске и Кизеле⁵. Данные вопросы стояли на повестке дня горсовета (27 августа 1931 г.) и горкома ВКП (б) (1 декабря 1932 г. и 15 июня 1933 г.) Магнитогорска; Березниковского райкома ВКП (б) (10 августа 1931 г.); Нижнетагильского горкома ВКП (б) (1 апреля 1933 г.)⁶ и проч.

Тяжелая эпидемическая обстановка в уральских городах в начале 1930-х гг. потребовала от местных властей чрезвычайных мер. В 1930 г. был создан общественный орган – областной штаб по борьбе с инфекциями, его деятельность была увязана с систематической работой по проведению санитарного минимума. В

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2522. Л. 32–33.

² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3905. Л. 185; ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 161 об.–162 об., 248, 286; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 639. Л. 23–26; Ф. 483. Оп. 8. Д. 395. Л. 95.

³ См.: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 3030. Л. 64; Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 1236. Л. 103; Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 214; Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 324. Л. 27; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 47. Л. 33.

⁴ ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 1233. Л. 10.

⁵ ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 301.

⁶ См.: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 3030. Л. 23; ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 15. Л. 30; ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 8. Д. 395. Л. 95; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 97; Д. 47. Л. 5–5 об.

1930–1931 гг. штаб направил специальные бригады в Асбест, Соликамск, Бакал, Мотовилиху и другие города. Одна из таких бригад провела значительную работу по привлечению общественности Кизела к борьбе с сыпным тифом. Под ее руководством жители рабочих барачков очистили свои жилища от возбудителей и переносчиков этого заболевания. В Магнитогорске подобная бригада помогла создать санитарный актив из строителей, который насчитывал свыше 1000 чел., для контроля за санитарным состоянием в городе¹. Штабы по борьбе с инфекциями и проведению санминимума были созданы и в городах Урала. Они получили чрезвычайные полномочия и проводили большую работу по санитарной очистке городской территории. В Соликамске в 1931 г. чрезвычайная тройка по борьбе с эпидемией сыпного тифа добилась строительства в районе вокзала санпропускного пункта, а в пос. Калинец – механической прачечной, контролировала ремонт дезинфекционного оборудования². В 1931–1932 гг. при Магнитогорском горсовете действовала чрезвычайная комиссия по борьбе с эпидемическими заболеваниями во главе с председателем горсовета Якушевым. Она помогала городским властям решать вопросы улучшения коммунально-бытового обслуживания населения³. В связи с непрекращавшимися инфекционными заболеваниями и низкой санитарной культурой горожан Уралобком ВКП (б) 3 ноября 1931 г. постановил организовать в Магнитогорске Институт социалистического здравоохранения и гигиены⁴.

В условиях нового роста заболеваний сыпным и брюшным тифами в декабре 1932 г. на Урале вновь была создана областная чрезвычайная комиссия по борьбе с эпидемиями. В Магнитогорске, в котором паразитарная инфекция дала в 5 раз больше заболеваний, чем в предыдущем году, по решению горкома ВКП (б) от 1 декабря 1932 г. приступила к работе чрезвычайная комиссия по борьбе с эпидемиями во главе с председателем горсовета Румянцевым, она действовала до марта 1933 г.⁵ Чрезвычайные органы по борьбе с эпидемиями позволили централизовать усилия областных и городских властей по решению этой проблемы и способство-

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 3030. Л. 110; Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 214.

² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 3030. Л. 34; Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 219.

³ МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 47. Л. 56–57.

⁴ ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 303.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-386. Оп. 1. Д. 1. Л. 16 об.; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 101; Д. 47. Л. 6, 13–14, 54–55.

вали вовлечению горожан в санитарное оздоровлению быта, что помогло справиться с инфекциями.

В начале 1930-х гг. противоэпидемические мероприятия в Уральской области впервые получили хорошую финансовую поддержку. Был создан областной эпидемический фонд. Если на нужды борьбы с эпидемиями в 1929/1930 г. было израсходовано 50 тыс. руб., то с октября 1930 г. по март 1931 г. включительно – свыше 90 тыс. руб., а в апреле – июне 1931 г. – еще 65 тыс. руб. На эти средства создали резервные эпидемические фонды мыла и белья. В городах ввели должности эпидемиологов. И благодаря предпринятым усилиям удалось ликвидировать опасность развития сыпного тифа¹. В дальнейшем подобные меры использовались и в условиях последующих эпидемий².

В целом работа по преодолению эпидемий шла в нескольких направлениях. Прежде всего, были приняты меры для выявления и своевременной госпитализации острозаразных больных. Но мощностей медицинских учреждений не хватало для всех больных. В 1929 г. на 10 тыс. жителей в промышленных центрах Урала приходилось 55,6 больничных коек, в то время как в Ленинградской области – 80,5, Центрально-Промышленной области – 69,4, на Северном Кавказе – 62,1 койки³. К тому же в условиях роста численности горожан обозначился тренд к снижению данного показателя. В 1929/30 г. на 1000 горожан области было уже в среднем 4,7 коек⁴.

Вместе с тем в 1931 г. на ряде новостроек (Уралмедьстрой, Магнитострой, Синарстрой, Стальмост и др.) и даже в Свердловске деятельность учреждений здравоохранения была организована таким образом, что только рабочие обеспечивались амбулаторной и коечной помощью. На них приходилось до 80–90 % всех посещений медицинских учреждений. Остальным горожанам, в том числе и членам семей рабочих, медпомощь почти не оказывалась. Больные оставались дома, становясь рассадниками опасных болезней. Но и для рабочих больницы бы-

¹ ГАСО. Ф. Р–245. Оп. 1. Д. 1235. Л. 25; Ф.Р–627. Оп. 1. Д. 3. Л. 214.

² ОГАЧО. Ф. Р–386. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

³ Материалы контрольных цифр хозяйства Урала на 1929–1930 год. С. 180; ГАРФ. Ф. Р–5469. Оп. 15. Д. 161. Л. 6.

⁴ ГАСО. Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 2522. Л. 138.

ла малодоступной. Из-за своей переполненности она обеспечивала коечной помощью всего 35 % нуждавшихся¹. В условиях эпидемий начала 1930-х гг. для изоляции острозаразных больных в практику вошло развертывание дополнительных эпидемических коек. Так, в декабре 1930 г. в Свердловске было организовано 280 таких коек, а в 1931 г. только в промышленных районах Уралобласти – 2733². Подобные меры были приняты и в других городах³.

Были и другие причины слабой госпитализации инфекционных больных. Во время эпидемий тифов 1932 г. в Магнитогорске, Златоусте и других городах ранняя диагностика остроинфекционных заболеваний была поставлена крайне слабо. В результате до 60–70 % больных тифом поступали в больницы с запозданием. До этого они контактировали со здоровыми людьми на производстве и по месту жительства, посещали городские бани, являясь источником распространения инфекции⁴. С марта 1932 г. в Златоусте бригады комсомольцев совместно с учащимися медтехникума начали регулярно обходить бараки, выявляя людей с подозрениями на тиф. Они немедленно отправлялись в больницу, а их жилье подвергалось дезинфекции⁵. Подобная работа проводилась во время октябрьской (1932 г.) эпидемии сыпного тифа городской общественностью и хозяйственно-бытовым аппаратом Надеждинска и других городов⁶. Все это позволило достаточно быстро ликвидировать очаги инфекций.

Больные тифом не только нередко поздно госпитализировались, но и часто выписывались из больницы без исследований на бацилловыделения из-за дефицита лабораторного оборудования для выполнения необходимых анализов и отсутствия квалифицированных кадров, как было в Магнитогорске в 1931 г., что также осложняло эпидемическую обстановку в городе⁷.

¹ Розет Г.И. Указ. соч. С. 7; ГАСО. Ф. Р–241. Оп. 2. Д. 3418. Л. 12; Ф. Р–245. Оп. 1. Д. 1236. Л. 5; Ф. Р–637. Оп. 1. Д. 3. Л. 350.

² ГАСО. Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 3030. Л. 80; Ф. Р–245. Оп. 1. Д. 1236. Л. 91.

³ См.: ОГАЧО. Ф. Р–1055. Оп. 2. Д. 37. Л. 33; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 95.

⁴ Архив ЗГО. Ф. Р–35. Оп. 1. Д. 324. Л. 29 об.–30; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 77.

⁵ Архив ЗГО. Ф. Р–35. Оп. 1. Д. 324. Л. 17, 28 об.–30.

⁶ ГАСО. Ф. Р–245. Оп. 1. Д. 1233. Л. 4; ОГАЧО. Ф. Р–386. Оп. 1. Д. 1. Л. 16 об.

⁷ ГАСО. Ф. Р–245. Оп. 1. Д. 1233. Л. 4.

В 1931 г. на новостройках неоднократно сама больница становилась очагом распространения инфекционных заболеваний. При нехватке так называемых «разных» отделений больные тифом размещались в палатах других отделений¹. Распространителем инфекций был и сам медперсонал, так как эпидемические работники проживали в общих бараках. К примеру, в марте 1932 г. в Магнитогорске заболел фельдшер Гаврилов, а с ним 14 его ближайших соседей по бараку. Санитарка Буничева заразила еще 6 чел. из своего дома. В связи с подобными случаями в городе было принято решение переселить эпидемический персонал в специальные помещения, их спецодежду в обязательном порядке ежедневно подвергать дезинфекции и дезинсекции².

В условиях эпидемий острозаразных инфекций начала 1930-х гг. не хватало медицинского персонала, особенно на новостройках. В 1929 г. на Магнитострой прибыло всего 4 врача. Они вынуждены были обслуживать 30-тысячное население строительства. К сентябрю 1930 г. в городе уже имелось 47 врачей на 36 тыс. жителей, а к концу 1931 г. – 142 врача и 425 средних медицинских работников при населении в 105 тыс. чел.³ В Челябинске, превращавшемся в крупный индустриальный центр союзного значения, на 10 тыс. горожан в 1928/29 г. было 13,4 врача, а в 1929/30 г. – только 12,5⁴. Из-за острой нехватки медицинских кадров в 1931 г. потребность во врачах была удовлетворена на Магнитогострое и Уралмедьстрое на 60 %, а на строительствах Уральского завода металлоконструкций (Верхняя Салда), Синарского трубного завода (Каменск) и других предприятий – всего на 8–10 %⁵. Не случайно Уралобком ВКП (б), рассмотрев 17 октября 1931 г. вопрос «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний», обязал заведующего облздравотделом Коновалова ходатайствовать перед Наркоматом здравоохранения РСФСР о дополнительном командировании на Урал 100

¹ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 3418. Л. 12.

² МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 25.

³ Сталинская стройка / сост. Н. Смелянский, В. Пикман, П. Мудров и др. Магнитогорск, 1939. С. 46; Чеха Н., Гун Р. Здравоохранение // Магнитогорск: краткая энциклопедия / под ред. Б.А. Никифорова. Магнитогорск, 2002. С. 130.

⁴ План строительства Челябинского индустриального центра: Здравоохранение. Челябинск, 1930. С. 16.

⁵ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 3418. Л. 12; Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 350.

врачей-лечебников, 20 санврачей и 5 врачей-эпидемиологов¹.

При остром дефиците медработников очень сложно было закрепить их на новостройках из-за плохих жилищно-бытовых условий. В 1931 г. на Магнитострое из-за нехватки жилья прибывавших врачей подселяли к уже жившим коллегам путем их уплотнения или селили в подсобных помещениях – кухнях, кладовых и туалетных комнатах и проч., которые иногда не имели отопления и электричества, хорошей крыши. Часть врачей, особенно семейных, столкнувшись с тяжелыми бытовыми условиями, стремилась уехать из города. Только в октябре 1931 г. прибыло 26 медработников, а уехало – 18².

Во время эпидемий для решения проблемы нехватки медицинских кадров в практику вошло командирование специалистов в сложные в эпидемическом отношении города. В марте 1929 г. для борьбы с сыпным тифом и малярией в Магнитогорск был направлен отряд во главе с санитарным врачом. Медики выявляли и своевременно изолировали больных, помогали создать при общежитиях здравячейки для проведения санитарной работы среди населения. Летом 1931 г. для борьбы с брюшным тифом в Магнитогорск прибыл специальный санитарный поезд. Медики работали в городе так самоотверженно, что были премированы денежными премиями. Осенью указанного года в связи с ростом заболеваний сыпным тифом в Кизел был направлен санврач Саккулин³. Подобные меры использовались и в отношении других городов⁴. В самих городах имевшиеся врачи и дезинфекторы в первую очередь направлялись в сложные эпидемиологические районы, как это было не раз в Магнитогорске. На время эпидемий весь городской медперсонал отзывался из отпусков, запрещались увольнения и использование медиков в иных сферах⁵.

Благодаря проделанной работе уже в 1932 г. в Магнитогорске только в Центральной больнице работало 516 врачей и медсестер, имевших законченное высшее и среднее медицинское образование. Для подготовки медкадров в городе бы-

¹ ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 286.

² МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 13.

³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 3030. Л. 10; Д. 2035. Л. 3-4; Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 1236. Л. 9; Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 371.

⁴ См.: ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 1236. Л. 9.

⁵ МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 82-83, 96.

ли открыты фельдшерско-акушерская школа и курсы повышения квалификации сестер, на которых обучалось около 1000 чел.¹

В сложной эпидемической обстановке начала 1933 г. уже 8 января Президиум Уралоблисполкома обязал областной здравотдел, директоров научно-исследовательских институтов, Пермского и Свердловского мединститутов и всех медтехникумов Урала мобилизовать врачебный персонал и студентов на борьбу с эпидемией сыпного тифа². Только за первое полугодие 1933 г. в пораженные тифом города и на новостройки было командировано свыше 950 врачей и представителей среднего медицинского персонала. Во всех районах, в которых в 1933 г. свирепствовала эпидемия тифа или была ее угроза, работали врачи в качестве уполномоченных обкома ВКП (б) и облздравотдела Урала³.

Предпринятые областными и городскими властями меры по расширению больничного коечного фонда и решению кадровой проблемы способствовали снижению эпидемической заболеваемости и летальности от нее.

Второе направление работы по преодолению эпидемий начала 1930-х гг. включало в себя широкий комплекс оздоровительных мероприятий. Прежде всего, была развернута массовая прививочная кампания. Первоначально прививки имели массовый характер только в отношении оспы⁴. Совнарком РСФСР своим постановлением от 19 августа 1930 г. «О борьбе с эпидемиями» ввел поголовное оспопрививание на всей территории республики⁵. Это решение сыграло значительную роль в борьбе с натуральной оспой. На всех новостройках Урала вводилось обязательное оспопрививание всех прибывавших на строительство рабочих и членов их семей. Органы здравоохранения региона строго контролировали этот процесс. В условиях нехватки специалистов в уральских городах были открыты курсы по подготовке оспопрививальниц, на которых лишь за весну 1931 г. уда-

¹ Сталинская стройка. С. 46.

² МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 47. Л. 33.

³ ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 2. Д. 98. Л. 11.

⁴ ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 1236. Л. 8.

⁵ Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925–1940: сб. док. и мат-лов. С. 141–145.

лось обучить 120 чел.¹ В итоге только в Магнитогорске в первой половине 1931 г. было сделано 100885 прививок против натуральной оспы, а всего в 1931 г. от нее, по данным облздравотдела, было привито свыше 1100 тыс. чел. Однако качество прививок было низким. В указанном году из 2 тыс. прививок, сделанных на Челябинкопях, удачными оказались всего 668 или треть прививок. Особое внимание областные и городские власти уделили прививкам против тифа, прежде всего, в основных промышленных районах, но массовыми они стали только с августа 1931 г. в связи с эпидемией брюшного тифа. В этот год на Магнитострое было сделано около 30 тыс. предохранительных противотифозных прививок, Челябинске – свыше 51,7 тыс., Свердловске – свыше 50 тыс.² В феврале 1932 г. в течение пяти суток на заводе им. Молотова (Пермь) были проведены массовые прививки против брюшного тифа, что позволило избежать эпидемии на предприятии³.

Развернулась работа по санитарной очистке городов, чтобы лишить основы эпидемию сыпного тифа⁴. В августе 1931 г. предприятия Свердловска активно включились в месячник санитарного оздоровления города, поддержав инициативу ударников завода им. Воеводина. Трудящиеся областного центра взяли на себя обязательства и по очистке жилья от грязи⁵. В Магнитогорске также проводились работы по санитарной очистке города и жилищ, выявлению источников заражения и их дезинфицированию, ликвидации мух и прочих насекомых⁶. В октябре 1931 г. в Златоусте комсомольцы начали поход за чистоту. К работе по санитарному оздоровлению городов подключилась общественность. Жены рабочих мартеновского цеха Лысьвенского завода начали поход за улучшение бытовых условий жизни металлургов, уделив особое внимание ремонту квартир и бараков, последние оснащались баками с кипяченой водой⁷. В 1932 г. здравпункт Пермского завода им. Молотова практиковал массовые оздоровительные кампании, назван-

¹ ГАСО. Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 3. Л. 214.

² ГАСО. Ф. Р–245. Оп. 1. Д. 1233. Л. 4; Д. 1236. Л. 8; Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 3. Л. 213; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 47.

³ Быховский Б.Б. Итоги годовой работы по снижению заболеваемости на заводе имени тов. Молотова // Пермский медицинский журнал. 1932. № 3–4. С. 8.

⁴ ГАСО. Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 3. Л. 214.

⁵ Уральский рабочий. 1931. 2 авг.

⁶ ГАСО. Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 3030. Л. 23; Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 3. Л. 286; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 47.

⁷ ГАРФ. Ф. А–314. Оп. 1. Д. 3747. Л. 1; Уральский рабочий. 1933. 26 нояб.

ные санитарными походами. Было проведено четыре таких мероприятия. Первый состоялся в феврале под девизом «За проведение санминимума», второй – в марте для предотвращения брюшного тифа, третий – в июне по поводу кишечных заболеваний, четвертый – по составлению плана оздоровительных мероприятий¹.

Для проведения дезинфекционных работ в условиях эпидемий не хватало специального оборудования. Для решения этой проблемы уже весной 1931 г. были введены в действие дезокамеры в Перми, Губахе, Карабаше, Магнитогорске, Челябинске и других городах. Началось строительство простейших дезокамерных установок: жаровых камер, вошебоек, серных камер и проч. Ими были обеспечены все промышленные центры. Но зимой 1930–1931 гг. их работа затруднялась дефицитом серы и формалина. На крупных новостройках (Уралмаш, Магнитогорск, Челябинский тракторострой, Карабаш, Губаха, Бакал) вступили в действие изопроникты и санпропускники. Подобные объекты строились в Березниках, Лысьве, Надеждинске, Тагилстрое². Областные и городские власти взяли под особый контроль строительство и использование коммунальных объектов. 14 декабря 1932 г. Уралоблисполком в условиях волны эпидемий обязал горсоветы в местностях со сложной эпидемической ситуацией установить для рабочих, служащих и их семей льготное пользование банями³. В уральских городах ускоренными темпами шло строительство водопровода и канализации⁴.

Одним из источников распространения брюшного тифа, дизентерии, пищевых отравлений стали предприятия общественного питания⁵. ЦК ВКП (б) в постановлении «О мерах улучшения общественного питания», принятом 19 августа 1931 г., отметил совершенно нетерпимое санитарное состояние на ряде предприятий общественного питания. Оно проявилось в антисанитарной обработке продуктов, небрежной мойке и обращении с посудой, плохом хранении продуктов, ведущем к их порче, отсутствии санитарного надзора на пищевых объектах. Для

¹ Быховский Б.Б. Указ. соч. С. 9.

² ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 213.

³ МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 99.

⁴ См.: Журавлева В.А. Градостроительство на Урале в 20–30-е гг. XX в. С. 65, 67.

⁵ О случаях отравления на уральских предприятиях см.: Чашин А.В. Воспроизводство населения Перми в 1920–1940 гг. С. 277; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 242. Л. 69.

улучшения работы столовых Наркомздраву и органам здравоохранения предписывалось установить наблюдение за санитарным состоянием всех предприятий общественного питания с привлечением виновных в допущении антисанитарного состояния столовых к ответственности¹.

Выполняя решения ЦК ВКП (б), в Магнитогорске уже в 1931 г. был усилен санитарно-общественный контроль за столовыми, к каждой из которых прикрепили врача. Помещения стали чище, а работники общественного питания – опрятнее. На Магнитострое открыли три диетические столовые². В июне 1931 г. в уральских городах был проведен смотр предприятий общественного питания и торговли пищевыми продуктами³, способствовавший улучшению их санитарного состояния. В 1932 г. на заводе им. Молотова в Перми тщательный санитарный надзор был установлен над заводскими кухнями. Более того, горздрав ввел новую должность санинспектора–пищевика, на которую назначали работниц и жен рабочих. Они прошли специальное обучение и присутствовали на кухне, контролируя процесс приготовления пищи. Был налажен надзор за состоянием цеховых столовых, посудой и бачками для питьевой воды⁴. Все эти меры способствовали санитарному оздоровлению предприятий общественного питания.

В случае, если не удавалось нормализовать эпидемиологическую обстановку в городах, прибегали к мерам государственного принуждения. В 1932 г. областная чрезвычайная комиссия постановила привлечь к судебной ответственности инспектора по коммунальной санитарии Златоуста Пластигина за неэффективные меры в условиях непрекращавшихся эпидемий брюшного тифа и натуральной оспы и директора колбасного завода в Миассе Шарова за антисанитарное состояние предприятия. В Магнитогорске в указанном году к уголовной ответственности была привлечена врач Путилина. Ее обвинили в несвоевременной госпитализации больных тифом, что привело к массовому заболеванию жильцов барака⁵. Всего же только в Златоусте было наложено штрафов за антисанитарное состояние на сум-

¹ КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 348–349.

² ГАСО. Ф. Р–245. Оп. 1. Д. 1233. Л. 4.

³ ГАСО. Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 3. Л. 213.

⁴ Быховский Б.Б. Указ. соч. С. 8–9.

⁵ Архив ЗГО. Ф. Р–35. Оп. 1. Д. 324. Л. 7, 27 об.; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 77.

му в 1933 г. в 6490 руб., в 1934 г. – 6200 руб.; к уголовной ответственности за нарушение санитарных правил было привлечено в 1933 г. 56 чел., 1934 г. – 30 чел.¹

Третьим направлением работы по преодолению эпидемий начала 1930-х гг. стала санитарно-просветительная работа, в которой участвовали санитарные и лечащие врачи, санитарный актив. Но первоначально проводить эту работу было сложно из-за недостатка компетентных кадров. Для решения данной проблемы в первой половине 1931 г. в Магнитогорске были организованы курсы по подготовке санпомощников (на 20 чел.) и дезинфекторов (на 15 чел.)². Санпросветработа проводилась в основном по тифу. Только в Магнитогорске в первой половине 1931 г. было проведено 909 лекций и бесед, состоялось 68 киносеансов и 85 радиопередач по данной тематике³. В эту работу включились и органы печати. Областные, городские и районные газеты освещали санитарное состояние городов и работу по его улучшению. На важнейших участках санитарной работы (в санпропускниках, банях, на строительстве коммунально-бытовых объектов) были созданы контрольные посты органов печати⁴.

Предпринятые меры помогли снизить масштабы эпидемий и уменьшить смертность от них. Магнитогорский горком ВКП (б) 15 июня 1933 г. констатировал, что удалось преодолеть эпидемии сыпного и брюшного тифов⁵. По данным табл. 38, за 1933 г. в Магнитогорске летальность от брюшного тифа сократилась на 14,4 чел. на 1000 умерших горожан, сыпного – на 7 чел.; в Челябинске в указанном году от брюшного тифа погибло на 21,6 чел. меньше на 1000 скончавшихся жителей, чем в предыдущем году, от оспы – на 15 чел. В целом в 1934 г. только в Челябинской области число заболевших тифом было в 4 раза меньше, чем в 1931 г.⁶ Аналогичные результаты были и в других городах.

Остроинфекционные заболевания получили такой размах и имели негативные для воспроизводства горожан последствия вследствие того, что тяжелая эпи-

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 319. Л. 27.

² МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 48.

³ Там же. Л. 46.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-386. Оп. 1. Д. 1. Л. 40–40 об.

⁵ МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 97.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 25. Л. 60.

демологическая обстановка в уральских городах была дополнена перебоями в обеспечении горожан продуктами питания, хроническим недоеданием¹ и голодом 1932–1933 гг. Уже в начале 1932 г. Уральская область испытывала серьезные затруднения со снабжением рабочих хлебом из-за систематического невыполнения предусмотренных центральным руководством планов завоза продуктов в регион. Так, в феврале 1932 г. трудящимся Ашинского завода недопоставили свыше 100 т муки². Утвержденный план поступления муки на второй квартал 1932 г. по Аше был выполнен на 90 %, а по Миньяру и Симу – на 50 %. В итоге весной указанного года месячный хлебный паек составил на Ашинском заводе – 18 кг на рабочего и 6 кг на членов его семьи, на Миньярском соответственно – 9 и 2 кг; на Симском – 5 и 4 кг. При этом домохозяйки не получили ничего. В мае 1932 г. партактив, работники учреждений, медики, учителя и пенсионеры данных рабочих поселков получили по 4 кг муки, а членам их семей не выдали ничего³.

14 июля 1932 г. уполномоченный Киселев в секретном донесении первому секретарю Уралобкома ВКП (б) И.Д. Кабакову и председателю Уральского обл-исполкома М.К. Ошвинцеву предупредил, что из-за срыва июньского плана завоза продовольствия Урал в лучшем случае обеспечен хлебом на 14–17 дней. 15 августа секретарь Уралобкома ВКП (б) Икс информировал И.Д. Кабакова о критическом положении со снабжением региона продуктами питания из-за прекращения поступления зерна извне. Заменить его местным было невозможно, так как уборочная кампания в крае только начиналась. Было невозможно нормализовать снабжение населения мясом, рыбой, крупой, сахаром и маслом. Этими продуктами обеспечивалась незначительная часть жителей края⁴.

К недопоставкам продовольственных товаров на Урал добавились просчеты в определении контингентов горожан, находившихся на рабочем снабжении. 7 января 1932 г. заместитель председателя Свердловского горсовета Попков докладывал в Уралобком ВКП (б), что фактическая численность населения города, сто-

¹ О влиянии недоедания на уровень инфекционных заболеваний и смертности населения в начале 1930-х гг. см.: Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 84.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 476. Л. 104.

³ Челябинская область. 1917–1945 гг. сб. док. и мат-лов. С. 267.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 476. Л. 39, 42, 44.

явшая на снабжении, оказалась на 29,8 тыс. чел. больше, чем утвержденная Уралснабом, в том числе по Уралмашстрою – на 12 тыс. чел. Более того, Уралснаб без согласования с городскими властями произвольно снизил утвержденный им же фонд муки на первый квартал указанного года на 4,5 %. В итоге в феврале служащие города и их дети были обеспечены продуктами на 60 %, а рабочие фабрики им. Ленина, электростанции и других предприятий во второй половине месяца не получили ничего. В марте этого же года из-за неправильного определения численности рабочих начались перебои с мукой на Невьянском цементном заводе¹.

В архивах сохранилась масса донесений с мест о тяжелом положении с продовольствием на предприятиях. В апреле 1932 г. 45 иностранных рабочих и специалистов (более половины из них были коммунистами), работавших на Надеждинском металлургическом заводе, решили уехать из СССР из-за неудовлетворительного снабжения их продуктами питания. В июне из-за систематических недопоставок продовольствия Нижнему Тагилу норма выдачи печеного хлеба была сокращена до минимума: вместо 800 г рабочие стали получать по 300 г в день, а в некоторых подразделениях Тагилстроя хлеб не выдавали вообще, заменив его крупой². В донесениях в Москву за апрель 1933 г. заместителя полномочного представителя ОГПУ по Уралу Тучкова говорилось о многодневной невыдаче хлеба рабочим и особенно членам их семей на Ашинском, Катавском и Нижнеуфалейском заводах, что привело к возмущению горожан. Рабочий Ашинского метзавода Кротких, член ВКП (б), говорил: «До чего мы докатились, наша страна завалилась в хлебе, а люди едят собак и кошек. У меня сосед Дубинин, рабочий кирпичного цеха, обдирает кошек, собак и ест. Я сначала не верил, а когда-то зашел к нему домой и убедился, что ребятишки его едят жареное кошачье мясо»³.

В уральских городах были отмечены и случаи голода. В архивах сохранились телеграммы 1400 пенсионеров Воткинска в Уральский обком ВКП (б), датированные 11 февраля и 2 марта 1933 г., о том, что они голодали⁴. Подобные тревож-

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 476. Л. 110, 137–138.

² Там же. Л. 109, 116.

³ Цит. по: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 97, 100 101.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 60, 71.

ные сообщения поступали и из других городов¹. Так на горожанах Урала сказался аграрный кризис начала 1930-х гг., обусловленный форсированной индустриализацией и коллективизацией.

Трудности в обеспечении населения продовольствием привели к формированию механизма нормированного распределения продуктов питания. Но карточная система не смогла решающим образом исправить кризисную ситуацию со снабжением, хотя и позволила горожанам в целом избежать голода². Вместе с тем постоянное недоедание вело к ослаблению организма и его способности сопротивляться болезням. А это, в свою очередь, стало дополнительным фактором для повышения уровня смертности горожан, особенно маленьких детей. Многие жители городов погибали от истощения и сопутствующих заболеваний, так как вынуждены были работать на производстве с полной нагрузкой, несмотря на слабость. С начала 1930-х гг. среди причин убыли горожан Урала появилась смерть от болезней на почве неполноты питания. В Свердловске по этой причине скончалось в 1931 г. 17 чел., 1932 г. – 97, 1933 г. – 303 чел.³; в Перми в 1932 г. – 32, 1933 г. – 127 чел.⁴ В целом в городах будущей Свердловской области, по данным табл. 3.11 в приложении 3, удельный вес скончавшихся от болезней на почве неполноты питания составил в 1933 г. 1,9 %, 1935 г. – 0,5, 1936 г. – 0,2 %. В 1933 г. уровень смертности от болезней неполноценного питания в городах будущей Свердловской области оказался чуть выше, чем в целом по городским поселениям РСФСР (1,8 %). Цифры умерших собственно от голода не сохранились. Сибирский ученый В.А. Исупов объясняет это тем, что «многочисленные смерти от голода не фиксировались советской статистикой умышленно. Сталин делает все от него зависящее, чтобы скрыть не только масштабы, но и сам факт голода. Сведения о голодных смертях не попадали даже в строго засекреченную статистическую доку-

¹ См., к примеру: Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг. Т. 1. С. 181, 193, 219–220, 225; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 247. Л. 25; Д. 248. Л. 33; Д. 476. Л. 40–41, 49, 53, 88, 145–146, Оп. 11. Д. 197. Л. 46–47, 50–50 об.; и др.

² Корнилов Г.Е. Голод 1932–1933 гг. на Урале. С. 67.

³ Чашин А.В. Воспроизводство населения Свердловска в 1923–1940-х годах. С. 280.

⁴ Чашин А.В. Воспроизводство населения Перми в 1920–1940 гг. С. 275.

ментацию»¹. Аналогичная ситуация была и в городах Челябинской области.

Одним из проявлений недоедания стала цинга. Малый президиум Уралоблисполкома 19 мая 1932 г. констатировал наличие 100 случаев этого заболевания в Нижнем Тагиле, 10 – Магнитогорске и 50 – в Полевском². В июне этого же года в Кизел, Губаху и Надеждинск были направлены противцинготные продукты (томаты и ревень)³. Но в июне 1932 г., по сообщениям Уралоблздравотдела, число заболевших цингой в городах региона возросло до 1227 чел., хотя в первой декаде 1932 г. их было 319 чел.⁴

Только с лета 1933 г. в уральских городах произошли качественные изменения в снабжении населения продовольствием и в организации общественного питания трудящихся масс. Немалую роль в этом сыграло создание столовыми собственных продовольственных баз. Так, в 1933 г. трест Нарпит Нижнего Тагила засадил картофелем площадь в 240,3 га, овощами – 89,2 га, зерновыми – 232 га⁵; фабрика-кухня Уралмашзавода (Свердловск) имела свинарник на 180 свиней, а столовая Нижнетагильского завода № 63 – свинарник, крольчатник и землю с огородными культурами. Подобные продовольственные базы были и при других предприятиях⁶. Нормализация централизованных поставок продовольствия и собственные заготовки позволили предприятиям общественного питания Урала улучшить качество питания, особенно для рабочих основных производств и передовиков производства. К примеру, горняки Челябкопий, горняки и коксовики Магнитогорского металлургического комбината, рабочие ведущих цехов Уралмаша и ЧТЗ, ударники получали обед из трех блюд, одно из которых было мясным, и 300 г хлеба⁷.

Система общественного питания позволила предприятиям поддержать физическое здоровье своих трудящихся. В 1932 г. в Уральской области действовали 683 столовых. Если в 1928 г. в них питалась 1/15 часть рабочих промышленности

¹ Цит. по: Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 96.

² Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг. Т. 1. С. 149.

³ Там же. С. 152.

⁴ Чашин А.В. Воспроизводство населения Свердловска в 1923–1940-х годах. С. 280.

⁵ ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 8. Д. 396. Л. 15.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 344. Л. 41–42, 55, 64, 68.

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 344. Л. 18–22.

Урала, то в 1935 г. – 85 %. В рационе рабочего заводские столовые обеспечивали до трети крупы, картофеля, овощей, 30–40 % мяса, рыбы, молочных продуктов, половину жиров¹. Только в 1935 г., с отменой карточной системы, значение общественного питания несколько снизилось.

Отголоски страшных голодных лет отразились в структуре смертности. В Свердловской области от болезней на почве неполноты питания умерло в 1935 г. 5,4 чел. на 1000 горожан, 1936 г. – 2,5 (см. табл. 3.11 в приложении 3). В последующие годы на Урале уже не было такой причины смерти населения городов.

В целом в 1929–1933 гг. главными причинами смерти горожан Урала были болезни экзогенного происхождения, которые вызывались негативными факторами внешней среды. К ним относились все виды тифов, натуральная оспа, дизентерия, скарлатина, корь и другие заболевания. Некоторые из них приводили к периодическим эпидемиям, которые развивались на почве хронического недоедания. Человеческий организм, ослабленный постоянным недоеданием, терял естественную иммунную защиту перед многочисленными инфекциями, приведшими к колоссальной смертности горожан.

Таким образом, промышленная модернизация Урала, развернувшаяся с конца 1920-х гг. и сопровождавшаяся стремительным ростом горожан, привела к ухудшению материального положения населения региона, обострению эпидемиологической ситуации и ввергла города края в 1933–первой половине 1934 гг. в демографическую катастрофу, при которой резко возросла смертность, она превысила рождаемость горожан.

Во второй половине 1934 г. в уральских городах началась демографическая регенерация (восстановление), демографическая подсистема стала переходить из состояния кризиса к состоянию условной нормы. В указанный год резко сократилась смертность. По данным табл. 37, в Свердловской области скончалось в 1,6, а в Челябинской – в 2,1 раза меньше горожан на 1000 жителей, чем в предыдущий год. При этом в Свердловской области коэффициент рождаемости населения го-

¹ Постников С.П., Фельдман М.А. Указ. соч. С. 251.

родов вырос на 1,4 или 6 %. В городах же Челябинской области был зафиксирован самый низкий уровень рождаемости за все 1930-е гг.

В 1934 г. благодаря снижению смертности в обеих областях Урала величина естественного прироста горожан вновь стала положительной, хотя уровень его оказался невысоким: на 1000 жителей родилось в Свердловской области на 2,8, а Челябинской – на 3,3 чел. больше, чем умерло (см. табл. 37). Так сказывались негативные последствия неполноты питания и эпидемий начала 1930-х гг. и особенно 1933 г. Коэффициенты естественного прироста горожан в 1934 г. уступали аналогичным показателям по областям Урала в целом и их сельской местности (в Свердловской области они составили соответственно 3,0 и 3,3, Челябинской – 8,2 и 11,5 ‰¹), но превышали цифры по городам Европейской части РСФСР, где разница между родившимися и умершими была всего в один чел. на 1000 жителей².

Крупные города с населением свыше 100 тыс. чел. реализовывали демографическую компенсацию медленнее основной массы городских поселений Урала. В 1934 г. смертность по-прежнему превышала рождаемость в Перми (на 6,3 чел. на каждую 1000 жителей), Нижнем Тагиле и Челябинске (на 0,2 чел.). В целом коэффициент естественного прироста в городах с населением от 100 тыс. чел. составил в Свердловской области 1,4, Челябинской – 2,7 ‰³, что было меньше общеобластных показателей естественного прироста горожан.

С 1935 г., по данным табл. 37, во всех уральских городах отмечался резкий рост рождаемости, пик которой пришелся на 1937 г. За 1934–1937 гг. коэффициент рождаемости горожан вырос в обеих уральских областях в 2 раза. При этом в 1937 г. в Свердловской области на 1000 горожан родилось на 2,1 чел. больше, чем в Челябинской. Определенную роль в этом демографическом явлении, сыграла, во-первых, компенсаторная волна рождаемости. Вынужденно отложенные во время демографической катастрофы начала 1930-х гг. беременности вызвали повышение рождаемости, зафиксированной в середине 1930-х гг., но действие ком-

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 53. Л. 3.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Л. 3.

пенсаторной волны оказалось недолгим, о чем свидетельствовала кратковременная стабилизация коэффициентов рождаемости горожан Урала уже в 1936 г. Во-вторых, свое влияние на повышение рождаемости оказало вступление в репродуктивный возраст женщин, родившихся перед Первой мировой войной¹. В-третьих, определенную роль сыграл приток в города лиц молодого детородного возраста, которые были задействованы на промышленных объектах, в строительстве и на транспорте². Именно за счет пришлого населения, а не в связи с более благоприятной демографической ситуацией произошло увеличение показателей рождаемости горожан, так как одновременно с ними в указанном году выросла и смертность населения городов (см. табл. 37).

Новый взлет рождаемости жителей городов в 1937 г. был обусловлен запретом на аборт³. В условиях почти полного отсутствия средств контрацепции аборт стали практически единственным способом контроля над рождаемостью. Но и действие этого императивного регулятора репродуктивного поведения было непродолжительным. По данным табл. 37, уже в следующем году обозначился тренд к уменьшению числа родившихся. В 1939 г. коэффициент рождаемости горожан в Челябинской области снизился до 42,8, Свердловской – 40,8. Спад рождаемости в городах Свердловской области за 1937–1939 гг. был более ощутимым и составил 13,7 %, тогда как в Челябинской – всего 5,3 %. В 1940 г в городах Пермской области, выделившейся из состава Свердловской, на каждую 1000 горожан рождалось 39,3 чел.⁴, что превышало аналогичный показатель по Свердловскому (37,1 чел.) и Челябинскому (37,3 чел.) регионам.

В целом даже в период демографической компенсации середины и второй половины 1930-х гг. в уральских городах так и не был восстановлен уровень рождаемости 1929 г. – 45,2 младенца на 1000 горожан (см.: табл. 36). Наряду с факто-

¹ Исупов В.И. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 103.

² Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. С. 16; Исупов В.А. Сталинский демографический ренессанс... С. 33.

³ См.: Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

⁴ Степанова Н.В. Указ. соч. С. 313.

рами, положительно влиявшими на динамику рождения, действовали и факторы тормозящего характера. Проявившийся в уральских городах в последней четверти 1930-х гг. тренд на снижение рождаемости был связан с воздействием промышленной модернизации на репродуктивное поведение горожанок. Женщины все больше втягивались в общественное производство, повышался их культурный и образовательный уровень, они стремились достичь успехов по службе, сделать карьеру, что неминуемо сказывалось на рождаемости. К тому же в 1930-е гг. изменилась экономическая ценность детей. Теперь благосостояние семьи не зависело от числа детей, как было в годы нэпа, когда дети кустарей и ремесленников помогали родителям в их хозяйственной деятельности. Горожане жили на фиксированную заработную плату. В условиях промышленной модернизации края чем меньше было детей, тем больше средств приходилось на отдельного члена семьи. Население СССР переходило к среднедетной и малодетной семье. В стране постепенно набирал силу процесс демографического перехода, характерный для стран на индустриальной стадии развития¹. Негативное влияние на уровень рождаемости оказали и массовые репрессии второй половины 1930-х гг.²

Важную роль в воспроизводстве населения играет интенсивность смертности. После выхода из демографической катастрофы 1933–первой половины 1934 гг., по данным табл. 37, происходит постепенное снижение коэффициента смертности горожан Урала – до 17 чел. на 1000 населения в 1935 г. На показатели смертности повлияло, во-первых, преодоление нехватки продовольствия в регионе, а во-вторых, сокращение наименее жизнеспособных слоев населения в период демографической катастрофы. Однако показатель смертности горожан был неустойчивым и постоянно колебался. В 1936–1937 гг. он вновь вырос до 27,6 (Свердловская область)–25,7 (Челябинская область), а в 1939 г. снова упал до 22,4 (Свердловская область)–23,2 (Челябинская область) ‰. В 1940 г. коэффициент

¹ Исупов В.И. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 103–104.

² См. более подробно: Земсков В.Н. ГУЛАГ (Историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 73; Исупов В.И. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 106.

убыли горожан Пермской области составил 26,2¹, он был хуже аналогичного показателя по городам Свердловской области – 25,6 (см. табл. 37).

Вследствие повышения рождаемости и снижения смертности в 1937–1939 гг. на Урале удалось достичь величины естественного прироста горожан 1929 г., хотя и не самого благополучного года для второй половины 1920-х гг., и даже иногда немного превысить его (см. табл. 36 и 37). Но уже в 1940 г. коэффициент воспроизводства населения городов упал в Свердловской области до 11,5; Челябинской – 14,7; Пермской – 13,1².

В целом во второй половине 1930-х гг. коэффициенты естественного прироста горожан Урала не были стабильными, резко колебались и на порядок уступали аналогичным показателям второй половины 1920-х гг. Таким образом, со второй половины 1930-х гг. в уральских городах потенциал роста численности городского населения за счет естественного движения, обеспечиваемый повышенной рождаемостью при сохранении значительного уровня смертности, фактически перестал работать. Воспроизводству городского населения Урала в 1930-е гг. были характерны все особенности демографического процесса, свойственные городам РСФСР в рассматриваемый период времени³.

Сохранившаяся демографическая статистика позволяет определить состав умерших горожан Урала по полу. Данные табл. 39 свидетельствуют о сверхсмертности мужчин среди жителей городов региона. В 1929–1938 гг. их удельный вес среди умерших горожан не опускался ниже 53,1 %, что было характерно и для 1926–1928 гг. (см. табл. 31). Однако в 1933 г. он поднялся до 56,6 (Челябинская область)–57,4 (Свердловская область) %, но уже в следующем году доля мужчин среди всех умерших горожан Свердловской области снизилась вновь до 53,6, а в 1939 г. – даже до 52,9 %; а Челябинской – до 54,8 (1934 г.)–54,4 (1936 г.) %.

Анализ данных табл. 39 показывает, что на протяжении 1929–1939 гг. уровень мужской смертности в городах Урала был выше, чем по области в целом и сельской местности региона. Исключение составляет 1934 г., когда на 1000 муж-

¹ Степанова Н.В. Указ. соч. С. 315.

² Там же. С. 313, 315.

³ См.: Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. С. 16–17.

чин–селян женщин умерло меньше, чем в городе. Таким образом, мужчины как физиологически менее устойчивая, но социально более активная группа горожан были сильнее женщин подвержены негативному воздействию внешней среды. На них легли основные тяготы экономических и политических событий 1930-х гг., что способствовало их сверхсмертности в этот период.

Таблица 39¹

Смертность населения в уральских городах по полу в 1929–1939 гг.

Год	Территория	Умерло, чел.	В том числе:		На 1000 умерших мужчин приходилось умерших женщин, чел.	Удельный вес мужчин среди умерших, %
			мужчины, чел.	женщины, чел.		
1	2	3	4	5	6	7
Уральская область						
1929	Город	41 871	22 299	19 572	878	53,3
	Село	166 058	86 576	79 482	918	52,1
	Область	207 929	108 875	99 054	910	52,4
1930	Город	53 259	28 286	24 973	883	53,1
	Село	151 897	79 395	72 502	913	52,3
	Область	205 156	107 681	97 475	905	52,5
1931	Город	69 674	37 440	32 234	861	53,7
	Село	152 611	79 702	72 909	915	52,2
	Область	222 285	117 142	105 143	898	52,7
1932	Город	93 965	50 890	43 075	846	54,2
	Село	122 060	64 816	57 244	883	53,1
	Область	216 025	115 706	100 319	867	53,6
1931	Город	69 674	37 440	32 234	861	53,7
	Село	152 611	79 702	72 909	915	52,2
	Область	222 285	117 142	105 143	898	52,7
1932	Город	93 965	50 890	43 075	846	54,2
	Село	122 060	64 816	57 244	883	53,1
	Область	216 025	115 706	100 319	867	53,6

¹ Таблица составлена и рассчитана по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 4–5; Д. 53. Л. 3; ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 30. Л. 1–2, 5; Д. 33. Л. 30–30 об.; Д. 170. Л. 2, 4–5; Д. 171. Л. 1; Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 2 об., 3 об., 4 об.; Д. 99. Л. 3 об., 4 об., 5 об.; Д. 100. Л. 4–6; Д. 101. Л. 1–6; ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 4. Д. 1118. Л. 272 об.–275 об.

1	2	3	4	5	6	7
Свердловская область						
1933	Город	65 636	37 670	27 966	742	57,4
	Село	85 033	47 197	37 836	802	55,5
	Область	150 669	84 867	65 802	775	56,3
1934	Город	46 641	25 019	21 622	864	53,6
	Село	59 910	32 360	27 550	851	54,0
	Область	106 551	57 379	49 172	857	53,9
1935	Город	36 821	19 747	17 074	865	53,6
	Село	49 719	25 789	23 930	928	51,9
	Область	86 540	45 536	41 004	900	52,6
1936	Город	51 668*	27 813	23 855	858	53,8
	Село	н. св.	н. св.	н. св.	н. св.	н. св.
	Область	н. св.	н. св.	н. св.	н. св.	н. св.
1937	Город	58 122	31 133	26 989	867	53,6
	Село	65 431	34 174	31 257	915	52,2
	Область	123 553	65 307	58 246	892	52,9
1938	Город	30 186	16 206	13 980	863	53,7
	Село	24 130	12 498	11 632	931	51,8
	Область	54 316	28 704	25 612	892	52,8
1939	Город	33 682	17 831	15 851	889	52,9
	Село	28 001	14 456	13 545	937	51,6
	Область	61 683	32 287	29 396	910	52,3
Челябинская область						
1933	Город	38 966	22 070	16 896	766	56,6
	Село	58 628	32 557	26 071	801	55,5
	Область	97 594	54 627	42 967	787	56,0
1934	Город	23 099	12 648	10 451	826	54,8
	Село	39 191	21 170	18 021	851	54,0
	Область	62 290	33 818	28 472	842	54,3
1936	Город	27 096	14 728	12 368	840	54,4
	Село	49 943	н. св.	н. св.	н. св.	н. св.
	Область	77 039	н. св.	н. св.	н. св.	н. св.

* Данные за 1936 г. по городам Свердловской области не совпадают с данными табл. 37, но они позволяют проследить тенденцию в смертности горожан региона по полу.

Наиболее масштабными мужские потери, по данным табл. 39, были в 1933 г. Но в указанный год в крупных городах с населением свыше 50 тыс. чел. ситуация была еще хуже: на 1000 скончавшихся горожан Свердловской области умерла 721 горожанка, Челябинской – 719, в то время как в 1931 г. в аналогичных городах Уральской области на 1000 умерших мужчин скончалось 863 женщины¹. В 1933 г. наибольшие потери мужчин были в Надеждинске, где аналогичные показатели составили 507 чел., Челябинске (670), Усолье с Березниками (687).

В других крупных промышленных центрах Урала разрыв между числом скончавшихся мужчин и женщин был меньше, чем в среднем по городам Свердловской и Челябинской областей. В Перми на 1000 мужчин умерли 732 женщины, Нижнем Тагиле – 743, Свердловске – 753, Магнитогорске – 754, Златоусте – 818, Лысьве – 853, Молотово – 934 женщины².

В 1934 г. в крупных уральских городах с населением свыше 100 тыс. чел. сохранилась сверхсмертность мужчин. В аналогичных поселениях Свердловской области умирало на 154 женщины меньше на каждую 1000 мужчин, в Челябинской – на 213 чел. При этом диспропорция между умершими мужчинами и женщинами составила в Магнитогорске – 303 чел., Свердловске – 193, Златоусте – 190, Челябинске – 163, Нижнем Тагиле – 141, а Перми – всего 85 чел.³ В последующие годы, по данным табл. 39, в городах Урала разница между числом умерших мужчин и женщин постепенно стала сокращаться, составив в 1939 г. городах Свердловской области всего 111 чел. Однако этот разрыв по-прежнему был выше, чем по области в целом (90 чел.) и сельской местности (63 чел.) данного региона.

Данные табл. 40 свидетельствуют о том, что в городах Урала мужчин умирало больше, чем женщин, вплоть до 60 лет и выше. Но наименьшие диспропорции между числом скончавшихся представителей противоположных полов были в младшей возрастной группе (0–9 лет). В последующих возрастных когортах мужская смертность постепенно возрастала, достигая своего пика в трудоспособном

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 4–5; ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 170. Л. 2.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 4–5.

³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 53. Л. 3.

возрасте. А в возрастной когорте 60 лет и старше, наоборот, женщин умирало гораздо больше, чем мужчин, так как последние интенсивнее вымирали в более молодых возрастах. Наибольшие диспропорции между умершими горожанами по полу были зафиксированы в 1933 г. В городах будущей Свердловской области на каждую скончавшуюся горожанку в трудоспособном возрасте приходилось примерно по два умерших горожанина в возрасте 20–59 лет. Мужчины оказались менее жизнестойкими в сложных социально-экономических обстоятельствах.

Таблица 40¹

Половозрастной состав умерших горожан в Уральской и Свердловской областях в 1932–1937 гг. (число умерших женщин на 1000 мужчин)

Возрастная группа	Уральская область	Свердловская область			
	1932 г.	1933 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
0–9 лет	885	862	871	864	877
10–19 лет	818	659	807	874	833
20–59 лет	682	518	686	683	670
60 лет и выше	1063	1028	1304	1249	1299
Неизвестный возраст	444	333	706	625	361

На протяжении всего периода промышленной модернизации края, по данным табл. 41, наиболее высокие показатели смертности характерны для детей от 0 до 4 лет. На их долю приходилось от половины и более всех скончавшихся горожан Урала. Исключение составил 1933 г., но в этот год в городских поселениях, впоследствии вошедших в состав Свердловской области, была зафиксирована, как отмечалось выше, самая низкая рождаемость за все 1930-е гг. (см. табл. 37). К тому же при повышенной гибели младенцев до одного года в предыдущие годы детей, доживших до 1–4 лет, было немного. В 1933 г. уровень смертности горожан будущей Свердловской области в возрасте 0–4 лет значительно превышал аналогичный показатель по РСФСР – 41,6 против 34,6 %². В дальнейшем с восстановлением рождаемости проявилась тенденция к росту младенческой и детской (до

¹ Таблица составлена и рассчитана по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 171. Л. 1–1 об.; Д. 172. Л. 3 об.; Ф.Р–1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 2 об.; Д. 99. Л. 4 об.; Д. 100. Л. 3.

² Исулов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 94.

4-х лет) смертности. В городах Свердловской области исключением стал 1935 г., когда доля возрастной категории 1–4 года упала до 17,6 % среди всех скончавшихся, что стало отголоском низкой рождаемости и высокой смертности детей до 5 лет в начале 1930-х гг.

Таблица 41¹

Распределение умерших горожан Урала по возрастным группам
в 1932–1939 гг., в %

Возрастная группа	Уральская область	Свердловская область					Челябинская область	
	1932 г.	1933 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	
До 1 года	30,6	20,5	34,3	38,4	42,4	39,1	40,3	
1–4	23,4	21,1	17,6	22,2	22,5	23,4	26,5	
5–9	3,7	3,8	4,8	4,5	3,6	2,2	1,8	
10–14	1,1	1,3	2,0	1,9	1,3	1,4	1,2	
15–19	2,3	2,2	1,9	1,7	1,4	1,3	1,3	
20–39	11,6	13,4	13,1	11,0	10,1	11,2	9,7	
40–59	11,5	16,1	11,5	9,5	8,5	10,5	8,8	
60–69	6,4	8,8	6,4	5,1	4,6	2,6	2,4	
70 лет и выше	8,0	9,9	7,4	5,6	5,5	8,2	8,0	
Неизвест. возраст	1,4	2,9	1,0	0,1	0,1	0,1	0,0	
Итого	100	100	100	100	100	100	100	

Демографическая катастрофа тяжело отразилась на старшей возрастной когорте. Если в 1932 г. в Уралобласти на долю стариков от 60 лет и старше пришлось 14,4 % всех умерших горожан, то в 1933 г. в будущей Свердловской области – уже 18,7 % (табл. 41), хотя это было ниже аналогичного общероссийского показателя (свыше 23 %²). В последующие годы доля этой возрастной когорты в общей смертности горожан стала снижаться, составив в 1937–1939 гг. чуть выше 10 % в городах Свердловской и Челябинской областей.

Таким образом, в 1933 г. самыми незащищенными возрастными группами горожан Урала оказались дети моложе пяти лет и старики старше 60 лет, на них

¹ Таблица составлена и рассчитана по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 171. Л. 1–1 об.; Д. 172. Л. 3 об.; Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 2 об.; Д. 99. Л. 4 об.; Д. 100. Л. 3; ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 6. Д. 789. Л. 140 об.; Оп. 7. Д. 487. Л. 75 об.

² Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 94.

пришлась основная часть скончавшихся жителей городов края.

По данным табл. 41, достаточно высокой была доля лиц трудоспособного возраста среди скончавшихся горожан. Причем в 1933 г. в будущей Свердловской области удельный вес умерших горожан в возрасте 20–59 лет поднялся до 29,5 %, превзойдя аналогичные показатели 1932 г. по городам Уральской области (23,1 %), но уступая данным по городским поселениям РСФСР (32,4 %¹). В дальнейшем он постепенно начал снижаться, достигнув в городах Свердловской области в 1937 г. 18,6 %. Для Челябинского региона также была характерна эта тенденция: доля жителей в возрасте 20–59 лет составила в 1938 г. 21,7, 1939 г. – 18,5 % среди всех умерших горожан области.

В табл. 3.11 приложения 3 представлена структура причин смертности горожан Урала в 1933–1939 гг. В годы промышленной модернизации, как и в 1920-е гг., жители городов региона умирали от болезней экзогенного происхождения, обусловленных негативными факторами внешней среды. По-прежнему наиболее распространенными причинами смерти были заболевания, входившие в группу эндемических, эпидемических и инфекционных болезней, от которых погибло свыше трети всех скончавшихся горожан. Но здесь произошли важные изменения. С середины 1930-х гг. на динамику смертности стали действовать и другие факторы, прежде всего деятельность государства по развитию здравоохранения. Государство не в состоянии было понизить смертность, но и благодаря предпринимаемым мерам не позволяло увеличиваться ее показателям. Работа органов здравоохранения привела к определенным качественным изменениям в структуре смертности горожан Урала.

Значительно снизилась остроинфекционная заболеваемость и летальность от различных видов тифа и натуральной оспы. В результате обязательного оспопрививания уже в 1934 г. число заболевших натуральной оспой в Челябинской области сократилось на 6 % по сравнению с 1931 г.² Во второй половине 1930-х гг., по данным табл. 3.11 в приложении 3, в городах Свердловской области не было за-

¹ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 94.

² ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 25. Л. 60.

фиксировано ни одного случая смерти от натуральной оспы, а в городах Челябинского региона за этот период от нее умер всего один человек – в 1937 г.¹ Таким образом, уже к 1936 г. натуральная оспа на всей территории Урала, как и страны в целом, была ликвидирована².

Аналогичная ситуация сложилась с сыпным тифом. Крупные эпидемии его ушли в прошлое, но локальные эпидемии на протяжении всей второй половины 1930-х гг. были нередким явлением, хотя и носили спорадический характер. Однако смертность от сыпного тифа значительно снизилась. За 1933–1938 гг. летальность от него только в городах Свердловской области сократилось в 93 раза – с 1397 до 15 случаев³. В 1938–1939 гг. на Урале, по данным табл. 3.11 в приложении 3, число погибших от сыпного тифа не выходило за рамки 0,5 чел. на 1000 скончавшихся горожан. Продолжилось дальнейшее снижение заболеваемости брюшным тифом. Если в Челябинске в 1934 г. было зарегистрировано 1662 заболевших этой инфекцией, то за 8 мес. 1936 г. – только 94, в Магнитогорске соответственно – 141 и 23, Златоусте – 349 и 58, Шадринске – 98 и 66⁴. В результате за 1933–1938 гг. только в Свердловской области число погибших от брюшного тифа горожан сократилось почти в 5 раз – с 628 до 133 чел. По данным табл. 3.11 в приложении 3, на Урале в 1938–1939 гг. от брюшного тифа и паратифа умирало в среднем всего 5 чел. на каждую 1000 горожан.

Во второй половине 1930-х гг. в городах края увеличилась частота заболеваемости и смерти от малярии. В 1934 г. на Урале произошла вспышка малярии. Только в Магнитогорске заболело свыше 14,7 тыс. чел., а Копейске – свыше 16 тыс. чел.⁵ Ситуация была настолько серьезной, что Наркомат здравоохранения РСФСР своим решением от 17 апреля 1934 г. командировал в Челябинск сотрудника Тропического института для оказания региону помощи в борьбе с малярией. Всего же в указанный год на Урал было направлено 45 врачей. В Свердловске состоялось совещание эпидемиологов области, в котором приняли участие научные

¹ ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 5. Д. 488. Л. 18.

² Бароян О.В. Указ. соч. С. 31; Васильев К.Г. Указ. соч. С. 131.

³ ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 1. Д. 172. Л. 1; Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 101. Л. 4.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 24. Л. 3–4 об.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 4. Д. 1. Л. 51.

работники, задействованные в ликвидации вспышки этой инфекции в 1933 г.¹

Важное значение для проведения противомаларийных мероприятий имело постановление СНК СССР от 20 мая 1934 г. «О мероприятиях по борьбе с малярией»², определившее основные направления противомаларийной работы в стране и возложившее ответственность за их осуществление на местные органы власти. Было предусмотрено выделение противомаларийных препаратов, средств механической защиты, а также издания методических руководств и инструкций по борьбе с заболеванием. В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 2 июля 1934 г. «О мероприятиях по борьбе с малярией и предупреждению малярийных заболеваний»³ при здравотделе Челябинской области была создана специальная оперативная группа. В регионе также на основании решений общесоюзного и российского правительств была открыта областная противомаларийная станция, в городах создана сеть противомаларийных учреждений. Всего же в 1940 г. в Челябинской области функционировали 14 противомаларийных станций и 18 противомаларийных пунктов⁴. В 1935 г. в связи с ростом заболеваемости и смертности от малярии малярийный отдел Свердловского института эпидемиологии и микробиологии был преобразован в областную малярийную станцию со структурными подразделениями в городах⁵.

Вновь созданные на Урале организации возглавили всю противомаларийную работу в областях, которая стала носить комплексный характер. Во-первых, в 1936–1937 гг. в уральских городах и рабочих поселках начались гидротехнические работы по уничтожению и предупреждению образования мест выплода комаров. В водоемах расселялись рыбки гамбузии, пожиравшие личинки комаров. Мелкие заболоченные места подвергались четырехкратному нефтеванию; заболоченные поймы рек трехкратно опылялись с самолетов парижской зеленью. В 1936 г. только в районе Магнитогорска подобным образом было обработано 118 га

¹ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 4545. Л. 1–1 об.

² См.: Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925–1940: сб. док. и мат-лов. С. 207–208.

³ См.: Там же. С. 209–219.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 4. Д. 1. Л. 51, 54.

⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4329. Л. 114.

земли. Во-вторых, были приняты меры для предохранения здоровых людей от укусов комаров и, следовательно, инфицирования малярией. В особо неблагоприятных с точки зрения заболевания малярией районах на окна устанавливали металлические сетки или их затягивали марлей. В-третьих, для горожан проводились специальные радиопередачи и демонстрировался кинофильм «Крылатый враг», посвященные малярии. В-четвертых, на Урале было организовано лечение малярийных больных на дому¹. Все заболевшие бесперебойно снабжались хинином и другими лечебными препаратами. К примеру, если в Магнитогорск в 1934 г. было доставлено 50 кг хинина, то в 1936 г. – уже 208, причем помимо него в город завезли и новые противомаларийные препараты отечественного производства – акрихин и плазмоцид. Все это позволило снизить заболеваемость малярией в Магнитогорске только за один 1936 г. с 6155 до 5159 случаев². Принятые меры дали положительные результаты. Летальность от малярии снизилась в Свердловской области за 1935–1938 гг. с одного до 0,6 чел. на 1000 горожан; в Челябинской только за 1939 г. число погибших от этой инфекции сократилось с 3,7 до 1,7 чел. на 1000 горожан (см. табл. 3.11 в приложении 3).

Сохранялась высокая смертность от детских инфекций – кори, коклюша, скарлатины и дифтерии. В 1935–1939 гг. от них погибло, по данным табл. 3.11 в приложении 3, от 10 до 20 % всех умерших горожан Урала. Настоящим бедствием была корь. В секретных донесениях ЦУНХУ в СНК СССР в 1937 г. заболевание детей этой инфекцией рассматривалось как «фактическая эпидемия», охватившая в основном города³. В городах Свердловской области пик смертности от кори пришелся на 1937 гг., когда от нее погибло 7289 чел., то есть почти в 4 раза больше, чем в 1935 г.⁴ В дальнейшем эпидемия кори резко пошла на спад, снизилась и летальность от нее. В городах Челябинской области высокий удельный вес смертности от кори сохранился в течение 1937–1939 гг. (см. табл. 3.11 в приложении 3).

Но лидером среди причин смертности в группе эндемических, эпидемиче-

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4329. Л. 114 об.-115; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 224. Л. 12–13.

² МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 224. Л. 12–13.

³ Жиромская В.Б. Экология и смертность населения РСФСР в 1930-е годы. С. 108.

⁴ Рассчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 2 об.; Д. 100. Л. 3.

ских и инфекционных заболеваний по-прежнему был туберкулез, особенно дыхательных органов, летальность от него имела тенденцию к увеличению. В Уральской области в 1929 г. от туберкулеза легких погибло 8,1 % всех скончавшихся горожан региона¹, в Свердловской области в 1933 г. – 8,4 %, а в 1935 г. – уже 12 % всех умерших жителей городов этого региона. Во второй половине 1930-х гг. удельный вес смертности от туберкулеза легких среди всех причин гибели горожан не опускался ниже 9,2 % в Свердловской и 10 % в Челябинской областях (см. табл. 3.11 в приложении 3). На Урале смертность от туберкулеза была выше, чем в Российской Федерации. Если доля погибших от него в 1938 г. составила в Свердловской области 12,9 % всех скончавшихся горожан, в Челябинской – 13,9, а в следующем году – 11,5 %, то в городских поселениях РСФСР в 1940 г. – 10,8 %². Факторами риска возникновения туберкулеза по-прежнему были работа на вредных производствах, частые переохлаждения, хронические заболевания внутренних органов в стадии декомпенсации, алкоголизм и проч.

В 1933–1936 гг. в городах Свердловской области на втором месте по частоте, по данным табл. 3.11 в приложении 3, стояла смертность от болезней органов пищеварения, а на третьем месте – от болезней органов дыхания. Но в 1937–1938 гг. они поменялись местами. В городах Челябинской области в 1937–1939 гг. число умерших от болезней органов дыхания также превысило количество погибших от заболеваний органов пищеварения. От болезней органов пищеварения погибали, прежде всего, малыши. На долю детских энтеритов и диарей до 2-х лет приходилось от 62 до 85 % всех смертей по данной причине в городах Свердловской области в 1933–1937 гг. и от 85 до 89 % в городах Челябинской области в 1937–1939 гг. У горожан свыше 2-х лет смертность от энтерита и колита была наиболее высокой в 1933 г. – 49,3 чел. на каждую 1000 умершего населения городов Свердловской области (см. табл. 3.11 в приложении 3). В последующие годы летальность от этих заболеваний стала снижаться, составив в 1938 г. примерно 6 чел. на 1000 скончавшихся горожан Урала.

¹ ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 30. Л. 136–136 об.

² Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 116.

Среди причин смерти от болезней органов дыхания лидировал бронхит, от него погибло от 110,7 (1935 г.) до 153,2 (1937 г.) чел. в Свердловской области в 1933–1938 гг. и от 159,7 (1939 г.) до 171,6 (1937 г.) чел. в Челябинской на 1000 умерших горожан. Во второй половине 1930-х гг. от воспаления легких и бронхита умирало больше горожан, чем на рубеже 1920–1930-х гг. В 1929 г. доля жителей городов Уральской области, скончавшихся от указанных болезней, составила 14,1 %, в 1930 г. – 11,2 %¹, а в 1937–1938 гг. в городах Свердловской и Челябинской областей – уже около и даже свыше 18 %, что соответствовало общероссийским показателям. В 1940 г. в городских поселениях РСФСР умерло от воспаления легких и болезней верхних дыхательных путей 18,6 % всех скончавшихся².

Распространенность простудных заболеваний, к которым относится бронхит, как причины смерти горожан объясняется не только тяжелыми жилищными условиями, но и недостатком спецодежды на промышленных объектах. К примеру, в докладной записке в Уралобком ВКП (б) от 3 декабря 1931 г. о состоянии дел на городском строительстве в Свердловске говорилось об обеспеченности рабочих спецодеждой на 10–15 %, что вынуждало их часто убегать с объектов погреться³. Не случайно, как показывают данные табл. 38, в Челябинске в 1932 г. от болезней дыхательных путей погибло наибольшее число горожан – 23 % умерших. Аналогичная ситуация сложилась и в Златоусте в 1933 г., когда по этой причине скончалось 17,3 % умерших.

Четвертую позицию в структуре причин смертности городского населения Урала в 1933–1939 гг. занимали болезни органов кровообращения, от которых умирало в среднем 5–7 % горожан. Сохранившиеся статистические данные показывают (см. табл. 3.11 в приложении 3), что в год демографической катастрофы (1933 г.) в городах, впоследствии вошедших в состав Свердловской области, доля смертности по данной причине увеличилась до 9,2 %. В основном умирали от болезни сердца. Если в 1935–1939 гг. удельный вес этой группы болезней в общей

¹ ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 30. Л. 136–136 об.; Д. 33. Л. 53.

² Исулов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 116.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 703. Л. 51.

смертности горожан Урала колебался в рамках 5–6 %, то в 1933 г. в городах будущей Свердловской области он составил 8 % (см. табл. 3.11 в приложении 3), а в Магнитогорске – даже 11,4 % (см. табл. 38). Такое увеличение смертности от заболевания сердца было обусловлено неблагоприятными условиями жизни и тяжелой психологической обстановкой в обществе в начале 1930-х гг. В городских поселениях РСФСР в 1940 г. доля смертности от болезней сердца достигла 8,4 % от всех умерших¹.

Особую группу причин смерти составлял травматизм, он усилился с развитием индустриализации. По данным табл. 3.11 в приложении 3 и 38, в 1932–1933 гг. в трех крупных городах будущей Челябинской области и в целом в городских поселениях будущей Свердловской области от травм погибло свыше 2 % умерших. В 1935–1939 гг. в уральских городах по этой причине умерло уже от 3,1 до 3,7 % всех скончавшихся, что не выходило за рамки аналогичного показателя по городам Европейской России (3,5 %²). Жертв самоубийств и убийств было мало.

Обращает на себя внимание значительное снижение удельного веса такой причины гибели населения как старческая дряхлость. В 1926–1928 гг. в Уральской области от нее умирало в среднем 3,7–4,1 % скончавшихся горожан (см. табл. 33), а в Свердловской и Челябинской областях в 1936–1939 гг. – в пределах 1,9–2,4 % (см. табл. 3.11 в приложении 3), то есть в два раза меньше. В 1930-е гг. люди умирали, не доживая до старости. Данные по Уралу были ниже показателей по городам Европейской России, в которых в 1930-е гг. от старческой дряхлости умирало 4,5 %³. Доля остальных причин смертности населения уральских городов была на порядок ниже, чем указанных выше (см. табл. 3.11 в приложении 3).

В годы индустриализации уральские города, решая одни проблемы, сталкивались с другими, влиявшими на здоровье и смертность горожан. Промышленная модернизация Урала способствовала ухудшению экологии населенных мест. Из-за экономии средств территория размещения жилой застройки, общественных

¹ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 116.

² Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. С. 112.

³ Там же.

центров и зон отдыха горожан располагалась вблизи промышленных объектов и очень часто оказывалась под их вредным воздействием. Свердловский гигиенический институт установил негативное влияние на здоровье жителей Красноуральска сернистых газов, выделявшихся медеплавильным заводом¹. С подветренной стороны от металлургических комбинатов строились жилые районы Магнитогорска, Златоуста и Нижнего Тагила². В городской черте Кабаковска (бывшего Надеждинска) располагалась Кавкинская группа углежжения, которая задымляла город и наносила серьезный вред здоровью горожан³. Городское население Урала не подозревало об опасности, исходившей от предприятий, и мирилось с близостью промышленных объектов. Однако в годовой разработке здравоотдела Свердловской области по острозаразным заболеваниям за 1939 г.⁴ прямо указывалось, что на первом месте по причинам смерти в Красноуральске и Нижнем Тагиле стояли заболевания органов дыхания из-за неблагоприятной планировки городов относительно промышленных предприятий.

Ухудшение экологической ситуации стало одной из причин роста онкологической смертности. По данным табл. 3.11 в приложении 3, если в Свердловской области от рака и прочих злокачественных новообразований в 1933 г. умерло 11,1 чел., то в 1935 г. – уже 21,7 чел. на 1000 скончавшихся горожан, то есть в два раза больше людей. В целом в 1936–1939 гг. доля погибших от онкологических заболеваний колебалась в рамках 2–3 % от всех умерших жителей уральских городов, хотя в городских поселениях РСФСР в 1940 г. этот показатель достигал 4,5 %⁵.

В 1930-е гг. на Урале вступило в строй множество предприятий. Они сбрасывали сточные воды в водоемы, загрязняя и отравляя источники водоснабжения. Не случайно 17 мая 1937 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О санитарной охране водопроводов и источников водоснабжения». Данный нормативный акт устанавливал зону санитарной охраны источников водоснабжения, пи-

¹ См.: Феоктистов В.А. О некоторых уроках вредительства троцкистских агентов в планировке города // Проект и стандарт. 1937. № 7. С. 4.

² Более подробно об этом см.: Жиромская В.Б. Экология и смертность населения РСФСР в 1930-е годы. С. 104; Журавлева В.А. Градостроительство на Урале в 20–30-е гг. XX в. С. 16–19.

³ Самый грязный город Урала // Правда. 1936. 20 дек.

⁴ ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 106. Л. 10–10 об.

⁵ Исулов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 116.

тавших водопровод, с особым режимом¹. Осенью 1938 г. Комиссия советского контроля (КСК) по Свердловской области провела проверку исполнения данного постановления в Свердловске, Перми, Молотове, Нижнем Тагиле, Надеждинске. В докладной записке заместителя уполномоченного КСК по Свердловской области К. Люкшина в Комиссию советского контроля при СНК СССР от 29 ноября 1938 г. отмечалось, что промышленные предприятия региона, не имея очистных сооружений, спускали сточные воды в источники водоснабжения. Так, Волчихинское водохранилище, питавшее водопровод Свердловска, загрязняли Северский металлургический и криолитовый заводы (Полевской). В р. Какву сбрасывал отходы Надеждинский металлургический завод, р. Ватиху – предприятия Нижнего Тагила, р. Нейву – заводы Кировграда. Аналогичная ситуация была и в других городах и рабочих поселках Урала². Промышленные сбросы в водоемы, питавшие питьевой водой города, приводили к ухудшению качества воды. В мае 1939 г. Нижнетагильский горком ВКП (б) в своей докладной записке информировал Председателя СНК СССР В.М. Молотова, заведующего Отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкова и ответственного работника СНК СССР Панкратова о том, что в 1938 г. попадание сточных вод в питьевые источники города привело к десятикратному росту желудочно-кишечных заболеваний по сравнению с 1937 г.³

Для уральских городов по-прежнему оставалась актуальной проблема отсутствия хорошей питьевой воды, несмотря на то, что уже в 1937 г. центральное водоснабжение имелось в 41 городском поселении Урала⁴ и на всех водопроводах был организован лабораторный контроль за качеством воды. Однако процент домовых присоединений и водоразборов был настолько мал, что население даже крупных городов вынуждено было пользоваться водой из примитивных колодцев и открытых водоемов⁵. Так, жарким летом 1936 г. в Челябинской области высохли многие водоемы. Особенно неблагоприятная обстановка с водоснабжением сло-

¹ СЗ СССР. 1937. № 35. Ст. 143.

² ГАСО. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 910. Л. 8, 13–15, 150, 198–200.

³ ЦДОСО. Ф. 483. Оп. 3. Д. 32. Л. 25.

⁴ Журавлева В.А. Градостроительство на Урале в 20–30-е гг. XX в. С. 64.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

жила в Кургане, Шадринске, Троицке и Каменске с его новостройками – Синарстроем и Алюминстроем. Горожане использовали любые источники воды. В итоге в городах области произошел рост остро-кишечных инфекций. За 8 месяцев 1936 г. в Челябинске было зафиксировано 1916 случаев заболевания дизентерией, в то время как за весь 1934 г. – 32; в Магнитогорске соответственно – 109 и 51; Шадринске – 181 и 49¹. В указанном году облздравотдел Челябинской области констатировал, что в областном центре кишечные инфекции и дизентерия носили эндемичный характер. Они были обусловлены неблагоприятным санитарным состоянием города, особенно так называемых «диких поселков», не имевших канализации и водопровода². В 1938 г. увеличилось число желудочно-кишечных заболеваний в городах Свердловской области, особенно в Свердловске, Перми, Молотове, Нижнем Тагиле, Березниках, Кушве, Надеждинске, Первоуральске, на них пришлось до 60 % всех подобных инфекций в области³.

Городские власти, понимая важность вопросов санитарного состояния населенных мест и их водоснабжения, на протяжении всего рассматриваемого периода держали их на особом контроле. Президиум Лысьвенского горсовета посвятил мероприятиям по предупреждению развития дизентерии и острых желудочно-кишечных заболеваний заседание 11 августа 1936 г.⁴ В указанном году президиум Березниковского горсовета обсуждал на своих заседаниях проблемы водоснабжения и санитарного состояния города 6 раз (5 и 16 февраля, 13 и 26 марта, 5 апреля и 4 августа)⁵ и вернулся к ним 4 ноября 1938 г.⁶ Бюро Нижнегатыльского горкома ВКП (б) рассмотрело подобные вопросы 20 ноября 1938 г. и 10 мая 1939 г., а также на совместном заседании с президиумом горсовета, состоявшемся 1 апреля 1939 г.⁷ Эти проблемы обсуждались властями и других городов⁸. Но полностью

¹ ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 24. Л. 3 об.

² ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 24. Л. 10.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 276. Л. 47–47 об.

⁴ ГАПК. Ф. Р-645. Оп. 2. Д. 62. Л. 149 об.–150.

⁵ ГАПК. Ф. Р-762. Оп. 3. Д. 45. Л. 4, 36, 63, 101.

⁶ ГАПК. Ф. Р-762. Оп. 3. Д. 47. Л. 328–328 об.

⁷ ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 3. Д. 29. Л. 110; д. 31. Л. 13 об., 15 об., 21–23.

⁸ См., к примеру: ОГАЧО. Ф. П-225. Оп. 1. Д. 352. Л. 216–217; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 276. Л. 68; Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 22. Л. 59–61 об., 74 об., 82–82 об.; Д. 23. Л. 176; и др.

решить вопрос водоснабжения и санитарной очистки уральских городов в довоенный период так и не удалось.

Загрязненность воздушной среды наряду с другими факторами способствовала распространению таких заболеваний как туберкулез, крупозная пневмония, бронхопневмония, пневмония и бронхит.

Таковы общестатистические данные о причинах смерти городского населения Урала в середине и второй половине 1930-е гг.

В 1930-е гг. основными направлениями снижения уровня смертности уральских горожан, как и в предыдущее десятилетие, стали поднятие уровня санитарной культуры и рост благоустройства городов, расширение сети лечебно-профилактических учреждений и улучшение медицинского обслуживания населения. Но если в 1928–1933 гг. медико-санитарная работа на Урале носила по преимуществу санитарно-оборонительный характер¹, то в последующие годы она все более приобретала наступательную направленность. Для этого появилась достаточная финансовая основа. Уже в первой пятилетке увеличились капиталовложения в здравоохранение Урала. Если за 1924/25–1927/28 гг. в него было вложено 15,6 млн. руб., то в 1928–1932 гг. – 37,5 млн. руб. Но при этом снизился удельный вес здравоохранения в общей сумме капиталовложений в народное хозяйство региона с 3,3 до 1 %, то есть в здравоохранение вложили в 66,7 раз меньше средств, чем в промышленность². Тем не менее увеличились расходы на оздоровление жителя региона только за 1928/29–1929/30 гг. с 3,36 до 4,46 руб., в том числе на ребенка в возрасте до 4-х лет – с 1,73 до 2,53 руб., а подростка (8–16 лет) – с 0,37 до 0,69 руб.³ В дальнейшем в течение 1932–1938 гг. бюджет всего советского здравоохранения вырос почти в 6 раз⁴, что позитивно сказалось и на финансировании здравоохранения Урала.

В рамках борьбы за снижения смертности населения, во-первых, была продолжена работа по поднятию санитарной культуры в городах. С этой целью в

¹ Ефман А.М. Народное здравоохранение Урала во втором пятилетии // Хозяйство Урала. 1933. № 1–2. С. 84.

² ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 82. Л. 108.

³ Материалы контрольных цифр хозяйства Урала на 1929–1930 год. С. 179; ГАСО. Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 2522. Л. 90.

⁴ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 109.

Свердловске с 1931 г. в практику вошло прикрепление врачей к рабочим баракам и цехам предприятий для проведения санитарно-просветительной работы. Эта деятельность дала свои положительные результаты. В Магнитогорске уже в 1933 г. бараки, столовые и производственные подразделения были оснащены умывальниками с мылом и полотенцами, бачками с кипяченой водой. В Златоусте в 1938 г. все предприятия и учреждения были обеспечены растворами хлорной извести для дезинфицирования рук и помещений, у входа в помещения имелись коврики, обработанные хлором¹.

В 1934 г. начался поход за санитарную культуру и благоустройство городов Урала, в который была вовлечена и общественность городов. В ноябре 1934 г. только в Свердловской области энергично действовали 4100 общественных санитарных уполномоченных, отряды легкой кавалерии, сформированные из комсомольцев². В указанном году в Челябинске, Березниках, Златоусте и других городах важную роль во включении населения в эту работу играли депутаты горсоветов. Они закреплялись за определенными городскими участками и оказывали горожанам оперативную помощь в проведении санкультапохода³.

Население активно участвовало в благоустройстве и санитарной очистке городов. Трудящиеся Челябинска в 1934 г. отработали не менее 100 тыс. трудодней на специально организованных субботниках. В указанном году в бараках и общежитиях ЧТЗ и Станкостроя (Челябинск), предприятий Каменска и других городов Челябинской области провели ремонт и обеззараживание жилых помещений⁴. В Магнитогорске и Свердловске домохозяйки взяли шефство над бараками холостяков. Они провели дезинсекцию помещений, ввели в практику ежедневное мытье полов, обеспечили всех жильцов постельными принадлежностями, наладили работу бани и прачечной⁵. Жены инженерно-технических работников фабрики

¹ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 3414. Л. 64; Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 22. Л. 82-82 об.; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 97.

² Селезнева В.Т. Здравоохранение Урала «лицом к производству». С. 29.

³ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 25. Л. 14; ГАПК. Ф. Р-762. Оп. 3. Д. 45. Л. 63; Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 319. Л. 33.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 25. Л. 14; Д. 4552. Л. 4 об.

⁵ Жены ИТР на фабрике им. Ленина // Ударница Урала. 1936. № 7. С. 22; Лукашкина. Полюбуйтесь нашими квартирами // Мы активно участвуем в социалистическом строительстве. Магнитогорск, 1936. С. 7; Тюмина Т. Начало борьбы с клопами // Там же. С. 10; ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 34. Л. 6.

им. Кутузова в Арамиле в 1936 г. организовали санитарные посты в столовых¹.

Поход за санитарную культуру и благоустройство уральских городов способствовал повышению культуры и благоустройства жилищ и населенных мест. Но для кардинального перелома ситуации требовалось изменить способ профессиональной очистки городских поселений от нечистот, так как существовавший уже не удовлетворял санитарным требованиям по своим техническим возможностям. Так, в этой работе в 17 городах Свердловской области участвовали 242 лошади и всего 29 машин. Даже в Свердловске действовало всего 14 вместо 53 мусорных машин и 51 из необходимых 328 лошадей. Особенно плохо очищались Асбест, Кизел и Молотово. Для улучшения дела санитарной очистки крупных городов, таких как Свердловск, Пермь, Нижний Тагил, с 1938 г. для них начали разрабатывать генеральные схемы очистки. Планировалось также создать их для Надеждинска и Березников. Несмотря на проделанную работу, проблема очистки городских поселений оставалась актуальной до конца 1930-х гг. И в 1938 г. в городах Свердловской области насчитывалось всего 16 общественных туалетов, в том числе один в Свердловске. Их вообще не было в Перми, Кизеле, Надеждинске, Красноуфимске, что загрязняло города и создавало основу для возникновения желудочно-кишечных заболеваний. Именно на это указывал Свердловский облисполком на своем заседании 11 апреля 1938 г.² Аналогичная ситуация была и в соседнем регионе. В 1940 г. план по очистке городов Челябинской области выполнялся всего на 56,1 %. Даже областной центр был окружен свалками, загрязнявшими окружающую среду. В еще худшем состоянии находились окраины Копейска, Карабаша, Верхнего Уфалея³.

Еще одной причиной высокой заболеваемости и смертности от болезней органов пищеварения было антисанитарное состояние предприятий пищевой промышленности, общественного питания и торговли. В 1936 г. в молоке, выпускавшемся на молочном заводе в Челябинске, обнаружили кишечную палочку⁴. В

¹ Гордеев М. Еще шире вовлекать домохозяйек в замечательное движение жен ИТР // Ударница Урала. 1936. № 7. С. 18.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 276. Л. 62–63, 68–70.

³ ОГАЧО. Ф. Р–274. Оп. 3. Д. 51. Л. 118–119; Ф. Р–1595. Оп. 1. Д. 39. Л. 6.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р–1595. Оп. 1. Д. 24. Л. 3 об.

1937 г. рост желудочно-кишечных заболеваний в городах Свердловской области был связан с нарушением санитарных условий хранения и перевозки продуктов питания, отсутствием холода на пищевых предприятиях, антисанитарным состоянием заводов, плохой организацией борьбы с мухами и грызунами¹.

Во второй половине 1930-х гг. был усилен контроль за пищевыми предприятиями и учреждениями торговли. В 1936 г. в Челябинске и Магнитогорске ко всем пищевым складам были прикреплены врачи, специалисты по пищевому надзору, для проверки продуктов перед их отправкой в торговую сеть². Магнитогорск построил новый холодильник для хранения скоропортящихся продуктов, приобрел современное оборудование для колбасного производства, усовершенствовал хранение овощей. Все это способствовало улучшению качества продуктов, сокращению пищевых отравлений магнитогорцев с 50 случаев в 1935 г. до 25 в 1936 г. В 1936 г. Златоустовский горсовет ввел обязательные дезинсекцию и дератизацию столовых, складских помещений, магазинов и прочих пищевых объектов³. Подобная работа проводилась и в других городах⁴.

Важную роль в развитии пищевой санитарии сыграло постановление СНК СССР от 1 октября 1936 г. «Об обязательном медицинском осмотре лиц, занятых в пищевом деле, в предприятиях по санитарно-гигиеническому обслуживанию населения и на сооружениях по водоснабжению»⁵. В 1938 г. в городах Челябинской области действовал не только обязательный медосмотр работников пищевых предприятий, но в Челябинске, Златоусте, Каменске, Миассе и Сатке было организовано обследование их на бациллоносительство⁶.

Городские власти прибегали и к административным мерам для улучшения санитарного состояния пищевых и торговых предприятий. В 1936 г. в Челябинске был закрыт завод безалкогольных напитков из-за неудовлетворительного санитарного состояния, такая же участь ждала молочный завод города и завод газиро-

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 276. Л. 47.

² ОГАЧО. Ф. Р-386. Оп. 1. Д. 3. Л. 10; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 224. Л. 13.

³ Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 17. Л. 46; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 224. Л. 13.

⁴ См.: ГАПК. Ф. Р-762. Оп. 3. Д. 47. Л. 290.

⁵ См.: СЗ СССР. 1936. № 50. Ст. 410.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 24. Л. 159; Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 19. Л. 15.

ванных вод в Сатке, в Магнитогорске за нарушение санитарных правил торговли было наложено взысканий в виде штрафов на сумму 6900 руб.¹

Принятые меры позволили IV сессии Совета депутатов трудящихся Свердловской области, которая состоялась 21–22 декабря 1940 г., сделать вывод об улучшении санитарного состояния пищевых и торговых предприятий региона². Вместе с тем и в этот период на данных объектах по-прежнему не всегда соблюдались правила личной гигиены работников и санитарные правила. И в 1940 г. рабочие хлебопекарной промышленности Свердловской области несвоевременно проходили медосмотры, имели грязную спецодежду. В неудовлетворительном состоянии были бойни и мясокомбинаты, особенно в Свердловске, Нижнем Тагиле и Серове (бывший Надеждинск). Аналогичная ситуация сложилась на молочно-товарных фермах Свердловской области и сливных пунктах при них. На предприятиях общественного питания Первоуральска, Нижнего Тагила, Камышлова, Красноуфимска и других городов не хватало столовой посуды, кухонного инвентаря, нарушались правила личной гигиены работников этих предприятий. Из-за отмеченных нарушений в Свердловской области в 1940 г. были закрыты 39 предприятий пищевой промышленности, наложено 863 штрафа за нарушение санитарных правил, 37 подобных дел было передано в прокуратуру³. Таким образом, в 1930-е гг. не удалось до конца ликвидировать такую причину высокой смертности горожан от желудочно-кишечных заболеваний как антисанитарное состояние предприятий пищевой промышленности, общественного питания и торговли.

Как уже отмечалось ранее, в 1930-е гг. сеть существовавших учреждений здравоохранения не могла удовлетворить потребности населения в медицинской помощи. В амбулаториях повсеместно были очереди, нагрузка на одного врача в день доходила в среднем до 60–70 больных⁴. При этом городским лечебно-профилактическим учреждениям приходилось еще обслуживать и сельское население, так как положение с медпомощью на селе было крайне тяжелым. Важную

¹ ОГАЧО. Ф. Р-386. Оп. 1. Д. 3. Л. 12; Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 26. Л. 11; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 224. Л. 13.

² ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 51. Л. 120.

³ ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 106. Л. 8–8 об.

⁴ Селезнева В.Т. Здравоохранение Урала «лицом к производству». С. 26.

роль в деле расширения сети медицинских учреждений в связи с ростом населения и потребностями реконструктивного периода сыграли постановления ЦК ВКП (б) от 18 декабря 1929 г. «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян»¹ и СНК СССР от 26 декабря 1929 г. «О больничном строительстве в промышленных районах»². СНК РСФСР, проанализировав состояние медико-санитарного дела в основных промышленных районах, 16 мая 1931 г. обязал Наркомздрав РСФСР провести мероприятия по улучшению медицинского обслуживания рабочих, особенно в крупных промышленных центрах и на новостройках, в том числе в Магнитогорске, Челябинске и на Уралмашстрое³.

На Урале в годы промышленной модернизации развернулось крупномасштабное больничное строительство⁴. В 1930-е гг. вступили в строй клинический городок в Свердловске, больницы в Челябинске, Надеждинске, городках Уралмаша и ЧТЗ, Нижнем Тагиле, Алапаевске, Сатке, Каменске-Уральском, Уфалее, Усть-Катаве и проч.⁵ В результате, если в 1929 г. в городских населенных пунктах Уральской области функционировало 135 больниц на 9665 коек⁶, то только в аналогичных поселениях Свердловской области в конце 1937 г. их насчитывалось 157 на 13621 койку⁷, из них 8 больниц на 384 койки были детскими⁸. В городах и рабочих поселках Пермской области в 1938 г. действовали 52 больницы на 7328 коек⁹. Подобные достижения были и в соседнем регионе. Если в начале 1929 г. в городах, впоследствии вошедших в Челябинскую область, была 51 больница на 2540 коек, в 1934 г. соответственно – 50 и 5459, то в 1939 г. – 61 и 8650¹⁰. В городских поселениях края действовало 6 детских больниц¹¹.

¹ Справочник партийного работника. М.; Л.: Госиздат, 1930. Вып. 7. Ч. 2. С. 249–250.

² Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925–1940: сб. док. и мат-лов. С. 133–134.

³ О состоянии медико-санитарного дела в основных промышленных районах: постановление СНК РСФСР от 16 мая 1931 г. // СУ РСФСР. 1931. № 25. Ст. 233.

⁴ Подробно об этом см.: Журавлева В.А. Градостроительство на Урале в 20–30-е гг. XX в. С. 80–81.

⁵ Росточки И.Т. Рост советского здравоохранения на Урале // Советская медицина. 1938. № 16. С. 39; ОГАЧО. Ф. Р–274. Оп. 3. Д. 51. Л. 115.

⁶ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1929 год. С. 26, 29.

⁷ Росточки И.Т. Указ. соч. С. 39.

⁸ ГАСО. Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 1305. Л. 36.

⁹ Тарасенков П.Н. Указ. соч. С. 361.

¹⁰ Челябинская область (Краткий стат.-эконом. справочник). С. 58; ОГАЧО. Ф. Р–274. Оп. 3. Д. 51. Л. 115.

¹¹ ОГАЧО. Ф. Р–1595. Оп. 1. Д. 29. Л. 5.

Рост числа больниц и коек в них улучшили стационарное обслуживание населения. В 1928/29 г. на 1000 горожан Уральской области приходились 4,4 койки, в 1932 г. – 5,6¹, что в целом соответствовало показателям по городам СССР (соответственно – 4,8 и 5,4²). В 1937 г. только в промышленных центрах Свердловской области было уже 6,5 коек на 1000 населения³, а в городах Челябинской области в 1940 г. – 7,3⁴. Но были и города с более низкими показателями. В Челябинской области на 1000 жителей Миасса приходилось 5, а Карабаша – 3,7 койки⁵. Благодаря расширению сети лечебных учреждений в 1940 г. пребывание на больничной койке составило в среднем по городским больницам СССР 13,1 день⁶.

Вместе с тем даже на рубеже 1930–1940-х гг., несмотря на все достижения, в период сезонных желудочно-кишечных заболеваний невозможно было госпитализировать всех больных из-за нехватки эпидемических коек⁷. В 1939 г. в городах Челябинской области на больничной койке оказался 51 % заболевших дизентерией. Летом 1940 г. в Нижнем Тагиле было госпитализировано всего 77 % больных дизентерией, а в Красноуральске – 43; кори соответственно – 14 и 38 %⁸.

Для удовлетворения потребности горожан в медицинской помощи необходимо было резко увеличить численность медицинского персонала и в первую очередь врачей. В годы промышленной модернизации на Урал направляли не только значительную часть выпускников медицинских вузов, но и специалистов из Москвы и других городов страны⁹. Но медицинских работников не хватало. В марте 1930 г. в Уралобласти имелось свыше 350 свободных врачебных вакансий. В апреле 1931 г. из 2300 врачей Уральской области в промышленных районах края трудилось 1725 чел. или 75 % специалистов, но требовалось еще 583 врача¹⁰.

¹ Ефман А.М. Указ. соч. С. 81; ГАСО. Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 2522. Л. 138.

² Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. С. 553.

³ ГАСО. Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 1305. Л. 13 об.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р–274. Оп. 3. Д. 51. Л. 124.

⁵ Там же.

⁶ Здравоохранение в Союзе ССР: стат. справочник. С. 13.

⁷ См.: ГАСО. Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 106. Л. 6; ОГАЧО. Ф. Р–386. Оп. 1. Д. 3. Л. 7; Ф. Р–1595. Оп. 1. Д. 24. Л. 1; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 276. Л. 47 об.

⁸ ГАСО. Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 106. Л. 9–10; ОГАЧО. Ф. Р–274. Оп. 3. Д. 51. Л. 121.

⁹ Селезнева В.Т. Здравоохранение Урала «лицом к производству». С. 24.

¹⁰ Жикин В.А. К вопросу о кадрах работников здравоохранения // Уральский медицинский журнал. 1930. № 2–3. С. 26; ГАСО. Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 3. Л. 219.

Чтобы обеспечить медицинские учреждения Урала специалистами, в 1931 г. был открыт Свердловский медицинский институт и расширен прием в Пермский медицинский институт¹. В 1933 г. в них обучалось свыше 2 тыс. студентов. Значительное развитие получило среднее медицинское образование. Если к началу 1928 г. в Уралобласти было 2 медицинских техникума, то к 1934 г. – уже 8 с 1703 студентами. Только за 1931–1933 гг. на различных медицинских курсах было подготовлено свыше 5 тыс. медицинских сестер, 305 акушерок, 218 дезинфекторов, 140 помощников санитарных врачей. Медицинских сестер стали готовить даже в средней школе². Вновь подготовленных специалистов в первую очередь направляли на основные новостройки Урала.

Благодаря энергичным мерам по развитию медицинского образования в стране и на Урале в 1930-е гг. заметно выросла численность медицинского персонала. Если в 1929 г. в городских населенных пунктах Уралобласти трудились 1415 врачей или 80,4 % всех подобных специалистов региона³, то только в городах Свердловской области в 1935 г. их было 1651 чел.⁴, а к концу 1937 г. – уже 1973 чел.⁵ В городах Челябинской области в середине 1937 г. насчитывалось 1606 врачей⁶, а Пермской в 1938 г. – 815⁷. Рост числа медицинских специалистов способствовал снижению нагрузки на них. Если в 1929 г. в Уральской области на одного врача приходилось в Свердловске в среднем 1319 горожан, окружных городах – 1465, поселках городского типа – 2697 чел., то в городах и промышленных районах Свердловской области в 1937 г. – 1124 чел. В городах и рабочих поселках Челябинской области в 1940 г. один врач обслуживал 1,4 тыс. чел., тогда как в сельской местности – 8 тыс. чел.⁸

В уральских городах в 1930-е гг. действовали различные виды лечебно-профилактических учреждений: больницы, амбулатории, поликлиники, диспансе-

¹ Тарасенков П.Н. Указ. соч. С. 357.

² Селезнева В.Т. Здравоохранение Урала «лицом к производству» (1930–1934). С. 24.

³ Рассчитано по: Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1929 год. С. 22.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 504. Л. 89.

⁵ Ростозкий И.Т. Указ. соч. С. 39.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 29. Л. 5 об.

⁷ Тарасенков П.Н. Урал. соч. С. 361.

⁸ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1929 год. С. 22; Челябинская область. 1917–1945 гг.: сб. док. и мат-лов. С. 278; ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 1305. Л. 15 об.

ры, консультации, станции скорой медицинской помощи. При предприятиях и крупных организациях функционировали врачебные и фельдшерские здравпункты и даже пункты скорой помощи, которые оказывали своевременную и квалифицированную помощь трудящимся непосредственно на производстве. Горожане стали получать медицинскую помощь не только в стационаре, но и на дому¹.

В 1930-е гг. одним из направлений улучшения медицинского обслуживания жителей Урала стало расширение и совершенствование фармацевтической помощи. В СССР было освоено производство новых высокоэффективных медицинских препаратов: акрихина и красного стрептоцида (1936 г.), сульфидина и сульфаниламида (1937 г.), сульфазола (1938 г.) и проч. Сульфаниламиды оказались очень эффективными в лечении желудочно-кишечных заболеваний, уносящих в СССР особенно много человеческих жизней².

В рассматриваемый период получила развитие аптека как особая специализированная организация системы здравоохранения, занимающаяся изготовлением, фасовкой, анализом и продажей лекарственных средств. Она была призвана обеспечить наиболее эффективный, безопасный и экономически оправданный курс лечения и тем самым снизить смертность населения. Ввод в действие новых аптек значительно расширил сеть аптечных учреждений на Урале. К началу 1938 г. в городах Свердловской области действовали 139 аптек, 22 аптечных магазина и 81 аптечный киоск; в аналогичных поселениях Челябинского региона на начало 1939 г. соответственно – 76, 19 и 38³.

Но, несмотря на расширение аптечной сети, сохранялась высокая нагрузка на аптеку. Если на одну городскую аптеку Челябинской области приходилось в 1939 г. 17,8 тыс. чел., то в 1940 г. – 18,4 тыс. При этом в крупных городах региона нагрузка на аптеку была выше, чем в целом по городам области. В Челябинске одна аптека обслуживала в 1939 г. 24,8 тыс. чел., а в 1940 г. – 25,8 тыс. чел., Магнитогорске соответственно – 20,8 тыс. и 22 тыс., Златоусте – 19,9 тыс. и 20,6 тыс.,

¹ См.: Материалы о работе исполнительного комитета Челябинского городского Совета депутатов трудящихся (за 11 месяцев 1940 года). С. 30–31; ГАСО. Ф. Р–241. Оп. 2. Д. 3414. Л. 64; ОГАЧО. Ф. Р–386. Оп. 4. Д. 1. Л. 2; Ф. Р–1055. Оп. 2. Д. 37. Л. 33; Архив ЗГО. Ф. Р–242. Оп. 1. Д. 2444. Л. 38; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 55–56; и др.

² Исулов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 110.

³ ГАСО. Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 103. Л. 1 об; ОГАЧО. Ф. Р–1059. Оп. 1. Д. 66. Л. 13.

Кургане – 17,7 тыс. и 19,3 тыс. тыс. чел. В одном из старейших уральских городов Шадринске на рубеже 1930–1940-х гг. существовала всего одна аптека. Подобная ситуация была и в соседних областях Урала. В 1939 г. одна аптека обслуживала в Ревде 32,2 тыс. жителей, Свердловске – 31 тыс., Нижнем Тагиле – 22,8 тыс., Серове – 21,6 тыс., Первоуральске – 14,7 тыс. чел.¹ В 1930-е гг. улучшились квалификационные характеристики работников аптек, что способствовало качественному росту обслуживания населения городов и рабочих поселков Урала.

Особое внимание уделялось росту фармацевтического производства и улучшению качества выпускавшихся лекарственных средств. В начале 1930-х годов на Урале медикаментозные препараты для всего региона выпускали Свердловский и Челябинский фармацевтические заводы, входившие в структуру «Уралмедснабпрома»², которые после преобразования Уральской области были переподчинены трестам «Свердмедснабпром» и «Челябмедснабпром». Увеличение спроса на медикаменты со стороны населения и лечебных учреждений привело к росту выпуска их продукции. Если в 1934 г. фармацевтический завод Челябинского отделения Главного аптечного управления Наркомата здравоохранения РСФСР (ГАПУ НКЗ РСФСР) изготовил продукции на сумму 1037,0 тыс. руб. (в ценах 1926–1927 гг.), то в 1936 г. — на 1937,4 тыс. руб., рост составил 186,8 %³.

Аптеки также изготавливали лекарственные формы. Только за 1934 г. аптеки треста «Челябмедснабпром» выполнили 3508,1 тыс. рецептов для отдельных больных, тогда как в 1933 г. – всего 3368,8 тыс., за год рост составил 4,1 %; стационарным лечебным учреждениям области они отпустили продукции по 601054 рецептам, тогда как в предыдущем году – только по 385453, таким образом, в 1934 г. было обслужено рецептов на 64,1 % больше, чем в 1933 г.⁴

Коренной перелом в работе аптек произошел в связи с принятием постановления СНК СССР от 2 июля 1935 г. «О торговле медикаментами»⁵, согласно которому вся торговля этой продукцией сосредоточивалась исключительно в аптеко-

¹ ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 1328. Л. 159; ОГАЧО. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 66. Л. 13.

² ОГАЧО. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

³ ОГАЧО. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 34. Л. 8–10.

⁴ ОГАЧО Р-1059: Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

⁵ СЗ СССР. 1935: № 40. Ст. 335.

управлениях, что упорядочило распространение лекарственных препаратов. Фармацевтические заводы Урала стали производить готовые рецептурные формы для снабжения ими лечебных учреждений.

Во второй половине 1930-х гг. значительно увеличился товарооборот фармацевтической продукции. Только по городам Челябинской области обороты ее продаж выросли с 8261,3 тыс. руб. в 1934 г. до 22830,3 тыс. руб. в 1937 г., т.е. в 2,8 раз. При этом наиболее быстрыми темпами возрастала розничная продажа лекарственных средств и предметов санитарии и гигиены. За указанный период розничный товарооборот городских аптек Челябинской области увеличился с 4336,8 тыс. руб. до 15072,2 тыс. руб., т.е. в 3,5 раза, в то время как оптовый – с 3924,5 тыс. руб. до 7758,1 тыс. руб. или почти в два раза¹.

Особое внимание стали уделять качеству фармацевтической продукции. Во второй половине 1930-х гг. в Челябинской области ни один препарат не поступал в продажу без разрешения аналитической лаборатории треста «Челябснабпром», которая по своему оборудованию являлась одной из лучших лабораторий Челябинска. В 1935 г. расширилась и укрепилась областная контрольно-аналитическая лаборатория в Свердловске. Были созданы контрольно-аналитическая лаборатория в Перми и контрольно-аналитические кабинеты в Свердловске и Березниках, контрольно-аналитические столы в Нижнем Тагиле, Ирбите, Алапаевске, Первоуральске, Красноуфимске, Кудымкаре, Соликамске и Кунгуре². В результате в 1940 г. из 2959,8 тыс. рецептов, исполненных в городских аптеках Челябинской области, с неудовлетворительным качеством было всего 341 тыс. единица или 9,9 %; из 12892 анализов, произведенных лабораториями Свердловского областного отделения ГАПУ НКЗ РСФСР для проверки качества аптечной продукции, только в 655 были отклонения от нормы, т.е. брак составил 6,4 % против 8,8 % в 1939 г.³

Во второй половине 1930-х гг. несколько улучшились условия жизни населения. В уральских городах развернулось жилищное строительство. Это позволило поднять среднюю жилплощадь на человека в городах Свердловской области с 3,5

¹ ОГАЧО. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 34. Л. 12; Д. 46. Л. 14; Д. 60. Л. 25–25 об.; Д. 76. Л. 20.

² ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 102. Л. 1; ОГАЧО. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–2.

³ ГАСО. Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 15. Л. 1 об.–3; ОГАЧО. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 76. Л. 21.

кв. м в 1932 г. до 5,7 кв. м к концу 1938 г. При этом 90,4 % всех жилых строений региона было оснащено электроосвещением, 23,7 – водопроводом, 17 – канализацией, 11 % – центральным отоплением¹. Подобные результаты были и в Челябинской области. Выросло число коммунальных предприятий. В 1937 г. в 20 городах Свердловской области было 26 коммунальных бань, в 11 городах Челябинской области – 21². Но этого было мало. В 1940 г. в городах Челябинской области при санитарной норме 24 помывки на человека в год на горожанина приходилось всего 16 помывок, в том числе: в Верхнем Уфалее и Катав-Ивановске – 9,7, Шадринске – 9,6, Кыштыме – 4,6³.

Выросли капиталовложения в развитие легкой и пищевой промышленности. В итоге в 1936 г. крупная пищевая промышленность СССР выработала продукции на 12895 млн. руб. (в ценах 1926/27 г.) или в 4,4 раза больше, чем в 1913 г. В 1937 г. в стране было произведено колбасы и копченостей на 489,5 % больше, чем в 1932 г., масла животного – на 258,7 %, хлеба и хлебобулочных изделий – на 237,2 %, хлопчатобумажных тканей – на 128 %, шерстяных – на 122,1 %, обуви – на 217,9 %⁴. В целом к концу 1930-х гг. более чем скромные потребности уральцев в основном стали удовлетворяться⁵.

В целом с середины 1930-х гг. демографическая ситуация в уральских городах постепенно нормализовалась. Был восстановлен естественный прирост населения за счет повышения рождаемости при сохранявшейся неустойчивой, но достаточно высокой смертности. При этом с 1938 г. вновь обозначилась тенденция к сокращению рождаемости, смертности и естественного прироста горожан Урала. Немаловажную роль в снижении смертности сыграли улучшение городской инфраструктуры и медицинского обслуживания населения, рост санитарной культуры горожан, повышение их жизненного уровня.

¹ Журавлева В.А. Градостроительство на Урале в 20–30-е гг. XX в. С. 54–55; ГАСО. Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 75. Л. 3, 11.

² Журавлева В.А. Градостроительство на Урале в 20–30-е гг. XX в. С. 71.

³ ОГАЧО. Ф. Р–274. Оп. 3. Д. 51. Л. 119.

⁴ Двадцать лет Советской власти (цифровой материал из статистического сборника, подготовленного ЦУНХУ Госплана СССР к XX годовщине Великой Октябрьской социалистической революции). С. 191; Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1939. С. 85–86.

⁵ См. более подробно: Постников С.П., Фельдман М.А. Указ. соч. С. 252–253.

§ 4. Младенческая смертность и состояние охраны материнства и младенчества

Одним из основных показателей здоровья населения, важнейшей характеристикой прогресса общества в целом является младенческая смертность или смертность детей на первом году жизни. Организм младенца особенно подвержен влиянию внешней среды и разного рода инфекций. В первый год существования ребенка проявляются врожденные пороки, сказываются качество ухода за ним и те условия жизни и традиции, которые бытуют в семье и обществе. На развитии и жизнеспособности новорожденных влияет и такой социальный фактор, как возможность своевременного получения квалифицированной медицинской помощи.

Досоветский Урал отличался значительным удельным весом детей, скончавшихся до года, среди всех умерших. В 1910 г. в городах Пермской губернии умерло 30,9 % младенцев, тогда как в городах Европейской России – 28,5 %¹. В самой Перми в 1912 г. смертность младенцев до года составила 421 на 1000 чел.² Подобная ситуация наблюдалась и в других уральских городах. В 1917 г. в Челябинске из каждой 1000 родившихся не дожили до года 273 чел.³

В 1920-е гг. на Урале по-прежнему сохранялась высокая младенческая смертность, превышавшая убыль населения во всех последующих возрастных группах, за исключением пожилого и старческого возрастов, и во многом обусловившая высокую смертность горожан. В начале данного десятилетия к традиционным причинам данного явления (низкий санитарно-культурный уровень региона, отсутствие сети детских и женских лечебно-профилактических учреждений, тяжелый труд женщин во время беременности) добавились новые, обусловленные особенностями времени. Ослабленный организм женщины, пережившей революцию, Гражданскую войну и голод 1921–1922 гг., не мог выносить здорового ребенка. На Урале в начале 1920-х гг. в первый год жизни от врожденной слабости,

¹ Цит. по: Гаврилов К.П. Детская смертность на Урале // Уральский медицинский журнал. 1930. № 4. С. 58–59.

² Розет Г.И. Указ. соч. С. 4.

³ Соколов Д.К., Алексеева Р.С., Еремин Г.Ф., Старицын А.С. Указ. соч. С. 62.

детского истощения и болезней новорожденных погибало до 15–20 % младенцев¹. Приват-доцент кафедры гигиены Ленинградского государственного института усовершенствования врачей Н.В. Красовская-Колосова специально исследовала зависимость смертности от врожденной слабости от состояния экономических условий жизни общества и семьи².

Более полный анализ младенческой смертности в уральских городах возможно представить лишь с 1924 г. С этого времени были упорядочены сбор и разработка материалов демографической и медицинской статистики.

Данные табл. 42 показывают, что в 1924–1927 гг. удельный вес младенцев среди скончавшихся жителей уральских городов колебался в районе 44 %. Но этот показатель был ниже, чем по региону в целом (в 1924 и 1925 гг. он составил 53,5 %, 1926 г. – 50,6 и 1927 г. – 51,2 %) и сельской местности (соответственно – 55,7; 52,2; 58,3 и 54,0 %)³. Если в городах на долю детей до одного года приходилось свыше трети всех умерших, то по области в целом и сельской местности – более половины. Однако удельный вес младенцев среди умерших горожан Уралобласти превышал аналогичные данные за 1926 г. по городам СССР (32,4 %) и РСФСР (32,1 %)⁴. Более того, в указанном году этот показатель по Уралу был самым высоким среди 13 районов Европейской части РСФСР. Так, доля младенцев в общей смертности горожан составила в Вятском районе 34,5 %, Нижне-Волжском – 33,4, Средне-Волжском – 33,0, Центрально-Промышленном – 32,3, Центрально-Черноземном районе – 31,2, Ленинградской области и Автономной Карельской республике – 25,4, Башкирской АССР – 41,2 %. По данному показателю города Уральской области превосходили только городские поселения Марийской автономной области, входившей в состав Вятского района (46,3 %)⁵.

¹ Обзор хозяйства Урала за 1924–25 год. С. 201.

² Красовская-Колосова Н.В. Влияние социально-экономических факторов на частоту отдельных причин смерти (по данным для б. Петербурга за 1909–1912 гг.) // Гигиена и эпидемиология. 1930. № 11–12. С. 61.

³ Рассчитано по: Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 78; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 78; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 34; ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 27. Л. 22.

⁴ Рассчитано по: Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. С. 36–37.

⁵ Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. С. 4–5.

Младенческая смертность в городах Уральской области в 1924–1928 гг.

Год	Число умерших до одного года, чел.	Удельный вес в общей смертности, %	Коэффициент младенческой смертности, ‰
1924	14 258	44,1	231,4
1925	17 132	43,6	263,8
1926	16 172	44,4	229,8
1927	17 419	43,6	248,3
1928	15 014	39,6	203,8

Данные табл. 42 и 43 показывают, что на протяжении 1924–1926 гг. доля младенческой смертности в окружных городах была ниже общегородских показателей по Уральской области, но значительно превышала аналогичные данные по губернским и областным городам Европейской части РСФСР (1924 г. – 30 %, 1925 г. – 29,8 %²). В прочих городских поселениях Урала, наоборот, удельный вес скончавшихся младенцев превышал этот общегородской показатель по региону.

Сохранившиеся статистические материалы позволяют рассчитать коэффициент младенческой смертности в городах Урала (см. табл. 42 и 43). В 1924–1928 гг. он резко колебался, оставаясь достаточно высоким, и был хуже аналогичных данных за 1926 г. по городам СССР (161,6 ‰) и РСФСР (157,5 ‰), а также городам Европейской части СССР, в которых коэффициент младенческой смертности составил в 1926 г. 158,9 ‰, 1927 г. – 164,3, 1928 г. – 149,8 ‰³. Однако в уральских городах младенцев умирало гораздо меньше, чем в целом по области и в сельской местности: коэффициент младенческой смертности в регионе достигал в 1924 г. 295,1 ‰; 1925 г. – 347,9; 1926 г. – 248,4; 1927 г. – 346,7 ‰; на селе соответственно – 310,5; 367,6; 252,6; 369,1 ‰⁴. Таким образом, в советское время проявилась иная, чем в досоветский период, закономерность – смертность грудных детей в городах стала ниже, чем на селе, что было связано с лучшей обеспеченностью го-

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. С. 16–17, 30–31; Здоровоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 78; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 78; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 34; ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 27. Л. 22.

² Рассчитано по: Естественное движение населения Союза ССР. 1923–1925. С. 11.

³ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. С. 253.

⁴ Рассчитано по: Здоровоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 78; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 78; ГАСО.Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 27. Л. 22.

рожан лечебно-профилактической помощью и их большей культурностью. Эти факторы смягчали вредное влияние города на здоровье младенцев¹.

Таблица 43²

Младенческая смертность в уральских городах разного типа в 1924–1926 гг.

Позиция	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Окружные города			
Родилось, чел.	22 704	24 341	25 929
Умерло, чел.	12 793	15 301	15 048
В том числе умерло до одного года, чел.	5 404	6 157	6 182
Удельный вес умерших детей до одного года в общей смертности горожан, %	42,2	40,2	41,1
Коэффициент младенческой смертности, ‰	238,0	252,9	238,4
Прочие города и городские поселения			
Родилось, чел.	38 914	40 604	44 438
Умерло, чел.	19 538	22 975	21 373
В том числе умерло до одного года, чел.	8 854	10 975	9 990
Удельный вес умерших детей до одного года в общей смертности горожан, %	45,3	47,8	46,7
Коэффициент младенческой смертности, ‰	227,5	270,3	224,8

Значительная младенческая смертность обесмысливала высокую рождаемость. Начальник сектора учета населения Уралстатотдела Ф.Н. Лебедев рассчитал, исходя из данных 1926 и 1927 гг., что из каждых 100 тыс. новорожденных в городах до 5 лет доживали 63 006 мальчиков и 66 693 девочек, а по области в целом соответственно – 58 218 и 61 961, сельской местности – 57 103 и 60 945 чел. Вероятность умереть до 5 лет у горожан была достаточно высокой, но меньше, чем у жителей региона и селян³.

В табл. 44 представлены главные причины смерти младенцев, зафиксированные в уральских городах в 1926–1928 гг. Их анализ показывает, что на протяжении этих лет основная масса детей до года погибала от болезней органов пищеварения: в 1927 г. это был каждый третий, а в 1928 г. – каждый четвертый ребенок.

¹ Гаврилов К.П. Детская смертность на Урале // Уральский медицинский журнал. 1930. № 5–6. С. 126.

² Таблица составлена и рассчитана по: Уральское хозяйство в цифрах. 1926 г. С. 18–19; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 76; Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г. С. 34–35.

³ Лебедев Ф.Н. Детская смертность на Урале в 1926–27 годах. С. 65–66.

Далее по частоте случаев смерти маленьких горожан на 1000 чел. шли болезни новорожденных и органов дыхания, эпидемические, эндемические и инфекционные заболевания. Довольно значительным был удельный вес группы причин «Внезапная смерть, неопределенные и неуказанные болезни», составивших в 1926 г. 15,9 %, 1927 г. – 11,3 и 1928 г. – 11,6 %, что свидетельствовало о невысоком уровне диагностики заболеваний в крае.

Таблица 44¹

Причины смерти детей до одного года в уральских городах в 1926–1928 гг.

Причина смерти	1926 г.		1927 г.		1928 г.	
	Всего, чел.	На 1000 чел.	Всего, чел.	На 1000 чел.	Всего, чел.	На 1000 чел.
Все причины	16 172	1000	17 419	1000	15014	1000
В том числе:						
Эндемические, эпидемические и инфекционные болезни	2264	140,0	2494	143,2	2461	163,9
Общие болезни	348	21,5	240	13,8	107	7,1
Болезни нервной системы и органов чувств	631	39,0	675	38,7	704	46,9
Болезни органов кровообращения	142	8,8	128	7,3	88	5,9
Болезни органов дыхания	3015	186,4	2767	158,8	2953	196,7
Болезни органов пищеварения	3588	221,9	6655	382,1	4124	274,7
Пороки развития	76	4,7	38	2,2	33	2,2
Болезни новорожденных	3274	202,4	2145	123,1	2426	161,6
Прочие болезни	179	11,1	235	13,6	306	20,2
Смерть от внешних причин	89	5,5	72	4,1	69	4,6
Внезапная смерть, неопределенные и неуказан. болезни	2566	158,7	1970	113,1	1743	116,2

Наибольшую опасность для горожан до года (свыше 100 случаев на каждую 1000 детей, скончавшихся до года) представляли диарея и энтерит, коэффициент младенческой смертности от них составил в 1924 г. 159 ‰; 1926 г. – 143; 1927 г. – 267 и в 1928 г. – 234,1 ‰. Также значительными были потери от врожденной сла-

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г. С. 36, 38; Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г. С. 8, 10; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 34, 38.

бости и преждевременного рождения (соответственно – 107,9; 183,5; 113; 159,1 ‰), воспаления легких (91,3; 169,6; 140,6 и 170,3 ‰).

Существенная убыль детей до года происходила и вследствие таких инфекционных заболеваний, как корь, скарлатина, коклюш, дизентерия и натуральная оспа. В совокупности все они дали коэффициент смертности младенцев в 1924 г. 216,9 ‰; 1926 г. – 98,2; 1927 г. – 98,1 и 1928 г. – 102,8 ‰¹. Но, как показывает статистика, к концу 1920-х гг. наметился слабый тренд к сокращению убыли маленьких горожан по этим причинам. Таким образом, в 1920-е гг. преобладали экзогенные причины смерти младенцев, которые вызывались в основном неблагоприятным воздействием среды, – болезнью органов дыхания, пищеварения, остро-заразных заболеваний, несчастных случаев и проч.

Колоссальные масштабы младенческой смертности в уральских городах привлекла к себе внимание исследователей еще на рубеже XIX–XX вв.² В 1920-е гг. к этой проблеме обратились медики³. Врачи и гигиенисты попытались связать значительную младенческую смертность с национальными традициями народов. В городских поселениях Уральской области в 1924 г. дети до года среди умерших составили у зырян 26,6 %, татар – 23,6; русских – 23,1; евреев – 9,5 и башкир – 9,1 %⁴. Высокая смертность младенцев в православных, по большей части русских семьях объяснялась особенностями вскармливания грудных детей. В этих семьях было принято чуть ли не с первых дней жизни давать ребенку прикорм или вообще лишать его грудного молока, оставлять без матери на попечении старших детей-подростков или стариков, еда при этом оставлялась на целый день. Представители других религий жили часто в худших условиях, но в связи с тем, что грудное вскармливание детей продолжалось у них дольше, смертность детей в этих семьях была гораздо ниже⁵. В уральских городах эта проблема стояла еще более

¹ Рассчитано по: Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 74; Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г. С. 36, 38; Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г. С. 8, 10; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 34, 38.

² Голикова С.В. Изучение детской смертности на Урале в конце XIX–начале XX вв. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: мат-лы VII Всероссийской науч. конференции. Екатеринбург, 2005. Т. 1. С. 64.

³ Данилишина Е.И. Указ. соч. С. 62.

⁴ Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 78.

⁵ Кваша Е.А. Указ. соч. С. 47.

остро. При более раннем отнятии детей от груди в городах края было мало молока для искусственного вскармливания младенцев¹.

Значительную младенческую смертность у татар доктор В.А. Тушнов на основе исследований населения Казани связывал с национально-религиозными особенностями данного народа. Его суеверия и предрассудки приводили к тому, что ребенок с матерью были замкнуты в пространстве дома, поэтому до 75 % младенцев татар не пользовались свежим воздухом. Обстановка и уход за детьми были лишены самых элементарных требований гигиены. При этом исследователь отмечал и положительные моменты: высокий процент вскармливания грудью, редкость соски-пустышки, частота омовений детей (по религиозным обычаям татары купали детей даже по 2 раза в день)². Так в 1920-е гг. проявлялась национальная специфика в уходе горожан за младенцами.

Помесячное изучение младенческой смертности в городах Урала показало, что она повышалась в летнее время, особенно в июле–августе. Это была самая страдная пора, дети при недостаточности детских учреждений оставались без надлежащего надзора и питания, что влекло за собой развитие желудочно-кишечных заболеваний. Осенью при кормлении детей активно использовали фрукты и овощи, также создававшие основу для желудочно-кишечных заболеваний³. Весной, как правило, младенцы умирали от заболеваний органов дыхания – бронхитов и пневмоний⁴.

Свердловский врач К.П. Гаврилов исследовал факторы, влиявшие на смертность детей, в том числе климатические и сезонные явления, критерий культурности населения, тип населенного пункта, особенности выхаживания младенцев и проч., и пришел к выводу, что только ими невозможно было объяснить данное явление. К.П. Гаврилов предложил уделить особое внимание повышению санитарной грамотности населения, охране труда женщин, обеспечению медицинской помощью всех рожениц края⁵.

¹ Лебедев Ф.Н. Детская смертность на Урале в 1926–27 годах. С. 62.

² Гаврилов К.П. Детская смертность на Урале // Уральский медицинский журнал. 1930. № 5–6. С. 127.

³ Там же. С. 131–132, 134.

⁴ Обзор хозяйства Урала за 1924–1925 год. С. 201.

⁵ Гаврилов К.П. Детская смертность на Урале // Уральский медицинский журнал. 1930. № 5–6. С. 133.

Вопросы охраны материнства и младенчества приобрели особую актуальность в годы новой экономической политики, когда в условиях проведения режима экономии на предприятиях нередко нарушались права беременных женщин и кормящих матерей. В первую очередь они попадали под сокращение, их лишали получасового перерыва на кормление ребенка. Были и другие нарушения. В 1921 г. для пресечения подобных фактов был издан сборник декретов и постановлений РСФСР об охране женского и детского труда, материнства и младенчества¹. Кодекс законов о труде РСФСР, принятый 9 ноября 1922 г., в ст.ст. 129–134 детально регламентировал порядок использования труда женщин на производстве². Наркомздрав РСФСР в своем циркуляре от 26 февраля 1926 г. предложил привлекать к уголовной ответственности виновных в нарушении трудовых норм по отношению к беременным и кормящим женщинам³. Данные нормативные акты создали прочную правовую основу для защиты интересов материнства и младенчества, что не могло не отразиться положительно на уровне смертности детей до одного года и здоровье женщин.

Начало охраны материнства и младенчества на Урале было положено еще в 1910 г. созданием Лиги борьбы с детской смертностью, которая организовала в Екатеринбурге одни постоянные ясли с примитивной молочной кухней при них. Работа этих учреждений носила благотворительный характер⁴. Только при Советской власти охрана здоровья матери и ребенка впервые в истории страны приобрела стройную систему государственных и общественных мероприятий. Эта проблема была поставлена в центр всей социально-демографической политики государства. После окончания Гражданской войны при местных органах здравоохранения возникли органы охраны материнства и младенчества. К примеру, в Златоустовском уездном отделе здравоохранения уже в 1920 г. действовал подотдел охраны младенчества и материнства, в Кургане весной 1924 г. при окружном

¹ См.: Советская власть и раскрепощение женщины: сб. декретов и постановлений РСФСР. М., 1921.

² Кодекс законов о труде РСФСР 1922 года // СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.

³ Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР, 1925–1940: сб. док. и мат-лов. С. 35.

⁴ ГАСО. Ф. Р–159. Оп. 1. Д. 4. Л. 73.

здравотделе – комиссия материнства и младенчества¹. Данные органы централизовали всю работу в этом направлении.

Для разработки научных проблем по вопросам охраны здоровья женщин и детей и подготовки медицинских кадров на Урале были созданы институты охраны материнства и младенчества. Особое значение имело открытие в 1924 г. Свердловского повивально-гинекологического института, который в 1930 г. по постановлению Наркомата здравоохранения СССР был преобразован в Свердловский научно-исследовательский институт материнства и младенчества. В июле 1934 г. он разделился на Свердловский научный акушерско-гинекологический институт и областной институт охраны материнства, но в 1938 г. эти два учреждения вновь объединились. В Перми также действовал Научный институт охраны материнства и младенчества, при нем в 1924 г. были организованы курсы для врачей и среднего медицинского персонала². Подобную учебу проводил и Государственный научный институт по охране материнства и детства, открытый в Москве в 1922 г.³ Все это способствовало повышению квалификации медперсонала.

На Урале уже с начала 1920-х гг. предпринимались меры по охране здоровья женщины во время беременности и в послеродовой период. От этого во многом зависело здоровое потомство. В городах начала формироваться сеть учреждений охраны материнства и младенчества (Оммлад), включавшая в себя консультации для женщин и детей, дома матери и ребенка, ясли для грудных детей и проч. В сложное для населения время они оказывали не только лечебно-профилактическую, но и материальную помощь женщинам. В Пермской и Челябинской губерниях в 1921 г. беременным и кормящим матерям выдавали талоны на дополнительное питание, а роженицам – на мануфактуру⁴. В последующие годы сохранилась материальная помощь нуждавшимся женщинам. Для этого при женских и детских консультациях при широком участии общественности созда-

¹ ГАКО. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 1. Л. 24; Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 108. Л. 16 об.

² ГАПК. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 281. Л. 1 об.; 2 об.

³ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. С. 51.

⁴ Мирошниченко М.И. Роженицы Урала в начальный период формирования сети родовспомогательных учреждений. С. 40; Тарасов П. Указ. соч. С. 538.

вались Советы социальной помощи. В 1926–1928 гг. в Челябинске и Перми через такие Советы выдавались денежные пособия беднейшим матерям¹.

В первой половине 1920-х гг. в уральских городах формируется гинекологическая служба. В 1924 г. были открыты консультации для беременных женщин в Свердловске, Перми, Кургане, Шадринске, Камышлове, Каменске и других городах². Они позволили медицинским работникам наблюдать женщин в дородовой и послеродовой период, контролировать развитие плода. В Челябинске в 1926 г. ввели обязательное диспансерное обслуживание беременных с целью оперативной корректировки их состояния³. К 1929 г. в городах Уральской области насчитывалось 67 консультаций для беременных и рожениц, из них 23 находились в окружных городах. В прочих городах функционировали еще и 4 амбулатории с консультационными днями для беременных и рожениц⁴.

Женские консультации пользовались у горожанок все возраставшей популярностью. Если в окружных городах в 1925 г. их посетили 21 537 женщин, то в 1928 г. – уже 43 417, т.е. в два раза больше. За эти четыре года выросло число посещений на одного человека с 1,7 до 2,4 раз. Всего же в уральских городах в 1928 г. в женских консультациях побывали 71 854 беременных и рожениц, каждая из них – свыше двух раз. Доля активно застрахованных и членов их семей среди посетивших консультации горожанок составила 64,6 %. Но большинство посещений женских консультаций в области приходилось на окружные (55,7 %) и прочие (32,7 %) города, а сельскую местность – только 11,6 %⁵.

В целях снижения младенческой смертности необходимо было всем будущим матерям обеспечить родовспоможение в условиях стационара. При городских больницах начали выделять родильные койки, создавать родильные отделения. В 1922 г.

¹ Материалы к отчету Челябинского городского Совета VIII созыва... С. 103; Материалы о работе Пермского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 9-го созыва (февраль – сентябрь 1927 года). Пермь, 1927. С. 55.

² Морозов. Указ. соч. С. 12; Отчет Шадринского окружного исполнительного комитета Советов РК и КД Второму окружному съезду Советов... С. 402; Отчет Шадринского городского Совета о работе за 1924–25 хозяйственный год. С. 14; ГАКО. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 6. Л. 74; ГАПК. Ф. Р-132. Оп. 1. Л. 281. Л. 4 об.

³ Соколов Д.К., Алексеева Р.С., Еремин Г.Ф., Старицын А.С. Указ. соч. С. 63.

⁴ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 32.

⁵ Рассчитано по: Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 79; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 9, 59.

такое родильное отделение на 15 коек существовало в Златоусте; в 1924 г. при городской больнице Челябинска действовали 30 родильных коек, а Кургана – 15; в Шадринске родильное отделение было преобразовано в родильно-гинекологический дом¹. Однако и в середине 1920-х гг. родовспоможение в городах Уральской области было поставлено достаточно слабо. К примеру, в 1924 г. в Перми только 59,3, а Челябинске – 31,6 % родов проходили в лечебных учреждениях, но часто при отсутствии элементарной врачебной помощи. В Златоусте же в указанном году почти все роды принимались в больнице, но с врачами – только 30 %².

Решение данной проблемы зависело от состояния акушерско-гинекологической помощи, уровень развития которой включал в себя материальную базу в виде специальных лечебно-профилактических учреждений, и наличия подготовленного медперсонала. В уральских городах для рожениц не хватало ни коек, ни врачей и фельдшеров. В конце 1924 г. в окружных городах пяти наиболее мощных промышленных округов (Верхне-Камского, Златоустовского, Пермского, Свердловского, Тагильского) на одну родильную койку приходилось 2230 горожанок при норме Наркомздрава в 1500 чел., одна акушерка обслуживала от 2974 до 7262 рожениц при норме в 2000 чел.³

С середины 1920-х гг. началось расширение сети лечебных учреждений для рожениц, и ситуация стала меняться. К концу 1926 г. в окружных городах функционировали 452 родильные койки, их удельный вес среди всех коек в больницах общего пользования составил 9,6 %. В итоге в указанный год в окружных центрах Урала в больницах родилось 98,5 % всех младенцев и только 1,5 % их – на дому, в то время как по области соответственно – 80,6 и 19,4 %⁴. В 1928 г. на Урале в шести окружных городах (Ирбите, Ишиме, Перми, Троицке, Тюмени и Шадринске) действовали 6 родильных домов на 205 мест. Помимо них во всех городских

¹ Мирошниченко М.И. Роженицы Урала в начальный период формирования сети родовспомогательных учреждений. С. 40; Отчет Шадринского городского Совета о работе за 1924–25 хозяйственный год. С. 21; ГАКО. Ф. Р–466. Оп. 1. Д. 30. Л. 112; Архив ЗГО. Ф. Р–17. Оп. 1. Д. 108. Л. 206 об.

² Накоряков Н.К. Указ. соч. С. 85; Соколов Д.К., Алексеева Р.С., Еремин Г.Ф., Старицын А.С. Указ. соч. С. 63; Архив ЗГО. Ф. Р–17. Оп. 1. Д. 149. Л. 15.

³ Отчет о деятельности Уральского областного комитета С.Р.К.К. и К.Д. VI созыва... С. 198; Материалы к отчету Пермского окружного исполнительного комитета Советов Р.К. и К.Д. за 1928–29 год. С. 136.

⁴ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 5, 13.

больницах области функционировали родильные отделения с коечным фондом в 1101 единицу, доля которых составила 73,2 % среди подобных коек края¹. Эти цифры свидетельствовали о росте доступности больничного родовспоможения для горожанок. При этом следует учесть, что женщины из прилегавших к городу районов стремились рожать в городских больницах, что сужало такие возможности для жительниц городов.

Увеличение числа родильных коек в городах позволило снизить нагрузку на них. В 1928 г. на 10 тыс. жителей Свердловска приходилось 7,6 коек, прочих окружных городов – 7,5, поселков городского типа – 6,5. В итоге, если в городах в стационарах был принят в 1927 г. 91 % всех родов, то в 1928 г. – 99 % в окружных городах и 94,5 % в поселках городского типа². Такой охват госпитальной помощью рожениц-горожанок превосходил земский норматив (65 % на больничной койке³), из которого в 1920-х гг. исчислялась потребность в родильных койках в крае. Резко сократилось количество внебольничных родов. В 1928 г. на долю окружных городов приходилось всего 19, а городских поселков – 27,4 % из общего числа домашних родовспоможений в целом по области⁴.

Положительные изменения в родовспоможении стали возможны благодаря росту числа акушерок. За 1923–1926 гг., к примеру, их количество увеличилось в Перми с 9 до 15 чел., Мотовилихе – с 3 до 4 чел., Златоусте – с 3 до 6 чел., Кургане – с 6 до 8 чел.⁵ Если на начало 1927 г. в окружных городах была 131 акушерка, то через два года – 169 (четверть всех акушерок области). Всего же в городах региона в 1928 г. имелось 384 акушерки (58,4 % всех подобных специалистов края) и 160 акушерок-фельдшериц (73,4 % от их числа по области)⁶. В результате роста медицинских кадров снизилась нагрузка на одну акушерку. Если на одну акушерку приходилось в Златоусте в 1924 г. 8750, то 1926 г. – 7000 чел.; Перми в

¹ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 27–28.

² Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 48; Курдов И.К. Обзор деятельности учреждений здравоохранения на Урале в 1928 году. С. 10.

³ Материалы к изучению Златоустовского округа. С. 84.

⁴ Курдов И.К. Обзор деятельности учреждений здравоохранения на Урале в 1928 году. С. 10.

⁵ Пермский округ Уральской области 1926 г.: стат. справочник. С. 22; ГАКО. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 4. Л. 23; Д. 30. Л. 112; ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 284. Л. 222; Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 29. Л. 14 об.

⁶ Рассчитано по: Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 6; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 23.

1927/28 г. – 5484, а 1928/29 г. – 5220 чел.¹ Но ни в одном городе Уральской области нормы Наркомздрава по обеспеченности кадрами горожанок (2 тыс. чел. на одну акушерку) пока еще не выполнялись.

Расширение сети лечебных учреждений для рожениц и увеличение медицинских штатов позволили женщинам находиться в стационаре более 6 дней уже во второй половине 1920-х гг., тогда как в досоветский период из-за нехватки родильных коек они могли оставаться в больнице не более 3–4 дней².

Организация в городах края медицинского наблюдения за протеканием беременности и принятие родов в стационаре способствовали снижению коэффициентов смертности женщин от родовой горячки и заражения крови при родах с 2,9 (1924 г.) до 0,8 (1928 г.) и младенцев от болезней новорожденных с 202,4 (1926 г.) до 161,6 (1928 г.)³. Это был значительный успех в деле охраны здоровья матери и младенца в очень ответственный период вынашивания и рождения ребенка. Но уровень мертворожденных детей оставался практически неизменным и колебался в рамках 15,5 (1925 г.)–17,9 (1927 г.) ‰⁴.

Для сохранения жизни новорожденным требовалось наладить их медицинское обслуживание. Эту работу взяли на себя консультации Омлада. Они вели прием не только женщин, но и детей. Хотя первоначально женщины чаще обращались в них по проблемам своего здоровья, а не детей. В 1926 г. на прием в консультации в окружных городах Урала пришли 34 762 беременные горожанки и только 18 431 ребенок. Причина была в нехватке врачей-педиатров. К концу 1920-х гг. появились самостоятельные консультации для детей. В 1928 г. в городах области их было уже 75. Кроме того, в поселках городского типа функционировали еще 4 амбулатории с консультационными днями для младенцев. В указанном году в городские детские консультации обратилось 47 620 чел., каждый из них побывал на приеме в среднем 4,6 раз. В практику вошли посещения детей медработни-

¹ Материалы к изучению Златоустовского округа. С. 81; Материалы к отчету Пермского окружного исполнительного комитета Советов Р.К. и К.Д. за 1928–29 год. С. 136.

² Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 26; Архив ЗГО. Ф. Р–17. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

³ Рассчитано по: Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. Вып. I. С. 71; Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г. С. 36; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. I. С. 36

⁴ Рассчитано по: Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 66–67; Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. С. 30–31; ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 27. Л. 22.

ками на дому. В городских поселениях, в которых не было детских консультаций, в лечебных учреждениях были предусмотрены консультативные дни и часы для младенцев. При 69 из 75 детских консультациях был создан патронаж новорожденных, а в 14 из них – молочные кухни. Молочные кухни имели большое значение для организации правильного питания младенцев. Не случайно они постоянно наращивали выпуск своей продукции. Только за 1926–1928 гг. число порций молока, выданных молочными кухнями в окружных центрах Урала, увеличилось с 240 271 до 1 072 063 шт., т.е. в 4,5 раза. Подавляющее большинство их было бесплатным¹. Но молока для новорожденных катастрофически не хватало. Особенно от его недостатка страдали неокружные города и городские поселения области.

Получает распространение патронаж новорожденных. В 1923 г. Челябинский губздравотдел разработал инструкцию для патронажных сестер. Ежеженедельно они должны были проводить измерение и взвешивание младенцев и о каждом уменьшении веса сообщать врачам. В их обязанности входило разъяснение матерям важности гигиенического ухода за здоровыми и больными детьми². В 1924 г. сестры-обследовательницы из детской консультации в Шадринске провели 878 проверок условий домашнего содержания маленьких горожан³. В 1927 г. в Кургане детская консультация установила связь с родильным отделением и стала брать на патронаж младенцев в зависимости от состояния их здоровья и культурности их матерей. В основном это были дети служащих и работниц⁴. В целом в 1928 г. из общего числа патронажных посещений 45,8 % приходилось на окружные города, 46,6 – городские поселения, и только 7,6 % – на сельские⁵.

Эффективным средством борьбы с младенческой смертностью от инфекций стали прививки. За 1926–1928 гг. доля детей до одного года среди жителей окружных центров Урала, вакцинированных от натуральной оспы, выросла с 40,1 до 42,3 %. Удельный вес младенцев среди всех горожан края, привитых от этой

¹ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 29; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 9, 32, 59.

² ГАКО. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 43. Л. 8.

³ Отчет Шадринского городского Совета о работе за 1925–26 хозяйственный год. С. 23.

⁴ ГАКО. Ф. Р–466. Оп. 1. Д. 30. Л. 105 об.

⁵ Курдов И.К. Обзор деятельности учреждений здравоохранения на Урале в 1928 году. С. 10.

страшной болезни, составил в 1928 г. 40,8 %¹. В практику начали входить и прививки от скарлатины. В итоге за 1924–1928 гг. снизилась смертность горожан до года от натуральной оспы с 17,5 до 3 на каждую 1000 чел., скарлатины – с 56,7 до 7,7². Добиться таких же положительных изменений в отношении других причин смерти детей до года пока не удалось.

В начале 1920-х гг. одной из причин высокой смертности младенцев была низкая санитарная и гигиеническая культура матерей. Органы здравоохранения и Оммлада развернули санитарно-просветительную работу среди женщин. С середины 1920-х гг. в Свердловске, Перми, Кургане и других городах Урала функционировали выставки охраны материнства и младенчества, регулярно читались лекции по правильному уходу за грудным ребенком, организовывались вечера вопросов и ответов и трехдневники по указанной тематике, в яслях проводились индивидуальные беседы с молодыми матерями. При женских консультациях действовали уголки «Мать и дитя»³. В 1927 г. городские консультации провели конкурсы здорового ребенка, вызвавшие большой интерес горожан. Только в Перми в нем участвовало 84 чел., из которых 39 получили премии, а остальные – похвальные листы. В Кургане из 100 принявших участие детей 15 были награждены подарками, а 30 – похвальными листами⁴. Санитарно-просветительная работа по вопросам охраны материнства и младенчества, ставшая частью профилактического направления советского здравоохранения, способствовала улучшению санитарной культуры женщин.

В целом благодаря предпринятым органами здравоохранения мерам к 1929 г. наметилась слабая тенденция к сокращению младенческой смертности. В 1928 г. ее коэффициент составил 203,8 ‰, удельный вес детей до одного года среди всех умерших горожан упал до 39,6 % (см. табл. 42). Но кардинальным образом изме-

¹ Рассчитано по: Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 26; Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 68.

² Рассчитано: Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 74; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 34.

³ См.: Отчет о работе Пермского городского Совета 8-го созыва. С. 45; ГАКО. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 6. Л. 74, 77; Д. 30. Л. 82 об.; ГАПК. Ф. Р-15. Оп. 2. Д. 41. Л. 7 об.; Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 281. Л. 2 об., 3, 4 об.; и др.

⁴ Материалы о работе Пермского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 9-го созыва. С. 55; ГАКО. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 44. Л. 17.

нить ситуацию с младенческой смертностью можно было только путем дальнейшего расширения сети лечебно-профилактических учреждений и совершенствования качества обслуживания горожан, улучшения жилищно-коммунального и санитарного состояния городов, усиления санитарного просвещения населения.

С конца 1920-х гг. уровень младенческой смертности колебался под влиянием экономических и социальных катаклизмов, сопровождавших развернувшиеся в стране социалистические преобразования. С началом промышленной модернизации Урала, как уже говорилось ранее, проявился тренд к сокращению рождаемости на фоне роста уровня смертности горожан. Выросла и младенческая смертность, хотя удельный вес ее в общем числе умерших жителей уральских городов, поднявшись в 1929 г. до 40,8 %, снизился в 1932 г. до 30,6 %, а в 1933 г. – даже примерно до 20 %, что было ниже аналогичных показателей по региону в 1924–1928 гг. (см. табл. 42, 45 и 46). Но эти цифры не свидетельствовали о нормализации демографической ситуации в крае. Они отражали только снижение рождаемости в городах региона в указанный период.

Таблица 45¹

Младенческая смертность в городах Уральской области в 1929–1932 гг.

Год	Число умерших до одного года, чел.	Удельный вес их в общей смертности, %	Коэффициент младенческой смертности, ‰
1929*	16 864	40,8	235,4
1932	28 776	30,6	279,5

* Данные за 1929 г. – предварительные.

В годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) на фоне снижения доли скончавшихся в возрасте до одного года в общем числе умерших горожан наблюдалось значительное увеличение коэффициента младенческой смертности. За 1929–1932 гг., по данным табл. 45, он вырос с 235,4 до 279,5 ‰, превзойдя самый худший показатель в городах Урала (263,8 ‰) в 1925 г. (см. табл. 42 и 45). Уровень смертности горожан до одного года в крае превосходил аналогичные данные по

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 10; ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 172. Л. 1.

городам Европейской части СССР (1929 г. – 165,9 ‰, а 1932 г. – 191,4 ‰)¹.

Состояние младенческой смертности продолжало ухудшаться, достигнув своего пика в голодном 1933 г. Тогда на каждую 1000 родившихся умирало в городах Свердловской области 307,8, а Челябинской – 325,4 чел. в возрасте до года, то есть треть всех новорожденных (см. табл. 46).

Таблица 46²

Младенческая смертность в городах Свердловской и Челябинской областей
в 1933–1939 гг.

Год	Свердловская область			Челябинская область		
	Число умерших до 1 года, чел.	Уд. вес их в общей смертности, %	Коэффиц. младенч. смертн., ‰	Число умерших до 1 года, чел.	Уд. вес их в общей смертности, %	Коэффиц. младенч. смертн., ‰
1933	13438	20,5	307,8	7733	19,8	325,4
1934	10726	23,0	203,8	4929	21,3	183,3
1935	12619	34,3	186,9	7036	34,1	175,3
1936	19278	38,6	254,9	10748	39,7	273,5
1937	24617	42,3	247,1	12804	41,3	234,4
1938	12667	42,0	207,1	10203	39,1	193,8
1939	13492	40,1	220,1	11028	40,3	218,1

В городах с населением свыше 50 тыс. чел. ситуация с младенческой смертностью была еще тяжелее. В 1933 г. уровень убыли детей в возрасте до года в подобных населенных пунктах Свердловской области составил 323,5, а Челябинской – 384,2 ‰. Данный показатель достиг в Свердловске 317,9 ‰, Лысьве – 335,7, Нижнем Тагиле – 338,6, Перми – 343,1, Надеждинске – 370,4 и превысил общегородской уровень в Свердловской области; в Молотове (277,8 ‰) и Усолье с Березниками (255,8 ‰) он, наоборот, оказался ниже. В соседней Челябинской области средний коэффициент младенческой смертности по городам региона был превзойден во всех крупных городах. В Челябинске он составил 433,7 ‰, Магнитогорске – 355,9, Златоусте – 333 ‰³.

¹ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX в. С. 253.

² Таблица составлена и рассчитана по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 4–5; Д. 53. Л. 3; Д. 188. Л. 97–98; ГАСО. Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 2–2 об.; Д. 100. Л. 5; Д. 101. Л. 3–4; ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 5. Д. 144. Л. 111; Оп. 6. Д. 789. Л. 130; Оп. 7. Д. 487. Л. 79.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 4–5.

В 1934 г. по сравнению с предыдущим годом в городах Свердловской области в среднем скончалось в 1,5 раза меньше младенцев на каждую 1000 родившихся, а Челябинской – в 1,8 раз (рассчитано по данным табл. 46). Более того, в Свердловской области данный показатель по городам с населением свыше 100 тыс. чел. оказался немного ниже среднего по городским поселениям края (203,2 ‰), в Челябинской области он по-прежнему был выше (200,9 ‰). В 1934 г. коэффициент младенческой смертности остался выше средних общегородских показателей по Свердловской области только в Перми (240,7 ‰) и Нижнем Тагиле (224,9 ‰), а в Свердловске он оказался даже ниже (184,5 ‰). В Челябинской области смертность детей в возрасте до года превышала средние общегородские цифры в Челябинске (236,2 ‰) и Златоусте (196,1 ‰), зато в Магнитогорске она уступала им (166,1 ‰)¹.

И вновь, как и в 1920-х гг., данные по уральским городам были хуже, чем по аналогичным поселениям РСФСР и СССР. На 1000 родившихся горожан умерло детей до одного года в Европейской части СССР в 1933 г. 238,1, 1934 г. – 167,1 чел., Европейской части РСФСР соответственно – 250,2 и 177,3; городам РСФСР в целом – 247,1 и 178,5 чел.²

В 1935 г., как показывают данные табл. 46, в обеих областях Урала продолжилось снижение уровня младенческой смертности. Но в 1936 г. в уральских городах вновь вырос коэффициент младенческой смертности, достигнув максимальных размеров за 1934–1939 гг. При этом этот показатель по городам Челябинской области перекрыл коэффициенты младенческой смертности в уральских городах в 1924–1928 гг., а по городским поселениям Свердловского региона он уступал только уровню за самый худший 1925 г. (см. табл. 42).

В докладной записке временно исполнявшего должности начальника СвердловоблУНХУ Л.П. Валинчуса в Свердловский обком ВКП (б) от 9 июня 1936 г. содержался анализ воспроизводства горожан региона за период с мая 1935 г. по май 1936 г. В ней отмечалось, что если за это время в городской местности рождае-

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 53. Л. 3.

² Жиромская В.Б. Указ. соч. С. 253; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 9, 12; Д. 53. Л. 7, 9.

мость выросла на 0,02 чел., то в сельской – на 0,76 чел. Низкая рождаемость горожан в указанный период была обусловлена ее снижением в Нижнем Тагиле на 0,26 чел., Лысьве – на 0,53 и Кабаковске – на 0,04 чел. Вместе с тем за это же время выросла и смертность – с 1,75 до 2,02 чел. на 1000 населения области. Это произошло за счет увеличения убыли населения в Перми (на 0,11 чел. на 1000 горожан) и Молотове (на 0,69 чел.), а также в сельской местности (на 0,3 чел.). Рост общей смертности произошел, прежде всего, за счет повышения детской смертности. Так, в городах края в мае 1935 г. на 1000 родившихся умерло 207 младенцев, а через год – уже 253 чел.; в сельской местности соответственно – 184 и 221, а области в целом – 196 и 236. Повышенную детскую смертность дали Нижний Тагил, в котором за указанный период младенческая смертность выросла с 241 до 360 чел. на 1000 родившихся, Молотово соответственно – 175 и 235, Лысьва – 291 и 399 чел. Но в Свердловской области были и города, в которых, наоборот, снизился уровень летальности детей до одного года. В Свердловске он уменьшился с 217 до 200 чел. на 1000 родившихся, Березниках – с 241 до 202, Кабаковске – с 303 до 239 чел. Л.П. Валинчус указал и причины роста младенческой смертности. Ими стали корь, скарлатина, грипп, крупозная пневмония. Так, за указанный период в области доля летальности от кори в общей смертности населения выросла с 4,2 до 9,3 на 1000 чел., скарлатины – с 1,2 до 3,4, крупозной пневмонии – с 2,2 до 3,9 чел. Все эти заболевания относились к группе эпидемических болезней¹.

В докладной записке начальника Управления НКВД СССР по Челябинской области, старшего майора госбезопасности А.М. Минаева, направленной в июле 1936 г. секретарю обкома ВКП (б) Челябинской области К.В. Рындину и председателю Челябинского облисполкома М.А. Советникову, также указывалось на повышение смертности и снижение рождаемости в крае. Особенно неблагоприятная ситуация сложилась в Сатке и Бакале. А.М. Минаев заострял внимание на росте смертности младенцев. В мае 1936 г. только в Челябинске их доля среди всех умерших горожан составила 5 %².

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 502. Л. 14.

² Общество и власть. Российская провинция. Челябинская область: док. и мат-лы. Т. 1. С. 354–355; ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 26. Л. 88–89.

Летом 1936 г. совторготдел Свердловского обкома ВКП (б) и Управление НКВД СССР по Челябинской области провели проверки учреждений здравоохранения в своих регионах. Они показали, что главной причиной высокой смертности младенцев были летние детские поносы. Но именно в летние месяцы врачи отправлялись в отпуска. В результате, к примеру, в Челябинске в центральной детской поликлинике вместо двух приемов для больных детей остался только один, вместо двух разъездных детских врачей работал один. Одновременно сокращалось и число приемов в детских консультациях. В итоге в этом областном центре, как и в других городах Урала, были зарегистрированы многочисленные отказы больным детям в предоставлении медицинской помощи¹.

Не лучшим образом было организовано стационарное лечение детей. В Красноуральске даже при наличии свободных мест в заразном отделении больницы маленькие горожане, больные корью, скарлатиной, дизентерией, диареей и с осложнениями после них, вместо госпитализации отправлялись домой, но и там никто из медработников их не посещал. В Челябинске, наоборот, детям отказывали в госпитализации из-за острой нехватки детских коек в больницах. По этой причине в стационарах не было изоляторов для сомнительных больных детей. В медучреждениях Челябинска, Кизела, Сатки, Кушвы и других городов царил антисанитария, не проводилась дезинфекция посуды, не выделялись для детей отдельные туалеты. Все это создавало условия для распространения инфекций в самих больницах². В Кизеле, Кушве, Верхней Туре, Аше, Сатке и других небольших городах из-за недостатка врачей-педиатров амбулаторный прием и помощь на дому осуществляли фельдшеры и малоквалифицированные медсестры. В Сатке был зарегистрирован возмутительный случай: акушерка Шихова приняла у Филимоновой преждевременные роды и решила, что младенец родился мертворожденным, завернула его в газету и положила в туалете. Через два часа обнаружилось, что ребенок жив, но спасти его уже не удалось³. Нередко инфекционных больных из-за неправильного диагноза оставляли дома.

¹ ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 26. Л. 89; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 504. Л. 136.

² ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 12. Л. 1; Д. 26. Л. 90; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 504. Л. 138, 140.

³ ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 26. Л. 11, 90-91; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 504. Л. 139.

В июне 1936 г. Челябинский обком ВКП (б), обсудив вопрос о состоянии естественного движения населения, создал при городских и районных здравотделах постоянные комиссии в составе начальников соответствующих загсов и органов НХУ для отслеживания динамики воспроизводства населения и оперативного принятия мер по снижению смертности горожан, особенно младенцев¹. Летом 1936 г. облздравотдел Челябинской области проанализировал причины смерти детей до одного года. Оказалось, что 51,8 % младенцев умерли от заболеваний дыхательных путей из-за осложнений после кори и скарлатины и детских поносов. Исходя из этих причин, были определены мероприятия по борьбе с заболеваниями и детской смертностью. Во-первых, была усилена предупредительная прививочная работа. Оспопрививанием было охвачено 100 % детей региона. Все дети до 12 лет, в первую очередь в городах и промышленных центрах, должны были быть привиты против скарлатины. Также ставились прививки против дифтерии и кори. Для получения нужного количества вакцины были значительно расширены пункты по изготовлению корьевой сыворотки в Магнитогорске, Златоусте, Кургане, Каменске, Челябинске (ЧТЗ). Во-вторых, в Сатку, Бакал и Ашу, в которых сложилась самая неблагоприятная ситуация с детской заболеваемостью и смертностью, были направлены бригады облздравотдела для оказания действенной помощи местным медицинским работникам. В-третьих, детские консультации Челябинска, Магнитогорска и Златоуста взяли на учет всех заболевших желудочно-кишечными заболеваниями детей, им была оказана необходимая медицинская помощь. В-четвертых, была усилена санитарно-профилактическая работа в городах. В Челябинске, Златоусте и Магнитогорске состоялись семинары медработников по борьбе с детскими поносами. Для населения Златоуста и Магнитогорска по радио читались лекции по желудочно-кишечным заболеваниям. Во всех городах внедрялся санминимум².

26 декабря 1936 г. Свердловский облисполком на основе анализа состояния медицинской помощи детям региона наметил программу по ее улучшению. Уже в

¹ ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 26. Л. 97-98.

² ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 26. Л. 12, 99 об.-101 об.

феврале и марте 1937 г. в Свердловске, Нижнем Тагиле, Перми, Кабаковске, Березниках были организованы курсы для актива из рабочих по оздоровлению детства. Во всех городах области состоялись беседы-семинары с неработающим населением, а на предприятиях – профсоюзные собрания и конференции по вопросам санитарного воспитания детей. Были изданы листовки и проведены радиобеседы по гигиене грудных детей и проч.¹

Принятые меры, как свидетельствуют данные табл. 46, позволили в 1937 г. снизить коэффициент младенческой смертности в уральских городах, но при этом вследствие роста рождаемости вырос удельный вес младенцев в общей смертности горожан на 9,6 % в Свердловской области и 4 % в Челябинской. Этот показатель достиг своего пика за 1929–1939 гг. (см. данные табл. 45 и 46).

Высокая младенческая смертность в целом по стране вызвала обеспокоенность работников народнохозяйственного учета. В секретном письме начальника отдела демографии ЦУНХУ Госплана СССР И.Ю. Писарева в Госплан СССР и Наркомздрав СССР от 28 ноября 1938 г. были представлены коэффициенты доживания до конца первого года жизни для детей поколений 1936 и 1937 гг. по 52 городам Советского Союза. Уральские города оказались в самом конце списка, заняв 34-е (Магнитогорск), 37-е (Свердловск), 43-е (Пермь), 46-е (Златоуст), 49-е (Нижний Тагил) и 50-е (Челябинск) места. Более того, за указанные годы в ряде уральских городов эти показатели ухудшились. Коэффициенты доживания сократились в Свердловске с 0,7696 до 0,7692, Перми – с 0,7487 до 0,7477, Златоусте – с 0,7374 до 0,7370, Нижнем Тагиле – с 0,7326 до 0,7323, но выросли в Магнитогорске с 0,7672 до 0,7762 и Челябинске – с 0,6826 до 0,7112². Показатели по уральским городам значительно уступали аналогичным данным по Москве, коэффициенты доживания в которой составили в 1936 г. 0,8459, а 1937 г. – 0,8559, и Ленинграду (соответственно – 0,8492 и 0,8512)³.

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4329. Л. 230–232.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 188. Л. 20, 22.

³ Там же. Л. 21.

В 1938 г. в городах Урала продолжилось снижение коэффициента младенческой смертности – примерно на 17,2 % в обоих регионах, несколько уменьшился и удельный вес скончавшихся детей до одного года среди умерших горожан, но младенцы по-прежнему составляли свыше двух третей всех скончавшихся жителей городов. В 1939 г. коэффициент младенческой смертности вновь резко возрос. Таким образом, на протяжении 1934–1939 гг. уровень младенческой смертности в городах Урала, оставаясь достаточно высоким, был неустойчивым и резко колебался (см. данные табл. 46).

Данные табл. 46 и 47 позволяют сделать вывод, что в 1933–1939 гг. уровень младенческой смертности в городах Свердловской области был на порядок ниже, чем в сельской местности и по региону в целом. В Челябинской области в 1933 и 1938 гг. убыль детей до года в городах превосходила аналогичные потери на селе и в регионе в целом. В 1934 г. в области был зафиксирован примерно одинаковый уровень смертности младенцев как в городской, так и сельской местностях. В 1936 г. коэффициент смертности детей в возрасте до года в городах был выше, чем в крае в целом, но ниже, чем на селе. Таким образом, в Челябинской области иногда городская жизнь тяжелее сказывалась на новорожденных, чем сельская.

В табл. 48 представлены основные причины смерти горожан до одного года в Свердловской области в 1939–1940 гг. В эти годы 30,2–30,7 % младенцев умерло от болезней пищеварения, 23,6–27 % – органов дыхания, 20,9–18,3 % – острых инфекционных заболеваний, 15,8–14,6 % – врожденной слабости, преждевременного рождения и болезней новорожденных. Наиболее тяжелой формой расстройства пищеварения у младенцев была токсическая диспепсия. Ею особенно часто болели дети в возрасте от 6 до 12 месяцев, находившиеся на смешанном или полностью искусственном вскармливании. От 2,8 (1939 г.) до 3,3 (1940 г.) % горожан до года умерло от дизентерии. К острым инфекционным заболеваниям относились корь, от которой погибло в 1939–1940 гг. 1–1,8 % всех умерших младенцев, коклюш – 2,1–1,5 %, скарлатина – 0,7–0,6 %¹. То есть младенцы и в эти годы по-прежнему погибали от экзогенных причин.

¹ ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 2. Д. 640. Л. 21–22.

Младенческая смертность в Свердловской и Челябинской областях
и сельской местности данных регионов в 1933–1939 гг.

Год	Свердловская область			Челябинская область		
	Уд. вес младенцев в общей смертности по области, %	Коэффиц. младенч. смертности по области, ‰	Коэффиц. младенч. смертности в сельской местности, ‰	Уд. вес младенцев в общей смертности по области, %	Коэффиц. младенч. смертности по области, ‰	Коэффиц. младенч. смертности в сельской местности, ‰
1933	26,9	332,3	345,9	26,1	281,6	266,0
1934	26,6	239,6	268,3	25,4	183,4	183,4
1935	37,6	215,8	239,2	36,5	187,4	194,4
1936	43,8	307,0	348,5	43,1	269,7	288,5
1937	42,3	274,0	303,4	42,5	271,4	299,9
1938	42,3	211,1	216,2	39,9	178,3	167,5
1939	42,3	236,7	257,7	44,5	250,8	309,8

Таблица 48²

Главные причины смерти детей до одного года по 25 городам и рабочим поселкам Свердловской области в 1939–1940 гг., чел.

Причина смерти	1939 г.	1940 г.
Дизентерия	449	595
Острый гастроэнтероколит	2924	2870
Корь	1079	719
Коклюш	188	135
Скарлатина	68	30
Дифтерия	72	77
Грипп	145	180
Пневмония	2938	3381
Туберкулез	321	271
Врожденная слабость и преждевременные роды	1468	1627
Токсическая диспепсия	2088	2416

Аналогичное положение было и в других уральских городах. В 1939 г. в Перми, по данным М.Я. Подлужной и С.П. Шиловой, на долю экзогенных причин

¹ Таблица составлена и рассчитана по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 4–5; Д. 53. Л. 3; Д. 188. Л. 97–98; ГАСО. Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 3–4; Д. 101. Л. 1–2, 5–6; ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 5. Д. 144. Л. 114–115; Оп. 6. Д. 789. Л. 131–132; Оп. 7. Д. 487. Л. 77–78.

² Таблица составлена по: ГАСО. Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 782. Л. 11–14, 17–23, 42–43.

(инфекционные болезни, болезни органов дыхания и пищеварения) приходилось 62,8 % всех смертей младенцев, тогда как болезней системы кровообращения – 8,6 %, новообразований – 3,2 %¹. IV сессия Челябинского областного Совета депутатов трудящихся (декабрь 1940 г.) констатировала, что, несмотря на снижение показателей детской смертности, она сохранялась на высоком уровне. Младенцы по-прежнему погибали от кори, коклюша, дифтерии².

Рост младенческой смертности в годы первой пятилетки, помимо общих социально-экономических и политических причин, повлиявших в целом на демографическое развитие уральских городов, был обусловлен ухудшением материальной базы охраны материнства и младенчества из-за резкого роста численности горожан. По этой причине в регионе уже в 1929 г. упали темпы роста родовспоможений с 13 до 5 %, почти в два раза увеличилось домашнее родовспоможение. Но положение в городах было лучше, чем на селе. По отношению к общему числу рождений родовспоможения в окружных городах составили 93 %, при этом почти все они (на 99,3 %) проводились в лечебных учреждениях; в прочих городских поселениях медицинская помощь была оказана в 83 % родов, в больницах на свет появилось 85 % новорожденных. Эти цифры по-прежнему значительно превышали показатели по сельской местности, где врачами было принято всего 9 % родов, в стационарах младенцы родились в 54,5 % случаев³.

Типичной была ситуация, сложившаяся с родовспоможением в Лысьве в 1931 г. В указанный год на 100 рожениц приходилось всего 2,5 родильных койки. В результате образовались огромные очереди на их госпитализацию. Для более полного охвата женщин больничным родовспоможением рожениц стали размещать даже в коридорах родильного отделения, а уже родивших выписывать через три дня. Не хватало врачей для оказания помощи нуждавшимся женщинам⁴. Аналогичное положение было и в других городах. В Златоусте на 100 рожениц приходилось в 1930 г. 1,7 родильных коек, в 1931 г. – уже только 1,5, но в 1932 г. их

¹ Цит. по: Бирюков В.А. Эволюция и особенности смертности населения в городах СССР // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. М.: Наука, 1990. С. 140.

² ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 51. Л. 1, 17, 121.

³ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 3414. Л. 35.

⁴ ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 218.

число увеличилось до 1,9, в Челябинске соответственно – 1,4, 2,9 и 4,3. Если в Перми родильной помощью было охвачено в 1927 г. 77 % женщин, в 1928–1929 гг. – 73, то в 1930 г. – всего 60 % будущих матерей¹. Не хватало и женских консультаций, хотя и выросло их число. Если в городских поселениях Урала в 1930 г. их было 86, то весной 1931 г. – уже 98². Но они не могли удовлетворить всех потребностей женщин в гинекологической помощи.

Особенно тяжелой была обстановка на новостройках. По неполным статистическим данным, на начало ноября 1931 г. в Магнитогорске проживало 22 927 женщин, из которых в возрасте 16–18 лет было 2167 чел., а 18–54 лет – 19 236 чел.³, то есть подавлявшее большинство (до 90 %) горожанок было в детородном возрасте. Но в Магнитогорске в 1930–1931 гг. функционировала всего одна женская консультация, в 1932 г. – 2 и только в октябре 1932 г. было открыто еще два подобных медицинских учреждения. В итоге, если в 1930 г. беременные женщины смогли побывать в консультации 236 раз, что составило 89 % всех посещений, то в октябре 1931 г. – 757 раз, удельный вес их был равен 74,7 % среди всех посещений. В 1930 г. роженицы ни разу не были в женской консультации, в октябре 1931 г. они сделали 461 посещение, которые составили 45,5 % от всех посещений женской консультации⁴. Но этого было явно недостаточно для удовлетворения всех потребностей женщин. В октябре 1931 г. консультация обслуживала всего 33 % женщин и детей, хотя это на 8 % превышало показатели октября предыдущего года. В 1931 г. в Магнитогорске при больнице действовало акушерско-гинекологическое отделение на 60 коек, из которых половина была родильными. Их катастрофически не хватало для всех рожениц, число которых увеличивалось с каждым месяцем. В результате только за указанный год заполняемость родильных коек выросла с 11 до 115 %. На пяти родильных койках размещалось 15 рожениц. Пребывание родильницы на больничной койке сократилось до трех дней. Не хватало медицинских работников. Из требовавшихся четырех врачей-

¹ Розет Г.И. Указ. соч. С. 9; ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 37. Л. 33; Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 4. Л. 12–12 об.

² ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3 Л. 218.

³ МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 34. Л. 43.

⁴ Там же. Л. 50.

гинекологов работал только один, из необходимых 6 акушерок – 4¹. Такое тяжелое положение с родовспоможением в Магнитогорске способствовало повышенной смертности рожениц. Только за одну неделю марта 1930 г. скончалось пять женщин от послеродового сепсиса². Не лучше был уход и за новорожденными. В акушерско-гинекологическом отделении больницы Магнитогорска не было индивидуальных кроваток для малышей. Дети лежали по 8–10 чел. на одной кровати, что противоречило всем правилам санитарии и гигиены³. Подобное положение было и на других новостройках. В частности, на строительстве ЧТЗ акушерско-гинекологическое отделение на 85 коек начало работать только с 1932 г.⁴

В это сложное для уральских городов время Свердловский институт охраны материнства и младенчества много сделал для развития акушерства и гинекологии в регионе. В 1931–1932 гг. институт перенес свою работу непосредственно на производство. Врачи выезжали на Уралмашстрой и Челябтракторострой, в Кизел и другие города. Научные сотрудники института систематически организовывали выездные приемы женщин и детей в заводских бригадах, проводили большую работу по подготовке ясельного персонала, по санитарному просвещению горожан. По примеру института перестроили свою работу женские и детские консультации в городских поселениях Уралобласти⁵. В 1931–1932 гг. во многих городах региона были организованы школы для матерей. На занятиях врачи рассматривали вопросы детских инфекционных болезней, гигиены женщины и беременной, учили уходу за ребенком, правильному вскармливанию младенца грудью и проч.⁶

В Магнитогорске из-за острого дефицита медиков в учреждениях охраны материнства и младенчества в 1931 г. было организовано три потока курсов по подготовке кадров, особенно среднего медицинского персонала. За год было обучено 111 чел. При детских яслях действовали специальные кружки, в которых под руководством врачей повышал свою квалификацию средний медперсонал⁷.

¹ МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 34. Л. 55.

² Чеха Н., Гун Р. Указ. соч. С. 130.

³ МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 34. Л. 53.

⁴ Соколов Д.К., Алексеева Р.С., Еремин Г.Ф., Старицын А.С. Указ. соч. С. 64.

⁵ Селезнева В.Т. Здравсохранение Урала «лицом к производству». С. 27.

⁶ Ефман А.М. Указ. соч. С. 90; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 34. Л. 51.

⁷ МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 34. Л. 55.

Была продолжена работа по расширению сети медицинских учреждений охраны материнства и младенчества. Однако в связи с принятием постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»¹ в уральских городах выросла рождаемость и вновь проявилась нехватка родильных коек. Уже во второй половине 1936 г. в городах снова возникли очереди на родильную койку. Из-за нехватки мест роженицы и родильницы госпитализировались вместе в одних палатах, что способствовало возникновению и передаче инфекций. Родильницы вместо пребывания в медучреждении после родов 8–9-ти дней вынуждены были выписываться на 4–5-й день. Это вело к послеродовым болезням. В Челябинске был зафиксирован случай, когда родильница из-за ранней выписки через несколько дней поступила в гинекологическое отделение с высокой температурой².

Вместе с тем постановление о запрещении абортов способствовало ускорению строительства роддомов и яслей. Областные власти взяли под особый контроль эти объекты. В июле 1936 г. Челябинский обком ВКП (б) специально рассмотрел вопрос о ходе строительства яслей, молочных кухонь и родильных домов в регионе, Свердловский обком ВКП (б) в сентябре указанного года, а Свердловский облисполком в декабре провели заседания с аналогичной повесткой³. Городские власти также усилили внимание к этой проблеме⁴. В результате только за 1936–1940 гг. в Свердловской области было построено 14 роддомов на 401 койку и 4 консультации. В 1937 г. в городах Свердловской области работало 16 роддомов на 420 коек. В городских поселениях области вместе с койками в родильных отделениях больниц насчитывалось 2727 родильных коек⁵. Выросло родовспоможение. Если в 1914 г. число родовспоможений, оказанных роженицам врачами в

¹ СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309. С. 509–516.

² ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 26. Л. 18–18 об.

³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4329. Л. 308; ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 26. Л. 149; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 75. Л. 7.

⁴ См., к примеру: Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 448. Л. 39; Оп. 11. Д. 17. Л. 60; Д. 19. Л. 34–34 об.

⁵ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 3. Д. 136. Л. 137; Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

стационарах, в городах будущей Свердловской области составило 3803, то в 1937 г. – уже 71 663; в 1940 г. охват акушерской помощью в промышленных районах региона достиг 93,5 %¹. Действовали женские и детские консультации, они пользовались у горожанок популярностью. В 1936 г. их число возросло до 84 в городских поселениях Свердловской области. В указанный год их посетили 59 904 женщин и 67 158 детей².

Аналогичные результаты были и в соседних областях. В 1930-е гг. в Челябинской области вступили в строй родильный дом в Челябинске на 100 коек, 2 роддома в Магнитогорске на 245 коек. В декабре 1938 г. по инициативе жен инженерно-технических работников металлургов в Магнитогорске был открыт дом отдыха для беременных, где будущих мам подготавливали к родам³. К началу 1940 г. в городах и рабочих поселках региона действовало 13 роддомов на 632 койки. Всего же родильных коек было в 1928 г. – 338, а в 1940 г. – 1759⁴. В городских поселениях области в 1938 г. работало 40 женских и детских консультаций, тогда как в 1928 г. их насчитывалось всего 23⁵. В городских поселениях Пермской области в 1939 г. было 37 консультаций. За указанный год женщины посетили врачей этих лечебно-профилактических учреждений 158 883 раз, а дети – 27 670. При этом врачи и средний медперсонал посещали своих пациентов и на дому. В 1940 г. в области функционировало 7 роддомов на 148 коек, в них трудилось 12 врачей. В крае в 1940 г. 96,6 % родов было принято в медучреждениях⁶.

Рост числа родильных коек способствовал резкому снижению родовспоможений на дому и росту врачебного родовспоможения в стационаре. Расширение сети лечебных учреждений создало материальную основу для улучшения обслуживания рожениц в уральских городах. В конце 1930-х гг. они могли пребывать на больничной койке 7–8 дней, тогда как еще в 1934 г. – всего 3–4 дня⁷. Для срав-

¹ Ростоцкий И.Т. Указ. соч. С. 39; ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 11. Л. 14.

² ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 103. Л. 1–1 об.

³ Соколов Д.К., Алексеева Р.С., Еремин Г.Ф., Старицын А.С. Указ. соч. С. 64; Сталинская стройка. С. 48; МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 224. Л. 10.

⁴ Челябинская область (Кратк. стат.-экон. справочник). С. 59; ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 51. Л. 115.

⁵ Челябинская область (Кратк. стат.-экон. справочник). С. 59; ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 36. Л. 5 об.

⁶ ГАПК. Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 144. Л. 2, 7, 205 об. – 206.

⁷ ГАСО. Ф. Р-2475. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 14, 17 об., 20 об.; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 357. Л. 45–46.

нения: в 1940 г. сроки пребывания рожениц на родильной койке в городских поселениях СССР и РСФСР исчислялись в 8,9 дней¹.

В 1930-е гг. уральским врачам удалось решить важнейшую оздоровительную проблему акушерства. Под руководством акушера-гинеколога, профессора А.Ю. Лурье стали применять закись азота для обезболивания родов. За разработанный метод, который в кратчайшие сроки получил всесоюзное признание, свердловский ученый был награжден орденом Ленина. Знаком Почета и грамотами ВЦИК были отмечены и другие сотрудники Свердловского акушерско-гинекологического института, обеспечившие обезболиванию массовое применение. Среди награжденных были А.П. Горбунова, предложившая свой метод обезболивания родов, получивший широкое распространение в ряде районов Свердловской области; заведующая акушерским отделением института А.А. Иконникова, которая впервые в СССР разработала метод применения эвипан-натрия в акушерстве при обезболивании родов и др.²

Обезболивание родов быстро вошло в уральскую практику, особенно в Свердловской области. В городских поселениях этого региона уже в 1936 г. с обезболиванием было проведено 43,3 % родов. За 1936–1940 гг. в крае было обезболено свыше 115 тыс. родов³. В меньших масштабах метод применялся в соседних уральских регионах. В городских поселениях Челябинской области за первое полугодие 1937 г. подобных родов было всего 30,8 %. Но в Магнитогорске метод получил более широкое распространение. В 1936 г. до 60 % рожениц центральной больницы города родили подобным образом⁴. В 1939 г. в Челябинске 52,9 % родов прошли с обезболиванием, а в Шадринске этот метод не был востребован вообще⁵. В городских поселениях Пермской области даже в 1940 г. роды с обезболиванием составили всего лишь 20,5 %⁶. Обезболивание родов сделало акт рождения ребенка более щадящим для женщин и привело к неожиданному результату

¹ Здравоохранение в Союзе ССР: стат. справочник. С. 80.

² Росточкий И.Т. Указ. соч. С. 39; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 504. Л. 100, 104–105.

³ ГАСО. Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 11. Л. 16; Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 103. Л. 3.

⁴ Рассчитано по: ОГАЧО. Ф. Р–1595. Оп. 1. Д. 29. Л. 5 об; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 224. Л. 11.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р–274. Оп. 3. Д. 3160. Л. 47; Ф. Р–386. Оп. 4. Д. 1. Л. 2.

⁶ Рассчитано по: ГАПК. Ф. Р–981. Оп. 1. Д. 144. Л. 7.

– уменьшению числа аборт, о чем и доложил секретарю обкома ВКП (б) И.Д. Кабакову заведующий здравотделом Свердловской области в январе 1936 г.¹

Основной показатель качества родовспоможения – уровень заболевания и смертности в родильных учреждениях. Врач Л.П. Башарина, бывший работник Свердловского института охраны материнства и младенчества, вместе с главным врачом больницы в районе Уралвагонзавода А.С. Денисовым организовали профилактическую работу среди женщин-работниц. Врачи регулярно бывали в цехах и рабочих жилищах. Женская консультация работала по принципу участковости и единого акушерско-гинекологического обслуживания, была связана со здравпунктами и родильным отделением Нижнего Тагила. Весь район был разбит на 5 участков. Врачи, акушерки и медсестры консультации и стационара проводили патронажное обслуживание беременных, родильниц и новорожденных. В итоге медперсонал Уралвагонзавода добился сравнительно низких цифр патологических акушерских случаев. В 1940 г. процент преждевременных родов уменьшился до 7, отсутствовали послеродовые септические заболевания и материнская смертность, снизился процент мертвородимости (до 1,3 %), детская смертность в родильных учреждениях составила 1,2 %².

Аналогичных результатов добились медики и в других уральских городах. В 1936 г. у акушерки Соликамской больницы Е.Л. Исаковой не было ни одного случая смерти роженицы³. В 1939 г. в Березовском роддоме у врача Беляевой на 977 рождений скончалось всего 3 новорожденных; в Свердловском роддоме им. Большакова детская смертность составила 0,5 %. В конце 1930-х гг. в Свердловской области каждый случай смерти в родильных учреждениях разбирался облздравом совместно с учеными Института ОММ. Этот институт помогал медикам на местах в сохранении жизни каждому ребенку и матери⁴.

Благодаря самоотверженной работе медиков в Свердловской области удалось снизить материнскую смертность с 0,39 % в 1936 г. до 0,17 % в 1940 г. Общая

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 504. Л. 104.

² ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 11. Л. 12–14.

³ Гордеев М. Государственная охрана интересов матери и ребенка // Ударница Урала. 1936. № 9. С. 22.

⁴ ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 11. Л. 15.

мертворождаемость в крае составила в 1940 г. 2,4 %, ранняя детская смертность – 2,4 %¹. Подобных результатов медики добились и в других уральских областях. Если в Перми по причине «отдельные состояния, возникающие в перинатальный период (это период с 28 недель беременности, включающий роды и заканчивающийся через 168 часов после рождения)» в 1933 г. умерли 1,8 чел. на 1000 горожан, то в 1939 г. – 1,5².

Во второй половине 1930-х гг. большое значение по-прежнему придавали выхаживанию новорожденных. При городских консультациях действовали патронажные сестры. Много внимания уделяли искусственному вскармливанию детей до одного года коровьим или смешанным молоком. Однако такие младенцы болели рахитом, чаще страдали от острозаразных и желудочно-кишечных заболеваний, среди них была повышенная смертность. Поэтому чрезвычайно важно было правильно приготовить молочную смесь. В городах Свердловской области на молочных кухнях под руководством и контролем врачей из доброкачественного молока, доставляемого с ферм, специально обученный персонал готовил молочные смеси и блюда для прикорма младенцев. Состав каждой молочной смеси был научно определен. Питание отпускалось в специальных стерильных бутылочках и в объеме, который требовался конкретному ребенку³. В 1938 г. Свердловской областной здравотдел разработал инструкцию по организации молочных пунктов и сливных пунктов грудного молока и выпустил специальные листовки по искусственному кормлению младенцев⁴.

В 1940 г. в соответствии с решением Челябинского облисполкома от 19 мая 1940 г. «Об улучшении медицинского обслуживания детей» на молочных кухнях в Златоусте, Копейске, Магнитогорске и Челябинске были организованы раздаточные пункты. В городских консультациях, роддомах и яслях края практиковался сбор грудного молока⁵.

Но, несмотря на все усилия по улучшению качества молочных смесей для

¹ ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 284. Л. 288, 290–291.

² Чашин А.В. Воспроизводство населения Перми в 1920–1940 гг. С. 275.

³ Гаврилов К.П. Советы молодым матерям // Ударница Урала. 1936. № 8. С. 32.

⁴ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 276. Л. 56–57.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 51. Л. 123.

младенцев и увеличения их производства, в 1939 г. в городах Свердловской области были случаи поставки недоброкачественного молока для детей. В Алапаевске, Кировграде, Нижнем Тагиле, Невьянске в больницы завозилось кислое молоко, а иногда и загрязненное кишечной палочкой. Более того, в Алапаевске, Красноуральске и Серове нередко его поставляли на молочные кухни из хозяйств, в которых скот болел бруцеллезом. Санитарное состояние ряда молочных кухонь в Алапаевске, Кировграде, Нижнем Тагиле, Серове, Свердловске было неудовлетворительным: помещения были тесными и грязными, не хватало посуды для разлива молока. Вследствие антисанитарного состояния часть молочных кухонь Нижнего Тагила и Свердловска была закрыта. По этой же причине еще в 1936 г. была приостановлена работа молочной кухни в Сатке в Челябинской области¹.

В целом в уральских городах во второй половине 1930-х гг. выросло число молочных кухонь. В городах Свердловской области только за 1936–1937 гг. их количество увеличилось с 21 до 27, а число обслуживаемых ими детей – с 4626 до 4885 чел.² В городских поселениях Челябинской области за 1934–1940 гг. число молочных кухонь выросло с 12 до 22³. Если в 1936 г. на них ежедневно получали питание 4963 чел., то только в первой половине 1937 г. – уже 3509 чел.⁴ На момент создания Пермской области (конец 1938 г.) в ее городских поселениях было 10 молочных кухонь и пищевых станций, а в 1940 г. – уже 18 с пропускной способностью 28342 порций в день⁵. Усовершенствованные молочные кухни получили ВИЗ (Свердловск), Пермь, Первоуральск, Красноуральск, Кизел⁶. Еще в 1931 г. Магнитогорск не имел молочной кухни. Молодых мам снабжали молоком и молочными смесями специально организованные пункты выдачи молока и простых смесей, причем за плату. Искусственное питание провоцировало детские поносы, поэтому в городе были созданы пункты выдачи детям кипяченого молока. В

¹ ГАСО. Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 106. Л. 6 об.; ОГАЧО. Ф. Р–1595. Оп. 1. Д. 26. Л. 11.

² ГАСО. Ф. Р–241. Оп. 3. Д. 136. Л. 139.

³ Челябинская область (Кратк. стат.-экон. справочник). С. 59; ОГАЧО. Ф. Р–274. Оп. 3. Д. 51. Л. 115.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р–1595. Оп. 1. Д. 29. Л. 4–4 об.

⁵ ГАПК. Ф. Р–981. Оп. 1. Д. 143. Л. 8 об.; Д. 144. Л. 8 об.

⁶ Гордеев М. Государственная охрана интересов матери и ребенка. С. 22.

1939 г. в Магнитогорске уже функционировала детская пищевая станция, которая только за первую половину 1939 г. изготовила свыше 1,5 порций молока¹.

Участие женщин в производственной деятельности, ее здоровье и здоровье ее детей в большой степени зависели от наличия достаточного количества яслей. Только за 1928–1932 гг. число мест в городских яслях Уральской области увеличилось с 2232 до 36000². В 1938 г. в городских поселениях Свердловской области действовало 350 яслей на 23 499 мест, Челябинской соответственно – 174 и 9498; Пермской – 147 и 7520³.

Таким образом, в уральских городах в 1920–1930-е гг. шел процесс создания и развития учреждений охраны материнства и младенчества. Улучшилось лечебно-профилактическое обслуживание женщин и детей до одного года. Но добиться снижения смертности горожан по причинам болезней беременных и новорожденных в изучаемый период не удалось. По данным табл. 33 и 3.11 в приложении 3, от болезней беременных и осложнений после родов в 1926–1928 гг. умирало от 3,4 до 4,2 чел. на 1000 горожан Уральской области, в 1936–1939 гг. – от 4,1 до 4,5 чел. на 1000 жителей городов Свердловской области и 4,5–4,7 чел. – Челябинской. От болезней новорожденных и пороков развития скончалось в 1926–1928 гг. 55,2–93,2 чел. на 1000 горожан Уральской области, в 1936–1939 гг. – 65,9–75 младенцев на 1000 жителей городов Свердловской области и 60,1–64 чел. – Челябинской.

В 1920–1930-е гг. определенное влияние на динамику воспроизводства населения уральских городов стал оказывать аборт или искусственное прерывание беременности. Аборт был разрешен советским законодательством еще в первые годы существования Советской власти. 18 ноября 1920 г. вышло совместное постановление Наркомздрава и Наркомюста «Об охране здоровья женщины», которое провозгласило бесплатность аборт и их свободный характер⁴. Советская страна стала единственной в мире, отказавшейся от наказуемости женщин за изгнание плода. Советское государство приняло это решение ради сохранения жизни и здо-

¹ Сталинская стройка. С. 48; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 34. Л. 53.

² Ефман А.М. Указ. соч. С. 79.

³ ГАПК. Ф. Р–981. Оп. 1. Д. 143. Л. 8; ГАСО. Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 1328. Л. 126; ОГАЧО. Ф. Р–1595. Оп. 1. Д. 36. Л. 6.

⁴ См.: СУ РСФСР. 1920. № 90. Ст. 471.

ровья женщинам, которые из-за сложного материального положения вынуждены были искусственно прерывать беременность, но делали это не в стационаре под контролем медицинского персонала, а подпольно в антисанитарных условиях, что вело к повышенной смертности женщин репродуктивного возраста от сепсиса¹.

В уральских городах при подотделах охраны материнства и младенчества (Оммлад) были созданы комиссии, которые должны были давать разрешение на аборт в больничной обстановке. Помимо представителей от Оммлада в них вошли и члены женотделов². Комиссии созывались еженедельно. Но, как отмечалось в отчете областного исполнительного комитета 5-му съезду Советов Уральской области, по-настоящему работа комиссий по разрешению абортотв стала налаживаться только с середины 1920-х гг.³ В городских больницах были выделены специальные койки для женщин, решившихся на аборт.

Основные функции абортных комиссий заключались не только в выдаче женщинам разрешений на аборт, что должно было пресечь нелегальное изгнание плода. Еще более важной для них задачей была борьба с искусственными прерываниями беременности вообще. Не случайно Первый областной съезд по охране материнства и младенчества и охране здоровья детей, состоявшийся 14 декабря 1924 г., обязал секции Оммлада обратить особое внимание на изучение вопроса причин абортотв, обращаемости по этому поводу женщин, а также необходимости вести энергичную борьбу с подпольными абортотвами⁴.

Чтобы прекратить искусственное прерывание беременности вне лечебного учреждения, медицинские работники Курганского округа потребовали от соответствующих органов применять репрессивные меры к знахаркам, бабкам и всем тем, кто занимался несанкционированным вытравлением плода⁵. В 1927 г. в Кургане был создан Совет социальной помощи, в работу которого включились делегатки и представители общественных организаций. Совет взял на учет беднейшие

¹ Гернет М. Аборт в законе и статистика абортотв // Абортотв в 1925 году. М., 1927. С. 14.

² ГАПК. Ф. Р-15. Оп. 2. Д. 41. Л. 7 об.; ГАКО. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 27. Л. 40 об.

³ См.: Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5-му съезду Советов... С. 224.

⁴ См.: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 385. Л. 9 об.

⁵ ГАКО. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 6. Л. 77.

слои населения, особенно женщин-одиночек и многодетных матерей. При женской консультации работала делегатская секция Оммлада из 50 чел., которая оказывала практическую помощь женщинам в решении их проблем¹. В плане работы по сохранению беременности уже в первой половине 1920-х гг. на страницах уральской печати развернулась дискуссия о вреде аборта. Стали публиковались сведения о противозачаточных средствах².

Однако число произведенных абортов непрерывно росло. По данным доктора Перетц, за 1920–1922 гг. количество искусственных абортов увеличилось в Екатеринбурге в 11 раз. Только в двух больницах Перми за 1922–1926 гг. их число выросло в 5 раз³. Если в Златоусте в 1925 г. была сделана 131 подобная операция, в 1926 г. – 483, то только за март–август 1927 г. – уже 246⁴. В Кургане в 1926/27 г. было произведено 372 аборта⁵.

Но в 1920-х гг. в уральских городах удовлетворялись не все заявления на искусственное прерывание беременности, что создавало основу для подпольных абортов и серьезных проблем со здоровьем у женщин. Абортная комиссия Кургана удовлетворила в 1925 г. 75,9 % запросов, в 1926 г. – 82,2, за семь месяцев 1927 г. – 92,1 %⁶. Абортная комиссия Шадринска сделала это в отношении 85,5 % заявлений в 1924/25 хозяйственном году, 52,3 % в 1925/26 г. и 78,6 % в 1926/27 г.⁷ В городах Свердловского округа в 1925 г. разрешение на аборт получили 81,4 % женщин, обратившихся с заявлениями в абортные комиссии, а в 1927 г. – 65,3⁸. В Перми в 1926 г. было удовлетворено 72 % заявлений на аборт, а за пять месяцев 1927 г. – 67,7 %⁹. Всего же только в окружных городах Урала в 1926 г. получили

¹ ГАКО. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 32. Л. 61.

² ГАКО. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 6. Л. 77.

³ Накоряков Н.К. Указ. соч. С. 83.

⁴ Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 29. Л. 15 об.; Д. 89. Л. 28; Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 207. Л. 94.

⁵ ГАКО. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 32. Л. 121 об.

⁶ Рассчитано по: ГАКО. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 30. Л. 106, 110.

⁷ Рассчитано по: Отчет Шадринского городского Совета о работе за 1924–25 хозяйственный год. С. 14; Отчет Шадринского городского Совета о работе за 1925–26 хозяйственный год. С. 23; Отчет Шадринского городского Совета о работе за 1926–27 хозяйственный год. Шадринск, 1927. С. 18–19.

⁸ Рассчитано по: ГАСО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 4. Л. 74.

⁹ Материалы о работе Пермского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 9-го созыва... С. 55.

разрешение на подобную операцию 79,8 % женщин, решившихся на нее¹, а в 1928 г. – уже 84,3 % их. При этом в 1928 г. в поселениях городского типа абортные комиссии разрешили аборт только 80,7 % подавшим заявление женщинам, а в Свердловске – 49,6 %². Но не все женщины, получившие разрешение на аборт, в обязательном порядке делали его.

Одной из основных причин отказа женщинам в искусственном прерывании беременности стало недостаточное количество коек для этих целей в лечебных учреждениях. В 1924 г. в Кургане для абортировавшихся была выделена всего одна койка в гинекологическом отделении больницы³, в 1927 г. на эти цели использовалось уже 14 из 40 коек родильного отделения⁴. В Перми в 1926 г. в распоряжении абортной комиссии подотдела охраны материнства и младенчества было всего 10 коек. Острая нужда в них и стремление пресечь подпольные аборты привели к открытию в городе специального учреждения на хозрасчетной основе на 15 коек. Однако и их не хватало⁵. Подобная ситуация была и в других городах.

Узаконение абортов стало основой для сбора статистических данных по ним. Уже в феврале 1921 г. губернские здравотделы рекомендовали медицинским учреждениям в месячных отчетностях о родовспоможениях указывать число произведенных абортов при нормальной беременности и по женским показаниям⁶. С легализацией аборта появилась и возможность статистического изучения этого явления. Медиков, юристов и социологов интересовали, прежде всего, причины, вызывавшие его. ЦСУ начало разработку данных об абортах с 1925 г.⁷, а статистические органы Урала – с 1927 г. Однако сразу же статистики региона столкнулись с рядом трудностей. Абортные комиссии Ирбита и Тобольска вообще не заполняли статистические карточки. А те округа, где они велись, прислали их в Уралстатуправление не в полном объеме – только на женщин, которым сделали

¹ Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. Вып. III. С. 32.

² Рассчитано по: Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 60.

³ ГАКО. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 6. Л. 76.

⁴ Там же. Д. 30. Л. 107.

⁵ Материалы о работе Пермского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 9-го созыва... С. 55; Материалы к отчету Пермского окружного исполнительного комитета Советов Р.К. и К.Д. за 1928–29 год. С. 141.

⁶ Архив ЗГО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 61. Л. 53.

⁷ Гернет. М. Указ. соч. С. 16.

аборт. Очень мало было карточек и на женщин с начавшимся вне больницы абортотом. В них не всегда указывался мотив аборта. В 1927 г. абортные комиссии существовали только в окружных городах и крупных поселениях городского типа. Они-то и предоставляли наиболее полный материал¹.

В 1926 г. в окружных городах Уральской области было зарегистрировано 4106 абортов, в том числе 3526 (85,9 %) произведенных с разрешения абортных комиссий и 580 (14,1 %) – помимо комиссий; в поселениях городского типа соответственно – 896 (100 %), 873 (97,4 %) и 23 (2,6 %)². В окружных городах был наиболее высокий коэффициент зарегистрированных абортов, он достигал 6,92 на 1000 населения, тогда как в поселениях городского типа – 1,1, а в сельской местности – 0,13. По отношению к числу родившихся живыми число абортов составило в окружных городах 15,7 ‰, поселениях городского типа – 2 ‰, сельской местности – 0,2 ‰. Такая распространенность аборта среди населения окружных городов отчасти объяснялась лучшей постановкой учета подобных операций, так как женщины, нуждавшиеся в аборте, могли обратиться за разрешением в абортную комиссию, существовавшую в каждом окружном городе, и не прибегать к подпольному аборту. К тому же условия жизни и труда в городах были менее благоприятными, чем на селе. В деревне при выполнении сельскохозяйственных работ можно было взять ребенка с собой, что совершенно было неприемлемым для работницы на производстве или служащей в учреждении.

Самый высокий коэффициент абортов в 1926 г. дал Горнозаводской Урал (1,99 ‰), тогда как Предуралье – 0,68, а Зауралье – 0,43 ‰. Это объяснялось тем, что в Горнозаводском Урале находилось наибольшее число крупных населенных пунктов, в которых был более полный учет абортов. Одновременно в этой полосе региона проживало в основном заводское население, чья борьба за существование была более острой, чем в сельскохозяйственном Зауралье³.

Неудачные случаи кустарного тайного аборта (женщины поступили с начавшимся вне больницы абортотом) составили в 1926 г. по окружным городам 14,1 %

¹ Каменева Н. Указ. соч. С. 77–78.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 79.

всех аборт, поселениям городского типа – 2,6, а по сельской местности – 10,4 %. Наибольшее число подпольных аборт было зафиксировано в Ишиме (63,8 %), Свердловске (26,8 %), Сарапуле (25,6 %) и Тюмени (23,6 %)¹.

Особый интерес для статистиков представляли причины, толкавшие женщин на аборт. В 1920-е годы они определялись по заявлениям самих обратившихся в абортные комиссии женщин, которые обязаны были представить документы, подтверждавшие мотив искусственного прерывания беременности. К основным причинам аборт относились болезнь, семейное положение и материальный доход и проч. Но в анкетных карточках не указывались причины, которые толкали женщину на подпольный аборт. Как показывают статистические данные, главной причиной аборт, разрешенных комиссиями, являлся мотив социального характера – недостаток материальных средств. По этой причине в 1926 г. искусственно прервали беременность 56,9 % жительниц окружных городов и 50,9 % поселений городского типа. Второй по важности причиной стало болезненное состояние: соответственно – 26,6 и 38,4 %. Далее шли наличие грудных детей (10,2 и 6 %) и желание скрыть беременность (0,4 и 0,3 %). Бытовые реалии в городских поселениях не достигали даже 0,5 %².

С каждым годом на Урале росло число аборт. В 1928 г. в окружных городах в медицинских учреждениях было произведено 7042 аборт, т.е. примерно в 2 раза больше, чем в 1926 г.; в поселениях городского типа – 3364, т.е. почти в 4 раза больше, чем в 1926 г.³ В 1929 г. половина врачебных аборт была произведена в окружных городах, 39 % – поселениях городского типа, остальные – в сельских. Отказы в производстве аборт выросли на 64 %. При этом поступления женщин в больницы с начавшимися выкидышами по отношению ко всему их числу составили в окружных городах 71,8 %, городских поселениях – 36,6 и сельских – 56,2 %⁴.

¹ Каменева Н. С. 80.

² Там же.

³ Рассчитано по: Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 60; Каменева Н. Указ. соч. С. 78.

⁴ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 3414. Л. 35.

В статистических отчетах за 1928 г. были указаны только две причины, заставившие женщин на прерывание беременности: социальное положение и болезнь. По первой причине в окружных городах было сделано 78,3 % операций, по второй – 21,7 %; в прочих городских поселениях соответственно – 74,3 и 25,7 %¹. Данные по конкретным уральским городам таковы. В Кургане в 1925 г. из разрешенных 224 аборт 127 (56,7 %) было сделано по социальным причинам, остальные 97 (43,3 %) – по болезни; в 1926 г. соответственно – 166 (62,9 %) и 98 (37,1 %); за 9 месяцев 1927 г. – 125 (67,2 %) и 61 (32,8 %). В Златоусте с марта по сентябрь 1927 г. 222 аборта (90,2 %) было по социальным причинам и только 24 (9,8 %) – по болезни; в Шадринске в 1926/27 г. – 259 (74,9 %) по социальным причинам и 87 (25,1 %) по болезни². В целом в 1920-е гг. именно сложные материальные условия жизни толкали женщин на аборт.

В конце 1920-х гг. Наркомздрав РСФСР взял под особый контроль абортную помощь населению. Своим циркуляром от 24 ноября 1929 г. он наметил меры по упорядочению медицинской помощи при проведении аборт, в рамках которых расширялось число абортных коек в городах, они выводились за пределы родильных отделений и сосредотачивались в специальных абортариях или гинекологических палатах больниц. Оговаривался размер платы за подобные медицинские услуги. Все эти меры призваны были снизить процент подпольных аборт, наносивших вред здоровью женщин в репродуктивном возрасте³. В Уральской области в обстановке роста обращаемости женщин в лечебные учреждения по поводу искусственного прерывания беременности и необходимости ликвидации подпольных аборт уже во второй пятилетке (1933–1937 гг.) планировалось организовать во всех фабрично-заводских центрах специальные абортарии. Одновременно в рамках профилактических мероприятий по предупреждению нежелательной бе-

¹ Рассчитано по: Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. С. 60.

² Отчет Шадринского городского Совета о работе за 1926–27 хозяйственный год. С. 19; ГАКО. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 30. Л. 110; Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 89. Л. 28.

³ Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925–1940: сб. док. и мат-лов. С. 128–129.

ременности во всех единых диспансерах намечалось организовать специальные выездные консультации для женщин¹.

В условиях развернувшейся в крае промышленной модернизации и быстрого роста городов и городского населения ухудшились жилищно-бытовые условия жителей городских поселений. К тому же все больше женщин вовлекалось в производство. Все это не могло не сказаться на показателях рождаемости. На Урале, как и во всей стране, наметилась тенденция к ее падению. Одной из причин отмеченного явления стало сознательное регулирование деторождения с помощью аборт и предохранительных средств. О роли абортов в зафиксированном статистиками процессе свидетельствовало то, что, по далеко не полным данным, в Свердловске в 1928 г. 20 % всех зачатий было прервано абортами². В 1931 г. в Магнитогорске выросла потребность в искусственном прерывании беременности. На заседания абортной комиссии, собиравшейся три раза в месяц, приходило от 20 до 40 женщин. Многим из них приходилось отказывать из-за нехватки мест для них в больнице. Но число абортов постоянно увеличивалось. Если в январе 1931 г. в городе было сделано 26 абортов, то в июле того же года – уже 85, т.е. в три раза больше³. В 1935 г. в городских поселениях Свердловской области на 1000 родов приходилось 626 абортов⁴.

27 июня 1936 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О запрещении абортов, материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»⁵. Закон не только запретил аборты по немедицинским показаниям, но и ввел уголовное наказание в виде тюремного заключения на срок от одного до двух лет врачу за его производство. Уголовному наказанию в виде общественного порицания подлежали и беременные женщины,

¹ Ефман А.М. Указ. соч. С. 91.

² ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 3395. Л. 32.

³ МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 34. Л. 54.

⁴ Рассчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 102. Л. 3 об.

⁵ См.: СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

сделавшие аборт в нарушение указанного запрещения. При повторном нарушении закона беременные женщины наказывались штрафом до 300 руб.

Накануне принятия данного закона ЦИК СССР в своем постановлении от 25 мая 1936 г. «О передаче на обсуждение трудящихся законопроекта о запрещении аборт, помощи роженицам, расширении сети родильных родов, яслей»¹ отмечал, что правительство разработало законопроект, идя навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин о вреде абортов и в целях охраны их здоровья.

После принятия закона о запрещении абортов резко сократилось число искусственного прерывания беременности по разрешению врачебной комиссии. Если за первое полугодие 1936 г. в городских поселениях Свердловской области было 17 665 абортов, то за второе полугодие того же года – всего 6 757, т.е. в 2,6 раза меньше². Однако увеличилось количество начатых и начавшихся абортов вне лечебного учреждения. Часть абортов стала иметь криминальный характер. В 1938 г. в городских поселениях Челябинской области из 8737 случаев искусственного прерывания беременности 422 аборта (4,8 %) было произведено по разрешению врачебной комиссии, начатых и начавшихся вне лечебных учреждений оказалось 8315 случаев (95,2 %)³. В городских поселениях Пермской области соответственно – 5685, 433 (7,6 %) и 5252 (92,4 %)⁴. В 1938 г. в Челябинской области 19 % абортов получило криминальный характер, по трети из них дела были переданы в прокуратуру⁵. В Пермской области только 4 % абортов были признаны криминальными, но практически по всем ним дела были также переданы в правоохранительные органы. Однако и в этом регионе, как и в соседних областях, была отмечена тенденция к росту числа абортов вообще, в том числе криминальных. За 9 месяцев 1939 г. 11,7 % абортов были признаны таковыми, из них на 45 % случаев дела были переданы в прокуратуру⁶.

В целом, как показывают статистические данные, только одни репрессивные меры не могли остановить искусственное прерывание женщинами своей беремен-

¹ См.: Пролетарская мысль. 1936. 27 мая.

² ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 103. Л. 3.

³ ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 36. Л. 5.

⁴ ГАПК. Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 143. Л. 7.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 36. Л. 5.

⁶ ГАПК. Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 143. Л. 7; ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 5. Д. 88. Л. 30.

ности. В 1936 г. на 1000 родов в городских поселениях Свердловской области приходилось 336 аборт¹. В 1938 г. на 1000 родов в городских поселениях Челябинской области приходился 181 аборт, Пермской – 190². В 1939 г. в Пермской области этот показатель увеличился до 214 случаев³.

Таким образом, закон о запрещении абортов 1936 г. имел негативные последствия: выросло число криминальных абортов, которые тяжело сказывались на здоровье женщин и нередко заканчивались смертельным исходом. Если в 1935 г. от искусственного аборта умерло 0,7 чел. на 1000 горожан Свердловской области, то в 1937–1938 гг. – 0,8 чел.⁴ В Челябинской области число скончавшихся женщин от искусственного прерывания беременности выросло с 1,4 (1937 г.) до 2,2 (1939 г.) чел. на 1000 жительниц городов⁵.

В 1939 г. сбор статистических данных об искусственных абортах был полностью прекращен, что затруднило изучение этого явления.

§ 5. Миграционное движение городского населения

Естественный прирост населения – важный, но не единственный источник пополнения контингентов горожан. Рост городов и городского населения, этого значительного демографического явления 1920-х и особенно 1930-х гг., осуществлялся и за счет механического прироста или миграционного движения населения в города. Развитие миграционных процессов в уральских городах в 1920–1930-х гг. согласуется с концептуальными схемами урбанизации и миграционного перехода от малоподвижного («сидячего») образа жизни в условиях традиционной экономики к нарастанию территориальных перемещений масс населения по мере утверждения индустриального общества⁶.

Вплоть до первой четверти XX в. для уральских городов была характерна низкая миграционная активность, свойственная доиндустриальному обществу. В

¹ ГАСО. Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 103. Л. 3.

² Рассчитано по: ОГАЧО. Ф. Р–1595. Оп. 1. Д. 36. Л. 5; ГАПК. Ф. Р–981. Оп. 1. Д. 143. Л. 2 об., 7.

³ Рассчитано по: ГАПК. Ф. Р–981. Оп. 1. Д. 144. Л. 200, 205.

⁴ Рассчитано по: ГАСО. Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 2 об.; Д. 100. Л. 3; Д. 101. Л. 4.

⁵ Рассчитано по: ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 5. Д. 488. Л. 18; Оп. 6. Д. 789. Л. 149; Оп. 7. Д. 487. Л. 22.

⁶ Население Урала. XX век. История демографического развития. С. 16.

первой половине 1920-х гг. начальник сектора учета населения Уралстатбюро Ф.Н. Лебедев выделял два периода в миграционном движении горожан региона – 1920–1922 гг. и 1923–1926 гг.¹

В 1920–1922 гг. Урал оказался под воздействием Первой мировой и Гражданской войн, а также голода 1921–1922 гг. В указанное время через его города прошло несколько потоков переселенцев. Во-первых, это значительные перемещения масс людей под влиянием Гражданской войны. Пик этой миграционной волны пришелся на 1919–1920 гг. В период переписи 1920 г. в состав общегражданского населения Урала были включены и военнослужащие, расквартированные по частным домам горожан края. Но к 1923 г. часть их была демобилизована из рядов Красной Армии и отправилась к месту постоянного проживания. Были ликвидированы и учреждения, обслуживавшие демобилизацию². Во-вторых, это военнопленные Первой мировой войны. Но к середине 1920-х гг. подавляющая часть их уже возвратилась на родину. В-третьих, как уже отмечалось ранее, в 1921–1922 гг. через Урал хлынул поток неорганизованных переселенцев из районов Поволжья и Казахстана, пораженных голодом. Точное количество их неизвестно, так как из-за сложной эпидемиологической обстановки учет их не производился. Среди переселенцев были и беспризорные дети – голодобеженцы из центральной и западной России и сельской местности Урала. Государство стремилось закрепить детей на определенной территории, чтобы пресечь их дальнейшие передвижения³. Все эти процессы отразились на численности городского населения Урала, зафиксированные Всероссийской переписью 20 августа 1920 г. и Всесоюзной городской переписью 15 марта 1923 г.

В 1923–1926 гг., как отмечал Ф.Н. Лебедев, массовые миграции были обусловлены, во-первых, районированием края, во-вторых, восстановлением народного хозяйства Уральской области. Районирование, проведенное в 1923 г., вызвало наиболее мощные перемещения городского населения в начале указанного пе-

¹ Лебедев Ф. Механическое движение населения городов Урала. С. 151.

² Шубин Р. Указ. соч. С. 63.

³ Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. С. 49–50.

риода. Но данный фактор воздействовал только на города с управленческими функциями. При этом его влияние на ликвидированные и вновь образованные административные центры было прямо противоположным. В ряде бывших уездных городов, не ставших окружными центрами, и трех бывших губернских городах районирование вызвало отлив населения. Так, вслед за переводом некоторых учреждений из Перми в Екатеринбург туда перебрались и их работники с семьями¹. В областном и окружных центрах, наоборот, произошел прирост жителей. Восстановительный фактор воздействовал, прежде всего, на городские поселения промышленного или административно-промышленного типа. Он начал действовать в 1924–1925 гг. с оживлением промышленного производства и особенно проявил себя в 1925–1926 гг.²

Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г., несмотря на плохую постановку учета миграционного движения горожан в первой половине 1920-х гг., позволяют реконструировать миграционные связи уральских городов в предшествующие годы, так как программа переписи включала сведения о месте рождения и продолжительности проживания лица в месте переписи. Из 1407074 горожан Уральской области, в состав которых входили и временно проживавшие в городских поселениях края (их число достигало 95 137 чел.), родились в границах СССР (без Бессарабии) 1 382 369 чел. или 98,2 %³. Из них местными уроженцами были 830 883 чел. или 59 % всех горожан региона. Однако из их числа 6804 чел. временно проживали в городских поселениях края. Неместные уроженцы насчитывали 567 495 чел., но постоянно в уральских городских поселениях проживали 480 433 чел. или 84,7 %.

По продолжительности проживания осевшие в городах Уральской области мигранты делились на следующие группы. Первую составили не прожившие еще и года, они перебрались в города края в 1926 г., их было 57 644 чел. или 4,1 % ко всем горожанам области. Во вторую группу прожившие в городах региона один

¹ Шубин Р. Указ. соч. С. 63.

² Лебедев Ф. Механическое движение населения городов Урала. С. 151.

³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXXVIII. С. 100.

год, их насчитывалось 52 814 чел., их доля среди горожан Урала составила 3,8 %. Третья группа была представлена прожившими в городах края два года, их было 51 547 чел. или 3,6 %. В четвертую группу вошли прожившие в городах Урала 3–5 лет, их было 89 802 чел. или 6,4 %. Пятая группа включала проживших 6–9 лет, их число равнялось 52 588 чел. или 3,7 %. В шестую вошли жившие в городских поселениях Урала 10–12 лет, их было 34 613 чел. или 2,5 %; а в седьмую – 13–19 лет (44 788 чел. или 3,2 %). Восьмая включала тех, кто прожил в городах региона 20–29 лет (41 978 чел. или 3 %); а в девятую вошли долгожители, которые были горожанами уже 30 и более лет, они насчитывали 35 744 чел., их удельный вес среди городского населения Урала равнялся 2,5 %. Таким образом, за 1921–1926 гг. в городские поселения Уральской области перебрались 251 807 чел. против 209 711 чел. за все предыдущие годы (18 915 чел. не указали, сколько времени они прожили в своем городе), они составили 52,4 % всех мигрантов¹.

Материалы переписи 1926 г. показывают, что в 1921–1926 гг. большинство новых пополнений городского населения Урала составляли женщины, их было 131 841 против 119 966 мужчин. В итоге на 1000 приехавших в городские поселения мужчин приходилось 1099 женщин. Вновь прибывшие в городские поселения региона в основном (180 755 чел. или 71,8 %) были лицами в трудоспособном возрасте (16–59 лет). При этом мигранты в возрасте 20–29 лет составили 31,3 % от новых контингентов горожан (78 770 чел.), 30–39 лет – 17,7 (44 644 чел.), 15–19 лет – 11,4 (28 694 чел.), 40–49 лет – 7,9 (19 915 чел.) и 50–59 лет – 3,5 % (8732 чел.). Пополнение уральских городов мигрантами в достаточно молодом возрасте активизировало демографические процессы, положительно сказавшись на брачности (особенно в окружных центрах) и рождаемости. Если на 1000 жителей окружных городов приходилось в 1925 г. 12,2 браков, 1926 г. – 12,3, то в 1927 г. – 14,2; в прочих городах и городских поселениях соответственно – 13,2; 13,5; 12,7²

В 1921–1926 гг. самодеятельные составили 48,4 % от всех прибывших на постоянное место жительства в городские поселения Уральской области, их насчитыв-

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXXVIII. С. 123.

² Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 14.

валось 121 864 чел. Среди них было 45 954 рабочих (37,7 % от всех самодеятельных мигрантов) и 45604 служащих (37,4 %)¹, остальные относились к группе хозяев, одиночек и помогающих членов семьи. Из проживавших постоянно в городских поселениях Уральской области 14 327 чел. или 1 % от всех горожан края родились за границей, из них 2328 чел. – за пределами бывшей Российской империи².

Анализ данных табл. 49 показывает, что 55,5 % горожан были внутренними мигрантами. При этом на каждую 1000 мужчин, прибывших в города из других районов Уральской области, приходилось 940 мужчин, переселившихся из других регионов СССР; на 1000 местных женщин – 696 приезжих. Таким образом, уральские города пополнились почти в одинаковых долях местными и приезжими мужчинами и преимущественно местными женщинами³. Материалы переписи 1926 г. показывают, в каких регионах страны родились постоянно проживавшие в городах Урала. По данным табл. 49, основная часть внешних мигрантов прибыла из Вятского (14 % новых контингентов горожан), Средне-Волжского (9,6 %) и Центрально-Промышленного (5,5 %) районов.

Остальные регионы пока еще слабо участвовали в пополнении населения уральских городов. Даже переселенцы из соседней Башкирии не превысили 3,2 % мигрантов, ставших постоянными жителями городских поселений края.

В целом первая фаза миграционного перехода в уральских городах, связанная с вовлечением огромных масс населения, была обусловлена не экономическими, а социально-политическими факторами, вызванными распадом Российской империи, войнами и их последствиями.

Вторая фаза миграционного перехода в уральских городах связана с процессами индустриализации, урбанизации, коллективизации, вызвавшими массовое движение населения из села в город. Она началась с середины 1920-х гг. и длилась до конца 1950-х гг.⁴ С 1926 г. миграции в города Урала были тесно связаны с ростом промышленности в условиях разворачивавшейся в регионе индустриали-

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXXVIII. С. 123–124, 126.

² Рассчитано по: Там же. С. 115.

³ Рассчитано по: Там же.

⁴ Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. С. 51.

зации. Причем механическое движение стало играть значительную роль в росте уральских городов.

Таблица 49¹

Источники миграций в городские поселения Уральской области
(по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.)

Место рождения постоянных жителей городов	Чел.	%
Всего мигрантов	465 910	100
Уральская область	258 799	55,5
Прочие местности СССР	207 111	44,5
В том числе районы:		
• Северный	5 109	1,1
• Ленинградско-Карельский	8 296	1,8
• Западный	2 096	0,4
• Правобережный	2 047	0,4
• Левобережный	1 465	0,3
• Степной	5 109	1,1
• Полесский	791	0,2
• Белорусский	5 487	1,3
• Днепропетровский	564	0,1
• Нижне-Волжский	3 492	0,7
• Средне-Волжский	44 259	9,6
• Центрально-Промышленный	25 460	5,5
• Центрально-Черноземный	4 775	1,0
• Северо-Кавказский	1 110	0,2
• Закавказский	514	0,1
• Горнопромышленный	200	0,05
• Крымский	224	0,05
• Вятский	65 356	14,0
• Башкирский	14 972	3,2
• Сибирский	10 507	2,2
• Дальне-Восточный	1 479	0,3
• Якутский	70	0,1
• Бурято-Монгольский	150	
• Киргизский	75	
• Туркменский	90	
• Узбекский	499	0,1
• Казакский	2 997	0,6

¹ Табл. составлена и рассчитана по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXVIII. С. 182.

За 1926–1927 гг. в 22 города края, по которым в указанный период велась разработка материалов по механическому приросту горожан, по данным табл. 50, прибыло 348 274 чел., а выбыло 264 019 чел., число осевших или механический прирост составил 84 255 чел. За эти же два года перевес рождений над смертными случаями в тех же самых 22 городах исчислялся в 22 112 чел., что было почти в 4 раза меньше механического прироста населения в них¹. На фоне этих данных естественный прирост терял свое былое значение.

По расчетам данных табл. 50, видно, что в уральские города на 1000 мужчин прибыло в 1926 г. 846 женщин, 1927 г. – 821 и 1930 г. – 731 женщина, а убыло соответственно – 813, 800, 788, то есть в указанный период, в отличие от первой половины 1920-х гг., соотношение полов прибывавших в города региона и убывавших их них все больше менялось в пользу мужчин. Мужчины оказались более подвижными, чем женщины. К тому же сам характер развивавшейся на Урале промышленности требовал, прежде всего, мужских рук.

Сохранившиеся статистические данные о миграциях горожан по 22 городам региона за 1926–1927 гг. позволяют определить, какие возрастные когорты были наиболее подвижными. Самыми мобильными по-прежнему были лица трудоспособного возраста (16–59 лет). Их удельный вес среди прибывших в городские поселения Урала составил в 1926 г. 78,6 %, 1927 г. – 80,8 %; а среди убывших был еще выше – 80,3 (1926 г.)–85 (1927 г.) %².

Среди перебравшихся на место жительства в уральские города преобладало самодеятельное население, в 1928 г. его доля составила 91,1 % среди всех мигрантов. При этом среди имевших самостоятельный доход преобладали рабочие и личная прислуга (55,2 %), за ними шли служащие (34,3 %) и хозяева с помогающими членами семьи (10,5 %). Среди убывших в 1928 г. горожан было примерно равное число самодеятельных (29 990 чел.) и иждивенцев (29 324 чел.). Уезжали также прежде всего рабочие и личная прислуга, их доля среди убывших горожан,

¹ Лебедев Ф. Механическое движение населения городов Урала. С. 153–154.

² Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г. С. 42–45.

имевших самостоятельный доход, составила 68,6 %, за ними шли служащие (24,2 %) и хозяева с помогающими членами семьи (7,2 %)¹.

Таблица 50²

Динамика миграций городского населения Уральской области
в 1926–1929 гг., чел.

Движение горожан	1926 г.*	1927 г.*	1928 г.**	1929 г.***
Прибыло, всего	171 816*	176 458	215 829	315 853
В том числе: мужчин	93 090	96 873	н. св.	182 433
женщин	78 726	79 585	н. св.	133 420
Убыло, всего	136 264	127 755	156 515	206 065
В том числе: мужчин	75 172	70 986	н. св.	121 042
женщин	61 092	56 769	н. св.	85 023
Механический прирост	35 552	48 703	59 314	109 788
В том числе: мужчин	17 918	25 887	н. св.	61 391
женщин	17 634	22 816	н. св.	48 397

* Данные по 22 городам Уральской области. (Свердловск, Пермь с Мотовилихой, Усолье, Ирбит, Ишим, Кунгур, Курган, Сарапул, Тобольск, Троицк, Челябинск, Шадринск, Кизел, Чердынь, Туринск, Красноуфимск, Чермоз, Чусовая, Невьянск, Кыштым, Верхнеуральск, Камышлов).

** Данные по 22 городам Уральской области (Свердловск, Пермь, Тюмень, Челябинск, Усолье, Златоуст, Ирбит, Туринск, Ишим, Кунгур, Лысьва, Чермоз, Чусовая, Сарапул, Оса, Невьянск, Кыштым, Тобольск, Троицк, Верхнеуральск, Шадринск, Камышлов).

*** Данные по 35 городам Уральской области (Свердловск, Пермь с Мотовилихой, Тюмень, Челябинск, Златоуст, Соликамск, Усолье, Кизел, Чердынь, Миасс, Ирбит, Туринск, Тавда, Ишим, Кунгур, Красноуфимск, Курган, Лысьва, Чусовая, Чермоз, Сарапул, Оса, Невьянск, Асбест, Кыштым, Карабаш, нижний Тагил, Кушва, Надеждинск, Тобольск, Троицк, Верхнеуральск, Шадринск, Камышлов, Воткинск).

Статистика второй половины 1920-х гг. позволяет определить, откуда прибыли в города Урала и куда отправились на новое место жительства горожане ре-

¹ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г. С. 22.

² Таблица составлена и рассчитана по: Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г. С. 42–45; Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г. С. 22; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 50–51.

гиона. В 1926–1927 гг. большая часть механического прироста (соответственно – 74,9 и 70 %) осуществлялась за счет внутриобластной миграции. Но в 1929 г. доля переселившихся из городской и сельской местности края снизилась до 59,6 %. В 1929 г. 37,8 % механического прироста населения городов составили переехавшие из других регионов СССР и 0,1 % – из-за границы. В указанном году больше половины новых пополнений горожан (58,8 %) были выходцами из сельской местности, при этом на долю бывших селян края приходилось 35,7 %, а других регионов СССР – 23,2 %. 2,5 % мигрантов не указали, откуда они прибыли в города.

В 1926 г. 74,3 %, а в 1927 г. уже 63,2 % горожан Уральской области, покинувших свое прежнее место жительства, переехали в другие местности региона, в 1929 г. их доля снизилась еще больше – до 54,3 %. В населенные пункты за пределы края отправилось 32,3 % жителей городов края, за границу – 0,1 %, а 13,2 % не указали пункт своего переезда. В сельскую местность перебралось 42,1 % всех покинувших города Урала¹.

Таким образом, в 1926–1929 гг. уральские города пополнялись выходцами из деревни, а переезжали горожане края в основном в другие города.

Форсированная индустриализация, развернувшаяся с конца 1920-х гг., привела к резкому увеличению темпов роста городского населения Уральской области. Если, по данным табл. 3.5 в приложении 3, за 1928 г. численность городских жителей региона выросла на 4,7 %, 1929 г. – на 15 %, 1930 г. – на 18,3 %, то за 1931 г. – на 29,3 %, а за 1932 г. – всего на 5 %. В целом, как уже отмечалось ранее, за 1928–1932 гг. городское население Уральской области выросло почти в два раза. Такой рост горожан был невозможен за счет естественного прироста, так как с 1929 г., по данным табл. 36, в городах края проявился устойчивый тренд к его снижению, завершившийся естественной убылью населения в 1933 г. К примеру, за 1927–1932 гг. население Свердловска увеличилось с 136,4 тыс. до 400,8 тыс. чел., т.е. почти в три раза². Но коэффициенты естественного прироста горожан за

¹ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1930 г. Вып. 1. С. 50–51.

² Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1928: кратк. стат. справочник. С. 31; Свердловская область в цифрах. 1935. Крат. стат. справочник. С. 154; Хозяйство Свердловской области. 1935–1936. Основные показатели. С. 201.

это время сократились с 17,8 (1926 г.) до 13,5 (1929 г.) и 5,2 (1930 г.); в дальнейшем в областном центре была зафиксирована убыль населения в 2,3 (1931 г.), 5,2 (1932 г.), 15,4 (1933 г.) ‰¹. За 1927–1934 гг. население Челябинска выросло более чем в 4 раза – с 59,3 тыс. до 263,3 тыс. чел.² При этом с 1928 г. в городе наметилась тенденция к сокращению естественного прироста жителей (коэффициенты его составили в 1927 г. 17,5, 1928 г. – 16,6, 1929 г. – 13,8³), завершившаяся, как уже отмечалось ранее, превышением уровня смертности над рождаемостью населения в 1932–1934 гг. Аналогичная ситуация сложилась и в других городах⁴.

В этих условиях быстрый рост численности горожан был возможен только за счет мигрантов. В 1931–1932 гг. механический прирост городского населения Уральской области составил 634,8 тыс. чел. В РСФСР по этому показателю регион уступал только Москве (894,6 тыс. чел.), опередив Западно-Сибирский край (624,8 тыс. чел.), Ленинград (562,3 тыс. чел.), Северо-Кавказский край (294,8 тыс. чел.) и другие регионы⁵.

Именно в эти годы влилось огромное количество прибывших людей в население городов Урала. Так, по расчетам А.В. Чашина, коэффициенты миграционного прироста населения Свердловска в 1930–1932 гг. достигали максимальных за весь период индустриализации значений (соответственно – 198,2, 228,1 и 162,1 ‰)⁶. Данные табл. 3.12 в приложении 3 свидетельствуют о том, что за период с 1929 по 1934 гг. в Челябинске в 1930 г. был зафиксирован самый большой прирост населения за счет мигрантов, доля оставшихся в городе приезжих среди его жителей составила 37,3 %. В дальнейшем этот показатель снизился до 14,8 % (1931 г.), 12,3 (1932 г.) и даже 1,6 (1933 г.), а в 1934 г. он вновь поднялся до

¹ Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 24; Чашин А.В. Воспроизводство населения Свердловска в 1923–1940 х годах. С. 278.

² Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1928: кратк. стат. справочник. С. 33; Челябинск в цифрах. Челябинск, 1936. С. 4.

³ См.: Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 32.

⁴ См., к примеру: Журавлева В.А. Население Златоуста в 20–30-е годы XX века // Вторые Бушуевские чтения: сб. мат-лов. Челябинск, 2004. С. 115, 118; Чашин А.В. Воспроизводство населения Перми в 1920–1940 гг. С. 272–273; Он же. Историко-демографическая характеристика города Березовска в 1920–1930-е гг. С. 161.

⁵ Население России в XX веке. Т. 1. С. 225–226.

⁶ Чашин А.В. Воспроизводство населения Свердловска в 1923–1940 х годах. С. 277.

12,4 %¹. Аналогичный процесс наблюдался и в Златоусте. Удельный вес осевших мигрантов среди его жителей увеличился с 10,2 в 1929 г. до 11,9 % в 1930 г., достигнув максимума в 26,8 % в 1931 г. В дальнейшем произошло снижение данного показателя до 7,5 % в 1933 г. и 6,9 % в 1934 г.² Население Магнитогорска все было пришлым. Все отмеченное было характерно и для других городов региона³.

В указанные годы Челябинск отличался достаточно высокой оседаемостью пришлое населения. Если в 1927 г. на 1000 мигрантов в городе оставалось 136 чел., 1928 г. – 350⁴, 1929 г. – 423 чел., то в 1930–1932 гг. – в среднем 662 чел., 1934 г. – 501 чел. (см. табл. 3.12 в приложении 3). В Златоусте приживаемость приезжих была на порядок ниже и составила в 1929 г. 377 чел. на 1000 мигрантов, 1930 г. – 413, 1932 г. – 489, 1934 г. – 427 чел. Только в 1933 г. этот показатель поднялся до 689 чел., а в голодном 1932 г. в Златоусте было зафиксировано отрицательное сальдо миграции (см. табл. 3.12 в приложении 3).

В середине и второй половине 1930-х гг., по данным табл. 51, сохранилось значение такого источника формирования городского населения Урала, как миграция. Доля осевших в индустриальных и неиндустриальных городах Свердловской области за 1935–1936 гг. составила 34,7 %, Челябинской за 1936–1937 гг. – 32,4 %. Однако в 1940 г. в городах Челябинского региона этот показатель снизился до 7,3 %.

Данные табл. 3.13 в приложении 3 позволяют определить направления миграции в уральские города в 1931–1934 гг. В указанный период от 67,5 (1934 г.) до 69,5 (1931 г.) % мигрантов, а в 1932 г. этот уровень поднялся до 74 %, прибыло в города края в результате внутриобластных перемещений. Большинство внешних мигрантов были выходцами из Горьковского (бывшего Нижегородского) края (в 1931 г. – 8,7 % новых пополнений горожан, 1932 г. – 5,2, 1933 г. – 3,5, 1934 г. – 6,7 %). В 1931–1932 гг. на втором месте стояла Татарская АССР, откуда приехало

¹ Рассчитано по: Челябинск в цифрах. С. 4; данные табл. 3.12 в приложении 3.

² Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. С. 293; Архив ЗГО. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 62. Л. 40; Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 2. Л. 47 об.; Д. 4. Л. 74; данные табл. 3.12 в приложении 3 по Златоусту.

³ См.: Чашин А.В. Население Свердловской области: естественное движение и миграционный прирост в 1933–1939 гг. С. 29–30.

⁴ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 54.

3,5–3,9 % мигрантов, но в 1933–1934 гг. регион уступил свои позиции Башкирской АССР, выходцы из которой в эти годы составили соответственно 3,6 и 3 % всех мигрантов. Доля приехавших на жительство в города Урала из Западно-Сибирского края не выходила за рамки 1,3 (1933 г.) – 2,1 (1932, 1934 гг.) % от нового пополнения городского населения региона.

Таблица 51¹

Миграции в города Свердловской и Челябинской областей в 1935–1940 гг., чел.

Год	Движение городского населения	Свердловская обл.	Челябинская обл.
1935	Прибыло	315 516	н. св.
	Убыло	219 649	
	Прирост населения	95 867	
1936	Прибыло	325 166	181 857
	Убыло	198 615	107 188
	Прирост населения	126 551	74 669
1937	Прибыло	359 294	233 678
	Убыло	н. св.	173 801
	Прирост населения	н. св.	59 877
1940	Прибыло	н. св.	251 799
	Убыло		233 333
	Прирост населения		18 466

Табл. 3.14 в приложении 3 позволяет конкретизировать территориальные источники формирования населения крупных промышленных центров Уральской области в 1932–1933 гг. Челябинск в основном (66,4–74 %) прирастал внутренними мигрантами. Они же на треть дополнили и жителей Златоуста и Магнитогорска. Число горожан увеличивалось и за счет переселенцев из сопредельных территорий. Для Златоуста большое значение имела Башкирская АССР, в 1933 г. удельный вес выходцев из нее составил 19,5 %. Магнитогорск активно пополнялся приезжими из Казакской АССР, только за IV квартал 1933 г. доля прибывших из этой автономной республики была равна 11 %. Значительным был и удельный вес переселившихся из Поволжья. В 1933 г. он достигал в Челябинске 6,1 %, Зла-

¹ Таблица составлена и рассчитана по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 17–18 об., 26–26 об., 28–28 об.; Д. 99. Л. 2–5 об.; Д. 100. Л. 13 об.; ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 4. Д. 1119. Л. 3–3 об., 6–6 об., 18–18 об., 28–28 об., 63–63 об.; Оп. 5. Д. 496. Л. 1 об.-2; Оп. 17. Д. 7. Л. 1–1 об., 3–5 об.

тоусте – 11,8, а в Магнитогорске только за последний квартал указанного года – 14,2 %. Остальные регионы не имели такого значения в формировании контингентов горожан указанных городов.

В целом в 1932–1933 гг. население Челябинска, Златоуста и Магнитогорска пополнялось за счет мигрантов из других регионов РСФСР. Вместе с тем обращает на себя внимание число прибывших в Магнитогорск из Украинской ССР, по сравнению с выходцами из других союзных республик. В IV квартале 1933 г. их доля среди новых контингентов жителей Магнитогорска составила 5 %, в то время как мигранты из других субъектов СССР не достигали и одного процента (см. табл. 3.14 в приложении 3).

Основным источником пополнения горожан, по данным табл. 3.13 в приложении 3, по-прежнему были селяне. В разгар социалистического преобразования деревни, в 1931–1932 гг., их доля среди мигрантов достигала в среднем 71,5 %, но в дальнейшем она начала снижаться, составив в 1933 г. 61,9 %, 1934 гг. – 58 %. В 1934 г., по отчетным данным, из 959,1 тыс. чел., прибывших в города Уральской области, выходцы из сельской местности насчитывали 549,7 тыс. чел. или 57,3 %. В этот год в городах региона осело 325,3 тыс. бывших селян или 59,2 % от всех перебравшихся из села, в то время как на постоянное проживание осталось 16,6 % мигрантов из городов (68,1 тыс. чел. из 409,4 тыс. чел. прибывших в уральские города из городской местности)¹.

Особую роль в обеспечении промышленного производства и строительства региона сыграла коллективизация и сопровождавшее ее раскулачивание. Насильственная трудовая миграция стала основным источником рабочей силы. По сведениям РКИ, из колхозов Уральской области на новостройки и в промышленность только в течение 1931 г. ушли 301,1 тыс. чел. или 18,7 % от общего числа трудоспособных². Статистические данные по Челябинску показывают рост числа колхозников, перебравшихся в город. Если в 1930 г. их насчитывалось 89 чел., 1931 г. – 142, то в 1932 г. – уже 393 чел. Выросло и количество крестьян-единоличников,

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 34. Л. 36.

² Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. С. 52.

переселившихся в Челябинск, с 1336 чел. в 1930 г. до 3811 чел. в 1932 г.¹ В начале 1931 г. среди населения Магнитогорска было 1953 бывших членов колхозов или 4,9 %². В 1933 г. статистика уже не фиксировала подобных категорий мигрантов.

В 1920-е гг. основными формами комплектования производственных коллективов городов были биржи труда и «самотек», то есть стихийный приток рабочей силы, причем последняя форма преобладала на Урале. В 1931 г. свыше половины (52 %) новых пополнений прибыло на Магнитострой «самотеком» и только 48 % – по вербовке³; в 1932 г. соответственно – 57,6 и 42,4 %⁴. Более половины рабочих Уралмашстроя и Челябтракторостроя прибыли самостоятельно⁵. Но быстрый рост промышленного производства при остром кадровом дефиците придал миграционному процессу важную особенность – он стал регулироваться государством. Поворотным пунктом в системе организованного набора рабочей силы из деревни явилось постановление ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г. «Об отходничестве», категорически запрещавшее задерживать отходников и предусматривавшее меры по усилению материальной заинтересованности колхозников и единоличников, уходивших по договорам на работу в промышленность и строительство⁶.

Организационный набор или вербовка имел особое значение при привлечении рабочей силы особенно из отдаленных регионов страны. Так, в 1931 г. на Магнитострой по оргнабору прибыли из Уральской области 71,6 % новых контингентов рабочих, Средне-Волжского края – 71,8, Башкирской АССР – 73,6, Татарской АССР – 84,5, Нижне-Волжского края – 85,3, Западной области – 92,6, Иваново-Вознесенской области – 95,3 %⁷.

В 1932 г. отток рабочей силы из деревни усилился. Если в Уральской области в отходе числилось 178 607 чел.⁸, то в 1932 г. – уже 424 800 чел.⁹, т.е. в 2,4 раза

¹ ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 4. Д. 1125. Л. 7.

² МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.

³ Магнитострой в цифрах. Статистический отчет за 1931 год. С. 247.

⁴ Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. С. 53.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ СЗ СССР. 1931. № 42. Ст. 286.

⁷ Магнитострой в цифрах. Статистический отчет за 1931 год. С. 248.

⁸ Щербакова Н.М. Указ. соч. С. 49.

⁹ Ефременков Н.В. К вопросу о роли коллективизации в переходе к организованному набору рабочей силы для промышленности Урала // Из истории фабрик и заводов Урала: сб. науч. тр. Свердловск, 1963. Вып. 2. С. 214.

больше, чем в предыдущем году. Как уже отмечалось, активно шел процесс перераспределения населения региона в пользу городских поселений.

Вместе с тем система прямых договоров предприятий и строителъств с колхозами имела и свои слабые стороны: для получения нужного количества рабочих приходилось заключать договоры с несколькими колхозами. Кроме того, надо было каждой сельскохозяйственной артели оказывать помощь в подъеме колхозного производства. Возможности новой системы комплектования рабочей силы были ограничены из-за трудностей бытового и производственного устройства больших партий завербованных рабочих. Все это приводило к тому, что постепенно устройство самостоятельно прибывших небольших групп и одиночек для предприятий и строителъств стало более выгодно. Так, Управление соцгорода Магнитогорска в 1932 г. заключило с колхозами три договора на 25 чел., а с отдельными группами строителъств – 30 договоров на 587 чел.¹ За первое полугодие 1932 г. до 60 % нового пополнения жилищно-коммунального строителъства Челябинского тракторостроя прибыло «самотеком»², в конце того же года по трем крупнейшим стройкам городов Урала (Уралмашстрой, Березниковхимстрой, Камхимстрой) прибыло 3547 рабочих, из них 83 % «самотеком». Это же было характерно и для Нижнетагильского строителъства³. В целом за 11 месяцев 1932 г. на стройки Урала прибыло по оргнабору лишь 27,9 % рабочих. Только на таких крупнейших новостройках, как Магнитострой, Тагилстрой и Синарстрой, доля оргнабора в пополнении рабочих достигала 40–50 %⁴. Ликвидировать стихийный прилив кадров в уральские города в годы первой пятилетки не удалось. В 1933 г. на ЧТЗ прибыло около 15 тыс. чел., из них организовано было набрано в колхозах 15,7 %, а «самотеком» прибыло 61,6 %, остальные были мобилизованы с действующих заводов и пришли из школ ФЗУ и курсов⁵. Подобное положение наблюдалось и на других предприятиях.

¹ За социалистический Магнитогорск. 1932. 17 июня.

² ОГАЧО. Ф. Р-154. Оп. 1. Д. 85. Л. 3.

³ ГАРФ. Ф. Р-7544. Оп. 1. Д. 481. Л. 109 об.; Д. 616. Л. 29.

⁴ Щербакова Н.М. Указ. соч. С. 50.

⁵ Бакунин А.В. Количественные и качественные изменения в составе рабочего класса Урала... С. 60.

Чтобы остановить неуправляемый отток селян в города, еще в конце первой пятилетки власти перешли к более жестким административно-полицейским методам по отношению к самовольным мигрантам. 27 декабря 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об установлении единой паспортной системы Союзу ССР и обязательной прописке паспортов»¹ для усиления административного учета, контроля и регулирования передвижения населения. На его основании 28 апреля 1933 г. СНК СССР ввел паспортную систему для горожан². Но остановить бегство селян в города было невозможно.

17 марта 1933 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О порядке отходничества из колхозов»³, по которому отходниками стали считаться только те лица, которые заключили специальные договоры с хозяйственными органами, зарегистрированные в правлении колхоза. При этом учитывались интересы как самого отходника, так и колхоза. Предусматривались льготы для колхозов, которые выделяли рабочую силу, и для колхозников, ушедших в город через систему оргнабора. Действие же закона «Об отходничестве» от 30 июня 1931 г. отменялось. Таким образом, государство приняло меры по укреплению планового распределения трудовых ресурсов.

Во второй и третьей пятилетках сохранялся такой источник роста городского населения Свердловской и Челябинской областей как организованное привлечение сельских жителей в городские поселения, так как данные регионы по-прежнему относились к дефицитным по трудовым ресурсам районам СССР. Более того, Свердловская область наряду с Ленинградской и Московской была отнесена к районам, которые, несмотря на значительные трудовые резервы колхозного и, частично, городского населения, не могли полностью покрыть растущие потребности хозяйства за счет собственных ресурсов⁴.

Во второй половине 1930-х гг. проявились недостатки оргнабора. Районы набора рабочей силы планировались таким образом, что создавали неизбежные мас-

¹ СЗ СССР. 1932. № 84. Ст. 516.

² О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории Союза ССР: постановление СНК СССР от 28 апреля 1933 г. // СЗ СССР. 1933. № 28. Ст. 168.

³ СЗ СССР. 1933. № 21. Ст. 116.

⁴ Трубников С. Источники комплектования рабочей силы в СССР // Проблемы экономики. 1939. № 6. С. 152.

совые, излишне дальние, а иногда и встречные железнодорожные перевозки рабочей силы. Так, в три крупных индустриальных центра Урала (Пермь, Свердловск, Челябинск) завоз рабочей силы производился из 20 АССР, краев и областей, в том числе и из таких дальних, как Смоленская область. Для преодоления отмеченных недостатков с октября 1939 г. вводилась в действие схема зонального закрепления областей для набора рабочих. За Пермской, Свердловской и Челябинской областями закреплялись Башкирская, Татарская, Мордовская и Чувашская АССР, Пензенская, Куйбышевская и Кировская области¹.

Определенную роль в формировании контингентов горожан Урала в годы промышленной модернизации сыграло раскулачивание. Специальная комиссия под руководством А.А. Андреева, созданная 11 марта 1931 г. ЦК ВКП (б) для координации действий по «раскулачиванию» и рационализации использования труда спецпереселенцев, идя навстречу запросам региональных властей на рабочую силу, 15 мая того же года решила перебросить на Урал 55 тыс. «кулацких» семей². С мая 1931 г. на новостройки края начали прибывать спецпереселенцы из разных регионов СССР. К середине июля указанного года только Тагилстрой принял 6,5 тыс. спецпереселенцев³, а Магнитострой до конца августа – 32,7 тыс. чел.⁴ К началу 1932 г. в Магнитогорске их насчитывалось уже 50 тыс. чел. на 170 тыс. горожан⁵. В Нижнем Тагиле к началу апреля 1933 г. существовало шесть спецпоселков на 14,5 тыс. чел., а в конце 1936 г. их было уже 10, в них жило свыше 15,5 тыс. чел.⁶ Всего же, по данным В.Н. Земскова, к началу 1934 г. на Урале на учете состояло 300 313 спецпереселенцев⁷, из них на промышленных предприятиях трудилось от 40 до 80 %⁸. Управление НКВД по Челябинской области в отчете о состоянии спецсылки за 1934 г., направленному в Главное управление лагерями и трудпоселениями НКВД СССР, указывало, что на начало 1935 г. в Челябинской

¹ Аристов Н. Организованный набор рабочей силы // Плановое хозяйство. 1939. № 11. С. 95–96.

² Суслов А.Б. Указ. соч. С. 18, 20.

³ Кириллов В.М. Указ. соч. С. 125–126.

⁴ МУК ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 44.

⁵ Макарова Н.Н. Механизмы формирования населения нового города в условиях форсированной индустриализации. С. 74; МКУ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 45.

⁶ Кириллов В.М. Указ. соч. С. 128–129.

⁷ Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е гг. // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 5.

⁸ Суслов А.Б. Указ. соч. С. 172.

области действовало 34 трудпоселка, в них числилось 52 256 чел. В подавлявшем большинстве спецпереселенцы (их стали называть трудпоселенцами) были задействованы на промышленных объектах и рудниках Урала¹.

В секретном сообщении начальника СвердловоблУНХУ А.П.Боброва и начальника бюро переписи населения края Т.И. Величковского, направленном 19 января 1937 г. в ЦУНХУ и Бюро переписи населения УНХУ РСФСР, отмечалось, что впервые в 1931 г. в демографические расчеты Уральской области были включены (порайонно) трудпоселенцы и прочие особые контингенты². Всего же при исчислениях на начало 1931–1933 гг. Уральским областным УНХУ к общегражданскому населению было добавлено, по данным ОГПУ, 232 тыс. трудпоселенцев, в том числе к горожанам – 135 тыс. чел.³

В конце 1930-х гг. местные власти иногда стали обращаться в СНК и НКВД с просьбой об освобождении заключенных и спецпоселенцев. Причина была в том, что руководители предприятий желали сохранить трудовые ресурсы для производства, так как после выполнения хозяйственных заданий лагеря расформировывались, их контингент отправлялся в новые лагеря. И просьбы с мест были услышаны. СНК СССР своим постановлением от 22 октября 1938 г. разрешило детям выселенных кулаков по достижении 16-летнего возраста выезжать из спецпоселков, с них снимались все ограничения⁴. Эти лица пополнили городское население уральских областей.

Во второй половине 1930-х гг. уральские города по-прежнему прирастали за счет выходцев из сельской местности. Данные табл. 52 показывают, что в Свердловской области в 1935–1937 гг. прибывшие из деревни составили 49 %, из города – 44, а 7 % не указали, откуда они приехали. В Челябинском регионе только за два года (1937 и 1940 гг.) также большая часть мигрантов (50,6 %) переселилась в города из сельской местности, а 43,8 – из городской.

¹ Челябинская область. 1917–1945 гг. сб. док. и мат-лов. С. 166, 271.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 50.

³ Там же. Л. 132–133.

⁴ Евсеев И.В., Евсеев Т.И. Указ. соч. С. 125.

Состав новых пополнений горожан Свердловской и Челябинской областей
в 1935–1940 гг., чел.

Прибыло	Свердловская область			Челябинская область	
	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1937 г.	1940 г.
Всего	315 516	325 166	359 294	233 678	251 799
В том числе:					
из города	149 155	138 982	152 392	106 133	106 655
из сельской местности	137 283	163 019	189 190	116 952	128 652
неизвестно откуда	29 078	23 165	17 712	10 593	16 492

В 1930-е гг., как и в предыдущее десятилетие, в уральские города по-прежнему мигрировали в подавляющем большинстве лица в трудоспособном возрасте (16–59 лет). К примеру, в Челябинске их удельный вес среди всех прибывших в город составил в 1930 г. 74,6 %, 1932 г. – 65, 1933 г. – 66,4 %; в Златоусте в 1933 г. – 70,7 %². Доля представителей этой возрастной когорты среди мигрантов в города Свердловской области достигала в 1935–1936 гг. в среднем 82,8 %³, Челябинской в 1937 и 1940 гг. – 79,1 %⁴.

Города Урала пополнялись за счет самостоятельного населения. В Челябинске доля имевших самостоятельный доход среди мигрантов равнялась в 1930 г. 67,1 %, 1931 г. – 58,6, 1932 г. – 74,1⁵, 1933 г., по данным табл. 53, – 53,7 %. В 1933 г. в Златоусте и особенно Магнитогорске самостоятельные также составляли свыше половины приезжих.

По данным табл. 54, в 1935–1936 гг. самостоятельные среди нового пополнения городов Свердловской области составили в среднем 72 %. В 1937 г. их доля среди прибывших на работу в города Челябинского региона была 66,7 %.

Среди перебравшихся в уральские города было много рабочих. Удельный вес их достигал в Челябинске в 1930 г. 34,6 %, 1931 г. – 41, 1932 г. – 29,8 %; в Златоус-

¹ Таблица составлена и рассчитана по: ГАСО. Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 17–18, 26, 28; Д. 99. Л. 2–5; Д. 100. Л. 13–13 об.; ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 5. Д. 496. Л. 2; Оп. 17. Д. 7. Л. 1–5.

² Рассчитано по: ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 4. Д. 1125. Л. 8; Ф. Р–1055. Оп. 1. Д. 111. Л. 33, 39.

³ Рассчитано по: ГАСО. Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 34–35, 47, 49; Д. 99. Л. 2–5.

⁴ Рассчитано по: ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 5. Д. 496. Л. 2; Оп. 17. Д. 7. Л. 1, 3–5.

⁵ Рассчитано по: ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 4. Д. 1125. Л. 8.

те соответственно – 83,4, 18,7 и 36,3 %¹. В 1932 г. 59,9 % приехавших в Магнитогорск были рабочими².

Таблица 53³

Социальный состав прибывших на жительство в Челябинск, Златоуст
и Магнитогорск в 1933 г.

Социальная группа	Челябинск		Златоуст		Магнитогорск*	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Самодельные:						
В том числе:						
Рабочие	4 989	27,5	3 112	29,8	25 583	45,1
В том числе:						
• строители	448	2,5	194	1,9	3 095	5,4
• чернорабочие	1 535	8,5	971	9,3	7 598	13,4
• металлисты	1 150	6,3	787	7,5	4 208	7,4
• прочие	1 133	6,2	664	6,4	5 713	10,1
• без указания профессии	713	4,0	484	4,7	4 969	8,8
Служащие (без МОП)	2 836	15,6	1 286	12,3	7 181	12,6
Младший обслуживающий персонал	612	3,4	327	3,1	3 615	6,4
Учащиеся	256	1,4	178	1,7	481	0,8
Прочие самодельные	1 060	5,8	809	7,8	1 227	2,2
Несамодельные	8 293	45,6	4 543	43,5	18 145	32,0
В том числе:						
• домашние хозяйки	2 413	13,3	1 830	17,5	н. св.	
• дети до 16 лет	4 948	27,2	2 474	23,7	н. св.	
• прочие	932	5,1	239	2,3	н. св.	
Не указавшие соц. группу	118	0,7	186	1,8	495	0,9
Итого прибывших	18 164	100	10 441	100	56 727	100

* Данные по Магнитогорску приведены за 9 мес. 1933 г.

В 1933 г., по данным табл. 53, рабочие составили больше половины самодельных мигрантов, прибывших в отмеченные промышленные центры Уральской области, в том числе в Челябинске – 51,2 %, Златоусте – 54,5 %, Магнитогорске – 67,2 %. Однако примерно треть их относилась к неквалифицированным рабочим

¹ Рассчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 4. Д. 1125. Л. 7; Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

² Рассчитано по: МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 40. Л. 54.

³ Таблица составлена и рассчитана по: ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 111. Л. 13–15.

(чернорабочим). Данные табл. 54 показывают, что в середине и во второй половине 1930-х гг. рабочие по-прежнему составляли существенную часть самостоятельных мигрантов в пополнении горожан, в том числе: в Свердловской области в 1935–1936 гг. в среднем 37,9 %, Челябинской в 1937 г. – 39,5 % всех прибывших на работу в города регионов.

Таблица 54¹

Социальный состав прибывших в городские поселения Свердловской и Челябинской областей в 1935–1937 гг.

Социальные группы	Свердловская область				Челябинская область*	
	1935 г.		1936 г.		1937 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Всего мигрантов	315 516	100	325 166	100	121 210	100
В том числе:						
самостоятельные:	228 585	72,5	232 744	71,6	80 685	66,6
• рабочие	113 518	36,0	129 024	39,7	47 846	39,5
• служащие	60 585	19,2	46 687	14,3	20 510	16,9
• младший обслуживающий персонал	11 344	3,6	11 418	3,5	н. св.	н. св.
• учащиеся	20 116	6,4	18 114	5,6	н. св.	н. св.
• прочие самостоятельные	23 022	7,3	27 501	8,5	12 329	10,2
несамостоятельные:	81 180	25,7	87 953	27,0	34 052	28,1
• домохозяйки	24 803	7,9	25 778	7,9	3 926	3,2
• дети до 16 лет	40 137	12,7	41 327	12,7	27 983	23,1
• прочие	16 240	5,1	20 848	6,4	2 143	1,8
Без указания социальной группы	5 751	1,8	4 469	1,4	6 473	5,3

* Данные об общественных группах только в отношении прибывших на работу в города Челябинской области.

Вторую позицию по численности среди мигрантов занимали служащие и младший обслуживающий персонал. В 1933 г., по данным табл. 53, их удельный вес среди приезжих составил в Челябинске и Магнитогорске 19 %, Златоусте –

¹ Таблица составлена и рассчитана по: ГАСО. Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 2–3, 13, 15; Д. 99. Л. 1–2, 4–5; ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 5. Д. 496. Л. 3.

15,4 %; по данным табл. 54, эти показатели в городах Свердловской области в 1935–1936 гг. равнялись в среднем 20,3 %; Челябинской только служащие составили 16,9 % всех прибывших на работу в города. Примерно половину и даже свыше половины несамостоятельных мигрантов, перебравшихся в уральские города в 1933–1937 гг., составили дети и подростки в возрасте до 16 лет.

Как видно из данных табл. 3.15 в приложении 3, в середине и второй половине 1930-х гг. все административно-территориальные образования СССР участвовали в формировании городского населения Урала, но в разной степени. Вместе с тем и в рассматриваемый период ведущая роль в этом процессе по-прежнему принадлежала внутриобластной миграции. На долю внутренних мигрантов в Свердловской области пришлось 53,3 % всех новых пополнений городского населения за 1935–1937 гг., Челябинской – 45 % за 1936–1937 гг. В гораздо меньшей степени эти уральские административно-территориальные образования обеспечивали мигрантами друг друга. За указанные три года доля прибывших в города Свердловской области из соседней Челябинской составила 6,4 % и, наоборот, из Свердловского в Челябинский регион за два года – 7 %.

Контингенты горожан пополнялись и выходцами из сопредельных территорий. Для Челябинской области особое значение имела Башкирская АССР, откуда в 1936–1937 гг. прибыло 6 % мигрантов; а Свердловской – Кировский край, в 1935–1937 гг. удельный вес выходцев из этого региона составил 6,9 % всех переселенцев. Городское население Челябинской области прирастало выходцами из Казахстана, доля которых составила 2,1 % всех прибывших, а в городах Свердловской области она равнялась всего 0,3 %. Удельный вес перебравшихся из Сибири достигал в городах Свердловской области 3,4 %, а Челябинской – 3,8 %. В основном это были приезжие из Западной Сибири. В меньшей степени городское население Челябинской и Свердловской областей пополнялось за счет населения Оренбургской области, которое составило среди мигрантов в указанные периоды соответственно 1,3 и 0,3 %. Зато было много мигрантов из Поволжья. За указанные три года выходцы из этого региона составили 7,5 % новых контингентов го-

рожан Свердловской области, а Челябинской за два года – 5,7 %. При этом жители Татарской АССР предпочитали переезжать в города Свердловской области.

В годы форсированной индустриализации уральские города активно пополнялись жителями западных территорий СССР. Удельный вес мигрировавших из Центрального района РСФСР в свердловские городские поселения в 1935–1937 гг. составила 3,3 %, а челябинские в 1936–1937 гг. – 4,8 %. При этом доля москвичей среди них достигала в Свердловской области 42,3 %, Челябинской – 35,5 %. Из Северо-Западного района РСФСР на Урал переезжали в основном жители Ленинграда. Они составили за указанный период 55,5 % всех мигрировавших с данной территории в города Свердловской и 68,4 % – Челябинской области. Доля переехавших из УССР достигала в городских поселениях Свердловской области 1,1 %, зато Челябинской – 1,6 %. Остальные территории СССР не играли существенной роли в формировании контингентов горожан Урала в 1930-е гг.

Сохранившиеся статистические данные позволяют определить основные мотивы переезда в городские поселения Урала. В 1937 г. 48,1 % мигрантов прибыл в города Челябинской области на работу, 8,5 % – на учебу, 5,2 % – в командировку, 1,3 % – в отпуск, 19,8 % – для проживания совместно с родными. Остальные не указали причину своего прибытия. В целом подавляющее большинство приезжих прибыло в города для работы и постоянной жизни¹.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. городское население Урала формировалось в основном за счет естественного прироста и миграций. В условиях обозначившегося тренда к снижению воспроизводства горожан все большее значение приобретала миграция. Она обеспечила быстрый рост численности жителей городских поселений региона в период форсированной индустриализации края, в том числе и во время демографической катастрофы начала 1930-х гг. На протяжении всего рассматриваемого периода среди мигрантов преобладали представители мужского пола в трудоспособном возрасте. По социальному положению это были самостоятельные, в основном рабочие. Основным источником пополнения горожан оставалась внутриобластная миграция.

¹ Рассчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 5. Д. 496. Л. 3.

Уральская статистика свидетельствовала о том, что в 1920–1930-е гг. под воздействием модернизационных процессов в крае города региона осуществляли демографический переход к современному типу воспроизводства населения со свойственными ему низкими параметрами смертности и рождаемости. На процесс демографической транзиции оказывали влияние социально-экономические и политические факторы, которые тормозили снижение смертности и изменение структуры причин смерти горожан. До Великой Отечественной войны не удалось завершить первый этап эпидемиологического перехода. Более активно шел процесс снижения рождаемости, но и на него влияли события социально-политического характера.

Уральские городские поселения находились на второй фазе миграционного перехода, миграции были тесно связаны с индустриализацией и коллективизацией и вызвали массовое движение сельского населения в города.

Глава 5. СОСТАВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА

§ 1. Социально-экономическая структура и занятия городского населения в годы новой экономической политики

Социально-экономическая структура уральских городов напрямую зависела от политических и экономических процессов, происходивших в рассматриваемый период в стране и регионе. Октябрь 1917 г., Гражданская война и послевоенная разруха, а также последовавшая за ними новая экономическая политика оказали влияние на социальную структуру городских поселений края, что зафиксировали переписи населения 1920, 1923 и 1926 гг. Под социальной структурой народонаселения понимается сеть устойчивых и упорядоченных связей между социальными группами различного вида общностей. К социально-экономическим структурам относятся отраслевая структура занятости и профессиональная структура населения¹.

Кризис уральской промышленности и хозяйства вообще в первые годы нэпа привел к сокращению абсолютной численности самостоятельного² населения городских поселений с 479 221 до 330 098 чел.³ В итоге, по данным табл. 55, если доля занятых горожан в общей численности городского населения составляла в 1920 г. 44,8 %, то в 1923 г. – 37,8 %. Восстановительный период в Уральской области способствовал росту абсолютного числа занятых горожан (до 593610 чел.) и их доле в общей численности населения городских поселений – до 42,2 % в 1926 г.

К 1923 г. изменилось соотношение занятых мужчин и женщин вследствие возвращения демобилизованных из Красной Армии и горожан из деревень, что отразилось на доле женщин в самостоятельном населении. В 1920 г. она равнялась

¹ Демографический энциклопедический словарь. С. 426.

² В 1920–1930-е гг. в статистических данных население делилось на две группы: самостоятельное и несамодеятельное. К самостоятельному относились живущие за счет собственного источника дохода (имевшие какой-либо заработок или другой источник существования) (См.: Лебедев Ф. Социально-экономическая структура населения Уралобласти. С. 117).

³ Данные цифры представляют собой итоги только по поселениям городского типа, которые были переписаны и в 1920 и 1923 гг. Они не совпадают с результатами переписей, но будучи сравнимыми данными позволяют исчислить относительные величины – коэффициенты изменений (Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. С. 68).

40,5 %, а в 1923 г. – всего 30,3 % (см. табл. 55). Этот региональный показатель, по данным городской переписи 1923 г., оказался ниже, чем по Европейской части РСФСР (36,2 %¹). В итоге, если на 1000 занятых мужчин в уральских городах приходилось в 1920 г. 679 женщин, то в 1923 г. – 435. Таким образом, в 1923 г. мужчины среди самодеятельного населения городов региона более чем в два раза превышали численность женщин.

Таблица 55²

Численность самодеятельного населения в городских поселениях Урала (по данным переписей населения 1920, 1923 и 1926 гг.), чел.

Численность населения	Всероссийская перепись 1920 г.	Всесоюзная городская перепись 1923 г.	Всесоюзная перепись населения 1926 г.
Численность городского населения Урала	1 109 742	1 151 016	1 407 074
В том числе: мужчин	509 362	532 386	664 774
женщин	600 380	618 630	742 300
Численность самодеятельного городского населения Урала	496 831	434 762	593 610
В том числе: мужчин	295 831	303 026	404 573
женщин	201 000	131 736	189 037

Для сравнения: в 1923 г. в городах Европейской России на 1000 самодеятельных мужчин приходилось 566 подобных женщин³. Эти цифры говорят о достаточно слабом (даже по сравнению с Европейской частью СССР) вовлечении уральских горожанок в общественное производство. В 1926 г. при абсолютном росте числа женщин, живших за счет собственного источника доходов, вырос и их удельный вес среди занятых горожан до 31,8 %. На 1000 занятых мужчин теперь приходилось 467 женщин (см. табл. 55). Вместе с тем эти показатели по-прежнему уступали данным по городам Европейским России. В 1926 г. доля

¹ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 70.

² Таблица составлена по: Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. С. 36; Тр. ЦСУ СССР. Т. XX. Ч. II. Вып. 1. С. 12, 27, 40, 167, 293, 419; Вып. 3. С. 11, 278; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. С. 120.

³ Рассчитано по: Там же.

женщин в самодеятельном населении городов России составил 37,8 %, на 1000 занятых мужчин-горожан приходилось 606 горожанок¹.

О роли женщин в экономической жизни городов Урала свидетельствуют следующие данные. В 1920-е гг. свыше половины мужчин (1920 г. – 58 %, 1923 г. – 56,9 %, 1926 г. – 60,9 %) и только до четверти женщин (1920 г. – 33,4 %, 1923 г. – 21,3 %, 1926 г. – 25,5 %) имели самостоятельный источник дохода (рассчитано по данным табл. 55).

Вместе с тем в Уральской области существовали резкие различия между долей самодеятельного населения в городской и сельской местности. По подсчетам уральского статистика Ф.Н. Лебедева, в декабре 1926 г. удельный вес городских жителей в населении региона был равен 20,8 %, тогда как доля занятых горожан в населении края составила всего 12,2 %. При этом для мужчин-горожан эти показатели соответствовали 21,2 и 17,2 %, женщин – 20,6 и 7,17 %. Пониженный против общего процент занятого городского населения Ф.Н. Лебедев объяснял для мужского пола привлечением в сельской местности к работе мальчиков, не достигших трудоспособного возраста (борноволоки, подпаски и т.п.), и большим процентом среди самодеятельных горожан лиц, не имевших занятия (пенсионеры государства, рентьеры, домовладельцы, деклассированные элементы, воры, проститутки и т.п.). Резко пониженный процент женского занятого населения в городах статистик объяснял, помимо указанных причин, и тем, что в городах домашняя хозяйка не принимала участия в производстве и попадала в незанятое несамодеятельное население, а в сельской местности она, как правило, участвовала в производстве и в подавлявшей массе попадала в категорию занятого населения².

В 1920-е гг. самодеятельные горожане распределялись по следующим социальным группам: рабочие, служащие, прислуга, лица свободных профессий, хозяева, помогающие члены семьи, рентьеры, деклассированное население, иждивенцы и прочие категории горожан. Все самодеятельное население делилось на две категории: население «занятое» в какой-либо из отраслей народного хозяйст-

¹ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 71.

² Лебедев Ф. Социально-экономическая структура населения Уралобласти. С. 121.

ва и население «незанятое». «Занятым» считалось население, имевшее занятия, т.е. рабочие и служащие, работавшие в какой-либо отрасли народного хозяйства, хозяева с помогающими им в занятии членами семьи, ведущие свое хозяйство, принадлежавшее к какой-либо отрасли народного хозяйства, и лица свободных профессий. Определение «занятое» население не было синонимом «трудовому» населению, т.к. занятия могли быть и нетрудовыми. К «незанятым» относились безработные, рентьеры, пенсионеры, стипендиаты, лица, жившие на доходы от алиментов, заключенные, беспризорники, воры и прочие, а также военнослужащие¹. Указанный социальный состав горожан сохранялся вплоть до начала форсированной индустриализации, но отмеченные социальные группы претерпели количественные изменения, направления и темпы которых зависели от конкретной политической и социально-экономической ситуации, что отразили материалы переписей 1920, 1923 и 1926 гг., представленные в табл. 3.16 в приложении 3.

Социальный состав городского населения Урала, характер и содержание его занятий имели свою специфику в городских поселениях разного типа. Он определялся как величиной населенного пункта, так и его административным, хозяйственным и культурным значением. Всесоюзная городская перепись 1923 г., учитывая этот фактор, выделяла губернский город, прочие города и поселки городского типа. Губернский город, как правило, являлся не только административным, но и хозяйственным и культурным центром. Он притягивал население и имел сложный социальный состав. Поселки городского типа создавались вокруг какого-нибудь предприятия или крупного промысла, железнодорожной станции, копей, пристаней (поселки горняков, железнодорожников, фабрично-заводские поселения и т.п.). Они были небольшими по размеру, что сказывалось на их социальной структуре. Прочие города составляли особую группу. В нее вошли все провинциальные города. Социальный состав их населения также был довольно сложным². Все категории городских поселений, по данным табл. 3.17 в приложении 3, имели свою специфику в структуре населения.

¹ Лебедев Ф. Социально-экономическая структура и занятия населения Уралобласти. С. 7.

² Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 60.

Данные табл. 3.16 в приложении 3 показывают, что значительную часть самодеятельного городского населения Урала составляли рабочие. За период между переписями 1920 и 1923 гг. уменьшилась абсолютная численность этой социальной группы из-за свертывания производства, но удельный вес ее в самодеятельном населении городов остался почти тем же – 35 % в 1923 г. против 35,4 % в 1920 г. По итогам городской переписи 1923 г. он превысил аналогичные показатели по СССР (25,3 %), РСФСР (26,0 %), Европейской России (26,2 %), индустриально развитым регионам, в том числе Центрально-Промышленному (30,7 %) и Ленинградско-Карельскому (25,7 %)¹.

Вместе с тем в начале 1920-х гг. уральские губернии различались по числу рабочих и их доле в самодеятельном населении регионов. Данные табл. 3.17 в приложении 3 позволяют сделать вывод, что больше всего рабочих было в городских поселениях Екатеринбургской губернии. В 1923 г. доля рабочих среди самодеятельных горожан этого региона составила 38,9 %, что было значительно выше показателя по Уралу (35 %). В Пермской и Челябинской губерниях данная социальная группа представляла примерно треть занятых горожан, соответствовала 34,1 и 33,9 % и была чуть ниже среднего показателя по Уралу. И только в Тюменском административно-территориальном образовании рабочие по численности уступали служащим, их удельный вес был самым низким в уральских губерниях (22,5 %) и намного меньше среднего показателя по Уралу.

Восстановление уральской промышленности и преодоление разрухи не только стабилизировало, но и увеличило в 1926 г. абсолютную численность рабочих в городских поселениях Уралобласти на 56,7 тыс. чел. или 37,2 %, однако удельный вес их остался на уровне 35,2 % (см. табл. 3.16 в приложении 3). Этот показатель по-прежнему превышал общесоюзный (28,8 %)², общероссийский (29,5 %)³ и Европейской России (30,5 %) уровни, а также подобные величины по развитым в

¹ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 48–49.

² Там же. С. 81.

³ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 127.

промышленном отношении Центрально-Промышленному (34,8 %) и Ленинградско-Карельскому (33,0 %) районам¹.

Данные табл. 3.17 в приложении 3 показывают, что основная часть рабочих (81,4 %), по итогам городской переписи 1923 г., концентрировалась в негубернских городских поселениях. Более того, свыше половины представителей этой социальной группы (56,2 %) приходилось на поселки городского типа, тогда как свыше половины всех рабочих Европейской России находилось в губернских городах, одна четвертая – в прочих городах и одна пятая – в поселках городского типа². Специфика размещения рабочих Урала объясняется тем, что в крае получили распространение небольшие городские поселения вокруг заводов, у железнодорожных станций или крупных промыслов.

Отмеченная особенность размещения рабочих в уральских городах отразилась на социальной структуре горожан. В поселках городского типа доля рабочих среди занятых горожан составляла 47,7 %, т.е. они играли определяющую роль в социальном облике городов, тогда как в прочих городах – 27,8, а в губернских центрах – 24,1 % (см. табл. 3.17 в приложении 3). Однако отдельные губернии региона имели свою специфику. В поселках городского типа Екатеринбургской и Челябинской губерний доля рабочих составляла чуть более половины занятых горожан, в Пермской достигала 43,6 % и только в Тюменской губернии свыше половины рабочих проживало в губернском центре, 37,7 % – в прочих городах, а 11,2 % – в поселках городского типа.

Специфика размещения рабочих в уральских городских поселениях сохранялась и в последующее время. По данным переписи 1926 г., только 75 205 рабочих (36 %) проживали в окружных городах, остальные (133 684 чел. или 64 %) – в прочих городских поселениях³. Для сравнения: по итогам городской переписи 1923 г. (в пересчете на окружную систему) в прочих городских поселениях насчитывалось 105 954 рабочих или 69,6 %⁴.

¹ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 49, 82.

² Там же. С. 61.

³ Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г.: кратк. стат. справочник. С. 554.

⁴ Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. С. 44.

Перепись 1926 г. показала, что свыше 55 % рабочих проживало в городах Горнозаводского Урала и 29 % – Предуралья (рассчитано по данным табл. 56). Здесь была сосредоточена основная часть промышленности. Не случайно рабочие составляли среди самостоятельных горожан Горнозаводского Урала 397 ‰ и Предуралья – 359 ‰, что было выше средних показателей по городам Уралобласти (352 ‰) и Зауралья (246 ‰).

Таблица 56¹

Распределение рабочих и служащих по городским поселениям отдельных полос Уральской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г), чел.

Социальная группа	Уральская область	В том числе:		
		Предуралье	Горнозаводский Урал	Зауралье
Все самостоятельное население	593 610	168 209	290 232	135 169
В том числе: рабочие	208 889	60 388	115 280	33 221
служащие*	147 182	40 590	69 559	37 033

* Служащие даются вместе с прислугой.

На протяжении всего периода нэпа среди уральских рабочих преобладали мужчины. Удельный вес их среди названной социальной группы горожан составил в 1920 г. 73,7%, 1923 г. – 83,1, 1926 г. – 85,8 % (рассчитано по данным табл. 3.16 в приложении 3).

В 1920-х гг. рабочие в городах Урала имели довольно развитую профессиональную отраслевую структуру (см. табл. 3.18 в приложении 3). Самую крупную группу среди рабочих профессий составляли металлисты, т.к. ведущими отраслями Урала были металлургия и металлообработка. После спада начала 1920-х гг. по мере восстановления промышленности их численность возрастала, рос и удельный вес их среди рабочих (в 1920 г. – 20,9 %, 1923 г. – 20,5 %, 1926 г. – 27,5 %). За металлистами шли с большим отрывом местнотранспортники (шоферы и мотоциклисты, легковые и ломовые извозчики, кучера, грузчики, крючники,

¹ Таблица составлена и рассчитана по; Лебедев Ф. Социально-экономическая структура и занятия населения Уралобласти. С. 4, 35, 41.

носильщики и проч.), железнодорожники, строители, чей удельный вес среди рабочих колебался в пределах 5,7–11,6 %.

По сравнению с другими занятиями в 1920 г. была значительной доля кожевников (5,9 %), но в 1923 г. она снизилась до 3,1 %, а в 1926 г. составила всего 2 %. Такая же ситуация наблюдалась и со швейниками, чья численность устойчиво снижалась. Их удельный вес, составлявший в 1920 г. 4,3 %, в 1923 и 1926 гг. оказался ниже 1 %. Одновременно в течение нэпа выросло число горнорабочих, в значительной степени обеспечивавших рудой металлургические заводы. Их доля среди рабочих поднялась с 1,9 % (1920 г.) до 5,4 (1923 г.), но в 1926 г. она снизилась до 5,1 %. Остальные группы рабочих профессий на протяжении 1920-х гг. составляли менее 5 % каждая.

Распределение уральских рабочих по основным занятиям с учетом половых характеристик имело свою специфику. Подавляющее большинство мужчин-рабочих составляли металлисты (в 1920 г. – 25,8 %, 1923 г. – 24,2, 1926 г. – 30,1 %). Довольно значительным был удельный вес железнодорожников (в 1920 г. – 8 %, 1923 г. – 6,9, 1926 г. – 7,5 %), местнотранспортников (соответственно – 8, 10,3, 12,3 %), строителей (7,6, 6, 7,1 %), рабочих силовых установок (4,1, 4,3, 5,5 %), горнорабочих (2,3, 5,8, 5,2 %).

Среди женщин-работниц в 1920 г. преобладали швейницы (12,9 %), но в 1923 г. их абсолютная численность сократилась в 9 раз. Одновременно упал до 2,5 % и их удельный вес, оставшись примерно на этом уровне и в 1926 г. В 1920 г. второе, а в 1926 г. – уже первое место по востребованности у женщин заняла профессия металлистов. Переписи 1920 и 1926 гг. показали, что этим занятием занималось свыше 3 тыс. женщин. Удельный вес их среди женщин-работниц составил в 1920 г. 7 %, а в 1926 г. – 11,5 %. На протяжении 1920-х гг. достаточно устойчивой была доля женщин-текстильщиц, она колебалась в пределах 5,6 (1920 г.) % и 6,5 (1923 г.) – 6,9 (1926 г.) %, хотя их абсолютная численность в 1923 и 1926 гг. уступала уровню 1920 г. За восстановительный период выросла абсолютная численность работниц, которые трудились на местном транспорте (при незначитель-

ном сокращении их в 1923 г.), увеличился и их удельный вес среди занятых горожанок с 2,9 % в 1920 г. до 4,8 % в 1923 г. и 7,3 % в 1926 г. Восстановившаяся фабрично-заводская промышленность востребовала женские руки и в горном деле. Если по переписи 1920 г. женщин-горнорабочих был всего 1 % (478 чел.), 1923 г. – 3,2 (832 чел.), то 1926 г. – уже 4 % (1194 чел.). Материалы переписей 1920-х гг. (см. данные табл. 3.18 в приложении 3) показывают, что в уральских городах в ряде отраслей женский труд превалировал над мужским. Это текстильное, швейное и писчебумажное производство.

По данным переписи 1926 г. (табл. 57) 66 % городских рабочих было задействовано в промышленности, при этом 62,6 % их концентрировалось в ценовой и только 3,4 % – в кустарно-ремесленной промышленности и 15,3 % – на транспорте, в том числе 19,9 % – на железнодорожном транспорте. Из остальных отраслей народного хозяйства на первом месте стояло сельское хозяйство (трактористы, пастухи, конюхи, рабочие лесного дела и рабочие в рыболовстве и охоте и проч.), в котором трудилось 4,3 % всех рабочих уральских городов. На все другие отрасли приходилось не выше 2,2 % представителей этой социальной группы.

Сравнение структуры рабочей части населения окружных городов и прочих городских поселений Уральской области, по данным переписи 1926 г., позволяет сделать вывод, что прочие города имели более высокий процент рабочих-горожан, живших за счет фабрично-заводской промышленности, – 69,4 % (92 792 чел.) против 50,5 % (37 994 чел.) в окружных центрах. В кустарно-ремесленной промышленности, наоборот, в окружных городах трудилось больше рабочих – 5,4 % (4047 чел.) против 2,2 % (3010 чел.)¹.

Уже в 1924/25 г. 99,5 % рабочих было занято на предприятиях фабрично-заводской промышленности Урала, составлявших социалистический сектор, тогда как в целом по СССР – 98,2 % рабочих. Правда, в следующем, 1925/26 г. в регионе в связи с передачей по договору концессии «Лена голдфилдс лимитед» ряда заводов и рудников, удельный вес капиталистического сектора поднялся, в нем бы-

¹ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1928: кратк. стат. справочник. С. 554.

ло задействовано 2,2 % рабочих. Но в 1926/27 г. его доля начала сокращаться. На крупных фабрично-заводских предприятиях Уралобласти, относившихся к социалистическому укладу, вновь трудилось 99,7 % всех рабочих¹.

Таблица 57²

Распределение городского населения Урала по социальному положению и отраслям народного хозяйства (по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.), чел.

Отрасли народного хозяйства	Рабочие	Служащие*	Хозяева и помог. члены семьи	Одиночки	Итого
Все отрасли народн. хозяйства	208 889	147 182	71 868	40 359	468 298
В том числе:					
Сельское хозяйство	9 043	3 057	55 283	5 075	72 458
Промышленность цензовая	130 786	29 395	60	0	160 241
кустарно-ремесл.	7 057	1 103	10 011	19 492	37 663
Строительство	2 585	960	817	3 919	8 281
Транспорт железнодорожный	28 954	11 134	0	0	40 088
прочий	2 958	1 019	1 144	5 674	10 795
Торговля и кредит	3 111	23 268	4 458	5 920	36 757
Учреждения	4 530	57 890	0	0	62 420
Прочие отрасли	19 865	19 356	95	279	39 595

* Служащие даются вместе с прислугой.

В 1926 г. среди рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности в прочих городах и поселениях городского типа, был более высокий процент квалифицированных рабочих—33,9 %, в то время как в окружных городах таковых было всего 28,5 %³.

Таким образом, к концу восстановительного периода в прочих городских поселениях удельный вес рабочих среди самостоятельного населения был выше, чем в окружных городах. Здесь преобладали рабочие, занятые в фабрично-заводской промышленности, треть их составляли квалифицированные кадры. Данная специфика уральских городов была обусловлена тем, что большинство заводов региона концентрировалось в прочих городах.

¹ Куликов В.М. Указ. соч. С. 31–32.

² Таблица составлена и рассчитана по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. С. 120.

³ Лебедев Ф.Н. Семья и социальный состав уральского города. С. 9.

В начале 1920-х гг. в уральских городах второй по численности социальной группой были служащие. За 1920–1923 гг. сократилась не только их абсолютная численность, но и доля среди занятых горожан с 25 до 22,2 % (см. табл. 3.16 в приложении 3), которая в 1923 г. уступала общесоюзному (24,2 %) и общероссийскому (26,0 %) ¹ уровням. Во время городской переписи 1923 г. удельный вес служащих в городах отдельных губерний (см. табл. 3.17 в приложении 3) колебался в пределах 21,1 (Екатеринбургская губерния) – 25,8 (Тюменская губерния) %. К концу восстановительного периода, как свидетельствуют итоги переписей 1923 и 1926 гг., абсолютная численность служащих (вместе с прислугой) выросла на 30,8 % (рассчитано по данным табл. 3.16 в приложении 3). Однако за это время их доля среди горожан региона (вместе с прислугой) сократилась с 25,9 до 24,8 %. В 1926 г. уральский показатель по-прежнему был ниже аналогичного общесоюзного (26,2 %) ² и общероссийского (27,5) ³.

В отличие от рабочих, в 1923 г. 37,2 % служащих проживало в губернских городах, 32,9 – в прочих городах, остальные 29,9 % – в поселках городского типа (см. табл. 3.17 в приложении 3). Удельный вес служащих среди горожан, имевших самостоятельный доход, в Екатеринбурге составил 32,8 %, Перми – 29,6, Челябинске – 29,1, Тюмени – 28 %, что было выше средних показателей по Уралу. Доля служащих в прочих городах Екатеринбургской губернии равнялась 22,6, а поселках городского типа – 14,2 %; Пермской соответственно – 25,5 и 18,7; Челябинской – 20,5 и 16,8 и Тюменской – 26,6 и 14,0 %. Таким образом, служащие, как показывают расчеты, превосходили долю рабочих в губернских и прочих городах и уступали им в поселках городского типа. Такое распределение данной социальной группы по городским поселениям разного типа объяснялось тем, что губернские города были не только хозяйственными, но и административными центрами. Многие города, входившие в категорию прочих, раньше были уездными городами с соответствующими управленческими функциями. В дальнейшем на Урале со-

¹ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 48.

² Там же. С. 81.

³ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 127.

хранилась концентрация служащих в административно-территориальных центрах, более того, она усилилась. По-прежнему здесь наблюдалось превышение их численности над рабочими. По данным переписи 1926 г., в окружных городах насчитывалось 89 098 служащих (вместе с прислугой), что составило 60,5 % представителей этой социальной группы горожан; тогда как в 1923 г. в городах этого типа проживало 61 158 служащих или 54,3 %¹.

Данные табл. 56 показывают, что в 1926 г. в городских поселениях Зауралья, в состав которого входили бывшие Тюменская и Челябинская губернии, была наиболее высокой доля служащих (27,4 %), она превышала удельный вес рабочих в этом регионе. Это было выше общеуральского показателя (24,8 %) и данных по Горнозаводскому Уралу и Предуралью (24 и 24,1 %).

Перепись 1926 г. (см. табл. 57) выявила, что основная масса служащих уральских городов (39,3 %) занималась оказанием нематериальных услуг государству и отдельным гражданам, 24 % их была задействована в распределении и передвижении, 23,6 % – в производстве и обработке ценностей и только 13,1 % – в прочих отраслях народного хозяйства. К последней группе была отнесена, согласно принятой при разработке переписи классификации, и личная прислуга, оказывавшая услуги лично гражданам. Вместе с тем перепись 1926 г. выявила и различия между городскими поселениями отдельных полос Уральской области в использовании служащих в конкретных отраслях народного хозяйства. Так, в Горнозаводском Урале они в большей степени, чем в городских поселениях других полос, были заняты в передвижении и распределении (43 % служащих) и в производстве и обработке ценностей (28,5 %). Эти показатели даже превышали данные по городам Урала в целом. В учреждениях трудилось всего 15,3 % служащих. Представители этой социальной группы Зауралья, прежде всего, были задействованы в работе учреждений (45,6 %), а потом уже в передвижении и распределении (28,3 %) и в производстве и обработке ценностей (11,9 %). В городах Предуралья служащие также в большей степени участвовали в оказании услуг государству и

¹ Рассчитано по: Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. С. 44; Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г.: кратк. стат. справочник. С. 555.

его гражданам (41,2 %), в производстве и обработке ценностей участвовало 25,3 % служащих, в передвижении и распределении – 21,4 % их. Остальные представители данной социальной группы были вовлечены в другие отрасли народного хозяйства¹. Таким образом, служащие в городах Горнозаводского Урала выполняли в большей степени производственно-распределительные функции, Зауралья – учрежденческие и распределительные, Предуралья – учрежденческие и производственные.

Табл. 3.19 в приложении 3 позволяет судить о распределении городских служащих по основным группам занятий. В 1920–1923 гг. наиболее многочисленными отрядами этой массы были делопроизводственный персонал (в 1920 г. его доля составила 22,8 % от общего числа городских служащих, а в 1923 г. – 16,1 %), служащие по охране безопасности (1920 г. – 17,8 %, 1923 г. – 18,5 %) и учетно-контрольный персонал (1920 г. – 11,3 %, 1923 г. – 15,5 %). За ними шли культурно-просветительный (1920 г. – 9,2 %, 1923 г. – 8,7 %), торговый и хозяйственно-распределительный (1920 г. – 8,7 %, 1923 г. – 11,3 %), медико-санитарный (1920 г. – 8,5 %, 1923 г. – 6,8 %), управленческий и судебный (1920 г. – 7,2 %, 1923 г. – 9,4 %), технический (1920 г. – 6,1 %, 1923 г. – 7,9 %) персонал, работники связи (1920 г. – 4,1 %, 1923 г. – 3,4 %). При этом данные табл. 3.19 в приложении 3 показывают, что при переходе от войны к миру в городах Урала уменьшилась абсолютная численность делопроизводственного, медико-санитарного, культурно-просветительного персонала, служащих по охране безопасности и служащих народной связи, что привело к снижению их доли в общей массе городских служащих. Исключение составили только служащие по охране безопасности, которые включали в себя работников ВЧК-ГПУ и уголовного розыска, милиционеров, служащих по охране мест заключения, пожарных и проч. В 1923 г. их удельный вес среди городских служащих, по сравнению с 1920 г., несколько вырос при одновременном сокращении их численности.

Восстановление народного хозяйства Урала потребовало специалистов, занятых в производственно-распределительной сфере. За период между переписями

¹ Рассчитана по: Лебедев Ф. Социально-экономическая структура и занятия населения Уралобласти. С. 41.

1923 и 1926 гг. технический (инженеры, десятники, бригадиры, мастера, техники, чертежники и проч.), торговый и хозяйственно-распределительный (заведующие магазинами и складами, комиссионеры, кладовщики, приемщики, весовщики, экспедиторы, продавцы) персоналы выросли почти в 1,5 раза, учетно-контрольный (контролеры, ревизоры, инструкторы, бухгалтеры, счетоводы, кассиры, казначеи, конторщики, счетчики и проч.) – почти в два раза (рассчитано по данным табл. 3.19 в приложении 3). Существенно увеличилась и их доля среди городских служащих: технического персонала – с 7,9 до 10,7 %, торгового и хозяйственно-распределительного – с 11,3 до 15,4 %, учетно-контрольного персонала – с 15,5 до 26,2 %.

Большинство служащих городов Урала составляли мужчины, но если в 1920 г. их удельный вес был равен 59,2 %, в 1923 г. – уже 70,2, то в 1926 г. он снизился до 65,3 % (рассчитано по данным табл. 3.16 в приложении 3).

В 1920 и 1923 гг. (см. табл. 3.19 в приложении 3) наивысший процент женского труда наблюдался среди делопроизводственного (соответственно 31,8 и 24,2 %), культурно-просветительного (16,3 и 20,2 %), медико-санитарного (15,5 и 15,7 %) персонала и служащих по охране безопасности (13,0 и 16,2 %). В 1926 г. труд горожанок чаще был востребован у медико-санитарного (22,1 %), учетно-контрольного (21,4 %), культурно-просветительного (20,9 %) и делопроизводственного (19,0 %) персонала. При этом в уральских городах на протяжении всего восстановительного периода женщины преобладали среди медико-санитарного и культурно-просветительного персонала. Так, на 1000 мужчин, составлявших медико-санитарный персонал (врачи, фельдшера, акушерки, фармацевты, медицинские сестры и братья, санитары и сиделки), приходилась в 1920 г. 2961, 1923 г. – 2196, 1926 г. – 2985 женщин. На 1000 мужчин, входивших в состав культурно-просветительного персонала (преподаватели вузов, учителя, редакторы, литераторы, работники библиотек и музеев, актеры, режиссеры, музыканты), было в 1920 г. 2546, 1923 г. – 2196, 1926 г. – 2133 женщин. В 1926 г. численность женщин превысила численность мужчин среди работников связи, к которым относились телеграфисты, телефонисты, радиотелеграфисты, здесь на 1000 мужчин приходи-

лось 1346 женщин. Также в 1920 и 1926 гг. женщины преобладали среди делопроизводственного персонала (делопроизводители, машинистки, секретари, регистраторы и проч.): в 1920 г. на 1000 мужчин было 1320 женщин, 1926 г. – 1108. В остальных группах служащих переписи 1920-х гг. выявили значительное преобладание мужчин.

Переписи 1920 и 1923 гг. выделяли прислугу в самостоятельную социальную группу. Данные табл. 3.16 в приложении 3 свидетельствуют о сокращении абсолютной численности этой категории самодеятельных горожан Урала. В 1920 и 1923 гг. удельный вес их среди занятого населения городов края не превышал 4 %. В период городской переписи 1923 г., по данным табл. 3.17 в приложении 3, основная часть прислуги проживала в административных центрах Урала, в том числе: в губернских городах – 40,2 %, а в прочих городах – 30,8 и поселках городского типа – 29,0 %. Большинство прислуги (см. табл. 3.16 в приложении 3) составляли женщины, в 1920 г. на 1000 мужчин в услужении было 2884 женщин, в 1923 г. – 2886.

В период переписи 1926 г. прислуга уже не образовывала самостоятельной социальной группы населения. Она была включена в состав служащих. В уральских городах личная прислуга насчитывала 16118 чел., среди них было всего 18 мужчин. К младшему обслуживающему персоналу и работникам гигиены (прачки, дворники, сторожа, курьеры, рассыльные, повара, кухарки, кухонные рабочие, няни, кормилицы и проч.) относилось 27812 чел. Подавляющее большинство их (15 398 чел. или 55,4 %) составляли женщины¹.

В переписях 1920-х гг. среди населения выделялась социальная группа «лица свободных профессий», включавшая в себя техников, медиков, педагогов, художников, адвокатов и служителей культа. Доля ее среди горожан Урала была небольшой и, по данным табл. 3.16 в приложении 3, колебалась в пределах 0,4 (1920 г.) – 0,3 (1926 г.) %. Большинство представителей этой социальной группы составляли служители культа. Но итоги переписей 1920-х гг. выявили тенденцию к снижению их доли среди горожан. Если в городских поселениях Урала их

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. С. 232–239.

удельный вес среди представителей лиц свободных профессий был равен в 1920 г. 77,1 % (1715 чел.), то уже в 1923 г. он сократился до 57,2 (872 чел.), составив в 1926 г. 52,6 % (907 чел.)¹. Среди служителей культа подавлявшее большинство составляли православные священнослужители. В 1920 г. (см. табл. 3.16 в приложении 3) среди лиц свободных профессий преобладали женщины (61,4 %), но в 1923 г. их стало гораздо меньше мужчин (25,6 %). Такое положение сохранилось и в 1926 г., когда показатель женщин еще больше снизился и составил 21,4 %.

Табл. 58 показывает изменения, произошедшие в численном и половом составе лиц свободных профессий за период между переписями 1920 и 1923 гг. За это время увеличилось число мужчин, работавших техниками, медиками, педагогами, художниками и адвокатами. Одновременно сократилось число женщин-художников и адвокатов и особенно – служителей культа. Число женщин, служителей культа, уменьшилось более чем в 18 раз. Изменения были закреплены в период между переписями 1923 и 1926 гг.

Таблица 58²

Изменения в численном и половом составе лиц свободных профессий за 1920–1923 гг., чел.*

Пол	Техники, медики, педагоги		Художники и адвокаты		Служители культа		Всего лиц свободных профессий	
	Годы		Годы		Годы		Годы	
	1920	1923	1920	1923	1920	1923	1920	1923
Муж.	79	142	88	162	672	663	839	967
Жен.	234	235	125	69	1005	55	1364	359

* Данные табл. 58 не совпадают с данными табл. 3.16 в приложении 3, так как в табл. 58 представлены итоги только по тем городским поселениям, которые были переписаны и в 1920 и в 1923 гг., то есть приведены только сравнимые данные для исчисления относительных величин – коэффициентов изменений (См.: Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. С. 68).

Лица свободных профессий достаточно равномерно размещались по город-

¹ Рассчитано по: Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. С. 111; Тр. ЦСУ СССР. Т. XX. Ч. II. Вып. 1. С. 165, 291, 417; Вып. 3. С. 276; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. С. 239.

² Таблица составлена по: Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. С. 55.

ским поселениям разного типа. В 1923 г. 33,7 % их проживало в губернских центрах, 39,4 % – в прочих городах и 27,1 % – в поселках городского типа (рассчитано по данным табл. 3.17 в приложении 3). Эта общая для Урала особенность была характерна для Екатеринбургской и Пермской губерний. В Челябинском и Тюменском административно-территориальных образованиях свыше половины представителей данной социальной группы горожан проживала в прочих городах. Это объяснялось тем, что в прочих городах было меньше государственных учреждений разного профиля, поэтому была широко распространена частная практика среди врачей, юристов и прочих представителей данной социальной группы. К тому же в негубернских городах был меньше контроль за их деятельностью. Представителей творческих профессий было крайне мало на Урале. В основном они проживали в городах Екатеринбургской губернии.

Новая экономическая политика позволила не только восстановить хозяйственную жизнь городов, но и привела к возрождению рыночных отношений, что способствовало естественному развитию связанных с этими отношениями социальных структур. Данные табл. 3.16 в приложении 3 показывают устойчивый рост абсолютного числа хозяев в уральских городах в 1920–1926 гг. В их состав входили «хозяева с наемными рабочими», «хозяева, работающие только с членами семьи, или товарищества» (во время переписи 1926 г. эта группа называлась «хозяева, работающие только с членами семьи, и члены артели»), «хозяева-одиночки». Если в 1920 г. хозяев насчитывалось 41371 чел., 1923 г. – 55360, то в 1926 г. – уже 68085 чел. В первые годы нэпа выросла и их доля среди занятых горожан с 8,3 в 1920 г. до 12,7 % в 1923 г. Данная социальная группа в период городской переписи 1923 г. заняла третью позицию в социальном составе самодеятельных горожан Урала после рабочих и служащих. Но в 1926 г. удельный вес хозяев среди горожан края несколько сократился до 11,5 %, уступив свои позиции иждивенцам.

Оживление предпринимательства в ходе осуществления нэпа и «допущения» частного капитала в экономику страны привело к росту численности хозяев с наемными рабочими. По переписям 1923 и 1926 гг., они представляли в основном

торговую и промышленную буржуазию городов. Это были фабриканты и заводчики, хозяева ремесленных заведений и сельских хозяйств с наемной рабочей силой, крупные торговцы, подрядчики строительных работ и т.д. За 1923–1926 гг. прирост этой категории горожан Урала составил 99,8 %, в то время как группа «хозяева, работающие только с членами семьи» выросла на 63,5, а группа «хозяева-одиночки» – всего на 4,3 % (рассчитано по данным табл. 3.16 в приложении 3). Вместе с тем в 1920-е гг. численность предпринимателей оставалась небольшой, невысоким был и их удельный вес в занятом населении уральских городских поселений. В 1923 г. их насчитывалось всего 1321 чел., их доля среди самостоятельных горожан составила 0,3 % и была аналогична удельному весу этой категории горожан в Ленинградско-Карельском и Средне-Волжском районах. Но данный показатель по городам Урала был ниже, чем в по городам СССР, РСФСР и Европейской России, Центрально-Промышленного и Центрально-Черноземного районов (0,4 %) ¹, но выше, чем, например, в Нижнем Поволжье – 0,2 % ².

В 1926 г. хозяев с наемными рабочими в городских поселениях Уральской области было уже 2640 чел. или 0,4 % всех занятых горожан. Этот показатель по-прежнему был гораздо ниже, чем по городам СССР и РСФСР (0,7 %) ³, Европейской России (0,6 %), Центрально-Промышленного и Ленинградско-Карельского районов (0,6 %), Центрально-Черноземного и Средне-Волжского районов (0,9 %) ⁴, городских поселений Нижнего Поволжья (0,5–0,8 %) ⁵ и особенно сибирских городов (14 %) ⁶.

Таким образом, в уральских городах за период с 1923 по 1926 гг. при росте абсолютной численности хозяев с наемными рабочими почти в два раза их доля среди самостоятельных горожан региона мало изменилась – всего на полпроцента,

¹ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 48–50.

² Чолахян В.А. Изменения в социальной структуре городского населения Нижнего Поволжья в 1920–1930-е гг. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического ун-та. 2007. № 18 (4). С. 165.

³ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 81; Она же. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 127.

⁴ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 49–50, 82.

⁵ Чолахян В.А. Изменения в социальной структуре городского населения Нижнего Поволжья... С. 165.

⁶ Московский А.С., Исупов В.А. Указ. соч.. С. 158.

что объясняется более быстрым ростом численности населения, связанного с социалистическим сектором хозяйства, прежде всего рабочих.

Данные переписи 1923 г. свидетельствуют, что подавлявшее большинство хозяев с наемными рабочими проживало в городах Екатеринбургской губернии (749 чел. или 56,7 %). В Челябинской губернии их насчитывалось 235 чел. (17,8 %), Пермской – соответственно 209 чел. и 15,8 %, Тюменской – 128 чел. и 10 %. Основная часть активных предпринимателей концентрировалась в поселках городского типа (46,6 %) и прочих городах (32,1 %) (подсчитано по данным табл. 3.16 и 3.17 в приложении 3). Эта общеуральская специфика характерна, как показывают данные табл. 3.17 в приложении 3, для Екатеринбургской и Челябинской губерний. В Пермском административно-территориальном образовании основная часть хозяев с наемными рабочими концентрировалась в поселках городского типа (50,2 %) и губернском городе (35,4 %), в Тюменском – в прочих городах (53,9 %) и губернском центре (32 %). В пересчете на окружную систему в окружных городах проживало в 1923 г. 35 % (463 чел.) хозяев с наемными рабочими, а в 1926 г. – уже 44,3 % (1170 чел.), хотя удельный вес их среди занятых горожан в городских поселениях разного типа был примерно одинаковым: в окружных центрах – 0,7%, прочих городах – 0,8¹. Таким образом, большинство представителей этой социальной группы приходилось на прочие городские поселения.

В 1926 г. наибольшее число предпринимателей было сосредоточено в Горнозаводском Урале – 1097 чел. (41,6 %), в Зауралье их насчитывалось 861 чел. (32,6 %), Предуралье – 682 чел. (25,8 %)².

К «нэпмановской» буржуазии принадлежала и часть «хозяев, работающих только с членами семьи». По мнению Л.Ф. Морозова, одного из авторов коллективной монографии³, таковыми являлись торговцы, эксплуатировавшие членов своей семьи. Это были владельцы трактиров, чайных, крупных лавок и других торговых заведений. К буржуазии можно отнести и часть «хозяев, работающих

¹ Рассчитано по: Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. С. 45; Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г.: кратк. стат. справочник. С. 555.

² Рассчитано по: Лебедев Ф. Социально-экономическая структура и занятия населения Уралобласти. С. 44.

³ См.: Изменения социальной структуры советского общества: 1921–середина 1930-х годов. С. 138.

только с членами семьи», занятых и в других отраслях хозяйства, где имели место случаи замаскированного найма и эксплуатации рабочей силы. Но схемы разработки переписей 1920-х гг. не дают возможности дать более точные сведения об этой последней группе хозяев¹.

Немногочисленность «нэпмановской» буржуазии – капиталистических элементов города (хозяев с наемными рабочими) была обусловлена особенностями ее общественного положения. Она, в отличие от буржуазии капиталистических стран, не могла рассчитывать на поддержку со стороны государственной власти. Наоборот, с момента перехода к нэпу сфера частнокапиталистического предпринимательства была ограничена системой государственного контроля и регулирования. Специфика СССР заключалась в том, что частный капитал стал использоваться после периода почти сплошной национализации, в ходе организованного отступления пролетарского государства, когда серией юридических актов были определены цели и задачи допущения частника, формы контроля и регулирования его. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. предусматривал право частных лиц открывать промышленные и торговые предприятия, арендовать промышленные предприятия, участвовать в работе некоторых хозяйственных органов (ст. 5)². Но одновременно все частные предприятия обязаны были представлять в государственные органы данные о своей хозяйственной работе, изменения в составе предприятия и другие экономические сведения³. Попытки капиталистических элементов выйти за эти рамки решительно пресекались. Административные рычаги дополнялись эффективными мерами экономического регулирования. Советское государство, стремясь не допустить значительной концентрации частного капитала, активно использовало налоги (подходно-промысловый, поимущественный налоги, гербовый сбор, налоги на квартиру, местные налоги и др.), лишив нэпманов возможности получать большие прибыли⁴. Классовая политика в области креди-

¹ Лебедев Ф. Социально-экономическая структура и занятия населения Уралобласти. С. 44; Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 53.

² Гражданский кодекс РСФСР, принятый ВЦИК 31 октября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

³ Изменения социальной структуры советского общества: 1921 – середина 1930-х годов. С. 111–112.

⁴ Подробно об ограничении сферы частнокапиталистического предпринимательства на уровне СССР см.: Изменения социальной структуры советского общества: 1921 – середина 1930-х годов. С. 120–131; Поляков Ю.А., Дмит-

тов, закупочных и продажных цен, транспортных тарифов, трудового законодательства также позволяли «держатъ господ капиталистов в надлежащей узде...»¹. Все это препятствовало расширению предпринимательской деятельности в годы нэпа.

Переписи 1920-х гг. позволяют проследить, в каких именно областях городские «нэпманы» развивали свою деятельность на Урале. По итогам переписи 1920 г., в городах края подавляющее большинство хозяев с наемными рабочими (1393 чел. или 86 %) занималось сельским хозяйством. В кустарно-ремесленной промышленности насчитывалось всего 130 лиц, использовавших чужой труд (8 %), транспорте – 32 чел. (2 %), торговле – 24 чел. (1,5 %), прочих отраслях народного хозяйства – 40 чел. (2,5 %). Всего же в городских поселениях Урала перепись насчитала 1619 хозяев с наемными рабочими².

Данные табл. 59 показывают, что за годы осуществления нэпа в уральских городах увеличилось число хозяев с наемными рабочими во всех отраслях народного хозяйства. Однако темпы роста частного капитала и его доля в различных сферах хозяйства были разными. Наиболее значительно укрепились позиции предпринимателей в производственной сфере и торговле.

За период между переписями 1923 и 1926 гг. число «нэпманов» здесь выросло более чем в 3 раза. При этом доля их в промышленности и строительстве увеличилась с 32,5 до 54,2 %, торговле – с 9,8 до 17,3 %. Особенно ощутимым был рост предпринимателей в кустарно-ремесленной промышленности. Здесь их число выросло почти в 4 раза, а доля их среди представителей названной социальной группы возросла с 26 до 47,7 %. Увеличилось и число хозяев с наемными рабочими на транспорте, но их удельный вес оставался по-прежнему небольшим (1923 г. – 0,9 %, 1926 г. – 2,4 %). Вместе с тем при незначительном увеличении предпринимателей, занимавшихся сельским хозяйством, удельный вес их среди представителей данной социальной группы упал с 40,9 до 25,7 %.

ренко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика: разработка и осуществление. М., 1982. С. 11–119; на уровне Урала: Куликов В.М. Указ. соч. С. 116–166.

¹ Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов: доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 окт. 1921 г. // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 161.

² Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. С. 39.

Распределение хозяев с наемными рабочими по отраслям народного хозяйства в уральских городских поселениях (по данным переписей 1923 и 1926 гг.)

Отрасли народного хозяйства	1923 г.			1926 г.		
	Всего	В том числе: мужчины		Всего	В том числе: мужчины	
		чел.	%		чел.	%
Все отрасли	1321	1075	81,4	2640	2278	86,3
В том числе:						
Сельское хозяйство	540	350	64,8	678	489	72,1
Заводы и фабрики	28	25	89,3	60	59	98,3
Кустарно-ремесленная промышленность	343	320	93,3	1329	1258	94,7
Строительство	59	57	96,6	41	38	92,7
Транспорт	12	11	91,7	65	57	87,7
Торговля	129	110	85,3	457	368	80,5
Прочие отрасли	210	202	96,2	10	9	90,0

Распределение предпринимателей-горожан по отраслям народного хозяйства в разных полосах Уралобласти имело свою специфику, отражавшую особенности экономического развития конкретных регионов края. Данные табл. 60 свидетельствуют о том, что в 1926 г. свыше половины предпринимателей Горнозаводского Урала (682 чел. или 62,2 %) и Предуралья (369 чел. или 54,1 %) занимались промышленностью и строительством, эти показатели были выше или на уровне среднего по Уралу (1430 чел. или 54,2 %).

В Зауралье таковых насчитывалось всего 379 чел. или 44 % всех хозяев с наемными рабочими, т.е. ниже среднеуральского показателя. При этом 90 % фабрикантов и заводчиков было сосредоточено в Горнозаводском Урале, а в Предуралье их не было вообще. Большинство «нэпманов» Предуралья и Горнозаводского Урала, а также свыше трети их в Зауралье концентрировалось в кустарно-ремесленной промышленности. Примерно треть предпринимателей-горожан Зауралья, выше среднего показателя по области (25,7 %), имела свое дело в сельско-

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Труды ЦСУ. Т. XX. Ч. II. Вып. 1. С. 165, 291, 417; Вып. 3. С. 276; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. С. 120.

хозяйственной сфере, а чуть менее четверти их занималась торговлей (по Уралобласти – 17,3 %). В городах других полос края «нэпманов»-аграриев и торговцев было гораздо меньше: в Предуралье их доля составляла соответственно 27,3 и 16,1 %, Горнозаводском Урале еще меньше – 21,2 и 12,6 %, что в целом было ниже уральских показателей. Удельный вес нэпманов в транспортной сфере в городах отдельных полос был незначительным и колебался в пределах 1,3 (Зауралье)–3,6 (Горнозаводский Урал) %.

Таблица 60¹

Распределение хозяев с наемными рабочими в городских поселениях Уральской области по отраслям народного хозяйства и по полосам (по результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г.)

Отрасли народного хозяйства	Уральская область		В том числе:					
			Предуралье		Горнозавод- ский Урал		Зауралье	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Все отрасли	2640	100	682	100	1097	100	861	100
В том числе:								
Сельское хозяйство	678	25,7	186	27,3	233	21,2	259	30,1
Заводы и фабрики	60	2,3	0	0	54	4,9	6	0,74
Кустарно-ремеслен- ная промышленность	1329	50,3	359	52,6	605	55,2	365	2,4
Строительство	41	1,5	10	1,5	23	2,1	8	0,9
Транспорт	65	2,5	15	2,2	39	3,6	11	1,3
Торговля	457	17,3	110	16,1	138	12,6	209	24,3
Прочие отрасли	10	0,4	2	0,3	5	0,4	3	0,3

Таким образом, в 1926 г. в городских поселениях Уральской области хозяева с наемными рабочими концентрировались, главным образом, в кустарно-ремесленной промышленности, сельском хозяйстве и торговле. Но их удельный вес в перечисленных сферах был различным в разных полосах. Основная часть активных предпринимателей как в окружных, так и в прочих городах была сосредоточена в промышленности, далее шли сельское хозяйство и торговля. При этом

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Лебедев Ф. Социально-экономическая структура и занятия населения Уралобласти. С. 51.

в прочих городах хозяева с наемными рабочими несколько преобладали в сельском хозяйстве, а в окружных – в торговле¹. Подавляющее большинство предпринимателей было мужчинами. При этом их доля среди хозяев, использовавших наемный труд, в ходе осуществления нэпа только увеличивалась. Данные табл. 59 показывают, что, если в 1923 г. удельный вес мужчин среди активных предпринимателей равнялся 81,4 %, то в 1926 г. он уже составлял 86,3 %. В промышленности, строительстве и на транспорте данный показатель был выше среднего по всем отраслям народного хозяйства городов Урала, а в сельском хозяйстве – ниже. Женщины-предпринимательницы активно вовлекались в торговлю и кустарно-ремесленную промышленность, что привело к росту их численности в данных сферах экономической жизни городов (в торговле – с 19 до 89 чел., кустарно-ремесленной промышленности – с 23 до 71 чел.). Более того, в торговле повысился их удельный вес с 14,7 до 19,5 %.

Сложившаяся в СССР в 1920-е гг. политическая и социально-экономическая обстановка повлияла на сферу приложения частного капитала. На основании декрета Совнаркома от 5 июля 1921 г.² в уральскую промышленность был допущен частный капитал в двух формах. Во-первых, в виде аренды государственных предприятий. Но частная аренда на Урале не привилась. В 1921–1925 гг. она охватывала небольшое количество предприятий кустарного типа с числом рабочих от 2 до 20 чел. на каждом. К 1925 г. на Урале было всего 111 арендованных предприятий, на которых работало около 2260 чел., главным образом, на мельницах и маслобойнях, что составляло 2 % от общего числа рабочих и служащих фабрично-заводской промышленности³. Во-вторых, в форме иностранной концессии. В октябре 1921 г. Американская объединенная компания медикаментов и химических препаратов во главе с Арманом Хаммером подписана контракт на разработку асбестовых рудников в Алапаевском районе сроком на 20 лет. Он просуще-

¹ Лебедев Ф.Н. Семья и социальный состав уральского города. С. 9.

² См.: О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных Высшему Совету Народного Хозяйства: декрет Совнаркома от 5 июля 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 53. Ст. 313.

³ Бакунин А.В. Индустриальный Урал в трудах В.И. Ленина. М.: Наука, 1981. С. 159, 161; История народного хозяйства Урала. Ч. 1. С. 81.

ствовал до 1927 г.¹ В ноябре 1925 г. был заключен договор с английской компанией «Лена Голдфилдс лимитед», которая стала самой крупной концессией в СССР. В общей сложности она получила на Урале более десятка предприятий, на которых в разное время трудилось от 2962 до 3686 постоянных рабочих, и просуществовала до 1930 г.² Были и другие иностранные концессии, но они давали мало продукции и имели небольшое количество рабочих.

Таким образом, частный капитал не получил развития в крупной промышленности Урала. Здесь его позиции были слабее, чем в целом по стране. В 1924/25 г. в Уральской области действовало всего 26 частных цензовых предприятий (4,5 % от общего числа крупных предприятий), на них было занято 356 рабочих (0,3 % рабочей силы фабрично-заводской промышленности)³. По СССР удельный вес частнокапиталистических заведений в цензовой промышленности в 1924/25 г. составил по числу предприятий 17,4 %, количеству рабочих – 2,4 %⁴. Подавлявшее большинство предприятий крупной промышленности Урала, составлявших капиталистический сектор, являлось арендованными, и только считанные единицы находились в частной собственности предпринимателей. Поэтому в городских поселениях края было крайне мало фабрикантов и заводчиков, хотя, как показывают данные табл. 59, за 1923–1926 гг. их число выросло более чем в два раза. Однако удельный вес крупных предпринимателей среди хозяев с наемными рабочими так и не вышел за рамки 2,1 (1923 г.)–2,3 (1926 г.) % (рассчитано по данным табл. 59).

Развитие крупного промышленного капитала, с одной стороны, тормозилось недоверием к власти со стороны «нэпманов», их стремлением уйти из-под ее контроля, избежать налогов. С другой стороны, само государство с помощью экономических мер (усиление налогообложения, прекращение кредитования государственными финансовыми органами частного капитала) и поощрения стачечной борьбы рабочих с частным капиталом способствовало его вытеснению из крупной

¹ История народного хозяйства Урала. Ч. 1. С. 81.

² Куликов В.М. Указ. соч. С. 94–95, 116.

³ Куликов В.М. Указ. соч. С. 119.

⁴ Левин А.Я. Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму (государственный капитализм и частный капитализм). М., 1967. С. 78.

фабрично-заводской промышленности. В итоге с 1926/27 г. началось абсолютное сокращение частнокапиталистического производства в стране. На Урале резкое падение его произошло, по результатам исследования В.М. Куликова, в 1927/28 г. В 1928/29 г. в области действовало всего 3 частных цензовых заведения с 18 рабочими. В 1930 г. в крупной промышленности Урала не осталось ни одного частного предприятия¹.

С переходом к нэпу основная часть частного капитала устремилась в кустарно-ремесленную промышленность и торговлю. Эти сферы трудно поддавались учету и контролю со стороны советских регулирующих органов. За период между переписями 1923 и 1926 гг. выросло не только число хозяев, занимавшихся торговлей и при этом использовавших наемный труд (см. табл. 59), но и владельцев торговых заведений, входивших в состав «хозяев, работающих только с членами семьи». Численность последних увеличилась с 711 до 2187 чел. или более чем в 3 раза, но их удельный вес среди занятых горожан вырос всего в 2 раза – с 0,2 до 0,4 %².

Рост числа торговцев в первые годы нэпа происходил благодаря тому, что тресты и синдикаты, стремясь получить наличные деньги для выдачи заработной платы рабочим, нередко предпочитали сбывать свою продукцию частным фирмам и торговцам. И частные торговцы охотно шли на это. Кооперация же могла брать товары только в долг. Поэтому, к примеру, в Уральской области торговля мануфактурой находилась, в основном, в руках частника. В Екатеринбурге весной 1924 г. в общей массе товаров кооперации ситец занимал 18–25 %, а у частных торговцев – 53–68 %³. Однако уже с 1924 г. началось планомерное вытеснение частников из сферы торговли. Уменьшилось кредитование частных торговцев, а с июля 1924 г. выдача ссуд им почти прекратилась. Главным клиентом по банковскому кредиту стала кооперация. Ей принадлежало 75 % всех ссуд, в то время как

¹ Куликов В.М. Указ. соч. С. 123–124.

² Рассчитано по: Труды ЦСУ. Том. XX. Ч. II. Вып. 1. С. 166, 292, 418; Вып. 3. С. 277; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. С. 243.

³ Анцыгин В.Н. Борьба партийных организаций Урала за вытеснение частного капитала из товарооборота в 1924–1925 гг. // Классовая борьба на Урале (1917–1932 годы). Об опыте руководства партийных организаций борьбой трудящихся против буржуазии города и деревни. Свердловск, 1974. С. 78.

государственной торговле – 23, а частной – всего 2 %. Усилилось налогообложение частников, особенно после реформы 29 октября 1924 г., когда с частных торговцев стали взимать не 25, а 30 % от их чистого дохода. В итоге в общей массе расходов частных торговых предприятий налоги и сборы составили около 64 %¹. Советские органы начали сокращать снабжение частных торговцев товарами, что вело к усилению позиций кооперации в крае. Если на долю частника в октябре–марте 1923/24 г. приходилось 5 % оптовой продажи, то в январе 1925 г. – всего 0,8 %. К 1926 г. частный капитал в оптовой торговле Урала играл незначительную роль, хотя в целом по стране с 1923/24 г. по 1924/25 г. продажа товаров трестами частным организациям и лицам сократилась с 13,9 до 4,8 %².

Успешное развитие социалистического сектора торговли обусловило сокращение доли частного капитала в товарообороте области. В первом полугодии 1923/24 г. доля частника в розничной торговле составила 53,3 %, а в первом полугодии 1925/26 г. – уже только 27,2 %, в то время как доля кооперации за это время увеличилась с 39,9 до 62,7 %. В конце восстановительного периода доля частного предпринимательства в оптово-розничной торговле составляла всего 1 %, в оптовой – 0,5 %, а доля кооперации соответственно возросла до 31,9 и 37,3 %. Удельный вес частного капитала в общем товарообороте Урала сократился с 31,3 % в конце 1922/23 г. до 11,4 % в первом полугодии 1924/25 г.³

Процесс сокращения частной торговли на Урале шел значительно быстрее, чем по стране в целом. В оптовой торговле СССР удельный вес частного капитала к концу восстановительного периода составлял 7,9 %, розничной – 43 %⁴. На Урале доля частного капитала в оптовой торговле равнялась 0,5 %, а в розничной – 27,2 %, т.е. в более чем в полтора раза меньше, чем в стране⁵. Проникновение частного капитала в оптовую торговлю было незначительным, т.к. для этого требовались крупные капиталы, а большинство частных заведений на Урале вели мелкую розничную торговлю.

¹ Анцыгин В.Н. Борьба партийных организаций Урала за вытеснение частного капитала ... С. 77–78.

² Там же. С. 79.

³ Там же. С. 84–85.

⁴ См.: Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. М., 1961. С. 212, 238–239.

⁵ Анцыгин В.Н. Борьба партийных организаций Урала за вытеснение частного капитала... С. 85.

Быстрое вытеснение частного капитала из сферы обращения на Урале В.М. Куликов объяснял следующими причинами. Во-первых, в дореволюционное время здесь, в силу значительного удельного веса натурального хозяйства и недостаточного развития транспортной сети, торговля была развита слабее, чем в Европейской России. Во-вторых, в ходе революции и Гражданской войны позиции частника на Урале были основательно подорваны, он медленнее восстанавливал свои капиталы. К тому же в 1924 г. у местных руководителей временно возобладала тенденция форсировать его вытеснение административными мерами. В-третьих, для развертывания оптовой торговли частник не имел на Урале необходимой базы – крупных и в достаточном числе капиталистических предприятий легкой промышленности, выпускавших товары широкого потребления. В-четвертых, советские и торгово-кооперативные работники Урала быстрыми темпами налаживали государственную и кооперативную торговлю¹.

Вследствие государственной политики в сфере торговли и особенностей Урала в целом в 1926 г. в городских поселениях Уральской области предпринимателей среди торговцев было значительно меньше, чем по РСФСР. Так, по данным табл. 59, в 1926 г. удельный вес торговцев среди хозяев, использовавших наемный труд, в городских поселениях Урала составил 17,3, а РСФСР – 52 %. Зато хозяев кустарно-ремесленных заведений среди предпринимателей в городах Урала было существенно больше – 50,3 против 22 % по Российской Федерации². Это не случайно. В 1920-е гг. кустарно-ремесленная промышленность в крае получила широкую поддержку со стороны властей и развивалась довольно высокими темпами благодаря своим особенностям. Во-первых, кустарные промыслы края были тесно связаны с государственной крупной промышленностью. Они дополняли ее в производстве стройматериалов, некоторых видов сырья и полуфабрикатов, что имело важное народнохозяйственное значение. Во-вторых, кустарно-ремесленная про-

¹ Куликов В.М. Указ. соч. С. 44.

² Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 129.

мышленность играла заметную роль, особенно к началу индустриализации, в смягчении безработицы и ослаблении товарного дефицита¹.

В уральских городских поселениях помимо активных предпринимателей проживали рентьеры (рантье). К этой социальной группе принадлежали лица, жившие на нетрудовые доходы. К ним относились горожане, получавшие доходы от мелкого домовладения, а также паразитировавшие на доходах от спекулятивной торговли. За период между переписями 1920 и 1923 гг. численность рентьеров сократилась с 10 537 до 8 649 чел. (см. табл. 3.16 в приложении 3), но их доля среди горожан Урала осталась почти неизменной – 2 %. В 1923 г. этот показатель был несколько выше аналогичного общесоюзного (1,2 %), общероссийского (1,3 %) и по Европейской России (0,9 %), но гораздо ниже, чем в таких регионах, как Сибирь, Дальневосточная область, где он достигал 3–5 % в населении городов².

Данные табл. 3.17 в приложении 3 показывают, что в 1923 г. наиболее значительным слоем рентьеров был в городах Челябинской губернии, менее развитых в промышленном отношении. Здесь удельный вес их превышал общеуральский показатель и равнялся 4,9 %. В городах этого административно-территориального образования проживало свыше половины рентьеров-горожан Урала (51,4 %). На Тюменскую губернию приходилась наименьшая часть их – всего 3 %. Здесь доля рентьеров среди горожан составляла всего 0,6 %. Удельный вес этой социальной группы среди горожан Екатеринбургской (1 %) и Пермской (1,8 %) губерний также был ниже общеуральского показателя. Рентьеры в основном проживали в прочих городах и поселках городского типа. Исключение составляла только Тюменская губерния, в поселках городского типа которой перепись зафиксировала наименьшее число их представителей (0,1 %).

За 1923–1926 гг., по данным табл. 3.16 в приложении 3, в городских поселениях Уральской области число рентьеров выросло почти на четверть, но их доля

¹ См. подробнее: Сердюков А.А. Социалистическое преобразование мелкотоварного производства в промышленности Урала (1926–1928 годы) // Вопросы истории Урала: сб. № 12. Свердловск, 1973. С. 73–87; Он же. Партийное руководство социалистическим преобразованием мелкотоварного уклада в промышленности Урала (1926–1932) // Деятельность КПСС по социалистической реконструкции и развитию промышленности Урала (1917–1950): сб. науч. тр. Свердловск. С. 56–71.

² Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 48.

среди самодеятельных горожан осталась практически на прежнем уровне – примерно 2 %. Этот показатель по-прежнему был выше, чем по городам СССР и РСФСР (1,3 %), Европейской России (1,1 %) ¹ и крупных регионов страны, в том числе Центрально-Промышленного (0,8 %), Ленинградско-Карельского (0,7 %) и Средне-Волжского (1,5 %) районов ². Таким образом, рентьеры, оставаясь самым крупным слоем городской буржуазии в 1920-е гг., росли гораздо медленнее, чем предпринимательская буржуазия.

Данные городской переписи 1923 г. показали, что в целом на Урале большинство рентьеров (6504 чел. или 75,2 %) составили лица, занимавшиеся спекулятивной деятельностью. Только в Тюменской губернии подавляющая часть их была представлена домовладельцами (240 из 257 чел.) ³. Однако в ходе реализации нэпа, по данным переписи 1926 г., в Уральской области выросло число горожан, живших на нетрудовые доходы от сдачи домов, комнат и других помещений, до 7383 чел. Они составили 68,5 % от общего числа принадлежавших к этой социальной группе в городах региона ⁴. Большинство рентьеров (в 1920 г. – 75,3 %, 1923 г. – 68,8 %, 1926 г. – 76,5 %) были женщинами (рассчитано по данным табл. 3.16 в приложении 3).

Значительную часть городского населения Урала составляли ремесленники и кустари, которые состояли из части хозяев, работавших только с членами семьи, и хозяев-одиночек. К первым относились владельцы мелких промышленных и кустарно-ремесленных заведений, работавшие в составе своей семьи и не прибегавшие к найму рабочей силы. К ним принадлежали хозяева, проживавшие в черте города или пригорода и занимавшиеся сельскохозяйственным трудом и извозным промыслом. Хозяева-одиночки были представлены кустарями и ремесленниками, осуществлявшими промысел своим личным трудом, без чьей-либо помощи, и пользовавшиеся несложным инвентарем. В эту категорию входили и мелкие торговцы, занимавшиеся единолично торговлей, производимой с рук или с неболь-

¹ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 81–82; Она же. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 127.

² Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 49–50.

³ Подсчитано по: Тр. ЦСУ СССР. Т. XX. Ч. II. Вып. 1. С. 167, 293, 419; Вып. 3. С. 278.

⁴ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. С. 245.

ших лотков, из корзин, мешков, ведер, кувшинов, т.е. занимавшихся ручной торговлей¹.

Самыми распространенными профессиями среди этих социальных групп горожан Урала были портные и швеи, кузнецы, слесари и столяры, сапожники и башмачники, старатели и золотоискатели, часовщики и ювелиры, извозчики, охотники и рыболовы и проч. Их деятельность не выходила за рамки производства товаров широкого потребления и бытовых услуг.

В 1923 г. удельный вес социальной группы «хозяева, работающие только с членами семьи, или товарищества» среди горожан, по данным табл. 3.16 в приложении 3, был равен 3,5 %, а хозяев-одиночек – 8,9 %, в том числе: в Екатеринбургской губернии (см. табл. 3.17 в приложении 3) соответственно – 3,6 и 11,5 %, Пермской – 3,4 и 6,1 %; Челябинской – 2,6 и 7,5 %; Тюменской – 5,7 и 8,0 %. Средние данные по городским поселениям Урала относительно хозяев, работавших только с членами семьи, были ниже показателей по СССР (5,1 %), РСФСР (4,1 %) Европейской России (3,7 %), Центрально-Черноземному (8,6 %) и Средне-Волжскому (6,4 %) районам, но выше, чем по Центрально-Промышленному (2 %) и Ленинградско-Карельскому (1,7 %) районам. По социальной группе «хозяева-одиночки» аналогичные показатели оказались чуть выше, чем по Российской Федерации (8,5 %) и Европейской России (8,2 %), Центрально-Промышленному (7,0 %), Ленинградско-Карельскому (4,7 %) районам, но ниже общесоюзных (10,2 %)².

За период между переписями 1923 и 1926 гг., по данным табл. 3.16 в приложении 3, число хозяев-горожан, работавших только с членами семьи, увеличилось на 9745 чел. или 63,5 %, но их доля среди самостоятельных горожан Уральской области выросла всего на 0,7 % и составила 4,2 %. Эти показатели были ниже, чем по городам СССР (5,8 %), РСФСР (5,1 %) и Европейской России (4,5 %)³, Центрально-Черноземного (10,3 %) и Средне-Волжского (8,2 %) районов, но выше,

¹ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 55–56.

² Там же. С. 48–51.

³ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 81–82; Она же. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 127.

чем по городам Центрально-Промышленного (3,2 %) и Ленинградско-Карельского (2,3 %) районов¹.

Численность же хозяев-одиночек в городских поселениях края за указанное время выросла всего на 1661 чел. или 4,3 %. В городах РСФСР за этот период число хозяев-одиночек, наоборот, сократилось на 11,6 % вследствие естественного процесса дифференциации среди ремесленников и кустарей². Однако удельный вес данной социальной группы среди занятых горожан Уральской области снизился до 6,8 %, т.е. до уровня городских поселений Европейской России (6,8 %). И он по-прежнему был ниже аналогичных показателей по СССР (9,1 %) и РСФСР (7,9 %)³, хотя и выше, чем по Центрально-Промышленному (5,8 %) и Ленинградско-Карельскому (6,1 %) районам⁴.

В целом тенденция к росту мелких хозяев объяснялась улучшением их экономического положения в связи с политикой поддержки мелкого кустарного производства со стороны Советского государства. По всей видимости, рост хозяев с помогающими членами семьи происходил за счет более слабых в экономическом отношении хозяев-одиночек. О правомерности этого предположения говорят темпы роста численности названных социальных групп. За 1923–1926 гг. число хозяев, работавших только с членами семьи, и членов артели увеличилось в 1,6 раза, тогда как хозяев-одиночек – всего на 4,3 % (рассчитано по данным табл. 3.16 в приложении 3). Таким образом, в уральских городах шел естественный процесс дифференциации среди кустарей и ремесленников, во-первых, путем уменьшения бедняцкого слоя и увеличения средних слоев, а во-вторых, за счет вступления в кооперативы части хозяев-одиночек. В итоге, если в 1923 г. численность хозяев-одиночек превышала численность хозяев, работавших только с членами семьи, в 2,5 раза, то в 1926 г. – только в 1,6 (рассчитано по данным табл. 3.16 в приложении 3).

Данные табл. 61 показывают, что в период нэпа в уральских городах боль-

¹ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 49–50.

² Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 129.

³ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 81–82; Она же. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 127.

⁴ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 49.

шинство хозяйев с членами семьи (1923 г. – 77,8 %, 1926 г. – 66,8 %) было задействовано в сельскохозяйственном производстве, в кустарно-ремесленной промышленности и строительстве – 12 (1923 г.) – 21,7 (1926 г.) %, в торговле – 4,8 (1923 г.) – 8,7 (1926 г.) и на транспорте – только 1 (1923 г.) – 2,6 (1926 г.) %.

Таблица 61¹

Распределение хозяйев с помогающими членами семьи по отраслям народного хозяйства в уральских городских поселениях (по данным переписей 1923 и 1926 гг.), чел.

Отрасли народного хозяйства	1923 г.		1926 г.	
	Всего	В том числе мужчины	Всего	В том числе мужчины
Все отрасли	15 341	12 707	25 086	21 815
В том числе:				
Сельское хозяйство	11 938	9 787	16 764	14 269
Кустарно-ремесленная промышленность	1 847	1 562	4 949	4 545
Строительство	0	0	500	500
Транспорт	161	156	654	646
Торговля	734	596	2 187	1 829
Прочие отрасли	661	606	32	26

В 1923 г., по данным табл. 62, большинство хозяйев-одиночек, проживавших в городских поселениях региона, также было занято в сельском хозяйстве (41,5 %) и кустарно-ремесленной промышленности (32,5 %). На долю торговли приходилось 14 % представителей данной социальной группы, а транспорта – всего 4,8 %. Но в течение восстановительного периода в городах края изменилось распределение их по отраслям народного хозяйства. Материалы переписи 1926 г. показали, что сельское хозяйство уступило место кустарно-ремесленной промышленности и строительству, где трудилось свыше половины (58 %) представителей этой группы хозяйев. Удельный вес сельскохозяйственного производства в занятиях хозяйев-одиночек снизился до 12,6 %, а транспорта возрос до 14,1 %, доля торговли осталась почти на том же уровне – 14,7 %.

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Тр. ЦСУ СССР. Т. XX. Ч. II. Вып. 1. С. 166, 292, 418; Вып. 3. С. 277; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. С. 120.

Распределение хозяйев-одиночек по отраслям народного хозяйства в уральских городских поселениях (по данным переписей 1923 и 1926 гг.), чел.

Отрасли народного хозяйства	1923 г.		1926 г.	
	Всего	В том числе мужчины	Всего	В том числе мужчины
Все отрасли	38 698	30 598	40 359	31 149
В том числе:				
Сельское хозяйство	16 077	13 002	5 075	3 782
Кустарно-ремесленная промышленность	12 520	9 617	19 492	13 709
Строительство	1 070	1 064	3 919	3 901
Транспорт	1 850	1 822	5 674	5 587
Торговля	5 404	3 695	5 920	3 978
Прочие отрасли	1 777	1 398	279	192

Среди мелких хозяйев, по данным табл. 3.16 в приложении 3, подавлявшее большинство составляли мужчины. Доля их среди хозяйев, работавших только с членами семьи, составила в 1923 г. 82,8, 1926 г. – 87 %; среди хозяйев-одиночек соответственно – 79,1 и 77,2 %. За период между переписями 1923 и 1926 гг. уменьшился удельный вес женщин среди хозяйев с помогающими членами семьи, по данным табл. 61, в сельском хозяйстве с 18 до 14,9 %, кустарно-ремесленной промышленности – с 18 до 8,2 %, на транспорте – с 3,1 до 1,2 % и в торговле – с 18,8 до 16,4 %. В отношении хозяйев-одиночек ситуация была иной. Доля женщин среди них, по данным табл. 62, наоборот, увеличилась в сельском хозяйстве с 19,1 до 25,5 %, кустарно-ремесленной промышленности – с 23,2 до 29,7 %, торговле – с 31,6 до 32,8 %. Только в строительстве и на транспорте сохранялась высокая занятость мужчин – свыше 98,5 %.

Рассмотрим хозяйственную структуру для хозяйев, работавших с членами семьи, и членов артелей и хозяйев-одиночек в городских поселениях разных полос Уральской области на основании материалов переписи 1926 г. Табл. 63 свиде-

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Тр. ЦСУ СССР. Т. XX. Ч. II. Вып. 1. С. 166, 292, 418; Вып. 3. С. 277; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. С. 120.

тельствует, что в 1926 г. во всех полосах Уральской области распределение хозяев с помогающими членами семьи и членов артели по отраслям хозяйства было аналогично в целом. Однако доля хозяев с помогавшими членами семьи и членов артелей в сельском хозяйстве в городах Горнозаводского Урала и Зауралья превышала, а в Зауралье была меньше средних показателей по Уральской области. В то же время в Предуралье был самым высоким удельный вес данной категории хозяев-горожан, занятых в кустарно-ремесленной промышленности. Самым низким этот показатель был в Зауралье, а в Горнозаводском Урале он оказался на уровне среднего по городским поселениям Уралобласти. В Зауралье была наиболее высокой, выше среднеуральских показателей, доля хозяев с помогающими членами семьи и членов артели, задействованных в торговле. В других полосах Урала она была значительно ниже. Занятость хозяев с помогающими членами семьи в остальных отраслях народного хозяйства не выходила за пределы 3,4 %.

Таблица 63¹

Распределение хозяев с помогающими членами семьи и членов артелей в городских поселениях Уральской области по отраслям народного хозяйства и по полосам (по результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г.)

Отрасли народного хозяйства	Уральская область		В том числе:					
			Предуралье		Горнозаводск. Урал		Зауралье	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Все отрасли	25 086	100	6 089	100	11 119	100	7 878	100
В том числе:								
Сельское хозяйство	16 764	66,8	3 880	63,7	7 596	68,3	5 288	67,1
Кустарно-ремесленная промышленность	4 949	19,7	1 436	23,6	2 203	19,8	1 310	16,6
Строительство	500	2,1	115	1,9	207	1,9	178	2,3
Транспорт	654	2,6	147	2,4	378	3,4	129	1,6
Торговля	2 187	8,7	503	8,3	725	6,5	959	12,2
Прочие отрасли	32	0,1	8	0,1	10	0,1	14	0,2

В 1926 г. в окружных городах на первом месте среди занятий хозяев с помо-

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Лебедев Ф. Социально-экономическая структура и занятия населения Уралобласти. С. 49.

гающими членами семьи стояли промышленность и сельское хозяйство, удельный вес этих отраслей хозяйства их занятиях составила соответственно 34,6 и 34,5 %, вес торговли незначительно уступал им – 22,6 %, на долю транспорта приходилось всего 48 %. В прочих городах и поселениях городского типа подавляющая часть представителей этой социальной группы занималась сельским хозяйством (73,8 %), далее с большим отрывом шли промышленность (17,4 %), торговля (4,8 %) и транспорт (2,3 %)¹. Таким образом, основная масса хозяев в прочих городах характеризуется как сельские хозяева, в окружных городах эта социальная группа делилась между промышленностью, сельским хозяйством и торговлей.

Хозяева-одиночки, проживавшие в городах отдельных полос Уральской области, по данным табл. 64, имели свою специфику в распределении по отдельным отраслям народного хозяйства. В Предуралье свыше половины горожан-одиночек было занято в кустарно-ремесленной промышленности. Далее с большим отрывом шли торговля (13,2 %), сельское хозяйство (12,1 %), строительство и транспорт (по 8,6 %). В городах Зауралья хозяева-одиночки распределялись по отраслям народного хозяйства примерно в такой же последовательности: кустарно-ремесленная промышленность (48,2 %), торговля (20,5 %), сельское хозяйство (10,8 %), строительство (10,6 %) и транспорт (9,2 %). В городах Горнозаводского Урала большинство представителей этой группы хозяев концентрировалось также в кустарно-ремесленной промышленности (43,8 %), но вторую позицию занял транспорт – 20 %, за ним шли сельское хозяйство (13,9 %), торговля (11,9 %) и строительство (9,8 %). В целом в уральских городских поселениях почти половина хозяев-одиночек была задействована в кустарно-ремесленной промышленности (48,3 %), 14,7 % – в торговле, 14 % – на транспорте, 12,6 % – в сельском хозяйстве и только 9,7 % – в строительстве.

Хозяева-одиночки, проживавшие в городах разного типа, по сравнению с хозяевами с помогающими членами семьи, в распределении по отдельным отраслям народного хозяйства имели специфику. Большинство их в окружных центрах и

¹ Лебедев Ф.Н. Семья и социальный состав уральского города. С. 9.

прочих городах было занято в промышленности (соответственно 47,6 и 45,2 %). Далее в окружных городах шли торговля (21,6 %) и транспорт (15,6 %), на последнем месте стояло сельское хозяйство (5,2 %). В прочих городах за промышленностью шли сельское хозяйство (13,7 %), транспорт (18,1 %) и торговля (10,3 %)¹. Таким образом, основная часть хозяев-одиночек, проживавших в городах Урала, к концу восстановительного периода жила за счет промышленности, транспорта и торговли в противовес хозяевам, работающим с членами семьи, которые большей частью были заняты сельским хозяйством.

Таблица 64²

Распределение хозяев-одиночек в городских поселениях Уральской области по отраслям народного хозяйства и по полосам (по результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г.)

Отрасли народного хозяйства	Уральская область		В том числе:					
			Предуралье		Горнозавод. Урал		Зауралье	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Все отрасли	40 359	100	10 193	100	18 647	100	11 519	100
В том числе:								
Сельское хозяйство	5 075	12,6	1 233	12,1	2 592	13,9	1 250	10,8
Кустарно-ремесленная промышленность	19 492	48,3	5 782	56,7	8 161	43,8	5 549	48,2
Строительство	3 919	9,7	873	8,6	1 827	9,8	1 219	10,6
Транспорт	5 674	14,0	880	8,6	3 730	20,0	1 064	9,2
Торговля	5 920	14,7	1 347	13,2	2 217	11,9	2 356	20,5
Прочие отрасли	279	0,7	78	0,8	120	0,6	81	0,7

В целом, по данным табл. 65, если в 1923 г. более половины всех самостоятельных горожан Урала, принадлежавших к социальной группе «хозяева» концентрировалось в сельском хозяйстве, свыше четверти – в кустарно-ремесленной промышленности, 11,3 % – в торговле, то в 1926 г. в кустарно-ремесленном производстве было задействовано уже свыше трети хозяев, а в сельском хозяйстве –

¹ Лебедев Ф.Н. Семья и социальный состав уральского города. С. 10.

² Таблица составлена и рассчитана по: Лебедев Ф. Социально-экономическая структура и занятия населения Уралобласти. С. 47.

только треть. За 1923–1926 гг. доля представителей этой социальной группы в торговле увеличилась всего на 1,3 %. За период между двумя переписями удельный вес хозяев, работавших в сфере строительства и транспорта, вырос более чем в три раза.

Таблица 65¹

Распределение хозяев в городских поселениях Уральской области по отраслям народного хозяйства (по результатам переписей населения 1923 и 1926 гг.)

Отрасли народного хозяйства	1923 г.		1926 г.	
	Чел.	%	Чел.	%
Все отрасли	55 360	100	68 085	100
В том числе:				
Сельское хозяйство	28 555	51,6	22 517	33,1
Заводы и фабрики	28	0,1	60	0,1
Кустарно-ремесленная промышленность	14 710	26,6	25 770	37,8
Строительство	1 129	2,0	4 460	6,5
Транспорт	2 023	3,6	6 393	9,4
Торговля	6 267	11,3	8 564	12,6
Прочие отрасли	2 648	4,8	321	0,5

Эти изменения не были случайными. В середине 1920-х гг. в мелкой кустарно-ремесленной промышленности² преобладал частный сектор, несмотря на то, что к началу реконструктивного периода в этом секторе экономики Уралобласти социалистический уклад занимал более сильные позиции, чем в кустарно-ремесленном производстве страны. В 1924/25 г. в мелкой промышленности СССР государственные и кооперативные предприятия дали 23 % валовой продукции, а на Урале – 37,2 %³. Однако кустарные промыслы и ремесло все еще занимали значительное место в экономике уральских городов. В 1927 г. в городах и поселках городского типа Уральской области проживала примерно четвертая часть (23,5 %) кустарей и ремесленников региона, но они производили почти половину (около 47 %) кустарной продукции. Это объяснялось тем, что в городе кустари и

¹ Таблица составлена на основании данных табл. 60, 61, 62.

² Под мелкой промышленностью в СССР понималась нецензовая промышленность, т.е. предприятия, насчитывающие без механического двигателя 30 рабочих или при наличии двигателя менее 16 рабочих.

³ Куликов В.М. Указ. соч. С. 34.

ремесленники были заняты круглый год, к тому же соприкасались с крупной государственной промышленностью. Более половины их работало на сырье, получаемом от промышленных предприятий (металл, мануфактура, пиломатериалы и проч.). И только 23,5 % кустарей было занято в обработке продуктов животноводства, 6,2 % – в переработке льна, кудели, маслосемян¹. Значимость кустарно-ремесленной промышленности для уральских городов отразилась на социальной структуре уральских городов в эпоху нэпа.

Незначительный рост частников в торговле был обусловлен государственной политикой в этой сфере экономики, что привело к усилению перелива частного капитала в кустарную промышленность и сельскохозяйственное производство, где контролировать его было еще труднее, а возможности для его развития оставались значительными. Но рост числа предпринимателей настораживал государственный аппарат, тем более, что их экономические возможности были выше их численности. Отсюда крепло стремление уничтожить частника, что и было впоследствии реализовано.

В состав мелких производителей входила еще одна группа – так называемые «помогающие члены семьи». По декрету СНК от 7 сентября 1920 г. к ним относились родственники всех степеней и приемыши, которые жили совместно с хозяином, вели с ним хозяйство и не получали от него за работу в какой-либо форме заработной платы². Эта категория не играла самостоятельной роли и принадлежала к тем же социальным группам, что и главы семей, которые в основной своей массе были мелкими хозяевами. По сути ее представители в социальном отношении должны были разбиваться между хозяевами с наемными рабочими и хозяевами, работавшими только с помощью членов своей семьи. Но схема разработки переписей 1920-х гг. не позволяет сделать это. Хозяева-одиночки не имели помогающих лиц в хозяйстве.

Социальная группа «помогающие члены семьи» по своему удельному весу

¹ Сердюков А.А. Социалистическое преобразование мелкотоварного производства... С. 75–76.

² См.: О регулировании кустарных промыслов и ненационализированной промышленности: декрет СНК от 7 сентября 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 78. Ст. 366.

среди самодеятельных горожан была незначительной. В 1920 г. ее доля составила 8,4 % (см. табл. 3.16 в приложении 3). За период между переписями 1920 и 1923 гг. абсолютная численность ее сократилась на 23 761 чел. или в два с лишним раза, удельный вес ее упал до 4,2 %. Самой высокой доля данной социальной группы была в городах Тюменской губернии (6,6 %), а в Пермской, наоборот, представители ее составляли всего 2,7 %. В Екатеринбургской и Челябинской губерниях удельный вес помогающих членов семьи был примерно на среднеуральском уровне – 4,8–4,9 % (см. табл. 3.17 в приложении 3). В 1923 г. большинство представителей этой социальной группы проживало в поселках городского типа (51,4 %) и прочих городах (37,8 %).

К 1926 г. выросла абсолютная численность помогающих членов семьи, их удельный вес среди занятых горожан Уральской области поднялся до 7,4 % (расчитано по данным табл. 3.16 в приложении 3). Этот показатель был гораздо ниже, чем по городам СССР (9,1 %) и РСФСР (7,8 %), но чуть выше городов Европейской России (7,2 %)¹. При этом данная группа к концу восстановительного периода превысила количество «хозяев-одиночек». По справедливому замечанию В.Б. Жиромской, этот рост был тесно связан с увеличением «хозяев, работающих только с членами семьи»². Итоги переписей 1920-х гг. показывают (см. данные табл. 3.16 в приложении 3), что если в 1920 г. среди помогающих членов семьи женщин было почти в три раза больше мужчин, в 1923 г. соотношение полов стало примерно одинаковым, то в 1926 гг. женщин вновь стало больше, чем мужчин, примерно в 2 раза.

Одновременно с возрождением экономической жизни в городских поселениях Урала значительную долю населения в 1920-е гг. стали составлять безработные. Смена общей трудовой повинности на свободный найм рабочей силы привела к сокращению лишнего числа работников на предприятиях. Безработица еще более усилилась из-за послевоенной разрухе, остановке многих предприятий,

¹ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 81–82; Она же. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 127.

² Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 86.

шахт и рудников. В годы нэпа безработица стала характерной чертой повседневности. По итогам переписи 1923 г. (см. табл. 3.16 в приложении 3) удельный вес безработных среди уральских горожан равнялся 7,8 %, большинство их (56 %) составляли мужчины. Но размеры безработицы в городах края были значительно ниже, чем в городах СССР (9,8 %), РСФСР (10,6 %) и Европейской России (11 %), а также индустриально развитых регионов страны, в том числе Центрально-Промышленного (10,4 %) и Ленинградско-Карельского (16,9 %) районов¹. Уровень безработицы (см. табл. 3.17 в приложении 3) был несколько ниже средних общеуральских показателей по городам в Екатеринбургской губернии (5,8 %), но выше в Тюменской (8,4 %), Пермской (9,5 %) и Челябинской (9,6 %) губерниях. По данным табл. 3.17 в приложении 3, свыше двух третей жителей городов, не имевших работы, проживало в губернских и прочих городах.

В дальнейшем, несмотря на одновременный рост численности рабочих и служащих на предприятиях и в учреждениях, безработица усиливалась. Ее рост объяснялся сокращением штатов в советских и хозяйственных органах в связи с концентрацией промышленности и переводом предприятий на хозрасчет, а также притоком избыточной рабочей силы из других районов страны. По данным 1924 г., 46,2 % безработных составляли уволенные по сокращению штатов, 15,2 – по другим причинам, 23,5 – ранее совсем не работавшие по найму. Кроме того, 2,6 % общего числа безработных, зарегистрированных на бирже труда, составляли демобилизованные из армии, а 5,5 – работавшие ранее с перерывами. 85 % безработных края находилось в городах².

К концу восстановительного периода, как показывают материалы переписи 1926 г., число безработных немного уменьшилось, их доля среди самодеятельных горожан Уральской области снизилась до 5,3 %, что было по-прежнему ниже общесоюзного (7,8 %) и общероссийского (8,3 %) уровней, показателей по городам Европейской России (8,7 %)³, а также Центрально-Промышленного (9 %) и Ле-

¹ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 48–49.

² Фельдман В.В. Восстановление промышленности на Урале (1921–1926 гг.). С. 118.

³ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 81–82; Она же. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 127.

нинградско-Карельского районов (11,9 %) ¹.

Вместе с тем количество безработных в городах Уральской области, зафиксированное переписью 1926 г., было поставлено под сомнение статистиками региона. Эти цифры не соответствовали исчислениям, основанным на данных, представленных биржами труда и статистиками безработицы профсоюзов, почти в два раза. Расхождение объяснялось тем, что понятие «безработица», принятое при разработке и производстве переписи, охватывало в том числе и искавших занятия и не имевших в момент переписи никакого, даже случайного, заработка. Наличие последнего или какого-либо производительного занятия по собственному хозяйству исключало респондентов из числа безработных. Толкование же бирж труда и профсоюзов было менее строгим, поэтому их цифры безработных были более значительными. К тому же данные о безработных бирж и профсоюзов говорили о резерве рабочей силы, а переписи – о наличии на критический день переписи ищущей труда и абсолютно не занятой рабсилы ².

По данным табл. 66, в 1923 г. во всех крупных городах Урала, за исключением Златоуста и Свердловска, удельный вес безработных среди занятых горожан намного превышал среднюю величину по городским поселениям края. Наиболее высокой доля безработных среди самодеятельного населения городов была в Троицке (16,7 %), Кургане, Кунгуре и Челябинске (соответственно – 13,8, 13,4 и 13,3 %), Тагиле и Сарапуле (12,2 и 12 %). В Златоусте и Свердловске этот показатель был ниже среднего по Уральскому региону (соответственно 6,5 и 6,3 %). В прочих городских поселениях уровень безработицы был самым низким – 5,9 %.

Партийные организации, хозяйственные и советские органы делали все, чтобы сократить безработицу. В 1924 г. 19,9 % безработных на Урале получали ежемесячное пособие, а в 1927 г. – 23,1 %. Другим средством уменьшения числа безработных явилась организация трудовых коллективов для производства различных временных работ (уборка помещений, улиц, вывозка мусора, вспомогательные работы на предприятиях и т.д.). Осенью 1925 г. около 10 % безработных было

¹ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 49.

² Лебедев Ф. Социально-экономическая структура и занятия населения Уралобласти. С. 8.

занято в таких трудовых коллективах. Кроме того, по решению местных советских органов безработные освобождались от оплаты за квартиру, для них создавались бесплатные столовые¹.

Таблица 66²

Безработные среди самодеятельного городского населения
Уральской области (по данным переписей 1923 и 1926 гг.)

Название города	Перепись 1923 г.			Перепись 1926 г.		
	Всего самодеятельных, чел.	В том числе безработных		Всего самодеятельных, чел.	В том числе безработных	
		Чел.	%		Чел.	%
Златоуст	12 211	798	6,5	20 771	1 063	5,1
Кунгур	5 413	724	13,4	8 628	521	6,0
Курган	8 379	1 158	13,8	11 304	1 139	10,1
Пермь	32 385	3 847	11,9	40 864	3 823	9,3
Сарапул	8 175	980	12,0	10 454	730	7,0
Свердловск	44 096	2 801	6,3	64 230	5 274	8,2
Тагил	9 659	1 179	12,2	15 739	934	5,9
Тобольск	6 305	699	11,1	7 942	1 155	14,5
Троицк	7 942	1 325	16,7	11 601	682	5,9
Тюмень	19 316	1 806	9,3	20 342	1 768	8,7
Челябинск	21 822	2 901	13,3	24 306	1 916	7,9
Шадринск	7 943	918	11,6	8 694	682	7,8
Прочие городские поселения	251 116	14 829	5,9	348 735	12 070	3,5
Уральская область	434 762	33 965	7,8	593 610	31 757	5,3

В результате восстановления экономики в рамках осуществления нэпа в уральских городах и мер, принятых областными и городскими властями, значительно снизился уровень безработицы – до 5,3 % в 1926 г. в среднем по городским поселениям области (см. табл. 66). Но во всех крупных экономических центрах региона удельный вес горожан, не имевших работу, за исключением Златоуста, был выше средних показателей по Уралу. А в Свердловске и Тобольске даже уве-

¹ Фельдман В.В. Восстановление промышленности на Урале (1921–1926 гг.). С. 119.

² Таблица составлена и рассчитана по: Тр. ЦСУ СССР. Т. XX. Ч. II. Вып. 1. С. 167, 293, 419, 476–477, 508–509, 530–531; Вып. 3. С. 381; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. С. 245, 395–396, 406, 408, 410, 414, 421, 424, 426, 428, 430, 432.

личилась доля безработных среди занятых горожан, соответственно – с 6,3 до 8,2 % и с 11,1 до 14,5 %. В Тобольске и Кургане был зафиксирован самый высокий уровень безработицы – свыше 10 %.

В 1926 г. большинство безработных (10687 чел. или 58,4 %) концентрировалось в окружных городах. В прочих городских поселениях удельный вес безработных оказался значительно ниже среднего уровня по городам Уральской области. Более того, предприятия, расположенные за пределами больших городов, а таких на Урале было большинство, все время испытывали нехватку рабочей силы. И в целом в городских поселениях хронически не хватало квалифицированных рабочих. К примеру, на начало сентября 1925 г. на учете на бирже труда состояло 859 квалифицированных металлиста, на предприятиях же Урала их требовалось не менее 5,5 тыс.¹ Не хватало, несмотря на наличие безработицы, и неквалифицированной рабочей силы. Так, острая потребность в работниках на лесозаготовках не была удовлетворена через уральские биржи труда – не нашлось желающих. Жители городов Урала предпочитали не ехать на лесозаготовки, а оставаться на положении безработных до того времени, когда появится возможность получить работу в своем городе².

Материалы переписи 1926 г. позволяют проанализировать социальный состав безработных горожан. На 89 % это были рабочие и служащие (соответственно – 49,3 и 39,7%). Остальные представляли собой лица, прежде принадлежавшие к социальным группам «лица свободных профессий» (0,1 %), «хозяева с наемными рабочими» (4 чел.), «хозяева, работающие только с членами семьи, и члены артели» (0,2 %), «хозяева-одиночки» (1 %) и «члены семьи, помогающие в занятии» (0,1 %). Более половины безработных (57,6 %) – это мужчины. 91,8 % безработных горожан (29144 чел.) искали работу не в первый раз, что свидетельствовало об остроте и сложности данной проблемы³. Но в рамках нэпа не удалось ликвидировать безработицу. Только индустриализация страны, развертывание гигантско-

¹ Фельдман В.В. Восстановление промышленности на Урале (1921–1926 гг.). С. 118.

² Там же. С. 119.

³ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. С. 395–396.

го промышленного строительства привели в 1928 г. к сокращению, а в 1930 г. – к полной ликвидации безработицы в СССР.

В 1920-е гг. в уральских городах была и специфическая социальная группа – «деклассированное население». В первые годы нэпа проявилась тенденция к ее росту. По свидетельству данных табл. 3.16 в приложении 3, если в период переписи 1920 г. в городских поселениях Уральской области деклассированных насчитывалось всего 439 чел. или 0,1 % среди занятых горожан, то в 1923 г. – уже 3604 чел. или 0,8 %, что было выше аналогичных общесоюзных и общероссийских показателей и данных по городам Европейской России (0,4 %) и основных промышленных центров, в частности, Центрально-Промышленного (0,4 %) и Ленинградско-Карельского (0,3 %) районов¹. Табл. 3.17 в приложении 3 показывает, что в 1923 г. почти половина всех представителей этой социальной группы проживала в прочих городах и поселках городского типа Екатеринбургской губернии. Меньше всего их было в Тюменской губернии (243 чел.).

К концу восстановительного периода (рассчитано по данным табл. 3.16 в приложении 3) абсолютная численность деклассированных горожан уменьшилась на 1047 чел. или 2,9 %, их доля среди самодеятельного населения уральских городов снизилась до 0,4 %, что стало на уровне показателей по городам СССР, РСФСР и Европейской России (0,4 %)², но выше, чем по городским поселениям Центрально-Промышленного и Ленинградско-Карельского районов (0,3 %)³, и гораздо ниже аналогичных показателей по сибирским городам (0,9 %)⁴. Большинство деклассированных горожан, по данным табл. 3.16 в приложении 3, – это женщины (в 1920 г. – 73,3 %; 1923 г. – 70,9 %; 1926 г. – 71,4 %).

Итоги переписей 1923 и 1926 гг. позволяют проанализировать структуру деклассированного населения уральских городов. Данная социальная группа в подавляющем большинстве была представлена нищими. В 1923 г. их насчитывалось 3557 чел., они составляли 98,7 % от всех деклассированных горожан. В 1926 г.

¹ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 48–49.

² Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 81–82; Она же. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 127.

³ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 49.

⁴ Московский А.С., Исупов В.А. Указ. соч. С. 158.

число нищих сократилось до 2269 чел., их удельный вес в названной социальной группе снизился до 94 %. Такое количество нищих свидетельствовало о недостаточной помощи бедствовавшим со стороны местных властей. На Урале городской переписью 1923 г. было выявлено 5 проституток, проживавших в прочих городах Челябинской губернии¹. Перепись 1926 г. специально уже не выделяла лица, занимавшихся этим занятием.

В годы нэпа в состав городского населения была включена и довольно своеобразная категория – иждивенцы государственных и общественных учреждений. В нее входили дети дошкольного возраста, содержащиеся в приютских и детских домах, учащиеся в интернатах, а также учащиеся, жившие на стипендии и пайки, больные в больницах и стационарах, лица, находившиеся в домах призрения и инвалидных домах, заключенные в местах заключения, пенсионеры и лица, получавшие пособия от собезов. Доля представителей этой социальной группы среди горожан Урала была, по данным табл. 3.16 в приложении 3, в 1920 г. 11,3 %, 1923 г. – 8,1, 1926 г. – 11,5 %. В 1923 г. этот показатель по городам Урала был на уровне общесоюзного (8,1 %), но ниже, чем по городам РСФСР (9,0 %) и Европейской России (9,6 %), а также Центрально-Промышленного (9,3 %) и Ленинградско-Карельского (11,7 %) районов². В 1926 г. удельный вес иждивенцев государственных и общественных учреждений среди самодеятельных горожан Уральской области превысил уровень СССР (9,7 %), РСФСР (10,3 %) и Европейской России (10,8 %) ³, а также Центрально-Промышленного района (9,9 %), но по-прежнему уступал городам Ленинградско-Карельского района (11,9 %) ⁴.

Итоги городской переписи 1923 г. (см. табл. 3.17 в приложении 3) показали, что наиболее высокой доля иждивенцев была в городах Пермской губернии (11,5 %), превышавшая общеуральский уровень (8,1 %). Особенно выделялась Пермь, удельный вес иждивенцев в ней составил 15,3 % от всех занятых жителей.

¹ Рассчитано по: Тр. ЦСУ СССР. Т. XX. Ч. II. Вып. 1. С. 167, 293, 419; Вып. 3. С. 278; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. С. 245.

² Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 48–49.

³ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 81–82; Она же. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 127.

⁴ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. С. 49.

Самой незначительной доля иждивенцев была в Челябинской губернии – 7,0 %. Основная масса представителей этой социальной группы горожан Урала концентрировалась в губернских городах, где их удельный вес составлял 9,3–15,3 % всех занятых, и в прочих городах, в которых доля иждивенцев достигала 8,6–12 % самодеятельных горожан.

Данные табл. 67 показывают структуру иждивенцев в уральских городских поселениях. В 1923 г. наиболее значительной была доля иждивенцев в приютах и детских домах (27 %), пенсионеров (26 %) и учащихся, которые жили на стипендии и пайки (19,8 %). За период между двумя переписями почти в 4 раза выросло число пенсионеров, в 1926 г. они стали составлять большинство иждивенцев – почти 53 %. Более чем в 2 раза возросло и число больных, содержавшихся в больницах за счет государства. Но одновременно в городах Уральской области сократилась численность инвалидов и призреваемых (в 4,6 раз) и сирот в приютах и детских домах (в 1,3 раза). На 77 чел. уменьшилось количество студентов, получавших стипендию. В годы нэпа проявилась тенденция к росту числа заключенных. За 1923–1926 гг. их число увеличилось более чем в два раза. Все отмеченные изменения отразились на доле этих категорий населения среди иждивенцев государственных и общественных учреждений, проживавших в городских поселениях Урала.

Безработные, деклассированное население и иждивенцы государственных и общественных учреждений не играли решающей роли в социальных отношениях городских поселений, но накладывали на их социальный облик отпечаток, характерный для того времени.

Перепись 1926 г. выявила зависимость между численностью горожан и весом социальных групп в городах. Данные табл. 3.20 в приложении 3 показывают, что чем меньше была численность населения городских поселений, тем выше был удельный вес рабочих. В отношении служащих наблюдалась противоположная тенденция: вместе с уменьшением числа горожан падала и доля служащих вместе с личной прислугой. Аналогичная зависимость, но менее ярко выраженная, на-

блюдалась и в отношении безработных, вес которых падал по мере уменьшения численности населения городов, за исключением Свердловска и Перми, процент безработных в которых был ниже, чем в городах с населением от 50 000 до 99 999 чел. Относительно социальной группы «хозяева» такой устойчивой зависимости между удельным весом ее и численностью городов не наблюдалось. Но хозяев с помогающими членами семьи было намного больше в небольших городских поселениях, а одиночек – в крупных городах.

Таблица 67¹

Динамика численности иждивенцев государственных и общественных учреждений в городских поселениях Уральской области
(по данным переписей 1923 и 1926 гг.)

Категории иждивенцев	1923 г.		1926 г.	
	Чел.	%	Чел.	%
Иждивенцы в приютах и детских домах	9 442	27,0	7 323	10,7
Учащиеся стипендиаты	6 950	19,8	6 873	10,0
Пенсионеры	9 099	26,0	36 146	52,9
Инвалиды и призреваемые	1 454	4,2	317	0,5
Больные в больницах	2 464	7,0	5 695	8,3
Заклученные	5 615	16,0	12 010	17,6
Итого иждивенцев	35 024	100	68 364	100

Таким образом, в середине 1920-х гг. в Уральской области существовала социально-экономическая структура населения, характерная для города в условиях рыночного хозяйства со всеми присущими ей группами горожан – рабочими, служащими, предпринимателями, кустарями и ремесленниками, лицами свободных профессий, безработными и проч. Большинство самостоятельных горожан составляли рабочие и служащие. Либерализация экономической жизни страны в годы нэпа привела к росту числа хозяев в уральских городах. Но в силу специфики региона они были сосредоточены в основном в кустарно-ремесленном производстве, сельском хозяйстве и торговле. В городах были и безработные, но безработица на протяжении всего периода нэпа была ниже общесоюзного и общероссий-

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Тр. ЦСУ СССР. Т. XX. Ч. II. Вып. 1. С. 167, 293, 419; Вып. 3. С. 278; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. С. 245.

ского уровней. В 1920-е гг. горожанки еще слабо включены в общественно-полезный труд. В целом к концу восстановительного периода в Уральской области по всем социально-экономическим группам существовали различия между окружными центрами и прочими городами и поселками городского типа. Прочие города имели ярко выраженный «рабочий» характер с крупной привеской «хозяйского» элемента, окружные города носили рабоче-служилый характер с незначительной привеской хозяйского элемента. В последующие годы в связи со сменой экономической политики страны этот естественный социальный процесс был насильственно прерван «сверху».

§ 2. Социально-экономическая структура и занятия городского населения в 1930-е гг.

Промышленная модернизация Урала внесла коррективы в социальную структуру и занятия городского населения края. За период между переписью 1926 г. и апрельским учетом 1931 г., по данным табл. 68, в 1,8 раза увеличилась численность самостоятельных горожан. Их доля в общей массе городских жителей региона возросла с 42,2 до 47,4 %.

Таблица 68¹

Социальный состав городских поселений Уральской области в 1926 г. и 1931 г., чел.

Год	Категории населения	Всего самостоятельного населения	В том числе:				
			рабочие	служащие	сельские хозяйства	ремесленники и кустари	торговцы
Перепись 1926 г.	Всего	593 610	208 889	132 788	60 358	34 258	10 378
	Муж.	404 573	179 301	86 963	30 475	26 860	6 788
	Жен.	189 037	29 588	45 825	29 883	7 398	3 590
Учет 16 апр. 1931 г.	Всего	1 046 695	567 322	313 397	5 544	5 905	156
	Муж.	730 000	461 771	180 734	4 071	4 405	75
	Жен.	316 695	105 551	132 663	1 473	1 500	81

В индустриальных центрах и особенно на новостройках союзного значения

¹ Таблица составлена по: Социалистическое строительство Урала за 15 лет (Основные показатели.) С. 6.

доля самодеятельных превысила средние показатели по уральским городами и оказалась выше или примерно на уровне доли лиц, не имевших самостоятельного дохода. По данным апрельского учета 1931 г., она достигла в Свердловске 55,4 %, Перми – 54,5, Молотове – 49,2, Сарапуле – 49, Златоусте – 48,8, Надеждинске – 48,2, Чусовой – 48,1, Лысьве – 47,9 %¹. Перепись населения Магнитогорска, состоявшаяся в январе 1931 г., показала, что удельный вес живущих за счет собственного дохода среди всех жителей города составила 84,2 % (40 175 из 47 700 чел.)². Таким образом, по мере развертывания промышленного строительства и осуществления реконструкции старых предприятий обеспечивалась все более полная занятость трудоспособного населения в общественном производстве. Городские поселения пополнялись, прежде всего, экономически-самостоятельными мигрантами.

Перепись населения 1939 г. отразила изменения в социальной структуре и занятиях жителей уральских городских поселений вследствие промышленной модернизации края. Программа переписи содержала вопрос об источниках средств существования населения. Исходя из них, горожане делились на лица, имеющие занятие; членов семьи, занятых в подсобном сельском хозяйстве; иждивенцев отдельных лиц и нетрудящихся с семьями.

За период между переписями 1926 и 1939 гг. выросла доля самодеятельных или лиц, имеющих занятия, среди городского населения. По данным табл. 69, в 1939 г. она составила в Пермской области 47,3 %, Свердловской – 45 и Челябинской – 41,9 %, что, за исключением Челябинской области, превысило общегородской уровень Урала 1926 г. (42,2 %), но оказалось ниже аналогичных показателей по городам РСФСР (47,9 %) и, за исключением Пермской области, – СССР (46,5 %³). Всего же на города трех областей Урала приходилось 8,9 % самодеятельного городского населения РСФСР (табл. 69) и 6 % – СССР⁴, что свидетельствовало о бурном индустриальном развитии края в 1930-е гг.

¹ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. С. 313–314.

² Рассчитано по: МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7. Л. 15–16, 39.

³ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. С. 95.

⁴ Рассчитано по: Там же.

Ускоренное промышленное развитие Урала способствовало оттоку селян в города. В итоге, если, по данным переписи 1926 г., в городах Уральской области проживало всего 14,8 % самодеятельных жителей края, то, по материалам переписи 1939 г., на долю городских поселений Свердловской области приходилось уже 60,5 % населения этого региона, имевших занятия, Челябинской – 42,3 и Пермской – 38,7 %. С учетом пола в городах и рабочих поселках Свердловской области проживали 61,3 % самодеятельных мужчин и 59,3 % самодеятельных женщин края, в аналогичных поселениях Челябинской области соответственно – 45,2 и 37,9 %, Пермской – 41,8 и 35 %¹.

Таблица 69²

Распределение городского населения РСФСР, Пермской, Свердловской и Челябинской областей по источникам средств существования (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.), чел.

Название региона	Категории населения	Городское население	В том числе по источникам средств существования:			
			лица, имеющие занятие	члены семьи, занятые в подсобном сельском хозяйстве	иждивенцы отдельных лиц	нетрудовые (с семьями)
РСФСР	Всего	36 875 233	17 647 064	788 454	16 417 844	8764
	Мужчины	17 477 128	10 491 473	6 757	8 021 511	3648
	Женщины	19 398 105	7 155 591	782 697	10 396 333	5116
Пермская область	Всего	827 588	391 517	28 708	359 856	153
	Мужчины	390 161	230 726	95	137 786	74
	Женщины	437 427	160 791	28 613	222 070	79
Свердловская область	Всего	1 503 588	676 444	68 238	694 722	342
	Мужчины	703 493	406 880	264	266 273	130
	Женщины	800 095	269 564	67 974	428 449	212
Челябинская область	Всего	1 182 231	495 320	77 074	560 832	295
	Мужчины	562 122	319 516	443	218 299	93
	Женщины	620 109	175 804	76 631	342 533	202

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. М., 1929. С. 120; Всесоюзная перепись СССР 1939 года: Уральский регион. С. 143, 247, 303.

² Таблица составлена по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия. С. 200; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 143, 247, 303.

Как и в 1920-е гг., подавлявшее большинство экономически-активных городских жителей Урала составляли мужчины. Но если по переписи 1926 г. их доля среди самодеятельных была 68,1 %, по апрельскому учету 1931 г. – 69,7¹, то по переписи 1939 г., по данным табл. 69, удельный вес мужчин среди занятых составил в Челябинской области 64,5 %, Свердловской – 60,1, Пермской – 58,9 %. Данные показатели по городам Свердловского и Челябинского регионов превышали общегородской уровень по РСФСР (59,5 %).

Снижение доли мужчин среди экономически-активных горожан свидетельствовало об активном включении женщин в общественное производство в годы индустриализации. Резкий перелом в этом отношении наметился уже в 1930 г., а с 1931 г. процесс стал идти более интенсивно. Об изменении роли женщин в экономической жизни городов Урала свидетельствовали материалы переписи 1939 г. Они показали, что свыше трети женщин в городах Пермской и Свердловской областей (соответственно – 36,8 и 33,7 %), и менее трети (28,4 %) Челябинской уже имели занятие (см. табл. 69). В 1926 г. таких было всего четверть (25,5 %), а в начале 1931 г. – примерно 28,9 %². Однако в 1939 г. показатели по уральским городам уступали аналогичным данным по РСФСР (36,9 %).

В 1939 г. в результате проведения государственной политики по вовлечению женщин в общественное производство на 1000 самодеятельных мужчин приходилось в городах Пермской области 697 экономически-активных женщин, что превысило аналогичный общероссийский уровень (682 женщины); в Свердловской и Челябинской областях соответственно – 662 и 550 горожанок, тогда как в Уральской области в 1926 г. было всего 467, а в апреле 1931 г. – даже 434 женщины на 1000 мужчин-горожан с самостоятельным доходом (рассчитано по данным табл. 68 и 69).

Доля членов семьи, занятых в подсобном сельском хозяйстве, составила в городских поселениях Пермской области 3,5 %, Свердловской – 4,5 и Челябинской – 6,5 % от всех горожан, в то время как по РСФСР – 2,1 % (см. табл. 69). Повсеместно подавлявшее большинство их представляли женщины, удельный вес кото-

¹ Рассчитано по: Социалистическое строительство Урала за 15 лет (Основные показатели.). С. 6.

² Рассчитано по: Там же.

рых среди городского населения с таким источником существования был равен в Пермской области 99,7 %, Свердловской – 99,6, Челябинской – 99,4 %, что немного выше среднего уровня в российских городах (99,3 %).

Иждивенцы отдельных лиц в Пермской области составляли 43,5 % среди горожан, Свердловской – 46,2, Челябинской – 47,5, а РСФСР – 44,5 %. Большинство городского населения этой группы представляли также женщины. Их доля в Пермской и Свердловской областях доходила до 61,7, Челябинской – 61,1 %, но в РСФСР – до 63,3 %.

В 1939 г. в городах Урала проживали и нетрудящиеся (с семьями). По данным табл. 69, их доля среди городского населения трех регионов края, как и в среднем по городам РСФСР, была незначительной – всего 0,02 %. Удельный вес женщин среди них составил в Пермской области 51,6 %, Свердловской – 62, Челябинской – 68,5 %, а в РСФСР – 58,4 %. В конце 1930-х гг. к категории «нетрудящиеся» относились служители культа, которых было мало, и деклассированные. Не случайно в ходе переписи 1939 г. были переписаны все обитатели подвалов, чердаков и прочих нежилых помещений, не имевшие документов, прописки и средств к существованию. В данную категорию населения включили и лица, жившие на доходы от продажи имущества, от сдачи домов, комнат, т.е. рентьеров¹.

В целом, как показала Всесоюзная перепись населения 1939 г., по источникам средств существования в городских поселениях Пермской области, как и Российской Федерации, преобладали лица, имевшие занятия, а в Свердловской Челябинской областях – иждивенцы отдельных лиц. Вместе с тем в городах всех трех уральских регионов, как и РСФСР, наиболее существенной была доля мужчин, имевших занятия, а женщин – иждивенцев отдельных лиц.

В течение 1930-х гг. под прямым воздействием обобществления и огосударствления всех сфер советской экономики коренным образом изменился социальный облик уральского города. Данные табл. 68 показывают, что за период между переписью 1926 г. и апрельским учетом 1931 г. в 67 раз сократилось число торговцев, в 11 раз – сельских хозяев и в 6 раз – ремесленников и кустарей. За ука-

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 120.

занный период удельный вес этих трех категорий населения среди самодеятельных горожан Уральской области снизился с 17,7 до 1,1 %.

В материалах переписи 1939 г. по сравнению с 1926 г. уже отсутствует категория «хозяева с наемными рабочими». Вместо социальных групп «хозяева, работающие только с членами семьи» и «хозяева-одиночки» появились «некооперированные кустари» и «крестьяне-единоличники». Содержащиеся в табл. 70 данные свидетельствуют о том, что доля этих общественных групп в общей массе горожан Урала, имевших занятия, была невелика. Удельный вес некооперированных кустарей не выходил за рамки 0,4 (Пермская область) – 0,7 (Свердловская область) %, а крестьян-единоличников – 0,1 (Пермская область) – 0,2 (Свердловская и Челябинская области) %, что было примерно на уровне аналогичных общероссийских (соответственно – 0,5–0,2 %) и общесоюзных (0,6–0,3 %¹) показателей.

Таблица 70²

Социальный состав городского населения РСФСР, Пермской, Свердловской и Челябинской областей, имевших занятие, по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в %

Название региона	Категории населения	Лица, имеющие занятия	В том числе:					
			рабочие	служащие	колхозники	коопериров. кустари	некооперир. кустари	крестьяне-единоличники
РСФСР	всего	100	59,8	32,7	3,2	3,6	0,5	0,2
	муж.	100	60,3	31,8	3,6	3,5	0,7	0,1
	жен.	100	59,1	34,1	2,6	3,7	0,2	0,3
Пермская область	всего	100	66,2	28,6	3,1	1,6	0,4	0,1
	муж.	100	66,5	27,5	3,9	1,5	0,5	0,1
	жен.	100	65,9	30,2	1,9	1,6	0,2	0,2
Свердловская область	всего	100	63,3	30,6	3,2	2,0	0,7	0,2
	муж.	100	64,2	28,6	4,0	2,1	1,0	0,1
	жен.	100	62,1	33,4	2,0	1,8	0,3	0,4
Челябинская область	всего	100	65,9	28,5	3,0	1,8	0,6	0,2
	муж.	100	67,8	25,8	3,7	1,9	0,7	0,1
	жен.	100	62,4	33,3	2,0	1,6	0,3	0,4

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. С. 95.

² Таблица составлена по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия. С. 197; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 142, 246, 301.

Некооперированные кустари-горожане Пермской и Челябинской областей, по данным табл. 71, были задействованы в основном в швейном (соответственно – 28,9 и 29,7 % от общего их числа, указавших свое занятие), сапожном и башмачном (20,9 и 20,5 %) деле, в текстильном производстве (18,3 и 35,6 %). Среди них были портные и швеи, трикотажницы и вязальщицы, валяльщики и сукновалы, кружевницы, прядильщики и проч. В городах Свердловской области подавлявшее большинство некооперированных кустарей (63,7 %) работали возчиками, извозчиками и ломовыми, по 11 % их были заняты в текстильном и швейном, 9 % – в сапожном и башмачном деле.

Незначительная часть некооперированных кустарей-горожан была жестянщиками, медниками, паяльщиками, лудильщиками, часовщиками и ювелирами, бондарями и бочарами, гончарами и горшечниками, в Пермской области еще и плотниками и печниками. Часть этой социальной категории жителей городов занималась различными промыслами: рыболовством и рыбоводством, охотой и звероводством (в Пермской области – 55 чел. или 9,6 % некооперированных кустарей, Свердловской – 135 или 4 %, Челябинской – 54 чел. или 4,8 %). Большую часть некооперированных кустарей составляли мужчины. Их доля в городах Пермской области составил 66,7 %, Челябинской – 70,4, Свердловской – 85,8 %¹.

Подавлявшее большинство крестьян-единоличников указало в качестве занятия сельское хозяйство, но без обозначения конкретной специальности. Незначительная часть их определила себя как садовников и огородников.

В конце 1930-х гг. большая часть бывших самостоятельных хозяев была связана с кооперацией. Но представителей этой общественной группы также было немного. По данным табл. 70, их доля среди экономически-активных горожан колебалась в рамках 1,6 (Пермская область) – 2 (Свердловская область) %, что было гораздо ниже аналогичных показателей по городам РСФСР (3,6 %) и СССР (3,7 %). Удельный вес мужчин среди них был высок и составил в городах Пермской области 52,4 %, Свердловской – 57,7 и Челябинской – 69,8 %².

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 145–159, 249–263, 304–317., 246, 301.

² Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. С. 95.; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 145–159, 249–263, 304–317., 246, 301.

Основные занятия некооперированных кустарей в городах Пермской, Свердловской и Челябинской областей (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.)

Основные занятия	Пермская область		Свердловская область		Челябинская область	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Занятия в рыболовстве и рыбоводстве	8	1,4	67	2,0	51	4,5
Занятия в охоте и звероводстве	47	8,2	68	2,0	3	0,3
Занятия металлистов: – жестянщики, медники, паяльщики, лудильщики	16	2,8	0	0	65	5,8
– часовщики, ювелиры	5	0,9	0	0	8	0,7
Занятия деревообделочников: – бондари, бочары	4	0,7	8	0,2	10	0,9
– колесники, тележники, санники	1	0,2	7	0,2	0	0
– корзинщики	6	1,0	21	0,7	19	1,7
Занятия текстильщиков: – прядильщики	9	1,6	39	1,2	22	2,0
– трикотажницы, вязальщицы	30	5,2	58	1,7	41	3,7
– валяльщики, сукновалы	44	7,7	218	6,6	312	27,8
– кружевницы	22	3,8	39	1,2	23	2,0
– ткачи	0	0	0	0	1	0,1
Занятия швейников – портные, швеи	156	27,2	353	10,6	317	28,2
– шапочники, шляпницы	3	0,5	0	0	13	1,2
– вышивальщицы, строчильщицы	7	1,2	21	0,7	4	0,3
Занятия обувщиков – сапожники, башмачники	120	20,9	300	9,0	230	20,5
Занятия минеральщиков – гончары, горшечники	2	0,3	8	0,2	4	0,3
Занятия строителей – плотники	83	14,5	0	0	0	0
– печники	11	1,9	0	0	0	0
Транспортники – возчики, извозчики, ломовые	0	0	2116	63,7	0	0
Всего некооперированных кустарей	574	100	3323	100	1123	100

¹ Таблица составлена по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 145–159, 249–263, 304–317.

Кооперированные кустари, проживавшие в уральских городских поселениях, были задействованы в основном в производственной сфере. Они занимались, по данным табл. 72, прежде всего, швейным (в Пермской и Свердловской областях – 39 % кооперированных кустарей-горожан, Челябинской – 30,8 %) и обувным (в городах Пермской области – 34,6 % кооперированных кустарей, Свердловской – 28,8, Челябинской – 23,3 %) делом. В численном отношении выделялись портные и швеи, среди них от 80 (Челябинская область) до 85 (Свердловская область) % составляли женщины; сапожники и башмачники, подавляющее большинство которых (94–96 %) – это мужчины¹.

Среди кооперированных кустарей в городской местности Пермской и Свердловской областей было достаточно много металлистов (соответственно – 10,6 и 12,1 %), а в Челябинском регионе их было всего 3,1 %. В основном это были жестянщики, медники, паяльщики, лудильщики, а также часовщики, ювелиры и проч., обслуживавшие нужды населения. Среди деревообделочников, доля которых достигала в Свердловской области 7,9 %, Пермской – 6,3 и Челябинской – 4,3 % от всех занятых кооперированных кустарей-горожан, выделялись столяры. Среди текстильщиков, удельный вес которых составлял от 6,2 % в городах Пермской области до 8,8 % в Челябинском регионе, наиболее значительным по численности был слой валяльщиков и сукновалов. Все перечисленные профессии были по преимуществу мужскими.

По данным табл. 72, в городских поселениях Челябинской области свыше 25 % кооперированных кустарей занимались перевозками и были возчиками, извозчиками и ломовыми. Однако в городах других уральских областей не было представителей этих профессий. Доля прочих занятий кооперированных кустарей не выходила за рамки 1,5–2 %. Кооперированные кустари-горожане, помимо производства, занимались промыслами: рыболовством и рыбоводством, в Свердловской и Челябинской областях еще и охотой и звероводством, в Челябинской – лесозаготовками и лесосплавом.

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 155–156, 259–260, 314, 316.

Основные занятия кооперированных кустарей в городских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей
(по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.)

Основные занятия	Пермская область		Свердловская область		Челябинская область	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	2	3	4	5	6	7
Занятия на лесозаготовках и лесосплаве	0	0	0	0	52	1,0
Занятия в рыболовстве и рыбоводстве	2	0,1	25	0,5	18	0,4
Занятия в охоте и звероводстве	0	0	81	1,6	33	0,6
Занятия горняков (кроме транспортных):						
– каменоломы	0	0	15	0,3	0	0
– старатели	40	1,5	39	0,8	0	0
Занятия металлистов:						
– жестянщики, медники, паяльщики, лудильщики	163	6,1	238	4,7	109	2,1
– прессовщики, штамповщики	76	2,9	77	1,5	0	0
– литейщики, формовщики	0	0	129	2,6	0	0
– часовщики, ювелиры	43	1,6	162	3,3	51	1,0
Занятия деревообделочников:						
– столяры	128	4,8	290	5,8	169	3,3
– бондари, бочары	31	1,2	56	1,1	15	0,3
– колесники, тележники, санники	7	0,3	21	0,4	20	0,4
– корзинщики	1	0	11	0,2	6	0,1
– смолокуры и дегтекуры	0	0	20	0,4	11	0,2
Занятия полиграфистов:						
– картонажники	0	0	27	0,5	0	0
– переплетчики и брошюровщики	0	0	0	0	25	0,5
Занятия текстильщиков:						
– трепальщики, чесали	2	0,1	12	0,2	14	0,3
– прядильщики	21	0,8	0	0	17	0,3
– трикотажницы, вязальщицы	76	2,9	94	1,9	66	1,3
– валяльщики, сукновалы	63	2,4	224	4,5	349	6,8
– сновальщики, шлихтовальщики, моталки	0	0	0	0	5	0,1
Занятия швейников:						
– закройщики, обмеловщики	52	1,9	106	2,1	65	1,3
– машинистки, мотористки на швейных машинках	0	0	7	0,1	0	0
– портные, швеи	909	34,2	1677	33,4	1367	26,7
– шапочники, шляпницы	62	2,3	167	3,3	137	2,7

¹ Таблица составлена по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 145–159, 249–263, 304–317.

1	2	3	4	5	6	7
– вышивальщицы, строчильщицы	19	0,7	29	0,6	5	0,1
Занятия кожевников:						
– кожевники, овчинники	12	0,4	14	0,3	18	0,4
– скорняки, меховщики	0	0	18	0,3	0	0
Занятия обувщиков:						
– закройщики	48	1,8	29	0,6	0	0
– заготовщики, строчильщики, сшив- щики заготовок	114	4,3	60	1,2	52	1,0
– сапожники, башмачники	756	28,5	1353	27,0	1139	22,3
Занятия пищевиков:						
– варщики, выпарщики, пастеризаторы	8	0,3	0	0	0	0
Занятия минеральщиков:						
– формовщики, оправщики	13	0,5	0	0	25	0,5
– обжигальщики	0	0	13	0,3	8	0,2
– гончары, горшечники	10	0,4	27	0,5	22	0,4
Занятия строителей:						
– печники	0	0	0	0	29	0,6
Транспортники:						
– возчики, извозчики, ломовые	0	0	0	0	1282	25,1
Всего кооперированных кустарей	2656	100	5021	100	5109	100

Таким образом, кооперированные кустари в основном занимались оказанием услуг населению. Но из-за своей малочисленности они не могли улучшить социально-бытовое положение городского населения Урала.

В 1939 г. в составе городского населения Урала были и колхозники, в то время как в 1926 и 1931 гг. существовала социальная группа «сельские хозяева», имевшая тенденцию к сокращению (см. табл. 68). На окраинах городских поселений располагались колхозы, которые специализировались на производстве овощей и молочной продукции для нужд жителей этих населенных мест. По данным табл. 70, удельный вес колхозников среди горожан, имевших занятия, был небольшой – 3–3,2 %, что соответствовало в целом общероссийскому (3,2 %), но было ниже общесоюзного (4,4 %¹) уровня.

Большинство самодеятельного населения уральских городских поселений составляли рабочие государственных предприятий и служащие госпредприятий и

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. С. 95.

учреждений. Если, по данным табл. 68, в период переписи 1926 г. удельный вес этих социальных групп среди самостоятельных горожан Уральской области составлял 57,6 %, то по итогам апрельского учета 1931 г. – уже 84,1 %. Перепись 1939 г. показала, что доля рабочих и служащих среди экономически-активного городского населения Пермской области достигла 94,8 %, Челябинской – 94,4 и Свердловской – 93,9 %, тогда как этот показатель был равен в городах РСФСР в 92,5 (см. данные табл. 70), а СССР – 91 %¹.

Бурное индустриальное развитие региона в течение 1930-х гг. привело к значительному росту численности рабочих. Только за период между переписью 1926 г. и апрельским учетом 1931 г., по данным табл. 68, их число увеличилось в 2,7 раза, а удельный вес среди самостоятельных горожан поднялся с 35,2 до 54,2 %. В годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) темпы роста численности рабочих Урала значительно превышали общесоюзные показатели. По подсчетам свердловского исследователя Н.М. Щербаковой, если в 1932 г. число рабочих в регионе выросло на 57,7 % по сравнению с 1929 г., то в СССР – на 12,9 %².

В 1933–1937 гг. в уральских областях продолжился рост численности рабочих, хотя и не такими темпами, как в предыдущей пятилетке. Это связано с тем, по мнению А.В. Бакунина, что в указанный период шел не только дополнительный набор рабочей силы, но и внутреннее перераспределение рабочих из одной отрасли в другую, особенно из строительства в тяжелую индустрию и на транспорт. Проявилась тенденция к горизонтальной мобильности рабочих. В целом, по подсчетам данного уральского ученого, за 1933–1937 гг. численность рабочих в крупной (цензовой) промышленности Урала выросла на 24,5 %³.

В 1939 г., по данным табл. 70, рабочие составили среди экономически-активных горожан Пермской области 66,2 %, Челябинской – 65,9 и Свердловской – 63,3 %, что значительно превзошло общероссийский (59,8 %) и общесоюзный (58,5 %⁴) уровни. В городах всех трех областей Урала доля мужчин-рабочих среди

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. С. 95.

² Щербакова Н.М. Указ. соч. С. 48.

³ Бакунин А.В. Количественные и качественные изменения в составе рабочего класса Урала. С.61–62.

⁴ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. С. 95.

самодеятельных мужчин превышала аналогичные общегородские показатели по регионам. Эта особенность, как свидетельствуют данные табл. 70, была характерна в целом для всех российских городов.

В конце 1930-х гг., по данным табл. 70, почти треть экономически-активных горожан Урала была представлена служащими – от 28,5 % в Челябинской области до 30,6 в Свердловской, что уступало аналогичным показателям по городам РСФСР (32,7 %) и СССР (32,5 %¹). Вместе с тем удельный вес служащих среди лиц, имевших занятия, в городах региона, в отличие от остальных социальных групп, увеличился не намного, по сравнению с предыдущей переписью: в 1926 г. он был равен 24,8 %. В апреле 1931 г. этот показатель вырос до 29,9 % (см. табл. 68). В конце 1930-х гг. повсеместно на Урале доля женщин-служащих среди экономически-активных горожанок превышала общегородской уровень в регионах, что было характерно и для российских городов (см. табл. 70).

В 1939 г., по данным табл. 69, в Пермской области 59,1 % всех мужчин-горожан имели занятия, Свердловской – 57,8 и Челябинской – 56,9 %, в то время как в городах РСФСР – 60 % всех проживавших в них мужчин. Удельный вес экономически-активных женщин среди горожанок был на порядок ниже, чем мужчин, и составил соответственно – 36,8; 33,7; 28,4, что было (за исключением городских поселений Пермской области) также меньше общероссийского показателя – 36,9 %.

Всесоюзная перепись 1939 г. показала экономическую специфику уральского региона. Основная масса горожан, имевших занятие, была задействована в промышленности. По данным табл. 3.21 в приложении 3, их доля достигала в Пермской области 50,6 %, Свердловской – 46,7 и Челябинской – 46 %, что превышало аналогичный общероссийский уровень (43,9 %²) При этом повсеместно удельный вес самодеятельных мужчин, трудившихся на промышленных предприятиях, был выше, а женщин – ниже общегородских показателей по регионам. Высокая занятость горожан в промышленности свидетельствовала, с одной стороны, об индуст-

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. С. 95.

² Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия. С. 197.

стриальном развитии Урала, а с другой стороны, о недостаточном ее техническом оснащении. В остальных отраслях народного хозяйства доля горожан, имевших занятие, была существенно ниже. В строительстве она составила соответственно – 7,7, 8,9 и 9,3 %; в торговле, заготовках и общественном питании – 7,2, 8,4 и 8,8 %; на транспорте и в связи – 6,3, 6,9 и 9,7; просвещении, науке, искусстве и печати – 5,6, 6,2 и 5,5 %; лесном хозяйстве – 5,4, 4,7 и 2,1 %; в здравоохранении – 4,3, 4,4 и 4,1; государственных учреждениях, партийных и общественных организациях – 3,6, 4,1 и 4,2; жилищно-коммунальном хозяйстве – 2,9, 2,7 и 2,7; сельском хозяйстве – 2,8, 3,4 и 4,2.

Подавляющее большинство самодельных мужчин–горожан в уральских областях, по данным табл. 3.21 в приложении 3, было задействовано в промышленности (от 48,8 % всех экономически-активных мужчин в городах Челябинской области до 49,7 % – Свердловского и 52,2 % – Пермского регионов), а также в строительстве (примерно 10–11 %) и на транспорте и в связи (10,9 % мужчин-горожан, имевших занятия, в Челябинской области, 7,5 % – Свердловской и 7,2 % – Пермской областях), что свидетельствовало об индустриальном развитии Урала. В городах Пермского региона, в отличие от остальных административно-территориальных образований Урала, достаточно существенная часть самодельных мужчин (7,5 %) трудилась в лесном хозяйстве. В сфере торговли, заготовок и общественного питания работало от 5,7 (Пермская область) до 6,9 (Челябинская область) % экономически-активных мужчин-горожан Урала. В остальных отраслях народного хозяйства доля мужчин, имевших занятия, не выходила за рамки 4,3 %. Меньше всего их было в здравоохранении – 1,3–1,4 %.

По данным табл. 3.21 в приложении 3, большинство экономически-активных горожанок Урала также было задействовано в промышленности – 40,8 % в Челябинской области, 42,2 – Свердловской и 48,3 – Пермской. Далее шли торговля, заготовки и общественное питание (соответственно – 12,2; 11,3 и 9,6 %), просвещение, наука, искусство и печать (9,7; 9,8 и 8,8), здравоохранение (9,2; 9 и 8,6),

транспорт и связь (7,7; 6,0 и 5,1), строительство (5,3; 5,4 и 4,3). В остальных отраслях доля горожанок, имевших занятия, не превышала 4 %.

Как и в 1920-е гг., в уральских городских поселениях были отрасли с преимущественно мужским и преимущественно женским трудом. Анализ итогов переписи 1939 г. позволяет сделать вывод о том, что на 1000 мужчин-горожан приходилось в промышленности Пермской области 645 горожанок, Свердловской – 563, Челябинской – 460; строительстве соответственно – 298, 319, 251; на транспорте и в связи – 488, 528, 392; в лесном хозяйстве – 221, 233, 156; в сельском хозяйстве – 643, 652, 466; в государственных учреждениях, партийных и общественных организациях – 560, 604, 503. Вместе с тем в ряде отраслей народного хозяйства Урала женский труд преобладал над мужским. В просвещении, науке, искусстве и печати на 1000 мужчин-горожан приходилось в Пермской области 1827 горожанок, Свердловской – 1713, Челябинской – 1699; а в здравоохранении соответственно – 4696, 4326, 3927. Вместе с тем в торговле, заготовках и общественном питании разрыв между полами был не столь разительным: на 1000 мужчин было соответственно 1177, 1157, 977 женщин; а в жилищно-коммунальном хозяйстве – 1246, 1190, 1078 женщин¹.

Данные табл. 3.22 в приложении 3 позволяют судить о конкретных занятиях городских жителей Урала. Руководители партийных организаций, государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий составляли в Пермской и Челябинской областях 3,5–3,6 % от всех горожан, имевших занятия, и только в Свердловском регионе – 4,4 %. В основном руководителями были мужчины. Их удельный вес был равен в городах Свердловской области 83,4 %, Пермской – 85, Челябинской – 86 %, т.е. на 1000 руководящих работников–мужчин приходилось в городах Свердловской области 199 руководителей–женщин, Пермской – 175, Челябинской – 163².

Среди служащих, по данным табл. 3.22 в приложении 3, наиболее значительной по численности была группа технического персонала. Ее доля среди горожан–

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 144, 249, 302.

² Рассчитано по: Там же. С. 145, 249, 304.

служащих исчислялась в Пермской области в 22,3 %, Свердловской – 21,2, Челябинской – 20,2 %. Технический персонал составил 5,4 (Челябинская область) – 6,9 (Свердловская область) % горожан, указавших свои занятия. Второе место среди служащих занимали работники учета. В городах Челябинской области их было даже больше, чем представителей технического персонала. Удельный вес работников учета среди служащих-горожан достигал 21,2 (Челябинская область), 20,4 (Свердловская область), 19,8 (Пермская область) %. В целом же учетом занималось от 5,4 (Пермская область) до 6,7 (Свердловская область) % горожан, указавших свое занятие.

Третья и четвертая позиции принадлежали медицинским работникам, чья доля среди служащих уральских городов колебалась в пределах 11,1 (Пермская область) и 10,3 (Челябинская область) – 10,2 (Свердловская область) %, и культурно-политико-просветительному персоналу (соответственно – 11,1, 11,4 и 11,5 %). Далее шли работники торговли, заготовок и сельского хозяйства (8,7, 9,8 и 9,9 %), плано-контрольный персонал (4,6, 4,7 и 4,7 %), делопроизводственный персонал (4,4, 4,6 и 4,7 %), работники связи (2,8, 3,2 и 3,1 %), работники искусства (1,2, 1,3 и 1,3 %) и юридический персонал (0,3, 0,4 и 0,5).

Перепись 1939 г. выявила многократное преобладание мужчин среди технического и юридического персонала, работников искусства, а также плано-контрольного персонала. По подсчетам данных табл. 3.22 в приложении 3, в городских поселениях Пермской области на 1000 мужчин-представителей технического персонала приходилось 275 женщин, Свердловской – 294, Челябинской – 250 женщин; юридического персонала соответственно – 113, 185, 104; работников искусства – 376, 407, 344; плано-контрольного персонала – 529, 531, 426 женщин. В остальных группах служащих преобладали женщины. На 1000 мужчин-медиков, проживавших в городской местности Пермской области было 12 208 женщин, Свердловской – 14 250, Челябинской – 12 376 женщин; культурно-политико-просветительного персонала соответственно – 2316, 2309 и 2175; работников связи – 6551, 6247, 5202; работников учета – 1505, 1574, 1320; делопро-

изводственного персонала – 7051, 12134, 6361; работников торговли, заготовок и складского хозяйства – 1386, 1322, 1171.

Данные табл. 3.22 в приложении 3 свидетельствуют, что большинство горожан, указавших свое занятие (69,3 % в Пермской области, 63 – Свердловской и 69,6 % в Челябинской области), были рабочими. В силу специфики экономического развития городских поселений Урала самые крупные группы рабочих профессий, как и в 1926 г., составляли металлисты (28 % в Пермской, 29,4 – Свердловской, 26,4 % – Челябинской областях); транспортники (соответственно – 16,5, 24,2 и 21,1 %); строители (8, 10,3 и 8,4 %), занятые на силовых установках и подъемных механизмах (4,1, 5,3 и 4 %) и горняки (3, 5 и 3,6 %). Доля остальных рабочих профессий была гораздо меньше.

Обращает внимание и то, что профессии металлистов и транспортников были самыми востребованными не только у горожан Урала, но и горожанок. Далее по числу задействованных в профессии у мужчин шли строители, горняки, рабочие на силовых установках и подъемных механизмах, деревообделочники и прочие; у женщин же – работницы в общественном питании, а в Свердловской области еще и работницы на силовых установках и подъемных механизмах, швейницы, пищевики и прочие.

Как показывают данные табл. 3.22 в приложении 3, в целом ряде рабочих профессий преобладал мужской труд. На 1000 металлистов-мужчин приходилось в городах Пермской области 293 женщины, Свердловской – 187, Челябинской – 199; транспортников соответственно – 265, 211 и 170; строителей – 164, 153 и 134; рабочих силовых установок и подъемных механизмов – 796, 587 и 525; горняков – 141, 307 и 242; деревообделочников – 249, 238 и 116; кожевников – 249, 407 и 536; обувщиков – 598, 518 и 88; химиков – 697, 483 и 268. Но были рабочие профессии, в которых преимущество было у женщин. Так, на 1000 полиграфистов-мужчин приходилось 1600 женщин в Пермской области, 2200 – Свердловской и 1727 – Челябинской области; текстильщиков соответственно – 3527, 2244 и 1045;

швейников – 5205, 6512 и 3775; пищевиков – 2222, 2331 и 1427; рабочих в общественном питании – 8880, 12113 и 9503; минеральщиков – 1760, 1712 и 1389.

По данным табл. 3.22 в приложении 3, в уральских городах были и сельскохозяйственные рабочие. Их удельный вес среди рабочих-горожан достигал в Пермской области 3,4 %, Челябинской – 4,8, а Свердловской – 5,4 %. Подавлявшее большинство их составляли мужчины – от 60,6 (Пермская область) и 60,7 (Свердловская область) до 69,7 (Челябинская область) %. Свыше 3 % рабочих-горожан Пермской и Свердловской областей и 1,2 % Челябинской области занимались лесозаготовками и лесосплавом. В рыболовстве и рыбоводстве, охоте и звероводстве было задействовано незначительное число рабочих. В этих отраслях в подавлявшем большинстве также использовался мужской труд

В целом, социалистическое преобразование народного хозяйства, социальная политика Советского государства изменили социально-экономическую структуру уральских городов. Социальный процесс, характерный для города в условиях рыночного хозяйства со всеми присущими ему элементами, был прерван. Вытеснение частного капитала привело к значительному сокращению численности мелких торговцев и кустарей-ремесленников, а крупный частный капитал был ликвидирован. Социальный состав городов потерял свое многообразие и стал более однородным. На социальный облик уральских городов повлияла и промышленная модернизация региона. В 1930-е гг. в системе общественного производства возросла численность рабочих и служащих при сокращении удельного веса других социальных групп. В городах исчезла безработица. Индустриализация способствовала росту числа самодельных горожан, включению женщин в общественное производство.

§ 3. Национальный состав, грамотность и отношение к религии

Урал с начала своего хозяйственного освоения был многонациональным регионом. По данным Всероссийской переписи населения 1920 г., национальный состав населения городских поселений края в рамках четырех губерний, вошед-

ших в состав Уральской области, включал представителей 57 этносов (названия их приводятся в соответствии с переписью 1920 г.), различных по языку, культуре и особенностям быта. Они объединялись в несколько групп народов, в том числе славянскую, литовско-латышскую, романскую, германскую, финскую, турецко-татарскую, семитскую, северную, индо-европейскую, монголо-бурятскую, восточную, кавказскую, китайскую, картвельскую.

Подавлявшее большинство городского населения, по данным табл. 73, составляла славянская группа народов. Ее доля среди жителей городских поселений региона исчислялась в 94,6 %. Среди славянских народов абсолютное большинство было у русских (1 125 653 чел.), их удельный вес в городском населении Урала равнялся 92,4 %¹. Преобладание русских объясняется тем, что уральские города исторически сформировались как опорные пункты постепенно расширявшегося Русского государства, ставшие впоследствии административно-территориальными центрами края. Все функции в них (военные, административные, торговые и ремесленные) выполняли русские². С XVIII в. началось промышленное освоение региона, строительство фабрично-заводских поселений, населенных, прежде всего, русскими. Вторым по численности славянским народом были поляки (10 599 чел. или 0,9 %). За ними шли украинцы (8431 чел. и 0,7 %) и белорусы (6608 чел. и 0,5 %). Остальные славянские народы (чехи, сербы, болгары, хорваты, моравы, боснийцы и австрийцы) насчитывали всего 1142 чел. или 0,1 %³.

Второй по численности группой народов, проживавших в городских поселениях Урала, была турецко-татарская группа. Ее удельный вес в городском населении края был 2,7 %. Подавлявшее большинство в этой группе представляли татары (31 297 чел.). Они составляли 2,6 % горожан региона. Башкир было всего 913 чел., а остальные представители этой группы народов (тептяри, чувашаи, мещеряки, сарты, турки, киргизы и ногайцы) насчитывали всего 449 чел.⁴

¹ Рассчитано по: Уральский статистический ежегодник. 1923–24 г. С. 34.

² Мотревич В. П. Национальный состав сельского населения Урала накануне Великой Отечественной войны (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г. С. 111.

³ Рассчитано по: Уральский статистический ежегодник. 1923–24 г. С. 34.

⁴ Рассчитано по: Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. С. 35.

Национальный состав городского населения Урала
(по данным Всероссийской переписи населения 1920 г.)

Народности	Численность по Уралу, чел.	В том числе в городских поселениях	
		чел.	%
Всего народности	6 365 195*	1 218 646	100
Славянские	587 8818	1 152 433	94,6
Литовско-латышские	10 126	7 375	0,6
Германские	13 181	4 771	0,4
Финские	155 392	4 833	0,4
Турецко-татарские	288 461	32 659	2,7
Семитские	14 189	13 968	1,1
Романские	723	363	
Северные	157	120	
Индо-европейские	2 196	418	
Монголо-бурятские	554	13	Остальные в совокупности составили 0,2 %
Восточные	234	200	
Кавказские	30	16	
Китайские	649	618	
Картвельские	62	51	
Негритянские	1	0	
Неизвестные	426	208	

* Без сельского населения Севера Тобольского округа.

Третью по численности группу представляли семитские народы. На их долю приходился 1,1 % горожан. В основном это были евреи (13 962 чел.).

Среди финской группы народов особенно много было эстонцев (1289 чел.) и зырян (1622 чел.), а германской – немцев (4686 чел.)². В целом же доля каждой из этих групп не превышала 0,4 % среди уральских горожан. Остальные народности, по данным табл. 73, насчитывали 2007 чел., удельный вес которых составил менее 0,2 % жителей городских поселений края.

Данные табл. 73 показывают, что подавлявшее большинство немногочисленных групп народов, зафиксированных на Урале переписью 1920 г. (северная, се-

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Уральский статистический ежегодник. 1923–24 г. С. 34–35.

² Рассчитано по: Там же. С. 34.

митская, литовско-латышская, восточная, кавказская, китайская, картвельская), проживало в городской местности.

Национальный состав городских поселений отдельных губерний, впоследствии вошедших в Уральскую область, имел свои особенности. В Челябинской губернии, кроме русских (82,5 %) и татар (7,7 %), значительную часть городского населения составляли поляки (2,1 %), украинцы (2,0 %) и евреи (1,7 %)¹. В Пермской губернии после русских (93,6 %) и татар (2,3 %) наиболее значительными по численности этносами были евреи (1,3 %), поляки и немцы (примерно по 0,5 %), латыши (0,4 %)².

Всесоюзная перепись населения 1926 г. вновь подтвердила полиэтничность Уральской области, ею было учтено 196 народностей³. Но городские поселения по-прежнему имели ярко выраженный русский характер. По данным табл. 3.23 в приложении 3, русские составляли подавлявшее большинство городского населения Уральской области. За период между переписями 1920 и 1926 гг. выросла абсолютная численность их на 201 622 чел., удельный вес в общем числе горожан региона поднялся до 94,3 %. Доля русских была самой высокой в городах и поселениях городского типа Шадринского, Сарапульского, Кунгурского, Тагильского, Свердловского и Златоустовского округов – свыше 96 % всех горожан, а самой низкой – в Троицком (76 %) и Тобольском (88,3 %) округах. В остальных административно-территориальных образованиях удельный вес русских среди горожан был в рамках 90,3–94,4 %.

Второй по численности национальность в уральских городских поселениях были татары. Они также увеличили свою численность (на 14 670 чел.) и удельный вес (до 3,3 %) среди горожан за годы нэпа. Самое большое число татар проживало в городских поселениях Троицкого округа (19,3 %). Не случайно их удельный вес среди горожан этой территории составил 20,2 %. Также много татар было в городских поселениях Пермского округа (15,8 % всех горожан этой национально-

¹ Рассчитано по: Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. С. 49–51.

² Рассчитано по: Статистический сборник на 1923 год. С. 38–39.

³ Лебедев Ф. Народность и грамотность населения Уральской области по переписи 1926 г. С. 160.

сти). Меньше всего их было в Шадринском округе (0,7 %), их доля среди жителей городских поселений равнялась 0,9 %.

Третью позицию занимали евреи. За 1920–1926 гг. их число сократилось на 1687 чел., а доля среди горожан Уральской области снизилась до 0,9 %. Евреи в основном проживали в городских поселениях Свердловского (33,1 %) и Пермского (25 %) округов.

Перепись 1926 г. показала, что за время, прошедшее с переписи 1920 г., количество украинцев в городах и поселениях городского типа региона уменьшилось в 2,4, а белорусов – в 4,3 раза, что было связано с окончанием Гражданской войны и демобилизацией армии. Упал и их удельный вес среди горожан – соответственно до 0,2 и 0,1 %. Треть украинцев приходилась на городские поселения Ишимского и Троицкого округов. Белорусы-горожане были сконцентрированы в Пермском, Челябинском, Тагильском и Тюменском округах.

Доля остальных этносов (поляков, латышей, немцев, эстов, зырян, пермяков, вотяков, остяков, марийцев, чувашей, башкир, цыган, киргизов, казахов и проч.) в общей численности городского населения Уральской области, по данным табл. 3.23 в приложении 3, в совокупности составляла чуть больше одного процента. При этом почти все пермяки-горожане были сосредоточены в городских поселениях Верхнекамского (58 %) и Сарапульского (39 %) округов.

Переписи 1920 и 1926 гг. показала неравномерное распределение этносов между городскими и сельскими поселениями. Евреи, поляки и латыши имели ярко выраженный городской характер. Во время переписи 1920 г. в городских поселениях Урала проживало от 68,3 до 98,4 % их представителей; а в 1926 г. – от 48,2 до 97,2 %. В 1920 г. в обозначенную группу входили еще немцы (35,8 %) и эсты (46,6 %). Однако за период между двумя указанными переписями число горожан среди них сократилось и стало составлять примерно 24 % от общей их численности по региону.

В 1926 г. татары, русские и цыгане показали более высокий, чем в 1920 г., процент горожан среди своих национальностей. У татар он поднялся с 17,7 до

23,7 %, русских – с 19,5 до 21,5 %, цыган – с 10,9 до 20,7 %. Вместе с тем наряду с этносами, у которых возросла доля представителей, проживавших в городской местности, были и народности, у которых, наоборот, она сократилась. За 1920–1926 гг. удельный вес горожан упал у белорусов с 22,2 до 6,1 %, украинцев – с 14,3 до 7,4 %, зырян – с 33 до 9,8 %.

Мордва, чуваша, киргизы и вотяки характеризовались пониженным процентом городского населения. В 1920 г. в городских населенных пунктах Уральской области проживало от 3,3 до 7,1 %, а в 1926 г. – от 4,1 до 9,8 % от общей численности данных этносов в крае. Башкиры, пермяки, марийцы и нагайбаки являлись почти исключительно сельскими народностями, в 1920 и 1926 гг. в городах проживало менее 1 % представителей названных народов¹.

Перепись 1926 г. показала, что 58,7 % иностранных граждан находилось в городских населенных пунктах Уральской области².

Всесоюзная перепись населения 1926 г. позволяет установить количественную меру денационализации (ассимиляции) конкретных этносов, так как она учитывала отдельно народность и родной язык. Родным языком по переписи признавался тот, которым опрошенный лучше всего владел или на котором обыкновенно говорил. Родным языком детей, не умевших говорить, считался язык матери, а глухонемых – язык, на котором они общались с окружающими³. При разработке переписи эти два признака (народность и родной язык) были взяты в комбинации. Таким образом, считая язык важнейшим атрибутом живой национальности и принимая процент денационализации народности примерно равным проценту утери родного языка, стало возможным выявить объективную меру ассимиляции отдельных народов.

Итоги переписи 1926 г. показали, что горожан, говоривших по-русски, оказалось на 11375 чел. или 0,9 % больше, чем русских по этнической принадлежности. Это не удивительно в условиях подавлявшего преобладания этой нации, а значит

¹ Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. 1925. С. 34–35; Лебедев Ф. Народность и грамотность населения Уралобласти по переписи 1926 года. С. 162.

² Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 68.

³ Красильников М. П. Население Урала и Северной Азии. С. 74.

и их языка среди населения городских поселений. Наибольшей ассимиляции подверглись украинцы, у которых 44,1 % не признали родным язык своей национальности. Достаточно активно русифицировались и представители малых народов Урала, проживавших в городских поселениях региона. От своего родного языка отказались 36,5 % остяков, 32,7 % нагайбаков, 27 % башкир, 11,9 % зырян, 11,6 % вотяков, 7,4 % марийцев. Наиболее стойкими этносами оказались татары и пермяки, 99 % представителей которых назвали своим родным язык своей национальности¹.

В условиях развернувшейся с конца 1920-х гг. промышленной модернизации Урала наблюдался быстрый рост городского населения. Появились новые города, жители которых в основном пополнялись за счет мигрантов. Все это не могло не сказаться на национальном составе населения городских поселений. Он становился все более сложным, увеличивался удельный вес представителей нерусских этносов и выходцев из регионов, не входивших в состав Урала. К примеру, по региональной переписи населения, проведенной в Магнитогорске, на начало января 1931 г. в городе проживало 47 700 чел., в том числе русских – 39 090 чел. (81,9 %), украинцев – 3 836 (8 %), татар – 1 318 (2,8 %), башкир – 772 (1,6 %), мордвы – 643 (1,3 %), белорусов – 544 (1,1 %), евреев – 402 (0,8 %) и прочих национальностей – 1095 чел. (2,3 %)².

Все изменения в этноструктуре городского населения Урала, которые произошли за годы индустриализации, отразила Всесоюзная перепись населения 1939 г. Регион по-прежнему оставался многонациональным. В границах трех областей (Пермской, Свердловской и Челябинской) самыми многочисленными были русские. Они насчитывали уже 3 153 579 чел. из 3 513 407 жителей городов, что составило 89,8 % горожан. Таким образом, была продолжена наметившаяся еще в 1920-е гг. тенденция к росту числа русских, однако их удельный вес среди городского населения сократился.

За ними, как и в 1920 г., шли татары – соответственно 134 674 чел. или 3,8 %.

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IX. С. 68, 98–99.

² МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7. Л. 39.

По сравнению с 1926 г. они также резко увеличили свою численность, но удельный вес представителей их среди горожан Урала вырос незначительно. Третью позицию стали занимать украинцы. Их численность достигла 90 661 чел., а удельный вес поднялся до 2,6 %. За украинцами шли мордовцы (соответственно – 21475 чел. и 0,6 %), евреи (18899 чел. и 0,5 %), белорусы (18427 чел. и 0,5 %), башкиры (15699 чел. и 0,4 %), коми (14346 чел. и 0,4 %) и другие этносы, чья численность не превышала 10 тыс. чел.¹

Национальный состав горожан отдельных областей имел свои особенности. По данным переписи 1939 г., в городах Свердловской области проживал 91 % русских, 3,3 % татар, 2,1 % украинцев, 0,7 % евреев, по 0,6 % мордовцев и белорусов, 0,4 % удмуртов, 0,3 % башкир, 0,2 % чувашей, примерно по 0,1 % немцев, коми и поляков, менее 0,1 % эстонцев, латышей и латгальцев, армян, грузин, цыган и прочих национальностей². В городах Челябинской области насчитывалось 87,9 % русских, 4,4 % татар, 3,6 % украинцев, по 0,9 % мордовцев и башкир, по 0,4 % белорусов, казахов и евреев, по 0,2 % чувашей и немцев, примерно по 0,1 % поляков, болгар и удмуртов, менее 0,1 % цыган, эстонцев, марийцев, латышей и латгальцев, коми, армян, грузин, корейцев, киргизов и прочих национальностей³. Городское население Пермской области состояло из 90 % русских, 4 % татар, 2 % украинцев, 1,5 % коми, 0,6 % белорусов, 0,5 % евреев, 0,3 % удмуртов, 0,2 % мордовцев, примерно по 0,1 % чувашей, башкир, немцев, поляков и марийцев, менее 0,1 % эстонцев, латышей и латгальцев, грузин, армян, финнов, таджиков, корейцев, молдаван и прочих национальностей⁴. Таким образом, в 1930-е гг., как и в 1920-е гг., города Урала с национальной точки зрения оставались достаточно однородными, с преобладанием русских, однако в них выросло число представителей других национальностей.

Материалы переписи 1939 г. также свидетельствуют о том, что по сравнению с другими уральскими регионами в городах Свердловской области проживало

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. С. 63–65.

² Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. мат-лов. С. 294.

³ Там же. С. 238.

⁴ Там же. С. 132–133.

наибольшее число русских, белорусов, марийцев, евреев, удмуртов, чувашей и поляков; Челябинской – татар, украинцев, башкир, мордовцев и немцев; Пермской области – коми¹.

За годы промышленной модернизации и ускоренного роста городов изменилось распределение народностей между городскими и сельскими поселениями. Чисто городским этносом оставались евреи, 90,5 % представителей которых были городскими жителями. К ним примыкали мордовцы и поляки, около 67 % их сменили село на город. Русские, татары, украинцы и белорусы достаточно равномерно распределялись между городом и селом. В 1939 г. русских проживало 48,5 % в городах и 51,5 % в сельской местности, белорусов соответственно – 49,2 и 50,8 %, татар – 47,9 и 52,1 %, украинцев – 59,1 и 40,9 %. Активно перемещались в города удмурты, немцы и чувашаи, из них городскими жителями были соответственно 44,7, 43,2 и 36,6 %. А вот марийцы, казахи, башкиры и коми урбанизировались достаточно медленно. Среди них по-прежнему проживало на селе соответственно 80,8, 82,3, 85,4 и 88,8². Они традиционно занимались сельским хозяйством. В некоторых случаях миграцию в город сдерживал религиозный фактор³. Вне городов оставалось и большинство цыган (82,6 %), которые вели кочевой образ жизни.

Перепись 1939 г. показала, что урбанизация населения Урала по-прежнему сопровождалась постепенной ассимиляцией горожан. Расхождения между русскими по этнической принадлежности и жителями городов, говоривших по-русски, достигли 672 975 чел. или 21,8 %. Это было в 59 раз больше, чем в 1926 г. Наибольшей ассимиляции подверглись поляки, евреи и белорусы, у которых не назвали родным язык своей национальности соответственно 79,9, 74,5 и 65,7 %. Достаточно активно русифицировались и другие народы. От своего родного языка отказались 52,8 % латышей и латгальцев, 41,3 % украинцев, 39,3 % эстонцев, 32,2 % немцев, 23,9 % цыган, 20,2 % мордовцев, 19,7 % коми и 19,2 % удмуртов. Сохранили верность своей культуре татары, казахи, марийцы и башкиры. Среди

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. мат-лов. С. 132, 238, 294.

² Рассчитано по: Там же. С. 132, 238, 294.

³ Мотревич В. П. Национальный состав сельского населения Урала накануне Великой Отечественной войны (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.). С. 110.

них язык своей национальности выбрали соответственно 4,5, 4,5, 8,9 и 10,8 %¹.

В целом данные демографических переписей 1920–1930-х гг. свидетельствуют о полиэтничности городского населения Урала. Вместе с тем традиционно в городских населенных пунктах преобладали русские. Под воздействием развернувшейся в стране промышленной модернизации изменяется этнодемографическая структура региона. Усиливается урбанизация населения края, все четче проявляется тенденция к сокращению удельного веса русской нации при росте абсолютной численности ее и увеличению доли представителей других этносов в городском населении. Активно шел процесс ассимиляции горожан и перераспределения наций и народностей между уральским городом и селом.

Переписи 1920–1930-х гг. позволяют проанализировать уровень грамотности жителей уральских городов. В время переписей 1920-х гг. грамотность понималась в широком смысле. Достаточно было уметь читать хотя бы по слогам и писать свою фамилию². Население опрашивалось по вопросу о грамотности, начиная с 5-ти лет.

Даже при таком низком критерии грамотности первая Всероссийская перепись 1920 г. (данные приводятся в пересчете на территорию Уральской области) из 1 075 530 чел. в возрасте от 5-ти и выше лет, проживавших в городских поселениях края, зафиксировала всего 592 003 умевших читать и писать (55 %). Среди мужчин грамотных было 64 %, женщин – 47,6 %. Показатели грамотности по городам Урала были значительно выше, чем в целом по региону (31,9 %) и сельской местности (26,5 %)³.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. должна была подвести первые объективные итоги грандиозной работы по реализации Декрета СНК от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР»⁴. В соответствии с данным нормативно-правовым актом все население республики в возрасте от 8 до

¹ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. мат-лов. С. 132, 238, 294.

² Всеобщая перепись 1920 года. Демографическо-профессиональная и сельскохозяйственная с учетом промышленных предприятий. С. 15; Михайловский В. Г. Указ. соч. С. 18.

³ Уральский статистический ежегодник. 1923–24 г. С. 22–23.

⁴ О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР: декрет СНК от 26 декабря 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 67. Ст. 592.

50 лет, не умеющее читать и писать, обязано было обучаться. В Советской России развернулась массовая и беспрецедентная по своим масштабам работа по ликвидации неграмотности. Она охватила и взрослое население, как мужчин, так и женщин, находившихся в самом расцвете сил. При этом обучение было бесплатным. Для взрослых учащихся сокращался рабочий день с сохранением заработной платы. Предусматривалось первоочередное снабжение ликбезов учебными пособиями и письменными принадлежностями.

Перепись 1926 г. выявила, что из 1 213 701 городского населения Уральской области в возрасте 5-лет и выше грамотными себя считали 821 621 чел. или 67,7 %. Эти показатели по городским поселениям региона вновь оказались выше, чем в целом по области (46,2 %) и селу (40,4 %) ¹, и превысили общероссийский уровень грамотности горожан (60 %) ². Грамотных среди мужского населения, проживавшего в городских населенных пунктах Урала, было 77,2 %, женского – 59,4 % ³, в то время как в городах РСФСР читать и писать умели 73 % мужчин и 54 % женщин ⁴.

Анализ уровня грамотности в разных возрастных группах горожан Уральской области показывает, что самыми высокими показатели грамотности были у лиц 15–19 лет (80 % в 1920 г. и 84,8 % в 1926 г.). Больше всего мужчин, умеющих читать и писать, было в возрасте 20–29 лет (85,1 % в 1920 г. и 91,2 % в 1926 г.). Это было следствием обязательного обучения грамоте в Красной Армии. Именно в РККА в первую очередь была развернута борьба с неграмотностью. Грамотность среди женщин была наиболее высокой у девочек-подростков 10–14 лет (76,8 % в 1920 г. и 82,3 % в 1926 г.) ⁵.

Самые низкие показатели грамотности по переписям 1920-х гг. были зафиксированы среди горожан в возрасте 60-ти лет и старше – 22,4 % в 1920 г. и 30,3 % в 1926 г. Однако работа по ликвидации неграмотности населения положительно сказалась и на этой возрастной когорте. Сократился удельный вес неграмотных

¹ Всесоюзная перепись населения. 1926 год. Т. IX. С. 142.

² Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 179.

³ Всесоюзная перепись населения. 1926 год. Т. IX. С. 142.

⁴ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 179.

⁵ Уральский статистический ежегодник. 1923–24 г. С. 22–23; Всесоюзная перепись населения. 1926 год. Т. IX. С. 142.

мужчин с 64,3 (1920 г.) до 51,1 (1926 г.) %; женщин – с 86,6 (1920 г.) до 80,7 (1926 г.) %¹. Но неграмотных представительниц слабого пола все равно было много. Им в преклонном возрасте сложнее было осваивать чтение и письмо из-за большой занятости в домашнем хозяйстве.

В уральских городах во всех возрастных группах уровень грамотности мужчин был выше, чем женщин. Но если в младшем возрасте (от 5 до 9 лет) разрыв в числе умеющих читать и писать представителей разных полов был небольшим, чуть больше одного процента, то с каждой последующей возрастной когортой он становился все существеннее. Причем у женщин гораздо раньше, чем у мужчин, происходило резкое увеличение показателя неграмотности. В 1920 г. уже в 30–39 лет более половины женщин были неграмотными, в 1926 г. – в 40–49 лет. Для мужчин подобная ситуация характерна для возрастной группы в 60 и выше лет².

Перепись 1926 г. выявила наибольшее число грамотных среди марийцев (82,7 чел. на каждые 100 горожан), евреев (78,7), белорусов (76,3), украинцев (73,4), пермяков (69,9), вотяков (60,5) и русских (58,5). Больше всего неграмотных было среди башкир (57,8 чел. на каждые 100 горожан) и татар (55,9)³. Таким образом, в городских населенных пунктах селились, прежде всего, грамотные представители нерусских народов.

Во время переписи 1939 г. был введен более жесткий критерий грамотности. Выяснялось не только умение читать и писать, но впервые в стране стали учитываться данные о наличии среднего и высшего образования у респондентов, а также сведения о типах учебных заведений, в которых проходило обучение. Поэтому результаты переписи 1939 г. точнее отразили положение с уровнем грамотности горожан. Но в отличие от переписей 1920-х гг. на поставленные переписчиками вопросы о грамотности, обучении и образовании отвечали респонденты, начиная с 9-ти лет.

¹ Уральский статистический ежегодник. 1923–24 г. С. 22–23; Всесоюзная перепись населения. 1926 год. Т. IX. С. 142.

² Там же.

³ Всесоюзная перепись населения. 1926 год. Т. IX. С. 192.

За период между переписями 1926 г. и 1939 г. во всех уральских областях вырос удельный вес грамотных среди горожан: в Свердловской области – с 71,6 до 87,7 %, Пермской – с 78,9 до 89,3 %, Челябинской – с 69 до 85,9 %¹. Однако эти цифры по всем административно-территориальным образованиям края оказались ниже аналогичных общесоюзных (89,5 %) и общероссийских (90,8 %) ² показателей. Вместе с тем в уральских городах процент грамотных был выше, чем по областям в целом и сельской местности. Так, в Свердловской области удельный вес умеющих читать и писать среди всего населения 9-ти лет и старше составил 83,1 %, на селе – 75,8 %; Пермской – соответственно 79,5 и 72,8 %; Челябинской – 79,8 и 75,2 %³].

За 1926–1939 гг. доля грамотных мужчин среди горожан-представителей сильного пола 9-ти лет и старше выросла в Свердловской области с 82,1 до 94,9 %; Пермской – с 88,1 до 95,5 %; Челябинской – с 81,2 до 94,3 %. Таким образом, во всех уральских областях удельный вес неграмотных мужчин не выходил за пределы 4,5–5,7 %⁴, но оказался все-таки выше общесоюзного (4,3 %) и общероссийского (3,5 %) ⁵ уровней.

Среди женщин-горожанок неграмотных было больше, чем среди мужчин, хотя за период между двумя всесоюзными переписями их доля среди жительниц уральских городов сократилась: в Свердловской области – с 37,5 до 18,4 %; Пермской – с 29,2 до 16 %; Челябинской – с 41,5 до 21,5 %⁶. Но показатели грамотности женщин Урала, как и по мужчинам, превышали общесоюзный (16,1 %) и общероссийский (15,1 %) уровни⁷.

Перепись 1939 г. показала, что самый высокий процент грамотности был у горожан от 9 до 19 лет. Он составил в Свердловской области 98,8 %, Пермской и Челябинской – 98,9 %⁸, что стало результатом реализации постановления ЦИК и

¹ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион; сб. мат-лов. С. 129, 235, 291.

² Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. С. 43.

³ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион; сб. мат-лов. С. 129, 235, 291.

⁴ Там же.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. С. 43.

⁶ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион; сб. мат-лов. С. 129, 235, 291.

⁷ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. С. 43.

⁸ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион; сб. мат-лов. С. 129, 235, 291.

СНК СССР от 14 августа 1930 г. «О всеобщем начальном обучении»¹. Тем не менее, неграмотные остались и в этой возрастной когорте. Но их число было гораздо выше среди горожан в возрасте 20–49 лет. Их удельный вес составил в Свердловской области 10 %, Пермской – 8,1; Челябинской – 11,7 %. Особенно много лиц, не умеющих читать и писать, перепись зафиксировала среди городских жителей 50 лет и старше – соответственно 46,7; 43,1; 52,2 %².

Итоги переписи 1939 г. позволяют судить об уровне образования. Из каждой 1000 горожан Свердловской области высшее образование имели 9,8 чел., среднее – 115,2 чел.; Пермской соответственно – 8,8 и 125,8 чел.; Челябинской – 7,0 и 101,9 чел.³ Подавлявшее большинство городского населения Урала обладало только начальным образованием и ниже. Тем не менее, результаты переписи показали, что две трети горожан Урала, имевших высшее и среднее образование, получили его уже при советской власти.

Таким образом, материалы переписей 1920 г., 1926 г. и 1939 г. позволяют сделать выводы о грамотности уральских горожан. Благодаря введению обязательного начального школьного образования и организации системы ликбезов возросла численность умеющих читать и писать не только в детской и подростковой возрастных группах, но и среди взрослого населения. Однако к 1939 г. не удалось достичь полной грамотности даже среди детей и молодежи, более того, в городах всех уральских областей удельный вес грамотных стал ниже общесоюзного и общереспубликанского уровней. На протяжении всего рассматриваемого периода доля грамотных среди мужчин-горожан была выше, чем среди горожанок. К концу 1930-х гг. уровень образования оставался низким.

Одним из первых нормативно-правовых актов Советского государства был Декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах, принятый 20 января 1918 г. Он отделял церковь от государства и школу от церкви, предос-

¹ О всеобщем начальном обучении: постановление ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г. // СЗ СССР. 1930. № 39. Ст. 420.

² Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион; сб. мат-лов. С. 129, 235, 291.

³ Там же. С. 129–130, 235–236, 291–292.

тавлял всем гражданам страны право на свободу совести¹. При этом правящая власть понимала свободу совести не только как свободу отправления религиозного культа, но и как свободу атеизма. Однако уже с первых лет своего существования Советская власть широко развернула атеистическую работу по освобождению населения от религиозного влияния. Всесоюзная перепись населения 6 января 1937 г. должна была показать итоги почти двадцатилетней антирелигиозной деятельности Советского государства, выявить истинное отношение населения к религии. Не случайно, в последней редакции переписного листа в конце 1936 г., буквально накануне переписи, появился вопрос об отношении респондента к религии. Как отмечала В.Б. Жиромская, этот пункт был поставлен по желанию самого Сталина, который был уверен в получении сведений о «поголовном» распространении атеизма среди советского населения. Но с точки зрения правил, принятых в русской статистике, вопрос был некорректным. Он таил в себе возможность получения от респондента заведомо ложной информации, тем более вероятной в стране, где религия считалась на официальном уровне пережитком прошлого в сознании отсталых людей². Всесоюзная перепись населения 1937 г. стала единственной советской переписью, в которой содержался вопрос об отношении населения к религии. Согласно инструкции счетчику следовало опрашивать по пункту «Религия» респондента с 16-ти лет³.

В целом во время переписи верующие не скрывали своего отношения к религии. К этому их призывали и священнослужители в надежде, что многочисленность верующих приведет к прекращению дальнейшего закрытия церквей. В Первоуральске православный священник призывал прихожан безо всякого опасения показывать свою веру⁴. В рабочем поселке Усть-Катав некоторые домохозяйки ради открытия церкви пытались заставить счетчика записать «православный» в отношении всех членов семьи и даже малолетних. Но были и случаи сокрытия

¹ О свободе совести, церковных и религиозных обществах: декрет СНК от 20 января 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. С. 371–373.

² Жиромская В.Б. Верующие и неверующие в 1937 г.: демографическая характеристика. С. 24.

³ См.: Инструкция Центрального Управления народнохозяйственного учета Госплана Союза ССР по заполнению переписного листа всесоюзной переписи населения 1937 года: утверждена СНК СССР 28 апреля 1936 г. // СЗ СССР. 1936. № 25. Ст. 238. С. 378.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. С. 307; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 126.

своего истинного отношения к религии. В Магнитогорске некоторые респонденты записывались как неверующие, «а там пусть знают, что у кого на сердце, а там пусть сами учтут»¹. В Свердловской области на КамГРЭСстрое одна женщина ответила: «Кто его знает, верую я или нет, не знаю, но в душе вот что-то есть, что выше нас, чего-то есть, какая-то сила. Хотя я богу не молюсь давно, но все же пиши «верующая»².

Бестактный вопрос о религии вызывал недоумение у думавших людей. Один из работников КамГРЭСстроя говорил: «К чему вы задаете вопрос рабочему о религии, верует ли он. Раз человек на производстве рабочий, разве он может быть верующим. Я вот 20 лет на производстве и 10 лет не верую в бога. Пиши меня неверующим»³. Десятник того же строительного объекта не смог скрыть своего удивления: «Неужели действительно есть графа вопроса о религии? К чему это? Какое отношение имеет к нашему строительству?»⁴.

Иногда на некорректный вопрос звучали дерзкие ответы. В Кировграде (Свердловская область) преподаватель института техучебы Простокишин на вопрос о религии ответил: «Верю во все, кроме Советской власти»⁵.

Многие граждане впервые должны были определить свое отношение к религии. Переписной персонал фиксировал неоднократные случаи заявлений о том, что тот или иной респондент передумал и просил исправить ответ «верующий» на «неверующий», а иногда, но реже, наоборот. Таким образом, население достаточно серьезно подошло к пункту переписного листа о религии⁶. В Магнитогорске переписчики отметили случай, когда при предварительном обходе мужчина и женщина назвались верующими, а в день переписи просили записать их неверующими. Изменение своего решения они объяснили тем, что первоначально не серьезно отнеслись к этому вопросу⁷. В Юрюзани и Усть-Катаве некоторые жители приходили сами в переписной отдел или присылали записки с просьбой испра-

¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 338. Л. 56, 59.

² Цит. по: Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. С. 189.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 128.

⁴ Цит. по: Жиромская В.Б. Верующие и неверующие в 1937 г. С. 26.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 153.

⁶ Там же. Л. 128.

⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 338. Л. 57.

вить их показания относительно их религиозности¹. В Первоуральске две старушки обратились в переписной отдел с просьбой записать их верующими. «Согрешили, – говорили они, – сатана мутит, две ночи не можем уснуть после того, как записали себя неверующими»². Были и такие случаи. В Магнитогорске респондентка 70-ти лет спросила инструктора, верит ли он. Тот ответил, что не верит, потому что уже пять лет являлся секретарем атеистического издания «Безбожник»³.

Перепись выявила и равнодушно относившихся к религии. На совещании участников переписи населения 16 января 1937 г., организованном Магнитогорским горкомом ВКП (б), инструктор Недорезов рассказывал о встрече с 22-летней женщиной, которая на вопрос о религии ответила: «Конечно, я без веры жить не могу». Но дальше загадочно продолжила: «Я верю в само руководство тов. Сталина, он нам показывает путь, и он, этот путь, приведет нас от социализма к коммунизму». А старушка 70-ти лет, мать двоих сыновей, причины своего атеизма объяснила так: «Потому не верую, что в голодный год мы пришли в комитет взаимопомощи просить корм для коровы. Получила вязанку соломы, иду, увидела попа, тот говорит: «Подойди ко мне, принеси мне солому, у меня корова без подстилки». Я ушла, и с тех пор моя вера пропала, и я верю в того, кто нам дает пользу»⁴. Счетчик Базарова (Магнитогорск) переписывала 70-летнюю неверующую старушку. Причем она давно не верила, «один раз чуть не повесилась на кресте, а потом раздумала, рассердилась на бога»⁵.

Вместе с тем засекреченные отчеты с мест в адрес областных управлений народнохозяйственного учета и обкомов ВКП (б) свидетельствовали о крайнем раздражении населения вопросом о религии. Нередко этот пункт переписного листа вызывал страх перед последствиями в духе того времени. Жители Первоуральска были уверены, что перепись будет проводиться ночью. И эта ночь превратится в

¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 338. Л. 59.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 150.

³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 338. Л. 53.

⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 338. Л. 53–54.

⁵ Там же. Л. 55.

Варфоломеевскую ночь¹. Среди пермских домохозяек распространился слух, что всех верующих уволят со стройки. Однако все они все равно записывались таковыми². В Магнитогорске люди 70-ти лет опасались, что «верующих будут собирать, отправлять куда-то и там заморят голодом»³.

Вопрос о религии породил немало семейных конфликтов. В Магнитогорске сын записался неверующим, говоря: «Я, быть может, как-нибудь и верю, а мать говорит, я тебя тогда из дома выгоню, когда узнаю»⁴. Было и наоборот. В Юрюзани и Усть-Катаве молодежь записывалась верующими под влиянием взглядов родителей, во избежание семейных скандалов. Счетчики неоднократно рассказывали случаи, когда в результате признания неверующим одним из супругов или членом семьи, в которой глава семьи записал себя верующим, происходили семейные раздоры и неприятности. В Усть-Катаве женщина-вдова угрожала 16-летней дочери, служащей в поликлинике, выгнать ее из дома, если она запишется неверующей. На вопрос: «Действительно ли ее дочь верует в бога и молится», женщина ответила примерно так: «Какое там молится, она уже собирается записаться в комсомол, но ведь она же знает, что я ее выгоню, если она отречется от бога»⁵. Гражданин поселка Кудымкар З.М. Надымов выгнал дочь из дома за то, что она записалась неверующей⁶. На КамГРЭСстрое гражданка Ложкова после ответа мужа, что он неверующий, сказала: «Как тебе не стыдно, почему ты мне не говорил раньше, что ты неверующий. Если ты неверующий, то сейчас же уходи от меня, я больше с тобой не живу»⁷.

Переписчики зафиксировали и случаи, когда, невзирая на семейные конфликты, респонденты отстаивали свое истинное отношение к религии. На КамГРЭСстрое рабочий Забелин, по профессии сапожник, 60-ти лет, на вопрос о религии ответил: «Я уже давно не верую ни в кого, и пишите меня неверующим». После чего его жена и 20-летняя дочь, работавшая рассыльной в управлении заво-

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. С. 307.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 128.

³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 338. Л. 53.

⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 338. Л. 57.

⁵ Там же. Л. 59, 112.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 150.

⁷ Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. С. 309.

да «Кислотный», ругали отца, говоря: «Что ты, с ума сошел, почему ты записываешься неверующим, ведь тебя крестили». Но Забелин все-таки был записан неверующим¹.

Городские власти, столкнувшись с достаточно большим количеством верующих еще на стадии предварительных обходов счетчиков, постарались принять меры к изменению ситуации путем усиления антирелигиозной пропаганды. Например, в бараке № 17 Челябинстроя почти все оказались верующими. И только после проведения трех бесед на тему о религии часть из числа проживавших в нем изменила свою предварительную запись².

Тем не менее, перепись населения 1937 г. не выявила «поголовного» атеизма, несмотря на правительственную политику в области религии и общую, достаточно сложную ситуацию в стране. В секретных отчетах с мест, поступавших в областные УНХУ и комитеты ВКП (б), говорилось о довольно высоком проценте верующих. В Перми семь молодых женщин в возрасте 17–20 лет, проживавших в одной комнате общежития фабрики «Промодежда», записались верующими. В общежитии Уралвагонстроя в Нижнем Тагиле в одной из комнат все 12 женщин в возрасте 17–29 лет сказались верующими. Подобная ситуация была и в других комнатах указанных общежитий³. В рабочем поселке Нижний Кыштым из 50 домов, расположенных на одной улице, только в двух прожили атеисты, т.е. всего 10 из 150 чел. оказались неверующими. В городском районе Егоза (Кыштым) издавна жил старый костяк рабочих и служащих литейно-металлургического и электролитного заводов и учреждений культуры. И большая часть его сказала верующей, причем это были старообрядцы и дырники⁴. Выборочный материал по Юрюзани показал, что на окраинах города доля не отказавшихся от религиозных предрассудков среди населения в возрасте 18 лет и старше достигала 61,5 % (113 из 184 чел.). Этот показатель составил в центре Усть-Катава 52 % (461 из 887 чел.), а на окраинах – 63 % (292 из 462 чел.)⁵.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 129.

² ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 68. Л. 10.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 143. Л. 151.

⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 338. Л. 67.

⁵ Там же. Л. 59.

Данные табл. 74 свидетельствуют о том, что религиозность населения даже крупных городов Челябинской области была достаточно высока. Выборочные данные переписи населения 1937 г. показали, что верующими были примерно треть челябинцев, свыше 40 % златоустовцев и чуть больше половины магнитогорцев. Религиозность горожан возрастала с возрастом. Подавляющее большинство населения трех крупных городов Челябинской области свыше 50-ти лет было верующим, тогда как в возрасте 16–29 лет таковых было в Челябинске 16,8 %, Златоусте – 24,4, Магнитогорске – 37,9 %. Но в целом этот показатель оказался ниже, чем по СССР. Доля верующих во взрослом населении Советского Союза составила 57 %¹.

Таблица 74²

Доля верующих в населении крупных городов Челябинской области
(по выборочным предварительным итогам переписи 1937 г.)

Возрастные группы, лет	Челябинск			Магнитогорск			Златоуст		
	Всего, чел.	В том числе: верующие		Всего, чел.	В том числе: верующие		Всего, чел.	В том числе: верующие	
		Чел.	%		Чел.	%		Чел.	%
16–17	381	44	11,5	331	99	29,9	183	23	12,6
18–19	552	98	17,7	412	128	31,1	254	45	17,7
20–24	1624	270	16,6	1191	483	40,5	669	173	25,8
25–29	1471	265	18,0	1139	455	39,9	759	214	28,2
30–39	1896	393	20,7	1291	627	48,6	996	375	37,6
40–49	962	345	35,9	783	490	62,6	560	286	51,1
50 и выше	1262	829	65,7	919	784	85,3	721	553	76,7
Итого:	8148	2244	27,5	6066	3066	50,5	4142	1669	40,3

При этом не указали свою принадлежность к религии в Челябинске 31 чел. (0,4 %), Златоусте – 18 (0,4 %), Магнитогорске – 17 чел. (0,3 %). Подавлявшее большинство из них было в возрасте 16–17 лет, в том числе в Челябинске – 17 чел., Златоусте – 11, Магнитогорске – 13 чел.³.

Обращает на себя внимание значительный удельный вес верующих в Магнитогорске. Участники проведения переписи населения на совещании, организован-

¹ Жиромская В.Б. Верующие и неверующие в 1937 г. С. 26–27.

² Таблица составлена по: ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 5. Д. 498. Л. 239–241.

³ Рассчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 5. Д. 498. Л. 239–241.

ном Магнитогорским горкомом ВКП (б) 16 января 1937 г., искренне недоумевали, что сталкивались с верующими респондентами в своем новом городе. Они говорили о том, что «заставляет задуматься вопрос, каким же образом некоторая молодежь 18–20 лет, живя у нас в Магнитогорске, в котором никогда не было ни одной церкви, и вот эти молодые люди заявляют, что они верят». Но объясняли этот феномен слабой атеистической работой среди населения, а также силой «родительской власти, как здесь это и подтвердилось. Это значит, что мы не сумели освободить этих людей от влияния их родителей»¹.

Выборочные предварительные данные переписи 1937 г. показали, что, если в целом по Челябинской области удельный вес верующих составил 32,1 %, то по городским поселениям края он оказался несколько ниже – 29,8 %. В Челябинске этот показатель был равен 19,3 %, Златоусте – 26,8, прочих поселениях городского типа – 29,7 %. Только в Магнитогорске он немного превысил общеобластной уровень и составил 32,5 %². Однако следует учесть, что в этих выборочных данных доля верующих определялась не от числа жителей с 16 лет и старше, а от всей массы населения. И в действительности приверженцев религии было гораздо больше. В целом доля верующих в Челябинской области оказалась значительной. Такая же ситуация, по-видимому, была и в Свердловской области, хотя в архивах не сохранились обобщающие данные по удельному весу верующих среди горожан данной административно-территориальной единицы Урала. В дальнейшем власти учли печальный опыт определения отношения респондентов к религии. В переписном листе Всесоюзной переписи населения 1939 г. уже не было подобного вопроса.

Таким образом, под воздействием промышленной модернизации Урала изменился социально-экономический и этнический состав уральских городов. Благодаря государственной политике по ликвидации неграмотности и введению обязательного начального образования выросло число грамотных горожан, но среди них по-прежнему было достаточно много верующих.

¹ ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 2. Д. 338. Л. 49–50.

² ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 5. Д. 498. Л. 237–241.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время обострение демографической ситуации в России вызвало необходимость ретроспективного исследования проблемы народонаселения как составляющей исторического процесса. Особое значение в истории народонаселения Урала имеют 1920–1930-е гг., вобравшие в себя важнейшие социально-экономические и политические события и оказавшие существенное влияние на демографическое развитие региона. Эти два десятилетия XX в. характеризовались быстрым ростом городского населения.

Для исследования процессов, протекавших в городских поселениях Урала в 1920–1930-е гг., необходима достоверная, системная и многообразная информация. В 1920-е гг. в городах региона была создана система статистических органов, укомплектованных достаточно квалифицированными кадрами. Они наладили текущий учет демографических событий. Статистики края занимались не только сбором демографической информации, но и ее разработкой, о чем свидетельствовали многочисленные публикации в статистико-экономических изданиях Урала. В 1930-е гг. статистические органы были преобразованы в органы народнохозяйственного учета. В новых политических реалиях обнаружение аналитических статистических материалов и их разработка прекратились. В целом текущий учет естественного движения и миграций населения в уральских городских поселениях, несмотря на все его недостатки, отразил динамику демографических процессов. Вместе с тем учет миграций горожан был налажен значительно позже и хуже, чем учет естественного движения.

Органы статистики и народнохозяйственного учета Урала подготовили и провели целый ряд переписей. В рамках рассматриваемого периода состоялись Всероссийская перепись населения 1920 г., Всесоюзная городская перепись 1923 г., Всесоюзные переписи 1926, 1937 и 1939 гг. Первая советская перепись была проведена в условиях становления местных статистических органов, на которые легла основная работа по ее организации и осуществлению в городских поселени-

ях края. И уральские статистики в целом справились с этой задачей. Однако перепись в регионе была проведена, когда Урал еще не оправился от последствий Первой мировой и Гражданской войн, домой еще не вернулись мобилизованные в различные армии и беженцы, не репатриировались военнопленные. К тому же в Тюменской губернии переписью было охвачено всего 94,5 % населения. Все эти причины очень быстро обесценили итоги переписи 1920 г.

Организация и проведение городской переписи 1923 г. во многом опирались на опыт предыдущей переписи. Она отразила глубокие изменения в демографических показателях городского населения Урала под воздействием неурожая и голода 1921 г., закрытия массы нежизнеспособных предприятий и укрепления жизнеспособных промышленных объектов, социального расслоения общества в связи с реализацией новой экономической политики.

Огромная подготовительная работа была проведена уральскими статистиками накануне Всесоюзной переписи населения 1926 г. Для ее руководства при Уралстатуправлении была образована областная комиссия по переписи, которой подчинялись городские статистики. В ходе нее был пересмотрен список городских поселений региона, уточнена городская черта в современном ее виде с примыкавшими к ней территориями, подготовлен плановый материал по населенным пунктам. Особое внимание было обращено на формирование массовых кадров переписчиков и агитационно-массовую работу среди населения по вопросу значения переписей в хозяйственной и культурной жизни горожан. Подготовительная работа дала свои результаты, что проявилось в достаточно полном охвате респондентов. Все последующие переписи 1930-х гг. использовали опыт организации и проведения переписи 1926 г.

Развернувшаяся в рамках первых пятилеток индустриализация Урала привела к быстрой урбанизации региона, возникновению новых городов и вызвала острую необходимость в новой переписи, которая постоянно откладывалась. Но потребности экономики способствовали проведению региональной переписи населения в Магнитогорске в 1931 г. Всесоюзная перепись состоялась в 1937 г. Ей

сразу же придали политизированный характер, так как она должна была отразить перемены в стране под воздействием социалистического строительства. Областное и городское партийно-советское руководство взяло под особый контроль подготовку к ней. Но перепись выявила значительные расхождения между исчислением городского населения Урала накануне нее и ее предварительными итогами и не дала ожидаемых властью результатов, что предопределило ее судьбу. Работа по разработке данных переписи была прекращена, ее материалы – засекречены, ряд руководящих работников органов народнохозяйственного учета Урала был репрессирован.

В период подготовки и проведения переписи 1939 г. вопрос о численности, прежде всего, городского населения приобрел еще более значимый характер, даже по сравнению с 1937 г. Для получения прогнозируемых результатов впервые в практике советских переписей были предусмотрены меры репрессивного порядка по отношению к респондентам.

Областные и городские власти Урала по примеру предыдущей переписи взяли под особый контроль подготовку к ней, что проявилось в постоянном заслушивании работников областных УНХУ и городских НХУ на заседаниях обкомов и горкомов ВКП (б), облисполкомов и горсоветов. В помощь местным органам НХУ направлялись бригады партийных и советских активистов. Этот контроль не ослабевал вплоть до сдачи материалов уральскими облУНХУ в ЦУНХУ и УНХУ РСФСР. Для успешного проведения переписи была проделана значительная работа по технической подготовке к ней, подбору и обучению переписных кадров. Для активного включения населения в перепись развернулась многообразная массово-разъяснительная работа по предстоявшему демографическому событию. Накануне переписи 1939 г. в уральских городах и рабочих поселках прошла тщательная проверка полноты учета населения, в ходе которой устранялись недостатки в текущем учете горожан. Эта работа способствовала максимальному охвату городских жителей переписью, что обеспечило достаточно высокую точность ее результатов.

В рассматриваемый период разработали понятия «городское поселение» и «городская черта», от которых зависела точность сведений о численности городского населения. Одновременно шел процесс уточнения списка городских поселений Урала. При этом различали обычный список, который включал городские поселения, признанные таковыми в законодательном порядке, и статистический, в который вошли поселения, отвечавшие двум требованиям – численности и занятиям населения. Если список городских поселений в 1920 г. включал 239 поселений, в 1923 г. – 205, то в 1926 г. – 159, в том числе 31 город. В 1920–1930-е гг. городская поселенческая сеть Урала пошла по пути, во-первых, законодательного оформления городов. За 1926–1939 гг. в границах Пермской, Свердловской и Челябинской областей официально статус города получили 22 поселения. Во-вторых, шел процесс укрупнения городов, в единые города были объединены Пермь и Мотовилиха, Березники и Усолье. В состав городов включали пригородные поселки. В-третьих, изменилось распределение городского населения Урала по типам населенных пунктов. Если в первой четверти XX в. основная масса горожан (90 %) проживала в окружных городах и в поселениях при заводах, то к началу 1932 г. свыше 74 % их концентрировалось в индустриальных центрах. В годы промышленной модернизации края отчетливо проявился тренд к росту числа крупных городов вокруг промышленных гигантов. Если до 1926 г. на Урале не существовало ни одного города с населением свыше 100 тыс. чел., то в 1939 г. их уже было 5, в них проживала треть (35,8 %) горожан региона. Под воздействием индустриализации основная часть населения стала концентрироваться в индустриальных центрах, на долю которых уже к началу 1932 г. приходилось 74,4 % горожан Урала, в то время как в 1920 г. – 69,5 %. В результате развития городской поселенческой сети выросло количество городов на Урале. В 1937 г. в границах Свердловской и Челябинской областей было 40 городов, а 1939 г. – 47 (в Пермской, Свердловской и Челябинской областях), не считая рабочих поселков и поселков городского типа. Границы городских поселений имели официально утвер-

жденную городскую черту. В целом сформировалась городская поселенческая сеть современного Урала.

Статистика по Уралу показывает, что в первые 20 лет XX в. наблюдался устойчивый рост населения региона и его горожан вследствие строительства Транссибирской железнодорожной магистрали и столыпинской аграрной реформы, расширения военного производства и притока мигрантов в города в годы Первой мировой войны. Но перепись 1920 г. свидетельствовала, что в городах Урала проживало всего 19 % населения. При этом 53,6 % горожан приходилось на Горнозаводский Урал, где концентрировалась основная масса промышленных объектов. Уровень урбанизации данной полосы Урала уже в те годы был высоким и составил 47,7 %.

Переход Урала от войны к мирному хозяйственному строительству был крайне тяжелым, что отразила Всесоюзная городская перепись 1923 г., зафиксировавшая абсолютное сокращение городского населения во всех 4-х губерниях, вошедших вскоре во вновь образованную Уральскую область. За период между переписями 1920 и 1923 гг. городское население сократилось на 12,4 %. Причинами этого стали, прежде всего, тяжелая экономическая ситуация в крае, способствовавшая обезлюдиванию городов; демобилизация части военнослужащих, расквартированных в регионе, и возвращение их на родину, расформирование государственных учреждений, обслуживавших нужды военных в годы Гражданской войны. На численность конкретных городов оказали влияние административно-территориальные преобразования в крае: часть из них потеряла свой административный статус, поэтому служащие упраздненных учреждений вместе с семьями и обслугой переехали в другие города. Но перепись 1923 г. показала, что в целом ряде городских поселений, где условия жизни оказались более приемлемыми для человека, численность жителей даже выросла.

В отличие от части территории Европейской России, где процесс восстановления человеческой массы начался с 1921 г., в уральских городах постепенный численный рост горожан был отмечен только с 1924 г. вместе с позитивными

сдвигами в экономике. При этом темпы их роста были выше, чем селян, и в декабре 1926 г. удельный вес жителей городских поселений составил уже 20,8 % населения Урала, превысив аналогичные общесоюзные (17,9 %) и общероссийские (18 %) показатели. Однако по уровню урбанизации область уступала ведущим промышленным районам страны.

Проведенное исследование показало, что Первая мировая и Гражданская войны оказали существенное влияние на демографические характеристики Урала и сильнее ударили по мужской половине городского населения края, резко повысив долю женщин в числе горожан – до 54,2 % в 1920 г. Но по мере осуществления нэпа, а также возвращения мужчин домой из армии, плена и пр., проявилась устойчивая тенденция к постепенному выравниванию соотношения мужчин и женщин. По переписи 1926 г. удельный вес женщин среди горожан снизился до 52,8 %. В городской местности восстановление нормального соотношения полов шло быстрее, чем в сельской, так как промышленное производство региона требовало прежде всего мужчин. Разрыв между горожанами и горожанками в крае был значительнее, чем в РСФСР: 1117 женщин в крае против 1063 в республике на 1000 мужчин..

Первая мировая и Гражданская войны оказали влияние на долю трудоспособных среди горожан. По данным переписи 1920 г., их оказалось меньше среди мужчин, чем среди женщин. Такой разрыв сохранялся на протяжении 1920-х гг. Но демографическая специфика региона проявилась в том, что процент потери мужчин в трудоспособном возрасте был ниже, чем в целом по стране. Эта особенность края создала основу для быстрого восстановления трудоспособного населения, хотя его доля в общей численности горожан продолжала уменьшаться – с 57,7 (1920 г.) до 54,8 (1926 г.) %.

Курс на форсированную индустриализацию и создание на Урале Второй угольно-металлургической базы страны внес существенные коррективы в демографическое развитие региона. Резко увеличились темпы прироста горожан. В итоге только за пять лет (1928–1932 гг.) численность жителей городов выросла

почти в два раза. Для такого удвоения США потребовалось три, Англии и Франции – шесть десятилетий. Удельный вес горожан Уральской области за одну первую пятилетку поднялся с 21,7 до 36,9 % при одновременном сокращении абсолютной и относительной численности селян. Уровень урбанизации региона по-прежнему превосходил общесоюзные (24,3 %) и общереспубликанские (25,1 %) показатели. В итоге выросла доля уральцев среди горожан СССР – с 5,5 (начало 1928 г.) до 7,3 (1932 г.) % и РСФСР – с 9,1 (июль 1931 г.) до 10,3 (1932 г.) %.

Промышленная модернизация Урала сопровождалась резким ростом численности мужчин из-за специфики промышленного производства края. В итоге в 1932 г. была практически ликвидирована диспропорция между полами. Изменился и возрастной состав горожан. Результаты апрельского учета 1931 г. показали преобладание трудоспособных среди городских жителей Урала – удельный вес лиц в возрасте 16–59 лет составил 62,6 %, а на новостройках – 73,3 %. Особенно много трудоспособных было среди мужчин-горожан – 64,2 % против 60,9 % среди женщин.

Перепись 1937 г. подтвердила быстрый рост численности городского населения Урала, хотя ее результаты оказались ниже, чем данные исчисления 1936 г. За период между переписями 1926 и 1937 гг. городское население Свердловской области увеличилось в 2,5 раза, а Челябинской – в три раза. Удельный вес жителей городов в общей численности населения Свердловской области за это время поднялся с 26,7 до 51 %, Челябинской – с 15,8 до 43,6 %, значительно превысив общесоюзные (31,6 %) и общероссийские (33,1 %) данные. При этом продолжилось сокращение сельского населения.

В предварительные итоги переписи 1937 г. вошли и лица, переписанные в особом порядке. Они показали, что подавляющее большинство спецконтингентов «Б» и «В» НКВД в Челябинской области было сосредоточено в городской (84,3 %), а Свердловской – в сельской (65,2 %) местности. Значительная часть их находилась в Магнитогорске (46 % всех проживавших в городских поселениях Челя-

бинской области). Но в целом спецконтингенты составили незначительную часть горожан, даже в Магнитогорске их доля не превышала 22 % жителей города.

Перепись 1939 г. подтвердила стремительный рост горожан под воздействием промышленной модернизации края. За 1926–1939 гг. городское население Челябинской области выросло более чем в 3 раза, Пермской и Свердловской – более чем в 2,5 раза, тогда как СССР и РСФСР – более чем в 2 раза. Темпы роста горожан были выше, чем всего населения областей. В итоге удельный вес горожан поднялся в Пермской области до 39,6 %, Челябинской – 42,2, Свердловской – 59,9 %, а в СССР он был 32,9 %, РСФСР – 33,7 %. Таким образом, уже в довоенный период в Свердловской области горожан стало больше, чем селян. К этому показателю приближались и другие области. Превращение Урала в промышленный центр страны имело своим следствием ускоренную урбанизацию края. По ее уровню Свердловская область уступала только двум регионам страны, а Челябинская – еще пяти. Но уральские регионы находились на экстенсивной стадии урбанизационного перехода, который характеризовался высокими темпами роста количества городов вследствие масштабных административных преобразований сельских населенных пунктов в городские и строительства новых городов, а также численности и удельного веса городского населения.

Перепись 1939 г. выявила специфику возрастной структуры городского населения уральских областей. Оно было молодым по своему возрастному составу: доля детей и подростков до 14 лет составила примерно 33 %, лиц от 15 до 29 лет – в среднем 31,7 %. В целом в уральских городах удельный вес детей до 14 лет был выше, а пожилых людей ниже, чем в РСФСР. Доля лиц с 15 до 29 лет была примерно аналогична общероссийским показателям. К концу 1930-х гг. в уральских городах вновь была нарушена половозрастная структура. Несоответствие между полами особенно проявлялось в возрастной когорте с 11 до 29 лет и с 40 лет и выше, что явилось следствием социально-экономических и политических катаклизмов 1930-х гг.

Главными источниками формирования городского населения Урала были воспроизводство и миграции населения.

В 1920–1930-х гг. воспроизводство горожан в большей степени находилось под прямым влиянием развития общества в целом, его социальных потрясений. Переход от Гражданской войны к мирному строительству происходил в тяжелейшей экономической и эпидемиологической обстановке в городских поселениях Урала из-за глубочайшего экономического кризиса, разрушения городского хозяйства и системы здравоохранения, ухудшения условий жизни населения, массы беженцев из голодавших губерний Европейской части РСФСР и сельской местности региона. В городских поселениях края резко выросла смертность, превысившая рождаемость. Урал оказался в состоянии демографической катастрофы. Началась депопуляция населения, что отрицательно сказалось на динамике численности горожан Урала. Демографическая ситуация в городах региона была настолько тяжелой, что стала объектом специального изучения местными врачами. Только благодаря самоотверженной работе медиков, чрезвычайным мерам, принятым губернскими и городскими властями, помощи, оказанной голодавшим уральцам зарубежными общественными организациями, удалось преодолеть демографическую катастрофу. С 1923 г. начался процесс восстановления естественного прироста горожан. Вместе с тем и в 1924 г. встречались случаи смерти от истощения вследствие недоедания и от цинги как отголоски прежних тяжелых с точки зрения демографического развития лет.

Улучшение экономической ситуации в Уральской области положительно сказалось на демографическом развитии городских поселений региона. С 1924 г. край вступил в непродолжительный период компенсаторной рождаемости. В середине 1920-х гг. коэффициенты рождаемости и естественного прироста жителей городских поселений Уральской области превосходили аналогичные показатели по Европейской части СССР и РСФСР. В 1924–1925 гг. на 1000 горожан родилось на Урале соответственно 54,3 и 50,3 чел. против 42,9 и 44,2 чел. в Европейской части СССР и 43,5 и 44,9 чел. в Европейской части РСФСР. Однако и уровень

смертности горожан, хотя и снизился, но оставался достаточно высоким и превышал показатели ее по стране в целом. В 1925 г. на 1000 горожан умерло в Уралобласти 29,7 чел., в Европейской части РСФСР – 17,8 чел.

С середины 1920-х гг. в уральских городах обозначился устойчивый тренд к снижению рождаемости при сохранении достаточно высокой смертности, от которой зависела величина воспроизводства горожан. Однако на протяжении всего периода 1924–1928 гг. в Уральской области сохранялись более низкие коэффициенты смертности горожан по сравнению с селянами и жителями региона в целом. Рождаемость в городских поселениях, за исключением 1924 г., уступала сельским и области в целом.

Для компенсаторного периода характерна повышенная смертность мужчин в уральских городах. Их доля среди умерших горожан не выходила за рамки 52,7–53,5 %. Диспропорция между умершими по полу в городских поселениях края была более существенной, чем в сельских и по области в целом. В итоге в 1926 г. на Урале продолжительность жизни мужчин-горожан исчислялась в 34,5 года, а женщин-горожанок – в 41,2 года, что было ниже средних показателей по Европейской части РСФСР – 42 года для мужчин и 47 лет для женщин.

В целом улучшение демографической ситуации в уральских городах в 1924–1928 гг. не смогло полностью компенсировать людские потери 1914–1922 гг., имевшие долгосрочные негативные демографические последствия.

Сохранившиеся статистические данные за 1924–1928 гг. показывают, что основная масса горожан Урала погибала от экзогенных причин смерти, которые были обусловлены тяжелыми жилищно-бытовыми условиями, коммунальной неблагоустроенностью городов, характером основных промышленных производств края, состоянием медицинского обслуживания населения, уровнем его санитарно-гигиенической культуры. Вместе с тем возрастные группы горожан имели специфику в причинах смерти. Большинство детей от 1 до 9 лет умирало от воспаления легких, детских инфекций, диареи и энтерита, воспаления мозговых оболочек, натуральной оспы, туберкулеза. Горожане трудоспособного возраста (20–59 лет) по-

гибали, прежде всего, от туберкулеза, болезней сердца, воспаления легких, онкологических заболеваний, болезней органов пищеварения и внешних причин. Но в течение рассматриваемого периода сократилось число лиц трудоспособного возраста, умиравших от разных видов тифа.

В 1924–1928 гг. в уральских городских поселениях работа по снижению заболеваемости и смертности населения проводилась в нескольких направлениях. Прежде всего, увеличилось финансирование здравоохранения Урала, что позволило перестроить медицинское обслуживание на основе общедоступной, бесплатной, квалифицированной лечебной и профилактической помощи населению региона. Во-вторых, расширилась сеть лечебно-профилактических учреждений, увеличилось число медицинских работников, в том числе врачей, появились новые виды медицинской помощи, проводилась определенная работа по санитарно-гигиеническому просвещению масс и улучшению санитарного состояния городов. Все это способствовало некоторому снижению смертности горожан. Но к концу 1920-х гг. не удалось изменить структуру смертности жителей городских поселений.

Компенсаторный период оказался непродолжительным в уральских городах. Промышленная модернизация, развернувшаяся в крае с конца 1920-х гг., оказала влияние на демографическую ситуацию в регионе и первоначально отрицательно сказалась на воспроизводстве горожан. Произошло резкое снижение рождаемости на фоне возросшей смертности городского населения Уральской области, что привело к существенному снижению естественного прироста горожан. В 1933 г. негативная демографическая ситуация приобрела характер демографической катастрофы, нарушившей демографические процессы в городах на все последующие годы. Ее масштабы оказались значительнее, чем в городах РСФСР и сопредельных территорий, по области в целом и ее сельской местности. Наиболее значимые демографические потери испытали крупные промышленные центры и новостройки. Более того, в Свердловске, Челябинске, Магнитогорске и других городах демографическая катастрофа длилась дольше, чем в других городах Урала.

Только в 1935 г. все города региона смогли полностью ее преодолеть. Рост смертности в первые годы индустриализации привел к сокращению продолжительности жизни населения СССР. В 1929–1931 гг. люди доживали в среднем до 35 лет.

Одной из основных причин увеличения смертности городского населения Урала в 1929–1933 гг. стал приток мигрантов в промышленные центры и особенно на новостройки, в том числе спецпереселенцев. Они обострили и без того сложную ситуацию в городском хозяйстве и здравоохранении края. Города, как и в начале 1920-х гг., столкнулись с эпидемиями острозаразных болезней. Тяжелая эпидемиологическая ситуация в городах Урала в начале 1930-х гг. потребовала от областных и городских властей чрезвычайных мер. Были созданы чрезвычайные органы по борьбе с эпидемиями, которые централизовали все усилия по решению этой проблемы. Работа по преодолению эпидемий шла в нескольких направлениях: своевременное выявление и госпитализация инфекционных больных, оказание им необходимой медицинской помощи, осуществление широкого комплекса оздоровительных мероприятий, в которые была вовлечена общественность, санитарно-просветительная работа. Все предпринятые меры помогли снизить масштабы эпидемий и уменьшить смертность от них.

Остроинфекционные болезни получили такой размах и имели негативные последствия для воспроизводства горожан из-за серьезных перебоев в обеспечении городского населения Урала продуктами питания, которые привели к хроническому недоеданию и даже голоданию людей. Эти продовольственные трудности были спровоцированы аграрным кризисом начала 1930-х гг. В 1933 г. уровень смертности от болезней из-за неполноценного питания в городах будущей Свердловской области оказался выше, чем в целом по городским поселениям РСФСР, – 1,9 против 1,8 %. Только с лета 1933 г. в городах произошли качественные изменения в снабжении населения продовольствием и организации общественного питания трудящихся. Но еще ряд лет уральские горожане умирали от болезней на почве неполноты питания.

С середины 1934 г. городские поселения Урала вступили в период демографической регенерации. Резко сократилась смертность, а величина естественного прироста горожан региона вновь стала положительной. С 1935 г. во всех городах края был отмечен рост рождаемости, пик которой наблюдался в 1937 г. (47,3 ‰ в Свердловской и 45,2 ‰ в Челябинской области) и был связан с запретом на аборт в 1936 г.

Годы промышленной модернизации Урала характеризовались сверхсмертностью мужчин по сравнению с женщинами. Более того, в целом уровень смертности мужчин-горожан превысил аналогичные показатели по уральским областям и сельской местности. Самыми масштабными мужские потери были в 1933 г. Наибольшая диспропорция между умершими по полу приходилась на трудоспособный возраст. Только в старческой возрастной когорте женщин умирало больше, чем мужчин. Сложная социально-экономическая и политическая обстановка в стране, тяжелый труд на предприятиях губительно сказывались на мужчинах.

В годы промышленной модернизации, как и в предыдущее десятилетие, горожане Урала погибали в основном от болезней экзогенного происхождения. Вместе с тем благодаря деятельности государства по развитию здравоохранения удалось значительно снизить заболеваемость и смертность от тифа и других острозаразных инфекций. В результате обязательного оспопрививания к 1936 г. натуральная оспа была ликвидирована на всей территории Урала, как и страны в целом. Но сохранялась высокая смертность от детских инфекций. Города Урала периодически сталкивались с эпидемиями кори и других детских заболеваний. По-прежнему много горожан умирало от болезней органов пищеварения и легочных заболеваний. Выросла и онкологическая смертность. Увеличение доли умерших по этим причинам смерти связано с ухудшением экологической ситуации в годы индустриализации.

Значительное сокращение смертности городского населения Урала было невозможно без снижения уровня младенческой смертности, которая обесмысливала высокую рождаемость. В 1920-е гг. маленькие жители городов умирали в

основном от экзогенных причин смерти, среди которых лидировали болезни органов пищеварения и дыхания, болезни новорожденных и инфекционные заболевания.

Для борьбы с младенческой смертностью в 1920-е гг. были приняты и начали реализовываться законодательные акты и декреты об охране материнства и младенчества, включая охрану труда беременных женщин, предоставление им отпуска до и после родов, перерывов в работе для кормления ребенка грудью. Начала развиваться система родовспоможения и медицинской помощи матери и ребенку. Было положено начало созданию инфраструктуры ухода за детьми до одного года (молочные кухни, ясли, патронажная система, приюты для грудных детей). Активно проводилась санитарно-просветительная работа среди населения как часть профилактического направления советского здравоохранения. Все эти меры привели к сокращению удельного веса детей до одного года среди умерших горожан Урала с 44,1 до 39,6 % и уменьшению коэффициента младенческой смертности с 231,4 до 203,8 ‰ за 1924–1928 гг.

За 1929–1932 гг. в условиях развернувшейся на Урале индустриализации и на фоне сокращения рождаемости вырос коэффициент младенческой смертности горожан с 235,4 до 279,5 ‰, превысив аналогичные показатели по Европейской части СССР (соответственно 164,9 и 191,4 ‰). Своего пика гибель детей до года достигла в голодном 1933 г., когда в среднем умирало до трети всех родившихся в уральских городах.

Колоссальная младенческая смертность, особенно на новостройках региона, вызвала обеспокоенность властей. Были приняты меры по ее снижению. Во-первых, продолжилась работа по расширению сети медицинских учреждений охраны материнства и младенчества. В 1940 г. в среднем до 95 % родов было принято во врачебных учреждениях уральских городов. Во-вторых, медикам региона удалось решить важнейшую проблему акушерства – разработать и внедрить в практику метод обезболивания родов, сделавший акт рождения ребенка более щадящим для женщин и имевший неожиданный результат – уменьшилось число

абортов. В-третьих, особое внимание уделили выхаживанию младенцев. Получил дальнейшее развитие патронаж, выросло количество молочных кухонь, они охватывали все большее число детей. Вместе с тем в 1930-е гг. не удалось добиться снижения смертности горожан Урала по причинам болезней беременных и новорожденных.

Определенное влияние на динамику воспроизводства жителей городских поселений оказывал аборт. В 1936 г. была предпринята попытка его запрещения. Но выросло число криминальных абортов, которые нередко заканчивались смертельным исходом для женщин.

В целом к концу 1930-х гг. наметилась тенденция к сокращению естественного прироста населения уральских городов за счет снижения рождаемости и неровного, скачкообразного характера динамики смертности (смертность колебалась в 1937–1940 гг. в рамках 22,4–27,6 ‰ в Свердловской и 22,6–25,7 ‰ в Челябинской области).

Исследование показало, что в 1920–1930-х гг. уральские городские поселения находились на этапе демографического перехода от традиционного типа воспроизводства населения с его высокими показателями смертности и рождаемости к современному с характерными для него низкими параметрами смертности и рождаемости. Согласно классической теории на первой фазе демографической трансформации происходит снижение смертности и радикальное изменение структуры причин смерти. Вторая фаза связана с быстрым падением уровня рождаемости. Демографический переход начался на уральской территории, как и во всей стране, позже, чем в западноевропейских государствах, и был осложнен рядом факторов, которые обусловили его специфику. Особенность демографической трансформации в городских поселениях Урала проявилась в смешении двух ее фаз. Во второй половине 1920-х гг. четко проявился тренд к снижению рождаемости горожан при сохранении достаточно высоких, но неустойчивых показателей смертности, на которую влияла высокая младенческая смертность. Но и смертность также проявила тенденцию к снижению, хотя и не такую четкую, как рождаемость.

В рассматриваемый период естественный ход демографической транзиции неоднократно прерывался под прямым воздействием общества. Городские поселения Урала пережили две демографических катастрофы с резким повышением смертности и снижением рождаемости, убылью населения. Резкий рост рождаемости в 1937 г. был обусловлен запретом на аборт. Только к концу 1930-х гг. вновь проявилась отчетливая тенденция к снижению как рождаемости, так и смертности населения. В рассматриваемый период в городских поселениях Урала только формировались необходимые условия для устойчивого сокращения смертности. Таким образом, к концу 1930-х гг. в городских поселениях Урала не удалось завершить первую фазу демографического перехода.

Города региона переживали первую стадию эпидемиологического перехода, когда благодаря развитию медицины и фармакологии, улучшению условий труда и быта горожан, повышению уровня их грамотности и культуры наметились положительные результаты борьбы с инфекционными и паразитарными болезнями, туберкулезом, болезнями, связанными с недоеданием, то есть болезнями, которые вызывались экзогенными причинами. Но удалось ликвидировать только одну подобную болезнь – натуральную оспу.

Уральские города при всей сложности демографической ситуации в 1920–1930-е гг. смогли значительно увеличить численность своих жителей за счет миграционного движения населения. Количество приезжих особенно возросло в годы промышленной модернизации. Основным источником пополнения горожан стала уральская деревня. Численность городского населения также увеличивалась и за счет жителей сопредельных территорий. Особое значение имели Башкирская и Татарская АССР, Кировский край, Поволжье. Среди мигрантов были выходцы и из других регионов страны, но они не играли особой роли среди новых пополнений городов. Среди вновь прибывшего пополнения горожан преобладали мужчины трудоспособного возраста. По социальному положению это было самодеятельное население, в основном рабочие. В связи с социалистическим преобразованием сельского хозяйства уральские города, особенно крупные новостройки,

стали активно пополняться спецпереселенцами. Многочисленные приезжие помогли сгладить последствия демографических кризисов и катастроф в уральских городах в рассматриваемый период

Таким образом, в уральских городах происходил миграционный переход. В рассматриваемый период, как убедительно доказал Г.Е. Корнилов, было две фазы. Первая охватывала период нэпа, когда миграции были обусловлены социально-политическими факторами: послевоенной хозяйственной разрухой, голодом 1921–1922 гг., начавшимися восстановительными процессами в экономике края. Вторая фаза связана с промышленной модернизацией региона и коллективизацией, которые вызвали массовые миграции сельского населения в города. При этом миграционный переход даже опережал развертывание первой фазы демографического перехода.

В годы нэпа уральским городам была свойственна характерная для рыночного хозяйства социально-экономическая структура населения. Среди горожан были рабочие, служащие, прислуга, лица свободных профессий, хозяева, рентье-ры, деклассированное население, иждивенцы и проч. Но большинство самостоятельных горожан составляли рабочие и служащие. Переписи 1923 и 1926 гг. показали, что основная часть рабочих была сосредоточена в негубернских (позже – неокружных) городах и поселках городского типа, в то время как в Европейской России – в губернских городах. Рабочие имели достаточно развитую профессиональную структуру, но самую группу составляли металлисты. Уже в середине 1920-х гг. 99,5 % рабочих было занято на предприятиях социалистического сектора экономики, что превышало показатели по СССР (98,2 %). Служащие в основном концентрировались в административно-территориальных центрах, превышая численность рабочих в них. Свыше трети служащих уральских городов занималась оказанием нематериальных услуг государству и отдельным гражданам.

Либерализация экономики привела к росту социальной группы «хозяева». Специфика уральских городов состояла в том, что слой предпринимателей был небольшим, их удельный вес среди занятых горожан не поднимался выше 0,4 %,

что было ниже аналогичных общесоюзных и общероссийских показателей (0,7 %). В целом в силу специфики региона в городах Урала хозяева были сосредоточены в основном в кустарно-ремесленной промышленности, сельском хозяйстве и торговле. В городах были и безработные, безработица на протяжении всего периода нэпа была ниже общесоюзного и общероссийского уровней. В 1920-е гг. женщины были слабо включены в общественное производство.

Переход к промышленной модернизации Урала, совпавший с изменением экономической политики страны, данный естественный социальный процесс был насильственно прерван. Вытеснение частного капитала из сферы экономики привело к ликвидации слоя крупных предпринимателей, использовавших наемный труд; численность мелких торговцев и кустарей-ремесленников значительно сократилась. Социальный состав уральских городов потерял свое многообразие и стал более однородным. В 1939 г. горожане в соответствии с источниками средств существования делились на лиц, имевших занятие, членов семьи, занятых в подсобном сельском хозяйстве, иждивенцев отдельных лиц и нетрудящихся (с семьями). По-прежнему большинство экономически-активных горожан составляли рабочие и служащие. Основная масса жителей городов региона, имевших занятие, была задействована в промышленности, что свидетельствовало о бурном индустриальном развитии Урала. В 1939 г. их доля среди горожан колебалась в рамках 46–51 % в разных областях, что превысило аналогичный общероссийский уровень – 43,9 %. В городах исчезла безработица. Промышленная модернизация края способствовала активному включению женщин в общественное производство.

Переписи 1920–1930-х гг. показали полиэтничность городского населения Урала. Вместе с тем в городах и городских поселениях региона преобладали русские. Под воздействием промышленной модернизации края и усиления миграции населения проявился тренд к сокращению удельного веса русской нации и увеличению доли представителей иных этносов. Активно шел процесс ассимиляции и русификации горожан.

Благодаря политике по ликвидации неграмотности и введению обязательного начального школьного образования в уральских городах выросло число жителей, умевших читать и писать, не только в детской и подростковой возрастных группах, но и среди взрослого населения. Но и в 1939 г. не удалось достичь полной грамотности даже среди детей и молодежи. В конце 1930-х гг. удельный вес грамотных был ниже общесоюзного и общероссийского уровней: в городах Челябинской области – 85,9 %, Свердловской – 87,7 %, Пермской – 89,3 % против 89,5 % в СССР и 90,8 % в РСФСР. Большинство жителей городов Урала имело только начальное образование и ниже.

Всесоюзная перепись населения 1937 г., единственная из всех проведенных в 1920–1930-х гг. переписей, должна была выяснить отношение граждан СССР к религии как итог двадцатилетней атеистической работы государства. Сохранившиеся выборочные предварительные данные ее по городам Челябинской области показали значительное число верующих – от четверти до трети их жителей. Религиозность горожан увеличивалась с возрастом. Подобная ситуация, по-видимому, была и в Свердловской области.

К концу 1930-х гг. специфика условий формирования городского населения Урала (форсированная индустриализация и коллективизация, урбанизация, значительные масштабы миграции, пополнение населения за счет селян и проч.) способствовала возникновению характерных особенностей горожан. Городское население по возрасту было молодым и имело большой трудовой потенциал, полиэтничным, но с преобладанием русских, достаточно грамотным, хотя уровень образования был низким. В социальном отношении оно довольно однородно и состояло из рабочих, инженерно-технических работников и служащих государственных предприятий и учреждений, было занято в основном в производственной сфере, прежде всего в тяжелой промышленности. В составе горожан было много выходцев из сельской местности, что способствовало «люмпенизации» города.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановления и документы партийных и советских органов

1. Декреты Советской власти. – Т. 1: 25 окт. 1917 г.–16 марта 1918 г. / ред. Г.Д. Обичкин. – М.: Госполитиздат, 1957. – 626 с.
2. Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925–1940: сб. док. и мат-лов / сост.: Л.И. Завалищенко, П.И. Гусев, П.П. Ковалев и др. – М.: Медицина, 1973. – 328 с.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 14 т. / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. – 9-е изд. – М.: Политиздат, 1984. – Т. 5. – 359 с.
4. Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уралоблисполкома. – 1931.
5. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик (далее – СЗ СССР). – 1926–1938.
6. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (далее – СУ РСФСР). – 1919–1938.
7. Советская власть и раскрепощение женщины: сб. декретов и постановлений РСФСР. – М.: Госиздат, 1921. – 64 с.
8. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938–1944 гг. – М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. – 359 с.
9. Справочник партийного работника. – М.; Л.: Госиздат, 1930. – Вып. 7. – Ч. 2. – 678 с.
10. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (послеоктябрьский период) / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 468 с.
11. Гражданский кодекс РСФСР, принятый ВЦИК 31 октября 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР (далее – СУ РСФСР). – 1922. – № 71. – Ст. 904.

12. Кодекс законов о труде РСФСР, принятый ВЦИК 9 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 70. – Ст. 903.

13. Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, принятый ВЦИК 16 сентября 1918 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права (послеоктябрьский период). – С. 35–61.

14. Инструкция Центрального Управления народнохозяйственного учета Госплана Союза ССР по заполнению переписного листа всесоюзной переписи населения 1937 года: утверждена СНК СССР 28 апреля 1936 г. // СЗ СССР. – 1936. – № 25. – Ст. 238.

15. О больничном строительстве в промышленных районах: постановление СНК СССР от 26 декабря 1929 г. // Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925–1940: сб. док. и мат-лов. – С. 133–134.

16. О борьбе с эпидемиями: постановление СНК РСФСР от 19 августа 1930 г. // Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925–1940: сб. док. и мат. – С. 141–145.

17. О введении в действие Положения об Уральской области: постановление ВЦИК от 3 ноября 1923 г. // Уральский торгово-промышленный справочник. 1924 г. – Пермь: Изд. ред. газ. «Звезда», 1924. – С. 71–73.

18. О введении паспортной системы в г. Магнитогорске: постановление СНК СССР от 3 февраля 1933 г. // СЗ СССР. – 1933. – № 11. – Ст. 60.

19. О включении в черту города Ишима, Уральской области, Алексеевского и Ново-Серебрянниковского поселков, Жилияковского района: постановление Президиума ВЦИК от 17 сентября 1928 г. // СУ РСФСР. – 1928. – № 123. – Ст. 776.

20. О внешних границах Уральской области с автономией Удмуртской (бывшей Вотской) областью и об изменениях в составе городов, рабочих поселков и районов Уральской области: постановление ВЦИК от 1 января 1932 г. // СУ РСФСР. – 1932. – № 10. – Ст. 48.

21. О всеобщем начальном обучении: постановление ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г. // СЗ СССР. – 1930. – № 39. – Ст. 420.
22. О всесоюзной переписи населения 1937 года: постановление СНК СССР от 28 апреля 1936 г. // СЗ СССР. – 1936. – № 25. – Ст. 237.
23. О Всесоюзной переписи населения 1939 г.: постановление СНК СССР от 26 июля 1938 г. // СЗ СССР. – 1938. – № 35. – Ст. 211.
24. О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории Союза ССР: постановление СНК СССР от 28 апреля 1933 г. // СЗ СССР. – 1933. – № 28. – Ст. 168.
25. О выделении города Первоуральска и рабочего поселка Ревды в самостоятельные хозяйственные единицы: постановление ВЦИК от 3 мая 1935 г. // СУ РСФСР. – 1935. – № 13. – Ст. 144.
26. О государственной статистике: декрет СНК от 25 июля 1918 г. // СУ РСФСР. – 1918. – № 55. – Ст. 611.
27. О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния: декрет СНК от 18 декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. – Т. 1. – С. 247–249.
28. О дачных поселках: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июня 1927 г. // СУ РСФСР. – 1928. – № 8. – Ст. 70.
29. О дефектности Всесоюзной переписи населения 1937 г.: постановление СНК СССР от 26 сентября 1937 г. // Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. док. и мат-лов / сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 288.
30. О запрещении аборт, материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах: постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. // СЗ СССР. – 1936. – № 34. – Ст. 309.

31. О курортных поселках: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 6 июня 1927 г. // СУ РСФСР. – 1927. – № 56. – Ст. 384.
32. О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР: декрет СНК от 26 декабря 1919 г. // СУ РСФСР. – 1919. – № 67. – Ст. 592.
33. О медицинском обслуживании рабочих и крестьян: постановление ЦК ВКП (б) от 18 декабря 1929 г. // Справочник партийного работника. – М.; Л.: Госиздат, 1930. – Вып. 7. – Ч. 2. – С. 249–250.
34. О мерах содействия успешному проведению всесоюзной переписи населения: постановление ВЦИК от 27 сентября 1926 г. // СЗ РСФСР. – 1926. – № 64. – Ст. 504.
35. О мерах улучшения общественного питания: постановление ЦК ВКП (б) от 19 августа 1931 г. // КПСС в резолюциях ... – Т. 5. – С. 348–349.
36. О мероприятиях по борьбе с малярией: постановление СНК СССР от 20 мая 1934 г. // Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925–1940: сб. док. и мат-лов. – С. 207–208.
37. О мероприятиях по борьбе с малярией и предупреждению малярийных заболеваний: постановление СНК РСФСР от 2 июля 1934 г. // Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925–1940: сб. док. и мат-лов. – С. 209–219.
38. О мероприятиях по улучшению санитарного состояния рабочих районов и поселков, рабочих общежитий и учреждений питания: постановление СНК СССР от 9 сентября 1931 г. // Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925–1940: сб. док. и мат-лов. – С. 170–171.
39. О местных статистических учреждениях: декрет СНК от 17 сентября 1918 г. // СУ РСФСР. – 1918. – № 67. – Ст. 729.
40. О передаче на обсуждение трудящихся законопроекта о запрещении аборт, помощи роженицам, расширении сети родильных родов, яслей: постановление ЦИК СССР от 25 мая 1936 г. // Пролетарская мысль. – 1936. – 27 мая.

41. О переименовании г. Надеждинска в г. Кабаковск: постановление Президиума ЦИК СССР от 9 марта 1934 г. // СЗ СССР. – 1934. – № 15. – Ст. 113.
42. О переименовании г. Усолье, объединенного с рабочими поселками: Веретья, Дедюхина, Ленвой, Усть-Зырянка и Чуртан, в город Березники: постановление Президиума ЦИК СССР от 17 августа 1933 г. // СЗ СССР. – 1933. – № 53. – Ст. 311.
43. О порядке включения в городскую черту сельских и иных поселений: постановление ВЦИК и СНК РСФСР // СУ РСФСР. – 1925. – № 21. – Ст. 155.
44. О порядке и сроках регистрации рождений и смертей: постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1936 г. // СЗ СССР. – 1936. – № 44. – Ст. 369.
45. О порядке отходничества из колхозов: постановление ЦИК и СНК СССР от 17 марта 1933 г. // СЗ СССР. – 1933. – № 21. – Ст. 116.
46. О порядке регистрации и наименования возникающих поселений: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 августа 1926 г. // СУ РСФСР. – 1926. – № 60. – Ст. 460.
47. О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных Высшему Совету Народного Хозяйства: декрет Совнаркома от 5 июля 1921 г. // СУ РСФСР. – 1921. – № 53. – Ст. 313.
48. О постановке учета естественного движения населения: постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 19 октября 1935 г. // СЗ СССР. – 1935. – № 53. – Ст. 432.
49. О предоставлении Центральному статистическому управлению СССР всех прав, присвоенных объединенным комиссариатам Союза ССР: постановление Президиума ЦИК СССР от 19 марта 1926 г. // СЗ СССР. – 1926. – № 21. – Ст. 138.
50. О прекращении переименований городов, районных центров, местечек и железнодорожных станций: постановление ЦИК СССР от 27 мая 1936 г. // СЗ СССР. – 1936. – № 31. – Ст. 275.

51. О прекращении с 1 сентября 1936 г. по 15 января 1937 г. производства изменений в административно-территориальном делении: постановление ЦИК и СНК СССР от 28 апреля 1936 г. // СЗ СССР. – 1936. – № 25. – Ст. 234.

52. О преобразовании рабочего поселка Березовский в город: постановление ВЦИК от 10 июля 1938 г. // СУ РСФСР. – 1938. – № 13. – Ст. 176.

53. О преобразовании рабочего поселка Каменского района Челябинской области в г. Каменск: постановление ВЦИК от 20 апреля 1935 г. // СУ РСФСР. – 1935. – № 12. – Ст. 130.

54. О преобразовании рабочего поселка Краснокамск Краснокамского района Пермской области в город: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 октября 1938 г. // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 30.01.2016).

55. О преобразовании рабочего поселка Тавда в город: постановление Президиума ВЦИК от 20 июля 1937 г. // СУ РСФСР. – 1937. – № 9. – Ст. 77.

56. О преобразовании Удмуртской автономной области в автономную социалистическую республику: постановление ВЦИК от 28 декабря 1934 г. // СУ РСФСР. – 1935. – № 2. – Ст. 10.

57. О производстве в 1926 году всесоюзной переписи населения: постановление ЦИК и Совнаркома СССР от 3 сентября 1926 г. // СЗ СССР. – 1926. – № 59. – Ст. 438.

58. О производстве профессиональной и сельскохозяйственной переписи населения с учетом промышленных предприятий: декрет СНК от 22 апреля 1920 г. // СУ РСФСР. – 1920. – № 32. – Ст. 154.

59. О прописке граждан в городских поселениях: постановление СНК РСФСР от 28 апреля 1925 г. // СУ РСФСР. – 1925. – № 28. – Ст. 197.

60. О работе Уралмета: постановление ЦК ВКП (б) от 15 мая 1930 г. // КПСС в резолюциях... – Т. 5. – С. 112–117.

61. О рабочих поселках: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 27 сентября 1926 г. // СУ РСФСР. – 1926. – № 65. – Ст. 509.

62. О разделении Свердловской области РСФСР на Пермскую и Свердловскую области: указ Верховного Совета СССР от 3 октября 1938 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938–1944 гг. – С. 76–77.

63. О разделении Уральской области: постановление ВЦИК от 17 января 1934 г. // СУ РСФСР. – 1934. – № 5. – Ст. 35.

64. О регулировании кустарных промыслов и ненационализированной промышленности: декрет СНК от 7 сентября 1920 г. // СУ РСФСР. – 1920. – № 78. – Ст. 366.

65. О санитарной охране водопроводов и источников водоснабжения: постановление ЦИК и СНК СССР от 17 мая 1937 г. // СЗ СССР. – 1937. – № 35. – Ст. 143.

66. О свободе совести, церковных и религиозных обществах: декрет СНК от 23 января 1918 г. // Декреты Советской власти. – Т. 1. – С. 371–373.

67. О состоянии медико-санитарного дела в основных промышленных районах: постановление СНК РСФСР от 16 мая 1931 г. // СУ РСФСР. – 1931. – № 25. – Ст. 233.

68. О торговле медикаментами: постановление СНК СССР от 2 июля 1935 г. // СЗ СССР. – 1935. – № 40. – Ст. 335.

69. Об изменении в составе городов, рабочих поселков и районов Уральской области: постановление ВЦИК от 10 сентября 1932 г. // СУ РСФСР. – 1932. – № 73. – Ст. 330.

70. Об изменении законодательства Союза ССР об органах народнохозяйственного учета: постановление СНК СССР от 21 мая 1933 г. // СЗ СССР. – 1933. – № 33. – Ст. 196.

71. Об изменении и отмене отдельных статей Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 5 июля 1926 г. // СУ РСФСР. – 1926. – № 41. – Ст. 314.

72. Об изменении постановления ЦИК и СНК СССР от 19 декабря 1931 г. об организации Центрального управления народнохозяйственного учета СССР при Госплане СССР и постановления СНК СССР от 10 марта 1932 г. об утверждении положения о Центральном управлении народнохозяйственного учета при Госплане СССР: постановление ЦИК и СНК СССР от 7 февраля 1933 г. // СЗ СССР. – 1933. – № 11. – Ст. 52.

73. Об изменении ст. ст. 19 и 37 Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 марта 1925 г. // СУ РСФСР. – 1925. – № 21. – Ст. 153.

74. Об изменениях в административном устройстве Челябинской области: постановление ВЦИК от 20 декабря 1934 г. // СУ РСФСР. – 1935. – № 3. – Ст. 27.

75. Об изменениях в составе городов, рабочих поселков и районов Уральской области: постановление Президиума ВЦИК от 10 июня 1931 г. // Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уралоблисполкома. – 1931. – № 35. – С. 501.

76. Об изменениях в составе районов, городов и рабочих поселков Уральской области в связи с развитием промышленного строительства: постановление ВЦИК от 20 июня 1933 г. // СУ РСФСР. – 1933. – № 45. – Ст. 192.

77. Об объединении г. Усолье с рабочими поселками: Веретией, Дедюхиным, Ленвой, Усть-Зырянкой и Чуртаном Березниковского района Уральской области в один город Березники: постановление ВЦИК от 20 марта 1933 г. // СУ РСФСР. – 1933. – № 47. – Ст. 205.

78. Об объединении городов Перми и Мотовилихи, Пермского округа, Уральской области, в один город: постановление Президиума ВЦИК от 14 октября 1927 г. // СУ РСФСР. – 1927. – № 110. – Ст. 739.

79. Об обязательной выборке паспортов гражданами, переезжающими на длительное или постоянное жительство в местности, где введена паспортная система: постановление Президиума ЦИК СССР от 17 марта 1934 г. // СЗ СССР. – 1934. – № 16. – Ст. 119.

80. Об обязательном медицинском осмотре лиц, занятых в пищевом деле, в предприятиях по санитарно-гигиеническому обслуживанию населения и на сооружениях по водоснабжению: постановление СНК СССР от 1 октября 1936 г. // СЗ СССР. – 1936. – № 50. – Ст. 410.

81. Об обязательном оспопрививании: постановление СНК РСФСР от 18 октября 1924 г. // СУ РСФСР. – 1924. – № 83. – Ст. 840.

82. Об обязательном учете статистических сил РСФСР: постановление Совета Труда и Оборона от 21 мая 1920 г. // СУ РСФСР. – 1920. – № 49. – Ст. 217.

83. Об определении городской или поселковой черты вновь образованных городов, рабочих, дачных и курортных поселков: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 11 февраля 1929 г. // СУ РСФСР. – 1929. – № 17. – Ст. 178.

84. Об организации учетно-статистических работ: постановление СНК СССР от 9 мая 1931 г. // Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уралоблисполкома. – 1931. – № 28–29. – С. 418–419.

85. Об организации Центрального управления народнохозяйственного учета Союза ССР при Госплане Союза ССР: постановление ЦИК и СНК СССР от 17 декабря 1931 г. // СЗ СССР. – 1931. – № 73. – Ст. 488.

86. Об освобождении от трудовых мобилизаций медицинского персонала: постановление Совета Труда и Оборона от 14 июля 1920 г. // СУ РСФСР. – 1920. – № 67. – Ст. 307.

87. Об ответственности за предоставление неправильных учетных сведений и отчетных данных, а также за нарушение форм и сроков представления учетно-отчетных материалов: постановление ЦИК и СНК СССР от 7 декабря 1933 г. // СЗ СССР. – 1933. – № 70. – Ст. 417.

88. Об отходничестве: постановление ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г. // СЗ СССР. – 1931. – № 42. – Ст. 286.

89. Об охране здоровья женщин: постановление Народных Комиссариатов Здравоохранения и Юстиции от 18 ноября 1920 г. // СУ РСФСР. – 1920. – № 90. – Ст. 471.

90. Об увеличении числа участковых инспекторов народнохозяйственного учета: постановление СНК СССР от 11 ноября 1934 г. // СЗ СССР. – 1934. – № 62. – Ст. 448.

91. Об удостоверении личности: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июня 1923 г. // СУ РСФСР. – 1923. – № 61. – Ст. 575.

92. Об укреплении районных и городских органов народнохозяйственного учета и создании участковой инспектуры народнохозяйственного учета: постановление СНК СССР от 4 августа 1934 г. // СЗ СССР. – 1934. – № 41. – Ст. 326.

93. Об установлении единой паспортной системы Союзу ССР и обязательной прописке паспортов: постановление ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. // СЗ СССР. – 1932. – № 84. – Ст. 516.

94. Об установлении штатных должностей статистиков в районном аппарате: постановление СНК СССР от 27 апреля 1933 г. // СЗ СССР. – 1933. – № 29. – Ст. 176.

95. Об утверждении инструкции о порядке регистрации актов рождения: постановление Президиума ВЦИК от 20 марта 1933 г. // СУ РСФСР. – 1933. – № 22. – Ст. 74.

96. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года: указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. – <http://www.protown.ru/information/doc/4291.html> (дата обращения 23.06.2015).

97. Об утверждении Положения о местных органах государственной статистики РСФСР: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 ноября 1927 г. // СУ РСФСР. – 1927. – № 122. – Ст. 827.

98. Об утверждении Положения о Центральном статистическом управлении РСФСР: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 23 мая 1927 г. // СУ РСФСР. – 1927. – № 67. – Ст. 456.

99. Об утверждении Положения о Центральном управлении народнохозяйственного учета Союза ССР при Госплане Союза ССР: постановление СНК СССР от 10 марта 1932 г. // СЗ СССР. – 1932. – № 19. – Ст. 108 а, б.

100. Об утверждении списка городов Уральской области: постановление Президиума ВЦИК от 5 апреля 1926 г. // СУ РСФСР. – 1926. – № 21. – Ст. 170.

101. Об утверждении списка рабочих поселков Уральской области: постановление Президиума ВЦИК от 27 августа 1928 г. // СУ РСФСР. – 1928. – № 120. – Ст. 755.

102. Об утверждении формы свидетельства о рождении: постановление СНК СССР от 2 ноября 1935 г. // СЗ СССР. – 1935. – № 58. – Ст. 477.

103. Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 15 сентября 1924 г. // СУ РСФСР. – 1924. – № 73. – Ст. 726.

104. Положение о республиканских, областных (краевых) и районных органах Центрального управления народно-хозяйственного учета Союза ССР: принято СНК СССР от 10 марта 1932 г. // СЗ СССР. – 1932. – № 19. – Ст. 108 в.

105. Положение об участковых инспекторах народнохозяйственного учета: принято СНК СССР 17 августа 1934 г. // СЗ СССР. – 1934. – № 42. – Ст. 331.

106. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): стеногр. отчет. – М.; Л.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1930. – С. 1344 с.

2. Опубликованные документы, материалы и статистические сборники

1. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: сб. док. и мат-лов: в 2 т. / сост.: Е.Ю. Баранов, Г.Е. Корнилов; отв. ред. Г.Е. Корнилов. – Оренбург: Изд-во «Оренбургское литературное агентство», 2005. – Т. 1. – 285 с.

2. Всеобщая перепись населения 1920 года. Демографическо-профессиональная и сельскохозяйственная с учетом промышленных предприятий. – М.: Тип. Воздвиженка, 1920. – 63 с.

3. Всесоюзная перепись населения 19 дек. 1926 года: предварительные итоги. – 2-й вып.: Города и поселения городского типа (Европейская часть РСФСР,

Белорусская ССР, Украинская ССР и Закавказская СФСР). – М.: ЦСУ Союза ССР, 1927. – 55 с.

4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – Т. IV: Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. – Отд. 1: Народность, родной язык, возраст, грамотность. – М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1928. – 423 с.

5. Всесоюзная перепись населения, 1926 год. – Т. IX: Российская Советская Социалистическая Федеративная Республика. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1929. – 228 с.

6. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – Т. XXI: Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. – Отд. II: Занятия. – М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1929. – 510 с.

7. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – Т. XXXVIII: Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. Семейное состояние. Место рождения и продолжительность проживания. Увечные и психически больные. – М.: Изд. Планхозгиза, 1930. – 289 с.

8. Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информационное письмо № 5. – Челябинск: Изд. облУНХУ, 1936. – 26 с.

9. Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информационное письмо № 10 о подборе кадров. – Челябинск: Изд. облУНХУ, 1936. – 15 с.

10. Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информационное письмо № 13 о массово-разъяснительной работе и социалистическом соревновании. – Челябинск: Изд. облУНХУ, 1936. – 22 с.

11. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги / сост.: Н.А. Араповец, В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев. – М.: Ин-т истории АН СССР, 1991. – 239 с.

12. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. документов и материалов / сост.: В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. – М.: РОССПЭН, 2007. – 320 с.

13. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. – 256 с.

14. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. Россия / сост. В.Б. Жиромская. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. – 207 с.
15. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. Свердловск: Б.и., Б.г. – 155 с.
16. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. мат-лов / сост. В.П. Мотревич. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. – 372 с.
17. Двадцать лет Советской власти (цифровой материал из статистического сборника, подготовленного ЦУНХУ Госплана СССР к XX годовщине Великой Октябрьской социалистической революции) // Плановое хозяйство. – 1937. – № 8. – С. 178–207.
18. Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. – М.: Изд. ЦСУ РСФСР, 1928. – 131 с.
19. Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. – М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. – 112 с.
20. Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. – М.: Изд. ЦСУ СССР, 1929. – 179 с.
21. Здравоохранение в Союзе ССР: статистический справочник / сост. М.Н. Преображенская; под ред. проф. А.М. Меркова. – Рига: Изд-во науч.-метод. бюро санитарной статистики Минздрава Латвийской ССР, 1946. – 100 с.
22. Здравоохранение Уральской области за 1925 г. – Свердловск: Изд. отд. здравоохранения Уралоблисполкома, 1926. – Вып. II. – 109 с.
23. Из истории Свердловской области: сб. док. и мат-лов. 1917–1975 гг. / отв. сост. М.И. Туровец. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 416 с.
24. Информационное письмо Челябинского областного управления народно-хозяйственного учета о Всесоюзной переписи населения 1939 г. – Челябинск: Изд. ЧелябоблУНХУ, 1939. – 48 с.

25. Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской Советской Социалистической Республике. – Уфа: Изд. Башнаркомзема, 1923. – 145 с.
26. История индустриализации Урала (1926–1932 гг.): док. и мат-лы / гл. ред. В.Н. Зуйков. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1967. – 368 с.
27. История России, 1917–1940: хрестоматия / под ред. М.Е. Главацкого. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. – 368 с.
28. Итоги всероссийских переписей 1920 года по Пермской губернии. – Вып. II: Перепись населения (демографическая). – Пермь: 2-я госуд. тип., 1921. – 11 с.
29. Итоги Всероссийских переписей 1920 года по Уфимской губернии: итоги демографической переписи. – Уфа: Б.и., 1921. – 95 с.
30. Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. – М.: Госпланиздат, 1939. – 157 с.
31. Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства РСФСР за годы второй пятилетки. – М.; Л.: Госпланиздат, 1939. – 168 с.
32. Итоги хозяйственного и культурного строительства Челябинской области (II съезд Советов Челябинской области). – Челябинск: изд. Челябоблплана, 1936. – 72 с.
33. Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область: в 10 т. / ред. кол. А.А. Капустин, Т.П. Трофимова, М.А. Домнин и др. – Екатеринбург: Тип. Екатеринбургской епархии, 2005. – Т. 5. – 461 с.
34. Краткие отчетные материалы Екатеринбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к VI губернскому съезду Советов. – Екатеринбург: Тип. Перм. жел. дор., 1922. – 92 с.
35. Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественно-историческом, культурно-хозяйственном и административном отношении. – Курган: Изд. окружной плановой комиссии, 1925. – 538 с.

36. Магнитострой в цифрах. Статистический отчет за 1931 год. – Магнитогорск: Изд-во «Магнитострой», 1932. – 341 с.
37. Материалы к изучению Златоустовского округа / под общ. ред. В.Н. Зыкова и В.Г. Гаркунова. – Златоуст: Златоустовская окружная плановая комиссия, 1926. – 244 с.
38. Материалы к отчету Пермского окружного исполнительного комитета Советов Р.К. и К.Д. за 1928–29 год. – Пермь: Б. и., 1930. – 141 с.
39. Материалы к отчету Пермского окружного исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов за 1927 и 1928 год. – Пермь: Окрисполком, 1929. – 71 с.
40. Материалы к отчету Челябинского городского Совета VIII созыва за 1926/27 и 1927/28 годы / под общ. ред. В. Трубчанинова. – Челябинск: Изд. Челяб. горсовета, 1928. – 114 с.
41. Материалы контрольных цифр хозяйства Урала на 1929–1930 год. – Свердловск: Уралплан, Уралполиграф, тип. «Гранит», 1930. – 313 с.
42. Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6-му губернскому съезду Советов (декабрь 1922 г.) – Челябинск: Б. и., 1922. – 119 с.
43. Материалы о работе исполнительного комитета Челябинского городского Совета депутатов трудящихся (за 11 месяцев 1940 года). – Челябинск: Горплан Челябинского горсовета, 1940. – 40 с.
44. Материалы о работе Пермского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 9-го созыва (февраль–сентябрь 1927 года). – Пермь: Б. и., 1927. – 69 с.
45. Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти: стат. сб. – Пермь: Кн. изд-во, 1967. – 269 с.
46. Народное хозяйство Свердловской области: стат. сб. – Свердловск: Госстатиздат, 1962. – 231 с.

47. Народное хозяйство Свердловской области и города Свердловска: стат. сб. – Свердловск: Госстатиздат, 1956. – 151 с.
48. Народное хозяйство СССР: статистический справочник за 1932 г. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1932. – 671 с.
49. Народное хозяйство Челябинской области: стат. сб. – Челябинск: Госстатиздат, 1961. – 178 с.
50. Народное хозяйство Челябинской области и города Челябинска: статистический сборник. – Челябинск: Госстатиздат, 1957. – 167 с.
51. Население СССР: справочник / под общ. ред. Л.М. Володарского. – М.: Политиздат, 1983. – 191 с.
52. Обзор хозяйства Урала за 1924–25 год / под ред. В.С. Немчинова, М.А. Сигова. – Свердловск: Изд. Уралоблисполкома, 1926. – 361 с.
53. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: документы и материалы (Пермская, Свердловская, Челябинская области): в 6 т. – Т. 1: Общество и власть. Российская провинция. 1917–1941. Свердловская область: документы и материалы / отв. ред. А.А. Капустин, Г.Е. Корнилов. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. – 792 с.
54. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: научное издание. Документы и материалы (Пермская, Свердловская, Челябинская области): в 6 т. – Т. 1: Общество и власть. Российская провинция. 1917–1945. Челябинская область: документы и материалы / отв. ред. Н.М. Рязанов, А.Н. Сахаров. – Челябинск: Книга, 2005. – 638 с.
55. Отчет Екатеринбургского губернского Экономсовещания Совету Труда и Обороне № 1 (июль–сентябрь). – Екатеринбург: Тип. «Гранит», 1921. – 74 с.
56. Отчет Екатеринбургского губернского Экономсовещания Совету Труда и Обороне № 3 (октябрь 1921 г.–март 1922 г.). – Екатеринбург: Тип. «Гранит», 1922. – 148 с.
57. Отчет Екатеринбургскому губернскому экономическому совещанию Шадринского уездного экономического совещания о деятельности уездных хо-

зяйственно-административных органов за время июль–сентябрь 1921 года № 1. – Шадринск: Госуд. изд-во, 1921. – 98 с.

58. Отчет Каменского уездного Экономического Сопещания Екатеринбургской губернии в Совет Труда и Оборонь № 2 (октябрь–декабрь 1921 года). – Каменск: Госуд. тип., 1922. – 53 с.

59. Отчет Красноуфимского уездного Экономического Сопещания Екатеринбургскому Губэкономсопещанию № 2. – Красноуфимск: Изд. Красноуф. уэкономсопещания, 1922. – 48 с.

60. Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета С.Р.К.К. и К.Д. VI созыва, апрель 1927–апрель 1929. – Свердловск: Изд. Уралоблисполкома, 1929. – 229 с.

61. Отчет о работе Пермского городского Совета 8-го созыва (за время март–декабрь 1926 года). – Пермь: Б. и., 1926. – 84 с.

62. Отчет о работе Свердловского окружного исполнительного комитета за 1923–24 г.: обзор хозяйства округа / отв. ред. Н.П. Алексеев, И.Б. Беленький. – Свердловск: Типо-литография им. Емшанова, 1925. – 546 с.

63. Отчет Пермского губернского экономического сопещания 1-го октября 1921 года. – Отчет первый. – Пермь: Изд. Пермского госиздательства, 1921. – 170 с.

64. Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5-му съезду Советов Уральской области. – Свердловск: Б.и., 1925. – 245 с.

65. Отчет Челябинского губернского экономического сопещания Совету Труда и Оборонь, апрель–сентябрь 1922 г. – Челябинск: Тип. Губсовнархоза, 1922. – 256 с.

66. Отчет Челябинского губэкономсопещания Совету Труда и Оборонь на 1 апреля 1922 года. – Челябинск: Тип. Губсовнархоза, 1922. – 192 с.

67. Отчет Шадринского городского Совета о работе за 1924–25 хозяйственный год. – Шадринск: Изд. Шадринского горсовета, 1925. – 17 с.

68. Отчет Шадринского городского Совета о работе за 1925–26 хозяйственный год. – Шадринск: Б. и., 1926. – 26 с.
69. Отчет Шадринского городского Совета о работе за 1926–27 хозяйственный год. – Шадринск: Б. и., 1927. – 28 с.
70. Отчет Шадринского окружного исполнительного комитета Советов РК и КД Второму окружному съезду Советов за 1923–1924 хозяйственный год. – Шадринск: Тип. окрисполкома, 1924. – 498 с.
71. Пермская губерния. Администрирование. Экономика. Культурная работа. Отчет Губисполкома за 1922–23 хозяйственный год. – Пермь: Пермполиграф, 2-я тип. ГСНХ, 1923. – 175 с.
72. Пермская область накануне Великой Отечественной войны: сб. документов / сост. В.Г. Светлаков. – Пермь: Изд-во «Пушка», 2005. – 288 с.
73. Пермский округ Уральской области 1926 г.: стат. справочник. – Пермь: Изд. Пермского окрстатбюро, 1926. – 346 с.
74. Пермское губернское экономическое совещание. Отчет Совету Труда и Оборона за время с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. – Отчет второй. – Пермь: Изд-во периодич. печати, 1922. – 215 с.
75. План строительства Челябинского индустриального центра: Здравоохранение. – Челябинск: Изд. Челябинского горсовета, 1930. – 35 с.
76. Положение труда на Урале в 1923 г. / под ред. В.С. Овсянникова. – Екатеринбург: Изд. Уралоблсовета профсоюзов, обл. отдела труда и облстатбюро, 1924. – 159 с.
77. Предварительные итоги Всероссийских городских переписей 15 марта 1923 г. по Челябинской губернии / ред. К. Клименко, М. Сперанский. – Челябинск: Изд. Челябгубстатбюро, 1923. – 12 с.
78. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Уральской области: справочник по округам, районам и сельсоветам Уральской области. – Свердловск: Изд. Уралстатуправления, 1927. – 139 с.

79. Предварительные итоги городской переписи 1923 г. по Пермской губернии. – Пермь: 3-я тип. ГСНХ арт. паев. т-ва «Звезда», 1923. – 11 с.
80. Предварительные итоги переписи населения 1920 года по Екатеринбургской губернии. – Екатеринбург: Государственное изд-во, Уральское областное отделение, 1920. – 20 с.
81. Предварительные итоги переписи населения 1920 г. по Тюменской губернии. – Тюмень: Изд. Тюменского губстатбюро, 1920. – Вып. 1. – 26 с.
82. Предварительные итоги переписи по Тагильскому округу Уральской области. – Нижний Тагил: Тагильское окрстатбюро, 1927. – 32 с.
83. Свердловская область в цифрах. 1935: кратк. статистический справочник. – Свердловск: Изд. СвердoblУНХУ, 1936. – 301 с.
84. Смертность и продолжительность жизни населения СССР, 1926–1927. Таблицы смертности. – М.; Л.: Планхозиздат, 1930. – 139 с.
85. Смертность и продолжительность жизни населения Уральской области (Таблицы смертности по округам и полосам области). – Свердловск: Изд. Уралоблстатотдела, 1929. – 106 с.
86. Сообщение Государственной Плановой Комиссии Союза ССР об итогах Всесоюзной переписи населения СССР // Плановое хозяйство. – 1939. – № 6. – С. 13–14.
87. Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. – Свердловск: Изд. Уралоблздравотдела, 1928. – Вып. III. – 169 с.
88. Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1927 год. – Свердловск: Изд. облздравотдела, 1929. – 80 с.
89. Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. – Свердловск: Изд. Уралоблздравотдела, 1929. – 122 с.
90. Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1929 год. – Свердловск: Изд. облздравотдела, 1931. – 160 с.
91. Социалистическое строительство в Челябинской области в 1936 году (краткие итоги). – Челябинск: Изд. облУНХУ, 1936. – 22 с.

92. Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): стат. сб. – М.; Л.: Госпланиздат, 1939. – 206 с.
93. Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. – М.: ЦУНХУ Госплана СССР–В/О «Союзоргучет», 1936. – 496 с.
94. Социалистическое строительство Урала за 15 лет (основные показатели). – Свердловск: Б.и., 1932. – 57 с.
95. СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 мая 1940 г. – М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. – 412 с.
96. Статистический сборник на 1923 год. – Оханск: Изд. Пермгубисполкома и Пермгубстатбюро, 1923. – 266 с.
97. Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. / под ред. К.И. Клименко. – Челябинск: Челябингубстатбюро, 1923. – 396 с.
98. Труды ЦСУ. – Т. 1. – Вып. 1: Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 25 губерний Европейской России. – М.: 14-я тип. Московского совнархоза, 1920. – 24 с.
99. Труды ЦСУ. – Т. 1. – Вып. 3: Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 58 губерний Европейской и Азиатской России. – М.: 14-я тип. Московского совнархоза, 1921. – 19 с.
100. Труды ЦСУ. – Т. XVIII: Сборник статистических сведений по Союзу ССР за 5 лет работы Центрального Статистического Управления, 1918–1923 / ред. М. Красильников. – М., 1924. – 481 с.
101. Труды ЦСУ СССР. – Т. XX: Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. – Ч. II: Население городов Союза ССР по занятиям. – Вып. I: Европейская Россия. – М., 1924. – С. 535 с.
102. Труды ЦСУ. – Т. XX: Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. – Ч. II: Население городов Союза ССР по занятиям. – Вып. 3: Крым, Азиатская часть РСФСР, Белорусская ССР. – М., 1925. – 391 с.

103. Труды ЦСУ. – Т. XX: Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. – Вып. 4: Распределение городского населения по главным отраслям труда. – М., 1925. – 122 с.
104. Труды ЦСУ. – Т. XX: Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. – Ч. III. – Вып. 1: Население городов Союза ССР по возрасту, занятиям и семейному состоянию. – М., 1926. – 447 с.
105. Уральский статистический ежегодник на 1923 г. / под ред. В.С. Немчинова, П.Ф. Неволина. – Екатеринбург: УралоблЭКОСО, 1923. – 500 с.
106. Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. / под ред. В.С. Немчинова, П.Ф. Неволина. – Свердловск: Уралоблисполком, 1925. – 611 с.
107. Уральский торгово-промышленный справочник. 1924 г. / сост. Н.Т. Балыков, В. Бердников, Д.М. Бобылев и др. – Пермь: Изд. ред. газ. «Звезда», 1924. – 436 с.
108. Уральское хозяйство в цифрах. 1926 год: кратк. статистический справочник. – Свердловск: Изд. Уралоблстатуправления, 1926. – 393 с.
109. Уральское хозяйство в цифрах, 1927 год: кратк. статистический справочник. – Свердловск: Уральское областное статистическое управление, 1927. – 514 с.
110. Уральское хозяйство в цифрах. 1928 год: кратк. статистический справочник. – Свердловск: Уралоблстатуправление, 1928. – 571 с.
111. Уральское хозяйство в цифрах, 1929 год: кратк. статистический справочник. – Свердловск: Уралоблстатотдел, 1929. – 587 с.
112. Уральское хозяйство в цифрах. 1930 г. – Вып. 1: Социальная статистика. – Свердловск: Изд. статсектора Уралплана, 1930. – 223 с.
113. Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. – Свердловск: Изд. УралУНХУ, 1933. – 388 с.
114. Хозяйство Свердловской области, 1935–1936: основные показатели. – Свердловск: Изд. СвердoblУНХУ, 1936. – 230 с.

115. Хозяйство Урала в 1924–25 г.: конъюнктурный обзор. – Свердловск: Изд. Уральской областной плановой комиссии, 1925. – 167 с.

116. Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919–декабрь 1920 гг.): док. и мат-лы / ред.-сост. С.Н. Корнеев. – Челябинск: Кн. изд-во, 1960. – 706 с.

117. Челябинская область в цифрах. – Челябинск: Изд. ЧелябоблУНХУ, 1934. – 155 с.

118. Челябинск в цифрах. – Челябинск: Изд. Челябинского горсовета, 1936. – 57 с.

119. Челябинская область. 1917–1945 гг.: сб. док. и мат-лов / под ред. П.Г. Агарышева. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1998. – 304 с.

120. Челябинская область (кратк. стат.-эконом. справочник). – Челябинск: Изд-во «Челябинский рабочий», 1941. – 74 с.

121. Четыре года борьбы за социализм: материалы к отчету Свердловского областного исполнительного комитета. – Свердловск: Изд. Свердблсполкома, 1934. – 192 с.

3. Периодическая печать

Газеты (1920–1940 гг.)

1. Правда: орган ЦК ВКП (б).
2. Красный Курган: орган Курганского окружного комитета ВКП (б) и окрисполкома, Курганского горкома ВКП (б) и горсовета.
3. Магнитогорский рабочий: орган Магнитогорского горкома ВКП (б) и горсовета.
4. Пролетарская мысль: орган Златоустовского окружного комитета ВКП (б) и райкома металлистов, Златоустовского горкома ВКП (б) и горсовета.
5. Уральский рабочий: орган Уральского обкома ВКП (б) и облисполкома, с 1933 г. – орган Свердловского обкома ВКП (б) и облисполкома.

6. За социалистический Магнитогорск: орган парткома, стройкома и Управления строительством г. Магнитогорска.

Журналы (1920–1939 гг.)

7. Большевик: теоретический и политический журнал ЦК ВКП (б).
8. Бюллетень бюро переписи населения Свердловского облУНХУ.
9. Бюллетень Госплана РСФСР: двухнедельный журнал.
10. Бюллетень Уральского областного статистического управления.
11. Вестник статистики: орган ЦСУ СССР.
12. Гигиена и эпидемиология: орган Наркомата здравоохранения.
13. Губерния в цифрах: бюллетень Екатеринбургского губстатбюро.
14. Журнал Шадринского общества краеведения.
15. Известия Уральского областного исполнительного комитета Совета РКК и К.
16. Медработник Урала: ежемесячный журнал Екатеринбургского губотдела Всероссийского Союза работников лечебно-санитарного дела и Екатеринбургского губздравотдела.
17. Округ: еженедельный орган Свердловского окружного исполнительного комитета и городского совета рабочих и красноармейских депутатов.
18. Партийное строительство: орган ЦК ВКП (б).
19. Партработник: орган Свердловского обкома ВКП (б).
20. Пермский медицинский журнал: орган Общества врачей при государственном Пермском университете, с 1932 г. – орган Пермского государственного медицинского института.
21. План: орган Госплана и ЦУНХУ СССР.
22. Плановое хозяйство: ежемесячный политико-экономический журнал Государственной плановой комиссии при СНК СССР.
23. Проблемы экономики: орган АН СССР, институт экономики.
24. Проект и стандарт: орган Главстройпрома Наркомтяжпрома СССР.

25. Северная Азия: орган общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, Комитета по содействию народностям северных окраин при ВЦИК, Главного управления научными учреждениями.

26. Советская медицина: орган народных комиссариатов здравоохранения СССР и РСФСР.

27. Социальная гигиена: орган Наркомата здравоохранения.

28. Статистическое обозрение: ежемесячник.

29. Ударница Урала: орган Свердловского облпрофсовета.

30. Уральский медицинский журнал: Орган облздравотдела и обкома Союза МСТ–Медсантруд.

31. Уральский техник: орган Уральского областного Межсекционного Бюро инженерно-технических сил при Уралпрофсовете.

32. Хозяйство Урала: орган Уралсовета.

33. Экономика: ежемесячный орган Пермского губернского экономического совещания; орган Верхне-Камского и Пермского окрисполкомов.

4. Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. Р–4041 – Главное управление коммунального хозяйства Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, 1918–1930 гг.

2. Ф. Р–5469 – Центральный Комитет Всесоюзного профессионального союза рабочих-металлистов (ЦК металлистов), 1917–1931 гг.

3. Ф. Р–7544 – Всесоюзный совет коммунального хозяйства при ЦИК СССР, 1931–1937 гг.

4. Ф. Р–7952 – Государственное издательство «История фабрик и заводов» при Объединении государственных издательств (ОГИЗ), 1931–1938 гг.

5. Ф. А–314 – Главное управление коммунального хозяйства при Совете Народных Комиссаров РСФСР, 1930–1990 гг.

***Российский государственный архив социально-политической истории
(РГАСПИ)***

6. Ф. 17 – Центральный Комитет КПСС.

7. Ф. 79 – В.В. Куйбышев.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

8. Ф. 1562 – Центральное статистическое управление СССР.

Государственный архив Курганской области (ГАКО)

9. Ф. Р–13 – Курганское окружное статистическое бюро Уральского областного статистического управления.

10. Ф. Р–14 – Курганское уездное статистическое бюро Челябинского губернского статистического бюро, 1920–1923 гг.

11. Ф. Р–308 – Курганский уездный отдел здравоохранения, г. Курган.

12. Ф. Р–315 – Курганский окружной исполнительный комитет.

13. Ф. Р–466 – Курганский окружной отдел здравоохранения.

Государственное учреждение «Государственный архив общественно-политической документации Курганской области» (ГАОПДКО)

14. Ф. 11 – Кетовский (Курганский) районный комитет КПСС.

15. Ф. 62 – Шадринский горком КПСС.

16. Ф. 351 – Шадринский районный комитет КПСС.

Государственный архив Пермского края (ГАПК)

17. Ф. Р–15 – Пермский губернский отдел здравоохранения Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

18. Ф. Р–19 – Пермский губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

19. Ф. Р–132 – Пермский окружной отдел здравоохранения.

20. Ф. Р–176 – Пермский городской исполнительный комитет Совета народных депутатов (г. Пермь).
21. Ф. Р–454 – Осинское уездное статистическое бюро Пермского губернского статистического бюро ЦСУ СССР.
22. Ф. Р–483 – Статистический отдел исполкома Пермского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
23. Ф. Р–493 – Пермское областное статистическое управление. Центральное статистическое управление СССР.
24. Ф. Р–564 – Исполнительный комитет Пермского областного Совета народных депутатов.
25. Ф. Р–645 Лысьвенский горсовет.
26. Ф. Р–762 – Березниковский горсовет.
27. Ф. Р–866 – Местный комитет Пермского губернского статистического бюро.
28. Ф. Р–981 – Отдел здравоохранения исполнительного комитета Пермского областного Совета народных депутатов.
29. Ф. Р–1485 – Чердынская районная инспектура НХУ Пермского областного управления НХУ РСФСР (г. Чердынь Пермской обл.).

Государственный архив Свердловской области (ГАСО)

30. Ф. Р–6 – Екатеринбургский губернский отдел рабоче-крестьянской инспекции (ГубРКИ), 1919–1923 гг.
31. Ф. Р–46 – Статистическое бюро исполнительного комитета Екатеринбургского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
32. Ф. 47 – Отдел здравоохранения исполкома Екатеринбургского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Губздравотдел).
33. Ф. Р–88 – Свердловский облисполком. Исполком Уральского областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (13.12.1923–17.01.1934), исполнительный комитет Свердловского областного Совета рабочих,

крестьянских и красноармейских депутатов (17.01.1934–5.12.1936), исполком Свердловского областного Совета депутатов трудящихся (5.12.1936–1977).

34. Ф. Р–159 – Отдел здравоохранения исполкома Свердловского окружного Совета.

35. Ф. Р–241 – Уральская областная плановая комиссия. Плановая комиссия исполнительного комитета Свердловского областного Совета депутатов трудящихся.

36. Ф. Р–245 – Уральская областная контрольная комиссия ВКП (б) Уральского областного отдела рабоче-крестьянской инспекции (УралоблКК–РКИ).

37. Ф. Р–364 – Уполномоченный комиссии советского контроля при СНК СССР по Свердловской области, 1934–1940 гг.

38. Ф. Р–627 – Свердловское областное здравоохранение.

39. Ф. Р–1812 – Уральское областное управление народнохозяйственного учета.

40. Ф. Р–1813 – Статистическое управление Свердловской области ЦСУ СССР (1934–1950 гг.).

41. Ф. Р–1842 – Областное статистическое управление, Ленинский район, г. Свердловск.

42. Ф. Р–2109 – Свердловское областное аптекоуправление. Аптечное управление Свердловского облисполкома.

43. Ф. Р–2475 – Свердловский ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательский институт охраны материнства и младенчества.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО)

44. Ф. П–92 – Челябинский горком ВКП (б).

45. Ф. П–225 – Златоустовский горком ВКП (б).

46. Ф. П–234 – Магнитогорский горком ВКП (б).

47. Ф. П–288 – Челябинский обком ВКП (б).

48. Ф. П–2061 – Первичная организация КПСС облстатуправления, Центральный район, г. Челябинск.

49. Ф. Р–11 – Административный отдел Челябинского окружного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, г. Челябинск.

50. Ф. Р–154 – Челябинская городская КК-РКИ.

51. Ф. Р–274 – Исполнительный комитет Челябинского областного Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов, г. Челябинск.

52. Ф. Р–386 – отдел здравоохранения исполкома Челябинского городского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (с 1939 г. — депутатов трудящихся) (Челябгорздравотдел), г. Челябинск (1931–1990 гг.).

53. Ф. Р–467 – Управление ФСБ России по Челябинской области.

54. Ф. Р–485 – Челябинское областное управление народнохозяйственного учета.

55. Ф. Р–1055 – Статистическое бюро Челябинского городского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов, г. Челябинск.

56. Ф. Р–1059 – Челябинское областное отделение главного аптечного управления наркомата здравоохранения, г. Челябинск (1934–1997 гг.).

57. Ф. Р–1595 – Челябинский областной отдел здравоохранения и подведомственные ему больницы, поликлиники, диспансеры и другие медицинские учреждения области (1934–1968 гг.).

Государственное краевое учреждение «Пермский государственный архив новейшей истории» (ПермГАНИ)

58. Ф. 1 – Пермский горком КПСС.

59. Ф. 59 – Березниковский горком КПСС.

60. Ф. 85 – Лысьвенский горком КПСС.

61. Ф. 105 – Пермский обком КПСС.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОСО)

62. Ф. 4 – Уральский обком ВКП (б).

63. Ф. 483 – Нижнетагильский горком ВКП (б).

64. Ф. 1842 – Первичная организация КПСС областного статистического управления Свердловской области, Ленинский район, г. Свердловск (облУНХУ).

***Государственный архив административных органов Свердловской области
(ГАОСО)***

65. Ф. 1 – Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области.

Архив Златоустовского городского округа (Архив ЗГО)

66. Ф. Р–17 – Отдел здравоохранения исполкома Златоустовского уездного Совета (1919–1923 гг.).

67. Ф. Р–35 – Златоустовский городской исполнительный комитет народных депутатов (1921–1982 гг.).

68. Ф. Р–118 – Златоустовское окружное статистическое бюро (1924–1930 гг.).

69. Ф. Р–225 – Златоустовский уездный революционный комитет.

70. Ф. Р–229 – Плановая комиссия (Горплан) при исполнительном комитете Златоустовского городского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов.

71. Ф. Р–242 – Городская инспекция центрального статистического управления г. Златоуста.

***Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска
(МКУ ГАМ)***

72. Ф. 9 – Плановая комиссия исполкома Магнитогорского городского Совета депутатов трудящихся.

73. Ф. 10 – Магнитогорский городской Совет рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (1930–1939 гг.).

74. Ф. 16 – Магнитогорское городское управление статистики.

5. Специальная литература

1. Авдеев, А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР / А. Авдеев // Историческая демография: сб. ст. / под ред. Денисенко М.Б., Троицкой И.А. – М.: МАКС Пресс, 2010. – С. 13–72.
2. Айрапетов, В.Г. Численность населения, рабочих и служащих Урала по материалам Всесоюзной переписи 1939 г. / В.Г. Айрапетов // Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938–1958): информ. матер. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. – С. 27–29.
3. Алексеев, В.В. Особенности демографического перехода на Урале / В.В. Алексеев, А.И. Кузьмин // Население России и СССР: новые источники методы исследования: сб. науч. тр. – Екатеринбург: ИРИ РАН: Уральский кадровый центр: ИИиА УрО РАН, 1993. – С. 8–18.
4. Алсуфьев, А.А. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: итоги и проблемы достоверности / А.А. Алсуфьев // Вспомогательные исторические дисциплины. – СПб.: Дмитрий Булавин, 2010. – Т. XXXI. – С. 429–435.
5. Альтшуллер, М.К. Всесоюзной статистической переписи / М.К. Альтшуллер // Хозяйство Урала. – 1925. – № 5–6. – С. 109–115.
6. Андреев, Е.М. Опыт оценки численности населения СССР 1926–1941 гг. (краткие результаты исследования) / Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова // Вестник статистики. – 1990. – № 7. – С. 34–46.
7. Андреев, Е.М. Демографическая история России: 1927–1959 / Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова. – М.: Информатика, 1998. – 187 с.
8. Андреев, Е.М. Население Советского Союза: 1922–1991 / Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова. – М.: Наука, 1993. – 143 с.
9. Андреев, Е.М. Особенности показателей младенческой смертности в России / Е.М. Андреев, Е.А. Кваша // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2002. – № 4. – С. 15–20.

10. Анимица, Е.Г. Вопросы формирования сети городов Свердловской области / Е.Г. Анимица // Вопросы экономической истории и экономической географии: сб. ст. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. – С. 136–151.

11. Анимица, Е.Г. Города Среднего Урала / Е.Г. Анимица. – Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1975. – 303 с.

12. Анимица, Е.Г. Формирование системы городских поселений Свердловской области / Е.Г. Анимица // Тр. Свердл. ин-та народн. хоз-ва. – Свердловск, 1970. – Вып. 2. – С. 66–113.

13. Антонов, М. Естественное движение населения за первую половину 1924 года (январь–июнь) в Пермском округе / М. Антонова // Экономика. – 1925. – № 4 (23). – С. 54–57.

14. Антонов, М. Итоги Всероссийской городской переписи 15 марта 1923 года по Пермскому округу (Демография) / М. Антонова // Экономика. – 1924. – № 10. – С. 63–64.

15. Антонов, М. Население города Перми (по данным переписей 1920 и 1923 годов) / М. Антонов // Экономика. – 1924. – № 8. – С. 43–44.

16. Антонов, М. Состав семей в г. Перми (по переписи 15 марта 1923 г.) / М. Антонов // Экономика. – 1924. – № 9. – С. 43–44.

17. Анцыгин, В.Н. Борьба партийных организаций Урала за вытеснение частного капитала из товарооборота в 1924–1925 гг. / В.Н. Анцыгин // Классовая борьба на Урале (1917–1932 годы). Об опыте руководства партийных организаций борьбой трудящихся против буржуазии города и деревни. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1974. – С. 76–85.

18. Араловец, Н.А. Городская семья в России 1897–1926 гг.: историко-демографический аспект / Н.А. Араловец. – М.: ИРИ РАН, 2003. – 232 с

19. Араловец, Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. / Н.А. Араловец. – Тула: Гриф и К, 2009. – 304 с.

20. Араловец, Н.А. Изучение людских потерь советского общества в 30-е гг. / Н.А. Араловец // Население России и СССР: новые источники и методы исследо-

вания: сб. науч. ст. – Екатеринбург: ИРИ РАН, Урал. кадровый центр, ИИиА УрО РАН, 1993. – С. 45–51.

21. Араловец, Н.А.. Потери населения России и СССР в конце 20-х–30-е годы в историографии / Н.А. Араловец // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: сб. науч. тр. – М.: ИРИ РАН, 1994. – С. 68–81.

22. Араловец, Н.А. Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии / Н.А. Араловец // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 135–146.

23. Араловец, Н.А. Смертность городского населения России в 90-е годы XIX в.–20-е гг. XX в.: социально-экологический аспект / Н.А. Араловец // Историческая экология и историческая демография. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 115–125.

24. Аристов, Н. Организованный набор рабочей силы / Н. Аристов // Плановое хозяйство. – 1939. – № 11. – С. 89–99.

25. Бабынин, Б. Население РСФСР в 1926–1941 гг. / Б. Бабынин // Бюллетень Госплана РСФСР. – 1926. – № 23–24. – С. 20–38.

26. Бабынин, Б. Перспективы естественного движения населения в РСФСР на ближайшие годы / Б. Бабынин // Статистическое обозрение. – 1930. – № 6. – С. 121–126.

27. Бабынин, Б. Перспективы роста населения СССР в 1927/28–1932/33 гг. / Б. Бабынин // Плановое хозяйство. – 1928. – № 10. – С. 320–338.

28. Багдасаров, В.К. Новые книги американских демографов о движении населения в СССР / В.К. Багдасаров, В.З. Дробижев // История СССР. – 1981. – № 2. – С. 219–225.

29. Бакунин, А.В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.) / А.В. Бакунин. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1968. – 443 с.

30. Бакунин, А.В. Индустриальный Урал в трудах В.И. Ленина / А.В. Бакунин. – М.: Наука, 1981. – 304 с.

31. Бакунин, А.В. Количественные и качественные изменения в составе рабочего класса Урала (1933–1937 гг.) / А.В. Бакунин // Рабочий класс Урала в период строительства социализма: сб. ст. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. – С. 57–80.

32. Бакунин, А.В. Урал как единый промышленно-экономический район: препринт / А.В. Бакунин. – Свердловск: УрОАН СССР, 1991. – 74 с.

33. Бакунин, А.В. Историография истории Урала / А.В. Бакунин, Д.В. Гаврилов, В.Д. Камынин, И.В. Побережников // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига», 2000. – С. 240–244.

34. Бакунин, А.В. Градостроительство на Урале в период индустриализации: препринт / А.В. Бакунин, В.А. Цибульникова. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – 74 с.

35. Баранов, Е.Ю. Годовые таблицы движения населения 1920–1930-х гг.: информативные ресурсы исторического источника (на материалах Урала) / Е.Ю. Баранов // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: сб. мат-лов IV Уральского демографического форума с международным участием. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2013. – С. 240–247.

36. Баранов, Е.Ю. Население и общественные трансформации в СССР: демографические кризисы в условиях «социалистических» преобразований 1930-х гг. (на материалах Урала) / Е.Ю. Баранов // Известия Уральского федерального университета. Сер. «Проблемы образования, науки и культуры». – 2012. – Т. 104. – № 3. – С. 219–227.

37. Бароян, О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии / О.В. Бароян. – М.: Медицина, 1968. – 303 с.

38. Батырбаева, Ш.Д. К вопросу о достоверности материалов переписи населения 1926 года / Ш.Д. Батырбаева // Историческая демография. – М.; Сыктывкар: ИРИ РАН: ИИиА УрО РАН, 2007. – С. 121–124.

39. Башкович, П.В. Опыт привлечения к работе по жилсаннадзору санитарного актива и советской общественности в г. Перми / П.В. Башкович // Уральский медицинский журнал. – 1930. – № 2–3. – С. 36–38.
40. Бедный, М.С. Медико-демографическое изучение народонаселения / М.С. Бедный. – М.: Статистика, 1979. – 223 с.
41. Бедный, М.С. Продолжительность жизни в городах и селах / М.С. Бедный. – М.: Статистика, 1976. – 96 с.
42. Безбородова, Е.В. Численность и национальный состав населения Свердловска (по материалам Всесоюзной переписи населения СССР 1939 года) / Е.В. Безбородова // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра: мат-лы науч.-практ. конф.: в 2 ч. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 1998. – Ч. 1. – С. 135–136.
43. Белкина, И.В. Деятельность В.С. Немчинова на Урале в 20-е годы XX в. / И.В. Белкина // Деятели социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни Урала и Зауралья XVII–XX вв.: сб. мат-лов межрегиональной науч. конф. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004. – С. 60–62.
44. Белостоцкий. Здравотделы в Екатеринбургской губернии за время существования Советской власти / Белостоцкий // Медработник Урала. – 1922. – № 3. – С. 2–4.
45. Бидерман, Б. 1-е Совещание по изучению и борьбе с профессиональными болезнями в Уральской области / Б. Бидерман // Гигиена и эпидемиология. – 1926. – № 4. – С. 78–79.
46. Бирюков, В.А. Эволюция и особенности смертности населения в городах СССР / В.А. Бирюков // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. – М.: Наука, 1990. – С. 135–150.
47. Бирюков, В.П. Природа и население Шадринского округа Уральской области / В.П. Бирюков. – Шадринск: Изд. Шадринского окрисполкома, 1926. – 113 с.
48. Блюм, А. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине / А. Блюм, М. Меспуле / пер с франц. М.В. Володина. – М.: РОССПЭН, 2006. – 328 с.

49. Богданова, Е.Г. Военное поколение детей: демографические характеристики (по материалам Южного Урала) / Е.Г. Богданова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «История». – 2009. – Вып. 39. – № 10 (191). – С. 87–94.

50. Бозин, Д. Население страны социализма (К итогам Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г.) / Д. Бозин // Проблемы экономики. – 1939. – № 5. – С. 35–46.

51. Бозин, Д. Первые итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г. / Д. Бозин, Л. Дубровицкий // Плановое хозяйство. – 1939. – № 6. – С. 18–33.

52. Боярский, А.Я. К вопросу о естественном движении населения в России и в СССР в 1915–1923 гг. / А.Я. Боярский // Население и методы его изучения: сб. науч. тр. – М.: Статистика, 1975. – С. 225–238.

53. Боярский, А.Я. Население и методы его изучения: сб. науч. тр. / А.Я. Боярский. – М.: Статистика, 1975. – 264 с.

54. Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР: сб. статей / под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Статистика, 1977. – 247 с.

55. Быховский, Б.Б. Итоги годовой работы по снижению заболеваемости на заводе имени тов. Молотова / Б.Б. Быховский // Пермский медицинский журнал. – 1932. – № 3–4. – С. 3–9.

56. Вагина, Г.Н. Некоторые закономерности естественного движения населения городов Урала / Г.Н. Вагина // Тр. первой научной сессии по проблемам развития городских поселений Уральского экономического региона. – Пермь, Изд. ПГУ, 1968. – Вып. 3. – Т. 2. – С. 24–29.

57. Валентей, Д.И. Политика народонаселения и ее составляющие / Д.И. Валентей // Демографическая политика: сб. ст. / под ред. В.С. Стешенко, В.П. Пискунова. – М.: Статистика, 1974. – С. 7–14.

58. Валитова, О.И. Рабочие поселки Свердловской области в 1920–1990-е гг.: проблемы и перспективы развития / О.И. Валитова // Документ. Архив. История.

Современность: сб. науч. тр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – Вып. 6. – С. 55–56.

59. Василенко, П.В. Зарубежные теории миграции населения / П.В. Василенко // Псковский регионологический журнал. – 2013. – № 16. – С. 39–42.

60. Васильев, К.Г. История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии / К.Г. Васильев. – М.: Медицина, 2001. – 256 с.

61. Васькина, Л.И. Городское население СССР в канун социалистической индустриализации (По материалам Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 г.) / Л.И. Васькина // Вестник Московского ун-та. Серия IX «История». – 1971. – № 4. – С. 3–19.

62. Васькина, Л.И. Рабочий класс СССР накануне социалистической индустриализации (численность, состав, размещение) / Л.И. Васькина. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 185 с.

63. Вейцблит, И. О некоторых недостатках учета механического движения населения в системе ЦУНХУ / И. Вейцблит // План. – 1936. – № 10. – С. 24.

64. Величкин, В.И. К вопросу о пятилетнем плане уральского здравоохранения / В.И. Величкин // Уральский медицинский журнал. – 1929. – № 4. – С. 3–10.

65. Величковский, Т. Свердловская область готовится к переписи населения, Т. Величковский // План. – 1936. – № 18. – С. 55.

66. Виленский, М.М. Болезни профессиональные / М.М. Виленский // Уральская советская энциклопедия. – Свердловск: Изд-во Уралоблисполкома «Уральская советская энциклопедия», 1933. – Т. 1. – С. 444–447.

67. Вишневский, А.Г. Время демографических перемен: избранные статьи / А.Г. Вишневский. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – 517 с.

68. Вишневский, А.Г. Демографическая революция / А.Г. Вишневский. – М.: Статистика, 1976. – 238 с.

69. Вишневский А.Г. Демографическая революция / А.Г. Вишневский // Избранные демографические труды: в 2 т. – М.: Наука, 2005. – Т. 1. – 368 с.

70. Вишневский, А. Серп и рубль: консервативная модернизация в России / А. Вишневский. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с.
71. Воблый, В.К. Переписи населения (их история и организация) / В.К. Воблый, П.И. Пустоход. – М.; Л.: Госпланиздат, 1940. – 160 с.
72. Вожева, Л.Б. Деятельность партийных организаций Урала по улучшению жилищно-бытовых условий рабочего класса в годы второй пятилетки / Л.Б. Вожева // Борьба партии за социалистический быт (1921–1937 гг.): сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Бухарев. – Волгоград: Изд. Волгоград. пед. ин-та, 1985. – С. 14–28.
73. Волков, А.Г. Из истории переписи населения 1937 г. / А.Г. Волков // Вестник статистики. – 1990. – № 7. – С. 45–56.
74. Волков, А.Г. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда / А.Г. Волков // Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. – Экспресс-информация, сер. «История статистики». – М.: Информцентр Госкомстата СССР, 1990. – Вып. 3–5 (часть III). – С. 6–63.
75. Волков, Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет / Е.З. Волков. – М.; Л.: Госиздат, 1930. – 273 с.
76. Волков, Е.З. Социальное здоровье населения СССР в динамике / Е.З. Волков // Статистическое обозрение. – 1930. – № 6. – С. 132–135.
77. Воробьев, Н.Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. / Н.Я. Воробьев. – М.: Госстатиздат, 1957. – 104 с.
78. Воспроизводство населения СССР / под ред. А.Г. Вишневского, А.Г. Волкова. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 303 с.
79. Вострикова, А.М. Статистика населения / А.М. Вострикова, П.Г. Подъячих // История советской государственной статистики. – М.: Статистика, 1969. – С. 360–380.
80. Всесоюзная перепись населения // План. – 1936. – № 10. – С. 1.
81. Гаврилов, Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900 (Численность, состав, положение) / Д.В. Гаврилов. – М.: Наука, 1985. – 303 с.

82. Гаврилов, К.П. Детская смертность на Урале / К.П. Гаврилов // Уральский медицинский журнал. – 1930. – № 4. – С. 57–67; № 5–6. – С. 126–133.

83. Гаврилов, К.П. Советы молодым матерям / К.П. Гаврилов // Ударница Урала. – 1936. – № 8. – С. 32–33.

84. Гаврилова, В.А. Из истории развития гигиены труда на Урале после Великой Октябрьской социалистической революции / В.А. Гаврилова, М.Д. Гликштейн // Гигиена и санитария. – 1973. – № 7. – С. 58–61.

85. Гаркунов, В. К устройству водопровода в Златоусте / В. Гаркунов // Хозяйство Урала. – 1927. – № 7. – С. 116–118.

86. Гернет, М. Аборт в законе и статистика абортов / М. Гернет // Аборты в 1925 году. – М.: Б. и., 1927. – С. 3–20.

87. Главацкий, М.Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926–1937 гг.) / М.Е. Главацкий. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1974. – 215 с.

88. Гозулов, А.И. Переписи населения СССР и капиталистических стран (опыт историко-демографической характеристики производства переписей населения) / А.И. Гозулов. – М.: Ред.-изд. управл. ЦУНХУ Госплана СССР и в/о «Союзоргучет», 1936. – 588 с.

89. Гозулов, А.И. Народонаселение СССР. Статистическое изучение численности, состава и размещения / А.И. Гозулов, М.Г. Григорьянц. – М.: Статистика, 1969. – 171 с.

90. Голикова, С.В. Изучение детской смертности на Урале в конце XIX–начале XX вв. / С.В. Голикова // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: матлы VII Всероссийской науч. конф. – Екатеринбург: ООО «Изд-во УМЦ-УПИ», 2005. – Т. 1. – С. 61–64.

91. Голикова, С.В. Начало демографического перехода: вариант горнозаводского Урала / С.В. Голикова // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: сб. мат-лов IV Уральского демографиче-

ского форума с международным участием. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2013. – С. 261–266.

92. Голикова, С.В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков: демографические процессы и традиции / С.В. Голикова. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2001. – 196 с.

93. Головин, С.А. Изменение социальной структуры населения на Дальнем Востоке РСФСР в 1920–1930-е гг. / С.А. Головин. – М.: Прометей, 2008. – 384 с.

94. Гордеев, М. Государственная охрана интересов матери и ребенка / М. Гордеев // Ударница Урала. – 1936. – № 9. – С. 21–22.

95. Гордеев, М. Еще шире вовлекать домохозяек в замечательное движение жен ИТР / М. Гордеев // Ударница Урала. – 1936. – № 7. – С. 18.

96. Греус, П. Межнациональные браки на территории Российской Федерации в 30-е годы XX века / П. Греус // Историческая демография: сб. ст. – М.: МАКС Пресс, 2010. – С. 94–105.

97. Гридин, И.Н. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года в городах и городских поселениях Уральской области / И.Н. Гридин // Жилой и нежилой фонд городов и поселений городского типа Уральской области по данным разработки Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года. – Свердловск: Изд. Уралстатуправления, 1928. – С. 1–8.

98. Гридин, И.Н. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года в сельских местностях Уралобласти / И.Н. Гридин // Занятия населения Уральской области (по данным разработки Всесоюзной переписи населения 1926 г.). – Свердловск: Изд. Уралстатотдела, 1929. – С. 81–119.

99. Гудошников, Ф.Ф. Новоселов Р.С. Из истории становления советского здравоохранения на Урале / Ф.Ф. Гудошников, Р.С. Новоселов // Советское здравоохранение. – 1968. – № 1. – С. 66–69.

100. Данилишина, Е.И. Развитие охраны материнства и детства в СССР / Е.И. Данилишина // Советское здравоохранение. – 1983. – № 1. – С. 61–64.

101. Данилов, В.П. Динамика населения СССР за 1917–1929 гг. (Опыт археографического и источниковедческого отбора данных для реконструкции демографического процесса) / В.П. Данилов // Археографический ежегодник за 1968 год. – М.: Наука, 1970. – С. 242–253.
102. Дворяченко, И. Удостоверение личности и прописка граждан / И. Дворяченко // Известия Уральского областного исполкома Советов РКК и К. – 1927. – № 13. – С. 5–6.
103. Демографическая модернизация России. 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Новое изд-во, 2006. – 608 с.
104. Демографическая энциклопедия / ред.: А.А. Ткаченко, А.В. Аношкин, М.Б. Денисенко и др. – М.: ООО «Изд-во «Энциклопедия», 2013. – 944 с.
105. Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Волков. – М.: Наука, 1990. – 214 с.
106. Демографические процессы в СССР: 20–80-е годы (современная зарубежная историография) / отв. ред. В.З. Дробижев. – М.: ИНИОН АН СССР, 1991. – 126 с.
107. Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д.И. Валентей. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 608 с.
108. Денисенко, М. Демографический кризис в СССР в первой половине 1930-х годов: оценки потерь и проблемы изучения / М. Денисенко // Историческая демография: сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2010. – С. 106–142.
109. Денисенко, М.Б. Предисловие / М.Б. Денисенко, И.А. Троицкая // Историческая демография: сб. ст. / под ред. М.Б. Денисенко, И.А. Троицкой. – 2-е изд. – М.: МАКС Пресс, 2010. – Вып. 14. – С. 5–12.
110. Дивногорцев, Д. Вопросы учета естественного движения населения в сельских местностях на Всесоюзном совещании по социальной статистике / Д. Дивногорцев // Вестник статистики. – 1927. – № 4. – С. 331–337.
111. Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 472 с.

112. Дробижев, В.З. Движение населения СССР и социальный прогресс / В.З. Дробижев. – М.: Знание, 1974. – 63 с.
113. Дробижев, В.З. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР / В.З. Дробижев. – М.: Знание, 1966. – 32 с.
114. Дробижев, В.З. Некоторые вопросы источниковедения историко-демографических исследований советского общества / В.З. Дробижев // Проблемы исторической демографии СССР: сб. ст. / под ред. Р.Н. Пуллата. – Таллин: Изд-во АН ЭССР, 1977. – С. 67–72.
115. Дробижев, В.З. Организация учета естественного движения населения СССР в 1917–1926 гг. / В.З. Дробижев // Вестник МГУ. Сер. 8 «История». – 1978. – № 3. – С. 27–33.
116. Дробижев, В.З. У истоков советской демографии / В.З. Дробижев. – М.: Мысль, 1987. – 221 с.
117. Дробижев, В.З. Наш советский рабочий класс (1917–1977) / В.З. Дробижев, В.С. Лельчук. – М.: Просвещение, 1979. – 240 с.
118. Дубровицкий, Л. Народонаселение Советского Союза (К итогам Всесоюзной переписи населения 1939 года) / Л. Дубровицкий // Большевик. – 1939. – № 15–16. – С. 109–123.
119. Евсеев, И.В. Политико-правовые варианты решения экономических проблем развития Южного Урала в 1920–1950-х годах / И.В. Евсеев, Т.И. Евсеев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 32 (323). Серия «Экономика». – Вып. 42. – С. 121–126.
120. Ершов, Г.Ф. Вспышка брюшного тифа в Мотовилихе / Г.Ф. Ершов // Уральский медицинский журнал. – 1929. – № 6. – С. 118–126.
121. Ершов, Г.Ф. Дифтерия в гор. Перми / Г.Ф. Ершов // Уральский медицинский журнал. – 1930. – № 2–3. – С. 79–84.
122. Ершов, Г.Ф. Питьевые источники Мотовилихи / Г.Ф. Ершов, С.П. Попов // Уральский медицинский журнал. – 1929. – № 3. – С. 64–70.

123. Естественное движение населения РСФСР в 1926 году / В.Г. Песчанский, С.А. Бекунова, А.Н. Шатерников, А.Д. Кумм // Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. – М.: Изд. ЦСУ РСФСР, 1928. – С. XI–LIV.

124. Ефман, А.М. Народное здравоохранение Урала во втором пятилетии / А.М. Ефман // Хозяйство Урала. – 1933. – № 1–2. – С. 79–91.

125. Ефременков, Н.В. К вопросу о роли коллективизации в переходе к организованному набору рабочей силы для промышленности Урала / Н.В. Ефременков // Из истории фабрик и заводов Урала: сб. науч. тр. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1963. – Вып. 2. – С. 202–214.

126. Жены ИТР на фабрике им. Ленина // Ударница Урала. – 1936. – № 7. – С. 22.

127. Жикин, В.А. К вопросу о кадрах работников здравоохранения / В.А. Жикин // Уральский медицинский журнал. – 1930. – № 2–3. – С. 26–30.

128. Жилой и нежилой фонд городов и поселений городского типа Уральской области по данным разработки Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года. – Свердловск: Изд. Уралстатуправления, 1928. – 202 с.

129. Жиромская, В.Б. Верующие и неверующие в 1937 г.: демографическая характеристика (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) / В.Б. Жиромская // Население России и СССР: новые источники и методы исследования: сб. статей. – Екатеринбург: Ин-т рос. истории РАН: Урал. кадровый центр: ИИиА УрО РАН, 1993. – С. 24–28.

130. Жиромская, В.Б. Возвращенные цифры (Всесоюзные переписи населения 30-х годов как исторический источник) / В.Б. Жиромская // Россия в XX веке: историки мира спорят. – М.: Наука, 1994. – С. 385–396.

131. Жиромская, В.Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г. в историографии: оценка достоверности / В.Б. Жиромская // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. – М.: Наука, 1996. – С. 469–477.

132. Жиромская, В.Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: история проведения, оценка достоверности / В.Б. Жиромская // Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. – М.: Наука, 1992. – С. 4–10.

133. Жиромская, В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов. История подготовки и проведения / В.Б. Жиромская // История СССР. – 1990. – № 2. – С. 84–104.

134. Жиромская, В.Б. Голод 1932–1933 годов в России и современные международные отношения В.Б. Жиромская // Вестник Российского государственного университета. – 2009. – № 14. – С. 92–101.

135. Жиромская, В.Б. Голод 1932–1933 гг. в России: оценка людских потерь / В.Б. Жиромская // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2009. – № 6. – С. 13–18.

136. Жиромская, В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В.Б. Жиромская. – М.: РОССПЭН, 2001. – 280 с.

137. Жиромская, В.Б. История подготовки и проведения переписи населения 1937 года / В.Б. Жиромская // Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. документов и материалов. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 10–23.

138. Жиромская, В.Б. Население России в переписи 1939 г. / В.Б. Жиромская // Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. Россия / сост. В.Б. Жиромская. – СПб.: Русско-Балтийский информ. центр БЛИЦ, 1999. – С. 8–19.

139. Жиромская, В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке / В.Б. Жиромская. – М.: Кучково поле, 2012. – 320 с.

140. Жиромская, В.Б. После революционных бурь: население России в середине 1920-х годов / В.Б. Жиромская. – М.: Наука, 1996. – 158 с.

141. Жиромская, В.Б. Религиозность народа в 1937 году (По материалам Всесоюзной переписи населения) / В.Б. Жиромская // Исторический вестник. – 2000. – № 5. – С. 46–54.

142. Жиромская, В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры / В.Б. Жиромская. – М.: Наука, 1988. – 168 с.

143. Жиромская, В.Б. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины / В.Б. Жиромская // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: сб. науч. ст. – М.: Ин-т росс. истории РАН, 1994. – С. 27–49.

144. Жиромская, В.Б. Экология и смертность населения в РСФСР в 1930-е годы / В.Б. Жиромская // Историческая экология и историческая демография. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 103–114.

145. Жиромская, В.Б. Репрессированная перепись // Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги / В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев. – М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1991. – С. 4–21.

146. Жиромская, В.Б. Под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года / В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев, Ю.А. Поляков. – М.: Наука, 1996. – 152 с.

147. Жулева, М.С. Семейная политика советского государства в 20–30-е гг. и основные проблемы курганской семьи / М.С. Жулева // VI Зырянские чтения: мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. – С. 91–93.

148. Жулева, М.С. Состояние медицины и санитарно-гигиенические условия в г. Кургане в 20–30-е годы XX в. / М.С. Жулева // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей Курганского государственного университета (гуманитарные науки). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2003. – С. 13–17.

149. Журавлева, В.А. Градостроительство на Урале в 20–30-е гг. XX в. / В.А. Журавлева. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 134 с.

150. Журавлева, В.А. Население Златоуста в 20–30-е годы XX века / В.А. Журавлева // Вторые Бушуевские чтения: сб. мат-лов. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – С. 110–121.

151. Занятия населения Уральской области (по данным разработки Всесоюзной переписи населения 1926 г.). – Свердловск: Изд. Уралстатотдела, 1929. – 424 с.
152. Заславская, Т.И. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом виде / Т.И. Заславская, Л.Л. Рыбаковский // Социологические исследования (Социс). – 1978. – № 1. – С. 56–72.
153. Захарова, Е.Г. Изменения численности и состава рабочего класса Урала в 1921–1928 гг. / Е.Г. Захарова, В.В. Фельдман // Рабочий класс Урала в период строительства социализма: сб. ст. / отв. ред. А.В. Бакунин, А.А. Антуфьев. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. – С. 26–42.
154. Зашанский. Скарлатина в Свердловском округе / Зашанский // Округ. – 1926. – № 6. – С. 14–16.
155. Земсков, В.Н. ГУЛАГ (Историко-социологический аспект) / В.Н. Земсков // Социологические исследования. – 1991. – № 6. – С. 10–27.
156. Земсков, В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е гг. / В.Н. Земсков // Социологические исследования. – 1991. – № 10. – С. 3–21.
157. Земсков, В.Н. Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. / В.Н. Земсков // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 74–75.
158. Земсков, В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 / В.Н. Земсков. – М.: Наука, 2003. – 306 с.
159. Земсков, В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) / В.Н. Земсков // Социологические исследования. – 1990. – № 11. – С. 3–17.
160. Зуйков, В.Н. Создание тяжелой индустрии на Урале (1926–1932 гг.) / В.Н. Зуйков. – М.: Мысль, 1971. – 301 с.
161. Иванов, Н.И. Движение населения в Уральской области за 1925 год / Н.И. Иванов // Здоровоохранение Уральской области за 1925 г. – Свердловск: Изд. отд. здравоохранения Уралоблисполкома, 1926. – Вып. II. – С. 1–9.

162. Изменения социальной структуры советского общества: 1921–середина 1930-х годов / отв. ред. В.М. Селунская. – М.: Мысль, 1979. – 343 с.
163. Историческая экология и историческая демография: сб. науч. ст. / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: РОССПЭН, 2003. – 384 с.
164. История народного хозяйства Урала. В 2 ч. Ч. I: 1917–1945 / отв. ред. М.А. Сергеев. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. – 256 с.
165. История советской государственной статистики. – М.: Статистика, 1969. – 528 с.
166. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пос. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: Российский гуманитарный ун-т, 1998. – 702 с.
167. Исупов, В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х–конец 50-х гг.) / В.А. Исупов. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1991. – 291 с.
168. Исупов, В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки / В.А. Исупов. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 244 с.
169. Исупов, В.А. Демографическая статистика в Сибири: история становления (1920–1930-е годы) / В.А. Исупов // Вестник Новосибирского государственного ун-та экономики и управления. – Новосибирск, 2010. – № 1. – С. 90–102.
170. Исупов, В.А. Динамика численности городского населения Сибири в период строительства социализма / В.А. Исупов // Урбанизация советской Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 28–45.
171. Исупов, В.А. Живая цифра: к истории переписей населения / В.А. Исупов // ЭКО. – 2001. – № 11. – С. 149–165.
172. Исупов, В.А. К вопросу о начале процесса демографического перехода в Западной Сибири / В.А. Исупов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 1. – С. 12–16.

173. Исупов, В.А. Население Западной Сибири 1934–1937 годах / В.А. Исупов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «История, филология». – 2014. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 85–96.

174. Исупов, В.А. Сталинский демографический ренессанс: иллюзия или реальность (1934–1940 гг.) / В.А. Исупов // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Отечественная история». – 1998. – № 2. – С. 32–39.

175. Исупов, В.А. Текущая статистика населения как источник по демографической истории Западной Сибири: проблемы становления / В.А. Исупов // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 4 (49). – С. 86–94.

176. Исупов, В.А. Численность населения Западно-Сибирского края в расчетах сибирских статистиков 1930-х гг. / В.А. Исупов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «История, филология». – 2010. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 188–200.

177. Исупов, В.А. «Это была фантастика, если не хуже»: методы фальсификации статистических источников в 1930-х гг. / В.А. Исупов // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Отечественная история». – Новосибирск: Изд-во СО РАН. – 2008. – № 2. – С. 32–36.

178. Казанский, Ф. Структура, динамика и удельный вес хозяйства Урала в общесоюзном хозяйстве / Ф. Казанский // Хозяйство Урала. – 1926. – № 17. – С. 23–34.

179. Кайгородов, В. Шадринский уезд в цифрах / В. Кайгородов // Журнал Шадринского общества краеведения. – 1923. – № 1. – С. 8–9.

180. Каменева, Н. Опыт социальной группировки данных об абортах (По материалам Уральской области) / Н. Каменева // Вестник статистики. – 1928. – № 1. – С. 77–94.

181. Кваша, Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке / Е.А. Кваша // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 46–55.

182. Квиткин, О. Первые итоги переписи 1926 г. / О. Квиткин // Статистическое обозрение. – 1927. – № 1. – С. 13–19.

183. Кириллов, В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала в 1920-е–начало 50-х гг.: в 2 ч. / В.М. Кириллов. – Нижний Тагил: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, Нижнетагильского гос. пед. ин-та, 1996. – Ч. I. – 232 с.

184. Кириллова, Д.А. Рождаемость, смертность и прирост населения СССР в 1933–1939 гг. / Д.А. Кириллова. – Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 1994. – 138 с.

185. Киселев, И.Н. Естественное движение населения в 1930-х годах / И.Н. Киселев // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: сб. науч. тр. – М.: Ин-т росс. истории РАН, 1994. – С. 50–67.

186. Князев, А.И. Население и его состав / А.И. Князев // Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественно-историческом, культурно-экономическом и административном отношении. – Курган: Изд. окружной плановой комиссии, 1925. – С. 34–47.

187. Ковалев, С.А. Изменения в размещении населения СССР за годы социалистического строительства / С.А. Ковалев // Вестник Московского ун-та. Сер. V «География». – 1968. – № 3. – С. 3–13.

188. Комар, И.В. Урал: экономико-географическая характеристика / И.В. Комар. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 367 с.

189. Константинов, О.А. Городские поселения Урала / О.А. Константинов // Вопросы географии. – М.: Госуд. изд-во геогр. лит-ры, 1956. – Сб. 38. – С. 78–103.

190. Константинов, О.А. Экономико-географическое положение больших городов СССР / О.А. Константинов // Известия Всесоюзного географического общества. – 1946. – Т. 78. – Вып. 2. – С. 171–182.

191. Корнилов, Г.Е. Голод 1932–1933 гг. на Урале: факторы и масштабы / Г.Е. Корнилов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 2. – С. 65–69.

192. Корнилов, Г.Е. Миграции сельского населения Уральского региона в годы войны / Г.Е. Корнилов // Отечественная история. – 1993. – № 3. – С. 62–82.

193. Корнилов, Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. / Г.Е. Корнилов // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 2 (35). – С. 48–57.

194. Корнилов, Г.Е. Население Верхотурья в последние сто лет / Г.Е. Корнилов // Верхотурский край в истории России: сб. ст. – Екатеринбург: УрГПУ, Банк культурной информатики, 1997. – С. 144–147.

195. Корнилов, Г.Е. Социальная структура уральской деревни накануне Великой Отечественной войны / Г.Е. Корнилов // Население и трудовые ресурсы уральской советской деревни: сб. науч. тр. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1987. – С. 33–44.

196. Корнилов, Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Г.Е. Корнилов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 221 с.

197. Корнилов, Г.Е. Уральское село и война: проблемы демографического развития / Г.Е. Корнилов. – Екатеринбург: ТОО «Уралагропресс», 1993. – 175 с.

198. Корнилов, Г.Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. / Г.Е. Корнилов // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 3 (44). – С. 80–89.

199. Корнилов, Г.Е. Миграционные связи Уральской области (по материалам Всесоюзной переписи 1926 года) / Г.Е. Корнилов, О.В. Павлова // Уральский исторический вестник. Вып. 9: Проблемы экономической истории России: региональное измерение. – Екатеринбург: Академкнига, 2003. – С. 210–226.

200. Корчагин, П.А. История Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города / П.А. Корчагин. – Екатеринбург: Изд-во Банк культурной информатики, 2001. – 180 с.

201. Космодемьянский, В.Н. Эпидемия сыпного и возвратного тифов среди гражданского населения гор. Перми во 2-ю половину 1921 года / В.Н. Космодемьянский // Пермский медицинский журнал. – 1923. – № 1–2. – С. 1–15.

202. Костромин, Н.Е. Опыт профилактической активной иммунизации против скарлатины комбинированной вакциной в г. Перми / Н.Е. Костромин, Э.И. Альтшуллер, Е.И. Данилов // Уральский медицинский журнал. – 1929. – № 4. – С. 59–71.
203. Косяков П.О. Население Уральского экономического района: стат. справочник / П.О. Косяков, Н.М. Кузовлев, Л.И. Гаврилова. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1972. – 170 с.
204. Коцоурек, В.В. Жилищное, дорожное и коммунальное строительство / В.В. Коцоурек // Златоустовский округ 1917–1927 гг. (Десять лет работы Советов Р.К.К. и К.Д. Златоустовского округа). – Златоуст: Изд. Златокрисполкома, 1927. – С. 113–118.
205. Краваль, И. Всесоюзная перепись населения 1937 г. / И. Краваль // Плановое хозяйство. – 1936. – № 12. – С. 17–35.
206. Красильников, М.П. Введение / М.П. Красильников // Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. – М.: ЦСУ СССР, 1928. – С. III–XIII.
207. Красильников, М.П. Всесоюзная перепись 1926 года / М.П. Красильников // Хозяйство Урала. – 1925. – № 7. – С. 83–90.
208. Красильников, М.П. Население Урала и Северной Азии (Из итогов Всесоюзной переписи 1926 г.) / М.П. Красильников // Северная Азия. – 1929. – Кн. 3. – С. 55–82.
209. Красовская-Колосова, Н.В. Влияние социально-экономических факторов на частоту отдельных причин смерти (по данным для б. Петербурга за 1909–1912 гг.) / Н.В. Красовская-Колосова // Гигиена и эпидемиология. – 1930. – № 11–12. – С. 59–64.
210. Кругликов, В.В. Миграции населения Свердловской области в годы Великой Отечественной войны / В.В. Кругликов // Воспитательный потенциал исторического образования: сб. науч. ст. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2008. – Ч. 1. – С. 165–170.

211. Кувшинников, П. Естественное движение населения РСФСР в 1920–1922 гг. / П. Кувшинников // Вестник статистики. – 1925. – № 4–6. – С. 99–135.
212. Кузьмин, А.И. Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути) / А.И. Кузьмин. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – 237 с.
213. Кузьмин, А.И. Историко-демографический портрет Екатеринбурга / А.И. Кузьмин, А.Г. Оруджиева // Известия Уральского государственного университета. – 1998. – № 9. – С. 95–100.
214. Кузьминова, О.В. Принудительные миграции на Урале в 1930-е гг. / О.В. Кузьминова // Четвертые Татищевские чтения: тез. докл. и сообщ. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2002. – С. 168-170.
215. Кузовлев, П.М. К истории формирования населения Урала / П.М. Кузовлев // Проблема формирования и развития населения Урала. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1977. – С. 5–24.
216. Кузовлев, П.М. Особенности механического движения населения городов Урала / П.М. Кузовлев // Тр. первой научной сессии по проблемам развития городских поселений Уральского экономического региона. – Пермь: Изд. ПГУ, 1968. – Вып. 3. – Т. 2. – С. 17–23.
217. Куликов, В.М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы на Урале. 1925–1932 / В.М. Куликов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 277 с.
218. Курдов, И.К. Заразные болезни в Уральской области в 1929 году / И.К. Курдов // Уральский медицинский журнал. – 1930. – № 5–6. – С. 118–125.
219. Курдов, И.К. Краткая характеристика здравоохранения в 1927 году по сравнению с 1926 годов / И.К. Курдов // Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1927 год. – Свердловск: Изд. облздравотдела, 1929. – С. 3–9.
220. Курдов, И.К. Краткий очерк состояния здравоохранения на Урале в 1928 году по сравнению с 1927 годом / И.К. Курдов // Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. – Свердловск: Изд. Уралоблздравотдела, 1929. – С. 3–21.

221. Курдов, И.К. Краткий очерк состояния здравоохранения на Урале в 1929 г. по сравнению с 1928 г. / И.К. Курдов // Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1929 год. – Свердловск: Изд. облздравотдела, 1931. – С. 3–21.
222. Курдов, И.К. Обзор деятельности учреждений здравоохранения на Урале в 1928 году / И.К. Курдов // Уральский медицинский журнал. – 1929. – № 9. – С. 5–15.
223. Курдов, И.К. Общее состояние дела здравоохранения / И.К. Курдов // Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. – Свердловск: Изд. Уралоблздравотдела, 1928. – Вып. III. – С. 3–56.
224. Кутина, Е.А. История становления органов государственной статистики Свердловской области / Е.А. Кутина. – [http://old.nsaem.ru/Science/Publications/ Science_notes/Last_](http://old.nsaem.ru/Science/Publications/Science_notes/Last_).
225. Лабутова, Т.С. Основные организационные и методологические вопросы Всесоюзной переписи населения 1939 г. / Т.С. Лабутова // Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. – М.: Наука, 1992. – С. 12–18.
226. Лебедев, Ф. Возрастной состав населения Урала за 1927–38 гг. / Ф. Лебедев // Население и жилищные условия городов Урала. – Свердловск: Изд. статсектора Уралплана, 1930. – С. 62–89.
227. Лебедев, Ф. Детская смертность на Урале в 1926–27 годах / Ф. Лебедев // Уральский медицинский журнал. – 1930. – № 1. – С. 61–69.
228. Лебедев, Ф. К вопросу о семейной карте и системе разработки демографической переписи / Ф. Лебедев // Бюллетень Уральского областного статистического управления. – 1926. – № 1. – С. 41–50.
229. Лебедев, Ф. К демографической переписи 1926 года / Ф. Лебедев // Хозяйство Урала. – 1926. – № 17. – С. 136–140.
230. Лебедев, Ф. Механическое движение населения городов Урала / Ф. Лебедев // Хозяйство Урала. – 1928. – № 8–9. – С. 150–161.
231. Лебедев, Ф. Народность и грамотность населения Уралобласти по переписи 1926 года / Ф. Лебедев // Хозяйство Урала. – 1928. – № 1. – С. 160–167.

232. Лебедев, Ф. Население Урала (Первые итоги переписи 1926 г.) / Ф. Лебедев // Хозяйство Урала. – 1927. – № 1. – С. 136–141.

233. Лебедев, Ф. Население Уралобласти / Ф. Лебедев // Хозяйство Урала. – 1925. – № 5–6. С. 121–128.

234. Лебедев, Ф. Население Уральской области по переписи 1926 г. / Ф. Лебедев // Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Уральской области: справочник по округам, районам и сельсоветам Уральской области. – Свердловск: Изд. Уралстатуправления и орготдела Уралоблисполкома, 1927. – С. 3–38.

235. Лебедев, Ф. Предварительные итоги переписи городов и поселков Урала / Ф. Лебедев // Известия Уральского областного исполнительного комитета Советов РКК и К. – 1927. – № 2 (220). – С. 15–16.

236. Лебедев, Ф. Семья и социальный состав уральского города / Ф. Лебедев // Население и жилищные условия городов Урала. – Свердловск: Изд. статсектора Уралплана, 1930. – С. 1–55.

237. Лебедев, Ф. Смертность по социальным группам в городах / Ф. Лебедев // Хозяйство Урала. – 1929. – № 8–9. – С. 210–220.

238. Лебедев, Ф. Социально-экономическая структура и занятия населения Уралобласти // Занятия населения Уральской области (по данным разработки Всесоюзной переписи населения 1926 г.) / Ф. Лебедев. – Свердловск: Изд. Уралстатотдела, 1929. – С. 3–80.

239. Лебедев, Ф. Социально-экономическая структура населения Уралобласти (из итогов разработки переписи 1926 г.) / Ф. Лебедев // Хозяйство Урала. – 1928. – № 7. – С. 117–134.

240. Лебедев, Ф. Трудовые ресурсы Уралобласти / Ф. Лебедев // Хозяйство Урала. – 1928. – № 4. – С. 150–155.

241. Левин, А.Я. Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму (государственный капитализм и частный капитализм) / А.Я. Левин. – М.: Экономика, 1967. – 167 с.

242. Ленин, В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов: доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 окт. 1921 г. / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 44. – С. 155–175.
243. Лившиц, Ф.Д. Перепись населения 1937 года / Ф.Д. Лившиц // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. – М.: Наука, 1990. – С. 174–208.
244. Литвинова, Г.И. Право и демографические процессы в СССР / Г.И. Литвинова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
245. Лотова, Е.И. Место и роль социально-гигиенических исследований в изучении здоровья рабочих в СССР в 20–30-е годы / Е.И. Лотова, Х.И. Идельчик, И.В. Венгрова // Советское здравоохранение. – 1981. – № 12. – С. 51–54.
246. Лубны-Герцык, Л.И. Естественное движение населения в СССР в 1926 году / Л.И. Лубны-Герцык // Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. – М.: Изд. ЦСУ СССР, 1929. – С. 7–34.
247. Лубны-Герцык, Л.И. Общие показатели естественного движения Европейской части СССР за 1924 и 1925 гг. / Л.И. Лубны-Герцык // Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. – М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. – С. XIV–XXII.
248. Лукашкина. Полюбуйтесь нашими квартирами / Лукашкина // Мы активно участвуем в социалистическом строительстве. – Магнитогорск: Изд. Совета жен ИТР Магнитогорского металлургического комбината им. т. Сталина, 1936. – С. 7–8.
249. Мазур, Л.Н. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа / Л.Н. Мазур, Л.И. Бродская. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 564 с.
250. Макаренко, М.Ю. Население Северного Кавказа в конце XIX–первой четверти XX века: историко-демографическое исследование / М.Ю. Макаренко. – Краснодар: КубГУ, 2009. – 259 с.

251. Макарова, Н.Н. «Город без церквей»: религиозность в Магнитогорске в 1930-е гг. / Н.Н. Макарова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 3–4 (30). – С. 158–180.

252. Макарова, Н.Н. Демографическая характеристика Магнитогорска: анализ причин смертности и рождаемости (1930–1935) / Н.Н. Макарова // Социум и власть. – 2009. – № 3 (23). – С. 96–100.

253. Макарова, Н.Н. Демографическая характеристика населения города Магнитогорска в 1930-е гг. / Н.Н. Макарова // Исторические аспекты воспроизводства населения Урала (XVIII–XX вв.): сб. науч. ст. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН; Изд-во АМБ, 2011. – С. 75–81.

254. Макарова, Н.Н. Механизмы формирования населения нового города в условиях форсированной индустриализации (по Материалам Магнитогорска) / Н.Н. Макарова // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 1 (30). – С. 71–76.

255. Максимов, Г.М. Движение и состав населения СССР / Г.М. Максимов // История СССР. – 1961. – № 1. – С. 28–48.

256. Максудов, С. Некоторые проблемы изучения потерь населения в годы коллективизации / С. Максудов // Проблемы народонаселения в зеркале истории: Шестые Валентеевские чтения: сб. докл. – М.: МАКСПресс, 2010. – С. 371–400.

257. Максудов, С. Потери населения СССР в годы коллективизации / С. Максудов // Звенья: Исторический альманах. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 65–112.

258. Маньковский, В.И. Дискуссии о масштабах репрессий 1930–1950-х гг. в англо-американской историографии / В.И. Маньковский // Историческая демография. – М.; Сыктывкар: ИРИ РАН: ИИиА УрО РАН: ИЯЛиИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. – С. 143–147.

259. Мещеряков, П.В. Помощь агитатору: материалы о прошлом и настоящем Челябинской области / П.В. Мещеряков, В.В. Байдерин. – Челябинск: ОГИЗ, 1939. – 126 с.

260. Миграционная подвижность населения в СССР / под ред. Б.С. Хорева и В.М. Моисеенко. – М.: Статистика, 1974. – 160 с.

261. Мирошниченко, М.И. Женщины на Урале в 1920–1935 гг. / М.И. Мирошниченко. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – 269 с.
262. Мирошниченко, М.И. Роженицы Урала в начальный период формирования сети родовспомогательных учреждений / М.И. Мирошниченко // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». – 2010. – Вып. 15. – № 28 (204). – С. 39–43.
263. Михайловский, В.Г. Всесоюзная перепись населения 1926 года / В.Г. Михайловский. – М.: ЦСУ СССР, 1926. – 32 с.
264. Моделевич, М.С. Охрана здоровья трудящихся округа / М.С. Моделевич // Златоустовский округ 1917–1927 гг. (Десять лет работы Советов Р.К.К. и К.Д. Златоустовского округа). – Златоуст: Изд. Златоустовского окрисполкома, 1927. – С. 91–98.
265. Морозов. Здравоохранение в округе / Морозов // Округ. – 1927. – № 6. – С. 12–15.
266. Москвина, Е.В. Национальный состав населения Урала накануне Великой Отечественной войны (По материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.) / Е.В. Москвина // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – Вып. 6. – С. 226–235.
267. Московский, А.С. Рост городского населения Сибири в годы первой пятилетки / А.С. Московский // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. – Вып. 2 (№ 5). – Новосибирск, 1966. – С. 73–79.
268. Московский, А.С. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.) / А.С. Московский, В.А. Исупов. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. – 168 с.
269. Мотревич, В.П. Население Курганского района Челябинской области накануне Великой Отечественной войны (по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г.) / В.П. Мотревич // II Емельяновские чтения: матер. Всерос. научн.-практ. конф. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007. – С. 155.

270. Мотревич, В.П. Национальный состав сельского населения Урала накануне Великой Отечественной войны (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.) / В.П. Мотревич // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: история, историография: сб. науч. тр. – Свердловск: УрГУ, 1990. – С. 108–117.

271. Мотревич, В.П. Плановое сельскохозяйственное переселение на Урал в 1939–1953 гг. // III Емельяновские чтения: миграционные процессы и межэтнические взаимодействия в Урало-Сибирском регионе: матер. Всерос. научн.-практ. конф. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2008. – С. 42–44.

272. Накоряков, Н.К. Статистические данные об абортах в г. Перми (1922–1926 гг.) / Н.К. Накоряков // Уральский медицинский журнал. – 1929. – № 3. – С. 81–95.

273. Народонаселение: энциклопедический словарь / под ред. Г.Г. Меликьян. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. – 640 с.

274. Нарский, И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. / И.В. Нарский. – М.: РОССПЭН, 2001. – 632 с.

275. Нарский, И.В. Канализация хаоса и хаос в канализации: Санитарное состояние уральских городов в послереволюционной России / И.В. Нарский // Родина. – 2001. – № 11. – С. 74–77.

276. Население и жилищные условия городов Урала. – Свердловск: Изд. статсектора Уралплана, 1930. – 188 с.

277. Население России в 1920–1930-е годы: численность, потери, миграции: сб. науч. ст. – М.: Ин-т росс. истории РАН, 1994. – 223 с.

278. Население России в XX веке. В 3 т. Т.1: 1900–1939 / отв. ред. В.Б. Жиромская. – М.: РОССПЭН, 2000. – 463 с.

279. Население России и СССР: новые источники и методы исследования: сб. статей. – Екатеринбург: Ин-т росс. истории РАН: Урал. кадровый центр: ИИ и А УрО РАН, 1993. – 84 с.

280. Население СССР за 70 лет / отв. ред. Л.Л. Рыбаковский. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
281. Население СССР (перепись 1926 г.): I и II серии диаграмм / сост. Р. Гринберг. – М.; Л.: Госиздат, 1928–1929.
282. Население Урала. XX век. История демографического развития / отв. ред. В.В. Алексеев. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1996. – 212 с.
283. Наша область: прошлое и настоящее Свердловской области. – Свердловск: Облиздат, 1938. – 94 с.
284. Нейштадт, А. Восстановление и развитие коммунального хозяйства Урала / А. Нейштадт // Хозяйство Урала. – 1926. – № 15–16. – С. 140–154.
285. Нейштадт, А.И. Развитие городов Урала в годы сталинских пятилеток / А.И. Нейштадт. – Свердловск: Облгосиздат, 1951. – 31 с.
286. Некоторые проблемы развития экономики Урала / под ред. М.А. Сергеева. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975. – 144 с.
287. Немчинов, В.С. Избранные произведения: в 6 т. / В.С. Немчинов. – М.: Наука, 1967. – Т. 1. – 431 с.
288. Немчинов, В.С. Народное хозяйство Урала: его состояние и развитие / В.С. Немчинов. – Екатеринбург, Изд-во «Уралкнига», 1923. – 109 с.
289. Немчинов, В. Предисловие / В. Немчинов // Бюллетень Уральского областного статистического управления. – 1926. – № 1. – С. 1.
290. Новосельский, С.А. Смертность и продолжительность жизни в России / С.А. Новосельский. – Петроград: Тип. МВД, 1916. – 207 с.
291. О Всесоюзной переписи населения 1939 г. // Плановое хозяйство. – 1939. – № 6. – С. 11–17.
292. О награждении работников Всесоюзной переписи населения 1939 года / – <http://sammler.ru/index.php?s=4f7b2aeec7cd0b8cc9a893252594dbc4&act=Print&client=printer&f=315&t=386/> (дата обращения 15.08.2015).
293. О подготовке к проведению всеобщей переписи населения в области // Парработник. – 1936. – № 8–9. – С. 90.

294. Омран, А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения / А. Омран // Проблемы народонаселения: о демографических проблемах стран Запада / отв. ред. Д.И. Валентей, А.П. Судоплатов. – М.: Прогресс, 1977. – С. 57–91.
295. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / отв. ред. В.В. Алексеев. – М.: Наука, 2000. – 244 с.
296. Орджоникидзе, Г.К. Статьи и речи : в 2 т. / Г.К. Орджоникидзе. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 2. – 356 с.
297. Оруджиева, А.Г. Динамика численности населения Урала в советский период / А.Г. Оруджиева // Население России и СССР: новые источники методы исследования: сб. науч. тр. – Екатеринбург: ИРИ РАН, Уральский кадровый центр, ИИиА УрО РАН, 1993. – С. 29–38.
298. Оруджиева, А. Одни – на Запад, другие – на Восток: миграционные процессы на Урале / А. Оруджиева // Родина. – 2001. – № 11. – С. 81–83.
299. Особенности воспроизводства и миграции населения на Урале: сб. науч. тр. / отв. ред. И.П. Мокеров. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1986. – 101 с.
300. Организация секции общей статистики Губстатбюро // Губерния в цифрах. – 1922. – № 6. – С. 24–25.
301. Осинский, Н. Что значит учет / Н. Осинский. – М.; Л.: Союзоргучет, 1932. – 24 с.
302. Осокина, Е.А. Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) / Е.А. Осокина // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 18–26.
303. Панишев, Е.А. Естественный прирост населения города Кургана в конце XIX–начале XX вв. / Е.А. Панишев // Зыряновские чтения: мат-лы межрегионал. науч.-практ. конф. – Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2004. – С. 95–96.
304. Пережигин, С.И. Предварительные итоги профессионально-демографической переписи 15 марта 1923 года по Екатеринбургской губернии / С.И. Пережигин // Губерния в цифрах. – 1923. – № 4. – С. 15–16.

305. Пересторонина, Л.И. Питание горожан Урала в годы продовольственного кризиса (1919–1922 гг.) / Л.И. Пересторонина // Парадигмы исторического образования в контексте социального развития: сб. науч. ст. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – Ч. 1. – С. 160–163.

306. Пермь прежде и теперь (Материалы для докладчиков и беседчиков к XX годовщине Великой Октябрьской социалистической революции). – Пермь: Изд. Парткабинета горкома ВКП (б), 1937. – 23 с.

307. Писарев, И.Ю. К итогам переписи населения СССР 1939 г. / И.Ю. Писарев // Проблемы экономики. – 1940. – № 7. – С. 82–90.

308. Писарев, И.Ю. Население страны социализма (К итогам переписи 1939 года) / И.Ю. Писарев // Плановое хозяйство. – 1940. – № 5. – С. 12–21.

309. Писарев, И.Ю. Народонаселение СССР (социально-экономический очерк) / И.Ю. Писарев. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 190 с.

310. Письмо участковых инспекторов нархозучета Ленинградской области инспекторам Московской и Свердловской областей // План. – 1936. – № 11. – С. 55.

311. Побережников, И.В. Модернизация: определение понятия, параметры и критерии / И.В. Побережников // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX–XXI столетий: Четвертые всероссийские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. – С. 105–121.

312. Побережников, И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И.В. Побережников. – М.: РОССПЭН, 2006. – 240 с.

313. Подъячих, П.Г. Всесоюзная перепись населения 1939 г. (Методология и организация проведения переписи и разработка итогов) / П.Г. Подъячих. – М.: Госстатиздат, 1953. – 148 с.

314. Поляков, Л.Е. Цена войны: демографический аспект / Л.Е. Поляков. – М.: Финансы и статистика, 1985. – 136 с.

315. Поляков, Ю.А. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: историческая обстановка / Ю.А. Поляков // Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. док. и мат-лов. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 5–9.

316. Поляков, Ю.А. Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920–1930-е годы) / Ю.А. Поляков // Вопросы истории. – 1995. – № 3. – С. 122–128.

317. Поляков, Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население / Ю.А. Поляков. – М.: Наука, 1986. – 272 с.

318. Поляков, Ю.А. Новая экономическая политика: разработка и осуществление / Ю.А. Поляков, В.П. Дмитренко, Н.В. Щербань. – М.: Политиздат, 1982. – 240 с.

319. Поляков, Ю.А. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) / Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев // Социологические исследования. – 1990. – № 8. – С. 30–52.

320. Полян, П. Не по своей воле...: история и география принудительных миграций в СССР / П. Полян. – М.: ОГИ-Мемориал, 2001. – 327 с.

321. Попов, П.И. Введение / П.И. Попов, В.Г. Михайловский // Труды ЦСУ. – Т. 1. – Вып.1: Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 25 губерний Европейской России. – М.: 14-я тип. Московского совнархоза, 1920. – С. 3–9.

322. Постников, С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.) / С.П. Постников, М.А. Фельдман. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – 475 с.

323. Поткина, И.В. Россия и модернизация (в прочтении западных ученых) / И.В. Поткина, Н.Б. Селунская // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 194–207.

324. Приходько, Т.Л. Уровень грамотности и образования населения города Свердловска (по материалам переписей населения 1926 и 1939 гг.) / Т.Л. Приходько // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра: мат-лы науч.-практ. конф.: в 2 ч. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 1998. – Ч. 1. – С. 133–134.

325. Проблемы исторической демографии СССР / под ред. А.Д. Колесникова. – Томск: Изд-во ТГУ, 1980. – 322 с.

326. Пуллат, Р.Н. Тенденции развития и основные достижения исторической демографии в СССР на современном этапе / Р.Н. Пуллат // Проблемы исторической демографии СССР. – Томск: Изд-во ТГУ, 1980. – С. 33–42.

327. Пустоход, П.И. Переписи населения в СССР / П.И. Пустоход // Переписи населения (их история и организация) / В.К. Воблый, П.И. Пустоход. – М.; Л.: Госпланиздат, 1940. – С. 104–148.

328. Рабинович, Д.Б. Несколько слов о брюшно-тифозной эпидемии в г. Златоусте в 1928–29 г. / Д.Б. Рабинович // Уральский медицинский журнал. – 1929. – № 5. – С. 64–67.

329. Рабочий класс Урала в период строительства социализма: сб. ст. / отв. ред. А.В. Бакунин, А.А. Антуфьев. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. – 144 с.

330. Рашин, А.Г. Рост городского населения в СССР (1926–1959 гг.) / А.Г. Рашин // Исторические записки. – 1960. – № 66. – С. 267–277.

331. Рождаемость и ее факторы: сб. ст. / под ред. А.Г. Волкова. – М.: Статистика, 1968. – 118 с.

332. Розенфельд, Л.Г. здравоохранение Южного Урала за годы Советской власти / Л.Г. Розенфельд, Г.П. Мещерякова // Советское здравоохранение. – 1978. – № 1. – С. 14–19.

333. Розенфельд, Л.Г. Итоги здравоохранения Южного Урала за 60 лет Советской власти – вклад в выполнение программы охраны здоровья советского народа / Л.Г. Розенфельд, Г.П. Мещерякова. – Челябинск: Знание, 1978. – 22 с.

334. Розенштейн, С. здравоохранение в Екатеринбургской губернии за срок с 1 октября 1921 г. по 1 сентября 1922 г. / С. Розенштейн // Медработник Урала. – 1922. – № 2. – С. 3–6.

335. Розет, Г.И. здравоохранение Пермского района на пороге 2-й пятилетки / Г.И. Розет // Пермский медицинский журнал. – 1932. – № 5–6. – С. 3–13.

336. Россия в XVIII–XX в.: региональные аспекты модернизации / отв. ред. И.В. Побережников. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – 342 с.
337. Ростоцкий, И.Т. Рост советского здравоохранения на Урале / И.Т. Ростоцкий // Советская медицина. – 1938. – № 16. – С. 39.
338. Рыбаковский, Л.Л. Миграция населения. Вып. 5: Стадии миграционного процесса / Л.Л. Рыбаковский / под общ. ред. О.Д. Воробьевой. – М.: Б.и., 2001. – 159 с.
339. Рыбаковский, Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика / Л.Л. Рыбаковский. – М.: Наука, 1987. – 199 с.
340. Рыбаковский, Л.Л. Региональный анализ миграций / Л.Л. Рыбаковский. – М.: Статистика, 1973. – 147 с.
341. Саутин, И. Население страны социализма / И. Саутин // Партийное строительство. – 1939. – № 12. – С. 24–30.
342. Саутин, И. Население страны социализма / И. Саутин // Большевик. – 1940. – № 10. – С. 14–22.
343. Селезнева, В.Т. Здравоохранение в Пермском округе в 1926–1929 годах / В.Т. Селезнева // Тр. Пермского гос. мед. института. – Пермь, 1963. – Т. 43. – Вып. 2. – С. 346–353.
344. Селезнева, В.Т. Здравоохранение Урала «лицом к производству» (1930–1934) / В.Т. Селезнева // Советское здравоохранение. – 1963. – № 4. – С. 23–29.
345. Селезнева, В.Т. Здравоохранение Пермской губернии в годы перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921–1925 гг.) / В.Т. Селезнева // Тр. Пермского гос. мед. института. – Пермь, 1963. – Т. 43. – Вып. 2. – С. 338–345.
346. Селезнева, В.Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии / В.Т. Селезнева. – Пермь: Пермская гос. мед. академия, 1997. – 124 с.
347. Семашко, Н.А. Десятилетие советской медицины и социальная гигиена / Н.А. Семашко // Социальная гигиена. – 1928. – № 4 (14). – С. 11–19.

348. Сенявский, А.С. Российская урбанизация: экологические последствия и их влияние на демографические процессы / А.С. Сенявский // Историческая экология и историческая демография: сб. науч. тр. / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 47–73.

349. Сенявский, А.С. Российский путь к городскому обществу: история и современность / А.С. Сенявский. – Екатеринбург: РАН, Институт российской истории, УрО ИИиА, 1998. – 12 с.

350. Сенявский, А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе / А.С. Сенявский. – М.: Наука, 2003. – 286 с.

351. Сенявский, С.А. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938–1970 / С.А. Сенявский. – М.: Мысль, 1973. – 447 с.

352. Сердюков, А.А. Партийное руководство социалистическим преобразованием мелкотоварного уклада в промышленности Урала (1926–1932) / А.А. Сердюков // Деятельность КПСС по социалистической реконструкции и развитию промышленности Урала (1917–1950): сб. науч. тр. Свердловск: Изд. УрГУ, 1984. – С. 56–72.

353. Сердюков, А.А. Социалистическое преобразование мелкотоварного производства в промышленности Урала (1926–1928 годы) / А.А. Сердюков // Вопросы истории Урала: сб. № 12. – Свердловск: Изд. УрГУ, 1973. – С. 73–87.

354. Сержантов, В.Г. Магнитогорск / В.Г. Сержантов. – Челябинск: Кн. изд-во, 1955. – 52 с.

355. Серебренников, В.С. Здравоохранение на Урале (итоги и очередные задачи) / В.С. Серебренников. – Свердловск: Изд. облздравотдела, 1929. – 24 с.

356. Серебренников, В.С. Организация лечебного дела в Уральской области / В.С. Серебренников // Здравоохранение Уральской области за 1925 г. – Свердловск: Изд. отд. здравоохранения Уралоблисполкома, 1926. – Вып. II. – С. 36–76.

357. Сифман, Р.И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований) / Р.И. Сифман. – М.: Статистика, 1974. – 183 с.

358. Смирнов, В.Н. Всесоюзная перепись 1926 г. / В.Н. Смирнов // Округ. – 1926. – № 13. – С. 4–7.
359. Смирнов, В.Н. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения по Свердловскому округу / В.Н. Смирнов // Округ. – 1927. – № 3. – С. 37–43.
360. Смирнов, В.Н. Предварительные итоги профессионально-демографической городской переписи 15 марта 1923 года по Екатеринбургской губернии / В.Н. Смирнов // Губерния в цифрах. – 1923. – № 4. – С. 15–23.
361. Сосенский, И. Проблемы народонаселения в буржуазной литературе / И. Сосенский // Плановое хозяйство. – 1937. – № 3. – С. 211–215.
362. Сталинская стройка / сост. Н. Смелянский, В. Пикман, П. Мудров и др. – Магнитогорск: Изд. Магнитогорского ГК ВКП (б), редакции газеты «Магнитогорский рабочий», 1939. – 61 с.
363. Становление охраны здоровья народа на Южном Урале / Д.К. Соколов, Р.С. Алексеева, Г.Ф. Еремин, А.С. Старицын. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1970. – 87 с.
364. Степанов, П. Уральская область с приложением очерка: Башкирская АССР / П. Степанов. – М.: Изд-во «Плановое хоз-во», Б.г.и. – 116 с.
365. Степанова, Н.В. Динамика основных показателей естественного движения населения Пермской области (1941–1945 гг.) / Н.В. Степанова // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: сб. мат-лов IV Уральского демографического форума с международным участием. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2013. – С. 312–316.
366. Степин, А.П. Социалистическое преобразование общественных отношений городских средних слоев / А.П. Степин. – М.: Мысль, 1975. – 239 с.
367. Сулькевич, С. Население СССР / С. Сулькевич. – М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1939. – 36 с.
368. Сумачева, М.В. Этнические процессы на Урале во второй половине XX в. / М.В. Сумачева. – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. – 257 с.

369. Сурьянинов, С. Коммунальное хозяйство Уральской области / С. Сурьянинов // Экономика. – 1924. – № 10. – С. 46–53.
370. Суслов, А.В. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.) / А.В. Суслов. – Екатеринбург–Пермь: УрГУ, ПГПУ, 2003. – 331 с.
371. Тараканов, М.Ю. Влияние демографического перехода на естественное движение населения Нижнего Тагила в XX в. / М.Ю. Тараканов // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: сб. мат-лов IV Уральского демографического форума с международным участием. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2013. – С. 302–307.
372. Тараканов, М.Ю. Миграционное движение населения города Нижнего Тагила в годы Великой Отечественной войны / М.Ю. Тараканов // Роль исторического образования в формировании исторического сознания общества: сб. науч. ст. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2007. – Ч. 1. – С. 247–264.
373. Тараканов, М.Ю. Население Нижнего Тагила в конце XIX–первой половине XX в. / М.Ю. Тараканов // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 1 (18). – С. 26–29.
374. Тарасенков, П.Н. Развитие здравоохранения на Урале в 1928–1937 годах / П.Н. Тарасенков // Тр. Пермского гос. мед. института. – Пермь, 1963. – Т. 43. – Вып. 2. – С. 354–361.
375. Тарасов, П. На страже здоровья трудящихся / П. Тарасов // Челябинская область за 40 лет Советской власти. – Челябинск: Кн. изд-во, 1957. – С. 535–546.
376. Тертышный, А.Т. Забота Советской власти о развитии здравоохранения и народного образования на Урале после разгрома колчаковщины (1919–1920 годы) / А.Т. Тертышный // Вопросы истории Урала. – Свердловск: УрГУ, 1973. – Сб. № 12. – С. 62–72.
377. Тиунов, В. Молотовская область (Краткий экономический очерк) / В. Тиунов. – Молотов: Облиздат, 1940. – 72 с.

378. Третьяков, Б. Население Урала / Б. Третьяков // Урал. Очерки физической и экономической географии Уральской области. – Свердловск: Изд-во Уралкнига, 1926. – С. 96–111.
379. Трифионов, И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР / И.Я. Трифионов. – М.: Политиздат, 1975. – 406 с.
380. Трубников, С. Источники комплектования рабочей силы в СССР / С. Трубников // Проблемы экономики. – 1939. – № 6. – С. 145–159.
381. Тюмина, Т. Начало борьбы с клопами / Т. Тюмина // Мы активно участвуем в социалистическом строительстве. – Магнитогорск: Изд. Совета жен ИТР Магнитогорского металлургического комбината им. т. Сталина, 1936. – С. 10.
382. Урал: очерки физической и экономической географии Уральской области / под ред. С. Бессонова, Т. Каменева. – Свердловск: Изд-во Уралкнига, 1926. – 415 с.
383. Уральская область и Башкирская АССР / под ред. С.С. Кривцова. М.; Л.: Московский рабочий, 1928. – 160 с.
384. Уральское областное статистическое управление // Губерния в цифрах. – 1922. – № 6. – С. 24.
385. Урланис, Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти / Б.Ц. Урланис // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР: сб ст. / под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Статистика, 1977. – С. 8–27.
386. Урланис, Б.Ц. Народнонаселение: исследования, публицистика: сб. ст. / Б.Ц. Урланис. – М.: Статистика, 1976. – 359 с.
387. Урланис, Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР / Б.Ц. Урланис. – М.: Наука, 1974. – 336 с.
388. Урланис, Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР / Б.Ц. Урланис. – М.: Госстатиздат, 1963. – 136 с.
389. Урланис, Б.Ц. Рост населения в СССР / Б.Ц. Урланис. – М.: Статистика, 1966. – 38 с.

390. Урланис, Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни / Б.Ц. Урланис. – М.: Статистика, 1978. – 309 с.
391. Усольцев, С.Г. Водопровод г. Кизела Уральской области / С.Г. Усольцев // Уральский медицинский журнал. – 1929. – № 5. – С. 77–83.
392. Фельдман, В.В. Восстановление промышленности на Урале (1921–1926 гг.) / В.В. Фельдман. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. – 158 с.
393. Фельдман, М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. / М.А. Фельдман. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 430 с.
394. Феоктистов, В.А. О некоторых уроках вредительства троцкистских агентов в планировке города / В.А. Феоктистов // Проект и стандарт. – 1937. – № 7. – С. 4–7.
395. Финикова, И.Г. Спутники голода и нищеты (из истории областного противотуберкулезного диспансера 1920–1980-е гг.) / И.Г. Финикова // Зырянские чтения: мат-лы межрегиональной науч.-практ. конф. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2003. – С. 77–79.
396. Фицпатрик, Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов / Ш. Фицпатрик // Вопросы истории. – 1990. – № 8. – С. 16–31.
397. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик; пер. с англ. Л.Ю. Пантина. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 2008. – 336 с.
398. Фомин, Д.А. Какой была довоенная советская статистика? / Д.А. Фомин // Вопросы статистики. – 2008. – № 11. – С. 73–86.
399. Хорев, Б.С. Сдвиги в размещении населения СССР / Б.С. Хорев, В.М. Моисеенко. – М.: Статистика, 1976. – 102 с.
400. Хорев, Б.С. Проблемы изучения миграции населения (Стат.-геогр. очерки) / Б.С. Хорев, В.Н. Чапек. – М.: Мысль, 1978. – 254 с.
401. Цаплин, В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е гг. / В.В. Цаплин // Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 175–181.

402. Цепилова, В.И. Деятельность партийных организаций по укреплению материальных предпосылок социалистического быта рабочих (1928–1932 гг.) / В.И. Цепилова // Борьба партии за социалистический быт (1921 – 1937 гг.): сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Бухарев. – Волгоград: Изд. Волгоград. пед. ин-та, 1985. – С. 3–13.

403. Чашин, А.В. Воспроизводство населения Перми в 1920–1940 гг. / А.В. Чашин // Вестник Тамбовского ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». – Тамбов, 2010. – Вып. 1 (81). – С. 272–278.

404. Чашин, А.В. Воспроизводство населения Свердловска в 1923–1940-х годах // Вестник Новосибирского государственного ун-та. Сер. «История, филология». – Новосибирск, 2010. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 277–281.

405. Чашин, А.В. Городское население Урала во второй половине 1920–1930-х гг. (историко-демографический анализ) / А.В. Чашин // Вестник Самарского государственного ун-та. – 2010. – № 5 (79). – С. 116–121.

406. Чашин, А.В. Демографическая ситуация в Свердловске в начале 1930-х гг. / А.В. Чашин // Платоновские чтения: материалы и доклады XV Всерос. конф. молодых историков. – Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2009. – С. 53–55.

407. Чашин, А.В. Историко-демографическая характеристика города Березовска в 1920–1930-е гг. // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: материалы Всерос. науч. конф. «VI Емельяновские чтения». – Курган: Изд-во Курганского ун-та, 2012. – С. 160–193.

408. Чашин, А.В. Историко-демографическая характеристика города Кушвы в 1920–1930-е гг. А.В. Чашин // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: мат-лы X юбилейной всерос. науч. конф.: в 2 т. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2011. – Т. 2. – С. 213–218.

409. Чашин, А.В. Миграция в Свердловской области в 1935–1940 гг. / А.В. Чашин // III Емельяновские чтения: Миграционные процессы и межэтнические взаимодействия в Урало-Сибирском регионе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Курган: Изд-во Курганского ун-та, 2008. – С. 40–44.

410. Чашин, А.В. Население Свердловской области: естественное движение и миграционный прирост в 1933–1939 гг. / А.В. Чашин // Платоновские чтения: материалы и доклады XIV Всерос. конф. молодых историков. – Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2008. – С. 28–44.

411. Чашин, А.В. Смертность и ее причины в Свердловске в 1927–1939 гг. / А.В. Чашин // IV Емельяновские чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. – С. 148–150.

412. Челябинская область. В 3 т. Т. 1: Природные богатства и их использование / сост. Н.Е. Борисов. – Челябинск: Облиздат, 1939. – 300с.

413. Чеха, Н. Здравоохранение / Н. Чеха, Р. Гун // Магнитогорск: краткая энциклопедия / под ред. Б.А. Никифорова. – Магнитогорск: Магнитог. Дом печати, 2002. – С. 130–131.

414. Чолахян, В.А. Изменения в социальной структуре городского населения Нижнего Поволжья в 1920–1930-е гг. / В.А. Чолахян // Вестник Саратовского государственного социально-экономического ун-та. – 2007. – № 18 (4). – С. 164–167.

415. Чолахян, В.А. Социально-демографические последствия индустриального развития Нижнего Поволжья (конец XIX в.–1930-е гг.) / В.А. Чолахян. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2008. – 184 с.

416. Чумакова, Т. «Карта религий» для неудавшейся Всесоюзной переписи 1937 г.: забытая страница советского религиоведения / Т. Чумакова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 3–4 (30). – С. 106–133.

417. Чуфаров, В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.) / В.Г. Чуфаров. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. – 378 с.

418. Шапшев, К.Н. Немецкий ученый о русской голодовке / К.Н. Шапшев // Экономика. – 1923. – № 5. – С. 7–8.

419. Шапшев, К.Н. Убыль населения как следствие мировой войны / К.Н. Шапшев // Экономика. – 1923. – № 2–3. – С. 3–8.

420. Шеврин, И.Л. Всесоюзная перепись населения 1926 г. как исторический источник по изучению доколхозного крестьянства Урала / И.Л. Шеврин // Население и трудовые ресурсы уральской советской деревни: сб. науч. тр. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1987. – С. 16–23.

421. Шелестов, Д.К. Демография: история и современность / Д.К. Шелестов. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 271 с.

422. Шелестов, Д.К. Основные этапы развития исторической демографии / Д.К. Шелестов // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. – М.: Наука, 1989. – С. 15–28.

423. Шишкин, А.П. Борьба с детской смертностью в первые годы Советской власти / А.П. Шишкин // Советское здравоохранение. – 1981. – № 12. – С. 46–50.

424. Шубин, Р. Всероссийская городская перепись 1923 г. Некоторые итоги переписи по Пермской губернии / Р. Шубин // Экономика. – 1923. – № 2–3. – С. 61–63.

425. Щербакова, Н.М. Рабочий класс Урала в годы первой пятилетки / Н.М. Щербакова // Рабочий класс Урала в период строительства социализма: сб. ст. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. – С. 43–56.

426. Щербина, Г. Профессиональные отравления и заболевания в уральской промышленности / Г. Щербина // Уральский техник. – 1928. – № 4. – С. 68–73.

427. Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. (Историко-социологический подход) / отв. ред. В.В. Алексеев. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2000. – 104 с.

428. Яцунский, В.К. О некоторых отстающих участках нашей исторической науки / В.К. Яцунский // История СССР. – 1959. – № 3. – С. 17–36.

429. Kessler G. The passport system and state control over population flows in the Soviet Union, 1932–1940 / G. Kessler // Cahiers Du Monde Russe. – 2001. – Vol. 42 (2–4). – P. 477–503.

430. Kulischer, E. A new look at the soviet population structure of 1939 / E. Kulischer, M. Roof // *American Sociological Review*. – Jun56. – Vol. 21. – Issue 3. – P. 280–290.
431. Lorimer, F. The population of the Soviet Union: History and prospects league of nations / F. Lorimer. – Geneva, 1946. – 289 p.
432. Roof M. Supplementary note concerning the soviet population structure of 1939 // *American Sociological Review*. – Oct57. – Vol. 22. – Issue 5. – P. 581–582.
433. Rosefield S. Excess mortality in the Soviet Union: a reconsideration of the demographic consequences of forced industrialization 1929–1949 / S. Rosefield // *Soviet Studies*. – 1983. – Vol. 35 (3). – P. 385–409.
434. Wheatcroft, S. Famines and factors affecting mortality in the USSR: The demographic crises of 1918–1922 and 1930–1933 / S. Wheatcroft // *Famine in history newsletter: An occasional publication for participants in the session on famine in history to be held at the Eighth international economic history congress*. – Budapest, 1982. – P. 1–30.
435. Zelinsky W. The hypothesis of the mobility transition//*Geographical Review* 61, 1971, 219–249. – <http://jstor.org/journals/00167428.html> 08.11.2007 (дата обращения: 11.08.2015).

6. Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Араловец, Н.А. Российское городское население в 1897–1926 гг.: брак и семья: дис. ... д. ист. наук / Араловец Наталья Аркадьевна. – М., 2004. – 387 с.
2. Беловол, А.А. Создание и развитие северных городов Коми АССР в конце 1920-х – середине 1950-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Беловол Антон Александрович. – Чебоксары, 2008. – 22 с.
3. Бельков, А.В. Городское население Кузбасса в 20-е гг. XX в. – начале XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Бельков Антон Валерьевич. – Кемерово, 2007. – 27 с.

4. Богданова, Е.Г. Демографические процессы на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Богданова Елена Григорьевна. – Оренбург, 2012. – 30 с.
5. Войнаровская, Ю.В. Население малых городов Поволжья в 1921–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Войнаровская Юлия Владимировна. – Самара, 2009. – 19 с.
6. Головин, С.А. Изменение социальной структуры населения Дальнего Востока СССР: 1923–1939 годы: автореф. дис. ... д. ист. наук: 07.00.02 / Головин Сергей Александрович. – М., 2008. – 43 с.
7. Жулева, М.С. История повседневности жителей Кургана в 1929–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Жулева Мария Сергеевна. – Курган, 2004. – 195 с.
8. Захарова, Л.Б. Российское общество в 20-е гг. XX в., социальный аспект развития: на материалах Самарской, Саратовской, Симбирской губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Захарова Людмила Борисовна. – Самара, 2001 – 22 с.
9. Каримова, Л.К. Служащие в структуре городского населения ТААССР в 1920-е годы (социально-демографический анализ): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Каримова Луиза Каюмовна. – Казань, 2008. – 23 с.
10. Кириллова, Д.А. Естественное движение населения СССР в 1930-е годы (по материалам текущего учета ЦУНХУ Госплана СССР 1933–1940 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кириллова Дина Андреевна. – Чебоксары, 2005. – 23 с.
11. Корнилов, Г.Г. Население Ямала в 1959–1989 гг.: историко-демографический анализ: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Корнилов Геннадий Геннадьевич. – Екатеринбург, 2010. – 25 с.
12. Кругликов, В.В. Городское население Свердловской области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кругликов Владислав Владимирович. – Екатеринбург, 2007. – 300 с.

13. Крутова, М.В. Миграция рабочих Верхневолжья в годы первых пятилеток (1928–1940 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Крутова Марина Владимировна. – Иваново, 2009. – 20 с.
14. Курмакаева, Д.Ю. Урбанизационные процессы в Нижнем Поволжье в конце XIX в. – 1930-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Курмакаева Дания Юнировна. – Саратов, 2012. – 22 с.
15. Лапердин, В.Б. Развитие населения Западной Сибири в послевоенные годы (1946–1950 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Лапердин Вячеслав Борисович. Новосибирск, 2013. – 24 с.
16. Макаренко, М.Ю. Население Северного Кавказа в конце XIX – первой четверти XX века: историко-демографическое исследование: дис. ... д. ист. наук: 07.00.02 / Макаренко Мария Юрьевна. Краснодар, 2011. – 391 с.
17. Макарова, Н.Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Макарова Надежда Николаевна. – Челябинск, 2010. – 280 с.
18. Михалев, Н.А. Население Ямала в первой половине XX века (историко-демографические процессы): автореф. дис.: ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Михалев Николай Анатольевич. – Челябинск, 2008. – 26 с.
19. Павлова, О.В. Миграции населения на Урале в 1914–1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Павлова Ольга Валентиновна. – Екатеринбург, 2004. – 303 с.
20. Сакаев, В.Т. Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Сакаев Василь Тимерьянович. – Казань, 2008. – 28 с.
21. Славина, Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.): автореф. дис. ... д. ист. наук: 07.00.02 / Славина Людмила Николаевна. – Новосибирск, 2010. – 36 с.

22. Сурина, М.В. Этнодемографическое развитие Урала во второй половине XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Сурина Марина Владимировна. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.
23. Тараканов, М.Ю. Население Нижнего Тагила в XX веке: историко-демографический анализ: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Тараканов Максим Юрьевич. – Екатеринбург, 2010. – 262 с.
24. Убеева, О.А. Формирование и развитие городского населения Бурятии (1923–1959 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Убеева Ольга Александровна. – Улан-Удэ, 2006. – 24 с.
25. Фельдман, М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. (численность, состав, социальный облик): автореф. дис. ... д. ист. наук: 07.00.02 / Фельдман Михаил Аркадьевич. – Екатеринбург, 2001. – 43 с.
26. Хабаева, Ю.В. Урбанизационные процессы как фактор социокультурной трансформации в БМААССР (кон. 1920-х – кон. 1930-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Хабаева Юлия Викторовна. – Улан-Удэ, 2008. – 22 с.
27. Черезова, О.Г. Сельское население Среднего Урала во второй половине XX века (историко-демографические процессы): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Черезова Оксана Геннадьевна. – Екатеринбург, 2003. – 18 с.
28. Черемных, В.Г. Рабочий класс Урала в период социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (1928–1937 гг.): автореф. дис. ... д. ист. наук: 07.00.01 / Черемных Вячеслав Григорьевич. – Пермь, 1966. – 44 с.
29. Чолахян, В.А. Индустриальное развитие Нижнего Поволжья (конец XIX в. – июнь 1941 г.): исторический опыт и уроки: автореф. дис. ... д. ист. наук: 07.00.02 / Чолахян Вачаган Альбертович. – Саратов, 2008. – 62 с.
30. Яскина, И.М. Партийное руководство строительством социалистических городов в промышленных центрах Урала в годы первой пятилетки: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Яскина Ирина Михайловна. – Свердловск, 1980. – 19 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Биографический справочник

Алексеев Сергей Николаевич, родился 12 сентября 1897 г. в г. Ливны Курской области в семье зажиточного крестьянина, беспартийный. После окончания реального училища в 1915–1916 гг. учился в Петербургском путевном институте. С апреля 1934 г. по январь 1936 г. работал на Южно-Уральской железной дороге начальником отдела учета. После увольнения с ЮУЖД был начальником сводного учета Свердловского облУНХУ. Арестован органами НКВД 20 апреля 1937 г., в качестве обвинения ему вменялась контрреволюционная вредительская работа в УНХУ. Решением Особой Тройки при УНКВД Свердловской области от 11 сентября 1937 г. осужден по ст. 58–7–10–11 УК РСФСР и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Особым Совещанием при МГБ СССР от 1 ноября 1947 г. решение Тройки отменено, дело прекращено. Освобожден в 1946 г.¹

Антонов Михаил Петрович, родился 3 (16) сентября 1892 г. в г. Воткинске Кировского края в семье рабочего Воткинского завода. Имел высшее образование. Окончил высшее реальное училище и Ленинградские высшие двухгодичные статистические курсы (1913 г.). По профессии – статистик². Член ВКП (б) с 1918 г., «политически выдержан и активен, проявил себя твердостью и умением руководить хозяйственными работами, имеет авторитет среди масс», – так характеризовало его бюро-комиссия по чистке рядов ВКП (б) при партийной ячейке Уралстатотдела 13 мая 1929 г.³ С января 1918 г. по январь 1922 г. служил в Красной Армии⁴. Работал председателем Уралоблплана, но в 1935 г. был уже пенсионером. 19 октября 1935 г. арестован органами НКВД за контрреволюционную деятельность, «направленную на борьбу против генеральной линии партии и партруководства». До суда был освобожден из-под стражи по болезни. Определением

¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26977.1. Л. 5–5 об., 8 об; Д. 26977.2. Л. 221.

² ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18299. Л. 18–18 об.

³ ЦДОСО. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.

⁴ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18299. Л. 58 об.

⁵ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26977.1. Л. 143.

специальной коллегии Верховного суда РСФСР от 5 июля 1936 г. в отношении обвиняемого М.П. Антонова дело полностью прекращено в уголовном порядке, хотя было доказано, что он хранил у себя записи анекдотов, содержавших антисоветскую агитацию, но не удалось доказать, что он распространял их¹.

Бобров Аркадий Петрович, 1913 года рождения, по социальному происхождению – рабочий, в годы Гражданской войны партизанил, член ВКП (б) с 1919 г. До 1934 г. работал в ЦУНХУ Госплана СССР в Москве в секторе учета труда. С февраля 1934 г. – заместитель начальника СвердoblУНХУ, после перевода Юлина в Средуралмедстрой (Березники) – начальник. Решением парторганизации СвердoblУНХУ от 20 сентября 1937 г. исключен из партии «за связь с врагами народа»², но весной 1938 г. восстановлен в рядах ВКП (б). В дальнейшем работал экономистом в СвердoblУНХУ³.

Бубнов Анатолий Николаевич, 1912 года рождения, имел незаконченное среднее образование, член ВКП (б) с 1932 г., встал на партийный учет в Челябинское областное УНХУ в феврале 1936 г. Во время Всесоюзной переписи населения 1939 г. возглавлял Бюро переписи населения при Челябинском облУНХУ⁴.

Валинчус Людвиг Петрович, родился 7 сентября 1899 г. в Ленинграде, литовец. До революции – рабочий, после 1918 г. – служащий. Образование – среднее, не закончил академию снабжения в Москве в 1931 г. По профессии – экономист. В годы Гражданской войны служил рядовым у белых с сентября по декабрь 1918 г. и с мая по ноябрь 1919 г. Член ВКП (б) с 1919 г., но исключен из партии в связи с привлечением к уголовной ответственности, в 1937 г. – беспартийный. Имел две судимости: в 1933 г. осужден по ст. 111 УК РСФСР и приговорен к году принудительных работ; в 1935 г. за аварию автомашины приговорен к году исправительно-трудовых работ. Был женат. Жена в 1937 г. работала в Свердловском облУНХУ статистиком-экономистом. В 1937 г. Л.П. Валинчус был заместителем

¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18299. Л. 19, 169–169 об.

² ЦДООСО. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 3. Л. 59, 64, 82.

³ ЦДООСО. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 4. Л. 9 об., 17.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 19; ОГАЧО. Ф. П–2061. Оп. 1. Д. 3. Л. 66 об–67.

начальника Свердловского облУНХУ. 31 июля 1937 г. был арестован по обвинению в членстве в контрреволюционной троцкистской вредительской группировке, действовавшей в облУНХУ, в составе С.Н. Алексеева, Л.А. Николаева и Т.И. Величковского, а также в «проведении контрреволюционной подрывной работы». Прошел по делу № 3453 УГБ УНКВД по обвинению вредительской группы в количестве четырех чел., занимавшихся вредительством в облУНХУ. Обвинялся в том, что являлся активным участником контрреволюционной вредительской группы в облУНХУ, вел подрывную работу, включая в план второстепенные работы, вводил уравниловку, занимался очковтирательством, применял повышенные поправочные коэффициенты по учету механического движения населения. Решением Особой Тройки при УНКВД Свердловской области от 11 сентября 1937 г. осужден по ст. 58–7–10–11 УК РСФСР к 10 годам исправительно-трудовых лагерей за участие в контрреволюционной вредительской группировке в облУНХУ. Особым Совещанием при МГБ СССР от 1 ноября 1947 г. решение Тройки отменено, дело производством прекращено, освобожден в 1946 г.¹

Величковский Тихон Иванович, родился 25 августа 1899 г. в г. Ливны Курской области, сын торговца, бывший белогвардеец. Беспартийный, начальник бюро переписи населения Свердловского облУНХУ. 6 августа 1937 г. был арестован органами НКВД. Решением Особой Тройки при УНКВД Свердловской области от 11 сентября 1937 г. осужден по ст. 58–7–10–11 УК РСФСР к 10 годам исправительно-трудовых лагерей за участие в контрреволюционной вредительской группировке в облУНХУ. Ему вменялось уменьшение численности населения во время переписи 1937 г. и срыв ее подготовки². 28 сентября 1937 г. был этапирован в Тайшет-Братский лагерь НКВД СССР. Впоследствии приговор Особой Тройки был опротестован Т.И. Величковским. Протест был поддержан областным прокурором, что позволило пересмотреть дело. Постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 1 ноября 1947 г. решение Тройки было отменено, дело производством прекращено за недоказанностью состава преступления. Т.И. Величков-

¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26977.1. Л. 5253 об., 138.

² ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26977.1. Л. 137.

ский это известие получил в исправительно-трудовом лагере «Р» (Караганда). Освобожден 27 апреля 1946 г.¹

Гладких Михаил Прохорович, 1906 года рождения, происходил из семьи крестьян-бедняков, вступил в ряды РКП (б) в 1919 г., но в 1921 г. выбыл из партии вследствие утери партийного билета, в 1925 г. он вновь вступил в ряды РКП (б). В других партиях не состоял. В годы Гражданской войны с марта по июль 1919 г. по мобилизации служил рядовым в армии Колчака, откуда сбежал к красным. Имел начальное образование. В 1930-е годы не репрессировался, не находился под судом и следствием. В органах НХУ работал с 1932 г., с обязанностями горинспектора вполне справлялся. Как отмечал в характеристике начальник ЧелябинблУНХУ И. Ясюков в 1939 г. по итогам переписи, «был инициативным, работоспособным, политически развитым, с организаторскими способностями». Во время выборов в Верховные Советы СССР и РСФСР работал уполномоченным горсовета. Неоднократно премировался за свою работу². В 1937 г. и 1939 г. возглавлял инспектуру НХУ г. Златоуста.

Иткинд Григорий Моисеевич, 1907 года рождения, служащий, член ВКП (б) с 1931 г. Окончил статистическое отделение Высшего планового института Госплана СССР. В Свердловском облУНХУ был начальником сектора учета промышленности, в ноябре 1938 г. назначен на должность начальника Бюро переписи населения. Участвовал во Всесоюзной переписи населения 1937 г. в качестве областного уполномоченного, в выборах в Верховный Совет РСФСР как доверенное лицо 8-го избирательного округа³.

Князев Андрей Иванович, родился в 1882 г. в дер. Ивановка Кулаевской волости Казанской губернии, женатый, беспартийный. Окончил в 1910 г. естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета, агроном. В 1911–1917 гг. работал производителем работ в Тобольском переселен-

¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26977.2. Л. 141, 218-219, 222.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 81–82.

³ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Отчет о подготовке и проведении переписи населения 1939 года по Свердловской области. С. 12.

ческом районе, 1917–1918 гг. заведовал водворением переселенцев в Курганском уезде, 1918–1919 гг. возглавлял земельный отдел при Курганском уездном земстве, 1920 г. был заведующим подотделом органов Курганского уездного земельного отдела. В 1916–1917 гг. участвовал в сельскохозяйственной переписи в Курганском уезде в качестве инструктора и районного руководителя¹. С 1923 г. до сентября 1929 гг. был заведующим Курганским окружным статистическим бюро. Во время чистки Курганского окрстатбюро (27 октября 1929 г.–16 февраля 1930 г.) ударная бригада социальной секции окрстатбюро признала его слабым руководителем, он был заменен членом ВКП (б) Римским².

Козлов Петр Дмитриевич, 1909 года рождения, происходил из семьи рабочих, член ВКП (б) с 1930 г. Образование – среднее. В органах НХУ работал с 1934 г. сначала в должности райинспектора НХУ Шадринского района, а с октября 1936 г. – начальником окрУНХУ в г. Магнитогорске. После ликвидации округов стал горинспектором НХУ в Магнитогорске. Как отмечал в характеристике начальник ЧелябиноблУНХУ И. Ясюков по итогам переписи 1939 г., «был исполнительным, дисциплинированным, политически развитым, имел организаторские способности, активно участвовал в общественной жизни, неоднократно премировался за работу». В 1937 г. и 1939 г. возглавлял инспектуру НХУ Магнитогорска³. Решением Президиум Верховного Совета СССР от 26 июля 1939 г. был награжден орденом «Знак почета» в числе работников ЦУНХУ Госплана СССР, особо отличившихся в период проведения Всесоюзной переписи населения 1939 г.⁴

Колегов Михаил Дмитриевич, 1900 года рождения, русский, по социальному происхождению служащий, окончил двухклассную сельскую школу. Член РКП (б) с 1919 г., но в 1921 г. выбыл из партии по семейным обстоятельствам. В 1925 г. вновь вступил в ряды ВКП (б). С апреля по октябрь 1919 г. служил в армии Колчака по мобилизации. В апреле–декабре 1922 г. служил телеграфистом в

¹ ГАКО. Ф. Р–13. Оп. 1. Д. 27. Л. 1; ГАКО. Ф. Р–14. Оп. 1. Д. 3. Л. 27, 110 об.

² ГАКО. Ф. Р–13. Оп. 1. Д. 27. Л. 26 об.–27; Д. 43. Л. 22–22 об.; Д. 56. Л. 20 об.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 80–81.

⁴ Решение Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1939 г. URL: <http://sammler.ru/index.php?s=4f7b2aeec7cd0b8cc9a893252594dbc4&act=Print&client=printer&f=315&t=386> (дата обращения 30.01.2016).

Красной Армии. После демобилизации работал конторщиком в заготконторе (1923–1924 гг.), старшим милиционером в милиции (1925 г.), был курсантом Первой государственной школы милиции (1925–1926 гг.), затем начальником милиции (1926–1929 гг.), членом правления кредитного товарищества и коопсбыта (1929 г.), заведующим секретным отделом окрЗУ (1930 г.), членом президиума Лопатинского РИКа и ответственным секретарем (1931 г.), начальником спецбюро, членом правления Курганского райпотребсоюза (1932 г.), инспектором курганского райКК–РКИ (1934 г.), заведующим специального отдела Курганского горсовета (1934 г.), помощником ответственного секретаря Курганского РИКа (с августа 1934 г.), в 1937 и 1939 гг. был райинспектором НХУ г. Кургана¹.

Котельников Николай Павлович, родился в 1895 г. в Челябинске, беспартийный, имел незаконченное высшее образование. В 1917 г. служил в качестве помощника заведующего оценочно–статистической комиссии земской управы г. Челябинска. Тогда вступил в партию эсеров, в которой состоял 6 мес., а затем вышел из нее, перестав посещать партийные собрания. Был гласным в городской Думе от партии эсеров. В 1937 г. работал заместителем начальника Челябинского областного УНХУ. Был арестован органами НКВД в мае 1937 г. Решением Особой Тройки УНКВД по Челябинской области от 17 октября 1937 г. признан виновным по ст. 58–10–11 УК РСФСР и приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 30 октября 1937 г.²

Луковников Александр Федорович, 1893 года рождения, член ВКП (б) с 1918 г., социальное происхождение – из крестьян-середняков, социальное положение – служащий. Служил фельдшером в старой армии с 1914 по 1918 гг., военкомом в Красной Армии в 1919–1923 гг. Образование высшее, окончил в 1933 г. Ленинградский планово-экономический институт. С сентября 1937 г. работал и.о. начальника СвердблУНХУ. Добросовестно выполнял партийные поручения, был

¹ ГАОПДКО. Ф. 11. Оп. 8. Д. 593. Л. 50–50 об.

² ОГАЧО. Ф. Р–467. Оп. 3. Д. 184. Л. 283–284, 299–300.

пропагандистом, руководителем партийного кружка по изучению истории партии по первоисточникам, агитатором¹.

Лысаков Александр Иванович, 1906 года рождения, из крестьян, член ВКП (б) с 1931 г., в армии не служил. Из родственников брат матери лишился избирательных прав как бывший сельский староста. Имел незаконченное высшее образование. В 1939 г. был начальником бюро переписи населения г. Магнитогорска².

Мудрик Моисей Маркович, родился в 1894 г. в г. Одессе. Член ВКП (б). В середине 1920-х гг. был членом президиума Уралплана. В сентябре 1926 г. Малый президиум Уралоблисполкома назначил его управляющим Уралстатуправления. В 1936–1937 гг. был начальником Управления народнохозяйственного учета при Госплане РСФСР. 19 августа 1937 г. был арестован, 21 января 1938 г. осужден к 10-ти годам лишения свободы, вскоре освобожден. Умер в Москве в 1939 г.³

Неволин Петр Федорович, родился в 1895 г. на зав. Майкоп бывшего Соликамского уезда Пермской губернии, беспартийный, незаконченное высшее образование. В 1937 г. работал начальником сельскохозяйственного сектора Челябинского облУНХУ. Был арестован органами НКВД в мае 1937 г. Решением Особой Тройки УНКВД по Челябинской области от 17 октября 1937 г. признан виновным по ст. 58–10–11 УК РСФСР и приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 30 октября 1937 г.⁴

Немчинов Василий Сергеевич, родился 15 (2) января 1824 г. в с. Грабово Пензенской губернии. В 1913 г. окончил Челябинское реальное училище. В 1913–1917 гг. учился на экономическом отделении Московского коммерческого института. В 1915–1916 гг. – статистик Отдела беженцев Всероссийского земского союза в Москве. В 1916–1917 гг. – заведующий сектором статистики продовольственных пунктов Земгора в Москве и Киеве. В 1917–1918 гг. – заведующий оценочно-

¹ ЦДООСО. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 4. Л. 36.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 81.

³ URL: <http://www.knowbysight.info/MMM/13295.asp> (дата обращения 30.01.2016).

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 184. Л. 283–284, 300.

статистическим отделением Челябинского уездного земства, одновременно с 1917 по 1919 гг. – заведующий статистическим бюро Челябинского земельного отдела. В 1919–1922 гг. – заведующий Челябинским губернским статистическим бюро, в 1920 г. – руководитель первой переписи населения РСФСР на территории Челябинской губернии, с 1920 по 1921 гг. – член Челябинского губисполкома. В 1922–1923 гг. – уполномоченный ЦСУ СССР при Уральском экономическом совещании (Свердловск). В 1923–1926 гг. – заведующий Уральским областным статистическим управлением, одновременно преподаватель в Коммунистическом университете им. В.И. Ленина (Свердловск), в 1925–1926 гг. – кандидат в члены Свердловского облисполкома. В 1926–1930 гг. – член Коллегии ЦСУ СССР. В 1928–1949 гг. – профессор и заведующий кафедрой статистики Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева, в 1930 г. Государственный ученый совет утвердил его в звании профессора. В 1935 г. Президиум коммунистической академии присудил ему ученую степень доктора экономических наук без защиты диссертации. 1932–1933 гг. – член Коллегии Центрального управления народнохозяйственного учета при Госплане СССР. В 1939 г. награжден орденом Ленина за успешную работу по проведению Всесоюзной переписи населения 1939 г. и по организации народнохозяйственного учета. 1940 г. – вступил в ряды ВКП (б). Награжден многочисленными наградами. Академик. Скончался 5 ноября 1964 г.¹

Николаев Леонид Андреевич, родился в июне 1909 г. в г. Климовичи БССР, сын кустика, белорус, беспартийный, начальник учетной инспекции Свердловского облУНХУ. Арестован 27 апреля 1937 г. Решением Особой Тройки при УНКВД Свердловской области от 11 сентября 1937 г. осужден по ст. 58–7–10–11 УК РСФСР к 10-ти годам в исправительно-трудовом лагере за участие в контрреволюционной вредительской группировке в УНХУ. Особым Совещанием

¹ Главные даты жизни и деятельности академика В.С. Немчинова // В.С. Немчинов. Избранные произведения: В 6-ти т. Т. 1: Теория и практика статистики / отв. ред. Ф.Д. Лившиц. М.: Наука, 1967. С. 8–11.

при МГБ СССР от 1 ноября 1947 г. решение Тройки отменено, дело производством прекращено. Освобожден в 1946 г.¹

Подьяков Владимир Прокопьевич, родился в 1875 г. в г. Вологда. Отец – бывший присяжный поверенный. С 1896 г. служил по ведомству Государственного банка и накануне событий 1917 г. занимал должность бухгалтера Курганского отделения Госбанка. Учился на сельскохозяйственных и коммерческих курсах в Петрограде. Приказом уисполкома от 10 мая 1920 г. назначен заведующим Курганским устатбюро. В этой должности участвовал во Всероссийской переписи 1920 г. и Всесоюзной городской переписи 1923 г. Ни в каких политических партиях не состоял².

Сперанский Иван Александрович, родился в 1871 г. в с. Воздвиженка бывшей Оренбургской губернии. Образование высшее³. В 1937 г. занимал должность начальника сектора населения ЧелябинблУНХУ. Арестован 26 ноября 1937 г. по ст. 58–2–7–8–10–11 УК РСФСР⁴. Решением Особой Тройки УНКВД Челябинской области от 2 декабря 1937 г. приговорен к высшей мере наказания, приговор приведен в исполнение 21 декабря 1937 г. Посмертно реабилитирован решением Военного трибунала Уральского военного округа от 18 июня 1956 г., дело производством прекращено за отсутствием состава преступления в его действиях⁵.

Сперанский Михаил Николаевич, 1895 года рождения, выходец из духовного сословия, образование высшее. В период Всесоюзной городской переписи 1923 г. занимал должность заведующего секцией демографии в Челябинском губстатбюро, а Всесоюзной переписи населения 1926 г. – заведующего Пермским окружным статистическим бюро⁶.

¹ Книга Памяти жертв политических репрессий. Свердловская область / ред. кол. А.А. Капустин, Т.П. Трофимова, М.А. Домнин, Л.Г. Сорокина, А.П. Казанцев, Н.П. Ионина, Э.А. Богомолова. Екатеринбург: Тип. Екатеринбургской епархии, 2005. Т. 5. С. 426; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26977.1. Л. 137; Д. 26977.2. Л. 220.

² ГАКО. Ф. Р–14. Оп. 1. Д. 6. Л. 36, 127 об.–128, 131, 176–176 об., 179; Д. 25. Л. 11, 24, 45; Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 41. Л. 552.

³ ОГАЧО. Ф. Р–467. Оп. 3. Д. 184. Л. 21.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р–467. Оп. 3. Д. 204. Л. 400 об.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р–467. Оп. 3. Д. 200. Л. 122.

⁶ Предварительные итоги Всероссийских городских переписей 15 марта 1923 г. по Челябинской губернии. С. 2; ГАПК. Ф. Р–483. Оп. 1. Д. 168. Л. 2 об.

Строковский Владимир Константинович, родился в 1900 г. в дер. Ст. Остров Кличевского района Могилевской области, белорус. Отец был священником в местной церкви¹. Член ВКП (б) с 1920 г. Образование среднее². На работу в Челябинск был направлен в 1934 г. из Минска в период образования Челябинской области. Работал начальником ЧелябоблУНХУ. Арестован органами НКВД 17 января 1938 г. по ст. 58–2–6–8–9–10–11 УК РСФСР. Решением Особой Тройки УНКВД Челябинской области от 3 февраля 1938 г. признан виновным и приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 18 февраля 1938 г.³. Посмертно реабилитирован решением Военного трибунала Уральского военного округа от 21 ноября 1956 г., дело производством прекращено за отсутствием состава преступления в его действиях⁴.

Шаркунов Митрофан Павлович, родился в 1901 г. в с. Батурино Шадринского уезда Пермской губернии, русский, по происхождению из крестьян. Член ВКП (б) с октября 1919 г. Окончил 4 класса сельской школы. Как отмечалось в его статистической карточке члена ВКП (б), «по практической работе был финансовым работником с 7-летним стажем работы»⁵. В период Всесоюзных переписей 1937 и 1939 гг. бюро Шадринского райкома ВКП (б) 17 августа 1938 г. утвердило его райуполномоченным по проведению переписи в Шадринске и Шадринском районе как райинспектора НХУ⁶. С декабря 1941 г. работал заведующим отделом подсобного хозяйства завода им. Сталина, с октября 1942 г. – заместителем директора мельзавода № 8. С мая 1943 г. стал заведующим горпланом горисполкома, а с августа 1943 г. – директором гортопа⁷.

Шидловский Петр Алексеевич, родился в 1899 г. в с. Галактионовское Туринского района Свердловской области, русский, беспартийный, начальник

¹ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 188. Л. 276.

² ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 184. Л. 40.

³ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 199. Л. 205.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 199. Л. 198–198 об.

⁵ ГАОПДКО. Ф. 62. Оп. 6. Д. 1232. Л. 1–1 об.

⁶ ГАОПДКО. Ф. 351. Оп. 1. Д. 581. Л. 90.

⁷ ГАОПДКО. Ф. 62. Оп. 6. Д. 1232. Л. 1 об.

сектора бюджетов колхозников в Свердловском облУНХУ. Был арестован органами НКВД 6 августа 1937 г. как участник контрреволюционной белогвардейской вредительской группы в Свердловском областном УНХУ. Его обвинили в том, что он, якобы, присутствовал на контрреволюционных собраниях группы, где обсуждался вопрос о вредительской деятельности в колхозах, подготовке террористических актов над руководителями партии и Советской власти; вел подрывную деятельность в составлении бюджетов колхозников, запутывал учет. По постановлению Особой Тройки при УНКВД Свердловской области от 11 сентября 1937 г. признан виновным и приговорен к высшей мере наказания с конфискацией лично ему принадлежавшего имущества. Расстрелян 16 сентября 1937 г. Президиум Свердловского областного суда от 28 августа 1958 г., заслушав доклад члена президиума Бисеровой и рассмотрев по протесту прокурора Свердловской области дело по обвинению П.А. Широковского, постановил прекратить за недоказанностью в его действиях вмененного состава преступления. Шидловский реабилитирован посмертно¹.

¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26977.1. Л. 189; Д. 26977.2. Л. 212–214.

Дата получения (лишения) официального статуса города населенными пунктами Урала в 1920–1930-е гг.

№ п/п	Название города	Дата получения официального статуса города	Дата лишения статуса города	Юридическое основание для получения статуса города
1	2	3	4	5
1	Алапаевск	1781		
2	Верхотурье	1598	1926	Постановление Президиума ВЦИК от 5 апреля 1926 г. «Об утверждении списка городов Уральской области» (СУ РСФСР. 1926. № 21. Ст. 170).
3	Верхнеуральск	1781		
4	Екатеринбург (Свердловск)	1722		
5	Златоуст	1754		
6	Ирбит	1775		
7	Ишим	1782		
8	Камышлов	1781		
9	Красноуфимск	1781		
10	Кунгур	1737		
11	Курган	1782		
12	Невьянск	1917		
13	Нижний Тагил	1917		
14	Оса	1781		
15	Оханск	1781		
16	Пермь	1781		
17	Сарапул	1780		
18	Соликамск	1613		
19	Тобольск	1587		
20	Троицк	1784		
21	Туринск	1600		
22	Тюмень	1586		
23	Усолье	1606		
24	Челябинск	1736		
25	Чердынь	1472		
26	Шадринск	1737		
27	Ялуторовск	1782		

Продолжение прил. 2

1	2	3	4	5
28	Кизел	1926		Постановление Президиума ВЦИК от 5 апреля 1926 г. «Об утверждении списка городов Уральской области» (СУ РСФСР. 1926. № 21. Ст. 170).
29	Кушва	1926		Постановление Президиума ВЦИК от 5 апреля 1926 г. «Об утверждении списка городов Уральской области» (СУ РСФСР. 1926. № 21. Ст. 170).
30	Лысьва	1926		Постановление Президиума ВЦИК от 5 апреля 1926 г. «Об утверждении списка городов Уральской области» (СУ РСФСР. 1926. № 21. Ст. 170. С. 252).
31	Миасс	1926		Постановление Президиума ВЦИК от 5 апреля 1926 г. «Об утверждении списка городов Уральской области» (СУ РСФСР. 1926. № 21. Ст. 170)
32	Наеждинск	1926		Постановление Президиума ВЦИК от 5 апреля 1926 г. «Об утверждении списка городов Уральской области» (СУ РСФСР. 1926. № 21. Ст. 170). В 1934 г. город переименован в Кабаковск (постановление Президиума ЦИК СССР от 9 марта 1934 г. «О переименовании г. Надеждинска в г. Кабаковск»). (СЗ СССР. 1934. № 15. Ст. 113).
33	Магнитогорск	1931		Постановление Президиума ВЦИК от 10 июня 1931 г. «Об изменениях в составе городов, рабочих поселков и районов Уральской области» (Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уралоблисполкома. 1931. № 35. С. 501.)
34	Красноуральск	1932		Постановление ВЦИК от 1 января 1932 г. «О внешних границах Уральской области с автономией Удмуртской (бывшей Вотской) областью и об изменениях в составе городов, рабочих поселков и районов Уральской области» (СУ РСФСР. 1932. № 10. Ст. 48)

1	2	3	4	5
35	Березники	1932		<p>Постановление ВЦИК от 20 марта 1933 г. «Об объединении г. Усолье с рабочими поселками: Веретией, Дедюхиным, Ленвой, Усть-Зырянкой и Чуртаном Березниковского района Уральской области в один город Березники» (СУ РСФСР. 1933. № 47. Ст. 205);</p> <p>Постановление Президиума ЦИК СССР от 17 августа 1933 г. «О переименовании г. Усолье, объединенного с рабочими поселками: Веретя, Дедюхина, Ленвой, Усть-Зырянка и Чуртан, в город Березники»: утвердить постановление Президиума ВЦИК от 20 марта 1932 г. о переименовании г. Усолье в г. Березники (СЗ СССР. 1933. № 53. Ст. 311).</p>
36	Калата	1932		<p>Постановление ВЦИК от 10 сентября 1932 г. «Об изменении в составе городов, рабочих поселков и районов Уральской области» (СУ РСФСР. 1932. № 73. Ст. 330)</p>
37	Асбест	1933		<p>Постановление ВЦИК от 20 июня 1933 г. «Об изменениях в составе районов, городов и рабочих поселков Уральской области в связи с развитием промышленного строительства» (СУ РСФСР. 1933. № 45. Ст. 192)</p>
38	Аша	1933		<p>Постановлением ВЦИК от 20 июня 1933 г. «Об изменениях в составе районов, городов и рабочих поселков Уральской области в связи с развитием промышленного строительства» (СУ РСФСР. 1933. № 45. Ст. 192)</p>
39	Карабаш	1933		<p>Постановление ВЦИК от 20 июня 1933 г. «Об изменениях в составе районов, городов и рабочих поселков Уральской области в связи с развитием промышленного строительства» (СУ РСФСР. 1933. № 45. Ст. 192)</p>

1	2	3	4	5
40	Копейск	1933		Постановление ВЦИК от 20 июня 1933 г. «Об изменениях в составе районов, городов и рабочих поселков Уральской области в связи с развитием промышленного строительства» (СУ РСФСР. 1933. № 45. Ст. 192)
41	Первоуральск	1933		Постановление ВЦИК от 20 июня 1933 г. «Об изменениях в составе районов, городов и рабочих поселков Уральской области в связи с развитием промышленного строительства» (СУ РСФСР. 1933. № 45. Ст. 192)
42	Чусовой	1933		Постановление ВЦИК от 20 июня 1933 г. «Об изменениях в составе районов, городов и рабочих поселков Уральской области в связи с развитием промышленного строительства» (СУ РСФСР. 1933. № 45. Ст. 192)
43	Кыштым	1934		Постановление ВЦИК от 20 декабря 1934 г. «Об изменениях в административном устройстве Челябинской области» (СУ РСФСР. 1935. № 3. Ст. 27)
44	Каменск	1935		Постановление ВЦИК от 20 апреля 1935 г. «О преобразовании рабочего поселка Каменского района Челябинской области в г. Каменск» (СУ РСФСР. 1935. № 12. Ст. 130).
45	Ревда	1935		Постановление ВЦИК от 3 мая 1935 г. «О выделении города Первоуральска и рабочего поселка Ревды в самостоятельные хозяйственные единицы» (СУ РСФСР. 1935. № 13. Ст. 144).
46	Сатка	1937		Постановление ВЦИК от 20 апреля 1937 г. «О преобразовании рабочего поселка Сатка в город» URL: http://www.base.consultant.ru/
47	Тавда	1937		Постановление ВЦИК от 20 июля 1937 г. «О преобразовании рабочего поселка Тавда в город» (СУ РСФСР. 1937. № 9. Ст. 77. С. 88).

1	2	3	4	5
48	Березовский	1938		Постановление ВЦИК от 10 июля 1938 г. о преобразовании рабочего поселка Березовский в город (СУ РСФСР. 1938. № 13. Ст. 176)
49	Кудымкар	1938		Постановление Президиума ВЦИК от 10 июля 1938 г. «О преобразовании рабочего поселка Кудымкар в город Кудымкар» URL: http://www.base.consultant.ru/
50	Краснокамск	1938		Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 октября 1938 г. «О преобразовании рабочего поселка Краснокамск Краснокамского района Пермской области в город» URL: http://www.base.consultant.ru/
51	Артемовский (бывший пос. Егоршино)	1938		Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 декабря 1938 г. (ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4641. Л. 1).
52	Верхняя Салда	1938		Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 декабря 1938 г. (ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4641. Л. 1).
53	Нижняя Салда	1938		Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 декабря 1938 г. (ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4643. Л. 14).
54	Новая Ляля	1938		Указ Президиума. Верховного Совета РСФСР от 24 декабря 1938 г. (ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4642. Л. 1)

Таблицы

Таблица 3.1¹

Распределение населения городских поселений Урала по числу жителей в 1920–1930-х гг.

Размеры городов	28 авг. 1920 г.	15 марта 1923 г.	17 дек. 1926 г.	По исчисл. на 1 янв. 1933 г.	6 янв. 1937 г.	17 янв. 1939 г.
Свыше 200 тыс. чел.: количество городов населения в них, чел. в %	0	0	0	3 877 100 27,7	2 643 686 19,4	3 953 885 27,1
100–200 тыс. чел. количество городов населения в них, чел. в %	0	0	1 136 420 9,8	2 291 400 9,2	3 465 346 14,0	2 305 815 8,7
50–100 тыс. чел.: количество городов населения в них, чел. в %	3 219 222 16,7	3 221 228 19,2	3 194 448 13,8	7 487 500 15,4	5 341 616 10,3	6 384 458 11,0
20–50 тыс. чел.: количество городов населения в них, чел. в %	9 291 137 22,2	7 198 451 17,2	9 284 917 20,2	27 808 700 25,5	н. св. н. св.	24 754 743 21,5
Менее 20 тыс. чел. количество городских поселений населения в них, чел. в %	227 802 918 61,1	195 731 346 63,6	177 791 289 56,2	102 702 500 22,2	н. св. н. св.	121 1 114 506 31,7
Всего городских поселений Всего городского населения, чел. в %	239 1 313 277 100	205 1 151 025 100	190 1407074 100	141 3 167 200 100	н. св. 3 313 573 100	156 3 513 407 100

¹ Таблица составлена по: Уральский статистический ежегодник на 1923 г. С. 28–29, 30–33; Уральский статистический ежегодник 1923–1924 г. С. 49–50, 52; Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г. С. 4, 28–33; Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. С. 56–57, 63–64; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. мат-лов. С. 126, 171–173, 232, 275–280, 288, 328–334; ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 114.

Таблица 3.2¹

Динамика численности населения Урала в 1920–1926 гг.

Регион, полоса		Всероссийская перепись 28 авг. 1920 г.			По исчислению на 1 янв. 1924 г.			По исчислению на 1 янв. 1925 г.			Всесоюзная перепись 17 дек. 1926 г.		
		Все население	В том числе:		Все население	В том числе:		Все население	В том числе:		Все население	В том числе:	
			городск.	сельское		городск.	сельское		городск.	сельское			
Урал	чел.	6 573 879	1 243 197	5 330 682	6 129 037	1 134 517	4 994 250	6 312 609	1 206 877	5 105 732	6 786 339	1 407 074	5 379 265
	%	100	19,0	81,0	100	18,5	81,5	100	19,1	80,9	100	20,8	79,2
В т.ч.:													
Пред уралье	чел.	1 855 079	273 392	1 581 687	1 743 670	251 284	1 492 386	1 787 940	264 585	1 523 355	1 888 007	320 968	1 428 191
	%	100	14,7	85,3	100	14,4	85,6	100	14,8	85,2	100	17,0	83,0
Горно- завод- ский Урал	чел.	1 396 135	666 736	729 399	1 256 401	601 671	654 730	1 331 485	659 841	671 644	1 500 478	761 727	735 748
	%	100	47,7	52,3	100	47,9	52,1	100	49,6	50,4	100	50,7	49,3
Заура- лье	чел.	3 322 665	303 069	3 019 596	3 128 966	281 562	2 847 404	3 193 184	282 451	2 910 733	3 397 854	324 379	3 215 326
	%	100	9,1	90,9	100	9,0	91,0	100	8,8	91,2	100	9,5	90,5

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Уральское хозяйство в цифрах, 1926 г. С. 6; Уральское хозяйство в цифрах, 1928 г. С. 4; Всесоюзная перепись населения, 1926 год. Т. IX. С.8.

Таблица 3.3¹

Динамика численности городского населения Урала в трудоспособном возрасте в 1920–1926 гг.

Даты переписей	Всего горожан, чел.	В том числе: трудоспособного возраста		В том числе:					
		абс.	%%	Мужчины, чел.	В том числе: трудоспособного возраста		Женщины, чел.	В том числе: трудоспособного возраста	
					абс.	%%		абс.	%%
Всероссийская перепись 28 авг. 1920 г.*	1 218 046	702 689	57,7	558 112	313 927	56,2	659 934	388 762	58,9
Всесоюзная городская перепись 15 марта 1923 г.**	1 151 026	662 309	57,5	532 395	304 162	57,1	618 631	358 147	57,9
Всесоюзная перепись 17 дек. 1926 г.***	1 407 074	770 931	54,8	664 774	358 028	53,8	742 300	412 903	55,6

* Численность населения с 14 до 59 лет.

** Численность населения с 15 до 59 лет.

*** Численность мужчин с 18 до 59 лет, женщин – с 16 до 54 лет.

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Труды ЦСУ. Т. XX. Ч. III. Вып. 1. С. 3, 5, 7, 9, 11, 13; Всесоюзная перепись населения, 1926 год. Т. IX. С. 142; Уральский статистический ежегодник, 1923–1924 г. С. 22–23, 43, 58.

Таблица 3.4¹

Динамика численности населения СССР и Уральской области в 1928–1932 гг. (на начало соответствующего года)

Территория		1928 г.			1 июля 1931 г.			1933 г.		
		Все население	В том числе:		Все население	В том числе:		Все население	В том числе:	
			городск.	сельское		городск.	сельское		городск.	сельское
СССР	абс., тыс. чел.	150 600,0	27 600,0	123 000,0	162 143,1	33 621,9	128 521,2	165 748,5	40 354,4	125 394,1
	%	100	18,3	81,7	100	20,7	79,3	100	24,3	75,7
РСФСР	абс., тыс. чел.	н. св.	н. св.	н. св.	111 630,2	23 205,2	88 425,0	113 651,0	28 545,4	85 105,6
	%				100	20,8	79,2	100	25,1	74,9
Уральская обл.	абс., тыс. чел.	7 031,2	1523,0	5 508,2	7 844,5	2 116,9	5 727,6	7 990,7	2 948,2	5 042,5
	%	100	21,7	78,3	100	27,0	73,0	100	36,9	63,1

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Народное хозяйство СССР: статистический справочник 1932 г. М.; Л., 1932. С. 401–402, XXII–XXIII; Уральское хозяйство в цифрах, 1929 год. С. 4–5; Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. С. 281; Осокина Е.А. Указ. соч. С. 23; ГАСО. Ф. 1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 115.

Таблица 3.5¹

Динамика численности городского населения Уральской области в 1928–1932 гг.
(на начало соответствующего года)

Год	Все население Уральской области:						В том числе городское:					
	Всего		В том числе:				Всего		В том числе:			
			мужчины		женщины				мужчины		женщины	
	абс., тыс. чел.	%	абс., тыс. чел.	%	абс., тыс. чел.	%	абс., тыс. чел.	%	абс., тыс. чел.	%	абс., тыс. чел.	%
1928	7031,2	100	3289,6	46,8	3741,6	53,2	1523,0	100	722,9	47,5	800,1	52,5
1929	7280,2	100	3418,8	47,0	3861,4	53,0	1594,6	100	770,5	48,3	824,1	51,7
1930	7490,6	100	3526,6	47,1	3964,0	52,9	1834,6	100	906,0	49,4	928,6	50,6
1931	7694,5	100	3628,6	47,2	4065,9	52,8	2170,9	100	1076,9	49,6	1094,0	50,4
1932	8021,4	100	3798,3	47,4	4223,1	52,6	2807,4	100	1403,8	50,0	1403,6	50,0
1933*	7929,7	100	3768,7	47,5	4161,0	52,5	3167,2	100	1579,7	49,9	1587,5	50,1
1933	7990,7		н. св.		н. св.		2948,2		н. св.		н. св.	

* Данные на начало 1933 г. являются предварительными.

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Уральское хозяйство в цифрах, 1929 год. С. 4–5; Социалистическое строительство Урала за 15 лет (основные показатели). С. 4–5; Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. С. 281, 298.

Таблица 3.6¹

Динамика численности населения полос Уральской области в 1928–1932 гг.
(на начало соответствующего года)

Регион, полоса		1928 г.			1930 г.*			1932 г.		
		Все население	В том числе:		Все население	В том числе:		Все население	В том числе:	
			городск.	сельск.		городск.	сельск.		городск.	сельск.
Уральская область	абс., тыс. чел.	7031,2	1523,0	5508,2	7660,9	1828,8	5832,1	8021,4	2807,4	5214,0
	%	100	21,7	78,3	100	23,9	76,1	100	35,0	65,0
В том числе: Предуралье	абс., тыс. чел.	1936,2	351,3	1584,9	2163,6	491,5	1672,1	2563,2	748,0	1815,2
	%	100	18,1	81,9	100	22,7	77,3	100	29,2	70,8
Горнозаводский Урал	абс., тыс. чел.	1575,9	824,4	751,5	1673,1	910,7	762,4	2366,4	1542,2	824,2
	%	100	52,3	47,7	100	54,4	45,6	100	65,2	34,8
Зауралье	абс., тыс. чел.	3519,1	347,3	3171,8	3824,2	426,6	3397,6	3091,8	517,2	2574,6
	%	100	9,9	90,1	100	11,2	88,8	100	16,7	83,3

¹ Таблица. составлена и рассчитана по: Уральское хозяйство в цифрах, 1929 год. С. 4–5; Уральское хозяйство в цифрах, 1930 год. Вып. I. С. 2–3; Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. С. 281.

Таблица 3.7¹

Численность городского населения Свердловской и Челябинской областей
(по переписям населения 1926 и 1937 гг.)

Территория, категории населения	Перепись 17 декабря 1926 г.			Перепись 6 января 1937 г.		
	Всего населения	В том числе:		Всего населения	В том числе:	
		мужчины	женщины		мужчины	женщины
Свердловская область, чел. %	3 151 883 100	1 462 302 100	1 689 581 100	4 126 450 100	1 909 614 100	2 216 836 100
в т. ч. городское чел. %	841 380 26,7	396 521 27,1	444 859 26,3	2 106 314 51,0	987 910 51,7	1 118 404 50,4
Челябинская область, чел. %	2 564 012 100	1 196 948 100	1 367 064 100	2 768 565 100	1 293 145 100	1 475 420 100
в т. ч. городское чел. %	405 522 15,8	189 560 15,8	215 962 15,8	1 207 259 43,6	578 959 44,8	628 300 42,6
РСФСР, чел. %	93 107 746 100	44 007 341 100	49 100 405 100	103 967 924 100	48 726 033 100	55 241 891 100
в т. ч. городское чел. %	16 467 552 17,7	7 806 785 17,7	8 660 767 17,6	34 373 245 33,1	16 362 255 33,5	18 010 990 32,6
СССР, чел. %	146 413 267 100	70 429 642 100	75 983 625 100	160 083 253 100	75 744 666 100	84 338 587 100
в т. ч. городское чел. %	25 748 503 17,6	12 352 263 17,5	13 396 240 17,6	50 673 055 31,6	24 260 210 32,0	26 412 845 31,3

¹ Таблица составлена по: Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. С. 50–51, 52–53, 56–57, 58–59.

Таблица 3.8¹

Численность населения СССР, РСФСР, Пермской, Свердловской и Челябинской областей
(по данным Всесоюзных переписей населения 1926 г. и 1939 г.)

Территория		Всесоюзная перепись 17 декабря 1926 г.			Всесоюзная перепись 17 января 1939 г.			1939 г. в % к 1926 г.	
		Все население	В том числе:		Все население	В том числе:		Все насел.	Городск. насел.
			городское	сельское		городское	сельское		
Пермская область	чел.	1 737 775	316 952	1 420 823	2 087 518	827 588	1 259 930	120,1	261,1
	%	100	18,2	81,8	100	39,6	60,4		
Свердлов- ская обл.	чел.	1 637 514	551 737	1 085 777	2 511 309	1 503 588	1 007 721	153,4	275,5
	%	100	33,7	66,3	100	59,9	40,1		
Челябин- ская обл.	чел.	2 364 816	389 447	1 975 369	2 801 853	1 182 231	1 619 622	118,5	303,6
	%	100	16,5	83,5	100	42,2	57,8		
СССР	чел.	147 027 915	26 314 114	120 713 801	170 557 093	56 125 139	114 431 954	116,0	213,3
	%	100	17,9	82,1	100	32,9	67,1		
РСФСР	чел.	93 457 996	16 785 189	76 672 807	109 397 463	36 875 233	72 522 230	117,0	219,7
	%	100	18,0	82,0	100	33,7	66,3		

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. С. 21; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 126, 232, 288.

Таблица 3.9¹

Основные причины смерти детей в возрасте 1–9 лет в окружных городах и прочих городских поселениях Уральской области в 1925–1928 гг. (на 1000 чел.)

Основные причины смерти	1925 г.		1926 г.		1927 г.		1928 г.	
	Окружн. города	Прочие городские поселения						
Оспа натуральная	19,4	28,0	29,1	31,7	13,5	38,0	11,3	2,0
Корь	104,3	102,1	73,0	44,3	88,6	84,6	100,5	4,5
Скарлатина	144,4	105,5	133,7	142,6	105,5	59,5	157,2	16,5
Коклюш	32,8	48,3	16,0	32,2	11,4	12,0	17,1	0,4
Дифтерия	26,7	12,1	24,2	16,5	22,8	13,1	28,0	1,6
Бугорчатка (туберкулез) легких	51,0	31,6	53,6	39,6	57,6	44,3	55,4	4,5
Бугорчатка прочих органов	14,6	7,1	19,0	8,8	22,8	13,4	50,9	4,5
Воспаление легких	189,5	178,3	247,7	269,5	228,1	239,6	231,6	302,0
Болезни желудка (кроме рака)	17,9	73,9	11,9	21,9	16,1	31,4	4,2	7,1
Диарея и энтерит в возрасте до 2-х лет	39,1	39,1	23,1	43,0	81,9	94,8	55,4	63,4
Диарея и энтерит в возрасте 2-х лет и старше	11,8	10,8	15,3	21,4	16,4	2,8	13,2	14,9

¹ Таблица составлена по: Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 40–43.

Таблица 3.10¹

Воспроизводство городского населения Уральской области в 1932–1934 гг.

Период	Количество рождений			Количество смертей			Прирост/убыль горожан		
	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Чел.									
Январь	11 003	5 855	5 323	8 095	7 049	6 862	2 908	–1 194	–1 539
Февраль	10 404	6 294	4 586	8 940	9 227	6 099	1 464	–2 933	–1 513
Март	10 283	6 413	5 009	11 926	10 453	7 709	–1 643	–4 040	–2 700
Апрель	81 08	6 054	5 070	9 795	11 070	7 448	–1 687	–5 016	–2 378
Май	8 232	6 029	5 888	10 330	12 088	8 262	–2 098	–6 059	–2 374
Июнь	7 420	5 896	6 241	8 583	10 217	6 744	–1 163	–4 321	–503
Июль	8 517	6 912	7 687	8 398	10 507	6 335	119	–3 595	1 352
Август	8 279	6 641	9 058	7 024	11 072	5 964	1 255	–4 431	3 094
Сентябрь	8 090	5 660	8 493	5 528	7 724	5 064	2 562	–2 064	3 429
Октябрь	8 311	5 521	3 129	4 959	7 272	4 466	3 352	–1 751	4 663
Ноябрь	7 189	4 540	8 026	4 889	6 350	4 341	2 300	–1 810	3 685
Декабрь	7 100	4 897	8 432	5 498	7 043	5 370	1 602	–2 146	3 062
Год	102 936	70 712	82 942	93 965	110 072	74 664	8 971	–39 360	8 278

¹ Таблица составлена по: Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: сб. док. и мат-лов. Т. 1. С. 257–258.

Окончание табл. 3.10

Период	Количество рождений			Количество смертей			Прирост/убыль горожан		
	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
	На 1000 чел.								
Январь	54,9	23,5	20,7	40,4	28,3	26,4	14,5	-4,8	-5,7
Февраль	55,7	28,0	19,5	47,8	41,2	26,0	7,9	-13,2	-6,5
Март	51,2	25,9	19,3	59,5	42,1	29,9	-8,3	-16,2	-10,6
Апрель	41,7	25,2	19,5	50,5	46,1	28,7	-8,8	-20,9	-9,2
Май	41,2	24,3	21,8	51,6	48,7	30,6	-10,4	-24,4	-8,8
Июнь	38,3	24,6	24,6	44,3	42,6	26,5	-6,0	-18,0	-1,9
Июль	42,6	27,9	27,7	42,0	42,4	22,9	0,6	-14,5	4,8
Август	41,4	26,7	32,6	35,1	44,6	21,4	6,3	-17,9	11,2
Сентябрь	41,8	23,6	31,5	28,5	32,1	18,8	13,3	-8,5	12,7
Октябрь	41,6	22,2	32,8	24,8	29,3	16,0	16,8	-7,1	16,8
Ноябрь	37,1	18,9	29,8	25,3	26,4	16,1	11,8	-7,5	13,7
Декабрь	35,5	19,7	30,3	27,5	28,4	19,3	8,0	-8,7	11,0

Таблица 3.11¹

Смертность городского населения Свердловской и Челябинской областей по причинам смерти в 1933–1939 гг.

(на 1000 чел.)

Причина смерти горожан	Свердловская область					Челябинская область		
	1933 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Всего умерло горожан по области	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000
Болезни эндемич., эпидемич. и инфекц.	253,3	304,5	360,7	382,4	324,5	375,3	363,4	370,7
В том числе:								
• брюшной тиф и паратиф	9,7	7,0	4,8	5,1	4,7	5,6	5,2	5,4
• сыпной тиф	21,5	2,0	0,6	1,1	0,5	0,8	0,4	0,3
• натуральная оспа	2,5	0,1	0	0	0	0	0	0
• корь	57,0	51,1	106,7	134,1	68,9	121,7	104,8	133,5
• скарлатина	3,3	19,8	31,2	28,0	21,5	31,3	27,1	12,1
• коклюш	7,9	10,9	7,8	24,1	5,8	17,8	6,6	26,2
• дифтерия	10,3	11,5	8,9	11,2	15,2	11,9	21,7	19,0
• грипп	11,0	11,0	18,1	14,9	18,6	14,8	14,0	11,5
• дизентерия	17,2	27,4	47,9	26,3	31,7	28,1	20,5	29,9
• малярия	0,4	1,0	0,7	0,8	0,6	3,2	3,7	1,7
• туберкулез дыхательных органов	84,0	120,9	94,7	92,2	111,3	103,0	120,6	98,9
• туберкулез прочих органов	15,5	22,6	15,5	18,0	18,5	16,0	19,0	16,4
Общие болезни (кроме указанных выше)	37,1	37,0	27,3	21,7	30,1	23,8	30,8	30,3
В том числе: болезни от неполноты питания	19,1	5,4	2,5	н. св.	н. св.	0	0	0

¹ Таблица составлена и рассчитана по: ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 172. Л. 1-1 об.; Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 2 об.; Д. 99. Л. 1-1 об.; Д. 100. Л. 3-3 об.; Д. 101 Л. 4; ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 5. Д. 488. Л. 18-18 об.; Оп. 6. Д. 789. Л. 149-149 об.; Оп. 7. Д. 487. Л. 22-22 об.

рак и прочие злокачественные образования	11,1	21,7	20,1	20,1	28,0	22,7	29,2	28,4
Болезни нервной системы и органов чувств	21,9	48,9	28,8	28,2	33,0	29,6	34,3	34,0
В том числе: воспаление мозговых оболочек	10,1	18,8	21,1	н. св.				
Болезни органов кровообращения	92,2	57,7	53,4	62,7	72,2	54,8	67,8	61,2
В том числе: болезни сердца	81,9	54,9	45,6	51,3	60,6	43,8	54,3	47,5
Болезни органов дыхания	152,0	143,5	161,4	184,4	186,7	196,0	191,5	185,8
В том числе: бронхит	132,0	110,7	125,6	147,5	153,2	171,6	166,0	159,7
крупозная пневмония	12,4	21,8	27,6	28,7	24,7	16,6	15,3	16,6
Болезни органов пищеварения	176,2	173,6	180,6	163,2	175,4	173,5	156,7	167,5
В том числе: энтерит, колит	49,3	16,0	10,7	7,7	5,7	11,3	5,9	3,8
энтерит, диарея до 2 лет	109,0	135,6	154,2	141,3	153,8	146,4	133,2	148,4
Болезни беременных и осложнения родового акта	1,9	6,5	4,2	4,1	4,5	4,6	4,7	4,5
Болезни новорожденных	29,2	67,0	65,9	69,9	75,0	60,1	64,0	61,2
Болезни мочеполовых органов и их придатков невенерического происхождения	12,5	13,8	8,5	6,8	7,1	7,8	7,7	6,5
В том числе: нефрит	11,3	11,9	7,9	6,3	6,1	5,8	6,2	5,6
Болезни костной системы	0,5	0,8	0,1	0,1	0,1	0,2	0,3	0,3
Болезни кожных покровов	1,2	1,4	0,3	0,7	0,7	0,7	0,6	0,8
Старческая дряхлость	69,6	37,9	23,3	21,9	18,6	20,1	20,7	24,5
Смерть от внешних причин	39,3	57,4	48,8	44,3	49,2	45,3	47,9	43,5
В том числе: убийства	7,8	9,4	5,3	5,4	6,6	5,3	6,3	4,8
самоубийства	6,3	10,3	8,1	7,7	8,2	6,4	6,3	6,2
промышленные травмы	2,8	7,8	5,4	4,3	5,3	6,2	6,6	4,8
непромышленные травмы	22,4	29,9	30,0	26,9	29,1	27,4	28,7	27,7
Прочие причины	113,1	50,0	36,8	9,6	22,9	8,2	9,6	9,2

Таблица 3.12¹

Механическое движение населения Челябинска, Златоуста и Магнитогорска в 1929–1934 гг., чел.

Год	Челябинск			Златоуст			Магнитогорск		
	Прибыло	Убыло	Механич. прирост	Прибыло	Убыло	Механич. прирост/убыль	Прибыло	Убыло	Механич. прирост
1929	17 272	9 959	7 313	17 286	10 764	6 522	н.св.	н.св.	н.св.
1930	57 234	18 176	39 058	23 317	13 679	9 638	н. св.	н. св.	н. св.
1931	37 926	12 704	25 222	25 135	12 847	12 288	н. св.	н. св.	н. св.
1932	43 158	14 834	28 324	12 953	13 264	–311	40 179	5 358	34 821
1933	18 164	14 415	3 749	10 441	3 245	7 196	23 531*	7 768*	15 763*
1934	65 294	32 584	32 710	19 269	11 040	8 229	31 158	21 747	9 411

* Данные по Магнитогорску приведены за IV квартал 1933 г.

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 52; ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 4. Д. 1125. Л. 7–8; Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 108. Л. 2–2 об.; Д. 111. Л. 13–13 об., 15–15 об.; Оп. 2. Д. 49. Л. 28; Архив ЗГО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 2. Л. 48; Д. 4. Л. 3; Д. 74. Л. 2–3; МУ МГА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 13. Л. 68 об.; Д. 40. Л. 54; Д. 42. Л. 92.

Таблица 3.13¹

Источники миграций в города Урала в 1931–1934 гг., в %

Год	Откуда прибыли	Из Уральской области	Из других областей	В том числе:				
				Горьковский край	Башкирская АССР	Татарская АССР	Средне-Волжский край	Западно-Сибирский край
1931	Из города	17,1	10,6	1,6	0,4	0,6	0,6	1,0
	Из сельской местности	52,4	19,9	7,1	1,9	2,9	2,3	0,9
	Итого	69,5	30,5	8,7	2,3	3,5	2,9	1,9
1932	Из города	18,5	10,7	1,5	0,5	0,7	0,5	1,5
	Из сельской местности	55,5	15,3	3,7	2,0	3,2	1,9	0,6
	Итого	74,0	26,0	5,2	2,5	3,9	2,4	2,1
1933	Из города	23,6	14,5	1,4	0,9	0,7	1,1	0,8
	Из сельской местности	45,0	16,9	2,1	2,7	1,5	2,5	0,5
	Итого	68,6	31,4	3,5	3,6	2,2	3,6	1,3
1934	Из города	28,1	13,9	1,7	0,7	0,8	1,1	1,4
	Из сельской местности	39,4	18,6	5,0	2,3	1,7	3,6	0,7
	Итого	67,5	32,5	6,7	3,0	2,5	4,7	2,1

¹ Таблица составлена по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 34. Л. 24.

Таблица 3.14¹

Территориальные источники формирования населения Челябинска, Златоуста и Магнитогорска
в 1932–1933 гг.

Регион выхода	Челябинск				Златоуст		Магнитогорск	
	1932 г.		1933 г.		1933 г.		IV кв. 1933 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Всего прибыло в город	43158	100	18164	100	10441	100	23531	100
В том числе:								
Северный край	55	0,1	53	0,3	11	0,1	39	0,2
Карельская АССР	0	0	0	0	3	0,1	8	0,1
Ленинградская область	349	0,8	369	2,0	86	0,8	139	0,6
Западная область	184	0,4	42	0,2	31	0,3	357	1,5
Московская область	859	2,0	673	3,7	350	3,3	455	1,9
Ивановская область	121	0,3	72	0,4	35	0,3	109	0,5
Нижегородский край	882	2,1	282	1,5	117	1,1	250	1,1
Уральская область	31943	74,0	12056	66,4	4674	44,8	8893	37,8
Башкирская АССР	1022	2,4	722	4,0	2039	19,5	1581	6,7
Татарская АССР	547	1,3	122	0,8	100	1,0	171	0,7
Средне-Волжский край	1188	2,7	565	3,1	1002	9,6	2763	11,7
Центрально-Черноземная область	295	0,7	138	0,8	153	1,5	1716	7,3
Нижне-Волжский край	501	1,2	276	1,5	118	1,1	332	1,4

¹ Таблица составлена и рассчитана по: ОГАЧО. Ф. Р–1055. Оп. 1. Д. 108. Л. 18; Д. 111. Л. 48, 54; МКУ ГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 13. Л. 69.

Окончание табл. 3.14

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Северо-Кавказский край	244	0,6	250	1,4	96	0,9	185	0,8
Крымская АССР	14	0,1	22	0,1	23	0,2	41	0,2
Казакская АССР	1878	4,3	455	2,5	233	2,2	2595	11,0
Кара-Калпакская АССР	32	0,1	0	0	4	0,1	4	0,1
Киргизская АССР	156	0,4	27	0,1	13	0,1	49	0,2
Западно-Сибирский край	919	2,1	292	1,6	122	1,2	219	0,9
Восточная Сибирь	135	0,3	157	0,9	35	0,3	29	0,1
Дальневосточный край	175	0,4	173	1,0	51	0,5	45	0,2
РСФСР без указания районов	108	0,2	413	2,3	457	4,4	н. св.	н. св.
БССР	68	0,1	30	0,2	47	0,4	147	0,6
УССР	650	1,5	385	2,1	205	2,0	1222	5,2
ЗСФСР	430	1,0	43	0,2	21	0,2	94	0,4
Среднеазиатские республики	0	0	276	1,5	147	1,4	56	0,2
СССР без указания районов	211	0,5	156	0,8	110	1,1	н. св.	н. св.
Из-за границы	н. св.	н. св.	14	0,1	11	0,1	н. св.	н. св.
Неуказанная местность	192	0,4	101	0,5	146	1,4	н. св.	н. св.

Таблица 3.15¹

Территориальные источники формирования городского населения Свердловской и Челябинской областей
в 1935–1937 гг.

Район входа г.	Свердловская область						Челябинская область			
	1935 г.		1936 г.		1937 г.		1936 г.		1937	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Северо-Западный	5 341	1,7	4 075	1,3	4 290	1,2	2 197	0,9	3 009	1,2
В том числе: Ленинград	3 335	1,1	2 164	0,7	2 115	0,6	1 522	0,6	2 038	0,8
Центральный	12 433	3,9	9 795	3,0	10 947	3,0	9 613	4,1	13 623	5,4
В том числе: Москва	7 125	2,3	4 057	1,2	2 857	0,8	3 977	1,7	4 281	1,7
Поволжье	21 704	6,9	23 293	7,2	29 791	8,3	16 556	7,1	11 193	4,4
В том числе: Татарская АССР	7 837	2,5	8 257	2,5	16 792	4,7	2 419	1,0	3 869	1,5
Кировский край	15 974	5,1	21 213	6,5	31 765	8,8	2 814	1,2	3 803	1,5
Предкавказье, Северный Кавказ и Крым	2 018	0,6	2 283	0,7	1 931	0,5	1 356	0,6	1 672	0,7
Сибирь	9 664	3,1	10 442	3,2	13 670	3,8	7 530	3,2	11 195	4,4
В том числе: Западная	7 886	2,5	8 359	2,6	10 788	3,0	6 392	2,7	9 052	3,6
Восточная	1 685	0,5	1 973	0,6	2 755	0,8	1 096	0,5	2 030	0,8
Якутская АССР	93	0,1	110	0,0	127	0,0	42	0,0	113	0,0
Дальний Восток	1 820	0,6	2 309	0,7	3 453	1,0	1392	0,6	2 517	1,0

¹ Таблица составлена и рассчитана по: ГАСО. Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 17–18, 26; Д. 99. Л. 2–3, 5; Д. 100. Л. 13 об.; ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 4. Д. 1119. Л. 3, 6, 18, 28, 63; Оп. 5. Д. 496. Л. 1 об.

Окончание табл. 3.15

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Урал	181 173	57,4	196 205	60,3	240 589	67,0	122 505	52,5	165 527	65,7
В том числе: Башкирская АССР	3 921	1,2	7 643	2,4	6 802	1,9	13 016	5,6	16 349	6,5
Свердловская обл.	155 758	49,4	164 661	50,6	212 917	59,3	12 470	5,3	21 680	8,6
Челябинская обл.	20 934	6,6	23 080	7,1	19 614	5,5	94 360	40,4	123 894	49,2
Оренбургская обл.	560	0,2	821	0,2	1 256	0,3	2 659	1,2	3 604	1,4
УССР	3 668	1,2	3 279	1,0	3 676	1,0	3 821	1,6	3 757	1,5
БССР	982	0,3	915	0,3	1 047	0,3	490	0,2	629	0,3
Закавказье	345	0,1	463	0,1	519	0,1	214	0,1	417	0,2
Казахстан	1 150	0,4	1 498	0,4	2 277	0,6	4 460	1,9	5 855	2,3
Средняя Азия и Киргизия	531	0,2	586	0,2	1 083	0,3	882	0,4	2 325	0,9
Прочие районы СССР и без указания района выхода	58 678	18,5	48 679	15,0	14 190	4,0	59 359	25,4	26 165	10,4
Из-за границы	35	0,0	131	0,1	66	0,1	489	0,2	112	0,1
Всего прибыло	315 516	100	325 166	100	359 294	100	233 678	100	251 799	100

Таблица 3.16¹

Социальный состав самостоятельного городского населения Урала по переписям 1920, 1923 и 1926 гг.

Социальные группы населения	Перепись 1920 г.			Перепись 1923 г.			Перепись 1926 г.		
	Всего	В том числе:		Всего	В том числе:		Всего	В том числе:	
		Муж.	Жен.		Муж.	Жен.		Муж.	Жен.
Всего самостоятельного населения	496831	295831	201000	434762	303026	131736	593610	404573	189037
Рабочие	175975	129619	46356	152193	126442	25751	208889	179301	29588
Прислуга	18788	4837	13951	16205	4170	12035	16118	18	16100
Служащие	124262	73549	50713	96354	67641	28713	131064	85608	45456
Лица свободных профессий	2223	858	1365	1524	1134	390	1724	1355	369
Всего хозяев, из них:	41371	29238	12133	55360	44380	10980	68085	55242	12843
• хозяева с наемными рабочими	1619	н. св.	н. св.	1321	1075	246	2640	2278	362
• хозяева, работающие только с членами семьи, или товарищества				15341	12707	2634	25086*	21815	3271
• хозяева-одиночки				38698	30598	8100	40359	31149	9210
Помогающие члены семьи	41981	10886	31095	18220	9187	9033	44142	15847	28295
Рентьеры	10537	2605	7932	8649	2702	5947	10783	2536	8247
Деклассированное население	439	117	322	3604	1047	2557	2415	691	1724
Иждивенцы	56099	23185	32914	35024	20432	14592	68364	37138	31226
Безработные				33965	19009	14956	31757	18287	13470
Военнослужащие							7392	7392	0
Прочие	25156	20937	4219	13664	6882	6782	2877	1158	1719

* – Во время переписи населения 1926 г. социальная группа называлась «хозяева, работающие только с членами семьи, и члены артели».

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. С. 36, 39–40; Тр. ЦСУ СССР. Т. XX. Ч. II. Вып. 1. С. 160, 162–163, 165–167, 285, 288–289, 291–293, 411, 414, 417–419; Вып. 3. С. 270–278; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. С. 120, 239, 245.

Таблица 3.17¹

Социальный состав населения городских поселений разного типа уральских губерний
(по данным Всесоюзной городской переписи 1923 г.)

Социальные группы	Губернский город		Прочие города		Поселки городского типа		Итого	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Екатеринбургская губерния								
Всего самостоятельного населения	44096	100	56353	100	87016	100	187465	100
Рабочие	11591	26,3	17139	30,4	44152	50,7	72882	38,9
Прислуга	3529	8,0	2048	3,6	2291	2,6	7868	4,2
Служащие	14476	32,8	12747	22,6	12333	14,2	39556	21,1
Лица свободных профессий	273	0,6	271	0,5	231	0,3	775	0,4
Хозяева с наемными рабочими	128	0,3	207	0,4	420	0,5	749	0,4
Хозяева, работающие только с членами семьи, или товарищества	380	0,9	1616	2,9	4700	5,4	6696	3,6
Хозяева-одиночки	3477	7,9	8281	14,7	9813	11,3	21571	11,5
Помогающие члены семьи	769	1,7	3608	6,4	4597	5,3	8974	4,8
Рентьеры	522	1,2	771	1,4	544	0,6	1837	1,0
Деклассированное население	168	0,4	504	0,9	873	1,0	1825	0,9
Иждивенцы	5219	11,8	3818	6,8	2483	2,8	11520	6,1
Безработные	2801	6,4	4556	8,0	3444	4,0	10806	5,8
Прочие	763	1,7	787	1,4	1135	1,3	2406	1,3

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Тр. ЦСУ СССР. Т. XX. Ч. II. Вып. 1. С. 160, 162–163, 165–167, 285, 288–289, 291–293, 411, 414, 417–419; Вып. 3. С. 270–278.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Пермская губерния								
Всего самодеятельного населения	32385	100	25080	100	58627	100	116092	100
Рабочие	7537	23,3	6313	25,2	25585	43,6	39435	34,1
Прислуга	1377	4,2	1024	4,1	1591	2,7	3992	3,4
Служащие	9588	29,6	6394	25,5	10963	18,7	26945	23,2
Лица свободных профессий	112	0,3	106	0,4	137	0,2	355	0,3
Хозяева с наемными рабочими	74	0,2	30	0,1	105	0,2	209	0,2
Хозяева, работающие только с членами семьи, или товарищества	481	1,5	900	3,6	2588	4,4	3969	3,4
Хозяева-одиночки	1878	5,8	2288	9,1	2899	5,0	7065	6,1
Помогающие члены семьи	251	0,8	667	2,6	2221	3,8	3139	2,7
Рентьеры	346	1,1	474	1,9	1287	2,2	2107	1,8
Деклассированное население	103	0,3	169	0,7	294	0,5	566	0,5
Иждивенцы	4945	15,3	3006	12,0	5411	9,2	13362	11,5
Безработные	3847	11,9	2893	11,5	4334	7,4	11074	9,5
Прочие	1846	5,7	816	3,3	1212	2,1	3874	3,3
Челябинская губерния								
Всего самодеятельного населения	21822	100	39857	100	28886	100	90565	100
Рабочие	4566	20,9	11464	28,8	14696	50,9	30726	33,9
Прислуга	856	3,9	1351	3,4	731	2,5	2938	3,2
Служащие	6354	29,1	8154	20,5	4854	16,8	19362	21,4
Лица свободных профессий	60	0,3	143	0,3	39	0,1	242	0,3
Хозяева с наемными рабочими	44	0,2	118	0,3	73	0,3	235	0,3
Хозяева, работающие только с членами семьи, или товарищества	290	1,3	1150	2,9	910	3,2	2350	2,6

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Хозяева-одиночки	1644	7,5	3611	9,1	1582	5,5	6837	7,5
Помогающие члены семьи	568	2,6	1597	4,0	1244	4,3	3409	3,8
Рентьеры	895	4,1	2163	5,4	1390	4,8	4448	4,9
Деклассированное население	302	1,4	414	1,0	254	0,9	970	1,1
Иждивенцы	2261	10,4	3420	8,6	677	2,3	6358	7,0
Безработные	2901	13,3	3919	9,8	1848	6,4	8668	9,6
Прочие	1081	5,0	2353	5,9	588	2,0	4022	4,4
Тюменская губерния								
Всего самодеятельного населения	19316	100	16706	100	4618	100	40640	100
Рабочие	4673	24,2	3449	20,6	1028	22,3	9150	22,5
Прислуга	756	3,9	569	3,4	82	1,8	1407	3,5
Служащие	5400	28,0	4446	26,6	645	14,0	10491	25,8
Лица свободных профессий	65	0,3	81	0,5	6	0,1	152	0,4
Хозяева с наемными рабочими	41	0,2	69	0,4	18	0,4	128	0,3
Хозяева, работающие только с членами семьи, или товарищества	660	3,4	831	5,0	835	18,1	2326	5,7
Хозяева-одиночки	1524	7,9	1382	8,3	319	6,9	3225	8,0
Помогающие члены семьи	382	2,0	1016	6,1	1300	28,1	2698	6,6
Рентьеры	173	0,9	79	0,5	5	0,1	257	0,6
Деклассированное население	113	0,6	115	0,7	15	0,3	243	0,6
Иждивенцы	1838	9,5	1889	11,3	57	1,2	3784	9,3
Безработные	1806	9,3	1492	8,9	119	2,6	3417	8,4
Прочие	1885	9,8	1288	7,7	189	4,1	3362	8,3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Урал								
Всего самодеятельного населения	117619	100	137996	100	179147	100	434762	100
Рабочие	28367	24,1	38365	27,8	85461	47,7	152193	35,0
Прислуга	6518	5,5	4992	3,6	4695	2,6	16205	3,7
Служащие	35818	30,5	31741	23,0	28795	16,1	96354	22,2
Лица свободных профессий	510	0,4	601	0,4	413	0,2	1524	0,4
Хозяева с наемными рабочими	287	0,2	424	0,3	616	0,3	1321	0,3
Хозяева, работающие только с членами семьи, или товарищества	1811	1,5	4497	3,3	9033	5,2	15341	3,5
Хозяева-одиночки	8523	7,2	15562	11,3	14613	8,2	38698	8,9
Помогающие члены семьи	1970	1,7	6888	5,0	9362	5,2	18220	4,2
Рентьеры	1936	1,7	3487	2,5	3226	1,8	8649	2,0
Деклассированное население	686	0,6	1202	0,9	1436	0,8	3604	0,8
Иждивенцы	14263	12,1	12133	8,8	8628	4,8	35024	8,1
Безработные	11355	9,7	12860	9,3	9745	5,4	33965	7,8
Прочие	5575	4,8	5244	3,8	3124	1,7	13664	3,1

Таблица 3.18¹

Распределение рабочих в городских поселениях Урала по основным группам занятий
(по данным переписей 1920, 1923 и 1926 гг.)

Группы занятий	1920 г.			1923 г.			1926 г.		
	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.
Всего рабочих	<u>175975*</u>	<u>129919</u>	<u>46356</u>	<u>152193</u>	<u>126443</u>	<u>25750</u>	<u>208889</u>	<u>179301</u>	<u>29588</u>
	100	100	100	<u>100</u>	100	100	100	100	100
В том числе:									
сельскохозяйственные	<u>5093</u>	<u>3564</u>	<u>1529</u>	<u>3711</u>	<u>3037</u>	<u>674</u>	<u>4408</u>	<u>3813</u>	<u>595</u>
рабочие	2,9	2,7	3,3	2,4	2,4	2,6	2,1	2,1	2,0
горнорабочие	<u>3413</u>	<u>2935</u>	<u>478</u>	<u>8180</u>	<u>7348</u>	<u>832</u>	<u>10551</u>	<u>9357</u>	<u>1194</u>
	1,9	2,3	1,0	5,4	5,8	3,2	5,1	5,2	4,0
металлисты	<u>36715</u>	<u>33469</u>	<u>3246</u>	<u>31153</u>	<u>30569</u>	<u>584</u>	<u>57367</u>	<u>53972</u>	<u>3395</u>
	20,9	25,8	7,0	20,5	24,2	2,3	27,5	30,1	11,5
деревообделочники	<u>4941</u>	<u>4658</u>	<u>283</u>	<u>4056</u>	<u>3833</u>	<u>223</u>	<u>4897</u>	<u>4589</u>	<u>308</u>
	2,8	3,6	0,6	2,7	3,0	0,9	2,3	2,5	1,0
писчебумажники	<u>69</u>	<u>23</u>	<u>46</u>	<u>156</u>	<u>62</u>	<u>94</u>	<u>248</u>	<u>104</u>	<u>144</u>
	0,0	0,0	0,1	0,1	0,0	0,4	0,1	0,1	0,5
печатники	<u>2170</u>	<u>1319</u>	<u>851</u>	<u>1110</u>	<u>839</u>	<u>280</u>	<u>1583</u>	<u>1223</u>	<u>360</u>
	1,2	1,0	1,8	0,7	0,7	1,1	0,8	0,7	1,2
текстильщики	<u>3825</u>	<u>1207</u>	<u>2618</u>	<u>2405</u>	<u>733</u>	<u>1672</u>	<u>3316</u>	<u>1287</u>	<u>2029</u>
	2,2	0,9	5,6	1,6	0,6	6,5	1,6	0,7	6,9
швейники	<u>7505</u>	<u>1540</u>	<u>5965</u>	<u>1113</u>	<u>468</u>	<u>645</u>	<u>1285</u>	<u>513</u>	<u>772</u>
	4,3	1,2	12,9	0,7	0,4	2,5	0,6	0,3	2,6

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. С. 37, 46; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. С. 226–232.

кожевники	<u>10337</u>	<u>8439</u>	<u>1898</u>	<u>4706</u>	<u>4269</u>	<u>437</u>	<u>4122</u>	<u>3485</u>	<u>637</u>
	5,9	6,5	4,1	3,1	3,4	1,7	2,0	1,9	2,1
пищевики	<u>3002</u>	<u>2245</u>	<u>757</u>	<u>1999</u>	<u>1746</u>	<u>253</u>	<u>3124</u>	<u>2560</u>	<u>564</u>
	1,7	1,7	1,6	1,3	1,4	1,0	1,5	1,4	1,9
химики	<u>1172</u>	<u>997</u>	<u>175</u>	<u>826</u>	<u>687</u>	<u>139</u>	<u>1246</u>	<u>902</u>	<u>344</u>
	0,7	0,8	0,4	0,5	0,5	0,5	0,6	0,5	1,2
минеральщики	<u>803</u>	<u>481</u>	<u>322</u>	<u>812</u>	<u>524</u>	<u>288</u>	<u>1843</u>	<u>1210</u>	<u>633</u>
	0,4	0,4	0,7	0,5	0,4	1,1	0,9	0,8	2,1
строители	<u>9969</u>	<u>9851</u>	<u>118</u>	<u>7707</u>	<u>7633</u>	<u>74</u>	<u>12837</u>	<u>12686</u>	<u>151</u>
	5,7	7,6	0,3	5,1	6,0	0,3	6,1	7,1	0,5
железнодорожники	<u>11578</u>	<u>10314</u>	<u>1264</u>	<u>9362</u>	<u>8764</u>	<u>598</u>	<u>14123</u>	<u>13543</u>	<u>580</u>
	6,6	8,0	2,7	6,2	6,9	2,3	6,7	7,5	2,0
трамвайники	0	0	0	<u>15</u>	<u>2</u>	<u>13</u>	0	0	0
				0,0	0,0	0,1			
водники	<u>555</u>	<u>526</u>	<u>29</u>	<u>937</u>	<u>913</u>	<u>24</u>	<u>526</u>	<u>515</u>	<u>11</u>
	0,3	0,4	0,1	0,6	0,7	0,1	0,2	0,3	0,0
местнотранспортники	<u>11742</u>	<u>10408</u>	<u>1334</u>	<u>14192</u>	<u>12966</u>	<u>1226</u>	<u>24141</u>	<u>21992</u>	<u>2149</u>
	<u>6,7</u>	8,0	2,9	9,3	10,3	4,8	11,6	<u>12,3</u>	7,3
рабочие силовых установок	<u>5474</u>	<u>5264</u>	<u>210</u>	<u>5605</u>	<u>5455</u>	<u>150</u>	<u>10225</u>	<u>9878</u>	<u>347</u>
	3,1	4,1	0,5	3,7	4,3	0,6	4,9	5,5	1,2
прочие рабочие	<u>57612</u>	<u>32379</u>	<u>25233</u>	<u>54139</u>	<u>36595</u>	<u>17544</u>	<u>53046</u>	<u>37671</u>	<u>15375</u>
	32,7	25,0	54,4	35,6	29,0	68,0	25,4	21,0	52,0

* В числителе – чел., знаменателе – %.

Таблица 3.19¹

Распределение служащих в городских поселениях Урала по основным группам занятий и главнейшим отраслям труда
(по данным переписей населения 1920, 1923 и 1926 гг.)

Группы занятий	1920 г.			1923 г.			1926 г.		
	Всего	В том числе:		Всего	В том числе:		Всего	В том числе:	
		муж.	жен.		муж.	жен.		муж.	жен.
Всего служащих	<u>124262*</u> 100	<u>73549</u> 100	<u>50713</u> 100	<u>96354</u> 100	<u>67641</u> 100	<u>28713</u> 100	<u>103262¹</u> 100	<u>73194</u> 100	<u>30068</u> 100
В том числе:									
– администрация и суд	<u>9018</u> 7,2	<u>8039</u> 10,9	<u>979</u> 1,9	<u>9073</u> 9,4	<u>8419</u> 12,4	<u>654</u> 2,3	<u>11110²</u> 10,8	<u>10158</u> 13,9	<u>952</u> 3,2
– технический персонал	<u>7545</u> 6,1	<u>7034</u> 9,6	<u>511</u> 1,0	<u>7605</u> 7,9	<u>7333</u> 10,8	<u>272</u> 1,0	<u>11021</u> 10,7	<u>10670</u> 14,6	<u>351</u> 1,2
– торговые служащие и хозяйственно-распределительный персонал	<u>10778</u> 8,7	<u>8761</u> 11,9	<u>2017</u> 4,0	<u>10898</u> 11,3	<u>9877</u> 14,6	<u>1021</u> 3,6	<u>15925³</u> 15,4	<u>14010</u> 19,1	<u>1915</u> 6,4
– учетно-контрольный персонал	<u>13985</u> 11,3	<u>9560</u> 13,0	<u>4425</u> 8,7	<u>14931</u> 15,5	<u>12046</u> 17,8	<u>2885</u> 10,0	<u>27094</u> 26,2	<u>20648</u> 28,2	<u>6446</u> 21,4
– делопроизводственный персонал	<u>28300</u> 22,8	<u>12196</u> 16,6	<u>16104</u> 31,8	<u>15503</u> 16,1	<u>8562</u> 12,7	<u>6941</u> 24,2	<u>10863</u> 10,5	<u>5153</u> 7,0	<u>5710</u> 19,0
– медико-санитарный персонал	<u>10578⁴</u> 8,5	<u>2670</u> 3,6	<u>7908</u> 15,6	<u>6577</u> 6,8	<u>2058</u> 3,1	<u>4519</u> 15,7	<u>8890</u> 8,6	<u>2231</u> 3,0	<u>6659</u> 22,1

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. С. 38; Труды ЦСУ. Том. XX. Ч. II. Вып. 1. С. 163–164, 289–290, 415–417; Вып. 3. С. 274–276; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. С. 232–239.

– культурно-просветительный персонал	<u>11472</u> 9,2	<u>3235</u> 4,4	<u>8237</u> 16,3	<u>8434</u> 8,7	<u>2639</u> 3,9	<u>5795</u> 20,2	<u>9231</u> 8,9	<u>2946</u> 4,0	<u>6285</u> 20,9
– служащие по охране безопасности	<u>22091</u> 17,8	<u>15473</u> 21,0	<u>6618</u> 13,0	<u>17787</u> 18,5	<u>13126</u> 19,4	<u>4661</u> 16,2	<u>5157⁵</u> 5,0	<u>5088</u> 7,0	<u>69</u> 0,2
– служащие народной связи	<u>5151</u> 4,1	<u>2902</u> 4,0	<u>2248</u> 4,4	<u>3259</u> 3,4	<u>1826</u> 2,7	<u>1433</u> 5,0	<u>2165⁶</u> 2,1	<u>923</u> 1,3	<u>1242</u> 4,1
– прочие служащие	<u>5345</u> 4,3	<u>3679</u> 5,0	<u>1666</u> 3,3	<u>2287</u> 2,4	<u>1755</u> 2,6	<u>532</u> 1,8	<u>1806</u> 1,8	<u>1367</u> 1,9	<u>439</u> 1,5

* В числителе – чел., знаменателе – %.

¹ – Из состава служащих исключены «Младший обслуживающий персонал и работники гигиены» и «Личная прислуга», которые в период переписей 1920 и 1923 гг. составляли самостоятельную социальную группу «Прислуга».

² – В 1926 г. группа называлась «Руководящий персонал» и была отделена от группы «Юридический персонал».

³ – В 1926 г. группа называлась «Хозяйственный персонал», для торговли и кредита – «Торговый и хозяйственный персонал».

⁴ – В 1920 и 1923 гг. группа называлась «Медики и санитары».

⁵ – В 1926 г. группа называлась «Охрана безопасности».

⁶ – В 1926 г. группа называлась «Работники связи».

Таблица 3.20¹

Зависимость удельного веса социальных групп горожан от численности населения городских поселений Уральской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.)

Социальные группы	На 1000 чел. всего городского учтенного в данной группе городских поселений населения приходилось в соответствующей социальной группе в городских поселениях с численностью населения в:								
	100 000 и выше чел.	99 999–50 000 чел.	49 999–20000 чел.	19 999–10 000 чел.	9999–5000 чел.	4999–2000 чел.	1999–1000 чел.	999–500 чел.	Все городские поселения, чел.
Рабочие	351	365	499	460	510	507	514	565	459
Служащие	306	236	214	181	137	143	170	148	200
Младший обслуживающий персонал	91	84	64	62	52	56	65	66	67
Личная прислуга	22	13	12	10	8	9	9	7	12
Хозяева:									
• с наемным трудом	7	9	5	7	9	7	14	9	7
• с помогающими членами семьи	28	53	38	90	115	136	104	122	78
• одиночки	80	114	89	110	106	81	67	39	95
Безработные	48	65	34	32	20	18	18	13	33
Прочие	67	61	45	48	43	43	39	31	49
Итого:	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000

¹ Таблица составлена по: Лебедев Ф.Н. Семья и социальный состав уральского города. С. 11.

Таблица 3.21¹

Распределение имевших занятие горожан Пермской, Свердловской и Челябинской областей по отраслям народного хозяйства (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.), в %

Отрасли народного хозяйства	Пермская область			Свердловская область			Челябинская область		
	Всего	В том числе:		Всего	В том числе:		Всего	В том числе:	
		муж.	жен.		муж.	жен.		муж.	жен.
Промышленность	50,6	52,2	48,3	46,7	49,7	42,2	46,0	48,8	40,8
Сельское хозяйство	2,8	2,8	2,5	3,4	3,5	3,4	4,2	4,4	3,8
Лесное хозяйство	5,4	7,5	2,4	4,7	6,3	2,2	2,1	2,8	0,8
Строительство	7,7	10,1	4,3	8,9	11,1	5,4	9,3	11,5	5,3
Транспорт и связь	6,3	7,2	5,1	6,9	7,5	6,0	9,7	10,9	7,7
Торговля, заготовки и общественное питание	7,2	5,7	9,6	8,4	6,4	11,3	8,8	6,9	12,2
Жилищно-коммунальное хозяйство	2,9	2,2	4,0	2,7	2,0	3,7	2,7	2,0	4,0
Просвещение, наука, искусство, печать	5,6	3,3	8,8	6,2	3,8	9,8	5,5	3,2	9,7
Здравоохранение	4,3	1,3	8,6	4,4	1,4	9,0	4,1	1,3	9,2
Государственные учреждения, партийные и общественные организации	3,6	3,9	3,1	4,1	4,3	3,9	4,2	4,3	4,0
Нераспределенные по отраслям народного хозяйства	3,6	3,8	3,3	3,6	4,0	3,1	3,4	3,9	2,5
Всего имеющих занятие	100	100	100	100	100	100	100	100	100

¹ Таблица составлена по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 144, 249, 302.

Таблица 3.22¹

Распределение городского населения Пермской, Свердловской и Челябинской областей по занятиям
(по итогам Всесоюзной переписи населения 1939 г.), чел.

Занятия, общественные группы	Пермская область			Свердловская область			Челябинская область		
	Всего	В том числе:		Всего	В том числе:		Всего	В том числе:	
		муж.	жен.		муж.	жен.		муж.	жен.
Руководители партийных организаций, государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий	12344	10504	1840	23325	19450	3875	16116	13854	2262
Технический персонал	21468	16834	4634	36720	28384	8336	24356	19478	4878
Медицинские работники	10646	806	9840	17721	1162	16559	12440	930	11510
Культурно-политико-просветительный персонал	10766	3247	7519	19887	6010	13877	13727	4324	9403
Работники искусства	1156	840	316	2324	1652	672	1586	1180	406
Юридический персонал	325	292	33	704	594	110	468	424	44
Работники связи	2658	352	2306	5450	752	4698	3814	615	3199
Работники торговли, заготовок и складского хозяйства	8393	3517	4876	17206	7409	9797	11859	5461	6398
Планово-контрольный персонал	4423	2893	1530	7732	5049	2683	5700	3997	1703
Работники учета	19072	7612	11460	35410	13757	21653	25590	11028	14562
Делопроизводственный персонал	4227	525	3702	8143	620	7523	5521	750	4771
Прочие занятия служащих	12921	8699	4222	21874	15703	6171	15545	11352	4193
Сельскохозяйственные занятия	8408	5098	3310	18101	10988	7113	15016	10465	4551

¹ Таблица составлена по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 145–159, 249–263, 304–317.

Занятия по охране и восстановлению леса	394	386	8	702	686	16	376	361	15
Занятия на лесозаготовках и лесосплаве	8408	6718	1690	10393	7802	2591	3794	3340	454
Занятия в рыболовстве и рыбоводстве	33	22	11	137	134	3	231	217	14
Занятия в охоте и звероводстве	114	110	4	354	345	9	331	328	3
Занятия горняков (кроме транспортных)	7456	6532	924	16782	12835	3947	11145	8974	2171
Занятия металлистов	68747	53159	15588	98597	83044	15553	82506	68817	13689
Занятия деревообделочников	6351	5083	1268	12203	9855	2348	7200	6451	749
Занятия бумажников	1630	643	987	406	213	193	4	2	2
Занятия полиграфистов	1339	515	824	2048	640	1408	1140	418	722
Занятия текстильщиков	661	146	515	2981	919	2062	1755	858	897
Занятия швейников	4058	654	3404	7332	976	6356	4742	993	3749
Занятия кожевников	978	783	195	1262	897	365	1272	828	444
Занятия обувщиков	3164	1980	1184	5110	3365	1745	2506	2304	202
Занятия пищевиков	3615	1122	2493	7096	2130	4966	6059	2496	3563
Занятия химиков	2662	1569	1093	2624	1769	855	1241	979	262
Занятия минеральщиков	1256	455	801	3198	1179	2019	2809	1176	1633
Занятия на силовых установках и подъемных механизмах	10179	5668	4511	17811	10451	7360	12649	8294	4355
Занятия строителей	19540	16787	2753	34526	29942	4584	26175	23077	3098
Транспортники	40481	32001	8480	81079	66973	14106	65952	56376	9576
Занятия в общественном питании	4545	460	4085	7763	592	7171	5556	529	5027
Прочие занятия рабочих	51150	10930	40220	4739	2146	2593	60117	17981	42136
Итого:	353568	206942	146626	531740	348423	183317	449298	288657	160641

Таблица 3.23¹

Этнический состав городских поселений отдельных округов Уральской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.)

Территория	Всего городского населения	В том числе:								
		русские	татары	пермяки	башкиры	украинцы	белорусы	евреи	прочие	иностранцы
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Чел.									
Уральская область	1407074	1327275	45967	1178	954	3523	1527	12275	13226	1097
Верхнекамский округ	66976	60900	4494	682					888	12
Златоустовский округ	141906	136333	3627		124	286			1494	44
Ирбитский округ	22985	21503	772			52	68		580	10
Ишимский округ	24844	22743	323			607	78		1065	28
Кунгурский округ	40982	39579	788		22				583	10
Курганский округ	34406	32480	941			79			843	63
Пермский округ	222867	209496	7245	455	81		208	3074	2151	157
Сарапульский округ	57219	55323	1227		28				612	29
Свердловский округ	347816	334694	5239		100			4066	3388	329
Тагильский округ	208029	200649	5538			164	172		1438	68
Тобольский округ	21169	18691	817					767	862	32
Троицкий округ	43967	33378	8859			608			1083	39
Тюменский округ	67357	63082	2081				116		1935	143
Челябинский округ	72064	65072	3709		234	394	186		2397	72
Шадринский округ	34487	33352	307						767	61

¹ Таблица составлена и рассчитана по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IX. С. 68–69.

Продолжение табл. 3.23

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	%									
Уральская область	100	94,3	3,3	0,1	0,1	0,2	0,1	0,9	0,9	0,1
Верхнекамский округ	100	90,9	6,7	1,0					1,3	0,1
Златоустовский округ	100	96,1	2,6		0,1	0,2			1,0	0
Ирбитский округ	100	93,6	3,5			0,2	0,3		2,3	0,1
Ишимский округ	100	91,5	1,3			2,4	0,3		4,4	0,1
Кунгурский округ	100	96,6	1,9		0,1				1,4	0
Курганский округ	100	94,4	2,7			0,2			2,5	0,2
Пермский округ	100	94,0	3,2	0,2	0		0,1	1,4	1,0	0,1
Сарапульский округ	100	96,7	2,1		0,05				1,1	0,05
Свердловский округ	100	96,2	1,5		0			1,2	1,0	0,1
Тагильский округ	100	96,5	2,7			0,1	0,1		0,6	0
Тобольский округ	100	88,3	3,9					3,6	4,1	0,1
Троицкий округ	100	76,0	20,2			1,2			2,5	0,1
Тюменский округ	100	93,6	3,1				0,2		2,9	0,2
Челябинский округ	100	90,3	5,2		0,3	0,5	0,3		3,3	0,1
Шадринский округ	100	96,7	0,9						2,2	0,2